

М.А. Алпатов

**РУССКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ
И
ЗАПАДНАЯ
ЕВРОПА**

XVII*
первая четверть
XVIII века

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории СССР

М. А. Алпатов

**РУССКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ**

**И
ЗАПАДНАЯ
ЕВРОПА**

XVII*
первая четверть
XVIII века

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1976

М. А. Алпатов. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII — первая четверть XVIII века).

Монография является хронологическим продолжением труда того же автора и под тем же названием (издательство «Наука», М., 1973), но посвященного более раннему периоду. В центре внимания автора находится многоплановый вопрос о том, какие представления существовали в XVII — первой четверти XVIII века у людей Запада о России и у русских людей того времени о странах Запада. Составной частью этих представлений было выяснение места России во всемирно-историческом процессе. В книге анализируются сказания иностранцев о России периода Крестьянской войны и иностранной интервенции начала XVII века, свидетельства иностранцев о восточной Степана Разина, общие описания путешествий в Россию. Особое место занимают сочинения иностранцев о России при Петре I. Автор рассматривает накопление знаний о Западной Европе в годы петровских преобразований, записки русских дипломатов и путешественников П. А. Толстого, Б. П. Шереметева, А. А. Матвеева, Б. И. Куракина, свидетельства первой русской газеты — петровских «Ведомостей». Автор останавливается на исторических теориях в трудах первых русских историков П. П. Шафирова, Ф. Прокоповича, А. И. Лызлова и других. Далее рассказывается о перерастании русских исторических знаний в историческую науку в трудах В. Н. Татищева. Завершается книга главой, в которой излагаются взгляды некоторых современных нам историков на Западе по проблемам данного исследования.

Книга представит интерес для всех, интересующихся историей культурных связей Западной Европы и России XVII—XVIII веков.

Ответственный редактор

академик

Л. В. ЧЕРЕПНИН

ВВЕДЕНИЕ

Книга эта является продолжением уже вышедшего в 1973 г. исследования «Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв.». Речь идет не только о хронологическом продолжении. Оба эти труда посвящены одной и той же проблеме — становлению исторической науки в России. Автор исходит из положения, что историческая *наука* рождается в тот момент, когда освободившаяся от провиденциализма историческая *теория* соединяется со знанием исторических *фактов*. В России свидетельством такого слияния явилась «История Российская» В. Н. Татищева. Поэтому наши две книги под одним и тем же названием, посвященные последовательным хронологическим периодам, фактически представляют два тома одного и того же труда. Данная книга имеет ту же специфику, что и книга предыдущая. Речь пойдет лишь о той стороне русских исторических знаний, которая была обращена в сторону Западной Европы. С другой стороны, речь пойдет о том, что знали на Западе о России.

Петровское время в России, как известно, было крупным шагом вперед в сближении с Западной Европой. Сформировавшееся в XVII в. *западничество* как общественное и политическое течение теперь было возведено в ранг государственной политики. И сам Петр I, и его дипломаты — особенно А. А. Матвеев и Б. И. Куракин, — и петровские «Ведомости» и петровская публицистика, и более частые поездки русских людей в Западную Европу, и усилившийся приток иностранцев в Россию, — не говоря уж о таком крупном явлении петровской поры, как Северная война — усилили процесс накопления *знаний* о Западе.

С другой стороны, петровское время — это время появления в России новых исторических теорий. Можно указать на теорию Феофана Прокоповича, теорию Гавриила Бужинского. Но наиболее характерными для петровской полосы были теория исторического круговорота, которую исповедывал сам Петр I, — заимствовавший ее у Лейбница, — и модернизированная теория четырех всемирных монархий Дмитрия Кантемира. Это было развитием традиции, возникшей еще в допетровскую эпоху. Уже концепция «Сказания о князьях Владимирских», «Русской исторической энциклопедии», концепции таких произведений как «Учение ис-

торическое», «Первоначальное о вещах искусство», о которых шла речь в предшествующей книге, явно повернуты лицом к Западу. Концепции петровских лет были окончательной победой западной ориентации русской исторической мысли.

Следует при этом обратить внимание на одно важное явление — в исторических концепциях петровского времени начисто отсутствует сказ о призвании варягов. Это тем более примечательно, если вспомнить о всех превратностях судьбы Рюрика в истории русской исторической мысли предшествующих столетий. Сказ этот, как известно, возник в Киевской Руси. Рюрик выступает в нем несомненным скандинавом, и служит он славе и величию Руси. Это выражалось в его двуединой ипостаси, которой наделили его летописцы. Во времена первых летописцев Русь распадалась, древние русские грамотеи ратовали за единство Киевского государства, а Рюрик был символом этого единства. Русь вела борьбу с Византией за независимость, а скандинавское происхождение Рюрика играло антивизантийскую роль, помогало борьбе за независимость.

В период феодальной раздробленности, как и в начальный период формирования Московского государства, Русь боролась за византийское наследство, была повернута лицом на юг. Легенда о призвании варягов переписывалась из летописи в летописи, но она теперь не играла никакой политической роли. Теории «Москва — третий Рим», «Повесть о новгородском белом клобуке», «Сказание о Вавилоне-граде» связывают Русь с Константинополем, о Рюрике не вспоминали, господствовал южный вариант русских исторических концепций, нужды в северном их варианте не было. В борьбе за византийское наследство происхождение власти московских великих князей связывалось в них со столицей Византии Константинополем.

Но вот Константинополь пал, а Московская Русь сбросила татарскую неволю. Экономически и внешнеполитически она начинает постепенно поворачиваться лицом к Западу, начинается борьба за выход к морю, иначе говоря, Московская Россия начинает прокладывать себе путь на Запад. Рождается историческая мотивировка этого поворота. «Сказание о князьях Владимирских» (рубеж XV—XVI вв.), отстаивая идею объединения всех русских земель, выдвигает новый внешнеполитический момент — происхождение московской династии Рюриковичей уже ставится в связь не с Константинополем, не с Вавилоном, а с Римом. В обращении, после многовекового перерыва, снова вошел Рюрик, но теперь уже в иной роли. Он стал связующим звеном между Москвой и Римом; в ход пошла версия: римский император Август назначил родича своего Прусса правителем в прибалтийские земли, а 14-е колено от Прусса был Рюрик — родоначальник Московской династии. Звучало это тем более правдоподобно, что на Московском престоле сидели Рюриковичи. Теперь их родоначальник теряет свое скандинавское происхождение, он объявлен выходцем из За-

падной Европы. История Московской Руси смыкалась с западной историей, что и составляло смысл этой конструкции.

Западное происхождение Московской династии стало официальной доктриной царского правительства, которой руководствовался Посольский приказ в отношениях с Западом. На этой западной версии настаивал Грозный. Формулу о том, что московские цари ведут свой род от «пресветлого кореня Августа-кесяря», произносил каждый русский дипломат перед главою каждой страны, формулу эту содержала любая царская грамота, посылаемая за рубеж. Когда с царем Федором Ивановичем династия Рюриковичей угасла и на Московский престол вступили Романовы (не-Рюриковичи), концепция о Рюрике и его западном происхождении не только не исчезла, но нашла еще большее применение. При царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче она стала главной дипломатической догмой, закрепленной в «Титулярнике». На страже этой догмы стоял Посольский приказ. Рюрик продолжал служить славе и величию России, хотя и выступал уже не скандинавом, а римлянином по происхождению.

Но при Петре I в судьбе Рюрика вновь наступила крупная перемена — он, как уже сказано, начисто исчезает из русских исторических концепций. Почему же Рюрик перестал быть нужным? Такая перемена объяснялась переменами в положении самой России. Петровская Россия жила под знаком Северной войны — тяжелой двадцатилетней войны против Швеции, загородившей России дорогу к морю. Уже Густав-Адольф завещал потомкам превратить Балтийское море во внутреннее шведское озеро, через которое русские не смогли бы перепрыгнуть. При Петре I решалась большая историческая задача русского государства. В этой ситуации Рюрик потерял популярность у русских книжников.

Это было обусловлено двумя причинами. Во-первых, произошло перемещение государственного центра России — Москва перестала быть столицей, ею стал Петербург. Известно, что Петр недолго любил Москву — с нею были связаны тяжелые события его ранней биографии — заговоры Милославских, стрелецкие восстания; Москва стала символом старины, силой, которая тянула назад. Старая столица стала терять свое значение. Она переставала быть не только центром русской современности, но и центром русской истории. Это значило, что исторические теории, связывавшие традиционный русский центр Москву с традиционными центрами всемирной истории — Вавилоном, Римом и Константинополем, — теряли теперь свое значение; иначе говоря, «южный вариант» исторических концепций, связанных с Москвой, становился историческим пережитком.

Во-вторых, внимание России при Петре I было устремлено на север; именно Северная война была главной темой петровской современности. Это создало условия, при которых Рюрик не мог вернуть себе и свою скандинавскую ипостась. Швед, аттестованный как основатель русского государства, не мог стать героем

русской исторической традиции в момент, когда Россия напрягла все силы в труднейшей войне со Швецией. В этой ситуации Рюрик был вынужден уйти из русских исторических концепций. Он не был участником ни одной из них в петровское время.

Но он ушел, чтобы скоро вернуться, на этот раз на целые столетия. Вернулся он не сам, его вернули петербургские академики-немцы. Первым, кто это сделал, был Готлиб-Зигфрид Байер. Летописный сказ о призвании варягов он прочитал по-иному, чем читали до сих пор русские книжники. Во всем этом сказе он увидел лишь одно, а именно — основателем русского государства был *чужеземец*. Веками служил Рюрик славе Русского государства, теперь он был призван, чтобы его развенчать. Он должен был служить доказательством, что русские были не способны создать Россию. Родился так называемый *варяжский* вопрос. Это было третье рождение Рюрика, его рождение в третьем качестве. Но об этом речь пойдет уже в следующей книге.

Таким образом, в петровские десятилетия значительно продвинулись вперед как накопление фактического материала западной и русской истории, так и развитие исторических теорий. Встает вопрос — объединились ли теория и факты в единую историческую конструкцию? Другими словами, родилась ли в петровское время русская историческая наука? Если говорить о масштабах истории всей страны, то на этот вопрос приходится ответить отрицательно. Этому мешало прежде всего то обстоятельство, что исторические теории в петровские десятилетия носят на себе еще печать средневековых исторических построений. Это — различные модификации все той же библейской теории четырех всемирных монархий (теория Бужинского и теория Дм. Кантемира). Теория исторического круговорота уже обходится без каких-либо элементов провиденциализма. Это — дальнейшее развитие идеи круговорота Дж. Вико в атмосфере надвигавшегося века Просвещения.

Но и эта теория не сыграла своей роли. Дело в том, что все теории исторического процесса в целом — будь то библейского или рационалистического происхождения — существуют в петровские времена в виде отдельных абстрактных схем, не связанных с накопленным запасом исторических фактов. На основе этих теорий не было создано ни одного исторического произведения. Теории эти так и не соединились с живым материалом подлинной истории. В силу этого решающего факта время Петра I не стало временем рождения исторической науки в России.

Вместе с тем в годы Петра I в России был сделан крупный шаг в этом направлении, исторические знания подошли к тому рубежу, за которым начинается *наука*. В эти годы на основе рационалистических идей успешно разрабатывались отдельные проблемы современности. Сподвижники Петра I были захвачены пафосом современности, они много сделали для обобщения фактического материала в масштабах отдельных сторон русской действительности. Главной обобщающей темой была прежде всего

Северная война. «Рассуждение» П. П. Шафорова, «Журнал государя Петра I...» Геприха Гюйсена, собрание материала для всеобъемлющей истории Северной войны — все это имело целью доказать справедливый характер этой войны, проложившей России дорогу на Запад, дорогу на форум великих держав. Произведения Б. И. Куракина, А. А. Матвеева и др. мотивируют и оправдывают внешнюю политику петровской России. «Скифская история» А. И. Лызлова является своего рода историческим введением к войнам с Турцией. Огромные знания Феофана Прокоповича в области античной истории, приобретенные им у иезуитов, были поставлены на службу Петру I. Феофан мобилизовал свой арсенал исторических знаний обычно в тех случаях, когда надо было прославить или оправдать какое-либо действие Петра I. Была попытка создать и обобщающий труд по истории России. Речь идет о «Ядре Российской истории» А. И. Манкиева. Но автору, писавшему свой труд в шведском плену, автору, оторванному от источников и родины, удалось достигнуть своей цели лишь отчасти.

Момент рождения исторической науки в России наступил несколько позже петровского времени. Свидетельством тому осталась «История Российская» В. Н. Татищева. Рационалистическая концепция раннего просветительства, изложенная автором, соединяется с критически отобраным фактическим материалом русских источников. В этом состоит решающий момент, который сделал Татищева первым русским историком. Современная наука может предъявить ему немало претензий, но от этого Татищев не перестанет быть первым русским историком в научном смысле слова. Этот хронологический рубеж в формировании русской исторической науки и стал конечным рубежом данной книги.

Что касается западной стороны в этот период, то там речь идет об иной специфике. О рождении исторической науки на Западе можно говорить по крайней мере со времен итальянского гуманизма. В глухую пору средневековья в исторических предствлениях господствовал провиденциализм. Идеалы человека и человечества были вознесены на небо. Между провиденциалистскими историческими концепциями и реальной действительностью наступил решительный разрыв. Это был идеал исторической беспомощности, исторического бездействия человека. Чтобы история стала научной, а человеческая деятельность обрела свой действенный характер, нужно было, чтобы идеалы людей были низведены с небес на землю, на которой совершается подлинная, земная история. Это стало совершаться с первыми проблесками буржуазного мировоззрения, с того момента как родился гуманизм. Именно он, гуманизм, к фактам реальной жизни прибавил светскую, реалистическую концепцию и создал тем самым науку истории. Это тем более стало возможным, поскольку на помощь гуманистам пришла античная, светская историография, а влияние античной культуры на Западе, даже в средневековье, никогда не прекращалось полностью.

Таким образом, к XVII веку, о котором у нас идет речь, историческая наука на Западе уже существовала. Но сказалось ли это обстоятельство на западных авторах, писавших о России в интересующий нас период? Оказывается, нет. Если поинтересоваться составом западных авторов, писавших о России в XVII в. и в петровское время, то мы обнаружим почти исключительно три категории людей: дипломаты, купцы и военные наемники. В те времена западные люди приезжали в Россию по сугубо деловой надобности, а не с целью ее научного изучения. Только в двух случаях можно говорить о том, что наши авторы имели отношение к науке, это — Адам Олеарий и никогда не бывавший в России Жак-Огюст де Ту.

В данном исследовании речь идет о трех группах иностранных авторов, писавших о России. В каждой из них взяты наиболее значительные авторы. Первая группа — это те, кто писал о Крестьянской войне и иностранной военной интервенции в России начала XVII в. — Конрад Буссов, Жак Маржерет, Исаак Масса, Петр Петрей и др. Вторую группу составили авторы, писавшие в остальные десятилетия XVII в., — Адам Олеарий, Августин Мейерберг и др. В этой группе отдельно выделены те, кто писал о восстании Степана Разина, — Людвиг Фабрициус, Ганс Стройс и др. В третью группу вошли авторы, видевшие Россию Петра I, — Патрик Гордон, Иоганн-Георг Корб, Христиан-Фридрих Вебер и др.

Перед каждым автором историографического исследования встает вопрос — как писать о своих героях? О них можно писать в обобщенном виде, как писал, скажем, молодой В. О. Ключевский об иностранцах, авторах Сказаний. В этом случае авторы рассматриваются «по проблемам», а не «по портретам». При таком изучении в несомненном выигрыше оказываются проблемы, характеристика которых дается сразу несколькими авторами. Но проигрывают сами авторы. Каждый из них оказывается «разорванным» по проблемам.

Такой способ изложения оправдывает себя в общен исторической работе, где целью исследования является изучение *проблем*. Но в работе *историографической*, где целью изучения являются сами авторы, такой способ явно не годится, ибо «в накладе» остается именно автор. В данном случае приходится предпочесть «портретное» изложение. Каждый автор — речь в данном случае идет и о русских и об иностранных авторах — видел разное, в разное время, мог оценивать тоже по-разному в зависимости от присущих только ему особенностей и т. д. Все это можно сохранить, только дав его историографический портрет. В историографическом исследовании каждый автор должен жить не в «общезитии», а в отдельной «квартире». Так было в нашей предыдущей работе, так будет и в предлагаемой ныне книге.

Глава первая

СКАЗАНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О РОССИИ В ПЕРИОД КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НАЧАЛА XVII в.

Взрыв крестьянской войны в России некоторые иностранные государства, как известно, пытались использовать для вмешательства в русские дела, для захвата русских территорий. В исторической литературе, естественно, много пишут об интервенции польской и шведской и гораздо меньше о планах несостоявшейся интервенции английской. Проект этой интервенции, изложенный в рукописной тетради и представленный в начале 1613 г. английскому королю Якову I, обнаружил в Британском музее Ю. В. Толстой и опубликовал его в виде приложения к русскому переводу «Московии» Дж. Мильтона в 1875 г. Проект был создан группой англичан, знавших положение в России. Инициатором его был известный купец и английский резидент в русском государстве Джон Мерик, который советовался с «сэром Фомою Смитом — правителем Московского общества¹ и бывшим в Московии посланником», а также «с некоторыми другими купцами, долго жившими в той стране»².

Авторы полагают, что военное вторжение английских войск вполне возможно, оно не встретит серьезного сопротивления, ибо народ в России за последние восемь-девять лет находится в бедственном положении; «большая часть страны, прилегающая к Польше, разорена, выжжена и занята поляками; другую часть со стороны пределов Швеции захватили и удерживают шведы под предлогом подачи помощи. Самый народ без главы и в большой смуте; в том положении, в каком находится теперь, готов и даже вынужден необходимостью подчиниться правлению иноземца»³.

Речь идет о захвате торгового пути от Архангельска до Астрахани, на котором стоят торговые города — Ярославль,

¹ Московской компании английских купцов. Сочинение самого Томаса Смита о России см. стр. 70—81 данной книги.

² См. также: *S. Konovalov. Thomas Chamberlain's descriptions of Russia, 1631.* — «Oxford Slavonic papers», vol. 5, 1954, p. 107—116.

³ «Московия», Джона Мильтона. М., 1875, стр. 76.

Нижний Новгород, Казань и по которому англичане давно ездили на Восток. «Эта часть России, которая более всех отдалена от опасности как со стороны поляков, так и со стороны шведов, является самой выгодной для нас и самой удобной для нашей торговли»⁴. Осуществление этого проекта, как полагали его авторы, явилось бы историческим завоеванием Англии. Это будет «величайшее и счастливейшее предложение, когда-либо сделанное кому-либо из английских королей, с тех пор как Колумб предлагал королю Генриху VII открытие Вест-Индии. Пример этот, еще свежий в нашей памяти, должен нас научить, что мы не должны быть излишне осторожными...»⁵.

Не следует смущаться тем, что интервенция потребует больших расходов — расплачиваться за нее нужно заставить самих же русских; они должны будут «изготовиться к отдаче в руки английского общества такого количества казны и товаров, которое могло бы покрыть расходы на вооружение и перевозку такого числа войск, какого они пожелают...»⁶ Типичный колониальный прием — изобразить интервенцию в чужую страну как выполнение желания самой этой страны. Расходы по интервенции при этом «великодушно» относятся за счет «просителя». Но помимо всяких меркантильных расчетов и военных выгод интервенция, по утверждению авторов проекта, несет в себе «высокую мораль», в ней «много славы для его величества, много человеколюбия к этому угнетенному народу, с которым мы имели столь долговременные торговые сношения»⁷. Таков был этот проект, в котором лицемерия заключено ничуть не меньше, чем алчности колонизаторов.

Но события, как известно, пошли совершенно иначе. Это было время, когда в Англии назревала буржуазная революция, затем она разразилась, весь XVII век проходил в Англии под знаком революции; во внешних отношениях революция породила острые столкновения Англии с западными государствами, обострилась борьба с Голландией. В России Англия стала быстро терять свои позиции. Казнь Карла I вызвала бурную реакцию русского самодержавия и феодалов — у англичан не только отобрали торговые привилегии, но и началось выдворение английских купцов из России, хотя, говоря попутно, на деле торговля с Англией никогда не прекращалась полностью. Англичан в России оттеснили их всегдашние конкуренты — голландцы.

Это резкое уменьшение числа приезжавших в Россию англичан вызвало последствие, которое имеет прямое отношение к историографии. Известно, что во времена Грозного англичане

⁴ «Московия» Джона Мильтона. М., 1875, стр. 77.

⁵ Там же, стр. 80.

⁶ Там же, стр. 81.

⁷ Там же, стр. 82.

по числу авторов занимали первое место среди Сказаний о России⁸. Теперь картина резко меняется, англичане плохо знают Россию XVII в., живут старыми представлениями. Характерным явлением в этом плане было появление книги «Московия» знаменитого Джона Мильтона, вовсе не бывавшего в России; это было обобщение того, что написали англичане о России XVI в. Новых материалов в руках Мильтона не оказалось⁹. За весь XVII век можно указать лишь на один английский труд о России, основанный на новых наблюдениях — «Современное состояние России» Самюэля Коллинза¹⁰ — состоявшего восемь лет личным врачом при царе Алексее Михайловиче.

Среди авторов Сказаний в XVII в. можно найти представителей самых различных стран Западной Европы. То было время широкого развития наемничества на Западе; в европейских армиях можно было встретить людей из разных углов Европы и не только Европы; наемные войска имела и Россия. Во время интервенции вместе с польской и шведской армиями произошло массовое вторжение самого разнообразного иностранного элемента на территорию России. К дипломатам и купцам, ставшим обычным явлением для русской действительности, теперь прибавились вооруженные массы авантюристов всех мастей и рангов. Иностранцы в массовых масштабах стали свидетелями чрезвычайно бурных и сложных событий в России, что не могло не вызвать интереса иностранцев к этим событиям. Многие из них взялись за перо; насчитывается свыше полусотни западных книг о русской «Смуте». Такого числа сочинений о России на Западе еще не наблюдалось.

Можно выделить некоторые общие моменты, в значительной мере характерные для всей этой литературы. Во-первых, по своей методологии эти Сказания представляют собой далеко не передовое явление тогдашней мысли в Западной Европе. Их авторы были профессиональными солдатами, купцами и дипломатами; все достижения гуманистической мысли на Западе прошли мимо них; методология этих авторов не выходит за пределы представлений, распространенных в средневековой апналистике. К тому же надо учитывать, что и по своему жанру мы имеем дело не с историческим произведением, а с мемуарами, в которых излагается то, что автор наблюдал или слышал. Других задач обычно не ставилось.

⁸ См.: М. А. Алпагов. Русская историческая мысль и Западная Европа (XII—XVII вв.). М., 1973, стр. 264—313.

⁹ См. также: Ю. А. Лимонов. Русские источники «Истории Московии» Джона Мильтона. — «Проблемы истории международных отношений». Л., 1972, стр. 243—247.

¹⁰ Samuel Collins. The present State of Russia in a letter to a friend at London written by an eminent person residing at the Great Tzars Court of Mosco for the space of nine years. London, 1667. Об этом сочинении см. стр. 127—136 этой книги.

Во-вторых, по сравнению с временами Грозного Сказания XVII в. содержат материал не только более обширный по объему, но и более разнообразный по характеру. Они в гораздо большей степени охватывают область социальных отношений и классовой борьбы, — эту струю внесла Крестьянская война. Более отчетливо зазвучала тема борьбы внутри господствующего класса, обострившейся в связи с иностранным вторжением. В Сказаниях этой поры можно найти сведения о положении в любом из боровшихся лагерей. Дело в том, что профессией этих людей часто была война, из которой они стремились извлечь максимум выгоды. Они обычно воевали на той стороне, где было выгоднее в данный момент. Мы встречаем иностранцев и в войсках Годунова, и в войсках Болотникова, и у самозванцев, и у Шуйского. Такие крупные авторы, как, скажем, Буссов или Маржерет, принадлежали именно к такой категории людей. Маржерет, например, жестоко подавлявший восстание москвичей против интервентов, сжигавший Москву и оборонявший ее против первого и второго ополчения, сразу же предложил свои услуги князю Пожарскому, как только Москва была взята русскими войсками. Наконец, в иностранных Сказаниях порой можно найти сведения, которых нет в русских источниках.

В-третьих, по своему отношению к самой России авторы Сказаний XVII в. обычно продолжают предшествующую традицию — к русским они, как правило, относятся свысока. Особенно этим отличалась кондотьерская братия, которая к тому же еще и грабила Россию. Кстати, рассказ о грабежах, бесчинствах и убийствах мирного населения играет в Сказаниях особую роль. Поскольку нажива для кондотьера была главным делом, авторы уделяли этому большое внимание; Сказания содержат поэтому довольно подробную картину тех опустошений, которые принесли на русскую землю интервенты.

Со стороны «русских немцев» отношение было более сложным. Часть их стала на сторону интервентов, часть пыталась остаться в стороне от событий, но была определенная часть, выступавшая против интервентов. Конрад Буссов рассказывает, что во время восстания москвичей 17 мая 1606 г. против Лжедмитрия I часть шляхтичей в поисках спасения бросилась в Немецкую слободу, «но по дороге они попали к дурным и бессовестным немцам, которые, заслужив виселицу и четвертование в Лифляндии и Германии, тут, в России, переменяли веру, стали мамелюками и хриstopродавцами и поэтому были скорее русскими, чем немцами ... Бедняги поляки ушли от медведей и попали в пасть ко львам. Эти архиплуты отняли у них коней, сняли одежду, убили их и бросили в речку Язу»¹¹.

¹¹ *Конрад Буссов*. Московская Хроника. М.—Л., 1961, стр. 122. Интерес к иностранным сочинениям о России тех столетий продолжает существовать и поныне (см.: *U. Mende. Westeuropäische Bildzeugnisse zu Russland und Polen bis 1700. Ein Beitrag zur historischen Bildkunde.* Bamberg, 1968; *Russia under Western eyes. 1517—1825.* L. Elek, 1971).

КОНРАД БУССОВ. «МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА» (1612 г.)

Это был типичный кондотьер. Немец, проведший за пределами Германии 43 года, служивший «при дворах государей и владетельных особ». Достоверные сведения о нем имеются с момента, когда он появляется в России. Перед этим он служил в той части Прибалтики, которая была захвачена шведами, участвовал в заговоре, цель которого состояла в том, чтобы некоторые ливонские города передать России; заговор был шведами раскрыт, Буссов бежал к русским.

По вполне вероятной реконструкции И. И. Смирнова¹², дальнейшая биография Буссова пережила следующие перипетии. От Годунова он получил поместья, был каким-то начальником в пемных войсках Годунова, сражался в рядах этих войск против Лжедмитрия I, вместе с ними перешел на сторону самозванца после его победы. Был очевидцем событий 17 мая в Москве, когда с самозванцем было покончено. При Шуйском положение Буссова ухудшилось; в конце 1606 г. он переходит к Болотникову и скоро оказывается в осажденной Калуге, а затем в Туле. Буссов был в числе 52 немцев, которые на стороне Болотникова отстаивали Калугу. В 1611 г. он уехал из Калуги к Сигизмунду III под Смоленск. С польским войском вступил в Москву, видел восстание москвичей 19 марта 1611 г., видел подавление этого восстания и сожжение Москвы, видел, наконец, освобожденную от интервентов Москву. В сентябре 1611 г. вместе с посольством М. Г. Салтыкова выехал из Москвы и оказался в Риге. Там, к марту 1612 г., он и написал свое сочинение.

Н. М. Карамзин¹³ и Н. Г. Устрялов¹⁴ автором «Московской Хроники» считали пастора Мартина Бера — зятя Конрада Буссова. Основанием служило то обстоятельство, что Петрей, пользовавшийся этим трудом, склонен видеть автора в лице Бера, а не Буссова. Склонялись к этому и в зарубежной историографии¹⁵. Советский ученый И. И. Смирнов дал иное, более обоснованное решение. Сохранилось письмо Буссова к герцогу Брауншвейскому от 28 ноября 1613 г.¹⁶, из которого явствует, что автором этого труда был Конрад Буссов, но что у него был «один достойный

¹² *И. И. Смирнов*. Конрад Буссов и его Хроника.— *К. Буссов*. Указ. соч., стр. 7—33; *Н. Долинин*. Новое издание «Московской Хроники» К. Буссова.— «Исторический архив», 1962, № 2, стр. 220—223.

¹³ *Н. М. Карамзин*. История государства Российского, т. X, прим. 27.

¹⁴ *Н. Г. Устрялов*. Сказания современников о Дмитриии Самозванце, изд. 3, ч. 1. СПб., 1859, стр. 4.

¹⁵ «Über die Chroniken von Konrad Busso Petrejus und Martin Beer» приложение в книге: *B. Herrmann*. Geschichte des russischen Staates. Hamburg, 1846, S. 780—782.

¹⁶ *Конрад Буссов*. Московская Хроника, стр. 193—194.

человек», который помогал ему в составлении труда. Этим помощником и был пастор Бер. Пастор внес в повествование очень многое: латинские фразы, знание латинской литературы, постоянное использование речей героев повествования — типичный античный прием, употребление образов, обычных у античных авторов, провиденциалистская историческая концепция, одобренная библейскими текстами, — все это как нельзя более характерно для католического священника и никак не могло принадлежать необразованному ландскнехту, каким был тесть этого пастора Конрад Буссов.

И тем не менее это — рассказ о войне, созданный профессиональным солдатом. Все это было уже не по части пастора Бера, а составляло стихию Конрада Буссова. Он выступал главным сочинителем, используя свои записки, которые вел еще в России.

Что касается Петрея, то его попытка стереть следы авторства Буссова была далеко не случайна. Буссову не удалось напечатать свой труд; рукопись фактически присвоил Петрей, переписав ее в свое сочинение; он не только не назвал имя Буссова, но и всячески стремился его дискредитировать в Швеции и Германии как русского агента во времена его службы у шведов.

Конрад Буссов был связан еще с одним крупным автором по жанру Сказаний, с Маржеретом. Они вместе служили в России; вместе воевали на стороне Годунова против Лжедмитрия I (битва при Добрыничах), вместе были на стороне интервентов в Москве. Возможно, что Буссов был знаком с сочинением Маржерета; возможно далее, что идея писать дневник, а затем и сочинение пришла от Маржерета. В письме к герцогу Брауншвейгскому, как полагает И. И. Смирнов, Буссов, полемизируя с теми, кто не называет причин русских событий, имеет в виду Маржерета. Известно, что они расходились по вопросу о самозванце — Маржерет считал того сыном Грозного, вся книга Буссова направлена против этого.

Историческая концепция Конрада Буссова

В основе «Московской хроники» лежит определенная историческая концепция, которая выступает в откровенно поповской форме, как это бывало во времена средневековья. Непосредственно сформулировал ее, нужно полагать, пастор Бер, но и сам Буссов едва ли мог предложить что-нибудь другое. В мире идет борьба между добром и злом, богом и дьяволом. Дьявол искушает человека на всякие худые дела, бог карает, если человек поддается дьяволу. Это — всеобщая и непреложная закономерность, которой подчинен мир.

Отсюда вытекают обязанности правителя. Во-первых, помнить, что существует закон возмездия, а посему не допускать в своей

деятельности ничего такого, за что может последовать божие возмездие. Во-вторых, дьявол может орудовать и через других людей, скажем, через изменников и мятежников. Поэтому государь обязан надзирать за поведением других. В-третьих, особенно опасно быть честолюбивым, ибо честолюбие это — прерогатива бога: «Бог не может и не станет терпеть этого. Свои почести он не уступит никому и не замедлит унижить подобных честолюбцев»¹⁷. В-четвертых, правители не должны оказывать милосердия преступникам; дело в том, что государи — «слуги и мстители господни, которым поручено карать того, кто творит зло, поэтому они не должны посить меч праздно», ибо в противном случае бог обрушит этот меч на их же собственную голову.

При подобном провиденциалистском понимании исторического процесса у Буссова то и дело в события вмешиваются потусторонние силы. Что касается божественного промысла, то здесь задача автора очень проста: если нечестивец пребывает безнаказанным, остается порассуждать о том, сколь долготерпелив господь, если же возмездие уже последовало, то положено умилиться, сколь справедлив всевышний. Но когда речь идет о бесовском вмешательстве, автор пускается в пространные объяснения. Особенно достается Шуйскому. Войскам Болотникова, например, нужно было разрушить плотину¹⁸. Чародей-монах взялся за это дело. Он нырнул в воду и когда через час показался, его лицо оказалось расцарапанным. Монах пояснил, что под водой у него хватало дела. «Шуйский соорудил эту плотину с помощью 12 000 чертей, с ними-то я и боролся. Половину, то есть, 6000 чертей я склонил на нашу сторону, а другие 6000 слишком сильны для меня, с ними мне не справиться, они крепко держат плотину»¹⁹. Иногда эта чертовщина принимает у Буссова настоящие государственные масштабы. Василий Шуйский, «видя, что бог не шлет ему счастья, обратился к помощи дьявола и его орудий, стал всюю заниматься колдовством, собрал всех слуг дьявола, чернокнижников, каких только можно было сыскать в стране»²⁰.

«Московская Хроника» это — рассказ о том, как сбываются предначертания господя, как обрушивается его карающая десница на государей и народы.

¹⁷ Там же, стр. 130.

¹⁸ Речь идет о плотине на р. Упе, построенной солдатами Шуйского, вызвавшей наводнение и поставившей отряды Болотникова, оборонявшие Тулу, в критическое положение.

¹⁹ Там же, стр. 146.

²⁰ Там же, стр. 153.

Трагедия Бориса Годунова

При царе Борисе усилились связи с Западом, — рассказывает Буссов. Царь стал приглашать из западных стран мастеров и учителей иностранных языков: из России он стал посылать «дворянских сынов» учиться иноземным языкам — шесть в Любек, шесть в Англию и шесть во Францию, хотя обратно из них вернулся только один²¹. Наиболее ценны свидетельства Буссова о приглашении Годуновым врачей, поскольку ни в каком другом источнике об этом не говорится с такой обстоятельностью. Их жалование было столь велико, что придворные медики на свои средства поставили церковь в Немецкой слободе; пастором там был Бер — зять Буссова²². Кроме того, царь Борис заводил торговые связи с другими странами. Город Любек торговал с Россией, уплачивая всего лишь половинную пошлину. Правда, попытка других ганзейских городов получить такие льготы успеха не имела. Разоряемое польско-шведской войной население Ливонии бежало в Россию, здесь его хорошо принимали, купцы заводили торговлю, дворяне получали поместья. Этим самым «милостивый, добрый царь Борис Федорович многих бедняков сделал знатыми, богатыми людьми и превратил их горе в радость, о чем везде и повсюду стали говорить»²³.

Борис вел деятельную политику на Западе. Он делал попытки наладить отношения с цесарем Рудольфом II. Россия хотела двинуть империю против Польши, а империя двинуть Россию против Турции. Но обе стороны постигла неудача. Борис дважды пытался заключить династический брак своей дочери Ксении: со шведским принцем Густавом, а затем с датским принцем Иоганном. Борис готов был отдать Иоганну Тверское княжество, а датчанам дать право строить церкви в Москве и Твери. Но, как известно, браки эти не осуществились.

Уже из этого явствовало, что Бориса преследуют неудачи. Где тому причина? Царь Борис «искренне хотел добра своей земле, но пад его правлением все же не было благословения божия, ибо он достиг царства убийством и хитростью»²⁴. Речь, понятно, идет об убийстве царевича Дмитрия. Известно, что об этом событии существует немало версий²⁵, но ни одну из них нельзя признать бесспорной. Для Буссова и его консультанта Бера убийство Дмитрия и явилось главной причиной, с которой начиналась гибель самого Бориса. Причина эта породила одно несчастье за

²¹ В исторической литературе нет согласия относительно числа посланных юношей, но сам факт посылки никогда не оспаривался.

²² Исаак Масса, впрочем, утверждает, что церковь эту построили пленные ливонские купцы.

²³ *Конрад Буссов*. Московская Хроника, стр. 92.

²⁴ Там же.

²⁵ *А. А. Рудаков*. Развитие легенды о смерти царевича Дмитрия. — ИЗ, 1941, № 12, стр. 254—283.

другим. Разразился голод, за ним дороговизна, потом великий мор, людские пороки, в том числе алчность, ростовщичество, «обираание бедных пло вовсю», между сословиями начинались раздоры и несогласия. Флетчер²⁶ уже в ближайшем будущем после Грозного времени допускал народное восстание в Московском государстве. У очевидца гражданской войны Буссова это уже наблюдаемая действительность; у него это приняло лишь несколько средневековой налет, что особенно выразилось в рассказах о всякого рода зловещих знамениях на небе и на земле, без которых, впрочем, не обходился ни один средневековый хронист.

К событиям внутренним прибавились события внешние. При этом автор видит прямую связь между теми и другими. Так, он связывает враждебную Борису монашескую и боярскую оппозицию с первым самозванцем, появление Лжедмитрия по времени почти совпадает с преследованием Годуновым Бельского и Романовых. В действиях самозванца видел руку своих внутренних врагов и сам Борис, который при первых же известиях о вторжении иностранных войск «догадался, что все это происки и козни его вероломных князей и бояр»²⁷. Буссов, отдававший себе полный отчет в том, что самозванец не является сыном Грозного, понимал, что тот выступает орудием польского магнатства и королевской власти. Но Буссов считал, что самозванец и Григорий Отрепьев это — два разных лица. Лжедмитрий это — тот, который находится в польском войске, а орудие дьявола монах Гришка Отрепьев это — тот, который поднял на мятеж казаков. Это, видимо, совпадало с позицией и самого самозванца и интервентов — отождествлять Лжедмитрия с беглым монахом едва ли входило в их планы.

Начались боевые действия. Их ход Буссов излагает очень неточно. Кроме того, дает волю своим симпатиям. Говоря о сражении под Добрыничами, он пишет, что 15 тыс. войск самозванца разгромили 100-тысячную армию московитов, во всего лишь ... два эскадрона немецких наемников под командованием Вальтера фон Розена и француза Маржерета разгромили войска самозванца. «Боевой клич немцев был — бог на помощь! Бог на помощь! — Бог им и помог». По словам же самого Маржерета — об этом говорит и И. Масса — все дело решила русская пехота. Таким образом, на первых порах дело склонялось в пользу Годунова. Но произошло два события. Во-первых, победившее под Добрыничами войско Бориса устроило жестокую расправу над перешедшими на сторону самозванца крестьянами Комарицкой волости. Во-вторых, как уверяет Буссов, вмешался дьявол, дело решилось не войной, а политикой — «москвиты толпами отпадали от Бориса и переходили на его <самозванца> сторону, признавали его за

²⁶ М. А. Алпатов. Указ. соч., стр. 313.

²⁷ Конрад Буссов. Московская Хроника, стр. 96.

законного наследного государя и отправлялись к нему в Путивль»²⁸.

Такова безысходная ситуация, в которую попал царь Борис. Рассказ Буссова невольно наводит на мысль, что уже современники Бориса, и даже иностранцы, смотрели на Годунова как на фигуру трагическую, фатально обреченную в силу своего великого злодейства. Смерть как искупительная жертва, как скорое и неотвратимое возмездие должна покарать печестивого царя. Буссов повторяет перевернутую версию о самоубийстве Бориса Годунова. «Так над бедным государем свершился *jus talionis* <закон воздаяния злом за зло>». И память о нем и весь род Годуновых подверглись поруганию: «Среди многих тысяч людей ни один не вспомнил о том, что все же Борис сделал очень много добра всей земле ... Все это и то, что он содержал этих подлецов во время дороговизны, было начисто забыто... Его сына, молодого царя, которому они только что присягали, его мать, царскую вдову, его сестру и всех, кто был из рода Годуновых, схватили, дворы их разграбили и опустошили, их самих, их жеп и детей раздели донага, заковали в железо, бросили на навозные телеги и повезли в дождь и непогоду из Москвы на заточение в другие крепости. Некоторые из них умерли в дороге, остальные умерли с голоду и погибли в тюрьмах»²⁹. Вскоре «царь Федор и его мать были убиты в своих покоях. Дочь, которую достохвальный государь герцог Иоганн Датский получил бы в жены (если бы бог сохранил ему жизнь), была отправлена в Новодевичий монастырь, а затем отдана Дмитрию в наложницы... Такой жалкой конец выпал на долю царя Бориса Годунова и всего его рода».

Обреченность Лжедмитрия I

Самозванец был второй фигурой после Годунова, за судьбой которого Буссов пристально следил. Военное счастье пришло к самозванцу с тех пор, когда на его сторону перешел с войском Петр Басманов. Это открыло Лжедмитрию I дорогу на Москву. А в столице после смерти Бориса правили уже не изменники-бояре, а «грубый господин „Omnis“ <народ>». В такой, весьма образной форме в «Московской Хронике» отразилось вспыхнувшее в это время в городе восстание «черных людей» против имущих, во время которого попал под удар и род Годуновых. Буссов заметил и еще одну черту событий: недруги Годуновых, в частности, появившийся в Москве Богдан Бельский, старались обратить гнев народа против своих противников.

Войска Лжедмитрия I вступают в Москву. Происходит комедия — Богдан Бельский на лобном месте клянется перед москвичами, что новый царь — подлинный сын Грозного <Бельский счи-

²⁸ Конрад Буссов. «Московская Хроника», стр. 103.

²⁹ Там же, стр. 106—107.

тался Дмитрию крестным отцом), инокиня Марфа признает в новом царе своего сына. Буссов, не сомневавшийся в самозванстве проходимца, следит за его судьбой скептически. Несмотря на все попытки завоевать популярность, Лжедмитрию I это не удалось, и Буссов уже ждет крутого оборота дела, уже замечает зловещие знамения. Он уверяет, что уже при въезде самозванца в Москву поднялся вихрь, что «многими было истолковано как *malum omen* <дурное предзнаменование>». У нового царя замашки оказались совсем не царские — он ходил пешком, сражался с медведем, не щадил обычаев, а главное, решил жениться на полячке. Самозванец оказался в изоляции, завел охрану из немцев.

Событием, которое уже фактически подводило к восстанию, по рассказу Буссова, была свадьба царя. Москвичи «спрашивали живших у них в страпе немцев — есть ли в их стране такой обычай приезжать на свадьбу в полном вооружении и в латах. Они начали подозревать в этом опасность, особенно когда увидели, как из польских полковых фур вместе с другими вещами выносили по 5, по 6 и больше ружей»³⁰. Известно, что одна свита Марины Мнишек доходила до 2 тыс. всадников; к этому нужно прибавить отряды шляхты, сопровождавшие ясновельможных панов, и наглое поведение гостей.

Далее вспыхивает само восстание 17 мая 1606 г. Это событие Буссов наблюдал сам, о многом мог слышать от очевидцев. В ряде случаев его описание совпадает с описанием других авторов (И. Масса, Паэрле и др.). Можно выделить некоторые важные черты рассказа Конрада Буссова о восстании 17 мая. Во-первых, восстание аттестуется как монолитное национальное движение, руководимое боярами. С бояр автор не спускает глаз на протяжении всей книги — бояре погубили Годунова, бояре впустили самозванца в Москву, бояре устроили теперь заговор против того же самозванца. Этот заговор уже был раскрыт; следовала расправа, но «корифей измены» Василий Шуйский был самозванцем помилован, — это было «неуместное милосердие», ибо восстание — дело рук все тех же бояр. Автор, видимо, не имел понятия о том, что народ в этом восстании преследовал и собственные цели. Известно, что, использовав антифеодальное движение для свержения Годунова, самозванец, достигнув власти, стал проводить крепостническую политику. Восстанию предшествовали закон о холопах от 7 января 1606 г. и закон о беглых крестьянах от 1 февраля, ухудшавшие положение народа. Надежды на «хорошего» царя не оправдались.

Во-вторых, Буссов ставит восстание 17 мая рядом с Варфоломеевской ночью, считает одним из самых памятных дней мировой истории. «Этот день, 17 мая, будут помнить, пока существует мир. Это был горестный и страшный день, в который иноземцы

³⁰ Там же, стр. 115.

испытала такой страх и ужас, что всего в точности даже и рассказать невозможно, а уже тем более вряд ли поверит тот, кто про это прочтет или услышит. Шесть часов подряд ничего иного слышно не было, кроме набата, стрельбы, ударов, топота, стука копыт»³¹. После 10 часов утра трагедия окончилась. «Во всей Москве стало тихо, и иноземцы немного вздохнули. Подобно этому, когда рев и завывание бури и огромные морские волны утихают и наступает совсем тихая, ясная погода, моряки становятся веселее и радостнее, чем они были во время бури, потому что они остались целы»³².

Из всех авторов Буссов приводит наибольшую цифру убитых — 2135 чел., дневник польских послов приводит — 1000 (польским послам, нужно полагать, это было известно гораздо лучше). Параллель между Варфоломеевской ночью и ночью 17 мая Буссову была навеяна тем обстоятельством, что и то и другое событие оказалось кровавой свадьбой. «Так свадебное ликование на девятый день после бракосочетания превратилось для жениха, для невесты и для всех свадебных гостей в великое горе. Поэтому всякому следует остерегаться ездить на такие свадьбы, как московская и парижская»³³. Однако следует помнить и о разнице между этими событиями: она не только в исторических условиях и масштабах, но и в самих причинах — восстание 17 мая было вызвано иноземной оккупацией, ускорено вызывающим поведением завоевателей. На самой свадьбе, как пишет Буссов, гости «на радостях так перепились, что при разъезде, направляясь на свои квартиры, сильно бесчинствовали. Они порубили и поранили саблями москвитов, встретившихся им на улице. Жен знатных князей и бояр они повытаскивали насильно из карет и вдоволь поиздевались над ними, что русские молча запоминали, думая свою думу»³⁴. Восстание москвичей, как известно, было составной и существенной частью освобождения России от панско-шляхетской интервенции.

В-третьих, особую роль в этих событиях автор отводит гибели самого самозванца. Тут он излагает главные элементы своей исторической концепции, как он это делал, повествуя о Борисе Годунове. И там и здесь он выступает на стороне того лагеря, которому он продал свою шпагу, — тогда он служил Годунову, теперь — самозванцу. Это он делает со всей последовательностью; Буссов приводит показания людей, знавших подлинного царевича Дмитрия, показания таких сторонников самозванца, как Петр Басманов и Сапега, и все это делается с целью доказать, что новый царь не имел ничего общего с сыном Грозного. И тем не менее симпатии автора на стороне Лжедмитрия I, его единственной

³¹ Конрад Буссов. «Московская Хроника», стр. 123.

³² Там же, стр. 124.

³³ Там же, стр. 121.

³⁴ Там же, стр. 117.

охраной в роковой час оказываются только немецкие паясники, которых Буссов так же славословит, как и Басманова, погибшего вместе с самозванцем.

Но, как и Борис, самозванец был обречен, над ним должна была совершиться роковая воля провидения. Лжедмитрий I обладал многими добродетелями, «но у него были также и пороки, а именно: беспечность и тщеславие, из-за чего, без сомнения, благой бог и наложил на него эту кару»³⁵. Происходит своего рода символическая сцена — самозванец угрожающе показался перед народом с бердышом в руках и крикнул: «Я тебе не Борис буду!». Он делал все, чтобы избежать судьбы Бориса, но обреченному правителю этого не дано. Беспощадный «господин Omnis» вершит свой суд, который был выражением провиденциалистской исторической закономерности. Буссов оставался как бы в утешение себе рассказывать о чудесах, которые якобы творил выброшенный на свалку труп самозванца; автор убежден, что именно поэтому москвиты были вынуждены его сжечь.

«Московская Хроника» дает материал для вывода о причине живучести легенды о «живом» царевиче Дмитрие. Буссов достаточно убедительно доказал самозванство Лжедмитрия I; он видел его убитого и удостоверяет, что это был он. Но вот распространился слух, что царь спасся, а вместо него был убит кто-то другой. И этот слух был сразу же подхвачен — «в простонародье в связи с этим возникли дикие и целепые мысли»³⁶. Характерно, что благоприятной средой, где распространялись эти слухи, были городские низы.

Иван Болотников

Сообщения Конрада Буссова о движении Болотникова принадлежат к лучшим свидетельствам иностранцев о Крестьянской войне в тогдашней России. Автор не понимал социальной природы событий, наблюдателем или участником которых ему довелось быть, но он многое знал и рассказал об этом. Элемент чудесного и правоучительные сентенции, связанные с его провиденциалистской концепцией, легко отделить от фактической канвы событий. Повествование Буссова, как показало известное исследование И. И. Смирнова («Восстание Болотникова. 1606—1607 гг.», М., 1949), в целом правильно отразило ход этих событий; недостающее или неточное восполняется и уточняется по другим источникам. Факты, приводимые Буссовым, позволяют сделать выводы, которые сам автор не всегда делает. Прежде всего свидетельства Буссова, рядом с другими показаниями, дают материал для вывода о том, что причиной, приведшей в движение массы народа, была борьба с социальным гнетом.

³⁵ Там же, стр. 129.

³⁶ Там же, стр. 136.

Об этом говорит уже тот факт, что все движения этого времени начинались в одном и том же юго-западном углу России. Отсюда начинал Лжедмитрий I (район Путивля); войска Бориса Годунова обрушили свирепые репрессии на Комарицкую волость. С этого рубежа пошло движение Болотникова, а Комарицкая волость и здесь сыграла не последнюю роль. Здесь (Стародуб) начинались события, связанные со Лжедмитрием II. Дело не в том, что территориально это было удобное место для вторжения панско-шляхетских интервентов, а в том, что это был район, прилегающий к Дикому Полю — огромным степным пространствам, где господствовала казачья вольница. На стыке феодально закабаленных областей и Дикого Поля скапливались массы беглых крестьян и холопов. Связи между этим районом и Диким Полем были налажены. В частности, когда Григорий Шаховскому понадобилось вызвать казаков с Донца, они довольно быстро явились в Путивль и сыграли решающую роль в освобождении Калуги, обороняемой Болотниковым от войск Шуйского.

Этот горячий материал нетрудно было двинуть против боярского царя. Самым простым и самым действенным путем был лозунг «добраго царя». Это было обусловлено двумя причинами. Общеизвестно, что в этом сказывалась царистская идеология самих угнетенных масс феодальной поры, а кроме того, не обходилось дело без разного сорта авантюристов и завоевателей, которые не использовали бы этой слабости борющегося народа в своих корыстных целях. Совершенно не случайно за все время Крестьянской войны никогда не пустовала должность самозванца. Панско-шляхетские интервенты сочли за благо выступить под флагом самозванца. Вслед за убийством Лжедмитрия I сразу же рождается легенда о его спасении. Новая волна Крестьянской войны, на гребне которой поднялся Болотников, пошла под знаменем царевича Дмитрия, который живет в Польше и скоро появится на русской земле. Верил ли в это сам Болотников или нет, но он выступал по его полномочию. Григорий Шаховской — путивльский воевода, обуреваемый мечтой играть роль временщика при каком-нибудь русском царе, раздобыл себе из казаков «царевича» Петра. Новый кандидат в цари сделал немало добраго для Крестьянской войны, и погиб за народное дело, но за его спиной таился, пока это ему было выгодно, авантюрист, который вышел сухим из воды и отправился служить новому самозванцу. Не успел боярский царь Василий Шуйский повесить в Москве «царевича» Петра, как объявился Лжедмитрий II, вслед за которым в Россию открыто ворвались войска интервентов. И все эти претенденты на русский престол выходили словно из питомника для самозванцев — из русского Юго-Запада.

Вскоре после воцарения В. Шуйского Буссов, как уже говорилось, перешел на сторону Болотникова. Переход этот произошел, видимо, в то время, когда крестьянское войско стояло в Нижних

Котлах под Москвой. О причинах перехода можно лишь догадываться. Видимо, после избиения чужеземцев 17 мая у многих наемников не было охоты служить Шуйскому, да и отношение к немцам, оставшимся до конца верной охраной Лжедмитрия I, в Москве едва ли было доброжелательным. Кроме того, переход к Болотникову вовсе не понимался Буссовым, как и остальными немцами, как переход на сторону крестьянского войска, — для них это была армия нового самозванца, который временно жил в Польше, а Болотников его лишь временно замещал. К тому же у Болотникова поначалу, как известно, были не только крестьяне, но и дворянские отряды. К этому надо прибавить и то, на что указывает сам Буссов. В Калуге, долгое время находившейся в расположении войск Болотникова, находилось одно из поместий Буссова. Наконец, одной из причин неприязни нашего автора к Шуйскому — правда, причиной более поздней — явилось то обстоятельство, что тот сослал в Сибирь 52 немцев, которых он взял в плен при сдаче Болотниковым Тулы. В числе сосланных был и сын Буссова. Отцу пришлось возвращаться на родину без сына.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что Шуйского автор живописует только как человека без чести и совести, к тому же он еще и черпюкнижник. Ему он противопоставляет Болотникова — храброго воина и честного рыцаря. Типичным является их сопоставление при сдаче Тулы. Шуйский поклялся сохранить жизнь и Болотникову и «царевичу» Петру. Но они оба погибли: «клятву, данную этим двум людям, Шуйский сдержал так, как обычно держат клятвы такие люди, как он»³⁷.

Сочинение Конрада Буссова содержит достаточно материала, чтобы судить о раслоении в войсках Болотникова. Автор объясняет этот раскол соперничеством между командирами, но сами факты, приводимые Буссовым, говорят о другом. Под Москвой на сторону Шуйского перешли отряды, где преобладали помещичий состав — тульско-рязанский отряд и войска И. Пашкова. В битве при р. Восьме 5—7 июня 1607 г. около Каширы Болотникову изменил 4-тысячный отряд Телегина. Помещики, выступившие вначале против боярского царя Шуйского, увидели, что им не по пути с крестьянами. Предательским было поведение Г. Шаховского, который был в лагере Болотникова, но вынашивал честолюбивые планы (в Туле он был крестьянским войском посажен в тюрьму, помилован Шуйским, но сбежал ко Лжедмитрию II).

Конрад Буссов, как и некоторые другие иностранные авторы, наблюдавшие Россию в это бурное время, не прошел мимо того обстоятельства, что борьба велась не только военная и политическая, но и борьба идеологическая. В наиболее широких масштабах она велась правительственным лагерем. Придя к власти, пра-

³⁷ Там же, стр. 147.

вительство Шуйского, например, стало настойчиво доказывать самозванство свергнутого царя, расхищение им русской казны, его связи с папским престолом и намерение ввести в России католичество и т. д. Происходит канонизация царевича Дмитрия и поклонение новому святому. Шуйский, немало содействовавший гибели Бориса Годунова и его рода, теперь устраивает торжественное перенесение праха Бориса, его жены и сына в Троице-Сергиевский монастырь.

Говоря о движении Болотникова, Буссов сообщал, что уже в это время поживиться за счет России замыслили не только польские паны, но и шведы. Летом 1606 г. Карл IX предложил Шуйскому военную помощь. Автор не говорит об условиях, на которых могла быть предоставлена эта помощь, но известно, что Швеция потребовала Ивангород, Ям, Копорье, Корелу, Орешек и Колу. Шуйский отказал. Но в августе 1608 г. Шуйский сам попросил помощи Швеции, когда поднялось движение, связанное с появлением второго Лжедмитрия. С этого начинался еще один этап событий в России.

Интервенты на русской земле

Значение «Московской хроники» Конрада Буссова в освещении периода открытой интервенции не столько в знакомстве с фактическим ходом событий (здесь он не всегда точен, к тому же находясь в лагере интервентов, ничего не может сообщить ни о первом, ни о втором ополчении), а в том, что он полнее других рассказывает о поведении интервентов на территории России. Автор сам и по-своему выделяет этот период; 1609 год, когда на Россию напали интервенты, Буссов характеризует так: «В этом году беды с еще большей силой обрушились на все четыре конца России, так что отсюда легко было понять, что господь бог гневется на эту землю и сурово взыскивает с ее жителей»³⁸.

Войска Лжедмитрия II, как известно, были чрезвычайно пестрыми и по составу и по задачам, которые они преследовали. Здесь было немало отрядов из беглых крестьян и холопов, в частности, отряды казаков; они вели борьбу с социальным гнетом. У второго самозванца были и наемные войска, к которым русское население относилось как к интервентам. К тушинцам примыкала и известная часть не только помещиков, но и боярства (одно время в их лагере был и Федор Никитич — один из старейших дома Романовых). Однако политику тушинцев определяла комиссия децемвиров — десять шляхтичей при особе Лжедмитрия II. Реальной силой, на которую опирались децемвиры, были польские войска, игравшие определяющую роль в стане тушинцев. Поэтому, в целом, новый самозванец служил целям панско-шля-

³⁸ Конрад Буссов. «Московская Хроника», стр. 156.

хетских интервентов, выступал как сила антинациональная. Далеко не случайно поведение тушинцев было обычным поведением интервентов.

Буссов пишет о втором самозванце: «Где только можно было причинить ущерб москвитам, там его десять тысяч ратников не ленились — жгли, убивали, грабили всюду, куда им только удавалось попасть». Автор рисует впечатляющую картину лагеря в Тушино — это наиболее выразительное описание этого лагеря во всей литературе иностранцев о русских делах этой поры: «Они завалили лагерь всяким провиантом: маслом, мукой, медом, питьевыми медами, солодом, вином, всевозможным скотом в таком изобилии, что можно было удивляться. Головы, ноги, печень, легкие и другие внутренности животных выбрасывались, и их так много лежало всюду на проходах в лагере, что *собаки не могли* всего сожрать и из-за этого в лагере распространилось такое зловоние, что даже стали опасаться мора. Ежедневно самые маленькие люди в лагере варили и жарили что только есть отменного, пили больше медов, чем пива, в таком изобилии был найден сотовый мед у крестьян и в монастырях»³⁹.

Закономерно и другое — когда дело пошло к развязке, тушинское войско было раздавлено между решающими силами: с одной стороны это были интервенты, с другой стороны — русский народ. С того момента, когда Сигизмунд III начал осаждать Смоленск, что было открытым переходом к интервенции, — нужда в Лжедмитрии II стала отпадать, и король стал отзывать польские войска из Тушина. С самозванцем осталась лишь некоторая часть польских войск вроде отрядов Сапеги. Началось разложение лагеря тушинцев.

В то же время — уже с осени 1608 г. — началось народное движение против самозванца; оно началось с Галича и охватило коренные территории России. Основной ударной силой против него было крестьянство и посадские люди. Даже примыкавший к самозванцу народ теперь поднялся против него. Буссов говорит только об одной стороне дела, но сторона эта была очень существенна. «Единственной причиной их отпадения от Дмитрия были несправедливости и большие бесчинства поляков, которые не могли отказаться от грабежей и насилия, пока их не стали спускать под лед, перерезать им горло или даже вздергивать на виселицу. Они отнимали силой у бедняков, невзирая на то, что те присягнули Дмитрию, все, что у них было, как если бы это были злейшие враги, а ведь эти бедные люди много отдавали в лагерь на содержание войска. Из-за этого им приходилось все прятать и закапывать в землю от грабителей поляков, что слишком тяжело было постоянно терпеть этим людям и дало им повод взбунтоваться против грабителей — солдат Дмитрия и отпасть от него»⁴⁰.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, стр. 157—158.

Из тушинского лагеря против восставших были двинуты войска. «Но крестьяне в своих лагерях так окопались и укрепились частоколами или тынами, что поляки ничего не смогли с ними поделаться и должны были оставить их в покое»⁴¹. Лишившись поддержки польского короля и столкнувшись с русским народом, тушинский лагерь сходит на нет. Материал, который приводит Буссов, позволяет сделать этот вывод.

С сентября 1609 г. панско-шляхетская интервенция выступила открыто. В этом же году в качестве союзников русских пришел большой шведский отряд, в котором были люди из разных стран. Эти «разноземцы», которыми командовал Делагарди, «тоже не оставили на месте ничего, кроме слишком горячего или слишком тяжелого»⁴². С юга надвинулись татары, они «увели за рубеж бесчисленное множество захваченных людей и скота, не считая того, сколько они поубивали старых и малых, не имевших сил идти с ними, да и скота тоже. А об ужасном вреде, который они причинили стране поджогами, и говорить не приходится. В то время раздавались горестные стенания жителей, потерявших не только скот, но и людей, ибо многие жены лишились мужей, мужья — жен и детей, так что даже камень — и тот разжалобился бы»⁴³.

За каждый акт сопротивления интервенты жестоко мстили. За смерть польского ставленника ярославского воеводы Иоахима Шмидта на русских обрушились войска пана Лисовского. «Он превратил в пепел весь Ярославский посад, потом пошел дальше в глубь страны, убивая и истребляя все, что попадалась на пути: мужчин, женщин, детей, дворян, горожан и крестьян. Он сжег дотла большие селения — Кинешму и Юрьевец Польский и возвратился в лагерь под Троицу с большой добычей. Какой значительный вред был нанесен в этом году убийствами, грабежом и пожарами этим отпавшим городам... Я часто удивлялся, как эта земля так долго могла выдерживать все это»⁴⁴.

Рассказ Буссова дает представление о том, как нарастала волна народного гнева и как народ все больше становился главной силой, которая выбросила интервентов из страны. Ни правительство Шуйского, ни «семибоярщина» после его свержения, ни даже победы Скопина не решали дела. Все шло на соглашение с интервентами и не смогли создать силу, способную освободить страну. И только когда поднялся доведенный до отчаяния сам народ — крестьянство, посадские люди, к которым присоединилась часть землевладельцев и духовенства, — освобождение страны стало возможным.

Этот процесс Буссов наблюдал в самой Москве, занятой панско-шляхетскими войсками, которым продал в это время свою

⁴¹ Конрад Буссов. «Московская Хроника», стр. 158.

⁴² Там же, стр. 157.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, стр. 158.

шпагу и наш автор. Он был очевидцем восстания москвичей 19 марта 1611 г. Известно, что интервенты подавили восстание, сожгли Москву и затворились в Кремле, ожидая подкреплений. Вот как это выглядело по рассказу Буссова — очевидца и участника событий на стороне интервентов. В течение двух дней Москва «обратилась в грязь и пепел, и не осталось от нее ничего, кроме Кремля с предкремлевской частью, занятых королевскими людьми, и нескольких каменных церквей. Большинство же прочих церквей внутри и снаружи Белой стены — самая внешняя, четвертая, окружная стена, которая шла вокруг всей Москвы, со всеми домами и дворами, стоявшими внутри, равно как и усадьбы князей, бояр и богатых купцов у Белой стены — все было превращено в пепел»⁴⁵.

Начался повальный грабеж; «воинские люди только и делали, что искали добычу. Одежду, полотно, олово, латунь, медь, утварь, которые были выкопаны из погребов и ям и могли быть проданы за большие деньги, они ни во что не ставили. Это они оставляли, а брали только бархат, шелк, парчу, золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг. В церквях они снимали со святых (икон) позолоченные серебряные ризы, ожерелья и вороты, пышно украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Многим польским солдатам досталось по 10, 15, 25 фунтов серебра, содранного с идолов, и тот, кто ушел в окровавленном, грязном платье, возвращался в Кремль в дорогих одеждах; на пиво и мед на этот раз и не смотрели, а отдавали предпочтение вину, которого несказанно много было в московитских погребах — французского, венгерского и мальвазии. Кто хотел брать — брал... Из спеси солдаты заряжали свои мушкеты жемчужинами величиной с горошину и с боб и стреляли ими в русских, проигрывали в карты детей знатных бояр и богатых купцов, а затем силою навсегда отнимали их от отцов и отсылали к их врагам, своим родителям и родственникам»⁴⁶. И все это, как полагает Буссов, московитам было положено за грехи, ибо, «кто чем согрешит, тем и наказывается».

Во время освобождения Москвы вторым ополчением нашего автора не было в столице, поэтому ничего вразумительного об этом событии он сообщить не смог. Произошла, как известно, расправа с интервентами, но Буссов ничего о воздаянии интервентам за грехи уже не говорит. Больше того, он убежден, что русские должны поплатиться за расправу с оккупантами, ибо «мало вероятно, чтобы его величество король польский... как и сын его королевского величества принц Владислав, оставили неотмщенным причиненное им великое бесчестье». В этом Конрад Буссов оказался прав. В 1618 г. панско-шляхетская армия снова была под Москвой. Но в этом же году дело кончилось Деулинским перемирием.

⁴⁵ Там же, стр. 188.

⁴⁶ Там же, стр. 189.

ЖАК МАРЖЕРЕТ.

«СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ В НАЧАЛЕ XVII в.»
(1607 г.)

Капитан Маржерет (точнее Маржерэ) был военным наемником, служившим многим хозяевам. Поначалу он был в войсках Генриха IV в последний период гугенотских войн во Франции, потом помогал Трансильвании и Венгрии в борьбе с турками, служил в польских, затем немецких войсках. С 1600 г. явился в армию Бориса Годунова, командовал конным отрядом, участвовал в бою под Добрыничами и сыграл большую роль в победе над войсками самозванца. После смерти Бориса передан самозванцу, командовал первой ротой его личной стражи, стал одним из его приближенных. После гибели Лжедмитрия I уехал в конце 1606 г. во Францию и там в следующем году по поручению Генриха IV выступил с книгой воспоминаний о России, которая получила известность у нас под сокращенным названием «Состояние Российской державы в начале XVII века»⁴⁷.

Но Маржерет снова отправляется в беспокойную Россию, воюет на стороне Лжедмитрия II, потом переходит на сторону польских интервентов, он — участник сражения при Клушине. В марте 1611 г., когда москвичи восстали и окружили интервентов в Китай-городе, Маржерет со своим отрядом спас окруженных от поражения. Однако, не будучи уверенным в их конечной победе, капитан покидает Москву, отправляется к королю Сигизмунду, который делает его членом Королевского совета, но неугомонный капитан скоро оказывается в Германии, а оттуда в 1612 г. решил снова проситься на русскую службу. Подозревая, что Маржерет может оказаться человеком Сигизмунда, князь Пожарский его в Россию не пустил.

Книга Маржерета касается русских событий только до момента гибели первого самозванца. О дальнейшем участии Маржерета в этих событиях мы знаем из других источников, в частности из «Московской Хроники» Буссова. Таким образом, французский кондотьер рассказывает лишь о части событий, кроме того, он наблюдал их, главным образом, в самой Москве и очень мало знает о положении во всей стране; низвержение Лжедмитрия I он не видел, — был в то время болен. Поэтому восстание москвичей 17 мая 1606 г., так подробно описанное Конрадом Буссовым, у Маржерета получило слишком краткое освещение.

⁴⁷ «Etat de l'Empire de Russie, et Grand Duché de Moscovie, avec ce que s'y est passé de plus mémorable et tragique pendant le règne de quatre Empereurs; à sçavoir depuis l'an 1590, jusque en septembre 1606. Par le Capitaine Margeret». Paris, 1607; *J. Margeret. Etat de l'Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie.* Paris, 1946.

Но у сочинения Маржерета есть и несомненные достоинства. Автор пишет, как правило, лишь о том, что сам наблюдал или в чем он был уверен. В тех случаях, когда он писал с чужих слов или когда он не уверен в своих суждениях, у него можно встретить оговорки: «по словам как иностранцев, так и русских...»⁴⁸, «Пронесся слух...»⁴⁹ или «Если не ошибаюсь...»⁵⁰ Иногда в имеющиеся у него сведения он вносит поправку: «В России нет никаких минералов, исключая железа, очень мягкого; впрочем, я сомневаюсь, чтобы в столь обширной стране не было других руд; не достает только людей, искусных в горном деле»⁵¹. Он не раз подчеркивает — «я видел, что ...». Он четко разграничивает собственную аргументацию какого-либо предположения от рассказа о виденном. Например, он исходит из того, что воцарившийся на русском престоле претендент есть не самозванец, а подлинный сын Грозного. Этому посвящена заключительная часть его сочинения. Читатель не сомневается, что речь идет всего лишь о личных домysлах автора.

Обращает на себя внимание само заглавие книги в его подлиннике — в традиционном русском переводе это исчезло. А именно в самом заглавии сказалась суть отношения автора к описываемым событиям. Автор хочет рассказать о самом *памятном* и самом *трагическом*, что случилось в России за время с 1590 по 1606 год. Выражением этого трагического, в глазах Маржерета, явилось и то обстоятельство, что за эти полтора десятка лет в России сменилось четыре царя. Таков замысел.

Не приходится забывать, что книга французского капитана писалась по заказу Генриха IV и посвящена этому герою гугенотских войн, на глазах которого (как и на глазах и самого Маржерета) протекала недавняя трагедия Франции. Едва ли можно сомневаться, что трагедия эта довлела над сознанием автора, когда он писал о самом *памятном* и самом *трагическом* в России. Русские события служили ему параллелью событиям во Франции. Не случайно, что Конрад Буссов проводит параллель между Варфоломеевской ночью и восстанием в Москве 17 мая. Не исключено, что такое сравнение родилось под влиянием книги Маржерета, которую Буссов читал.

Географию России Маржерет передает в достаточной мере точно, если не считать сказки о злосчастном «астраханском баранце». На Западе вплоть до XVIII в. верили, что в окрестностях Астрахани водятся животные-растения; по словам Маржерета, они «вырастают из земли, только не могут отделиться от корня; к нему привязывает их как бы кишка длиною 3 или 4 сажени; и потому они живут до тех пор, пока не съедят кругом

⁴⁸ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., ч. 1, стр. 258.

⁴⁹ Там же, стр. 305.

⁵⁰ Там же, стр. 259.

⁵¹ Там же, стр. 275.

себя всей травы»⁵². Об этом «баранце» писали Герберштейн, Олеарий и другие, но не этот курьез определяет историко-географический очерк в книге Маржерета.

Следует указать на чрезвычайно важное обстоятельство, на которое обратил внимание автор. В письме к Генриху IV он указывает, что Россия играет огромную роль в истории Запада — *она прикрывает его от набегов кочевой Азии*; «Я могу уверить, что Россия, описанная мною по приказанию Вашего величества в этом сочинении, служит христианству твердым оплотом, что она гораздо обширнее, сильнее, многолюднее, изобильнее, имеет более средств для отражения скифов и других народов магометанских, чем многие воображают»⁵³, — так сформулировал он это в приятых тогда выражениях. Борьба с татарами — а борьба с крымскими татарами продолжалась и во времена Маржерета — положила свою печать не только на русскую историю, но и на географию России. В сторону юга Россия тогда густо населена была только до Ливен. Далее в пограничных степях русские для отражения крымцев построили многие города, которые только заселялись. Живя под угрозой татарских набегов, горожане возделывали землю только в окрестностях своих городов.

Капитан-француз, по его собственным словам, знал русский язык; он настолько в этом убежден, что с полной уверенностью судит о правильности русского произношения у Лжедмитрия I. Но едва ли можно предположить, что Маржерет сам читал русскую летопись.

Начало русской истории Маржерет ведет согласно летописному рассказу о призвании варягов⁵⁴. Скорее всего, он слышал варяжский сказ от самих русских. Это, видимо, свидетельствует о том, что версия о варягах из столетия в столетие почиталась в папде как общепринятая концепция начала русского государства. Это имело целью утвердить и возвысить Россию в истории. В официальной сфере дело со сказом о варягах обстояло гораздо сложнее (см. Введение к данной книге).

Но Маржерета интересует, прежде всего, русская современность, происхождение и характер событий, участником которых он был. Автор не жалуется на русских, считая их пародом до крайности лепивым, подверженным пьянству, не говоря уже о невежестве. Он не говорит ни об одной хорошей черте русских.

Остается удивляться, кто же этот парод кормит, кто ведет героическую Крестьянскую войну против русских феодалов и кто же, наконец, очистит русскую землю от интервентов? Это тем более удивительно, что Маржерет был вынужден покинуть Россию,

⁵² Н. Г. Устрялов. Указ. соч., ч. 1, стр. 250.

⁵³ Там же, стр. 247. Под скифами Маржерет понимает кочевников вообще.

⁵⁴ Там же, стр. 253—254.

считая дело интервентов безнадежным. Но это не значит, что француз не наблюдал отрицательных фактов, о которых он говорит. Недостаток его наблюдений состоит в том, что он не понимает связи фактов с социальным и политическим положением народа в условиях тогдашней России, он их *обобщает* в некую прирожденную черту многих миллионов людей.

В одном месте он все же делает попытку объяснить подмеченную особенность русских. Автор заинтересовался вопросом — почему у русских не в ходу поединки, которые, как известно, на Западе были обычным явлением. И он дает следующий ответ: «Во-первых, потому, что ходят всегда безоружные, исключая военного времени или путешествия; во-вторых, потому что оскорбленный словами или другим образом ведается судом, который определяет виновному наказание, именуемое *бесчестьем*»⁵⁵.

Маржерет говорит об *экономическом* положении России. В такой обширной стране, как уже говорилось, должны быть богатые ископаемые, но нет людей, которые бы их разрабатывали. Его интересует торговля, о которой он говорит довольно подробно: «Не взирая на ... разнообразные налоги, Россия — государство очень богатое. Не высылая денег за границу, но ежегодно скопляя их, русские платят иноземцам обыкновенно товарами: мягкой рухлядью, воском, салом, кожами воловьими и оленьими, сафьяном, льном, пенькою, всякого рода веревками, икрой (которой очень много отправляется в Италию), соленой семгрой, ворванью и другими произведениями; хлеба же не смеют вывозить за границу в сторону Ливонии, не взирая на чрезвычайное изобилие его. Сверх того, русские променивают иностранцам поташ, льняное семя, пряжу, не покупая ничего от них на чистые деньги; даже сам царь серебром платит тогда, когда сумма не превышает 4 или 5 тысяч рублей; обыкновенно пушным товаром или воском»⁵⁶.

Казна русского государства была средоточием огромных богатств, но богатства эти заключались не столько в монете, сколько в золотых и серебряных вещах. Маржерет был вхож в кладовые царской казны и оставил описание их сокровищ. «Вся эта посуда — русской работы. Кроме того, есть множество серебряной утвари немецкой, английской, польской, поднесенной царю иноземными послами или купленной за редкость изделия»⁵⁷.

В книге Маржерета мы находим описание административного, финансового, судебного и военного устройства России. Автор обратил внимание, что в государственной практике по закону строго преследуется лихоимство; «никто из судей или сановников не смеет принимать никаких подарков от просителей: если обвинят судью или собственные слуги или подарившие или дру-

⁵⁵ Там же, стр. 296.

⁵⁶ Там же, стр. 272—273.

⁵⁷ Там же, стр. 274.

гие люди, то уличенный в лихоимстве теряет все свое имущество и, возвратив дары, подвергается *правежу*... для уплаты в пеню, по назначению государя, пятисот, тысячи или двух тысяч рублей по степени сана. Но виновного дьяка наказывают всенародно кнутом, т. е. секут плетью, а не розгами, привязав к шее лихоимца кошелек серебра, мягкую рухлядь, жемчуг, даже соленую рыбу или другую вещь, взятую в подарок; потом отправляют наказанного в ссылку, чтобы прекратить беззаконие и на будущее время»⁵⁸.

Особенностью русской армии являлось палачье в ней своеобразных казачьих формирований. Казаки обитают «по берегам» Волги, Дона и Днепра; часто они вредят татарам более, нежели вся русская армия. Государь дает им небольшое содержание; за то они имеют право своевольничать как хотят; временами могут приходить в пограничные города, продавать там добычу и покупать необходимые для себя вещи. Царь, намереваясь воспользоваться их оружием, посылает им порох, свинец и от 7 до 10 тысяч рублей... Эти казаки, в случае надобности, оставляют свои жилища и в числе 10 тысяч усиливают русскую армию»⁵⁹.

Вершиной всей государственной машины является всевластный русский монарх. «Он имеет власть поражать всякого огнем и мечом, невинного и виновного. Владетель России, по моему мнению, есть самый неограниченный из всех известных венценосцев; каждый русский, знатный и незнатный, самые царские братья называют себя *холопами государевыми*»⁶⁰. Маржерет или не дает этому факту никакой оценки или, как дисциплинированный солдат, считает русский абсолютизм явлением положительным. Так, например, он поступает, говоря о роли России в защите Запада от набегов степных кочевников. Только имея столь могучую государственную власть, Россия может играть эту роль: «Властвуя неограниченно, царь заставляет подданных повиноваться своей воле беспрекословно; порядком же и устройством внутренним ограждает свои земли от непрерывного нападения варваров»⁶¹.

Маржерет почти полностью обошел социальный строй России, где собственно и крылись наиболее глубокие причины начавшейся гражданской войны, свидетелем которой довелось быть французскому кондотьеру. События начала XVII в. в его представлении были порождены известным голодом 1601—1603 гг. Несмотря на то, что автор, занятый войной, никогда, по выражению Устрялова, «не беседовал с музами», тем не менее у Маржерета — бойкое перо, он очень последовательно и легко излагает

⁵⁸ Н. Г. Устрялов. Указ. соч., ч. 1, стр. 266.

⁵⁹ Там же, стр. 283—284.

⁶⁰ Там же, стр. 265.

⁶¹ Там же, стр. 247.

события. Добиваться воздействия на читателя ему помогают его поиски трагического, явлений, достойных внимания.

Первым трагическим явлением, на котором остановился его взгляд, и был страшный голод в России. Маржерет нарисовал потрясающую картину. Голод поразил огромную страну. Не только в домах, но и по дорогам валялись мертвые и умирающие люди. Рушились семьи, распадалась людские отношения, были случаи людоедства. Борис Годунов начал денежные раздачи голодающим, но это только ухудшило положение. Люди хлынули в Москву, столица оказалась забитой умирающими, ибо нищенские раздачи не спасали людей от голодной смерти. Раздачи пришлось прекратить, положение народа было безвыходным. Но это было и тяжелым ударом по самому государству: «Голод очень уменьшил силы и доходы государственные».

Вторая трагедия, которую рисует Маржерет, была трагедия царя Бориса Годунова. Она начиналась с той ситуации, которая создалась. Народ, доведенный голодом до отчаяния, готов был восстать. К этому прибавилась боярская оппозиция. Кроме того, Борису, не обладавшему наследственным правом на престол, приходилось думать об устранении конкурентов и о юридическом закреплении своей династии у власти. Борис искал выхода, но все обернулось против него. Народу он помочь не мог. Она начал борьбу против непокорных бояр средствами царя Ивана IV, но, как показали события, измена бояр жила. Он пытался убить царевича Дмитрия, но и здесь его постигла неудача (как уже говорилось, Маржерет пытался доказать, что Лжедмитрий I был сыном Грозного, поэтому он утверждал, что в Угличе был убит другой мальчик). Попытка заключить династические браки тоже потерпела крах. И Борис, который «начал царствовать мирно, счастливее всех своих предшественников», превратился в человека, готового на любое преступление, в фигуру глубоко трагическую.

В этой ситуации выступил самозванец (в понимании Маржерета — царевич Дмитрий). С этого начался главный акт трагедии, который прошел на глазах самого Маржерета. Военные действия, начавшиеся со вступлением войск самозванца в Россию, автор описывает пером профессионального военного. К чести автора следует сказать, что о своих собственных боевых подвигах он не говорит ни слова, несмотря на то, что в сражении под Добрыничами он сыграл крупную роль в разгроме войск самозванца. К его чести надо сказать и другое — в его оценках присутствует подход не только военного, но и политика. Он хорошо видел, что в войске самозванца были не только польские отряды, но и перешедшие на его сторону русские воинские части, донские и запорожские казаки, а также крестьяне, которых стали обучать ведению боя.

Смерть Бориса послужила толчком к повороту событий, дело приняло явно политическую окраску — па сторону самозванца пе-

реходит русское войско, часть боярства и население Москвы. Лжедмитрий I вступает в столицу. Маржерет, ставший одним из начальников охраны самозванца, попадает в центр событий. Он приводит очень важное известие — новый царь помиловал Василия Шуйского «по ходатайству царской матери, поляка Бучинского и других особ»⁶², а вскоре Шуйский, как известно, был призван ко двору. «Никогда Дмитрий не поступал так неблагоприятно, как в том случае: помиловав Шуйского, он погубил самого себя»⁶³. Из этого следует, что с самого появления самозванца в Кремле стали действовать силы, которые не связывали свои планы с Лжедмитрием I как с русской, так и с польской стороны. В частности Бучинские, дававшие свои показания после гибели Лжедмитрия, говорили о своих разногласиях с самозванцем не только из страха — если верить Маржерету, они придерживались своих взглядов и при самозванце.

Охранявший нового царя, Жак Маржерет хорошо знал, что атмосфера вокруг пришельцев сгущается. Поведением пришлого правителя и бесчинствами интервентов был возмущен народ, возмущено большинство боярства. Стали долетать сведения о заговоре против Лжедмитрия I. Схватили дьяка, подозреваемого в участии в заговоре, но и под пытками дьяк не признался и никого не выдал. Боярин Михайло Татищев не постеснялся вступить в спор с самим царем из-за несоблюдения русских обычаев. За пределами Москвы выступили казаки, объявившие претендентом на русский престол царевича Петра (якобы сына царя Федора Ивановича). Недостатка в тревожных признаках не было.

Наконец, грянул сам переворот 17 мая. То была трагедия, которую сам Маржерет не наблюдал, поэтому он не мог сообщить ничего нового об этом событии. От других авторов мы знаем гораздо больше. Наш автор сообщает подробное описание внешности Лжедмитрия I, но и в этом нет ничего нового. Зато, настроенный враждебно по отношению к главе заговора Шуйскому, он мог сообщить о трудном положении очередного царя России. Недоволен был народ. В интерпретации Маржерета речь шла о страсти к переменам, потому что новые перемены означали новый грабеж. Вот один случай, когда выступил народ — «собрались толпы черни, приученной к добыче прежними переменами и согласной, в надежде грабежа, иметь еженедельно нового государя: ее с трудом усмирили»⁶⁴. Вот другой случай — некоторая часть народа собралась на дворцовой площади: «Думают, что если бы Шуйский вышел из дворца или вся чернь собралась на площади, ему не миновать бы участи Дмитрия»⁶⁵. Вот третий случай: Шуйскому предстояло встретить гроб с прахом царевича Дмитрия,

⁶² Н. Г. Устрялов. Указ. соч., ч. 1, стр. 299.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, стр. 307.

⁶⁵ Там же, стр. 308.

перевозимый из Углича в Москву: «Говорят, что царя хотели побить камнями, когда он вместе с патриархом и духовенством вышел за город навстречу гробу; но бояре успели укротить чернь прежде, чем она успела собраться»⁶⁶.

Снова разнеслась молва, что Дмитрий жив, а вместо него убит другой. «Тогда я полагал, что ее распускали... новые злоумышленники в надежде воспламенить в народе ненависть к Василию Ивановичу Шуйскому, начальнику возмущения, и тем удобнее достигнуть своей цели»⁶⁷. Начались восстания на местах; в южных городах «мятежники схватили воевод и побили часть войска»⁶⁸.

Гражданская война продолжалась, но Маржерет уже выезжал из России.

3.

ИСААК МАССА.

«КРАТКОЕ ИЗВЕСТИЕ О МОСКОВИИ В НАЧАЛЕ XVII в.» (1610—1611 гг.)

Итальянец по происхождению, голландский купец по профессии, кальвинист по вере, в молодости он был отправлен в Москву для изучения торгового дела. Путешествие это важно в двух аспектах, оно показывает, что Россия в начале XVII в. уже считалась вполне подходящим местом совершенствования в торговле, кроме того, его миссия свидетельствует, что монополия английских купцов в России приходила к концу. Это отметил и сам И. Масса: англичане «давно изыскивали всяческие средства для того, чтобы захватить в свои руки торговлю в стране, и желали отстранить от нее голландцев», они обещали «снабжать Московию всем необходимым, их товары будут дешевле и лучше, нежели у голландцев и других народов». Борис Годунов ответил, что «все нации в этом отношении для него равно любезны, что он желает со всеми жить в дружбе; сверх того <другие иностранцы> исправно платят подати и пошлины, составляющие доход государей московских, и значит имеют право вести торговлю так же, как и англичане»⁶⁹.

И. Масса пробыл в России с 1601 по 1609 г., а затем попал в Россию в 1612 г. Известна его торговая и дипломатическая деятельность⁷⁰, но еще более известно его сочинение о Крестьян-

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, стр. 305.

⁶⁸ Там же, стр. 306.

⁶⁹ *Исаак Масса*. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, стр. 58.

⁷⁰ *В. А. Кордт*. Очерк сношений Московского государства с республикой Нидерландов по 1631 год.— «Сборник Русского Исторического общества». т. 116. СПб., 1902, стр. СХII—ССV; кроме того, сохранилась инструкция

ской войне и иностранной военной интервенции в России начала XVII в., свидетелем которых он был в течение многих лет. Сочинение свое Масса написал, вероятно всего, в промежутке между двумя путешествиями в Россию — 1610—1611 гг. При жизни автора его труд не был опубликован, попытка Исаака Массы найти себе покровителя в лице Морица Оранского, судя по всему, успеха не имела. Ему удалось лишь напечатать две статьи о Сибири в одном голландском географическом сборнике⁷¹, весь же его труд целиком увидел свет лишь в 1866 г.⁷² В России голландский текст был опубликован в 1868 г.⁷³, а вскоре появился и русский перевод⁷⁴. Наконец, в 1937 г. издан новый русский перевод с голландского А. Морозова («Краткое известие о Московии в начале XVII в.»). Несмотря на позднюю публикацию труд Исаака Массы, очевидца описываемых событий, стал одним из главных иностранных источников по русской истории тех бурных лет.

Мировоззрение купца начала XVII в.

Происходя, по его словам, из «достойной семьи», он не любил простой народ, который, по его мнению, «всегда злобен и неразумен»⁷⁵. Он жил только в Москве, поэтому плохо знает события на периферии, в некоторых случаях говорит о них слишком бегло. Его рассказ о «Смуте» обрывается после 1609 г., когда он уехал из России, поэтому у его рассказа нет «конца». Иногда автору мешает то обстоятельство, что он «никогда не обучался письму кроме как сам у себя, а также почти ничему не учился, иначе бы сумел расположить все <это сочинение> в более добром порядке»⁷⁶.

И тем не менее, труд Исаака Массы чрезвычайно ценен. Эта ценность, прежде всего, в богатых личных наблюдениях автора. С полным основанием голландский свидетель считал себя знатком русских событий, ибо «мне надлежит иметь о них основательные сведения, так как я прожил восемь лет в этой стране, в ее столице, и будучи любознательным, мог видеть и подробно и обстоятельно узнавать обо всем при дворах различных благо-

Генеральных Штатов Голландии Исааку Массе и его три письма из Архангельска в августе 1614 г. о делах в России (См. «Записки о России XVII и XVIII веков по донесениям голландских резидентов». — «Вестник Европы», 1868, январь, стр. 233—245; 1868, август, стр. 1616—1618).

⁷¹ М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. I. Иркутск, 1932, стр. 238—248; отрывки из статей И. Массы — стр. 249—261.

⁷² «Histoire des Geurres de la Moscovie (1601—1610) par Isaac Massa de Haarlem». Bruxelles, 1866, 2 vol. — голландский текст и французский перевод.

⁷³ «Rerum Rossicarum Scriptores Exteri», t. II, М., 1868.

⁷⁴ «Сказание Массы и Геркмана о Смутном времени в России». СПб., 1874.

⁷⁵ Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в., стр. 176.

⁷⁶ Там же, стр. 16.

родных людей и дьяков, и я все время искал их расположения; и все это я изложил по порядку, насколько умел»⁷⁷. Автор сам говорит о своих источниках. Проживя не один год в России, Исаак Масса знал русский язык, на что он сам указывает, он свободно общался с русскими. Но едва ли можно говорить о каких-либо письменных источниках, речь идет об источниках устных. Молодому голландскому купцу не было доступа во дворец — и самому дворцу тогда было не до купцов — иноземец ловил сведения на улице, он искал их «при дворах различных благородных людей и дьяков», т. е. тех дворян и чиновников, к которым посылал его хозяин. Новостями тогда была полна Москва, о событиях говорили всюду, недостатка в слухах не было, наблюдателю оставалось лишь отбирать нужное, услышанным дополнять увиденное. Он порой видел то, чего не увидели или о чем не сообщили другие, а поэтому у Исаака Массы можно встретить подробности, каких нет у других авторов.

О времени Грозного и Федора Ивановича он пишет по материалам, собранным из вторых рук, о времени же Бориса Годунова и времени междоусобной войны «я буду описывать только виденное мною»⁷⁸. Время последних Рюриковичей он рассматривает как введение, после чего надлежит «приступить к повествованию, которое мы намеревались изложить»⁷⁹. И это живое впечатление очевидца вводит читателя в атмосферу описываемых событий, делает его прямым наблюдателем того, что видел сам автор. Вот канун 17 мая — знаменитого дня восстания москвичей против первого самозванца: «И в Москве повсюду стояла тишина, приводившая в изумление, и тишина эта не была обыкновенной; она должна была служить предостережением тем, кто по воле божией не слышали, имея уши, не видели, имея очи, что погрязли в чувственных утехах, разврате и пьянстве и никому не уважали, почитая москвитов хуже собак, и жили по своему глупому разумению»⁸⁰.

Это было не только предчувствие: «В тот вечер несколько поляков силой вытащили одну знатную боярыню из повозки с намерением ее изнасиловать, невзирая на то, что ее окружало много слуг, и народ ударил в набат и отнял ее у них невредимую, и они <поляки> разбежались. Полагая, что где-нибудь сделался пожар, ибо не в урочное время зазвонили в колокола, я выбежал на крышу посмотреть, что случилось, но ничего не видя и не слыша, я взглянул на луну, которая была совершенно кровавою, что меня весьма устрасило, и в эту же ночь мы схоронили нашу утварь и добро, и многие люди зарыли в землю свои драгоценности, деньги и сокровища. И мы, подобно другим, страшась несчастья,

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, стр. 33.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же, стр. 137.

заперли наши ворота и поставили сторожей»⁸¹. Пусть кровавая луна вставлена тут для прикрасы, но и она передает атмосферу тревожного ожидания беды. Да и что удивительного, если ожидавшему любого несчастья молодому голландцу луна и в самом деле показалась кровавой!

Иногда читатель начинает испытывать то же ощущение, которое испытывал автор несколько столетий назад. Обратимся к более позднему времени. Исаак Масса рассказывает о том, что пленных из войск Болотникова по распоряжению Шуйского топили в Москве-реке: «Эта водяная казнь столь ужасная, что ее нельзя представить и в мыслях, совершалась в Москве уже два года кряду, и все еще не было конца, и когда весной наступило половодье, то вместе со льдом выносило на равнину трупы людей, наполовину съеденные щуками и <другими> рыбами, которые ели с них мясо, и эти мертвые тела лежали там <по берегам> и гнили тысячами, покрытые раками и червями, точившими их до костей; все это я сам видел в Москве»⁸².

Наш автор не раз вводит в свое повествование элемент чудесного; считает нужным, например, доводить до сведения читателя, как на московских улицах говорили об убитом самозванце — одни говорят, что он был «чародей и вор, действовавший по наущению дьявола... некоторые говорят, что то был сам дьявол»⁸³. Семнадцатый век — время, когда даже среди исторических писателей еще можно было встретить религиозное объяснение событий; купец Исаак Масса не был исключением; как человек религиозный он склонен к рассуждениям на этот счет. Но надо иметь в виду некоторые обстоятельства. Он — кальвинист, а поэтому скептически относится и к православию и к католицизму. Рассказывая о чудесах, о которых говорили в Москве, он не раз называет их бреднями и небылицами.

Он издевательски отнесся к затее Шуйского с перенесением «нетленных» мощей царевича Дмитрия из Углича в Москву, к разыгранной комедии исцеления калек у его гроба. Он говорит, что истлевший прах царевича заменили другим покойником, а что касается исцелившихся, то «плутовство было осязательно, ибо негодяи, получившие видимое исцеление, были для того подкуплены, чтобы клятвами доказывать свое исцеление, и они портили себе глаза каким-то веществом, также представлялись хромоногими, и другие подобные плутни, и большая часть этих молодчиков была незнакома в Москве и <собиралась> из чужих мест»⁸⁴. Он даже пытался разоблачить обман, советовал русским, чтобы «они взяли слепых, сидящих и просящих милостыню у дверей нашего и других домов или хромых и калек, сидящих на всех

⁸¹ *Исаак Масса*. Краткое известие о Московии в начале XVII в., стр. 137.

⁸² Там же, стр. 173.

⁸³ Там же, стр. 148.

⁸⁴ Там же, стр. 161—162.

углах улиц, и отвели бы их в церковь, дабы они прозрели, стали ходить и слышать, но мне возражали, что эти <люди> не тверды в своей вере»⁸⁵.

К католической стороне он не менее беспощаден. Не раз у него речь идет о связях Лжедмитрия I с папством, он согласен с русскими, что «незюиты вместе со своими приспешниками и с самим папой совещались о том, как им вступить в игру»⁸⁶. Это, как известно, вызвало возражения историка «Смуты» иезюита Павла Пирлинга⁸⁷, занимавшегося вопросом об отношении папского престола к самозванцу⁸⁸. Нет сомнений, что купец XVII в. Исаак Масса не может идти ни в какое сравнение с ученым-иезюитом, работавшим в Ватиканском архиве, по современник событий Исаак Масса правильно указал на дипломатическую активность папского престола и разгадал смысл этой активности в сторону Москвы за тот короткий срок, пока Лжедмитрий I находился у власти.

Следует также сказать, что когда наш голландский автор говорит о всякого рода чудесах, то порой речь идет о самых обычных явлениях. Он, например, рассказывает, что однажды облака представляли собой меняющиеся изображения то льва, то верблюда, то великана, то целого города, хотя тут же прибавляет, что «многие обратили на это внимание только для того, чтобы рассмеяться»⁸⁹. В другом месте он ставит неожиданно наступившие морозы в мае в связи с тем, что труп Лжедмитрия I еще не сожжен, но далее говорит, что морозы продолжались и тогда, когда труп уже был сожжен.

Наконец, надо иметь в виду очень важное обстоятельство — все эти чудеса и знамения не отразились на изложении и трактовке самих событий. В труде Исаака Массы все построено по принципу причины и следствия, здесь ничего не происходит чудесным образом.

Почему и как началась «самая удивительная гражданская война»?

О времени Грозного, как уже говорилось, Исаак Масса писал понаслышке, поэтому его показания важны для характеристики той молвы, которая ходила по Москве и прежде всего среди иностранцев после смерти царя Ивана IV. Рассказывая об убийстве Грозным царевича Ивана, автор прибавляет: «Говорят, отец подозревал, что его сын, благородный молодой человек, весьма благоволит к иноземцам, в особенности немецкого происхождения.

⁸⁵ Там же, стр. 161.

⁸⁶ Там же, стр. 148.

⁸⁷ П. Пирлинг. Из Смутного времени. СПб., 1902, стр. 145—163.

⁸⁸ P. Pierling. La Russie et la Saint-Siège, vol. I—III. Paris, 1896—1897.

⁸⁹ Исаак Масса. Указ. соч., стр. 136.

Часто приходилось слышать, что по вступлении на престол он намеревался приказать всем женам благородных носить платье на немецкий лад. Эти и подобные им слухи передавали отцу, так что он стал опасаться сына»⁹⁰. Среди многочисленных версий относительно трагедии в царской семье, видимо, существовала и версия, о которой говорит наш автор.

Из деятельности Грозного голландского купца особенно интересно овладение руслом Волги, по которому шла торговая дорога на Восток, так интересовавшая англичан и голландцев, а больше всего Астрахань, потому что она всегда была большим и людным торговым городом, куда стекалось для торговли множество купцов, «привозивших из Армении жемчуг, бирюзу и дорогие кожи, из Шемахи, Персии и Турции парчу, дорогие ковры, различные шелка и драгоценности, из Аравии много пряностей, от москвитов в свою очередь они получали кожи, сукна, шерстяные материи, бумагу, другие подобные сырые товары, а также икру, которую помногу скупали турки и отправляли в Константинополь»⁹¹.

Исаак Масса, как и некоторые другие иностранцы (Горсей, Петрей и другие), говорит о народных волнениях в связи со смертью Грозного. В ходе этих выступлений угадываются как собственные интересы народа, так и попытки боярских групп использовать их для межбоярской борьбы. «После смерти <царя> в Москве было сильное волнение черни. Вооружившись луками, копьями, дубинами и мечами, <народ> ринулся к Кремлю, ворота которого были заперты, поэтому они разгромили все лавки и арсенал, откуда взяли оружие и порох, намереваясь взломать ворота, и кричали: „Выдайте нам Никиту Романовича!“ домогались увидеть его живым, ибо страшились, что его изведут во время междоусобия... со стен Кремля кричали... „Он жив и здоров. Зачем причинять ему зло?“. Но это нимало не помогло. Чернь продолжала громко кричать, ругая вельмож изменниками и ворами. Вельможи, опасаясь, что чернь проломит ворота Кремля, велели стрельцам с двумя или тремя сотнями мушкетов стрелять по толпе, отчего народ тотчас побежал от ворот, так что большая площадь перед Кремлем тотчас же совершенно опустела»⁹².

Но свою задачу Исаак Масса видел в изображении времени Бориса Годунова, когда началась, по его выражению, «самая удивительная гражданская война». Для голландского автора, как и для некоторых других иностранных свидетелей русской действительности той поры, характерна мысль, что это было трагическое время, а характерным действующим лицом этой трагедии был, прежде всего, сам Борис Годунов. Голландец дал описание его внешности. Он был «дороден и коренаст, невысокого роста, лицо

⁹⁰ Исаак Масса. Указ. соч., стр. 21.

⁹¹ Там же, стр. 23.

⁹² Там же, стр. 32.

имел круглое, волосы и бороду — поседевшие, однако ходил с трудом по причине подагры... Борис был весьма милостив и любезен к иноземцам, и у него была сильная память, и хотя он не умел ни читать ни писать, тем не менее знал все лучше тех, которые много писали; ему было пятьдесят пять или пятьдесят шесть лет, и когда бы все шло по его воле, он совершил бы много великих дел»⁹³.

Но в том-то и дело, что все пошло не по его воле. Борис получил власть, переступив через труп царя Федора Ивановича. Исаак Масса «твердо убежден в том, что Борис ускорил его смерть при содействии и по просьбе своей жены, желавшей скорее стать царицей, и многие москвиты разделяли мое мнение»⁹⁴. Это не подтверждается русскими источниками, но некоторые иностранные авторы (Паэрле, так наз. дневник Марины, Жолкевский и др.) утверждают, что Борис отравил царя Федора. Наш автор, как Буссов и Петрей, исходит из того, что Федор имел желание передать власть какой-либо иной боярской фамилии, и прежде всего Романовым, поэтому Борис овладел скипетром незаконно.

Эту власть Борис охранял столь же незаконными средствами. Он решил убрать с дороги законного претендента на престол — царевича Дмитрия. Видимо, передавая бытовавшую в Москве версию, Исаак Масса уверяет, что Борис об убийстве Дмитрия совещался с Годуновыми, Сабуровыми и Вельяминовыми. Как и Горсей, Буссов, Петрей — а из русских авторов Авраамий Палицын — голландец сообщает, что царевич Дмитрий рос, обещая пойти нравом в своего отца; это, видимо, учитывал Борис, но когда убийство совершилось, то «простой народ, купцы и другие простые люди толковали между собой о Годуновых, говоря втайне, что они изменники и стремятся овладеть царским венцом...»⁹⁵ Чтобы отвлечь внимание народа от убийства царевича Дмитрия, Борис предпринял поджог Москвы. Об этом пожаре сообщают также Буссов, Маржерет, Петрей; есть сведения и в русских источниках, в частности, в таких, как «Новый летописец» и Авраамий Палицын. Этот пожар вместе с распущенными Годуновым слухами о вторжении татар сделал свое дело: люди «оставили все подозрения, так что каждый был занят собственным горем и бедствием и, забывая о всех других делах, оплакивал только свои»⁹⁶.

Постигла Годунова неудача и в попытке породниться с иноземными династиями. Один жених Ксении оказался распутником, другой — датский принц Иоанн — умер в Москве. Говоря о смерти датского принца, наш автор дает красноречивую деталь: о смерти принца сокрушался царь и «многие иноземцы, бывшие в Москве

⁹³ Там же, стр. 97—98.

⁹⁴ Там же, стр. 45.

⁹⁵ Там же, стр. 41.

⁹⁶ Там же, стр. 42.

и надеявшиеся иметь в нем доброго господина и заступника перед царем; но я полагаю, что москвиты радовались, хотя не показывали виду»⁹⁷. Похоже на то, что в Москве боялись заключить брак иностранцев, причиной которого мог бы явиться этот брак. Исаак Масса склонен думать, что для этого были основания — опасаясь враждебности со стороны боярства, Борис не хотел родниться с семьями русских вельмож — для сына он хотел найти невесту на Востоке, а жениха для дочери — на Западе; «он полагал более безопасным иметь зятем немецкого князя, который был бы во всем ему верен и всегда готов сражаться за него»⁹⁸. В этой симпатии Бориса к Западу голландский купец, однако, рассмотрел, что в отличие от Ивана Грозного, ценившего особенно англичан, Борис не отдавал своих симпатий какому-либо одному народу. Когда ганзейское посольство (речь идет о посольстве, прибывшем в Москву 25 марта 1603 г.) стало домогаться беспощадной торговли, в этом ему было отказано.

Борис Годунов в борьбе с боярами пытался опираться на народ, который помог ему захватить престол, но дело осложнил постигший Россию голод. В отличие от Буссова, Маржерета и других, голландский автор не ограничился описанием общей картины голода, он обратил внимание на социальную сторону дела. Несмотря на неурожайные годы, которые считались причиной всех бедствий, в России голода могло бы и не быть, ибо «запасов хлеба в стране было больше, чем могли бы его съесть все жители в четыре года». Главное состояло в том, что «у знатных господ, а также во всех монастырях и у многих богатых людей амбары были полны хлеба, часть его уже погнила от долголетнего лежания, и они не хотели продавать его... Многие богатые крестьяне, у которых были большие запасы хлеба, зарыли его в ямы и не осмеливались его продавать». Даже патриарх, на которого «смотрели в Москве как на вместилище святости, имея большой запас хлеба, объявил, что не хочет продавать зерно, за которое должны будут дать еще больше денег»⁹⁹. Эти люди желали, чтобы голод продлился.

В этих условиях «милостыня», которую по приказанию Годунова раздавали народу, ничего не могла изменить. К тому же, «приказные, назначенные для раздачи милостыни, были воры... и сверх того они посылали своих племянников, племянниц и других родственников в те дома, где раздавали милостыню, в разодранных платьях... и раздавали им деньги, а также своим потаскухам, плутам и лизоблюдам, которые также приходили как нищие... а всех истинно бедствующих, страждущих и нищих давили в толпе или прогоняли дубинами и палками от дверей... если же кому-нибудь удавалось получить милостыню, то ее крали негодяи

⁹⁷ Исаак Масса. Указ. соч., ч. 1, стр. 68.

⁹⁸ Там же, стр. 54.

⁹⁹ Там же, стр. 60—61.

стражники, которые были приставлены смотреть за этим. И я сам видел богатых дьяков, приходивших за милостыней в нищенской одежде»¹⁰⁰.

Таково положение в России. Начались восстания; «крепостные холопы, принадлежавшие различным московским боярам и господам, частью возмутились, соединились вместе и начали грабить путешественников; от них дороги в Польшу и Ливонию сделались весьма опасными... против них царь послал отважного молодого человека Ивана Федоровича Басманова и с ним примерно сотню лучших стрельцов, чтобы захватить тех воров, но те вору скоро проведали о том и подстергли его <Басманова со стрельцами> на узкой дороге посреди леса, окружили и перестреляли почти всех бывших с ним», царь повелел тех разбойников изловить, а изловив, «повесить всех на деревьях на тех же самых дорогах»¹⁰¹. Речь идет о стычке под Москвой в 1603 г., где погиб Иван Басманов и о чем известно из «Нового летописца». Но Исаак Масса смотрит на дело более широко, в масштабах всей страны.

Во всей своей книге он придает огромное значение такому явлению в России, как казачество. Этот интерес стоит, видимо, в связи с тем, что казачество держало под контролем Волгу, которая интересовала голландских купцов как дорога в Персию. Автор наш обратил внимание на тот факт, что еще при Федоре Ивановиче казнили донского атамана за ограбление казаками посла, ехавшего из Персии в Москву¹⁰². Он выясняет, что казаки это «по большей части бежавшие от своих господ холопы, плуты, и вору, и различные бездельники, и поселяются они, главным образом, в татарских степях, близ реки Волги, также неподалеку от Дона и Борисфена <Днепра> и переходят с места на место и оттого соблюдают между собою справедливость и добрый порядок, сами избирают себе начальников, коим беспрекословно повинуются, и называют их атаманами»¹⁰³.

Наконец, Масса приходит к выводу, что казаки превратились в огромную силу в стране. Борис Годунов послал своего родича Степана Степановича Годунова, чтобы привести к присяге ногайцев, просивших защиты от Турции. Но дальше Саратова послу продвинуться не удалось — «на Волге повсюду полно разбойников, всё казаки, которые грабят суда... и убивают людей, того ради многие купцы с товарами, не осмеливаясь плыть по Волге, остались в Астрахани, а те, кто были в Саратове, почли за лучшее отправиться через великую степь и так... прибыли в Москву; и Степан Степанович не мог продолжать путь, ибо казаки возмутили всю страну; то было начало пришествия Дмитрия»¹⁰⁴.

¹⁰⁰ Там же, стр. 61.

¹⁰¹ Там же, стр. 71.

¹⁰² Там же, стр. 45.

¹⁰³ Там же, стр. 77.

¹⁰⁴ Там же, стр. 74.

Когда Исааку Массе нужно было назвать причину вспыхнувшей в России Крестьянской войны, он написал: «Весь народ в Московии уже хорошо знал причину этой войны и что причиной ее были казаки»¹⁰⁵.

Перевоороты. Кровавая свадьба

В обстановке народных восстаний произошло вторжение войск Лжедмитрия I. Если не считать Маржерета, то иностранные авторы смотрят на новоявленного Дмитрия как на самозванца. Мы уже видели, что Исаак Масса оценивал его как ставленника Польши, иезуитов и папства. Его вторжение переплелось с Крестьянской войной. Рассказ Исаака Массы дает возможность увидеть всю сложность начавшейся войны. Самозванец — иноземная сила, но его приход создавал для русского крестьянства возможность расправы со своими угнетателями, поэтому вместе с приходом самозванца поднималась волна Крестьянской войны с боярами и помещиками. Войско Бориса, оборонявшее Россию, в то же время расправлялось с русским крестьянством, поднявшим руку на господствующий класс России. Ярким тому примером была расправа войск Бориса с крестьянами Комарицкой волости, перешедшими на сторону Лжедмитрия I. Об этом есть сведения в русских документах («Временник» Ивана Тимофеева), об этом говорит Буссов, об этом рассказывает и Исаак Масса: «и чем больше мучили людей, тем более они склонялись признать Дмитрия своим законным государем, и никакие пытки не могли заставить их отступить от него... московское войско ничего не могло достичь и только всю зиму грабило и разоряло, тогда как войско Дмитрия подвигалось все далее и далее без остановки, занимая все, что оно могло захватить»¹⁰⁶.

Такая же расправа была учинена в Северской земле, а также после сражения под Добрыничами. «После этой победы главный воевода Мстиславский повелел всех пленных, которые были казаками из Московии, рубить саблями, вешать на деревьях, расстреливать и некоторых спускать под лед, но поляков вместе с отбитыми знаменами, трубами и барабанами отправили в Москву...»¹⁰⁷. Такова была расправа над восставшим крестьянством. Этим пользовался самозванец, старался расположить к себе сердца москвитов и часто писал письма, посылая их к народу в Москве с гонцами; то были смельчаки, которые не вернулись обратно, ибо Борис «на всех перекрестках поставил людей, которые подстерегали их и тотчас же вешали»¹⁰⁸. Благодаря поддержке крестьянства самозванец продвигался вперед, казаки взяли Кромь.

¹⁰⁵ Исаак Масса. Указ. соч., ч. 1, стр. 80.

¹⁰⁶ Там же, стр. 82.

¹⁰⁷ Там же, стр. 90.

¹⁰⁸ Там же, стр. 92.

Затруднительным положением Годунова решило воспользоваться оппозиционное боярство. Еще до смерти Бориса на сторону самозванца перешли Василий Михайлович Мосальский, «до конца оставшийся верным Дмитрию», Михаил Глебович Салтыков, который «трижды перебежал из одного лагеря в другой, смотря по тому, где видел выгоду, пока наконец не был заключен в темницу»; из Москвы войску Бориса вез деньги дьяк Богдан Сутунов, но доставил эти деньги... самозванцу в Путивль. К моменту, когда фронт стоял у Кром, стало выявляться поведение воевод Бориса; они переписывались с самозванцем, снабжали его боеприпасами — «в темные ночи часто находили между турами мешки с порохом, которые уносили лазутчики из Кром в присутствии часовых, и много других подобных <дел>»¹⁰⁹. В Кромы из московского лагеря «часто летали стрелы с привязанными к ним письмами, в которых сообщалось обо всем, что происходило в Москве и в лагере, так что приверженцы Дмитрия знали все, что делалось в Москве, как обстоят дела с Борисом... как роптал народ в Москве...»¹¹⁰.

А в Москве в это время умер Борис, «повсюду началось волнение и народ становился все бесчинней, большими толпами сбегался ко дворцу...», стали возвращаться опальные бояре, между боярами начались разногласия; на престол вступил Федор Борисович, но даже сидевшие рядом с ним бояре «смеялись в кулаки» над несчастиями молодого царя. Дело явно шло к перевороту, но перевороту в Москве предшествовал военный переворот под Кромами. Армия Годуновых во главе с новым командующим Петром Басмановым перешла на сторону самозванца; заняв Тулу и Серпухов, эта армия стала приближаться к Москве. Исаак Масса рассказывает, что самозванец действовал не только военным путем, но и агитацией против боярства.

Когда в Москве стали готовиться к обороне, то Исаак Масса, наблюдавший эти приготовления, приходил к выводу, что все это делалось не столько против войск самозванца, сколько против самих москвичей; «я думаю, что все это делали для того, чтобы обуздать народ, ибо чрезвычайно страшились простого народа, который был нищ и наг и сильно желал пограбить московских кушцов, всех господ и некоторых богатых людей в Москве, так что воистину в Москве более страшились жителей, нежели неприятеля или дмитриевцев»¹¹¹.

Наконец два гонца самозванца — Гаврила Пушкин и Наум Плещеев — явились в Москву с грамотой к населению — «они знали, куда клонятся сердца большинства вельмож и жителей, и потому так откровенно въехали»; сторонников Бориса было мало, да они «не смели и пикнуть, так как за это могли по-

¹⁰⁹ Там же, стр. 93.

¹¹⁰ Там же, стр. 94.

¹¹¹ Там же, стр. 105.

платиться жизнью»¹¹². Исаак Масса хорошо показывает, что вступлению самозванца в Москву предшествовал переворот в самой столице, правда, не без содействия самого самозванца. Федор Борисович свергнут с престола, затем вместе с матерью убит; Годуновы и все, связанные с ними, отправлены в ссылку. Именно внутренний переворот расчистил дорогу самозванцу в Москву.

Произошла смена не только царя (которого охраняли теперь казаки и ратники, которые «даже вельможам отвечали грубо, так были они дерзки и ничего не боялись»), но также и смена всей администрации; все прежние «дьяки, подьячие, конюшие, ключники, стольники, повара и слуги были удалены и замещены теми, коим царь более доверял; также сменили правителей по всем областям, городам и другим владениям; и в придворные служители и пажы он взял к себе одних поляков»¹¹³. Вместо сосланного патриарха Иова был назначен другой патриарх — Игнатий, «родом грек, лукавый негодяй, содомит и распутник, которого ненавидел народ»¹¹⁴.

Что касается правления самого самозванца, то по сравнению с другими иностранцами Исаак Масса дает некоторые дополнительные сведения. Он очень много говорит о том, что, став царем, самозванец пытался освободиться от союзников, которых надо было содержать. Он отправил часть польского войска домой, чем вызвал недовольство польских воевод (в их числе Адама Вишневецкого), не раз вступал в конфликт с польским послом, и однажды чуть было не запустил в него скипетром; иногда поступал в угоду литовским вельможам в пику польским; под влиянием некоторых польских магнатов (вроде Сандомирского и Вишневецкого) подумывал даже о подчинении ему самого польского короля. Автор, вероятно всего, передает ходившие по Москве слухи, по в них нет ничего невероятного, они отражали борьбу между магнатскими группировками Польши и Литвы, участвовавшими в походе на Россию. Но, прежде всего, самозванец старался освободиться от казаков.

В Москве был установлен режим террора; тех, «на кого пало подозрение, лишили жизни и устроили; также многих простых людей и граждан в Москве, так что ночью и тайно только и делали, что пытали, убивали и губили людей, но все равно люди не могли молчать; на каждого, что-либо промолвившего против царя, доносили и лишали жизни и имущества»¹¹⁵. В заговоре Шуйского, говорит автор, участвовали не только бояре, по и многие купцы. По всем данным, Исаак Масса был очевидцем несостоявшейся казни Шуйского. Причиной отмены казни он считает не столько заступничество старой царицы, сколько влияние

¹¹² Исаак Масса. Указ. соч., ч. 1, стр. 106.

¹¹³ Там же, стр. 112.

¹¹⁴ Там же, стр. 114.

¹¹⁵ Там же.

Бучинских, один из которых был секретарем самозванца. Они советовали ему не портить отношения с московским боярством. К этому автор прибавляет: «Один из этих Бучинских принадлежал к реформатской церкви, и они были по происхождению немцы»¹¹⁶.

Исаак Масса, как и другие иностранные авторы — Буссов, Маржерет, «Марина», Жолкевский,— говорит, что самозванец, упоенный величием, недооценивал грозившей ему опасности, но все, что сам Масса рассказывает, как, впрочем, и другие иностранцы, противоречит этому утверждению. Самозванец «удвоил стражу во дворце, также отобрал из немцев и ливонцев триста самых рослых и храбрых воинов и поставил из них двести алебардщиками и сто трабаптами», они должны были «держат ночной караул во дворце... трабапты имели при себе каждый раз, когда выезжали, заряженные пистолеты»¹¹⁷. Трабаптами (кавалеристами) командовал Маржерет. Кроме того, царь держал при себе две или три тысячи стрельцов.

Обстановка во дворце была самая тревожная. Однажды ночью там началась тревога, и хоть никаких злоумышленников не нашли, «однако схватили двух или трех человек, которые и под пыткой ни в чем не признались и были казнены». В другой раз самозванец провокационно натравил стрельцов на нескольких их же товарищей, которых подозревали в участии в заговоре, и те были растерзаны. Во время свадьбы самозванца «было объявлено всем стрельцам, коих было числом восемь тысяч, чтобы они во все время свадебного празднества оставались в Кремле в полном вооружении, также большая часть немецких телохранителей и алебардчиков должна была держать караулы под начальством своих капитанов и иметь заряженные ружья»¹¹⁸. В последние дни господства самозванца «повсюду была расставлена сильная стража и полякам велено было бодрствовать всю ночь, и они стреляли всю ночь, думая тем удержат Москву»¹¹⁹. Автор даже полагает, что из-за бдительности охраны заговорщикам пришлось откладывать восстание. И тем не менее восстание произошло.

Голландский автор очень убежденно рассказывает, что свадьба самозванца неизбежно должна была стать тем событием, когда произошел взрыв народного гнева. Русское население обязано было прокормить 6—7 тысяч наехавших гостей, снабжать фуражом их лошадей, предоставлять им лучшие квартиры. Население стало свидетелем бесчинств и издевательств непрощенных и пьяных гостей. Присутствие на свадьбе папского легата тоже не сулило ничего хорошего, сама свадьба проходила с нарушенным

¹¹⁶ Там же, стр. 116.

¹¹⁷ Там же, стр. 118.

¹¹⁸ Там же, стр. 133.

¹¹⁹ Там же, стр. 136.

русских обычаев и т. д. Все это делало время свадьбы удачным моментом для восстания. Заговор охватил несколько тысяч человек, «также из Новгорода и других мест прибыло в Москву со скрытым оружием три тысячи человек, ревнующих об отечестве, и они уговорились о сигнале, по которому совершат нападение»¹²⁰.

Что касается самого восстания, то наш автор очень живо описывает то, что происходило на улице. Сам он это едва ли наблюдал — вероятнее всего, он как иностранец сидел дома, — но потом мог все это слышать от очевидцев. Более сбивчив его рассказ о том, что происходило в самом дворце. Ему приходится прибегать к фразам вроде: «Говорят, что бояре, схватив его <самозванца>, долго расспрашивали, однако, это невероятно, ибо у них не было времени для проволок»¹²¹. О том, что происходило во дворце, как известно, знал более узкий круг людей, менее доступный молодому голландскому купцу, поэтому ему пришлось довольствоваться менее достоверными слухами, которые он собирал уже после событий; на это указывает, к примеру, такая его фраза: «...когда волнение утихло, я вышел из дому, чтобы посмотреть на мертвые тела...»¹²² и т. д. Его описание дня 17 мая уступает поэтому рассказу таких очевидцев, как Маржерет или Буссов. По сравнению с ними, как наблюдатель, Исаак Масса оказался в менее выгодном положении. «Мы, равно как и английские купцы, пребывали в немалом страхе, ибо царские доктора тоже были ограблены, однако... мы были <от того> избавлены». Достоинством рассказа нашего автора о событиях, связанных с 17 мая, является подробное изложение обвинений, которые предъявило правительство Шуйского самозванцу. Среди них свое место занимают интервенционистские планы папства и польских феодальных верхов.

Трагедия народа

Сочинение Исаака Массы дает отчетливое представление о том, что боярский переворот Шуйского явился толчком к началу нового этапа Крестьянской войны в стране. Против Шуйского поднялись весь Юг и Поволжье. Они выдвинули нового самозванца — Петра Федоровича, мнимого сына царя Федора Ивановича. Но голландского купца интересует и то положение, в которое попали теперь купцы на волжском пути. Застыгнутые двухлетней войной в Астрахани купцы оказались в трагической ситуации, «многие перемерли, так как среди них распространились жестокие поветрия от холода, голода и лишений». Купцы, которых война застала в Самаре, Саратове и других местах, «претерпева-

¹²⁰ Исаак Масса. Указ. соч., ч. 1, стр. 135.

¹²¹ Там же, стр. 139.

¹²² Там же, стр. 145.

бедствия, блуждали по стране, и каждый бежал своей дорогой, некоторые из них достигли Москвы»¹²³.

Соотношение сил сложилось не в пользу Шуйского. Восставшие занимали плодородный Юг, имели в Ельце военные запасы, приготовленные еще Лжедмитрием I для войны с Крымом, кроме того, это были «искусные воители и отважные воины, свободные и вольные», в то время как у Шуйского был разоренный Центр, часть наемников покинула Россию, часть перешла на сторону восставших; Шуйский собрал большое, но «бесплезное» войско, терпевшее поражения. Мятужное войско под руководством Болотникова подступило к Москве.

Автор с большой симпатией относится к вождю восставших. Иван Исаевич Болотников «был в Москве крепостным человеком боярина Андрея Телятевского, но бежал от своего господина, сперва отправился в степь к казакам, а также служил в Венгрии и Турции, и пришел с казаками числом до десяти тысяч на помощь к этим мятежникам, и он был детина рослый и дюжий... удалец, отважен и храбр на войне, и «мятежники» выбрали его главным атаманом или предводителем своего войска»¹²⁴. В Москве страх перед войском Болотникова усугубился появлением Лжедмитрия II. Исаак Масса, знавший Лжедмитрия I в лицо, потом видевший его убитого и даже пересчитавший его раны, подробно аргументирует, что и новый претендент на русский престол является самозванцем»¹²⁵.

Измена Истома Пашкова привела к поражению войск Болотникова под Москвой, военные действия перемещаются под Калугу. Все это Исаак Масса знает по слухам, но он был очевидцем чрезвычайно важной стороны событий. Одержав победу над Болотниковым, войска Шуйского захватили много пленных; в Москве «все темницы были полны и сверх того многие жители московские должны были стеречь по два или по три пленника, и множество их было посажено в подвалы под большими палатами и приказами, так что было жалко смотреть на них, и были то по большей части казаки, прирожденные москвиты, а чужеземцев «среди них» не было вовсе или было мало». Эти люди недолго пробыли в заточении: в Москве их водили сотнями, «как агнцев на заклание, ставили в ряд и убивали дубиною по голове, словно быков, и «тела» спускали под лед в реку Яузу, творя так каждую ночь»¹²⁶. Но еще больше пленных топили. Масштабы этих зверств Исаак Масса увидел весной 1608 г., когда тысячи обглоданных раками трупов прибило к берегу во время половодья. О судьбе пленных болотниковцев известно и из «Нового летописца», у Исаака Массы к этому прибавлено непосредственное впечатление очевидца.

Там же, стр. 153.

Там же, стр. 156.

¹²⁵ Там же, стр. 158—159.

¹²⁶ Там же, стр. 163.

Военные действия между войсками Шуйского и Болотникова шли с переменным успехом. Боярскому царю с трудом удавалось изыскивать деньги, он «повелел распродать из казны старое имущество, как-то платья и другие вещи, чтобы получить деньги, а также занял много денег у монастырей и московских купцов, чтобы уплатить жалованье несшим службу, и <ни монахи, ни купцы> не посмели отказать в этих деньгах...»¹²⁷. После поражения при Пчельне в войске Шуйского началась деморализация. Наш автор в Москве мог наблюдать на улицах Москвы характерные сцены. В городе появились прибежавшие с поля боя и на вопрос о причинах поражения отвечали: «Выступите в поход вместе с царем и попытайте сами»¹²⁸. Если бы у болотниковцев «было под рукой войско и они двинули бы его на Москву, то овладели бы ею без сопротивления». Но восставшие действовали медленно, среди них нашлись изменники. Дело кончилось, в конечном счете, поражением восставших и гибелью самого Болотникова. Исаак Масса приводит две версии гибели вождя восстания, которые встречаются и в других источниках, в частности, у Буссова: по одной из них Болотникова предали, по другой — он сдался сам на условии помилования. Этот период Крестьянской войны голландский купец знает плохо, его сообщения отрывочны.

Он ясно отдает себе отчет в том, что начинался новый этап событий — польская интервенция; «в Польше, видя, что Московию легко завоевать, и желая <ей> отомстить, отослали московское посольство, которое они так долго удерживали и дозволили всем панам, кто пожелает, напасть на Московию, что и случилось. И Польша впервые объявила себя <открытым> врагом <Москвы>... и среди них были многие, которые вели войну с великим ожесточением, ибо почти каждый из них потерял родственника во время избиения <поляков> на свадьбе <Дмитрия> и <кроме того> должны были выслушивать от своих врагов в Польше <советы> снова поехать на свадьбу в Москву, так что это их задело за живое»¹²⁹.

Вместе со вторым самозванцем войска панов подступили к Москве, осадили Троице-Сергиев монастырь и Ярославль, тут были «многие вельможи из Литвы и Польши, также Вишневецкие, Тышкевичи и все родственники Сандомирского, также великий канцлер Лев Сапега»¹³⁰. Молодой боярин Скопин-Шуйский своими войсками охранял Новгород и дорогу из Швеции, по которой должны были прибыть шведы для войны с поляками на русской стороне. Москва оказалась в осаде и смогла держаться только благодаря запасам монастырей.

Здесь рассказ Исаака Массы о трагических событиях в России обрывается. Английские и голландские купцы получили разреше-

¹²⁷ Исаак Масса. Указ. соч., ч. 1, стр. 169.

¹²⁸ Там же, стр. 170.

¹²⁹ Там же, стр. 172.

¹³⁰ Там же, стр. 174.

ние выехать из России. Они направились к Архангельску. В Вологде «страх вновь обуял нас, и мы каждый день ожидали смерти». До них дошли слухи, что поляки собираются разорить Вологду за верность Москве, а занимала Вологда такую позицию якобы благодаря совету английских и голландских купцов. Англичане и голландцы сочли за благо на всякий случай написать письма в доказательство своей невинности «одно по-латыни, другое по-немецки и третье по-русски, чтобы в случае прихода поляков или дмитриевцев послать им наперед эти письма, чтобы таким образом оправдать себя и сохранить жизнь»¹³¹.

Но до этого дело не дошло, и Исаак Масса, отбывая на родину, пожелал России скорого освобождения от интервентов; «было бы худо, когда бы поляки завоевали эту страну, ибо, завладев этой страной, они снова посадили бы на престол какого-нибудь царя Дмитрия, и не продержались бы так и одного года, ибо москвиты и русские... снова перебили бы всех <поляков>, а Московия лишилась бы людей и была бы совершенно разорена, от чего всемогущий бог да сохранит ее»¹³².

Россия, Англия и Голландия

На этом знакомство голландского коммерсанта Исаака Массы с Россией не закончилось. Известны три его письма голландским Генеральным штатам в период 1614—1619 гг. Борьба с англичанами за мировые торговые пути, в частности за волжский путь в Персию, толкала Голландию на сближение с Россией. Но для этого надо было знать положение в стране, где еще не утихла гражданская война и где еще не прекратилась иностранная интервенция. Таким осведомленным агентом оказался все тот же Исаак Масса, знавший Россию и живший тогда в Архангельске. Правда, сближение продвигалось не столь быстро, поскольку в России еще долгое время было неспокойно после гражданской войны. Официальные голландские послы, пытавшиеся мирить Россию со Швецией, прибыли в Москву в 1615 г., а переговоры о торговле начались только в 1630 г. Такова была обстановка, в которой появились на свет письма Исаака Массы Генеральным штатам.

Первая проблема, которая интересовала голландского представителя, было внутривосточное состояние России, ибо «поляки, шведы, крымские татары со стороны Астрахани, по всего более туземная необузданная, дикая и вооруженная толпа, называемая казаками, делают беспрестанные набеги, все жгут, грабят, режут»¹³³. В Астрахани засел Заруцкий, он перерезал волжский

¹³¹ Там же, стр. 178.

¹³² Там же, стр. 179—180.

¹³³ «Записки о России XVII и XVIII вв. по донесениям голландских резидентов. Три письма Исаака Массы из Архангельска к Генеральным штатам». — «Вестник Европы», 1868, январь, стр. 234.

торговый путь. И только в июле 1616 г. резидент сообщил Генеральным штатам: «Дорога в Астрахань по Волге свободна и очищена от разбойников, так что много купцов прибыло безопасно в Москву с множеством шелковых товаров»¹³⁴.

Что касается маршрута Архангельск — Москва, то он долгое время был тоже небезопасен. Войска польского королевича Владислава все еще пытались взять Москву. Исааку Массе, ехавшему из Архангельска в Москву, пришлось переждать 12 недель в Ярославле. Но вот началась 30-летняя война на Западе, и поляки пошли на мир с русскими; 4 января 1619 г. стало известно, что мир заключен; «русские, по их обычаю, служили благодарственные молебствия, трезвонили во все колокола». В августе 1619 г. голландскому агенту объявили, что «будут устроены дела выгодные для нашей страны, выгоднее, нежели сказано в грамотах»¹³⁵.

Бросается в глаза одно знаменательное обстоятельство: Исаак Масса — представитель страны, проделавшей первую буржуазную революцию против чужеземного абсолютизма, подходит к России с совершенно иной меркой. В интересах голландской торговли он требует от России абсолютистских порядков: новый царь Михаил Федорович должен стать таким, каким был Иван Грозный, ибо только «такой царь нужен России или она пропадет... Вот почему все пойдет хорошо тогда лишь, когда царь по локти будет сидеть в крови»¹³⁶. И пока в России не будет столь идеального «порядка», голландцам нечего и мечтать о безопасном волжском пути в Персию.

Вторая проблема, интересующая Исаака Массу, это — англичане. Наряду со «Смутой» английская торговля была вторым препятствием для голландцев. Столь сильные конкуренты «готовят нам более забот и неприятностей, чем когда-либо причиняли нам испанцы»¹³⁷, англичане видят свою задачу в том, чтобы «вытеснить нас из этой страны, чего они уже не раз добивались»; перед русским правительством они пускают против своих главных конкурентов любые аргументы; в частности, подчеркивают, что голландцы — мятежники против своего законного государя испанского короля. Ирония состояла в том, что очень скоро началась Английская революция и англичане сами оказались в роли мятежников против своего короля. Кроме того, англичане пытались перехватить у голландцев дипломатическую инициативу и помирить Россию с Крымом, Швецией, Турцией.

Против англичан Исаак Масса советует действовать всеми средствами. «Я буду мирить Россию со Швецией, с турками, с крымскими татарами. Буду добиваться разрешения торговать в Каспийском море». Нужно также «задобрить князей, чтобы они

¹³⁴ «Вестник Европы», 1868, август, стр. 798.

¹³⁵ Там же, стр. 812.

¹³⁶ «Вестник Европы», 1868, январь, стр. 236.

¹³⁷ Там же, стр. 242.

пашептывали царю в нашу пользу»¹³⁸. Он надеется, что москвиты «убедятся в нашей силе и могуществе нашей страны, не взирая на завистников, которые смотрели бы неохотно на наше сближение, и которые всеми силами будут стараться тому препятствовать»¹³⁹. По уверению Исаака Массы, все у голландцев идет самым блестящим образом. Англичане сдают позиции. «Сколько здесь прежде англичан уважали, сколько их ныне презирают; сколько они прежде здесь гордились, сколько они теперь повесили нос и сделались чрезвычайно ласковы к нам... компания их рухнет в этом году, так как у них в этом году именно прибыло лишь 3 корабля в Архангельск, а наших было более 30, продавших весь почти товар: они возвращаются в Голландию, нагруженные русскими произведениями»¹⁴⁰.

Отношение русских к голландцам не оставляет желать лучшего, «со времени моего приезда русские дают нашим такую свободу в торговле, что многие из наших купцов утаили половину своего товара и, следовательно, заплатили половинную пошлину». Когда умер один видный дьяк, который был сторонником англичан, Исаак Масса не преминул заявить: «Полагают, что он был отравлен. Дай бог всем врагам нашей отчизны подобный конец или лучший образ мыслей»¹⁴¹. Следует заметить, что относительно падения престижа англичан в России он допускал некоторые преувеличения, желая подчеркнуть свои заслуги перед Генеральными штатами. До самой Английской революции и казни Карла I английские купцы имели большие льготы.

Однако голландский купец Исаак Масса правильно уловил тенденцию в развитии русско-голландских отношений. К концу XVII в. Голландия станет той страной Западной Европы, куда петровская Россия, пробивавшаяся к морю, обратится за опытом мореходного дела. Произошло это не случайно. Передовыми морскими державами тогда были враждовавшие между собою Англия и Голландия. Англия была дальше территориально, кроме того, она, как показал опыт, стремилась к монопольному захвату русского рынка в ущерб самой России, наконец, еще не изгладилось впечатление от Английской буржуазной революции, когда англичане «Карлуса своего короля убили до смерти», а русский абсолютизм при отце Петра I занял резко враждебную позицию по отношению к Англии. Голландия же была мореходной страной, расположенной к России гораздо ближе, чем Англия, она служила противовесом Англии на рынках в самой России, а Нидерландская революция, происшедшая почти на столетие раньше Английской, теперь была уже забыта, да и прошла она, не задев России. Эти преимущества Голландии, в известной мере, начали сказываться уже при Исааке Массе.

¹³⁸ Там же, стр. 239.

¹³⁹ Там же, стр. 234.

¹⁴⁰ «Вестник Европы», 1868, август, стр. 802.

¹⁴¹ Там же, стр. 804.

ПЕТР ПЕТРЕЙ. «МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА»
(1615 г.)

Русская история и ее источники по Петрею

Шведская интервенция была составной частью событий начала XVII в. в России. Петрей — современник и участник этих драматических событий — выступил их историком. Он — автор книги, которая у нас больше всего известна под пространным названием «История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, педавпих смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах». Сочинение Петрея сохраняет свое значение, прежде всего, как источник по истории Крестьянской войны и военной интервенции начала XVII в. Как швед, он является апологетом шведской интервенции, к которой он сам имел непосредственное отношение. В то же время его повествование о событиях содержит немало сведений, не известных другим авторам, оно обогащает наше представление о событиях той поры.

Больше того, он пытался дать *всю* историю России и был убежден в том, что ему это удалось. Свою книгу он закончил категорическим выводом: «Таким образом коротко рассказали мы обо всех русских великих князях, властвовавших в России со времен трех братьев Синеуса, Трувора и Рюрика до ныне царствующего великого князя Михаила Федоровича, и множестве происходивших несогласий, раздоров, войн и враждебных действий в России между шведами, поляками и русскими, вместе с тем и об условиях вечного мира, торжественно заключенного между шведским и московским государствами с разными процессиями и церемониями»¹⁴². Речь идет об известном Столбовском мире.

В советской историографии Петрею повезло больше других иностранцев, писавших о России, — в 1967 г. Ю. А. Лимонов выступил с источниковедческим анализом книги Петрея¹⁴³, там же дана и историография вопроса, в том числе и советская¹⁴⁴. По своим источникам труд Петрея — явление довольно сложное. Главным источником — и в этом главное достоинство показаний Петрея — остаются его личные наблюдения, именно они составляют у него новый материал, которого нет у других авторов. Вторым его источником были сочинения предшествующих западных авторов, писавших о России, и известных Петрею. Географические сведения он берет у Герберштейна, сведения о времени Ива-

¹⁴² «История о великом княжестве Московском... которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Эрлезунда». (далее — *Петрей*. Указ. соч.). М., 1867, стр. 341.

¹⁴³ Ю. А. Лимонов. История о великом княжестве Московском Петра Петрея. — «Скандинавский сборник», XII. Таллин, 1967, стр. 260—269.

¹⁴⁴ Там же, стр. 261—262.

на Грозного из книги П. Одеборна «Жизнь великого князя Московского Ивана Васильевича», рассказ о самой «Смуте» и предшествующем ей периоде пестрит подробностями, взятыми у Бусова; Петрей знаком с польской историографией — в некоторых местах его книги угадываются заимствования у Меховского и Гваньини. Третьим источником для Петрея послужила русская летопись, откуда несомненно взял известия о Киевской Руси.

Но за всеми личными наблюдениями и письменными источниками нельзя не видеть еще одного источника Петрея — устной исторической традиции в России. На такой вывод наводят не только сами приводимые им сведения, которые он, вероятнее всего, почерпнул из расспросов, но и сама структура его сочинения. Бросается в глаза одно обстоятельство, имеющее значение для всех Сказаний иностранцев о России. Все эти авторы, естественно, пишут больше всего о своих наблюдениях над современной им Россией, и этим они отличаются друг от друга. Что же касается всей *предыдущей* истории России, то они очень напоминают друг друга, потому что пишут почти по одному образцу — иностранные авторы знают некоторые события из Киевской Руси: обычно это — призвание варягов, крещение Руси, пмена некоторых киевских князей, иногда все это в совершенно перепутанном виде. Затем из изложения выпадает совершенно период феодального раздробления Руси, иногда еще можно встретить упоминания о татарах. Если и встречаются какие-либо иные сведения из этого периода, то это отдельные фрагменты, которые не складываются в связную картину. Автор спешит перейти к Московской Руси, но и тут мы встречаемся со своего рода традицией — связное изложение русской истории начинается, как правило, с Ивана III, и завершается все главной частью книги — современностью автора.

Чем объяснить столь устойчивую традицию? Если о Киевской Руси у иностранных авторов было хоть какое-то представление, то вместо периода между Киевской и Московской Русью у них зияет провал, а Московская Русь начинается у них с ближайших предков Грозного? Объясняется это тем, что иностранцы не знали русских летописей и были в зависимости от устной исторической традиции в современной им России, довольствовались тем, что находили в современных рассказах русских людей о своем прошлом. А эта устная историческая традиция была в зависимости от исторических конструкций русских книжников. История русской исторической мысли свидетельствует, что некоторые сюжеты были «сквозными», бытовали в исторической традиции в течение многих столетий. Таков был сказ о призвании варяжских князей, таково повествование о крещении Руси, о борьбе киевских князей за единство русской земли, о преемственности Руси от Константинополя, а затем и от Рима.

Это особенно отчетливо зазвучало, когда речь пошла о создании русского централизованного государства, находя свое выра-

жение в обилии концепций всемирной истории, целью которых было подчеркнуть место России в мировом историческом процессе. Это были уже не только книжные конструкции, они приобрели весомость государственных политических идей, пропагандировались самим правительством, Посольским приказом, церковью, тогдашней литературой, были широко распространены. Протянулись прямые линии от Киевской к Московской Руси, от одной исторической вершины к другой. Период феодальной раздробленности перестал привлекать внимание, он осознавался как политический регресс, очень сложный, но исторически ничтожный период, о котором не было нужды вспоминать.

Иностранец в Москве попадал в мир этих историко-политических идей. Его больше всего интересовала современная Россия, о которой он должен был отчитываться по долгу службы и о которой он собирался писать. Помимо этого его интересовали ближайшие «подступы» к современности. Судя по всему, для москвича начала XVII в. главной фигурой ближайшего прошлого был Иван Грозный с его предками, при которых Русь освободилась от татарской неволи и стала сильным и независимым государством. Для русского человека начала XVII в. эпоха Грозного была тем периодом, о котором ему рассказывали дед или отец, она еще не превратилась для него в музейное прошлое.

Сами иностранцы стали близко знать Россию, начиная со времени Ивана III (Контарини был в Москве именно в это время), время пристального изучения России англичанами (от Чепслера до Флетчера) падает, главным образом, на время Ивана Грозного, вслед за этим идет группа западных авторов, являвшихся свидетелями жестокой гражданской войны начала XVII в., — Буссов, Маржерет, Масса, Петрей и др. Все эти люди, знакомясь с современным состоянием незнакомой России, воспринимали ее как непосредственное продолжение знакомого Западу времени Грозного и его ближайших предшественников. От этой собиравшейся воедино России тянулись нити к древней Руси киевского периода — к другому сильному государству, предшественнику Московской Руси. На месте столетий феодальной раздробленности оставался провал, не привлекавший внимания как самих русских, так и иностранцев. Именно поэтому почти все сочинения иностранных авторов о России пишутся по одному и тому же трафарету: современность плюс время Грозного заодно с временем его отца и деда плюс Киевская Русь. Важно при этом обратить внимание, что эта схема не нарушается и у тех иностранцев, которые были знакомы с летописью (Герберштейн, Петрей). Попав в Москву в круг исторических интересов самих русских, они и в летописи искали материал о Киевской Руси и времени царя Ивана IV и его ближайших предков.

Поэтому, когда мы говорим об источниках, которыми пользовался Петрей, то наряду с его личными наблюдениями и письменными источниками нельзя недооценивать и современную ему

историко-политическую традицию — письменную и устную, — сложившуюся в самой Москве. Когда, например, речь идет о том, что Петрей свои сведения об Иване Грозном мог почерпнуть в сочинении П. Одеборна, то не следует думать, что оно было его единственным источником об этом памятном времени. О царе Иване IV говорила вся Москва, эти разговоры еще не умолкли ни в верхах, ни в низах тогдашней России. Говорили по-разному, потому-то и оценка Грозного была разная, эти различия мы встречаем и у Петрея. Безусловно, прав переводчик Петрея А. Шемякин, учитывавший влияние тогда живой и очень важной исторической традиции русских людей. Проживая в России в разные времена и имея много знакомых между русскими, Петрей слышал от них и потом передал бумаге их собственные сказания про царя Ивана Васильевича, дела которого описываются с особенной подробностью. Таким образом, он передает нам самое важное — «взгляд самих русских на образ действия их грозного царя», — писал он¹⁴⁵.

Насколько современная Петрею устная историческая традиция влияла на его повествование, можно судить хотя бы по тому, как Петрей пользуется летописным материалом. Что он пользовался летописью (где его, как скандинава, очень заинтересовала версия о призвании варяжских князей) — в этом едва ли можно сомневаться: «В русских сказаниях и летописях упоминается народ, называемый у них варягами (Waregi), с коими вели они Большую войну и были вынуждены платить им дань ежегодно по белке со всякого дома. Но я нигде не мог отыскать, что за народ были варяги, и потому должен думать и войти в подробные разыскания, что они пришли из шведского королевства или из вошедших в состав его земель, Финляндии и Ливонии»¹⁴⁶. Судя по тому, что автором предложения призвать варягов выступает Гостомысл, в руках Петрея была летопись новгородского происхождения.

Но точно ли следует Петрею летописному рассказу? Оказывается, вовсе нет. Игорь, по его изложению, погибает от печенегов, месть Ольги за смерть Игоря поэтому обращена против печенегов; Рогнеда оказывается дочерью псковского князя. Откуда эта путаница? Едва ли можно принимать всерьез постоянные утверждения Петрея, что «русские пишут», вероятнее всего путаница пришла к нему из устной традиции; только оттуда, а не из летописи это могло прийти.

Если предположить, что и для эпохи Грозного он пользовался летописью, то это могла быть летопись поздняя, типа Никоновского свода. Из нее могло попасть в повествование Петрея немало сведений о правлении Ивана Грозного. Но оттуда никак не могла прийти характеристика царя Ивана IV как тирана. Петрей не паходит слов, чтобы рассказать о его жестокости. Можно ли

*Петрей. Указ. соч., стр. I—II.
Там же, стр. 90.*

вообразить себе страшнее картины, когда людей протыкают вертелом и жарят на костре¹⁴⁷. Словом, все, что ни писали о других тиранах, «царствовавших в мире, пустяки в сравнении с этим. Его лучшая отрада и удовольствие состояли в том, чтобы смотреть, как казнят людей позорной казнью, рубят их, вешают, варят, жарят, тиранят и подвергают другим страшным мукам»¹⁴⁸. Откуда могла прийти версия, что Грозный убил царевича Ивана за участие в боярском заговоре¹⁴⁹, что Грозный умирал, испуская страшный смрад и зловоние, а тело его исчезло без следа¹⁵⁰ и т. д.? Всего этого Петрей, вероятнее всего, наслушался от русских бояр.

Но у Петрея встречается и иная характеристика Грозного. Мы узнаем, что он был добр к простым людям. Царь Иван IV «сам принимал просьбы и прочитывал их; самый последний подданный свободно мог подавать ему просьбу и жаловаться на свою нужду. Если правители и начальники делали какую-нибудь несправедливость и насиллие, их тотчас же отыскивали его слуги и отводили в суд; когда же оказывалось... что они делали бедным людям обиды, великий князь не только лишал их всего имения, но и жизни, потому что он, таким образом, старался умножать свои богатства и доходы, и не считал благоразумным определять жадных людей к правительственным и другим должностям», в том числе и таких, которые «больше искали собственной выгоды, нежели старались помогать и покровительствовать простолудину»¹⁵¹.

Во внешней политике он «любил распространять пределы своего царства и до шведской и польской войны так возвысился и усилился, что не он боялся неприятелей, а они его боялись. Он был честолюбив и искал дружбы с иностранными державами, которые находились в большом отдалении от него, например с римским императором, царем персидским, королем английским и папою римским для того, чтобы приобрести и достать себе славное имя»¹⁵². Остается предположить, что и эта противоположная аттестация Грозного пришла к Петрею из устной традиции, но из противоположного лагеря, который страдал от бояр и ничего не имел против, если царь рубил боярам головы. Тут можно отчетливо увидеть даже прямую идеализацию царя Ивана.

Далее оказывается, что Грозный «поступал хорошо и честно с теми немцами, которые жили в Москве и служили ему, давал им жалованье и необходимое содержание: тем они и жили и не терпели никакой нужды. Таким образом они получили и позволение построить в четверти мили от города малую деревянную цер-

¹⁴⁷ *Петрей*. Указ. соч., стр. 130.

¹⁴⁸ Там же, стр. 126.

¹⁴⁹ Там же, стр. 155—156.

¹⁵⁰ Там же, стр. 159, 160, 161.

¹⁵¹ Там же, стр. 162.

¹⁵² Там же.

ковь, в которой их собственные проповедники учили чистой лютеранской вере и проповедывали ее»¹⁵³. Кроме Москвы лютеранские проповедники имелись «в Туле, Нижнем Новгороде, Казани и других местах». Как протестант Петрей это очень ценил. Все это он, с уверенностью можно сказать, узнал в Немецкой слободе под Москвой.

Иногда эти противоположные оценки царя Ивана IV уравниваются. Это можно, например, увидеть в описании внешности Грозного: «Этот великий князь Иван Васильевич был высокого роста и крепкого сложения, дороден и толст, поворачивал глазами из стороны в сторону, точно сокол, был горд и надменен, с крепкой грудью, отважен и дерзок, хитер и лукав, имел маленькие сверкающие глаза, кривой как у ястреба нос, красноватое лицо и страшную наружность как у сердитого воина; он смеялся только во время опасности и великого бедствия... как только надо было казнить жалкой смертью большое множество народа, он смеялся и находил веселье и удовольствие в том. От природы получил он сметливую и умную голову и хорошую память, так что мог назвать по имени всех пленных из всех народов»¹⁵⁴.

Такова роль исторической традиции, бытовавшей в Москве. Правда, Петрей вносит в нее свои поправки. Он относится скептически, например, к русским концепциям всемирной истории, которые были в большом ходу тогда в московской практике. Иван Грозный «ведет свой род от брата славного римского императора Августа по имени Прусса (Prussus), жившего в Придцене (Prydtzen), но это отвергают все историки, и Иван ничем не мог доказать того»¹⁵⁵. Петрей только считает эту теорию решительным разрывом с легендой о призвании варяжских князей; в действительности же концепция о происхождении московских великих князей от Августа совмещалась с мотивом о Рюрике, поскольку Рюрик перестал теперь считаться скандинавом, а выступал как потомок Прусса. Легенда о варягах вошла составной частью в легенду об античном происхождении московских царей.

Так решается вопрос об источниках сочинения Петра Петрея. Но каковы особенности Петрея как автора? Он убежден, что о России не написано ничего, «кроме только кое-каких записок о том посланников некоторых высоких особ, описывавших однако ж только то, что они видели и слышали от провожавших их русских». Но можно с уверенностью сказать, что здесь Петрей сознательно покривил душой, ибо, как уже говорилось, он щедро черпал материал у других авторов. Да и напрасно он так пренебрежительно отзывался о том, что другие писали только то, что «видели и слышали». Когда он говорит о себе, его оценки резко меняются. «Я положил себе вносить в эту летопись только то, что

¹⁵³ Там же, стр. 165.

¹⁵⁴ Там же, стр. 161.

¹⁵⁵ Там же, стр. 92.

видел своими глазами, убедился в его справедливости, узнал по собственному опыту, а частью услышал и сведал от достойных доверия людей»¹⁵⁶.

И у Петрея поэтому очень много от личных наблюдений. Это тем более важно, что книга его была издана уже в 1615 г., то есть писалась по свежим следам событий. При многих неточностях в сообщениях Петрея все же чувствуется взгляд очевидца. Вот он рассказывает о «Стрелецком городе» Москвы: город этот окружен «сильным деревянным укреплением, три сажени в объеме, наполненном камнями, глиной, песком и землей; оно круглое, с высокими башнями, на которые привозят пушки, когда приближается неприятель. Расстояние между башнями 50 шагов, которые измерял я своими ногами»¹⁵⁷. Церкви в Москве в большинстве очень маленькие, зато они имеют много колоколов, «когда эти колокола зазвонят все вместе, поднимается такой звон, что никак нельзя расслышать друг друга». Для доказательства подлинности какого-либо факта Петрей аргументирует тем, что видел это сам. Он, например, возражает против версии, что жена Б. Годунова и сын Федор отравились, и доказывает, что они были удушены, так как остались следы веревки на их шеях: «Я и многие сотни людей видели эти знаки своими глазами»¹⁵⁸. Вообще Петрей старается подчеркнуть, что достоверность его неперемный принцип: лучше «пропустить» какие-нибудь предметы, нежели рассказывать и выдавать в свет неверные и неосновательные вещи»¹⁵⁹.

Но Петрей — сын своего века. Его религиозность, провиденциалистский взгляд на историю приводят к существенному искажению событий. Он исходит из того, что «бог не оставляет никакого зла без наказания»¹⁶⁰. Он не раз пишет о знамениях, предвещавших общественные беды. Во время голода «видали много знамений и чудес на небе с разными страшными лучами и точно войска сражались друг с другом... Иногда видны были три месяца, иногда три солнца». При въезде самозванца в Москву поднялся вихрь, при въезде Марины — тоже, при погребении тела убитого самозванца — снова вихрь. Вихрь у Петрея в большом ходу.

Но его протестантская религиозность сказывается и в другом отношении. При случае он ведет полемичку с католицизмом, например, с мнением «папистов будто бедняков надобно причащать только под видом хлеба, а не под видом вина и хлеба». Протестантская позиция позволяет ему, например, указывать на планы папского престола относительно России: «Лжедмитрий I обещал польским магистрам и папе «уничтожить и искорезить вко-

¹⁵⁶ *Петрей*. Указ. соч., стр. IX.

¹⁵⁷ Там же, стр. 5.

¹⁵⁸ Там же, стр. 205.

¹⁵⁹ Там же, стр. 84.

¹⁶⁰ Там же, стр. 204.

нец греческую веру, принять папскую и распространить ее в стране... Иезуиты обнаружили при этом искреннюю радость и удовольствие...»¹⁶¹. Протестантизмом обусловлено и то обстоятельство, что о православии в России он говорит весьма скептически, особенно достается монахам, ибо «черт не выдумывал еще ничего такого гнусного и злого, чего не сумели бы привести в дело безбожные монахи»¹⁶².

Помимо этих, чисто христианских особенностей Петрей прибегает к приему, известному еще в античные времена, это — речи, которые по воле автора произносят действующие лица его повествования. После московского восстания 17 мая польские и русские деятели произносят длинные речи, объясняя смысл события со своих точек зрения¹⁶³. Во время сражения под Троице-Сергиевым монастырем Сапега произносит речь, хотя ситуация для этого явно неподходящая¹⁶⁴. Мурза, убивший Лжедмитрия II, тут же раздражается речью, мотивируя свой поступок. Всякий, совершивший хоть сколько-нибудь значительную акцию, завершает ее соответствующим монологом.

К русским Петрей относится по обычному западному трафарету. Типичным русским человеком он считает Бориса Годунова, который был «сметливый, благоразумный и осторожный... но чрезвычайно лукавый, плутоватый и обманчивый, то есть, настоящий русский»¹⁶⁵.

Особенность Петрея как автора состоит также в том, что, говоря о каком-либо русском великом князе (слово «царь» у него не встречается), он не раз сообщает о современных тому правителях на Западе с очень краткой характеристикой их деятельности. Так, в момент смерти Владимира Мономаха «Конрад III правил Римской империей, жестоко теснил сарацены... В Швеции царствовал Гакон Рыжий (Haquinus Rufus), ведший трудные войны с датчанами и победивший их в трех битвах. В Польше правил Болеслав Кудрявый (Crispus), ведший большие войны с пруссами и римскими императорами, Конрадом III и Фридрихом Барбаросой, который в 1181 году сделал герцогами Римской империи обоих поморских князей — Казимира Первого и Богслава Правого...»¹⁶⁶.

Стоит отметить, что в известной степени Петрей — «автор сурпризов». У него можно встретить совершенно неожиданные, самые элементарные ошибки. Он, например, очень хорошо различает Ивана III и его внука Ивана IV, но прозвище «Грозный» относит к Ивану III¹⁶⁷. А иногда Петрей может поражать чита-

¹⁶¹ Там же, стр. 191.

¹⁶² Там же, стр. 187.

¹⁶³ Там же, стр. 235—238.

¹⁶⁴ Там же, стр. 271.

¹⁶⁵ Там же, стр. 168.

¹⁶⁶ Там же, стр. 103—104.

¹⁶⁷ Там же, стр. 111.

теля меткостью своих суждений. Говоря о причинах господства татар над Русью, он считает, что главная причина — отсутствие государственного единства, наличие в стране множества мелких князей с мелкими интересами: «Оттого-то татарин всегда и побеждал их, что между ними не было согласия»¹⁶⁸.

Наконец, не приходится забывать одно обстоятельство — последнее по нашему счету, но первое по своему значению: перед нами представитель страны, проводившей прямую интервенцию против России. Больше того, Петрей — сам участник шведской интервенции. Это наложило печать на суждения нашего автора. Если говорить о событиях, которые для Петрея были уже историей, то это больше всего видно на оценках шведским автором Ливонской войны. В этом случае он дает Грозному только негативную аттестацию и притом такую, какая не всегда сыщется в мировой исторической литературе. «Это был гнусный варвар, кровопийца и тиран, великий скряга, безбожник, распутник, бешеный, гордый, неправосудный и злой человек, насильователь женщин, взбалмошен, неприветлив, прихотлив и беспокоен, охотник до пошлых дураков и мошенников»¹⁶⁹. Петрей с великим удовлетворением отмечает, что царю Ивану IV в Ливонской войне не повезло: «Шведы взяли у него много крепостей и городов в России и Ливонии; от поляков тоже добыл не много, потому что они совсем выгнали его из Ливонии, покорили много областей и городов в России и причинили ему много вреда огнем и мечом»¹⁷⁰.

Такая позиция выступает еще отчетливее, когда Петрей ведет речь о современности.

Взгляды Петрея на Крестьянскую войну и военную интервенцию в России

«Все пошло как-то странно и мудрено в стране; между подданными смуты и возмущение»¹⁷¹, — писал Петрей о событиях в России. Понять причины гражданской войны для Петрея оказалось действительно мудреным делом. Убийство царевича Дмитрия в Угличе ему казалось главной, если не единственной причиной. Из-за этого убийства «произошло великое возмущение и страшное кровопролитие»¹⁷², — пишет он в одном месте; смерть Дмитрия была «причиною великих убийств и кровопролития»¹⁷³, — замечает в другом. Виновником же самой гибели царевича был Борис Годунов.

¹⁶⁸ *Петрей*. Указ. соч., стр. 108.

¹⁶⁹ Там же, стр. 121.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же, стр. 167.

¹⁷² Там же, стр. 166.

¹⁷³ Там же, стр. 172.

В рассказе о роли Бориса Петрей во многом повторяет других авторов. Задача Годунова состояла в том, чтобы устранить конкурентов, расчищать себе дорогу к трону. Но у Петрея мы встречаем некоторые версии, которых нет у других авторов. Поскольку у царицы Ирины не было наследника, то это было выгодно Борису; он решительно устранял всякую возможность появления других певест для царя Федора Ивановича¹⁷⁴. Далее, Петрей не исключает версию о том, что царь Федор был отравлен Годуновым. Его сестра Ирина — вдова царя Федора Ивановича — согласно рассказу Петрея — играла гораздо большую роль при избрании Бориса на царство, чем говорится об этом у других авторов. Сбор войска у Серпухова охарактеризован не только как реклама мира с татарами, но и как прямой подкуп войска; «на зло большому боярам» Борис «пышными обещаниями, отличным угощением, необыкновенными суммами денег и подарками... расположил и привязал к себе все низшее дворянство и войско»¹⁷⁵. Мир со Швецией был заключен также с той целью, чтобы «получить еще большее значение в стране и внушить простому народу больше покорности и доброго расположения к себе»¹⁷⁶. Словом, что бы ни делал Борис, все было подчинено единой цели — убрать все препятствия на пути к власти. В этой ситуации убийство царевича Дмитрия выглядело как дело рук Бориса Годунова.

Эту же задачу — удержаться на престоле и положить начало новой династии — Борис решал и придя к власти. Первое, что он сделал после венчания на царство, — это «велел взять под стражу нескольких князей и больших бояр, которые не желали ему царского величия, а сами бы охотно сделались великими князьями, и без всякой милости отнял у них все имущество: теперь он царствовал в полной безопасности, без всякого сопротивления»¹⁷⁷. Этой же цели была подчинена и попытка Годунова породниться с иностранными царствующими династиями. Здесь со всей открытостью Петрей высказал свои симпатии. Речь идет о шведском принце Густаве. Как известно, надежды Бориса не оправдались — Густав оказался пьяницей и развратником. В изображении же Петрея шведский царевич был высокопорядочный юноша и патриот, который вел себя в Москве согласно изречениям мудрецов и псалмов царя Давида, проводил время в прилежном учении и занятиях алхимией, а если и сказал что-либо лишнее, так это всего лишь твердо обещал поджечь Москву¹⁷⁸.

Цоложительная черта царствования Бориса — это стремление сблизиться с Западом, невзирая на сопротивление церкви. Он не скрывал, что «хочет из Германии, Англии и Франции выписать

¹⁷⁴ Там же, стр. 169—170.

¹⁷⁵ Там же, стр. 177.

¹⁷⁶ Там же, стр. 172.

¹⁷⁷ Там же, стр. 177.

¹⁷⁸ Там же, стр. 179—180.

сведущих и ученых людей, которые должны будут учить и наставлять его юношество во всех языках, добрых нравах и свободных искусствах. Но духовные лица никак не хотели согласиться и дозволить того: они представляли, что земля их велика и обширна, согласна в вере, нравах и языке; если же москвитяне научатся другим языкам, от того выйдут большие раздоры и несогласия между ними; тогда отпадут они от своей древней греческой веры, а затем последует гибель стране»¹⁷⁹. Петрей сообщает, что Борис послал 18 молодых людей «из низшего дворянства учиться иностранным языкам и искусствам».

Существенной частью сближения с Западом была торговля. Пленным ливонским купцам не только разрешают торговать с Западом, но и дают из казны деньги для этой цели¹⁸⁰, оживляется торговля с ганзейскими городами, с англичанами и голландцами. «Вообще этот великий князь старался своим правлением приобрести себе великую славу и имя у иноземных народов и заботился о пользе и благосостоянии подданных»¹⁸¹.

Петрей рассказывает о страшном голоде, охватившем Россию, но в целом это все те же сведения, которые встречаются и у других авторов. Новое состоит в том, что поведение самого Бориса во время голода получает более разностороннее освещение. У других авторов, как мы видели, обычно рассказывалось только о благотворительной деятельности Бориса, Петрей подчеркивает другую ее сторону: «Великий князь был так слеп и упрям, что не позволял подданным покупать муку для утоления голода у чужеземцев, несколько кораблей которых приходило в Нарву и Холмогоры, чтобы иноземцы не узнали, что в его земле такая дороговизна, и он не в силах кормить и содержать своих подданных...»¹⁸². Когда в Россию прибыл Генрих Лойко — посланник императора Рудольфа — Борис Годунов велел москвичам «одеться в шелк, бархат и золотую парчу... дал также страже приказание, чтобы на улицах не было ни одного нищего и никто бы не жаловался на голод и нужду, а все были довольны и сыты; все улицы и рынки, где проходил посланник, были до того заставлены разным зерновым хлебом, мукою и продовольствием, что чужеземцам никак не могла прийти в голову мысль о дороговизне или недостатке в хлебе и другой крайности в стране»¹⁸³.

В изложении эпопеи Лжедмитрия I Петрей оказывается менее осведомленным, чем Конрад Буссов, Маржерет или Исаак Масса, но у него несколько иначе расставлены акценты, попадают новые детали. Причину поддержки самозванца казаками Петрей видит в том, что самозванец обещал одарить их «не только день-

¹⁷⁹ *Петрей*. Указ. соч., стр. 177—178.

¹⁸⁰ Там же, стр. 178.

¹⁸¹ Там же, стр. 185.

¹⁸² Там же, стр. 193.

¹⁸³ Там же, стр. 193—194.

гами и платьем, но также ленами и наследственными поместьями. Это был лакомый кусочек для казаков, за который они не взяли бы и жареного павлина без удовольствия пограбить, и охотно бы побили Бориса за то, что он наказал некоторых из их братьев за большие своевольства и жестокости»¹⁸⁴. Связующим звеном между самозванцем и донцами был монах, который, по словам Петрея, обучал когда-то Григория Отрепьева русским летописям и посоветовал ему выдать себя за Дмитрия.

Сюжет о казаках у Петрея играет роль и в ходе военных действий на их раннем этапе. Когда посланец Бориса, доставивший жалованье царскому войску, перебежал с деньгами на сторону самозванца (у Массы этим перебежчиком-казначеем был дьяк, у Петрея им оказывается боярин В. М. Масальский), то самозванец деньги «роздал своим казакам и ничего не дал полякам, отчего те хотели выйти из службы, почему оба воеводы, Сандомирский и Киевский, бывшие с Дмитрием, должны были ехать в Польшу доставать денег и набирать людей и взяли с собою 2000 поляков. От этого-то переkreщенец Гришка и отступил на несколько миль к другим городам, захваченным прежде, а москвитяне понемногу все подвигались за ним, пока не были в 3-х милях от города Добрынич...»¹⁸⁵.

В отличие от других авторов, Петрей указывает на попытку Бориса добыть иностранные войска, как это впоследствии сделал Василий Шуйский: «Великий князь отправил послов к римскому императору и датскому королю: он сильно жаловался им на проiski поляков с их Лжедмитрием и на неверность своих подданных, дружески прося при этом прислать ему на выручку иноземного войска, о чем уже гласно толковали в стане»¹⁸⁶.

Рассказывая о движении самозванца на Москву после смерти Годунова и событий под Кромами, Петрей приводит деталь, характерную для поведения Василия Шуйского с его тактикой лавирования. «Простолюдины стали между собою советоваться, пошли к князю Василию Ивановичу Шуйскому, просили его не скрывать от них правды, подлинно ли он велел похоронить молодого Дмитрия, родного сына Ивана Васильевича, убитого в Угличе. Тогда он отвечал им и дал знать, что Дмитрий избежал козней Бориса Годунова, а вместо него убит и похоронен по-княжески сын одного священника. Теперь же истинный Дмитрий находится со своим войском в Туле»¹⁸⁷. Несомненно, это был тактический ход Шуйского, чтобы свалить Годуновых. Петрей вкладывает в уста Шуйского характерные слова, относившиеся к более позднему времени, но точно формулировавшие позицию боярства; если они посадили самозванца на трон, то это «сделано для того,

¹⁸⁴ Там же, стр. 195.

¹⁸⁵ Там же, стр. 196.

¹⁸⁶ Там же, стр. 199.

¹⁸⁷ Там же, стр. 203.

что им не хотелось дольше жить под властью и правлением Бориса Годунова. Они не знали никакого другого средства низложить его, кроме как через этого Гришку...»¹⁸⁸. Подобная позиция боярства сыграла не последнюю роль в свержении нового царя Федора Годунова, который даже не был венчан на царство. В Москве не оставалось сил, которые могли бы препятствовать самозванцу сесть на престол; и народ и боярство открыли ему ворота Кремля.

В характеристике царствования самого самозванца Петрей мало оригинален, описание многих событий, порой даже дословно, он берет у Буссова, но останавливают внимание два момента, где Петрей явно отличается от других авторов. Во-первых, он особо подчеркивает намерение Лжедмитрия I сблизить Россию с Западом. Самозванец укорял русских в том, что они «ничего не видавшие люди; хотел разрешить их детям получать воспитание в чужих краях, учиться разным языкам... и упражняться на турнирах в разных воинских играх, чтобы они могли сделаться способными и привычными управлять землею и жителями и служить королям и государям»¹⁸⁹. Речь идет о том западном влиянии, которое Петрей считает положительным, в отличие от влияния папства и иезуитов, к которому он, как протестант, относится резко отрицательно.

Во-вторых, он больше, чем другие, рассказывает относительно поведения боярства в лице Шуйского. Это дает основание для вывода о том, что после того, как Годуновы были свергнуты, Шуйский стал уже распускать слухи, что новый царь — не подлинный Дмитрий. Агитация Шуйского имела особый вес, поскольку он расследовал дело об убийстве подлинного Дмитрия. Петрей категорически утверждает, что именно это обстоятельство и послужило причиной ареста Шуйского, поскольку доказательств существования заговора во главе с Шуйским у самозванца не было. «Шуйский знал настоящего Дмитрия, когда он был жив, видел его мертвого после убийства, узнал и похоронил его. По этой-то причине Гришка и велел взять под стражу Шуйского, отвести его на площадь и положить голову его на плаху, располагая казнить его, если он не откажется от распушенных им слухов. Как человеку жизнь была ему милее смерти: он показал, что язык у него мельница, отперся от своих слов и таким образом ложь и жизнь счел выше и благороднее правды и чести... За то и освободили его и восстановили его прежнюю добрую славу»¹⁹⁰.

Назревание восстания и само восстание 17 мая во многом дано по Буссову, но тема Шуйского снова находит свое продолжение. Царю Василию Ивановичу теперь приходилось оборонять боярскую власть, а в этой ситуации вопрос о судьбе царевича Дмит-

¹⁸⁸ Петрей. Указ. соч., стр. 217.

¹⁸⁹ Там же, стр. 209.

¹⁹⁰ Там же, стр. 242—243.

рия приобрел чрезвычайно острое политическое значение. Недавно утверждавший, что царевич «избежал козней Бориса Годунова», теперь Шуйский, как известно, предпринял перенесение «мощей» Дмитрия из Углича в Москву, с целью доказать, что сына Ивана Грозного пет в живых. «А чтобы еще больше утвердить в этом мнении москвитян, он велел тайно убить в Угличе одного 10-летнего попovichа, надеть на него чистый богатый саван, положить в новый гроб и отвезти в Москву. Сам он вышел навстречу телу князя со всем своим двором, с монахами и попами, с крестами и знаменами, с большой свитой и процессией: так и отнесли его в церковь. В пароде же Шуйский велел разгласить, что св. князь Дмитрий, убитый на 9-м году жизни в Угличе, лежал 17-ть лет в земле, а тело его так свежо и нетленно точно он вчера умер»¹⁹¹. Что касается чудес, якобы происходивших у гроба Дмитрия, то Петрей их решительно отвергает. «Страшное неслыханное идолопоклонство совершалось у тела», — восклицает он. Но в противоположность православным чудесам Петрей громоздит «чудеса наоборот» — если русские говорили, что кто-то получил исцеление, то Петрей утверждает, что тот «скоростижно умер в церкви, потому что бог не терпит такого обезьянства и не позволяет шутить с собою». Согласно Петрею, дело приняло совсем иной оборот, чем того желал Шуйский, — люди поняли обман, перестали ходить на поклонение мощам, и Шуйский отдал распоряжение не допускать народ к гробу Дмитрия. Еще недавно борющийся за свержение Годуновых, Шуйский распорядился торжественно перенести прах Бориса Годунова, его жены и сына в Троице-Сергиевский монастырь. Шуйский в Сказаниях иностранцев выступает таким же, каким он дан и в русских источниках.

Сообщения иностранцев о грандиозном обмане народа боярством и церковниками в связи с перенесением «мощей» Дмитрия были весьма неудобны для официальной дореволюционной историографии. Н. Г. Устрялов¹⁹² пытался опровергать «кошунственные» известия, но достаточных аргументов не нашлось. Переводчик Петрея А. Шемякин полагал, что «лучшее опровержение тому наше, полное веры сердце»¹⁹³. Как показал дальнейший исторический опыт, подобный обман стал обычной практикой церковников.

Описание Крестьянской войны Петреем значительно уступает рассказу, например, Конрада Буссова или Исаака Массы как по осведомленности автора, так и в оценках событий. В частности, расхождения между Болотниковым и Истомой Пашковым Петрей объясняет совершенно категорически: «Оба вождя очень власто-

¹⁹¹ Там же, стр. 246.

¹⁹² Н. Устрялов. Указ. соч., ч. 1, стр. 388—389.

¹⁹³ Петрей. Указ. соч., стр. 246, примечание.

любивые, не хотели ни в чем уступить друг другу и поссорились»¹⁹⁴. Относительно гибели Болотникова Петрей придерживается того варианта, что крестьянский вождь сам сдался царским войскам и умер в тюрьме¹⁹⁵.

В 1608 г. шведский король Карл IX послал Петрея в Россию в качестве дипломатического представителя в связи с отправкой туда шведских войск. Та часть сочинения Петрея, которая касается самой шведской интервенции, обладает, по крайней мере, тремя особенностями. Во-первых, никто не дал столь же подробный рассказ о событиях, которые автор очень хорошо знает. Из иностранных авторов, писавших о «Смуте» в России, Петрей — один из самых осведомленных в делах шведской интервенции. Но именно здесь в наибольшей мере проявилось пристрастие интервента: оно началось уже с того, что Выборгский договор с притворством Шуйского будто бы был актом великодушия со стороны Швеции. Карл IX — «великодушный и вместе с тем добродетельный и сострадательный государь» решил «не покидать великого князя и русский народ в такой крайней нужде, потому что они со всем смирением искали у него помощи и защиты»¹⁹⁶.

Началось победное шествие шведского войска по русской земле; все приходило «в страх и отчаяние», в особенности эти «полумертвые и дрожащие от страха» москвитяне. В один год шведы «покорили и привели в повиновение Шуйскому все местечки и города, лежащие между Финляндией, Москвою, и пристанью св. Николая, освободили самого Шуйского и город Москву от долговременной осады. Теперь не видать стало ни одного человека из 100 тысяч поляков или казаков, которые стояли между Москвою и Троицким монастырем, два года сильно своевольничали по всей стране и распоряжались всем, чем им было угодно»¹⁹⁷. Заслуги шведов перед Россией Петрей особенно подчеркнул в одной сцене между Делагарди и Скопиным-Шуйским. Русские и шведские войска взяли Тверь. После победы «русский полководец Скопин бросился на шею графу Делагарди, со слезами на глазах благодарил и сказал, что дядя его, великий князь, и все русское государство никогда не будут в силах отблагодарить его и королевское войско, а тем более заплатить за эту важную услугу»¹⁹⁸. И даже в известном Клушинском сражении, где шведы перешли на сторону польских интервентов, Петрей целиком оправдывает шведов. Виноватыми явились... русские, которые, по его словам, сначала были «совершенно праздными зрителями боя», а затем бросили (?!) шведов одних¹⁹⁹.

¹⁹⁴ *Петрей*. Указ. соч., стр. 251.

¹⁹⁵ Там же, стр. 260—261.

¹⁹⁶ Там же, стр. 268.

¹⁹⁷ Там же, стр. 282.

¹⁹⁸ Там же, стр. 274.

¹⁹⁹ Там же, стр. 287.

Во-вторых, в сочинении Петрея мы встречаем сведения о Лжедмитрии III, чего у других авторов не встречается. После смерти Лжедмитрия II «явился другой плут и обманщик, служивший в Москве простым секретарем, и... называл себя родным сыном Ивана Васильевича Дмитрием, который теперь уже три раза в разное время подвергался такой великой смертельной опасности, сначала в Угличе, потом в Москве и наконец в Калуге, однако же все избегал смерти и был настоящий сын Ивана Васильевича»²⁰⁰. Судя по всему появился он без ведома шведов, иначе Петрей не давал бы ему не очень лестной характеристики. «Это был краснобай, продувной, хитрый и отчаянный малый, а оттого и собралось к нему несколько сот негодяев и мошенников»²⁰¹. Три Лжедмитрия, как мы видели, вынесены Петреем в заглавие своего труда.

Лжедмитрий III утвердился в Ивангородской, Ямской, Копорской и Гдовской областях и пытался завести переговоры со шведами о помощи. Карл IX послал к нему на переговоры Петрея, видимо, потому, что тот видел Лжедмитрия I. Но именно по этой причине новоявленный Дмитрий стал уклоняться от встречи. Пока работала дипломатия, шведские войска стали вытеснять самозванца из занятых им областей. Тот сумел обосноваться во Пскове, но скоро «стал очень нахален, при всех позорил жен и дочерей, делал много других своевольств и злодейств». Псковичи подняли восстание, от самозванца отступились и казаки, которые выдали его псковичам, а те отослали его в Москву. «Там довольно долго сидел он у ворот Кремля, прикованный к большой цепи на всеобщее поругание и позор до тех пор, пока русские не выбрали себе государем ныне царствующего Михаила Федоровича Романова... Этот велел его безжалостным образом повесить. Так самозванец и получил свое заслуженное и достойное воздаяние; в ряду самозванцев он третий Лжедмитрий, выдававший себя законным сыном тирана Ивана Васильевича»²⁰².

В-третьих, особое место занял у Петрея рассказ о Новгороде, который составлял предмет особых интересов Швеции. Новгородцы, как известно, вели неравную борьбу со шведскими интервентами. В интерпретации Петрея это выглядит как пример самой черной неблагодарности. После событий под Клушином Делагарди с остатками своих войск двинулся к Новгороду «в полной надежде, что новгородцы поймут и оценят разные, сделанные им благодеяния, займут должную признательность за верную помощь и защиту, недавно оказанную им шведскими войсками, примут ласково своего благодетеля и заступника в его затруднении и станут угощать его; вышло совсем другое... как только новгородцы узнали, что полководец близко, они не пустили его к себе на глаза и велели сказать, что не дадут ему и бывшим при нем ни-

²⁰⁰ Там же, стр. 297.

²⁰¹ Там же, стр. 297—298.

²⁰² Там же, стр. 300.

чего, кроме пороха и пули; предлагали не ближе 10-ти миль подходить к Новгороду и взять дорогу прямо на Тихвин в Выборг»²⁰³. Начались враждебные действия между шведами и новгородцами.

В Москве был свергнут Василий Шуйский, в Новгороде возобладала сторонники Швеции во главе с воеводой Бутурлиным, которые решили просить правителем в Новгород одного из сыновей Карла IX, ибо «все русские сословия знают по опыту, что им нет счастья в их туземных великих князьях». В правители им был определен герцог Карл-Филипп, но его пришлось водворять в Новгороде при помощи шведского войска. К городу подступил все тот же Деллагарди. Разумеется, бог оказался на его стороне, ибо бог решил наказать Новгород и Россию: город был взят приступом.

Когда в июне 1613 г. Карл-Филипп прибыл в Новгород, он был страшно возмущен, что его встретили только представители Новгорода, а где же представители Москвы? Карл-Филипп решил править всей Россией. Напрасно новгородцы доказывали, что испокон веков они сами приглашают себе князей, — пример тому Рюрик — Карл-Филипп был неумолим. Его позиция тем более понятна — он решил новгородскую землю отдать шведской короне в виде уплаты за расходы по интервенции, что же останется ему? Пока шли переговоры, в Москве выбрали царем Михаила Федоровича, теперь Деллагарди пришлось иметь дело с Москвой. Представители Москвы «осыпали полководца множеством невежливых слов в своих различных письмах, в которых... приказали ему, точно какие власти, очистить Новгород со всеми зависевшими от него землями и отступить со шведским войском к Финляндии, прибавив к тому сильную угрозу, что они его выгонят»²⁰⁴.

Начались военные действия; шведский король «по врожденной доброте и великодушию» стремился к миру, который и был заключен в Столбове — деревне между Тихвином и Ладогой. Как уже говорилось, Петрей имел прямое отношение к заключению этого мира. Текстом Столбовского мирного договора наш автор и завершает свое повествование.

5.

«СЭРА ТОМАСА СМИТА ПУТЕШЕСТВИЕ» (1605 г.)

Вступивший на английский престол Яков I Стюарт снарядил к Борису Годунову посольство (1604—1605) во главе с Томасом Смитом. В задачу посольства входило не только известить русское правительство о вступлении на престол нового короля Англии; на Томаса Смита — опытного в торговых и финансовых делах — было возложено поручение добиться от русского царя подтверждения

²⁰³ *Петрей*. Указ. соч., стр. 288.

²⁰⁴ Там же, стр. 314.

льгот для английских купцов, в том числе права ездить через Россию на Восток, как это было при предшественнице Якова Елизавете. Царь Борис удовлетворил все домогательства английской стороны, посольство Смита отправилось домой, но в Вологде его настигла весть о смерти Бориса Годунова. Все было поставлено под вопрос, но дело привяло благополучный для англичан оборот — Лжедмитрий I, еще не войдя в Москву, не только подтвердил льготы англичанам, но и обещал им новые. Посольство вернулось в Англию.

В 1605 г. в Лондоне вышла книга об этом посольстве «*Sir Thomas Smith's Voyage and Entertainment in Russia...*»²⁰⁵ Книга вышла в свет, когда на русском престоле сидел первый самозванец. Видимо, это и послужило причиной того обстоятельства, что все симпатии автора отданы самозванцу. Предполагалось, что тот уселся в Кремле прочно; необходимость сохранения торговых привилегий в России заставляла ориентироваться на «ныне царствующего государя, считавшегося умершим 18 лет тому назад».

Автором этого сочинения было лицо, не участвовавшее в посольстве. Об этом подробно рассказал сам автор в обращении к читателю. Он, «добыв истину из уст различных джентльменов, участвовавших в путешествии и располагая также представленными мне письменными заметками их, свел все данные в одно целое с тем, чтобы ни ты не был обманут ложными сведениями, ни само путешествие не могло подвергнуться напрасным нареканиям. Однако сделано это мною без всякого согласия как со стороны самого сэра Томаса, так и тех, дружески расположенных ко мне джентльменов, которые сообщили мне материалы»²⁰⁶. Не будем говорить, давал ли сэр Томас и остальные джентльмены согласие на опубликование книги, для нас гораздо важнее, что не они были ее авторами. Тем более необычен авторский прием — его рассказ ведется от первого лица, то единственного, то множественного числа.

А кто же был автор? Достоверного ответа нет по сей день. Но есть более или менее достоверные предположения. У автора бойкое перо; он знаком с сочинениями Горсея и Флетчера о России, с английской историей, он склонен театрализовать события, о которых пишет. Вот, например, как он рассказывает о трагической ситуации, в которую попал царевич Федор — наследник царя Бориса: «Власть и правление его родителя, подобно театральной пьесе, заканчивающейся катастрофой, завершается ныне ужасной

²⁰⁵ Полный перевод названия книги: «Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России, с описанием трагической смерти двух государей и одной государыни, случившейся во время его тридцатидневного пребывания там, а также чудесного спасения ныне царствующего государя, считавшегося умершим 18 лет тому назад».

²⁰⁶ «Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России». Перевод, введение и примечания И. М. Болдакова (далее — «Путешествие...»). СПб, 1893, стр. 3—4.

и жалостной трагедией, достойной стоять в одном ряду с „Гамлетом“... наконец, справедливое возмездие наступило, извлеки свой меч, направленный против него самого, его царственной матери и возлюбленной сестры, с тем, чтобы совершились смертоубийственные сцены, зародыш которых уже давно был взрожден самоубийством его отца»²⁰⁷. В английской литературе возникло предположение, что автором интересующего нас сочинения был драматург Джордж Уилкинс (George Wilkins). Как по стилистическим и грамматическим особенностям, по склонности к риторике, по словарному запасу, по стремлению пользоваться чужим материалом, не говоря уже о театрализации изображаемого, автор «Путешествия» Томаса Смита напоминает Уилкинса. Это предположение поддержано и в русской литературе²⁰⁸.

К этому непосредственно примыкает вопрос об источниках сочинения. Сам автор рассказал, что его источниками являлись письменные записки участников посольства. К этому следует прибавить устные рассказы «дружески расположенных к автору джентльменов» — едва ли могло обойтись дело без расспросов приехавших из России. А какими источниками располагали сами участники посольства? Дорога туда и обратно давала им возможность наблюдать. Они прожили месяц в Москве, видели начальный период событий в Москве, но еще при Годунове выехали в обратный путь. С этого момента о Крестьянской войне и интервенции они знали только по слухам да по рассказам должностных лиц в Вологде, а затем в Архагельске. Таков круг их наблюдений, из которых складывалось их представление о бурных событиях в современной им России. Но непосредственность наблюдений, аромат рассказа очевидца во многом был утерян в мемуарном переложении автора, писавшего с чужих слов. До нас дошел книжный рассказ о событиях в России начала XVII в.

Каковы главные черты этого рассказа как исторического повествования? Его автор то и дело вспоминает о промысле божием; он — сын своей эпохи. Полустолетие спустя, в разгар гражданской войны в Англии армия Кромвеля будет истово молиться в перерыве между сражениями. Но в XVII в. философская и историческая мысль Англии уже вступала на стезю рационализма. Не прошло это и мимо нашего автора. Его провиденциализм — далеко не средневековый; он выступает в причудливом сочетании с рационалистическими моментами. Автор, повествуя о морской дороге посольства, пишет, что одной из опасностей «мы благополучно избегли благодаря провидению, а также осторожности и искусству нашего штурмана и капитана мистера Уая (Wye)...»²⁰⁹. Помимо отдельных замечаний подобного рода, в книге встречаются попытки уловить своего рода закономерности опи-

²⁰⁷ «Путешествие...», стр. 71—72.

²⁰⁸ Там же, стр. XIII—XVIII.

²⁰⁹ Там же, стр. 97.

сываемых событий. В частности, автор убежден, что главным двигателем событий является личный интерес человека; в трагической эпопее, развернувшейся в России, главной причиной был именно он — личный интерес людей, их страх или выгода; люди действовали, «не имея иной причины, кроме эгоистической жалости к самим себе»²¹⁰. К самозванцу люди бежали — «одни, побуждаемые страхом перед настоящими опасностями, другие же из боязни перед грядущими бурями»²¹¹. При этом зло активнее, чем добро, ибо «злу крыльями служит мысль и решительность»²¹². Подобная причина событий носила универсальный характер, «недуг разросся, поразив самую душу в этом теле, в котором боролся за первородство близнецы — тирания и жестокость»²¹³.

Риторика, о которой уже упоминалось, играет огромную роль в повествовании нашего автора. Повествователь пейскаренен, когда утверждает — «я же совсем не мастер по части логики и риторики, которые... для меня и для избранной мной темы бесполезны»²¹⁴. В действительности же печать риторики лежит на всем: слог автора чрезвычайно витиеват, в нем обилие эпитетов, сравнений, речи действующих лиц стилизованы, рассказчик то и дело впадает в морализирующий тон: «О, печальное единодушие! — О, сколь невыразимо содеянное ими зло!» — такие восклицания не раз вырываются из-под его пера.

Но риторика играет у нашего безымянного автора и чисто служебную роль — он пускает ее в ход, когда ему нечего сказать, ибо у него, не видевшего предмета повествования, подчас не хватало материала. Характерный пример. Чтобы избежать описания морского путешествия посольства Томаса Смита в Россию, автор пускается в рассуждение: «Я мог бы... позабавить вас описанием игр и турниров на воде, в котором я изобразил бы Левиафана... или же представить морской поединок между огромным китом, меч-рыбой и морским волком... Мог бы я также поведать вам о чародействах моря... Или, наконец, я мог бы пуститься в описание разных мысов и песчаных отмелей, рифов и скал, островов и водоворотов... Но с радостью отказавшись от поэтических фантазий, я с неменьшей радостью ухожу из-под власти соленого моря и в особенности теперь, когда после почти сорока дней непрерывно длившейся качки, я плыву по прекрасной реке Двине»²¹⁵. Из Англии автор переносит действие сразу в Россию, прикрыв отсутствие сведений украшательским отступлением.

Перед нами опытный автор; он рассказывает не все подряд, а отбирает факты и организует материал в зависимости от своих

²¹⁰ Там же, стр. 83.

²¹¹ Там же, стр. 90.

²¹² Там же, стр. 84.

²¹³ Там же, стр. 83.

²¹⁴ Там же, стр. 68.

²¹⁵ Там же, стр. 12—14

задач: «Теперь было бы уместно в моем рассказе поговорить несколько подробнее о смерти царя Бориса, о причине его болезни, равно как о его физической природе, наружности и темпераменте, о способах его политики...» Автор взвешивает шансы за и против, колеблется — говорить или не говорить об этом сюжете, наконец, решается: «Только ради того, чтобы не сочли меня вовсе немым в наш столь болтливый век... или совсем неспособным на правдивый рассказ, я приведу здесь кое-какие данные, так как, по-моему, тот просто глупец, кто ничего не умеет сказать при удобном случае»²¹⁶. Иногда он решает, что в данном случае о чем-то стоит умолчать. («О наследовании престола царевичем я расскажу впоследствии» и т. д.)

Он не склонен описывать то, что описано другими. Посольство прибыло в Ярославль, и автор размышляет, как быть с описанием Волги и самого города. «Здесь было бы кстати сказать несколько слов об этой знаменитой реке, как я думаю, единственной в свете по своей длине и ширине; но мысль, что в драгоценных трудах стольких славных писателей, как, например, мистера Ричарда Гаклюйта, уже говорилось о ней с достаточной подробностью, побуждает меня отказаться от описания как самой реки, так равно и города, сославшись на тех, которые уже делали подобного рода описания, в особенности же на правдивое описание доктора Флетчера, бывшего некоторое время послом при нынешнем дворе»²¹⁷.

Что касается *политических* симпатий нашего автора, то они совершенно определены. Народная масса для него это — «многоголовый зверь». Людей он делит на «благонамеренных» и «лихих». В то время как «благонамеренные люди изошрялись в соображениях относительно создания доброго порядка в приведенном в такое замешательство государстве, люди лихие замыслили причинить еще большее зло с помощью новых происков и хитростей»²¹⁸.

В рассказе безымянного автора Путешествия посольства Гома-са Смита встречаются некоторые неточности в изображении событий в России. Не будем касаться мелких погрешностей. Автор пишет специальную, заключительную главу «Положение России при вступлении Бориса Федоровича на царство», где пытается обосновать версию о том, что вместо царевича Дмитрия был убит другой мальчик, а сам Дмитрий будто бы был спасен матерью и Богданом Бельским.

Кроме того, он утверждает, что царевич Федор Борисович отравился вместе с матерью, что перед смертью он написал по всем правилам риторики весьма пространное письмо самозванцу. Текст письма, который приводится в книге и автором которого,

²¹⁶ «Путешествие...», стр. 55—56

²¹⁷ Там же, стр. 24.

²¹⁸ Там же, стр. 83.

вероятнее всего, был сам автор книги, понадобился для того же доказательства подлинности самозванца. В этом письме Федор Борисович пытается лишь оправдаться перед самозванцем: если тот — царь потомственный, то царь Борис был царем выборным: «Посему не извольте на меня гневаться, славный сын Грозного! Будь царем и да царствуют твои потомки!» Сам самозванец изображен благородным и великодушным правителем, который хотел добра и народу, и Борису Годунову, и его семье. Автора не смущает трагическая судьба семьи Бориса, да и самого Бориса, которого не оставили в покое и после смерти. Версия о подлинности самозванного царя, положенная в основу всего произведения и продиктованная не наукой, а политикой, является главной ошибкой нашего повествователя.

Но в рассказе о посольстве Томаса Смита содержатся не только ошибки. Рассказ писался с записок и слов участников посольства, поэтому в нем отразились и подлинные события. Значение книги нашего англичанина состоит не в рассказе о самих событиях — тут она не сообщает ничего нового по сравнению с другими авторами — ее достоинство в том, что она передает ту общественную атмосферу, в которой протекали эти события. Проследим за движением посольства по его маршруту и за его деятельностью.

Вот оно собирается отплыть из Англии. Сэр Томас держит речь перед своими спутниками. Речь его помогает современному читателю составить представление о порядках и обстановке на тогдашнем корабле в плавании. В числе неизменных пожеланий встречаем и такие: «Для сохранения собственного здоровья воздерживайтесь от пьянства, для вашей выгоды — от игры, для вашего спокойствия — от ссор, и для славы имени божия — от проклятий. Между тем, все это у моряков в большом ходу и легко прививается к другим». В качестве всеобщего и надежного средства против всех пороков рекомендуется «ежедневное, по заведенному на кораблях обычаю, богослужение»²¹⁹.

Первые шаги посольства на русской земле были на редкость удачные — дело обошлось без излишних формальностей, пристав всячески помогал англичанам выехать из Архангельска в Москву. Посольство было приятно удивлено: «Столь необычное начало внушало серьезную надежду на благоприятный исход нашей миссии, так как подобная милость ни разу не оказывалась прежним послам, которые по своему прибытии в Архангельск должны были оставаться там в досадном выжидательном положении все время, пока отправленный архангельским воеводой гонец в Москву, отстоящую на 1000 миль, не вернется с царским дозволением продолжать путь и с охранной грамотой»²²⁰. Такой упрощенный по-

²¹⁹ Там же, стр. 8.

²²⁰ Там же, стр. 16.

рядок приема английского посольства, который не мог быть установлен без ведома центральной власти, свидетельствует, что Годунов, заинтересованный в упрочении связей с Англией, распорядился принимать англичан без всяких проволочек. Хорошему настроению сэра Томаса и его спутников способствовало и то обстоятельство, что в Архангельске они были встречены английским торговым агентом в России, знаменитым Джоном Меркком, этим «поистине мудрым, достойным и любезным джентльменом», который был покровителем и своего рода консультантом по русским делам для посольства Томаса Смита.

Это хорошее настроение, видимо, немало способствовало хорошему отношению и к России. «Так, едучи от одного яма до другого на отличных почтовых лошадях, достигли мы, миновав несколько красиво расположенных городов, Ярославля,.. причем навстречу нам вышло множество народа. Нам пришлось переправиться на веслах через славную реку Волгу, на гористом берегу которой стоит этот богатый и красивый город, где посол наш остановился в доме Григория Ивановича Микулина, бывшего русским послом при ее величестве английской королеве»²²¹. Несколько позже о Москве они так же скажут, что это хоть и деревянный, но красивый город²²². Все отлично, все красиво — это резко контрастирует с тем, как писали о России некоторые другие иностранные авторы, для которых все в России было плохо и некрасиво.

В характеристике самих русских людей наш автор тоже перецеголял других иностранных авторов, но только с обратным знаком. Почти каждый автор Сказаний о России находил у русских тьму пороков. Наш автор делает то же, но вносит в это некоторые поправки. Так, многие полагали, что русские очень много пьют, а выдерживать такую нагрузку им помогает редкостное здоровье. Безымянный автор Путешествия посольства сэра Томаса убежден, что иностранец может выпить гораздо больше русского. Когда посольству пришлось выпивать с боярином Троескуровым, то каждый англичанин, оказывается, выпил столько, что «и сорок русских не устояли бы на ногах»²²³.

Посольство прибыло в Москву. Внимание автора с самого начала сосредоточено на личности Бориса Годунова и царевича Федора Борисовича. Если верно предположение, что автором повествования был драматург Джордж Уилкинс, то станет понятной ярко выраженная драматизация личности Бориса и его сына. Автор, сам не видевший героев своей драмы, по всем данным, подробно расспросил о них участников посольства. Поэтому от его рассказа веет непосредственным впечатлением: «В продолжение аудиенции мы могли созерцать во всем его величии могущест-

²²¹ «Путешествие...», стр. 24.

²²² Там же, стр. 51.

²²³ Там же, стр. 38.

венного царя. Он восседал на золотом троне, обитом дорогой тафтой; в правой руке он держал золотой скипетр, а на голове имел корону из чистого золота; на шее у него надето было ожерелье из драгоценных камней и жемчуга; его верхняя одежда была сделана из малинового бархата, красиво вышита золотом и изукрашена драгоценными камнями. Направо от него, на одинаковой высоте с тронem, помещалась на особого рода пирамиде царская держава из чеканного золота, сверху увенчанная крестом, в направлении к которому царь, каждый раз, когда предстояло ему говорить, слегка оборачивался, осеняя себя крестным знамением»²²⁴.

Но главное достоинство рассказа нашего автора состоит, прежде всего, в характеристике самой личности Бориса и его сына. Борис был «рослый и дородный человек, своею представительностью неволью напоминавший об обязательной для всех покорности его власти; с черными, хотя редкими волосами, при правильных чертах лица, он обладал в упор смотрящим взглядом и крепким телосложением»²²⁵. Что касается его характера, то Борис это — человек крайне противоречивый, потому что ему пришлось действовать в столь же противоречивых условиях.

Вот характеристика, которую автор дает Борису как царю: «Монарх, постоянно колебавшийся между замыслом и решением... сосредоточенный на начинаниях, которым не суждено осуществиться до самой его смерти; никогда не действовавший прямо, по постоянно только интриговавший, государь, которого не столько любили, сколько ему повиновались; сам охраняемый своей властью более, чем всякое частное лицо,... но до крайности угнетавший своих бедных подданных,... человек, которого продолжительная опытность в совершении самых противоположных поступков научила управлять лучше таким способом, чем сообразуясь со справедливостью и совестью,... овладев посредством хитрости короной, на которую не имел права, он проявил много ума для дальнейшего удержания ее за собою, считая меньшим позором для себя добычу царства незаконным путем, чем утрату его потом каким-либо иным образом. Кроме всего этого, царь Борис несомненно проявлял и много истинного величия и умения управлять во всех сферах, за исключением области собственного духа»²²⁶.

Автор показывает положение царя Бориса, пытавшегося обеспечить трон за своей династией. Он пришел к власти при помощи некоторых бояр, среди которых был и Богдан Бельский, которому автор отводит особую роль. «Но Борис, тяготясь присутствием тех, кому был обязан своим возвышением, и чувствуя себя связанным ими по рукам и ногам, стал раздумывать, как бы

²²⁴ Там же, стр. 34.

²²⁵ Там же, стр. 58.

²²⁶ Там же, стр. 58—59.

ему отделаться от таких кредиторов...»²²⁷. Так начиналась борьба с потенциальными претендентами на русский престол. К этому Бориса вынуждало все то же противоречивое его положение.

Борис стремился породниться с каким-либо иностранным двором. Но брак между Ксеньей и датским принцем Иоганном «расстроился благодаря его преждевременной смерти, последовавшей от объедения, как уверял меня в том один из царских врачей». Главным препятствием для Бориса был царевич Дмитрий. Царь решил его убрать, и только соперники, главным образом, Богдан Бельский и род Нагих подменили царевича другим ребенком. Доказательству этого, как уже говорилось, автор посвятил специальную, заключительную главу сочинения. На этой версии держится главный тезис автора, что на русском престоле уселся не самозванец, а подлинный Рюрикович — Дмитрий, сын царя Ивана.

Борис всеми средствами стремился, чтобы сделать своего сына Федора законным преемником на русском троне. Со слов очевидцев автор нарисовал такой портрет молодого царевича: «Лицо он имел женственное; речь его отличалась приятностью и живостью, голос же у него был громкий и звучный, а сам он был высокого роста и крепкого телосложения; он был милосерд к бедным... и благосклонен к знатым и умел нелицеприятно вознаграждать людей добродетельных и доблестных»²²⁸.

Борис старался подчеркнуть, что сына Федора он готовит к роли царя; «все его речи, намерения, наблюдения, проiski, решения и действия, казалось, имели в виду только жизнь его возлюбленного сына, без которого он никогда ничего не обсуждал, ничего не предпринимал и даже не молился. При приеме послов и во время переговоров имя царевича поминалось наряду с его собственным; своей любовью к сыну, как бы желая внушить любовь к самому себе, он, казалось, при всяком случае хотел иметь его у себя перед глазами и крайне неохотно отказывался от его присутствия». Когда ему советовали предоставить сыну большую свободу действия, Борис якобы отвечал: «Как я могу хоть на один миг с ним расстаться, когда я не уверен, что в этот миг он не перестанет быть моим»²²⁹.

Основание собственной династии было главной заботой Бориса, крушение этих замыслов было его трагедией. Это — центральный пункт как противоречивой деятельности царя Бориса, так и его противоречивой личности. Событием, знаменовавшим крах всех замыслов Годунова, было появление самозванца, и это аттестуется автором как возмездие узурпатору из рода Годуновых.

Событие это «привело в сильную тревогу государя и все царство, между тем, как бесчисленные росказни волновали все слои общества, так что нашим послом невольно овладел страх, как в

²²⁷ «Путешествие...», стр. 98.

²²⁸ Там же, стр. 90.

²²⁹ Там же, стр. 60.

страхе находились сам царь и правительство, хотя и надеявшееся, что удастся убедить народ, что все это — один обман. Однако ж мысль о совершенном убийстве или, по крайней мере, о попытке на таковое страшно угнетала душу и совесть государя, а между тем было отправлено двухсоттысячное войско с тем, чтобы захватить противника в плен или же уничтожить его»²³⁰. Если не считать фантастическую численность царского войска, то здесь верно передается первое впечатление о Москве, как оно рисовалось иностранному наблюдателю.

Военные действия против самозванца были неудачны. Правда, дело началось с победы (автор не называет воеводы Шеина, одержавшего эту победу). В Москве это было встречено «с торжественностью, превосходившей однако ж значение празднуемой победы». За этим последовала сомнительная победа Петра Басманова, встреченная с еще большей торжественностью. Борис осыпал Басманова щедрыми милостями, которые namного превосходили значение его ратных подвигов. Такая щедрость наводила на мысль, что царь боится измены войска и воевод и всячески их задобривает. Эти опасения оказались вполне обоснованными. Тот же Басманов с большим войском впоследствии изменил Борису: «Таким образом он повергнул к стопам Дмитрия большинство подчиненного ему войска, в котором многие и сами были уже готовы предаться, в том числе все состоявшие на службе иностранцы, как то англичане, шотландцы, французы, голландцы и фламандцы; в этом ему последовал или, скорее, даже предупредил его... князь Василий Иванович Голицын²³¹, другой воевода и муж знатного происхождения, по праву местничества стоявший выше Басманова»²³².

Для английского посольства создалось весьма щекотливое положение. Несмотря на дружеское расположение к Англии со стороны Бориса, англичане почли за благо поскорее покинуть Москву, «опасаясь... как бы смута не возымела дурного исхода для правительства». В Вологде, как уже говорилось, они получили известие о смерти царя Бориса. Решили проверить эти сведения, в Москву послали гонца. Выбор человека для выполнения такой миссии показывает, что английское посольство понимало всю сложность политического положения в России. Гонцом назначили «человека, владеющего русским языком, знакомого с настроением различных наций в стране, и благодаря своей обходительности без труда могущего уладить все ему нужное в каждом городе; к тому же он, без сомнения, хорошо понимал всю важность данного ему поручения, которое именно он только мог исполнить с надлежащей тщательностью и быстротой»²³³.

²³⁰ Там же, стр. 39—40.

²³¹ *Ошибка*: речь идет о Василии Васильевиче Голицыне.— М. А.

²³² «Путешествие...», стр. 69—70.

²³³ Там же, стр. 55.

Теперь члены посольства могли пользоваться только долетавшими до них сведениями о событиях в России. На основании этих сведений они и строили догадки о ходе событий. Первым вопросом, который им пришлось решать, был вопрос о причинах смерти Бориса Годунова. Обстоятельства смерти царя были не ясны. Царь умер внезапно, потеряв дар речи, успев перед смертью лишь принять пострижение в монахи. Автор строит ряд предположений. Во-первых, паралич мог наступить от обжорства — смертельный приступ начался после плотного обеда. Во-вторых, царь мог отравиться (у него были сильные боли в животе), о самоубийстве Бориса автор говорит и в другом месте. В-третьих, смерть могла явиться следствием «душевной скорби и всяких забот по поводу смуты и крайне малоуспешных военных действий, так что приходилось опасаться самого худшего»²³⁴. Но в качестве универсальной причины автор допускает и промысел божий; смерть Бориса — это свидетельство божьего суда над царем Борисом за все им содеянное зло. Кто признает такую причину, тот останется «если не вполне удовлетворенным, то по крайней мере успокоенным».

В Вологде ходили самые разноречивые слухи; говорили, что царевич Федор, переодетый в английское платье, собирается выехать из России вместе с английским посольством — слухи, порожденные, видимо, склонностью Годуновых к дружбе с Англией. Говорили далее, что и царевич и английский посланник закованы в железа и будут отправлены в Москву. Но все больше выяснялось подлинное положение молодого царя Федора Борисовича. Он «мог легко видеть, что почва уходит у него из-под ног, и вполне ясно понимать..., что солнце его счастья клонится к закату или облакается тучами в самый полдень, что законный преемник его уже объявился — не будь он таковым в действительности, он все-таки был бы признан за такого»²³⁵. Положение молодого Годунова стало безвыходным, и он, по уверению автора, отравился вместе с матерью. Неточность в изображении судьбы Федора Годунова объясняется несомненно стремлением обелить самозванца, потому что рядом с этим автор старается доказать, что самозванец питал самые лучшие чувства к семье Бориса и собирался отдать в управление Федору обширную область.

Какова была реакция русского населения на приход самозванца? Простой народ поднимался против бояр. Несмотря на то, что автор сам был сторонником самозванца, он резко выступает против народа. Ему не хватает бранных эпитетов, чтобы изобразить «бесчинства черни». Но это не просто брань. Автор хорошо понимает, что народ был «падкий на перемены и новшества», потому что в тогдашних условиях «нажить себе еще худшего тирана он не может». Что касается боярства, то автор осуждает лишь тех,

²³⁴ «Путешествие...», стр. 56—57.

²³⁵ Там же, стр. 71.

кто был противником объявившегося царя, он именует их «наиболее недостойными». Все его симпатии на стороне боярства, выступавшего сторонником Лжедмитрия I. Это вполне согласуется с общей концепцией нашего автора: вместе со всем боярством он ненавидит народ, вместе с частью боярства он держит сторону самозванца, которого он считает тем русским царем, с кем Англии предстоит налаживать отношения. Среди этих отношений первое место занимают отношения торговые, ради которых посольство Томаса Смита и ездило в Россию.

Это нашло свое подтверждение и на практике. Еще из Тулы самозванец послал письмо английскому торговому агенту Мерику. Затем состоялось их свидание — еще до прибытия в Москву! В речи перед самозванцем Мерик развивал ту мысль, что «после того как богу было угодно столь чудесным образом сохранить его величество и столь блистательно восстановить его на престоле его предков, да соблаговолит он теми же глазами, как и они, смотреть на английских купцов, чем он не только заслужит их любовь, но и побудит их исполниться к нему благодарностью как никакая другая нация»²³⁶. Англичане старались опередить другие нации в угодничестве перед будущим царем, чтобы получить новые льготы. И они не ошиблись. Вскоре самозванец обещал им «более обеспеченные льготы, чем какими они пользовались до настоящего времени».

Не меньше англичанам поправилось, что самозванец, еще не вступив в Москву, уже вознамерился открыть русские границы. Он «объявил во всеобщее сведение, что каждый его подданный волен покинуть любое место в его владениях, равно как и всякий иноземец — прибыть в них, куда ему вздумается: таким путем он рассчитывал через сближение с другими нациями обогатить свой народ, прославить по свету свое имя и возвеличить свое государство»²³⁷.

Иначе посмотрел на все это простой народ России. Освобождаясь от тирании Годуновых, он пытался освободиться и от засилья иностранцев. В Архангельске между англичанами и русскими «вышла большая суматоха, во время которой простой народ, вооружаясь камнями и дубинками, напал на англичан с такою яростью, что ворота английского дома были вышиблены, жилым помещением грозила опасность быть разграбленными, окна в доме были выбиты, а в пакхаузы насильно ворвалась толпа, причем с несколькими английскими купцами обошлись весьма круто, а иные из них даже подверглись побоям; наконец, от грозившей опасности не был свободен и сам посланник»²³⁸.

Это случилось за день до отплытия. С многообещающими заверениями со стороны самозванца и с испорченным настроением от встречи с народом посольство сэра Томаса Смита отбыло на родину.

²³⁶ Там же, стр. 93.

²³⁷ Там же, стр. 91.

²³⁸ Там же, стр. 96.

ГАНС-ГЕОРГ ПАЭРЛЕ.
 «ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ КРАКОВА В МОСКВУ»
 (1610 г.)

Лжедмитрий I, как известно, еще не взяв Москвы, пригласил в Россию иностранных купцов. «Путешествие сэра Томаса Смиа» сообщает, что уже в Туле состоялось свидание самозванца с английским торговым агентом в России Джоном Мериком, которому были обещаны еще большие льготы, чем имели англичане в России до сих пор. Но это — не единственный случай. В данном повествовании речь пойдет о новом случае подобного рода. Секретарь самозванца Ян Бучинский, будучи в Кракове, пригласил отправиться в Россию торговать трех немецких купцов.

Они прибыли в Москву, но не в добрый для них час. Произошло знаменитое восстание москвичей против самозванца. Они еле отстояли себя, засева в доме Бучинского. Чтобы не искупать судьбу еще раз, они пробрались в дом, где жили польские послы, рассчитывая в этом более надежном месте найти более надежную защиту. Но дом был блокирован; послам, и всем, кто у них укрылся — а таких было 120 человек, — пришлось отсиживаться 18 месяцев. Все попытки выбраться на волю не привели ни к чему. И только когда Василий Шуйский заключил с Сигизмундом III перемирие и прибыли новые послы, обитатели посольского дома обрели свободу.

По возвращении на родину этих трех немецких купцов вышла книга «Beschreibung der Moscovitterischen Rayse...» — «Описание путешествия из Кракова в Москву и из Москвы в Краков, совершенного Гансом-Георгом Паэрле из Аугсбурга с господами Андреасом Натаном и Бернгардом Манлихом-младшим с 19 марта 1606 г. по 15 декабря 1608 г.» (1610).

Каковы источники книги Паэрле? Располагая вынужденным и притом длительным досугом вместе с поляками, проделавшими поход до Москвы, Паэрле слышал их рассказы об этом походе, а может быть и специально расспрашивал очевидцев. Вполне возможно, что и сама мысль о книге возникла у купца Паэрле под влиянием этих рассказов. К этому прибавились его собственные наблюдения, а также услышанное от самих русских. Сам Паэрле из окна едва ли мог увидеть многое, но между польскими послами и двором Василия Шуйского шли переговоры, в блокированный дом приходили бояре — официальные лица, которые эти переговоры вели. Они-то и рассказывали о том, что творится на улицах Москвы и в стране. Источником информации для населения посольского дома служили и стрельцы, охранявшие дом. По всему вероятно, все это фиксировалось в виде черновых записок. Это нашло свое обособленное выражение в двух главах, из которых состоит книга: в первой главе сгруппировано все, что

автор слышал от польских участников похода на Москву, это и составило историю, связанную с первым самозванцем; во второй главе автор рассказал о том, что видел сам и что слышал от русских современников событий.

Каковы особенности Паэрле как автора? Располагая показаниями очевидцев и собственными наблюдениями, Паэрле создал повествование, в котором явно чувствуется достоверность живого свидетельского показания. Надо лишь учитывать два обстоятельства, отразившиеся на интересующем нас рассказе. Во-первых, обычная для иностранного автора однобокая, прозападническая оценка событий, а во-вторых, известная дань своей эпохе, когда историческое повествование все еще испытывало инерцию средневековых традиций. В книге Паэрле встречается такое место: «25 сентября [1607 г.] мы видели комету... Время покажет, что она предвещает — Помилуй нас, боже милосердный!» И в начале XVII в. исторические писатели — не только духовные, но и светские — все еще ждали немалых бед от комет или солнечных затмений.

Что касается первой главы, то она не прибавляет к фактической истории самозванца чего-либо существенно нового. Стоит, однако, указать на рассказ о восстании против Лжедмитрия I. Из подробностей, сообщаемых автором, вырисовываются некоторые общие контуры плана восставших. Паэрле убежден, что восстание готовилось задолго до свадьбы самозванца и русские приняли меры, чтобы польские войска, пришедшие в Москву, были парализованы в момент восстания: «Поляки были размещены далеко друг от друга; из этого видно, с какими мыслями принимали москвитяне своих гостей; сверх того за несколько дней до мятежа всем купцам строго было запрещено продавать иностранцам порох и свинец для того, чтобы веселые гости беспрестанными выстрелами не потревожили народа и не нарушили общего спокойствия; это было только предлогом; в душе русских скрывались иные замыслы»²³⁹.

Выяснилось и другое обстоятельство; москвичи «приняли меры, чтобы поляки во время смятения не подоспели на помощь к великому князю и не расстроили бы их замысла: для этого ночью перегородили огромными деревьями ту улицу, где расположена была польская конница; били в набат во всех церквях и везде кричали, что поляки режут бояр в Кремле и хотят овладеть столицей»²⁴⁰. Кроме того, восстание началось настолько дружно, что «польские воины, служившие великому князю, узнав о смерти государя, немедленно сели на копей и выехали в чистое поле; там они заключили с москвитянами договор, по коему могли выйти из России, но потеряли все свое имущество»²⁴¹. Дружина воево-

²³⁹ Н. Устрялов. Указ. соч., ч. 1, стр. 193.

²⁴⁰ Там же, стр. 192.

²⁴¹ Там же, стр. 196.

ды Сандомирского «при самом пачале волнения схватила оружие и приготовилась к битве; но увидев, что на нее навели пушки удалилась на большой двор, где обыкновенно стояла, и там заключила договор с русскими»²⁴². Потери сторон исчисляются автором следующим образом: у поляков — 600 чел., у москвитян свыше тысячи. Такое соотношение несколько неожиданно, если учесть, что ход восстания Паэрле изображает как подавляющее превосходство русской стороны.

Наибольший интерес представляет вторая глава. Оказывается, Ян Бучинский действовал в Кракове уже как уполномоченный русского престола; он вручил аугсбургским купцам «грамоту за своеручною великого князя подписью и за большою его печатью, такого содержания, что всякий купец, который повезет в Россию на свой страх добрые и красивые товары, во всех областях Московского государства будет припят с особенною ласкою; за все, проданное царю, получит немедленную плату из казны, на обратном же пути найдет продовольствие и помощь». Такое приглашение иностранных купцов у самозванца было составной частью его намерения открыть русские границы.

Но в Москве, как уже говорилось, немецким купцам уже в первые дни пришлось не торговать, а, разобрав соломенную крышу с дома Бучинского, отстреливаться от москвичей. Неизвестно, чем бы кончилась эта перепалка, но осажденных выручил Дмитрий Шуйский — брат царя. А дальше москвичам было уже не до осажденных в доме Бучинского — народ поднялся против бояр.

Как иностранному купцу Паэрле представляются народные массы России? Поход самозванца на Москву удался только потому, что народ выступил против Годунова и бояр; во многих русских городах народ, связав годуновскую администрацию, открывал ворота перед самозванцем. Это была помощь не только политическая, — народ составлял военную силу самозванца; наиболее организованной частью войска, двигавшегося на Москву, было казачество; вот что пишет автор о донцах: «Они составляют лучшее войско великих князей московских: имея длинные ружья, сражаются на конях, а еще гораздо лучше пешие»²⁴³. Но разнужданное поведение иностранцев в Москве после воцарения самозванца вызвало недовольство народа, и боярам удалось направить его против иностранцев и самозванца. После того как царем сел Василий Шуйский, произошла новая расстановка сил; 4 июня 1606 г. «в городе было страшное волнение; народ восстал на стрельцов, бояр и великого князя, обвиняя всех их как изменников в умерщвлении истинного государя Дмитрия»²⁴⁴. Именно в этой связи стояло перенесение «мощей» царевича Дмитрия из Углича в Москву. Эту затею Паэрле считает грубой комедией.

²⁴² Н. Устрялов. Указ. соч., ч. 1, стр. 196.

²⁴³ Там же, стр. 166.

²⁴⁴ Там же, стр. 201.

Блокированным в доме Бучицкого удалось перебраться в дом польских послов. Потянулась полоса переговоров и всяческих препирательств между послами и двором Василия Шуйского. Все началось с требования послов отправить их на родину. Правительство Шуйского заявило — пока не вернется посланный к Сигизмунду III русский гонец, об отъезде послов из Москвы не может быть и речи.

Стороны время от времени напоминали друг другу о себе. Когда бояре приходили в дом послов, пачиналась дискуссия между русской и польской сторонами. Заслуживает внимания дискуссия по вопросу об оценке событий, связанных с первым самозванцем. Каждая из сторон изложила свою концепцию, это было столкновение точек зрения правящих кругов тогдашней России и тогдашней Польши.

Русские бояре обвиняли Сигизмунда III в нарушении мира между Россией и Польшей. Вместо соблюдения добрососедства, польский король «дал обманщику и войско, и деньги, и добрые наставления; он послал в наши пределы воеводу Сандомирского со многими поляками». Вторжение самозванца виной тому, что поднялась «чернь». Это было ясно уже в самом начале, на примере княжества Новгород-Северского, где «чернь, всегда и везде неразумная, признала его законным наследником русского престола и выдала ему градоначальников и воевод, так что все княжество Северское покорилось самозванцу. Вскоре после того... он, обманщик, при помощи короля овладел всею страню русскою. Мало того: он хотел всех нас, бояр, истребить, русскую веру искоренить, а супругу великого князя Ивана Васильевича, мать истинного Дмитрия, принуждал признать себя сыном своим». Хоть она сначала и признала его сыном, но потом объявила, что «он не сын ее, а плут и обманщик, умоляя нас, чтобы мы не дозволяли господствовать над собой бродяге. Убежденные как ее речами, так и многими другими причинами, также и внушением св. духа, мы умертвили злодея. При сем случае погибли некоторые из поляков... за то, что они раздражили народ наглými поступками, оскорбляя жен, отнимая их у мужей..., но это случилось без нашего ведома; следовательно не мы виновны в этом ужасном кровопролитии, а ваш король и ваши единоплеменники, которые нарушили мирные условия»²⁴⁵. О чем и да будет вам известно. Такова концепция правительства Шуйского в ее пространном изложении.

Послы Сигизмунда III, в противовес этому, ставили своей задачей возложить ответственность за все на русскую сторону. Под этим углом зрения строилась и вся аргументация. Она выглядела так: если Сигизмунд III и делал что-нибудь для самозванца, то исключительно из христианского сострадания. Кроме того, не надо все взваливать на Сигизмунда. Стоило только самозванцу объявиться, разве не «москвитяне из разных городов ваших про-

²⁴⁵ Там же, стр. 202—203.

возгласили его торжественно своим государем?»²⁴⁶ «Разве не вы сдавали ему города?»²⁴⁷ Теперь во всем виновной вы объявили чернь. А что делали вы, бояре? «Сами вы, господа бояре... добровольно возвели Дмитрия на престол. Не вы ли также присылали к нам посла Афанасия Ивановича благодарить короля и польскую корону за оказанные ему благодеяния? Не вы ли просили о заключении с ним вечного мира и о дозволении воеводе Сандомирскому привезти в Москву дочь его Марину для бракосочетания с великим князем?» И разве не «ваш патриарх короновал ее торжественно без всякого спора?» Наконец, «чтобы государь ваш не был истинный Дмитрий, того мы от вас не слыхали... Мы не можем надивиться, что вы, господа бояре, столь... сами себе противоречите!». Справедливость требует обратить гнев «не на чернь, которую вы обвиняете, а на вашего великого князя и на вас самих, господа бояре!»²⁴⁸

Этот взгляд на события важен тем, что он указывает на поведение русского боярства. Оно лавировало в создавшейся тогда сложной обстановке — использовало самозванца против Годунова, затем свалило самозванца, когда он превратился в помеху боярству. Вину за все беды бояре возлагали на народ, который они потом, как известно, жестоко подавили.

Но бояре находились в лучшем положении, чем польские послы, — после свержения Лжедмитрия I в их руках оказались документы, имевшие первостепенное значение в разгоревшейся полемике; речь шла о тайных договорах самозванца, наносивших огромный ущерб России. Паэрле излагает этот момент следующим образом: «15 июня [1606 г.] пришли к послам два знатных боярина Михайло Татищев и Василий Телепнев... Татищев, сказав послам речь,... показал список договора, заключенного Дмитрием с воеводой Сандомирским. Дмитрий обязался дать огромные суммы денег, жениться на его дочери и подарить ей в вено Новгород и Псков; потом Татищев показал письмо королевское к Дмитрию, когда он был уже на престоле; в этом письме было сказано, что великий князь обязан престолом дружбе его величества и помощи народа польского. Сверх того представили буллу папскую, присланную с легатом: его святейшество убеждал Дмитрия не забыть данные им клятвенные обещания, выстроить в Москве католические церкви. К сему боярин присовокупил, что у них есть много подобных писем, которые отправлены с послом к его величеству, также к польской короне и Великому княжеству литовскому»²⁴⁹.

²⁴⁶ Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 204.

²⁴⁷ Там же, стр. 205—206.

²⁴⁸ Там же, стр. 206—208.

²⁴⁹ Там же, стр. 209—210. Известно также, что самозванец обязался воеводе Сандомирскому и Сигизмунду III отдать Смоленскую и Северскую области, разделив каждую из них пополам.

Послы пустили в ход свою старую аргументацию, сводившуюся к мотиву — а сами-то вы каковы? А папа на то и папа, чтобы пецись об интересах католической церкви. Но теперь эта аргументация прозвучала совсем иначе, чем в первый раз, ибо документы были неопровержимы — речь шла о плане польских феодалов и папского престола, плане, сложившемся еще до перехода самозванцем русской границы и рассчитанном на подчинение России при помощи самозванца. Выслушав послов, Татищев заметил, что где уж его оппонентам лезть в чужие дела, когда и свой-то в полном беспорядке — сейчас в Польше происходят тревожные события, в том числе очередной мятеж дворянства против короля²⁵⁰.

Полемика сторон и даже неприязненные действия между ними продолжались до самого отъезда обитателей польского дома, но они уже не представляют интереса. На первый план выступили события, развернувшиеся к тому времени в России. То было время Крестьянской войны. После свержения первого самозванца последовали новые события: «Носилась в Москве всеобщая молва, что убит не Дмитрий, а один из немецких телохранителей, родом из Праги, весьма на него похожий; Дмитрий же, проведав о заговоре, тайно бежал по невозможности предупредить мятеж, готовый вспыхнуть, и удалился в княжество Северское, где народ принял его по-прежнему как законного государя; рассказывали, что он уже собрал многочисленное войско и шел на Москву. Одни верили этому; другие же говорили нам, что Дмитрий действительно умерщвлен, что мы своими глазами могли видеть труп его, лежавший на площади трое суток... Мы не знали, чему верить: одни говорили, что он убит, другие, что он жив, и в доказательство представляли даже письменные свидетельства»²⁵¹.

Военные действия стали приближаться к Москве, слухи усилились, они стали еще более противоречивыми. Население польского дома, узнавшее эти новости от стрельцов, охранявших их дом, не знало чему верить. Было известно, что в Москве собирается какое-то войско, но для какой цели? Одни говорили, что Шуйский «готовится к войне с турками; другие же говорили, что какой-то знатный воевода или князь, по убении Дмитрия, бежал в страну Северскую, объявил там о смерти его, поклялся жертвовать для блага народного самою жизнью и, распустив молву, будто бы приверженцы Шуйского хотят истребить северян, которые первые признали Дмитрия, убедил их восстать на великого князя, а себя провозгласить государем. Иные уверяли, что сам Дмитрий, которого Шуйский и бояре считали мертвым, поя-

²⁵⁰ Речь идет о рокоше Зебржидовского (1606—1608).— М. А.

²⁵¹ «Описание путешествия из Кракова в Москву и из Москвы в Краков, совершенного Гансом-Георгом Паэрле из Аугсбурга с господами Андреасом Натаном и Бернгардом Манлихом-младшим с 19 марта 1606 г. по 15 декабря 1608 г.», 6/м, 1610, стр. 213.

вился в Северском княжестве, что жители тамошние снова покорились ему и вознамерились оружием возвести его на трон. Некоторые, наконец, сказывали нам, что Северская страна восстала на бояр за убийство Дмитрия и самовольное избрание Василия Ивановича Шуйского великим князем, без ведома тамошних граждан... Видно было однако ж, что москвитяне боролись с врагом сильным и опасным, ибо сколько раз мы ни спрашивали их, кто кого одолевает, всегда они отвечали: *воры*, т. е. мятежники. Бояре, разбитые на берегах Оки, должны были отступить к столице, куда ежедневно приходили толпы раненых, избитых, изуродованных»²⁵².

Наконец, война подошла к самой Москве; «26 ноября [1606 г.], в воскресенье, во время обедни ударили в набат: народ взволновался и бросился в Кремль с ружьями и пищалями. Не зная, что случилось, мы немедленно взялись за оружие, стали на местах, под начальством своих ротмистров, и приготовились мужественно отразить насилие. Между тем, явились приставы: они убеждали послов быть спокойными и ничего не опасаться. Когда же спросили, отчего же волнуется народ, они отвечали, что перед городом показалась толпа самой ничтожной черни, непослушной великому князю, и что для усмирения посылают теперь войско. Мы однако ж скоро убедились, что бояре имеют дело не с чернью, а с сильным войском, которое обложило Москву и, невзирая на частые вылазки осажденных, стояло перед нею целых пять недель, так, что в городе уже начали терпеть недостаток в съестных припасах, особенно в хлебе»²⁵³.

Так, в «Описании» Паэрле отразились события, связанные с появлением второго самозванца, а главное, связанные с наивысшими успехами Крестьянской войны, когда объединенные отряды восставших подступили к Москве. Сведения, сообщаемые Паэрле, вполне укладываются в рамки подлинных событий. Не грешит он против истины и тогда, когда говорит о причинах поражения восставших под Москвой. Решающей причиной этого, как известно, была измена дворянского войска Истома Пашкова делу Болотникова.

Вот что знает об этом Паэрле: «Положение столицы было бы еще хуже, если бы великий князь и бояре, бессильные в битвах, не уловили в свои сети начальника мятежников именем Пашкова. Этот воевода, обманутый коварными речами и обещаниями бояр, изменил своему делу, дал слово великому князю расположить своих товарищей так, чтобы москвитяне могли, окружив их, побить наголову, и сдержал обещание»; часть восставших вынуждена была отступать, «прочие же в числе нескольких тысяч были изрублены, лагерь их разграблен и сожжен, а Пашков пришел в Москву. Таким образом столица избавилась от оса-

²⁵² «Описание путешествия...», стр. 215.

²⁵³ Там же, стр. 216.

ды. Впоследствии многие москвитяне говорили, что если бы Пашков не оставил своих товарищей, жители столицы приняли бы его сторону и что они уже готовы были передаться ему. Очень вероятно: в народе, утомленном осадой, царствовал раздор»²⁵⁴. Следовательно, в Москве, откуда наш автор черпал свои сведения, вполне отдавали себе отчет в последствиях измены И. Пашкова.

Наступил 1607 год. В марте в Москве знали, что восставшие держались в Туле и Калуге, что «они обороняются упорно, что под Калугой от нечаянных вылазок их, днем и ночью, погибает много народу, что царское войско потеряло несколько орудий, отбитых и увезенных мятежниками, и что с каждым днем многие города и крепости принимают их сторону, частью силой, частью добровольно»²⁵⁵. Затем пришли вести, что «великий князь отступил от Калуги и осадил Тулу; мятежники со своей стороны также оставили Калугу, почти до основания разрушенную, и заперлись в Туле, которая имела прочные укрепления. Наши приставы, рассуждая с послами об этой войне, говорили откровенно, что в продолжение внутренних раздоров Шуйский потерял более 100 000 человек. Эти слова нас очень удивили: прежде приставы не смели молвить слова без ведома великого князя, и тем менее сказать что-либо не в похвалу ему»²⁵⁶.

Другими словами, дело не двигалось, ибо «засевшие в Туле мятежники оборонялись упорно и мужественно. Посему великий князь велел ополчиться всем москвитянам, которые только могли держать оружие»; войско это «собирали в окрестностях столицы на пространстве 100 или 200 миль целых шесть недель; потом в Кремле переписали и вооружили. При составлении переписи каждому ратнику дают копейку, которую он должен возвратить по окончании похода: так узнают число воинов»²⁵⁷.

Войско ушло летом, но только осенью пришло известие о падении Тулы, «вынужденной к сдаче недостатком съестных припасов; простым ратникам великий князь даровал жизнь, а двух главных мятежников отправил в Москву пленниками. Их привезли торжественно 20 октября: главный назывался Федоровичем, потому что он выдавал себя за сына великого князя Федора Ивановича; товарищ его и воевода был Болотников»²⁵⁸.

Победу бояр над восстанием Болотникова Паэрле оценивает также и с точки зрения внешнеполитической. «Петр Федорович» и Болотников в плену, и это вызывает следующие размышления нашего автора: «Народ толпился по улицам, когда ввозили их в город; двое из наших видели торжество москвитян, когда ходили на рынок для закупки разных вещей; приставы и стрельцы провели их в толпу народную посмотреть на изменников, только

²⁵⁴ Там же, стр. 216—217.

²⁵⁵ Там же, стр. 218.

²⁵⁶ Там же, стр. 218—219.

²⁵⁷ Там же, стр. 219.

²⁵⁸ Там же, стр. 221.

тайно, и по-видимости, с великим опасением, а в самом деле водили их для того, чтобы они пересказали послам, как удачно идут дела у великого князя. Послы, однако ж, тотчас догадались, что не эти два пленника были виновниками страшного мятежа и войны кровопролитной..., бояре же радуются и торжествуют только для того, чтобы ослепить чернь и уверить послов в силе великого князя, успешшего управиться с врагами и мятежниками, т. е. им хотелось заставить поляков быть уступчивее и миролюбивее. Когда же мы спросили стрельцов, совершенно ли прекратилась в России война междоусобная, некоторые из них сказали за тайну, что им неизвестно... Каждый день приносил нам новые вести, но большей частью невероятные»²⁵⁹.

Ждали возвращения в Москву самого царя, и вот 10 ноября состоялся триумфальный въезд Шуйского «со многими боярами и другими сановниками; лошадей под ними было до 2000. Его встретили бояре и знатнейшие купцы. Он сидел один в колеснице, покрытой красным шарлахом и запряженной цугом в 4 белые лошади; недалеко от дворца слез с колесницы и шел пешком между боярами, встретившими его у кремлевского моста. Въезд был не пышный; только звонили в колокола, и то не ладно»²⁶⁰.

Обратил внимание Паэрле на тот факт, что иностранные купцы, оказавшиеся в России в этот неподходящий для них момент, старались теперь выбраться домой: «Купцы, жившие с нами в одном дворе, представили послам, что они терпят большие убытки, товары их не продаются и легко могут испортиться... сами же они не имеют средств к пропитанию; почему и просили послов исходить за них у великокняжеского брата, князя Дмитрия, верных проводников, с которыми они могли бы как торговцы возвратиться в Литву, на родину»²⁶¹.

А между тем из Варшавы прибыли новые послы — они уже встречали Шуйского из похода. Старые польские послы, с которыми Паэрле провел вместе эти 18 месяцев, оказались теперь в положении частных лиц. Впрочем, их и раньше не жаловали как послов, поскольку они были присланы к самозванцу. Послы новые стали выручать послов старых. Старое посольство, истомившееся от долгого сидения, требовало немедленной отправки на родину, но дело шло не так скоро, как хотелось, разжалованные послы стали бунтовать, хотели силой пробиться на волю, готовились к самому худшему, «всю ночь провели в молитве и приобщились св. таинств».

В Москве начинало свою деятельность новое посольство Сигизмунда III, начались старые препирательства, связанные с первым самозванцем. На описании этих препирательств с правительством Шуйского труд Паэрле обрывается.

²⁵⁹ «Описание путешествия...», стр. 221.

²⁶⁰ Там же, стр. 222.

²⁶¹ Там же, стр. 219.

ЖАК-ОГЮСТ ДЕ ТУ. ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЛЖЕДМИТРИИ I

Сын Христофора де Ту — председателя парижского парламента (высшего судебного учреждения); политический деятель времен религиозных войн во Франции, один из составителей Нантского эдикта (1598). Делом всей жизни Жака де Ту явилась «История моего времени» (138 книг), где дана история Франции — главным образом, история религиозных войн — и наиболее важные события в других европейских странах за период 1543—1607 гг. Еще отец его собирал многочисленные материалы для такого сочинения. Жак де Ту выступал сторонником единства Франции — служил Генриху III и Генриху IV, — но был далек от католической ортодоксии. В юности ему довелось быть свидетелем Варфоломеевской ночи, с тех пор он стал проповедником веротерпимости. Боролся против подчинения Франции решению Тридентского собора, насаждавшим католическую контрреформацию. Разногласия с католиками навлекли на Жака де Ту гнев папского престола, его книга подверглась ожесточенным нападкам иезуитов и была внесена в Индекс запрещенных книг (1609). Дополнением к «Истории» служат мемуары автора и его переписка.

Повествование о Лжедмитрии I составляет часть 135-й книги его «Истории». Сам де Ту в России не был, он пользовался источниками, которые сам перечисляет. Прежде всего, это были показания очевидцев. Он встречался с участником событий, своим соотечественником Жаком Маржеретом после его возвращения из России. Тот состоял в личной охране первого самозванца, но в ночь переворота ему повезло: «Маржерет был болен, как он сам мне сказывал; болезнь спасла его от смерти»²⁶². Рассказывая об одном из вариантов версии о гибели самозванца, автор пишет: «Так рассказано это событие в донесении Петра Патерсона Упсальского, бывшего тогда в России»²⁶³. В 1606 г. Патерсон вернулся в Швецию и написал не дошедшее до нас, но использованное де Ту сочинение о России, которое по-немецки называлось «*Gewiser und warhaffter bericht...*». Это был еще один очевидец. Автор называет и третьего свидетеля событий: на похоронах Бориса «сказал красноречивое слово (напечатанное в Кёнигсберге) рижский ливонец Константин Фидлер, брат Каспара Фидлера, служившего московскому государю»²⁶⁴. Каспар Фидлер был лейб-медиком Бориса Годунова. Его брат Константин, также живший в Москве, опубликовал в Кёнигсберге, как установил Устрялов,

²⁶² S. Kinser. The Works of Jacques-Auguste de Thou. The Hague, 1966; II. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 345.

²⁶³ Там же, стр. 347.

²⁶⁴ Там же, стр. 334.

в 1602 г. похвальное слово Борису («Constantini Fiedleri oratio luculenta in Borissum Godunovium»), которое он, видимо, и использовал в своей надгробной речи. Это похвальное слово, по всему вероятию, также было в руках нашего автора.

Кроме того, де Ту называет более широкий круг авторов, занимавшихся более широким кругом русских проблем. Из немецких это — известный Сигизмунд Герберштейн и Герард Гревенбрух (который, правда, в России не был, но выпустил в 1609 г. сочинение: «Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii...»). Из польских — широко известный в русской литературе Гваньини и менее известный Рейнгольд Гейденштейн, секретарь Стефана Батория и Сигизмунда III, автор «De bello Moscovitica commentariorum libri sex...» (Краков, 1584 г.) — записки о Московской войне 1578—1582 гг. (русский перевод вышел в 1889 г.). Помимо этих источников он располагал некоторыми письмами иезуитов, сведения из которых он использовал для показа деятельности иезуитов в России.

Другими словами, знаменитый французский историк располагал достаточной документальной базой, чтобы писать об истории самозванца. Невольно напрашивается параллель: как английская историография о России второй половины XVI в. завершилась обобщающей работой Дж. Мильтона «Московия»²⁶⁵, так и известная во Франции западная литература о Крестьянской войне и иностранной военной интервенции нашла свое обобщение в «Истории моего времени» Жака де Ту. Оба эти автора не были в России, но в обобщающей работе не это являлось решающим — оба они были выдающимися историками своего времени, и только им оказалось под силу выработать общий взгляд на пройденный западной исторической мыслью путь в области русской исторической проблематики.

Именно с точки зрения обобщающих задач следует подходить к работе Жака де Ту над заинтересовавшими его русскими сюжетами, и именно в этом заключается сильная сторона его исследования. Если взять фактическую канву его повествования о России, то здесь мы встретим немало путаницы, неточностей и пропусков. Автору обобщающего рассказа не всегда удавалось согласовать разноречивые показания своих источников об отдельных событиях, а тем более о подробностях совершавшегося. Сильная сторона де Ту как автора, состоит в том, что множественность источников дала ему возможность уловить общие линии сюжета, наметить причины и следствия главных событий. В этом — преимущество автора обобщающего труда по сравнению с очевидцем, перед которым на первом плане обычно громоздятся подробности, мешающие подчас видеть главное.

Все начинается с вопроса о причинах основных событий в России начала XVII в. В чем эти причины? Жак де Ту при-

²⁶⁵ См. стр. 195—197 данной книги.

надлежит к тем иностранным авторам, которые мало интересовались причинами социально-экономическими (хотя речь шла о широком восстании народа в России) и куда больше — политическими, точнее внешнеполитическими. Первопричиной были события в Угличе. «Еще при жизни Федора неограниченный самовластитель Борис, обозревая все преграды преступным замыслам своим, вскоре убедился, что бессилие Федора будет ему бесполезно, если смерть Дмитрия не лишит царского поколения всей надежды господствовать в России»²⁶⁶. Автор приводит несколько версий убийства Дмитрия, но не берется судить, какая же из них правильная. Кстати сказать, ни один из иностранных авторов не поддерживает «юридическую» версию, согласно которой Борис не было смысла убивать Дмитрия — как сын «шестой или седьмой жены» он не имел права на престол. Эта версия была выгодна Борису и его сторонникам. Непопулярность такого варианта как в России, так и на Западе объяснялась, видимо, тем, что на деле он не имел никакого значения; как показали события, самозванцы выступали именно под именем Дмитрия, невзирая на его неправоподобность домогаться престола.

Итак, по одним версиям Дмитрий был убит, по другим — спасен, но «как бы то ни было», появился самозванец. Жак де Ту, борющийся с иезуитами во Франции, не преминал с ними сразиться и в данном случае: они аттестованы как наиболее активная сила, решившая использовать создавшуюся ситуацию во славу бога и Ордена иезуитов. Юноша, именовавший себя Дмитрием, сперва «открылся отцам иезуитам, имевших великую в Польше власть, и дал им слово употребить все меры к соединению церкви и к утверждению в России божественной веры, если они помогут ему овладеть прародительским престолом»²⁶⁷. Не кто другой как иезуиты договорились поддержать самозванца в таком выгодном деле и с папой, с польским королем, и с польскими вельможами о прямой военной помощи, и с воеводой Сандомирским Юрием Мнишек о женитьбе Дмитрия на его дочери Марине.

Опираясь на «благосклонность короля, на золото воеводы Сандомирского, на усердную помощь иезуитов», нареченный Дмитрий отправился в поход на Москву. Правда, при самозванце были не только иезуиты. При нем, например, были «два богослова из ордена бернардинов, их водил с собой Дмитрий, чтобы казаться набожным и благочестивым; утомленные воинскими трудами и беспокройными походами, они спешили удалиться восвояси; но два других монаха, братья иезуиты Николай Сераковский и Андрей Лович — виновники похода — были постоянно: ободряли врожденное чувство его беспрестанными увещаниями, и собственным примером побуждали его к довершению начатого дела»²⁶⁸. По-

²⁶⁶ Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 328.

²⁶⁷ Там же, стр. 329.

²⁶⁸ Там же, стр. 332.

пытки Бориса отвести беду дипломатическим путем потерпели неудачу; «папа и иезуиты утвердили короля и согласных с ним поляков в намерении помочь Дмитрию». Таковы причины событий в России.

Дело должно было решаться на полях сражений, а тут Борис потерпел поражение. Почему? Изначальная причина — помощь польского войска, иезуитов и польских вельмож. К этому прибавились причины, коренившиеся в самой России; войско Бориса перешло на сторону Дмитрия. Бояре, один за другим, стали убеждаться, что Дмитрий «есть законный наследник московского престола и что каждый истинный сын отечества должен присягнуть ему»²⁶⁹. Отношение народа к событиям автора не интересует. Правда, он говорит о казаках, но у тех были особые причины, ибо речь идет о людях, «живших войной, грабежом и богатыми надеждой на великую награду».

Следующий вопрос — почему Дмитрий, одержавший столь решительную победу, не удержался на русском троне? Прежде всего потому, что иностранные вооруженные отряды восстановили против себя русское население; интервенты «вступили в Россию как бы в землю, покоренную их оружием, и столь были наглы, что жены самых знатных вельмож не смели появиться на улице, опасаясь их необузданного сладострастия, что многие боярыни были извлекаемы из домов, даже из объятия мужей; что Дмитрий, получая непрестанные жалобы на столь неслыханную дерзость, никогда не хотел явить примерного наказания виновным»²⁷⁰. Это было тесно связано с другой ошибкой нового правителя — «удаляя от себя русских вельмож, он удостаивал своей доверенности одних ...иноземцев, ненавистных москвитянам. Вот главная ошибка его, по мнению многих людей!». Автор считает, что «надобно было выждать время для обнаружения своих мыслей; надлежало сперва утвердиться на престоле, чтобы тем лучше исполнить свои намерения. Вместо того, увлекаемый пылким желанием нетерпеливой воли и внушениями советников, имевших над ним слишком много власти, он во цвете лет, от излишней поспешности, погрузил и себя и свое счастье в бездну злополучия»²⁷¹.

У новоявленного правителя не хватало ни ума, ни воли; он совершал одну ошибку за другой. Следующей его ошибкой было преследование сторонников Бориса. «Более 70 благородных семейств, бывших в родстве с Борисом или державших его сторону, сосланы за пределы государства для того, чтобы имущества их... раздать чужеземцам ... и приманить ими в Россию новых поселенцев»²⁷². А как же обстояло дело с иезуитами? «Царь отвел иезу-

²⁶⁹ Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 335.

²⁷⁰ Там же, стр. 352.

²⁷¹ Там же, стр. 337—338.

²⁷² Там же, стр. 338.

итам обширный двор, недалеко от дворца, где они могли свободно священнодействовать по римскому обряду; уже тогда, подстрекаемый усердным желанием их, он обнаружил бы тайные мысли души своей, если бы не остановил его Шуйский, который, помышляя о престоле, искал удобного случая исполнить свой замысел»²⁷³. Словом, иезуиты в Москве еще не успели развернуться, — помешало восстание.

Автора заинтересовало поведение матери царевича Дмитрия. Она не могла не знать, что это не ее сын, а тем не менее признавала его за сына. Разгадку он видит в том, что ее положение изменилось к лучшему и она это оценила — «перенесенная из печального уединения в круг радости и веселия, она не могла смотреть без восторга даже на самозванца, коему обязана была таким благодеянием»²⁷⁴. Другое дело, когда для самозванца настали крутые времена. Старая царица более полно сформулировала тогда свое отношение к самозванному царю. Она объявила, что «рожденный ею Дмитрий, сын Ивана Васильевича, давно уже погиб от бесчеловечного вероломства Борисова и что она доселе таила истину, видя всеобщую благосклонность народа к обманщику; притом же не без удовольствия смотрела на того, кто отомстил за смерть истинного Дмитрия низвержением лютого злодея, думая, что сам бог послал мстителя»²⁷⁵.

Совсем не важно при каких обстоятельствах это говорилось, важнее другое — сказанное вполне убедительно объясняет поведение старой царицы: она молчала потому, что в лице самозванца видела орудие мести Борису; кроме того, ей не могли быть безразличны перемены к лучшему, наступившие в ее положении. Но она хорошо знала о самозванстве объявившегося «сына», о чем впоследствии и заявила. С этим вполне согласуется и приводимое другими источниками утверждение, что именно старой царице Василий Шуйский (знавший истину о Дмитрии) обязан своим спасением, когда по приказу самозванца его вывели на казнь.

В этом же плане развивались и дела внешние. Самозванцем к Сигизмунду III было отправлено многолюдное посольство во главе с Афанасием Ивановичем Власьевым, чтобы «приобрести благосклонность поляков, дабы их силами оградить себя от легкомысленных и подозрительных москвитян», а также для того, чтобы сказать, что новый царь России всем обязан, «во-первых, благодати всевышнего, а во-вторых, содействию короля и всех вельмож королевских, он никогда не забудет их благодеяния». Кроме того, цель посольства — предложить Сигизмунду III совместный поход против турок. И наконец, его задача в том, чтобы испросить позволения у короля на брак с Мариной Мнишек; ее отец ново-

²⁷³ Там же, стр. 340.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Там же, стр. 346—347.

му царю России помогал «и казною и войском овладеть прародительской державой»²⁷⁶. Кстати сказать, поскольку пересказ нашим автором подлинной грамоты самозванца к Сигизмунду III весьма точен, закономерно предположить, что Жаку де Ту текст этого документа был известен.

Зависимость самозванца от польской короны была полная. Правда, московский царь пытался иногда показать свою самостоятельность — об этом говорит хотя бы спор об императорском титуле, которого был намерен домогаться самозванец, или некоторые эпизоды на его свадьбе, — но польская сторона не обратила на это никакого внимания.

Расстояние между самозванцем и москвичами все увеличивалось. Шуйский и его сторонники стали доказывать, что «царь есть пришелец, бродяга, что он замышляет со злодеями России... разрушить святые храмы и что, открыв в Россию путь иноземцам, хочет истребить древнее дворянство русское»²⁷⁷.

Так назревало столкновение между самозванцем и силами, его поддерживающими, — с одной стороны, и с Москвой — с другой. Моментом, когда гроза разразилась, была свадьба самозванца. Это и послужило последней темой повествования, вокруг которой Жак де Ту группирует материал. На Западе не подозревали о назревавшей трагедии. Вместе с Мариной в Россию отправились «многие купцы итальянские и немецкие с надеждой корысти, но жестоко обманулись: большей частью они погибли на московской свадьбе, немногие избежали смерти без потери имущества»²⁷⁸.

События назревали быстро. Пришельцы обращались с москвичами как с завоеванными. В ответ на это на улицах все больше «ежедневно появлялись одни за другими мятежные скопища. Дмитрий старался смирить недовольных, но беспрестанные допросы людей подозрительных, телесные наказания, ссылки, пытки, смертные казни только раздражали умы и довели народ до неповиновения». Обе стороны вставали друг перед другом как враждебные и притом вооруженные силы. Положение обострялось все больше. «Предчувствуя близкую опасность, царь... набрал новых телохранителей из немцев и ливонцев, присовокупив к ним три сотни французов, англичан и шотландцев. Сотнею французов начальствовал уроженец сенский Яков Маржерет, которого впоследствии мы видели. Они были вооружены протазанами... Сотником англичан был Матвей Кнотсен, шотландцев — Альберт Ланта. Оружием тех и других были алебарды. ...Телохранителям выдавалось жалованья более, чем прочим войскам, соразмерно достоинству каждого. Но при наступлении опасности они были поздно и слабою опорой»²⁷⁹.

²⁷⁶ Н. Устрялов. Указ. соч., ч. I, стр. 340—341.

²⁷⁷ Там же, стр. 338.

²⁷⁸ Там же, стр. 342.

²⁷⁹ Там же, стр. 343—344.

Двор продолжал забавляться. После свадьбы «веселились еще несколько дней при звуках труб, при треске литавр, при громе пушек; построили даже для воинской потехи деревянную крепость и забавлялись битвами»²⁸⁰. Новая царица заказывала все новые пиршества. «Между тем беспрестанно обнаруживались признаки заговора, составленного еще до прибытия невесты. ...Дмитрий, прежде совершенно спокойный, стал теперь опасаться, советовал полякам быть осторожными и собрал во дворце всех новых телохранителей своих. Наконец, наступила пятница. Поляки готовились к защите, русские к нападению»²⁸¹. Наступал день восстания.

Что касается описания самого восстания, то Жак де Ту не дает ничего нового. Стоит лишь сказать, что он называет цифры погибших — поляков 1200 человек, русских 400, что не совпадает с показаниями других иностранных авторов. Кроме того, Жак де Ту обратил внимание на одно очень важное обстоятельство: как только утих грохот боя, для бояр наступили новые заботы, они опасались «смятений от безначалия». Это вполне соответствует действительности. Борьба феодальных сил в России с народом в это тревожное время становилась все более беспощадной.

²⁸⁰ Там же, стр. 345.

²⁸¹ Там же.

СКАЗАНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О РОССИИ XVII в.

1.

АДАМ ОЛЕАРИЙ.

«ОПИСАНИЕ НОВОГО ПУТИ НА ВОСТОК»

(1646 г.)

При дворе голштинского герцога Фридриха возникла идея завязать торговлю с Персией через Россию. После Грозного русская сторона, как правило, не поощряла иностранную торговлю с Востоком через русскую территорию, опасаясь захвата волжского пути иностранцами. Но на этот раз правительство царя Михаила Федоровича, нуждаясь в деньгах, отнеслось к голштинскому проекту положительно. Начавшиеся в 1632 г. переговоры привели к заключению в 1634 г. «Записи», по которой Россия разрешала проезд голштинцев по Волге, обязывалась не чинить им препятствий в торговле. Голштиния должна была платить по 300 тыс. рублей ежегодно, не привозить «римских попов», не строить «римских церквей». Дипломатическая переписка тянулась до 1643 г., но дело кончилось неудачей. Осуществить такой проект маленькой Голштинией было не по силам, к тому же торговля с Персией оказалась не столь прибыльной, как то ожидалось.

Но реальным последствием такого проекта были поездки голштинских посольств в Москву (1633—1635 гг.) и через Россию в Персию (1635—1639 гг.) Участником этих посольств и был знаменитый Адам Олеарий, побывавший в Москве также и в 1643 г. Олеарий — автор большого сочинения о России 30-х годов XVII в. Впервые оно вышло в 1646 г. в Шлезвиге на родном языке автора: «*Neue orientale Reise Beschreibung...*»¹ Затем оно было несколько переделано в 1656 г. («*Vermehrte Muscovitische und Persianische Beschreibung...*»). На русском языке оно появилось полностью в переводе П. Барсова в 1869—1870 гг. Теперь оно известно в более позднем переводе А. М. Ловягина².

¹ Его полное название являлось, по тогдашней традиции, фактически аннотацией предлагаемого труда: «*Adam Olearii ausführliche Beschreibung der kundbaren Reyss nach Muscov und Persien, so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Gesandtschaft von Gottorp auss an Michael Fedorowitz den Grossen Zaar in Muscov und Schach Sofi König in Persien geschehen. Mit Kupfern Plänen und Ausichten von Städten und Gegenden, in den Jahren 1633—1639.*» Schleswig, 1646.

² «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина. СПб., 1906 (далее — «Описание путешествия в Московию...»).

Олеарий — ученый

Труд Олеария³ занимает выдающееся место среди современных ему сочинений иностранцев о России. Это обусловлено несколькими обстоятельствами. Одно из них состоит в том, что Олеарий был ученым. После Флетчера это был второй случай, когда автором труда о России выступал ученый. Но если Флетчер — знаток лишь в одной области (он был юристом), то Олеарий обладал для своего времени энциклопедическими знаниями. Воспитанник Лейпцигского университета, работавший некоторое время в этом крупном научном центре тогдашней Европы, он смотрел на свое путешествие не только как на государственную службу, но и как на возможность научных наблюдений. В пути он постоянно экспериментирует, он то и дело вносит в свою тетрадь результаты своих наблюдений.

Едва началось путешествие, Олеарий уже интересуется причиной морской болезни, этот интерес не исчезал в течение всей поездки. «Болезнь эта... происходит не от того, что (как пишут Понтан в книге «Bellaria Attica» и другие) нам претит сильный запах морской воды, но исключительно от движения судна... Я подобное явление изучил на некоторых из нас на реке Волге, в которой нет соленой воды...»⁴. Посольство проезжает г. Орешек (Нотебург), и Олеарий, описывая город, не забывает упомянуть: «Здесь я нашел магнитное склонение равным 5° и 30' в сторону Запада»⁵. Так он делает почти в каждом городе, особенно в крупном. «Высоту полюса определил я здесь в 55°38'», — пишет он о Казани.

Место у Нижнего Новгорода, где сливаются Волга и Ока, для него не только зрелище. «Обе реки, по соединении своем, имеют ширину в 4600 футов; при путешествии в Персию и обратно я дважды через лед измерил это расстояние. Я также заметил, что магнитная стрелка в этом городе отклоняется от полуночи к западу на целых 9 градусов»⁶. Олеарий пытался выяснить размеры любого города, если к тому у него имелась возможность. В Астрахани «я зачастую ходил вокруг и поперек города и несколько раз измерял его; при этом я нашел, что круговая стена заключает в себе 8000 футов...»⁷.

Каждая река это — тоже объект наблюдений. Пример тому Волга. Эта река — одна из величайших, длиннейших и важнейших в мире... я прилежно наблюдал ее, и при помощи опытного голландского моряка Корнелия Клаус[ен]а и некоторых русских лоцманов не только по компасу определил и нанес на план ее те-

³ Настоящее имя автора — Ölschläger; Olearius — его латинизированная форма, избранная самим автором. Под этим именем автор известен и в наши дни — см. напр., *A. Olearius. Moskowitzische und persische Reise*. Berlin, 1959.

⁴ «Описание путешествия в Московию...», стр. 3.

⁵ Там же, стр. 13.

⁶ Там же, стр. 357—358.

⁷ Там же, стр. 522.

чение, изгибы, углы и берега, но также и глубокий фарватер на ней, мели, острова и местности, от мили до мили и даже от версты до версты». И далее рассказано, где Волга начинается, через какие территории она протекает, какие города на ней стоят и т. д.⁸ Олеарий исправлял карты — сухопутные, речные, морские, это составляло одну из его главных задач. Он дает сведения по астрономии, в частности, говорит, что «у русских применяются вавилонские часы, и они начинают счет часов от солнечного восхода и считают до захода солнца»⁹. Ему не раз предлагали поступить на русскую службу в качестве астронома. У него встречаются сведения по ботанике, он интересуется новыми для него птицами и т. д.

При случае Олеарий отмечает уровень просвещения в тех местах, через которые ему довелось проезжать. Он рассказал об истории университета в Тарту (Дерпте) и современном его состоянии. «Среди ученых людей и знаменитых профессоров, с которыми мы там познакомились, находились: упомянутый доктор Виргиний, Иоганн Балау из Ростка, доктор медицины, позже призванный в лейб-медики в Москву. Фридрих Мнений, увенчанный императором поэт и профессор истории, и магистр Петр Андрей Шомер, математик, родом из шведского Гапсаля. Число студентов было в наше время еще очень невелико: всего только 10 шведов и немного финнов находились там»¹⁰.

Особое место в его научных изысканиях заняло Каспийское море. С этим морем в тогдашней науке было связано несколько проблем.

Первая из них — соединяется ли Каспий с океаном? Только Геродот и Аристотель полагали, что Каспийское море не имеет выхода в океан. Большинство же авторитетных для тогдашней Европы ученых, в том числе и такие, как Дионисий Периегет, Помпоний Мела, Плиний, Страбон, а также один из отцов церкви Василий Великий утверждали, что Каспий — лишь залив океана. Олеарий, проплывший по этому морю, пришел к выводу, что правы Геродот и Аристотель. В доказательство своей правоты он составил карты Каспийского моря. Старые карты изображали это море удлинненным с запада на восток. Олеарий же пришел к верной мысли, что оно тянется в длину с севера на юг. Однако старое представление настолько тяготело над Олеарием, что его карта давала Каспийское море почти квадратным, лишь слегка вытянутым с севера на юг. Но и эта карта вызвала возражения ученых Лейпцигского университета, настаивавших на традиционном изображении Каспийского моря. В картографии Каспия Олеарий сделал несомненный шаг вперед¹¹. Кроме того, он

⁸ «Описание путешествия в Московию...», стр. 359—360.

⁹ Там же, стр. 351.

¹⁰ Там же, стр. 6.

¹¹ Там же, стр. 440—443.

пытался измерять глубину моря вдали от берега — опущенный в воду лот, длиною в 30 сажений, до дна не достал.

В Каспийское море впадает много пресноводных рек. Это породило проблему — пресная или соленая вода в Гирканском (Каспийском) море? Со времен похода Александра Македонского на Западе бытовала легенда о пресной каспийской воде. Олеарию не стоило большого труда убедиться, что в этом море вода соленая, но его интересовал вопрос — почему родился миф о пресной воде? Он убедился, что у берегов, там, где впадают реки, вода действительно в море пресная. Поскольку знакомство воинов Александра Македонского с Каспием произошло у берега, легко могло возникнуть убеждение о пресной воде. Плавание на кораблях в глубоком и бурном Каспийском море даже во времена Олеария тоже тяготело к берегам, это также могло способствовать живучести легенды о пресной воде во всем море¹².

С обилием впадающих в Каспий рек была связана еще одна проблема. Если это море не имеет выхода в океан, то при таком обилии впадающих рек не повышается ли уровень моря? А если уровень моря не повышается, то куда девается это обилие приносимой реками воды? На обратном пути из Персии «между Дербентом и Шемахою, у деревни Сорат (которую некоторые зовут Бахель), я поднялся на довольно высокий холм, взял для забавы астролябию в руки, поставил диоптру на горизонтальную линию и обратился в сторону моря, найдя вышнего в 2-х милях отсюда, так что я вполне мог измерить высоту моря»¹³. Несмотря на то, что море в это время было бурным, Олеарий пришел к выводу, что уровень Каспия это — обычный уровень моря. Куда же, в таком случае, девается приносимая реками вода? И Олеарий принимает мнение Скалигера, согласно которому вода под собственной тяжестью просачивается в землю сквозь расселины морского дна, проходит немалые расстояния под землей, словно по «венам земли», очищается от соли и выходит где-нибудь на поверхность в виде пресного источника, из которых образуются реки, снова впадающие в море. Так совершается круговорот воды, взаимодействие между сушей и морем; он подобен кровообращению в мире животном.

Наконец, Олеарий распространил на Западе известие о бакинской нефти. Нефть — «особое масло, которое около Баку и близ горы Бармах из постоянных колодцев в очень большом количестве вычерпывается и в мехах развозится большими возами по стране, как мы видели, для продажи»¹⁴.

К этому необходимо прибавить, что автор очень стремился, чтобы его научные наблюдения и выводы, как и все его произведение, дошли до читателя; он позаботился о доказательности и

¹² Там же, стр. 446—447.

¹³ Там же, стр. 445.

¹⁴ Там же, стр. 447.

наглядности своего повествования. Он не только чертил географические карты отдельных рек и целых территорий, но сделал для иллюстрации своего рассказа огромное количество мастерски выполненных рисунков: «Я сам нарисовал собственноручно большинство этих рисунков (некоторые же из них — наш бывший врач Г. Граман, мой верный товарищ) с натуры. Потом они были приведены в законченный вид при помощи хорошего художника Августа Иона, много лет тому назад учившего меня в Лейпциге рисованию; при этом применялись модели, одетые в национальные костюмы, вывезенные мною сюда... я в течение долгого времени держал трех граверов, не без больших расходов, у себя дома»¹⁵. Это был один из немногих случаев иллюстрированного сказания иностранца о России.

Вторая причина, которая выделяет труд Олеария среди других сказаний иностранцев о России, состоит в обстоятельности изложения. Автор признается, что это он делал вполне сознательно; при описании особенностей русских людей он, например, «излагал больше подробностей, чем принято в описании путешествий»¹⁶. Порой эта склонность к подробностям переходит в излишний педантизм. В Каспийском море им пришлось пережить шторм, вода заливала судно, ее пришлось откачивать, и Олеарий считает нужным сообщить читателю, что «в течение одного часа я насчитал 2000 выкачиваний, но все-таки мы не освободились от воды»¹⁷. Иногда мы ничего не узнаем о сути и результатах переговоров, которые голштинское посольство вело в Москве. Все это утонуло в описании дипломатических церемоний, во множестве этнографических подробностей и каждодневных событий, расписанных чуть ли не по часам.

Но, во-первых, для человека, живущего несколькими столетиями позже, эти подробности, сами по себе, представляют интерес, а во-вторых, скрупулезность в описании подробностей не мешает Олеарию делать обобщения и выводы из накопленных наблюдений. Третье обстоятельство, о котором нельзя забывать, это начитанность Олеария в современной ему исторической литературе. Он знает античных писателей, которые в средневековой Европе были в большом ходу среди не только университетской интеллигенции, но и в более широких кругах книжников. Он оперирует именами Августина и Тертуллиана, живших на рубеже античности и средневековья и считавшихся авторитетами как в светской науке, так и в богословии. Олеарий знаком с многочисленными немецкими историками — Гельмольдом («*Chronicon Slavorum*»), Цейлером («*Itinerarium Germaniae*»), Кранцем («*Wandalia*»), Магнусом («*Gothorum Sveonumque historia*»), Менением («*De originibus Ordinum Militarium*») и со многими другими.

¹⁵ «Описание путешествия в Московию...», стр. XXIII—XXIV.

¹⁶ Там же, стр. 349.

¹⁷ Там же, стр. 435.

Олеарий цитирует польскую историографию, а следовательно, знаком с ее трактовкой русской истории, по крайней мере у Кромера и Гваньини. Он знает западных авторов, писавших о России (Иовий, Поссевино, Герберштейн, Петрей), ссылается на русскую летопись, знает, что Грозный из честолюбия «хвалился происхождением от крови римских императоров» и т. д. Словом, Олеарий — эрудит не только в естественных, но и в гуманитарных науках, особенно в истории. Он не только ссылается на многих авторов, но зачастую полемизирует с ними. Поскольку большинство иностранных авторов не бывало на Волге, он не раз вступает с ними в полемику, особенно с Герберштейном¹⁸.

Если обратиться к философскому осмыслению Олеарием исторического материала, то оно чрезвычайно сложное и противоречивое. На всем лежит печать воззрений правоверного лютеранина. Но вне религиозной сферы Олеарий выступает как рационалист, к тому же как человек науки, служителем которой он себя считал. С рационалистических позиций он пытается подходить к толкованию всякого рода легенд. На Волге им пришлось плыть мимо Змеевой горы. Легенда гласила, что название свое она получила от жившего когда-то здесь страшного змея. Олеарий дает свое объяснение — название свое гора получила от того, что она тянется извилистой линией вдоль берега. Вот миф о Прометее. «Прометей, как человек умный (последнее видно и из имени его), с этой кавказской горы, далеко превышающей облака, прилежно изучил путь, восход и заход планет и других звезд и был первым лицом, сообщившим ассириянам астрономическую науку. Он же заметил, как гром и молния образуются под ним, как от солнечных лучей можно зажечь огонь, искусно воспроизвел этот опыт и показал людям. Так как легко себе представить, что в столь суровых горах он перенес много неприятностей и забот, то и говорили, будто он был прикован к скале и орел грыз его сердце»¹⁹. Словом, Олеарий пытается доискаться, что «баснословие содержит в себе нечто истинное», хотя в пересказе самих легенд он иногда допускает искажения.

Но рядом же, где речь идет о горе Арарате, она для него имеет интерес только в связи с библейской легендой о Ноевом ковчеге. Олеарию ничего не стоит повторить слухи о том, что тело Ивана Грозного, «начав еще при жизни разлагаться, распространило нестерпимый смрад за несколько дней до смерти, так же, как и после смерти»²⁰. Во время Соляного бунта вспыхнул большой пожар. Монах предсказал, что если бросить в огонь тело убитого толпой Левонтия Плещеева, пожар прекратится. И как только труп бросили в огонь, пожар утих²¹. У Матвея

¹⁸ Там же, стр. 10, 126, 129, 399.

¹⁹ Там же, стр. 430—431.

²⁰ Там же, стр. 232.

²¹ Там же, стр. 271.

Меховского говорится, что нашествие татар было предсказано появлением кометы, и Олеарий с ним соглашается²². Суеверие мирно уживается с рационализмом ученого XVII в.

Предвзятость и действительность

Источники труда Олеария прослеживаются довольно легко. Уже было сказано о том, что нашему автору была известна летопись, он знал многие сказания своих предшественников о России. Существенное место, естественно, заняли личные наблюдения, а Олеарий очень зоркий наблюдатель. Он расспрашивал как русских, так и иностранцев об интересующих его сюжетах, это особенно было необходимо, когда речь шла о том, чего сам автор наблюдать не мог. Его, например, заинтересовал Архангельск. «Что касается расположения этого города и въезда в него с моря, то я получил от доброго приятеля, не раз туда ездившего и хорошо знающего эту местность, рисунок, который я здесь сообщаю благосклонному читателю и любителям топографии»²³. Эти расспросы он проводил не только в самой России, но и у себя на родине. Вот сведения о Москве: «Мною... были наведены еще новые справки частью у наших земляков, знающих город уже много лет, частью у самих москвитов, которые в минувшем году при приеме ими их пленника Лже-Шуйского некоторое время находились у нас в Голштинии, так что я имел возможность ежедневно видеться с ними»²⁴.

Благодаря пристрастию к подробностям Олеарий сообщает огромную массу фактов. Подлинность этих фактов едва ли может быть оспорена. Олеарий факты не выдумывает. Все дело в их оценке. Но именно здесь-то Олеарий зачастую грешит очевидным пристрастием. Характерно — когда Олеарий оценивает других иностранцев, судивших о чужой стране, он упрекает их в том, что они смотрят на все со своей колокольни. Стоило только персидскому послу высказать свое отношение к европейским порядкам, в ответ последовало разъяснение Олеария, что тот «хотел судить о наших нравах по своим»²⁵. Но именно так же поступает и наш автор — судит о русских нравах с точки зрения западного человека, как это делали и другие иностранцы, наблюдавшие другие страны.

Любой иностранец попадает в чужую страну с привычными, готовыми мерками, он настроен полемически ко всему тому, что не подходит под эти мерки. В данном случае речь идет о западном человеке, очутившемся в России. Наибольшая нетерпимость Олеария-современника проявлялась в религиозной сфере. Нетерпи-

²² «Описание путешествия в Московию...», стр. 398.

²³ Там же, стр. 157.

²⁴ Там же, стр. 155.

²⁵ Там же, стр. 535—536.

мость была обоюдная. Человека беспристрастного, особенно нашего современника, трудно убедить, что ритуал одной религии — истина, ритуал другой — заблуждение. Олеарий отводит огромное место религиозной сфере. Вся глава LVII называется «О крестном знамении русских, о том, как они себя благословляют, и об иконах святых, перед которыми они кладут поклоны». Все, что не сходится с религиозными представлениями автора, аттестуется как ложь, а русские подвергаются форменному разносу; там же, где речь идет о чертах общехристианских, автор полон благоговения, готов рассказывать о любых небылицах. Но рассказывая о «прегрешениях» русских, Олеарий сообщает порой интересные и правдивые сведения. Так, он пишет, что за провинность русские непрочь разязнить попу его вину на кулаках. Но есть к тому препятствие — пельзя, чтобы удары приходились по головному убору попа — скуфье. «Однако... понов все-таки бьют, так как обыкновенно это люди более пропившиеся и негодные, чем все остальные. Чтобы при этом пощадить святую шапочку, ее сначала снимают, потом хорошенько колотят попа, и снова аккуратно надевают ему шапку. Подобным делам потом не очень удивляются»²⁶.

Очень неприязненно относится Олеарий, как и всякий другой иностранец, к случаям, когда русские защищают достоинство своей страны на международной арене. Особенно подвергается осуждению знаменитый титул царя, настолько длинный, что русские дипломаты вынуждены были вычитывать его по бумажке. Никаких пропусков в этой формуле русские не допускали. Но, осуждая русскую сторону, Олеарий, как и другие иностранцы, умалчивает, что такую же нетерпимость западные дипломаты проявляли и к нарушениям в титулах своих государей.

Большое место в сочинении Олеария занимает высокомерное осуждение многих черт русского быта. Больше всего у Олеария речь идет о русском пьянстве. Оснований для этого у него, нужно полагать, было вполне достаточно, но тем не менее освещение этого вопроса оказывается слишком односторонним. Это можно видеть из сочинения самого же Олеария: он рассказывает о факте, известном еще из Герберштейна и Гваньини, — Василий III в Замоскворечье поселил паемное иноземное войско, это место в Москве получило прозвище «Налей», а самих иноземных солдат прозвали «налейками». Олеарий дает этому следующее объяснение: «Это название появилось потому, что иноземцы более москвитов занимались выпивками и так как нельзя было надеяться, чтобы этот привычный и даже прирожденный порок можно было искоренить, то им дали полную свободу пить. Чтобы они, однако, дурным примером своим не заразили русских (эти последние также весьма склонны к пиршествам и выпивкам, но в течение

²⁶ Там же, стр. 330.

целого года им разрешается напиваться лишь в немногие дни — в самые большие праздники), то пьяной братии пришлось жить в одиночестве за рекою»²⁷. Но на протяжении всего труда Олеарий уже не вспоминает о том, что число «пьяных» дней в России было весьма ограничено, и пишет о России уже без этой «поправки».

Пытался Олеарий давать и своего рода генеральную оценку русским людям. Он утверждал, что свойство русских — это стремление повиноваться; когда русские получают свободу, они не могут и не умеют ею пользоваться. Взгляд Олеария сформулирован с предельной ясностью: «Натура их такова, как умный Аристотель говорит о варварах, а именно, что «они не могут и не должны жить в лучших условиях, чем в рабстве»²⁸. Но доказать этот постулат автору явно не удается. Писалось это в период между восстанием Болотникова (1606—1607 гг.) и восстанием Разина (1667—1671 гг.); правление Алексея Михайловича, как известно, было временем нескольких городских восстаний. Для «бунташного» XVII века утверждение Олеария звучало весьма неубедительно; это, по всем данным, чувствовал и сам автор, ибо далее он сам переходит к рассказу о борьбе народа против угнетения. Он исходит из того, что гнет может достигать такой степени, когда «мера оказывается превзойденною» и терпению народа приходит конец: «В таких случаях дело кончается опасным мятежом, причем опасность обращается не столько против главы государства, сколько против низших властей, особенно если жители испытывают сильные притеснения со стороны своих сограждан, и не находят у властей защиты. Если они раз уже возмущены, то их нелегко успокоить: не обращая внимания ни на какие опасности, отсюда проистекающие, они обращаются к разным насилиям и буйствуют как лишившиеся ума»²⁹. Это уже никак не согласуется с тезисом о рабской покорности.

В конце концов ничего не остается и от утверждения, что восстания эти носят лишь местный характер. У Олеария встречается подробный рассказ о Соляном бунте 1648 г. в Москве³⁰. Причиной этого события была правительственная система, сложившаяся при самом дворе. Речь идет о народном восстании в самой Москве, одним из мест действия оказывается Кремль и царский дворец, участником событий являлся сам царь Алексей Ми-

²⁷ «Описание путешествия в Московию...», стр. 155.

²⁸ Там же, стр. 199.

²⁹ Там же, стр. 204.

³⁰ Там же, стр. 263—273. Сведения об этом событии Олеарий, вероятно всего, получил от русских послов, приезжавших в Голштинию, чтобы доставить в Россию задержанного голштинцами самозванца Лже-Шуйского, казненного затем в Москве в 1653 г. Рассказчики были под свежим впечатлением этого восстания, и этим объясняется большая подробность описания Соляного бунта у Олеария, наличие множества деталей, которые могли быть известны только очевидцу. Рассказ этот, естественно, мог появиться только в новом издании труда Олеария (1656 г.).

хайлович, из трех приближенных царя (казни которых требовал народ) двое — Л. С. Плещеев и П. Т. Траханиотов — были казнены; еле избежал этой участи даже всесильный Б. И. Морозов. И оценка восстания Олеарием не согласуется с его прежней характеристикой восстаний в России, ибо большой «опасности в то время подверглось счастье как молодого правителя, так и подданных его ввиду того, что несправедливым и своекорыстным чиновникам дана была воля. И вот, следовательно, каков при всем рабстве, нрав русских, когда их сильно притесняют»³¹. В этом же плане охарактеризовано и Псковское восстание, вспыхнувшее вслед за Московским восстанием 1650 г.

Рассказывает Олеарий и о том, что ненависть народа к угнетению порой обращалась и против помещика-иностранца. Он приводит случаи, когда иностранцы наделялись поместьями. В числе других получил поместье и наемный офицер полковник Лесли. Новый владелец принялся старательно извлекать доходы, но особым рвением отличалась его полковница, которая «возлагала на русских крестьянских женщин работу более значительную, чем они привыкли нести раньше». Это вызвало протест крестьян. Дело кончилось тем, что Лесли счел за благо отказаться от поместья, убедившись, что крестьяне «все равно в конце концов сломали бы шею ему и его семье»³².

Не отличается четкостью и характеристика русских на войне. Олеарий исходит из того, что «в открытых боях и при осаде городов и крепостей русские, хотя и делают, что от них требуется, но не так успешно; обыкновенно они терпели неудачи... и иногда оказывались скорее готовыми к бегству, чем к преследованию врага»³³. И даже взятие Смоленска он не склонен считать заслугой русских. Однако он делает два исключения. Во-первых, русские, «если у них оказываются хорошие испытанные иностранцы — полковники и вожди (в чем у этих людей недостаток), то они доказывают большое мужество и смелость...»³⁴. Во-вторых, русские оказались стойкими при обороне крепостей. В крепости Орешек «осажденные русские держались вплоть до последних двух человек. Когда они по капитуляции должны были выступить со всем скарбом и имуществом и со всеми находившимися при них людьми, то вышли только эти двое. Когда их спросили, где же остальные, они отвечали: «Остались только они одни, так как все другие умерли от заразной болезни»³⁵. Героизм при защите крепостей и небоеспособность в полевых условиях — подобная оценка противоречила действительности, как это показал ход войны за возвращение

³¹ Там же, стр. 273.

³² Там же, стр. 305—306.

³³ Там же, стр. 200.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 13.

русских, украинских и белорусских земель и за выход к морю. К тому же обращает на себя внимание одно важное обстоятельство — там, где Олеарий сталкивается с конкретным материалом, его общие, априорные суждения не выдерживают проверки.

Ремесло и торговля в России

Несмотря на холодный климат, «здесьняя страна не уступит нашей Германии» по времени роста и созревания растительности. Несмотря на обилие лесов и болот, Россия «ввиду доброго свойства почвы... чрезвычайно плодородна... так что получается громадное изобилие хлеба и пастбищ. И сами голландцы признают, что... во время большой дороговизны Россия сильно помогла им своим хлебом. Редко приходится слышать о дороговизне в стране»³⁶. Кроме того, в России рождаются фрукты. «Положение, следовательно, здесь совершенно иное, чем то, что изображают Герберштейн, Гваннин и другие писатели, утверждающие, будто в России, вследствие сильного холода, совершенно не находится плодов и вкусных яблок»³⁷. Не обошлось, однако, без знаменитого «баранца» — полурастения, полуживотного, которое якобы водится между Волгой и Доном, и о котором не раз сообщали другие иностранные авторы. У Олеария он фигурирует как «особая порода дынь или вернее тыкв», но ясности в этом фантастическом сообщении не прибавилось. По территории России текут «многие прекрасные, длинные и судоходные реки; я могу, пожалуй, сказать, что подобные им вряд ли можно найти где-либо в Европе»³⁸.

Словом, по своим природным условиям Россия располагает всеми возможностями быть процветающей страной. Русские начали разработку земных недр. «Среди ископаемых самое важное место занимает слюда, которая в иных местах получается из каменоломен и употребляется для окон во всей России»³⁹. Возле Тулы добывается железная руда, а недалеко находится завод; «здесь выделяется железо, куются железные полосы и изготавливаются разные вещи». По особому контракту заводом заведует иностранец Петр Марселис. Ежегодно он доставляет «оружейной палате известное количество железных полос, несколько крупных орудий и много тысяч пудов ядер; поэтому он, как был и у прошлого, так состоит и у нынешнего великого князя в большой милости и почете. Он же ведет еще и иные крупные торговые дела в Москве»⁴⁰. Литейный завод есть и в Москве на реке Неглинной: «здесь они льют много металли-

³⁶ «Описание путешествия в Московию...», стр. 159.

³⁷ Там же, стр. 160.

³⁸ Там же, стр. 148.

³⁹ Там же, стр. 164.

⁴⁰ Там же, стр. 164—165.

ческих орудий и больших колоколов». Здесь работал мастер Гаус Фелькен из Нюрнберга; «от него некоторые русские путем одного лишь наблюдения научились литью»⁴¹.

Олеарий приводит имена приглашенных иностранцев, но из его же рассказа следует, что не они делали погоду, главное состояло в том, что ремесло и торговля уже занимали видное место в русских городах, особенно в Москве. Как обычно это было и в западных городах, «на площади и в соседних улицах каждому товару и каждому промыслу положены особые места и лавки, так что однородные промыслы встречаются в одном месте. Торговцы шелком, сукном, золотых дел мастера, шорники, сапожники, портные, скорняки, шапочники и другие — все имеют свои особые улицы, где они и продают свои товары»⁴². И среди ремесленников встречаются иностранные мастера. «Русские очень восприимчивы, умеют подражать тому, что они видят у немцев, и, действительно, в немного лет высмотрели и переняли у них многое, чего они раньше не знали... В особенности изумлялся я золотых дел мастерам, которые теперь умеют чеканить серебряную посуду.., почти столь же хорошо сформованную, как у любого немца»⁴³. Торговля и ремесленничество давно стали в России особыми профессиями, ибо «купцы и ремесленники питаются и получают ежедневный заработок от своих промыслов»⁴⁴.

Развитие ремесла и торговли свидетельствовало, что в России существует «много больших и по своему великолепных городов»; Олеарий перечисляет до двух десятков «знатнейших» городов, рассказывает о некоторых из них. Его особо интересуют те города, через которые шла связь России с Западом. Архангельск «славится из-за многочисленных купцов и заморской торговли. Ежегодно приезжают сюда голландские, английские и гамбургские суда с различными товарами. В то же самое время собираются в путь купцы по <всей> стране, особенно немцы, из Москвы, а зимой со своим товаром на санях они вновь возвращаются отсюда домой»⁴⁵. Но во времена Олеария у Архангельска нашелся сильный конкурент — Нарва, находившаяся в руках Швеции. Торговля через Балтийское море имела неоспоримые преимущества перед торговлей через Архангельск, главным препятствием на пути России к морю становилась Швеция.

Связанный водным путем с Балтийским морем Новгород был важным торговым и ремесленным городом; «лифляндцы, литовцы, поляки, шведы, датчане, немцы и фламандцы вели оживленную торговлю, вследствие чего он стал весьма богат и могущественен»⁴⁶. Не случайно тут бытовала поговорка: «А кто может

⁴¹ Там же, стр. 154.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, стр. 207.

⁴⁴ Там же, стр. 206.

⁴⁵ Там же, стр. 156.

⁴⁶ Там же, стр. 125.

стояти против бога да и Велика Новгорода?». Теперь из-за войны со шведами, а также в связи с тем, что на первое место среди русских городов вышла Москва, торговля Новгорода несколько поколеблена.

Москва — огромный город, описанию которого Олеарий уделяет большое внимание. За исключением Кремля, город почти весь деревянный, а поэтому подвержен частым пожарам. В 1571 г. татары, в 1611 г. поляки выжигали его целиком. Олеарий и сам наблюдал Москву после обычного пожара. Въезжавшее в столицу голштинское посольство обратило внимание, что «улицы были весьма опустошены сильным пожаром, бывшим перед самым нашим приездом и испепелившим более пяти тысяч домов. Люди должны были... жить в палатках, да и мы не были помещены в посольском дворе, который также сгорел, а в двух деревянных обывательских домах»⁴⁷. В городе существовал специальный лесной рынок, где продавали готовые дома, оставалось их разобрать и переставить на другое место.

Русские торгуют с границей. Торгуют они большею частью соболями и другими мехами, льном, коноплею и юфтью. Мед и воск «имеются у них в таком изобилии, что они несмотря на количество, потребное им для медовых питей и для восковых свеч могут продавать большими партиями и то и другое за границу. В большинстве случаев эти товары вывозятся через Псков»⁴⁸. Торговлю ведут не только частные лица, но и казна (особенно соболями), за рубежом казна торгует через своих агентов.

Русские купцы относились неприязненно к попыткам Голштинии торговать с Персией, используя волжский речной путь. Когда посольство прибыло в Казань, то тамошний воевода И. В. Морозов принял их неласково. Одну из причин этого Олеарий увидел в том, что воевода был «близким приятелем наиболее выдающихся русских купцов, стремившихся тогда помешать нашему путешествию и намерению»⁴⁹.

Административное устройство

Большим достоинством сочинения Олеария является подробное описание административного устройства современной ему России. Одна из глав называется «О различных канцеляриях в Москве и о их делопроизводстве», в ней перечислены 33 приказа, рассказано об их функциях, названы их начальники с указанием имени, отчества, фамилии и звания. Рядом глава «О русском судопроизводстве, правосудии и видах наказаний». Здесь описано судебное ведомство во всех его функциях. Все это изла-

⁴⁷ «Описание путешествия в Московию...», стр. 31.

⁴⁸ Там же, стр. 162.

⁴⁹ Там же, стр. 529.

гается в подробностях; в частности, говорится о русском *congruis juris*; при Алексее Михайловиче составлен новый кодекс законов — «Соборное уложение». Важное место занимает глава «О боярах или государственных советниках, окольных и других заседающих в судах должностных лицах». В ней дан поименный список людей, в руках которых находится все центральное управление, — 29 бояр, 24 окольных, 6 думных дворян и три думных дьяка. Они «обслуживают и вершат все придворные, государственные и частные дела в высшем и низшем, тайном и обыкновенном советах, а также и в канцеляриях (приказах)».

Не остались в стороне и государственные финансы. Царская казна складывалась из доходов от торговли, от кабаков, от сдачи поместий в аренду, от рудников и т. д. Среди расходов особое место занимали внешние сношения, поскольку содержание иностранных посольств на русской территории ложилось на казну; в Москве иногда подолгу живут одновременно два, три и более посольств. Еще большая статья расходов — армия. Состояние казны вполне надежное. Войны, которые царь ведет, «стоят ему больших денег, так как ему приходится выступать в поход с многочисленным войском и содержать на большом жалованье немецких по преимуществу офицеров; жалованье он уплачивает очень правильно, а иным, которые этого требуют, выдает его за несколько месяцев вперед; поэтому-то народ отовсюду так часто и является к нему на службу»⁵⁰.

Своего рода канцелярский, юридический подход к делу, в данном случае, сыграл положительную роль; «моментальная фотография», приводимая Олеарием, помогает конкретно представить себе политический строй тогдашней России.

Наряду с особенностями государства Олеарий интересовался особенностями его граждан. В его сочинении даны описания обычаев русских начиная от поминования покойников и кончая танцами. На некоторых обычаях он останавливается более подробно. Русские непременно спят после обеда. Лавки в полдень закрыты, а «сами лавочники и мальчишки их лежат и спят перед лавками. В то же время из-за полуденного отдыха нельзя говорить ни с кем из вельмож и купцов»⁵¹. Русские любят ходить в баню. Между прочим, русские сразу смекнули, что Лжедмитрий I был нерусским человеком, раз он не ходил в баню и не спал после обеда.

Русским баням Олеарий придает большое значение, особенно манере русских выбегать из бани и бросаться в ледяную воду или в снег. Так же поступают и люди, живущие в Прибалтике, и «поэтому-то финны и латыши, так же, как и русские, являются людьми сильными и выносливыми, хорошо переносящими хо-

⁵⁰ Там же, стр. 259.

⁵¹ Там же, стр. 207—208.

лод и жару... В России вообще народ здоровый и долговечный. Недомогает он редко, и если приходится кому слечь в постель, то среди простого народа лучшими лекарствами... являются водка и чеснок. Впрочем, знатные господа теперь иногда обращаются к совету немецких докторов и к настоящим лекарствам»⁵².

Россия на международной арене

Олеарий интересовался внешним положением России, в особенности положением на границах России и состоянием прилегающих территорий, через которые голштинскому посольству довелось проезжать. Прибалтика хранила следы войны. Как известно, здесь находился крупный узел противоречий в Европе — пытавшейся пробиться к морю России противостояли Швеция, Польша, немецкий Орден. Симпатии Олеария, естественно, на стороне немцев; тем важнее его рассказ о немецкой колонизации прибалтийских территорий. Раскрывается обычная картина «Drang nach Osten» немецких феодалов. Дело начиналось с обращения обитателей прибалтийских берегов в христианство. Уже второй по счету епископ — Бертольд из Бремена, — назначенный сюда папой, «думая не только словом, но и мечом привести варваров к послушанию христианской вере, выступил против них в поход. При этом ...попал в середину отряда варваров и был ими умерщвлен»⁵³. Но главной силой завоевателей был Орден меченосцев и Тевтонский орден: «Оба ордена соединенными силами покорили варварские народы, привели их к послушанию и насадили среди них христианскую веру»⁵⁴.

Это встретило яростное сопротивление со стороны прибалтийских народов. Даже в дни Олеария у эстонцев, например, «не столько чувствовалось христианское рвение к истинной богобоязни, сколько сердечная привязанность к языческим и идолопоклонническим обрядам»⁵⁵. Не менее яростное сопротивление завоеватели оказали в социальной и политической области, но были поработаны: «И теперь еще в Лэртии и Эстонии много потомков этих варваров, не имеющих ни городов ни деревень, но являющихся рабами и крепостными на службе у поместного дворянства и у горожан в городах»⁵⁶.

Латышам также «оставляют одну лишь жизнь и ничего больше», ибо это — «парод, живущий в рабстве и в тяжелой работе. Поэтому у них не найти много больше того, что на них или при них, кроме разве их жилищ в деревнях. Им оставляют лишь столько земли для хлебопашества, чтобы они еле-еле мог-

⁵² «Описание путешествия в Московию...», стр. 209.

⁵³ Там же, стр. 107.

⁵⁴ Там же, стр. 108.

⁵⁵ Там же, стр. 110—111.

⁵⁶ Там же, стр. 108.

ли пропитать себя и своих детей в течение года. В некоторых местах, где много лесу, они уходят в лесную глушь, тайком устранивают себе там пашни, сеют и собирают зерно и закапывают его в землю. Если начальство узнает об этом, то зерно у них отнимается, а крестьянина... наказывают и бьют шпидрутенами»⁵⁷.

Свое отношение к этому Олеарий сформулировал со всей ясностью: «Думают... что было бы вредно давать им много свободы и денег: как бы не сделались слишком дерзкими. Ведь они до сих пор не могут забыть, что предки их владели этой землей, но были покорены и поработаны немцами. Поэтому они — в особенности зимою, когда пьяные выезжают из города — неохотно уступают встречным немцам дорогу и много бранятся. Их настроение можно было видеть и во время беспорядков, происшедших немного лет назад., когда некоторые крестьяне возмутились против своих господ и готовы были их, где только могли, предавать в руки врагов, либо умерщвлять. Некоторые из них за это потом были наказаны в разных местах смертною казнью»⁵⁸.

С западными странами Россия находилась в оживленных отношениях. Чтобы обеспечить передвижение по русской территории посольств, как русских, так и зарубежных, «на больших дорогах заведен хороший порядок» — в деревнях держат особых лошадей — до полусотни на деревню — а при них особых ямщиков, получающих 30 рублей в год и обязанных быстро доставлять «эстафету» до следующей станции. Они имеют «от великого князя землю и освобождаются от всяких поборов и других тяжелых повинностей... Служба эта очень выгодна для крестьян, и многие из них стремятся быть подобного рода ямщиками»⁵⁹.

Олеарий рассказывает о причинах враждебных отношений Швеция и Польши с Россией. Голштинское посольство прибыло к русской границе вместе со шведским посольством. Шведы и русские встретились откровенно враждебно, что же касается голштинцев, то их русские встретили чрезвычайно вежливо, а причина, по словам русской стороны, состояла в том, что «у нас не может быть спора о границах, из которых ничего не принадлежит вам»⁶⁰. Олеарий наблюдал поведение прибывшего в Москву польского посольства. Когда польские послы заметили голштинцев, «они, обнажив головы, любезно кивнули нам и приветствовали нас»⁶¹. По отношению же к встречавшим их русским приставам они вели себя вызывающе, заставили их первыми сойти с лошадей и снять шляпы на том основании,

⁵⁷ Там же, стр. 114.

⁵⁸ Там же, стр. 116.

Там же, стр. 230.

⁶⁰ Там же, стр. 17.

⁶¹ Там же, стр. 143.

что польские великие гонцы прибыли в Москву не для того, чтобы приветствовать, но быть приветствуемыми.

Раньше их в Москву приезжал «великий польский посол». Это был момент, когда русские потерпели поражение под Смоленском, и в этом, по словам Олеария, была причина столь непомерной спесивости польского посла. Свою речь перед царем он произнес сидя, царский подарок в несколько сороков соборей он не принял, а в своей резиденции в Москве велел спустить с лестницы русского пристава⁶².

В Москве Олеарий встретил двух представителей народов Крайнего Севера, которые его очень заинтересовали. Эти люди говорили по-русски. На основании их рассказов, к которым он прибавил сведения, полученные от голландцев, автор сообщает некоторые этнографические сведения о Севере, не всегда точные. На вопрос о том, как они относятся к Московии, один из них ответил, что Россия ему очень нравится, но «та страна, в которой он родился, нравится ему гораздо больше, чем все другие страны». Они даже не сомневались, что если бы царь знал «о доброй их жизни и о великолепии ее, то он оставил бы столицу и переселился к ним на жизнь»⁶³. Народы Севера присылали посольство к царю и «просили о присоединении к русской вере. Это и было сделано, и епископ владимирский с несколькими попами или священниками был послан туда, чтобы обучить их вере и крестить»⁶⁴.

Но больше всего наш автор интересовался положением на Юге, по которому проехало туда и обратно голштинское посольство. Над русским Югом продолжала висеть угроза набегов крымских татар. Голштинцы проехали мимо Рязани; раньше она была «большим и даже главным городом целой провинции этого названия. Но когда в 1568 г. вторглись крымские татары и, избивая и поджигая, все опустошили, погиб и этот город»⁶⁵. С тех пор он возрождается на новом месте. К югу от Тулы татары «доставляют много вреда, грабя и похищая людей»⁶⁶.

Но еще больше голштинскому посольству пришлось опасаться казаков.

Еще в Москве «особенно предупреждали нас насчет казаков и разбойников на Волге». Для защиты своего судна посольство наняло русскую команду из 30 солдат и офицеров; на судне было две пушки. Им было приказано, чтобы среди нанятых не было «разбойников или беглых холопов». Олеарий живо передает ту атмосферу тревоги, которая царила на судне в течение всего путешествия. Об опасности им не раз

⁶² «Описание путешествия в Московию...», стр. 143—144.

⁶³ Там же, стр. 171.

⁶⁴ Там же, стр. 172.

⁶⁵ Там же, стр. 353.

⁶⁶ Там же, стр. 54.

напоминали в пути. Нижегородский воевода спросил, «боимся ли мы казаков, которые разбойничают на Волге и вряд ли оставят нас в покое? Это жестокий, бесчеловечный народ, любящий разбой более господа бога своего». Стрельцы рассказали, что «около 3000 казаков, распределенных по разным местам, подстерегают нас; иные из них на Волге, другие на Каспийском море»⁶⁷. Специальный нарочный сообщил, что «у нас среди русских рабочих и гребцов на судне имеются четыре настоящих казака... Хотя мы и раньше были очень бдительны, но тут стали еще бдительнее».

И так без конца. В каждом встречном рыбаке им мерещился казак, в каждом проплывавшем судне — пиратский корабль. Они то и дело открывали пальбу из ружей, а иногда и из пушек по прибрежным кустам по малейшему поводу. Но на голштинцев никто не нападал. Они видели лишь косвенные доказательства присутствия здесь казаков. Иногда по реке проплывали трупы. На берегах реки Камышинки видели много деревянных кладбищенских крестов. Река Камышинка сходитя близко с р. Иловлей, а та впадает в Дон. Донские казаки пытались по этим рекам попадать на Волгу. На этом месте был большой бой между донцами и стрелецким войском. По берегам стояли виселицы. «На них воеводы ближайшего города обыкновенно вешают разбойничающих казаков. Говорят, впрочем, что никто не остается висеть более 8-ми дней, как его уже успевают скрасть его собратья»⁶⁸. По Волге были расставлены сильные гарнизоны стрельцов. Вот город Царицын, «он невелик и имеет форму параллелограмма с 6-ю деревянными укреплениями и башнями. Живут в нем одни лишь стрельцы, которых здесь было 400; они должны были бдительно следить за татарами и казаками и служить конвоем для мимо идущих барж»⁶⁹. Черный Яр имеет 8 башен и окружен толстой бревенчатой оградой. «Вызвали постройку этого города великие убийства и грабежи, в то время совершенные здесь казаками»⁷⁰.

Такая охрана все же обеспечивала бесперебойную торговлю по Волге. Из Астрахани шли баржи, груженные икрой, рыбой, солью, а сама Астрахань выростала в крупный торговый центр. «В городе не только русские, но персияне и индийцы, все имеют по своему рынку. Так как и бухарские, крымские и нагайские татары, а также армяне... со всякими товарами ведут тут большую торговлю и промыслы, то, как говорят, город этот и приносит ежегодно его царскому величеству большую сумму — даже одних пошлин 12 000 или 24 тысячи рейхсталеров»⁷¹.

⁶⁷ Там же, стр. 376.

⁶⁸ Там же, стр. 392.

⁶⁹ Там же, стр. 391.

⁷⁰ Там же, стр. 395.

⁷¹ Там же, стр. 402.

Россия и Запад

Обращал внимание Олеарий и на проблему «Россия и Запад». Он уверен, что русские очень быстро усваивают иноземную культуру. «У них нет недостатка в хороших головах для учения. Между ними встречаются люди весьма талантливые, одаренные хорошим разумом и памятью»⁷². Усвоение зарубежной культуры коснулось, прежде всего, людей, которым практически приходится соприкасаться с другими народами. «Нынешний государственный канцлер в посольской канцелярии Алмаз Иванович в молодости своей побывал в Персии и Турции и в короткое время так изучил языки этих стран, что теперь может говорить с людьми этих наций без переводчика... он неоднократно участвовал в больших посольствах, а затем стал думным дьяком, или государственным секретарем, или, как его здесь называют, государственным канцлером»⁷³. Латинского языка перестали чуждаться даже царская власть и церковь — «по заключению патриарха и великого князя, хотя заставить свою молодежь изучать греческий и латинский языки. Они уже устроили рядом с дворцом патриарха латинскую и греческую школу, находящуюся под наблюдением и управлением грека Арсения»⁷⁴. Речь идет об известной Славяно-греко-латинской академии.

Появились переводы книг на русский язык. Переводчиками были и иностранцы; «во многих языках сведущий переводчик Иоганн Бёккер фон Дельден дал им возможность прочесть об иностранных делах в переведенных с латинского и французского книгах, так же, как сделал это бывший до него посол римского императора Адам Дорн... Последний составил вкратце космографию, или описание мира, а первый, между прочим, перевел на русский язык историю о великом моголе. Иногда теперь некоторые из наиболее знатных начинают брать эти книги в руки»⁷⁵.

Православие оказалось не в состоянии закрыть доступ в Россию западной образованности. Дело в том, что русские «разрешают всякому свободу совести, хотя бы это и были их подданные и рабы»⁷⁶. Это способствовало тому, что западные люди, особенно не католики, зачастую оседали в России. В Нижнем Новгороде Олеарий встретил «самых крайних на востоке лютеран, которые могли служить по своей вере в открытой церкви; в то время община их доходила до 100 человек. Многие из них были... офицеры, шотландцы, частью существовавшие службой великому князю, частью жалованьем мирного времени, а также винокурением, пивоварением и продажей крепких напитков — что,

⁷² «Описание путешествия в Московию...», стр. 297.

⁷³ Там же, стр. 297—298.

⁷⁴ Там же, стр. 297.

⁷⁵ Там же, стр. 298.

⁷⁶ Там же, стр. 309.

по особой милости, было им предоставлено»⁷⁷. Их церковь была построена еще 58 лет назад. В Астрахани голштинцы встретили монаха 105 лет. Он оказался австрийцем, попавшим в Россию еще в детстве, теперь был православным и «имел в своих руках управление всем монастырем. Он владел еще небольшим количеством немецких слов... Он говорил, что в этой стране много здоровых и весьма старых людей»⁷⁸.

Многие иностранцы переходили в русскую веру — Олеарий приводит некоторые имена⁷⁹. Перекрещенцы несли в Россию западные традиции, но они также «сильнее всего свирепствуют против своих прежних единоверцев, и от них иностранцам приходится хуже, чем от русских»⁸⁰. В то же время среди русских появились поклонники западной культуры, это коснулось больше всего русских верхов. В качестве примера боярина-западника Олеарий приводит Никиту Ивановича Романова. Это захватило и более широкий круг людей, но распространению западной культуры власти старались препятствовать; «новгородский купец Петр Микляев, умный и рассудительный человек, бывший с год назад послом у нас и хотевший поручить мне своего сына для обучения его немецкому и латинскому языкам, не мог получить на это позволения ни у патриарха, ни у великого князя»⁸¹.

Показания Олеария — хотя отрывочные и короткие — свидетельствуют, что XVII век в России это — время, когда несмотря на препятствия значительно усиливается влияние западной культуры; явления XVIII в. не были чем-то неожиданным.

Олеарий и русская история

Касается Олеарий иногда и русской истории. Его знакомство с историей России из вторых рук, по заслуживает внимания рассуждение Олеария о дате крещения Руси. Среди западных историков не было согласия относительно этой даты. В известных тогда в России «*Annales ecclesiastici*» Цезаря Барония приводится 863 год, у Кромера речь идет о 988 годе, у Гваньини встречаются 924 и 985 годы. Ссылаясь на русскую летопись, Олеарий, как и некоторые другие западные писатели, настаивает на 988 годе, «когда братья Василий и Константин были на востоке, а Оттон III на западе — императорами»⁸².

Как и другие иностранные авторы Сказаний о России, Олеарий от Киевской Руси делает переход сразу к Грозному. Он характеризует царя Ивана только с негативной стороны, осо-

⁷⁷ Там же, стр. 358.

⁷⁸ Там же, стр. 401—402.

⁷⁹ Там же, стр. 303.

⁸⁰ Там же, стр. 309.

⁸¹ Там же, стр. 225.

⁸² Там же, стр. 294—295.

бенно много говорит о разорении им Новгорода; полемизирует с Иовием, утверждавшим, что Грозный заботился о религии. Далее идет беглое изложение времени царей Федора Ивановича и Бориса Годунова; сведения он берет у Петрея, но сильно их сокращает. Совсем выпущен рассказ о Крестьянской войне начала XVII в., ни слова не говорится о шведской интервенции, но довольно подробно сказано об интервенции польской, подчеркнут момент, что панско-шляхетские войска для подавления восстания москвичей сожгли город. Победа над интервентами выглядит как заслуга Прокопия Ляпунова.

Олеарий подробно рассказал об истории Лже-Шуйского, поскольку он был задержан голштинскими властями, которые и выдали его России. От русского посольства, которое приезжало за самозванцем, Олеарий, как уже говорилось, получил сведения о некоторых событиях в России.

«Описание путешествия в Московию» Адама Олеария всегда было и остается крупным вкладом в изучение истории России XVII в.

2.

АВГУСТИН МЕЙЕРБЕРГ. «ПУТЕШЕСТВИЕ В МОСКОВИЮ» (1664 г.)

Поездка Мейерберга в Россию относится к годам борьбы за воссоединение Украины с Россией. Когда после перемирия с Польшей (1656—1658 гг.) вновь вспыхнула война, германский император Леопольд I опять выступил посредником между воюющими сторонами. С этой целью в Москву было отправлено посольство во главе с Августином Мейербергом (он именовался тогда де Мейерн; позже — в 1666 г. — в связи с возведением в баронское звание, получил имя Мейер фон Мейерберг). Ближайшим сотрудником Мейерберга был Горацио Вильгельмо Кальвуччи. Оба они итальянцы. Выехав из Вены в феврале 1661 г., посольство прибыло на место в мае того же года. Переговоры продолжались год, в мае 1662 г. посольство направилось в Смоленск для участия в переговорах русской и польской делегаций. Поездка Мейерберга и его спутников практически пользы не принесла. В феврале 1663 г. посланники вернулись в Вену.

О своем путешествии в Россию Мейерберг написал два сочинения на латинском языке: «Донесение Августина Мейерберга императору Леопольду I о своем посольстве в Москве, как называется оно в русском переводе 1882 г.⁸³ Это — служебный от-

⁸³ «Relatio humillima Augustini de Meyern et Horatii Gulielmi Calvuccii, ablegatorum in Moschoviam a d. 17 Febr. 1661 usque ad d. 22. Febr. 1663». — В.-Н. Wichmann. Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur älteren Geschichte und Kenntniss des Russischen Reichs. Berlin, 1820.

чет о дипломатической миссии в Россию, где дело ограничивается официальной стороной дела. Но главный труд — Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга ... и Горация Вильгельма Кальвуччи к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом»⁸⁴. К книге Мейерберга приложен альбом, в котором даны иллюстрации, сделанные одним из участников посольства с натуры во время путешествия⁸⁵. Сочинение Мейерберга было написано вскоре после возвращения из России, вероятнее всего, в 1664 г.

Значение труда Августина Мейерберга для истории науки состоит, прежде всего, в том, что автор, в значительной степени подошел к своей задаче как историк, уделив большое место в своем сочинении *истории* России. Какими источниками он мог располагать? Что касается русских источников, то наши сведения о них весьма небогаты. Мейерберг не раз говорит — «согласно с их летописью», но материал, который он приводит, показывает, что автор брал его скорее всего не из летописи. Вероятнее другое — прожив год в Москве и владея в какой-то степени русским языком, он пытался добывать сведения не только о русской современности, но и о русской истории. Что такие попытки он делал, об этом имеются указания в самом труде. Кое-что ему удалось собрать, хотя сам Мейерберг жалуется на неудачу. Его объяснения причин такой неудачи несколько противоречивы.

Мейерберг, например, интересовался происхождением дома Романовых: «Я долго отыскивал его родословную, но ни один мало-мальски ясный луч знания даже на минуту не блеснул мне, бродившему впотьмах, так все москвитяне стараются оставить в неведении в том иностранца»⁸⁶. В другом месте он говорит, что трудность состояла в другом, ибо москвитяне «вовсе не знают прошедшего, кроме только случаев, бывших на их веку да и то только в пределах Московского царства, так как до равнодушия не любопытны относительно иноземных»⁸⁷. Эти показания трудно согласовать друг с другом. Если москвитяне «стараются оставить в неведении иностранца», то значит ли это, что они невежды в истории? А если они не знают своей истории,

⁸⁴ «Iter in Moschoviam Augustini Liberi Baronis de Meyerberg... et Horatii Guilielmo Calvuccii... ab Augustissimo Romanorum Imperatore Leopoldo ad Tzarem et Magnum Ducem Alexium Michailovicz anno MDCLXI ablegatorum».

⁸⁵ «Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века». СПб., 1903.

⁸⁶ «Путешествие в Московию... описанное самим бароном Мейербергом» (далее — «Путешествие в Московию...»). М., 1874, стр. 109.

⁸⁷ Там же, стр. 111.

то откуда же наш автор, как увидим дальше, узнал некоторые исторические сведения явно русского происхождения?

Но главными источниками, которыми пользовался Мейерберг, были источники не русские. Он сам называет Герберштейна, Гваньини и Олеария. Но судя по тексту, он пользовался еще несколькими авторами, которых не называет. Это были польские хронисты — отчасти Мартин Галл и Кадлубек, но главным образом Длугош и Стрыйковский. Из них Длугош, как известно, близко стоит к русской летописи, которой он и пользовался. Ко всему этому, понятно, нужно прибавить и такой важный источник, как личные наблюдения, по которым Мейерберг изображал современную ему Россию, как она ему представлялась.

В целом, из «Путешествия в Московию» Мейерберга встает по-своему стройная, но слишком далекая от точности, «сквозная» концепция русской истории. Открывается она рассказом о призвании варяжских князей: «Некогда правили русскими братья Рюрик, Синеус и Трувор родом из варягов или вагров, князей славянского народа у Каттегата и Зунда. Взяв с собой двоюродного брата Олега, они разделили между собою власть над Русью, предложенную им тамошними коренными жителями по внушению и совету граждан Великого Новгорода для того, чтобы эти братья обороняли их от киевлян, войну с которыми они едва выдерживали»⁸⁸.

Бросается в глаза, что это — не летописный, а «руссифицированный» вариант легенды о призвании варягов. Рюрик аттестуется как представитель славянского племени, он, оказывается, призван новгородцами для более успешной войны с Киевом. Такой вариант гораздо доказательнее объяснял завоевание Киева Новгородом. Олег появляется в Новгороде вместе с Рюриком. Возможно, что в этой обрусевшей форме сказ о варягах бытовал в устной традиции в московских придворных кругах, с которыми посланник германского императора соприкасался в течение года. Не исключено также, что эти сведения вышли из какого-либо списка летописи, до нас не дошедшего.

Рядом с Новгородом Мейерберг ставит Киев. Этот город, по его уверению, был основан «выходцами из Польши» Кием, Щekom и Хоривом. Затем «родственник Рюрика и опекун его сына Игоря, совершил нападение на Киев в отмщение за обиды от него новгородцам и, пользуясь счастьем, взял его и основал в нем столицу всей Руси»⁸⁹. Так родилось русское государство.

Далее автор на многих страницах излагает историю средневековой Руси по отдельным территориям. И если уже Кн'й, Щек и Хорив оказываются выходцами из Польши, то вся последующая история России, освещаемая Мейербергом, изображается им с точки зрения польской стороны. Все это оказывается переписан-

⁸⁸ «Путешествие в Московию...», стр. 105.

⁸⁹ Там же, стр. 123.

ным с польских хроник⁹⁰. Однако, в нарисованной автором картине, охватывающей столетия, можно различить общие очертания различных этапов русской истории.

Время Киевской Руси — время единого русского государства. Потом наступает пора татарского господства, когда столетиями татары, Польша и Литва теснят Русь, она отступает, теряя свои территории. Но постепенно начинается собирание русских земель, Русь крепнет и переходит в наступление. Иван III свергает татарское иго; кроме того, он «погубил разным лукавством многих родственных себе князей, соединил Русь в одно целое и назвался ее единодержавным государем»⁹¹. Этот процесс продолжался и при Василии III как внутри страны, так и вовне — Россия вернула Смоленск. Уже Василий III считал себя царем, этот же титул присвоил себе и «сын его Иван, известный миру жестокостью, может быть преувеличенной писателями, по покорении татарских царств Казанского, Астраханского и Сибирского»⁹².

Ливонская война была неудачна для России, а в начале XVII в. наступает новое ухудшение в ее положении и внутри и вовне. События начала XVII в. для Мейерберга уже давняя история, он ограничивается беглым обзором их, а сами эти события рисуются ему как борьба претендентов на русский престол, как смена этих претендентов у власти. Он смотрит на это глазами стороннего наблюдателя, польский ставленник Лжедмитрий I его сочувствия не вызывает; самозванец, «ведя легкомысленную и несогласную с отеческими обычаями жизнь ... навлек на себя презрение и ненависть и подал благоприятный случай людям, строившим ему погибель, ... он был растерзан народом»⁹³.

Из «Смуты» вышла династия Романовых. Как уже говорилось, Мейерберг пристально интересовался происхождением русской царствующей династии и ее правами на престол (возможно, что это входило в его дипломатические обязанности). Он приводит исторические аргументы в пользу Романовых. Во-первых, Романовы находятся в родстве с угасшей династией Рюриковичей — первой женой Грозного была Анастасия Романова, сыном которой был царь Федор Иванович, занявший престол после Грозного. Во-вторых, царь Федор Иванович «последний из древних русских князей по мужской линии, назвал на смертном одре своим наследником Федора Никитича Романова как ближайшего родственника и связанного с ним самой тесной дружбой»⁹⁴. В-третьих, Борис Годунов, опасаясь Романовых, обладавших столь беспорядочными правами на престол, всячески преследовал

⁹⁰ Публикуя перевод «Путешествия», О. М. Бодянский вынужден был в примечаниях очень часто поправлять Мейерберга.

⁹¹ Там же, стр. 106.

⁹² Там же, стр. 106—107.

⁹³ Там же, стр. 107.

⁹⁴ Там же, стр. 109.

этот род, прибегая к казням, ссылке и к насильственному пострижению в монахи. Такие сведения Мейерберг мог найти только в России; судя по всему, это была тогда официальная, господствующая версия в поддержку недавно усевшейся на престоле династии.

Царский титул новая династия унаследовала от Рюриковичей. Ссылаясь на Герберштейна, автор утверждает, что титул царя Рюриковичи получили от папского престола и германского императора. Поэтому исторически у Мейерберга нет возражений против царского величания русских правителей, но в своей дипломатической практике он именует царя только титулом «великий князь», считая, что «царь» будет умалением достоинства императора священной римской империи, ибо, как писал он в своем донесении, «римский император выше всех царствующих особ христианских»⁹⁵.

Но в этом случае речь идет о служебной обязанности посланника германского императора, что же касается его исторической концепции, то Мейерберг вовсе не оспаривает законности титула русских царей, считая, однако, что это достоинство им даровано от Запада. К династии Романовых он относится неизменно как к законной династии в России, и даже с известной симпатией. Это сказывается на многом, в частности, на его описании внешности царя Алексея Михайловича, на приеме у которого он бывал: «Алексей — статный муж, среднего роста, с кроткой наружностью, бел телом, с румянцем на щеках, волосы у него белокурые и красивая борода; он одарен крепостью телесных сил, которой, впрочем, повредит заметная во всех его членах тучность, если с годами все будет усиливаться и пойдет, как обыкновенно, в живот; теперь он на 36 году жизни. Дух его наделен такими блестящими врожденными дарованиями, что нельзя не пожалеть, что свободные науки не присоединились еще украсить изваяние, грубо вылепленное природой вчерне. Кроткий и милостивый, он лучше хочет, чтобы не делали преступлений, нежели имеет намерение за них наказывать... И что особенно странно, при его великой власти над народом... он никогда не покушался ни на чье состояние, ни на жизнь, ни на честь»⁹⁶.

Еще в большей степени Мейерберга интересовала современная ему Россия. В его «Путешествии» можно найти верные наблюдения над русской действительностью, будь то положительного или отрицательного характера. Он обратил внимание на распространенность торговли в России. Доказательством тому

⁹⁵ В. Н. Wichmann. Op. cit., S. 21.

⁹⁶ «Путешествие в Московию...», стр. 114—115.

служит то обстоятельство, что даже русское боярство втянуто в торговлю, на которую Мейерберг смотрит с феодально-дворянской точки зрения. «Все бояре без исключения, и даже сами великокняжеские послы у иностранных государей, везде открыто занимаются торговлей. Продают, покупают, променивают без личины и прикрытия: сами продавцы, сами маклеры заставляют почетный посольский сан служить низкому ремеслу. Не можем, однако ж, не признаться с негодованием, что такая низость чернит некоторых лиц и из более образованных народов, даже иногда и из нашего»⁹⁷.

Если торговля, с точки зрения Мейерберга, явление отрицательное, то бережливость — явление глубоко положительное. «Пройдите всю Московию, во всю ширину ее, и вы никогда не найдете мота, никогда не услышите, чтобы кому-нибудь из мотовства запрещено было управление именьями или даны ему опекуны»⁹⁸. Неприязнь католика к православию позволяет ему с неодобрением заметить, что монастырям в России принадлежит 1/3 всех поместий⁹⁹. Он не раз вспоминает, что в России положение человека зависит не от личных его качеств и не от личных заслуг, а «от породы», словно «порода» порождает таланты и заслуги.

У Мейерберга мы встречаем описание Медного бунта. Описание это отрывочно и не точно, но в нем все же отразились некоторые стороны этого события. Автор не без знания дела рассказывает, как произошло обесценение денег: «Между тем в бешенство обратилось терпение бедного простого народа в Москве, познавшего горьким опытом, что дешевая цена медных денег при великой дороговизне съестных припасов не дает ему никаких способов к поддержанию своего убогого существования; он поднял неистовый бунт в Москве, послуживший к гибели его виновников, как обыкновенно бывает со всеми возмущениями, которым недостает вождя»¹⁰⁰. События начались с того, что народ потребовал у царя наказания Милославских, Стрешневых, Ртищевых, Хитрово за их «строптивость, нахальство, взяточничество, растрату казны, измену, и требовали их смерти»¹⁰¹. А все кончилось расправой над восставшими. «А потом виселицы, поставленные на площадях и перекрестках в Москве, приняла 500 человек из тех, которые остались в городе для ограбления богатейших домов»¹⁰². Для Мейерберга восставший народ это — быдло, «подонки черни», достойные своей участи.

Народ в глазах нашего автора имеет только негативную сторону. Много внимания он уделил рассуждению о том, почему

⁹⁷ «Путешествие...» — ЧОИДР, 1873, кн. 3, стр. 92.

⁹⁸ Там же, стр. 89.

⁹⁹ Там же, стр. 42.

¹⁰⁰ ЧОИДР, 1874, кн. 1, стр. 200.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же, стр. 201.

в народных массах России низок культурный уровень. Он называет три причины, в силу которых знания не пользуются популярностью в стране. Это «надо приписать, во-первых, самим государям которые ненавидят их из опасения, что подданные, пожалуй, наберутся в них духа свободы, да потом и восстанут, чтобы сбросить с себя гнетущее их деспотическое иго. Государи хотят, чтобы они походили на спартанцев, учившихся одной только грамоте, а все прочие знания заключались бы у них в полном повиновении, в перенесении трудов и в умении побеждать в битвах»¹⁰³. «Во-вторых, это следует приписать духовенству: зная, что науки будут преподаваться по-латыни и могут быть допущены не иначе как вместе с латинскими учителями, оно боится, чтобы этими широкими воротами, если распахнуть их настежь, не вошел латинский обряд»¹⁰⁴. «А в-третьих, виной того старые бояре по зависти, что молодежь получит такие дары, которые из пренебрежения не хотели брать они сами, а от этого они справедливо лишатся исключительного обладания мудростью, которую не по праву отвели себе сами, и будут устранены от общественных дел в государстве»¹⁰⁵.

Но, оказывается, нет худа без добра: «в Московии многие доживают до глубокой старости, не испытав никогда и никакой болезни. Там можно видеть сохранивших свою силу семидесятилетних стариков с такою крепостью в мускулистых руках, что выносят работу вовсе не под силу нашим молодым людям. Надо думать, что здоровый воздух много помогает такому крепкому здоровью, не расстроенному ни у кого из них учением, как у нас. Москвитяне говорят, однако, будто бы это больше от того, что они пренебрегают врачебным искусством»¹⁰⁶.

Не последнее место в «Путешествии» Мейерберга занимают сообщения о явлениях русской действительности, причину которых он ищет в «испорченной природе москвитян», — манера, чрезвычайно характерная для западных писателей, рассуждавших о России. В этих случаях рассуждения идут по обычной схеме — уж тут у русских безнадежно плохо, но иначе не могло и быть! Такова уж натура! — Народ недоверчивый, хитрый, который не скажет чужеземцу правды, ибо он «не в состоянии постигнуть, чтобы кто-нибудь хотел быть бескорыстно добрым».

В своей религии москвиты живут по греческому обряду, «давно уже, при несомненной божьей помощи, осужденному непогрешимым судом истинной и единственной невесты — римско-католической церкви». Современному читателю невозможно уразуметь, почему католическая статуя девы Марии — изображение бого-

¹⁰³ «Путешествие...» — ЧОИДР, 1873, кн. 3, стр. 111.

¹⁰⁴ Там же, стр. 112.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же, стр. 85.

угодное, а православная икона той же девы — изображение богомерзкое? Но наш автор, естественно, полон трагического негодования. «Пусть же католики, служащие у русских на жаловании против своих единоверцев, ведают, какой ответ должны будут отдать божественному судии за такую непристойную службу»¹⁰⁷.

Русская армия. Она умеет только бегать от неприятеля, и выходит победителем только потому, что ею командуют иноземцы-офицеры. Некоторые оговорки, которые делает наш автор, не меняют его категорического вердикта. «Охотно соглашаюсь, однако, со справедливостью того мнения, что московский народ при обороне крепостей и городов показал много примеров мужества, потому что этот народ самый привычный к работе, жаре, стуже и голоду, еще с пеленок закалил тело и душу от невзгод жизни... Не хочу, впрочем, скрывать, что иногда приходит мне сомнение, устоит ли он с тем же спокойствием и успехом против нашего народа и искусства?»¹⁰⁸ Многие в Московии, даже русская баня, решительно не понравилось Мейербергу!

Обычно в этих случаях принято доказывать, что автор, не знавший русской действительности, был не прав. Думается, что в данном случае в этом нет нужды, поскольку его неправота видна и без того. Гораздо важнее подчеркнуть, что Августин Мейерберг, пытавшийся стать в позу человека «бескорыстно доброго», на деле был совсем иным человеком. Обвинявший русскую сторону в неискренности и вероломстве, он сам, по его же собственным словам, был образцом именно такого поведения. Речь идет о дипломатической ловкости и настороженности с обеих сторон, а это создавало атмосферу обоюдной неприязни.

Выезжая в свой дипломатический вояж, Мейерберг уже был убежден, что русские «предпочитают свое отечество всем странам на свете, ставят самих себя выше всех народов, а по силе и величию самого царя дают первенство перед могуществом и значением каких бы то ни было королей и императоров. Предаваясь мечте о своем высоком превосходстве, они до того презирают всех иноземцев как людей ниже себя, что если доведется им принимать посланников какого-нибудь государя, то, кому прикажет царь это дело, берут смелость требовать от них, точно несомненного долга, чтобы они первые выходили из кареты или слезали с лошадей и первые же снимали шляпы». Поэтому Мейерберг при первой же встрече заявил русскому приставу — «я не новичок в исправлении посольских дел, а поэтому превосходно знаю, что следует ему и что нам»¹⁰⁹. Это тем более понятно, что перед поездкой в Россию Мейерберг побывал уже в качестве дипломата во многих странах. Борьба за дипломати-

¹⁰⁷ Там же, стр. 199.

¹⁰⁸ «Путешествие...» — ЧОИДР, 1874, кн. 1, стр. 183.

¹⁰⁹ «Путешествие...» — ЧОИДР, 1873, кн. 3, стр. 33—34.

ческий ритуал была тогдашней формой борьбы за достоинство своего государства. Поэтому дипломатическая миссия Мейерберга в Россию — это бесконечные и обоюдные препирательства о титулах своих правителей¹¹⁰.

Но Мейерберг смотрит на все односторонне, во всем оказывается виновной только русская сторона. Вот, например, какую линию поведения своей делегации наметил Мейерберг в переговорах с русскими. Решили использовать «исподволь те внушения, которые мы не хотели делать им разом и считали осторожным для дела высказывать им через промежутки времени понемножку, как будто они выманены были дружбой или мы поддались соблазну откровенности за обедом, и сегодня сказать одно из них, а завтра другое». Пусть русский канцлер считает это «за тайну, которая сорвалась с языка у нас по легкомыслию, благодаря его ловкости, а в этом и был наш расчет»; пусть русские думают, что умеют «искусно выуживать у нас из глубин сердца самые потаенные вещи»¹¹¹. Но из этого хитроумного плана ничего не вышло, оставалось винить «испорченную природу москвитян». Посольство Мейерберга пыталось из Москвы завязать секретную переписку с западной дипломатией. Когда русская сторона это пресекла, наш автор обрушивает на нее обвинение во всех смертных грехах.

Мейерберг вел себя чрезвычайно заносчиво. В Москве ему довелось заболеть. Ему прислали придворного врача — Самуила Коллинза (англичанин, впоследствии известный автор записок о России). Мейерберг его не принял, требуя врача по своему выбору. Оставалось утешиться тем, что «где нет никакой помощи от людей, там необходимо присутствует божья помощь. При непосредственной божьей помощи я и выздоровел»¹¹². Сентенция, характеризующая «методологию» самого Мейерберга!

Если к этой односторонности суждений прибавить обычное высокомерие западного человека по отношению к России, то можно представить себе ту атмосферу, которая царяла в западных кругах, соприкасавшихся с русской стороной, то настроение, при котором иноземец был готов встретиться в России только с худым. И он часто считал таким не только худое, но и доброе. Это была та атмосфера высокомерия и враждебности к России, в которой через сотню лет родится пресловутый варяжский вопрос. Родится он в России, но его авторами будут люди Запада.

И только одно безусловно нравилось императорскому послу, это — проникновение западного влияния в русское государство, хотя и здесь не обошлось без недовольства. В Ливонии Мейерберг встретил известного А. Л. Ордына-Нащокина; это — «во-

¹¹⁰ «Путешествие...» — ЧОИДР, 1873, кн. 3, стр. 75—76.

¹¹¹ Там же, стр. 75—76.

¹¹² Там же, стр. 87—88.

все не глупый подражатель наших обычаев». Но оказывается и он «не совсем еще свободен от московского духа», потому что начал выражать недовольство, что литовский воевода Михаил Пац осаждал один городок, не считаясь с перемирием. Кроме того, этот русский западник «с подлинно странной московской вежливостью пожелал проводить нас, отъезжающих, с милю от города верхом»¹¹³.

С большой настойчивостью автор, как уже говорилось, подчеркивал наличие в русской армии офицерского состава из иностранцев, обращая внимание даже на моду. Он рассказывает о молодом человеке, на котором было одяние «узкое и короткое, по французской моде, бывшее тогда в ходу у молодых людей».

Записки Августина Мейерберга — очень важное звено в иностранных Сказаниях о России второй половины XVII в.

3.

САМУИЛ КОЛЛИНЗ.

«НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ, ИЗЛОЖЕННОЕ В ПИСЬМЕ К ДРУГУ, ЖИВУЩЕМУ В ЛОНДОНЕ» (1667 г.)

Англичанин Самуил Коллинз был приглашен на царскую службу Хебдоном — тоже англичанином, одно время выполнявшим на Западе поручения царя Алексея Михайловича. По возвращении Коллинза на родину вышла (уже после смерти автора) его небольшая книжка «The present State of Russia...», в заглавии которой содержались необходимые сведения об авторе: «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинза, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича» (Лондон, 1667). Точнее, автор пробыл в России с 1659 по июнь 1666 г.

Самуил Коллинз принадлежит к тем иностранным авторам, которые безудержно поносили Россию и делали это настолько рьяно, что в России не считали нужным даже опровергать его утверждения. В действительности, дело обстоит много сложнее. Прежде всего, надо сказать, что в суждениях Коллинза было немало справедливого. Что же касается всего остального, то надо принять во внимание, что поле наблюдения Коллинза чрезвычайно узко, это — царский дворец; что лежало за его пределами, об этом он имел порой сбивчивое представление, и у нас нет оснований ожидать от него надлежащей «информации». Зато дворцовая сфера — его область, тут он вполне «компетентен», знает то, чего другие иностранцы знать не могли.

¹¹³ Там же, стр. 39.

Начнем с его «некомпетентности». Наш автор столь высокого мнения о своей учености и своих талантах, что решительно убежден — до него в Россию ни разу не приезжал еще человек его масштаба. Он так и пишет в первых строках своего сочинения. «В самом деле, ни один человек с дарованиями и способностями не имел еще до сих пор возможности быть в России»¹¹⁴. Убежденный в своей непогрешимости, он брался судить порой о том, где у него не хватало знаний. Это относится даже к дворцовой сфере. Уж о патриархе Никоне и о расколе он мог бы, казалось, располагать точными сведениями, но он пишет, что в размолвке царя с Никонем все дело было в том, что патриарх «не принадлежит к обожателям икон, которым русские очень преданы»¹¹⁵.

Тем более попадает Коллинз впросак, когда берется судить о чем-либо за пределами дворца. Русский народ исповедует христианскую веру, «введенную здесь каким-то киевским священником, который исцелил одного из московских князей молитвой и тем убедил весь народ принять св. крещение»¹¹⁶. Вот что он знает об Украине (Черкассии): «Черкасы — татарского племени... Правление их совершенно анархическое, потому что они, возмущившись, уничтожили все дворянское сословие и теперь управляются полковниками, ими самими избранными, с которыми всякий из них обходится за панибрата... Черкасы очень преданы колдовству и считают его важной наукой. Им занимаются женщины высшего сословия»¹¹⁷. Помимо неосведомленности нашему автору мешали и предрассудки, от которых не был свободен этот просвещенный иностранец. Он полагает, что всякий перешедший в православие обрекает себя в геену огненную, на этот счет у него есть доказательство: «Замечено некоторыми из здешних старожил, что из двухсот англичан, шотландцев и голландцев, оставивших веру свою, почти ни один не умер естественной смертью»¹¹⁸.

Но вместе с тем, Коллинз сообщает немало ценных сведений и не только из дворцовой жизни. Естественным центром России для Коллинза является царь. Он дважды принимается его описывать. Вот одно из описаний: «Наружность императора красива; он двумя месяцами старше короля Карла II и здоров сложением; волосы его светло-русые, он не бреет бороды, высок ростом и толст; его осанка величественна; он жесток во гневе, но обыкновенно добр, благодетелен, целомудрен, очень привязан к сестрам и детям; одарен обширной памятью, точен в исполнении церковных обрядов, большой покровитель веры; и если

¹¹⁴ «Нынешнее состояние России...» Перевел с английского Петр Киреевский.— ЧОИДР, 1846, № 1, материалы иностранные, стр. 1.

¹¹⁵ Там же, стр. 6.

¹¹⁶ Там же, стр. 1.

¹¹⁷ Там же, стр. 12.

¹¹⁸ Там же, стр. 2.

бы не окружало его густое облако допосчиков и бояр, которые направляют ко злу его добрые намерения, то его, без сомнения, можно было бы поставить наряду с добрейшими и мудрейшими государями»¹¹⁹. Вот еще одно описание царя: «Он красивый мужчина, около 6 футов ростом, хорошо сложен, больше дороден, нежели худощав, здорового сложения, волосы светловатые, а лоб немного низкий. Его вид суров, и он строг в наказаниях, хотя очень заботится о любви своих подданных»¹²⁰. Профессия врача была причиной того, что описание Коллинза было столь подробно и точно.

Автор очень хорошо знал образ жизни царя Алексея Михайловича. «Народу он никогда не является иначе как в блеске, а на празднествах с удивительным великолепием драгоценных камней и прислуги. Он никогда не входил в дом ни к одному из своих подданных, кроме своего пестуна¹²¹, когда уже не было никакой надежды на выздоровление. Телохранители и стражи при его дворе стоят как безгласные, неподвижные истуканы. В его дворце так тихо, как будто никто в нем не живет. Кроме служителей и должностных бояр никому не позволено подходить ко внутреннему дворцу. В обществе он обедает только на празднествах, и тогда бояре обедают в его присутствии»¹²².

Живет царь на третьем этаже дворца. Питается простой пищей. «Хлеб он ест ржаной, потому что рожь, по мнению русских, гораздо питательнее пшеницы. Царь ложится спать на простыню в сорочке и нижнем платье и одевается богатым собольим одеялом. Забава его состоит в соколиной и псовой охоте. Он содержит больше трехсот смотрителей за соколами и имеет лучших кречетов на свете, которые привозятся из Сибири... Он охотится за медведями, волками, тиграми (?), лисицами»¹²³.

Здесь традиции, согласно которым царь женится, очень своеобразны. «Царь всегда женится на своих подданных и избирает невесту из всех стран, ему подвластных; редко из дворянского сословия... Илья, тесть ныне царствующего императора, произошел из такого низкого состояния, что двадцать лет тому назад он подносил вино некоторым из здешних англичан, а дочь его ходила по грибы и продавала их на рынке»¹²⁴.

По женской линии царь Алексей Михайлович — потомок Ивана Грозного. Коллинз очень много пишет о царе Иване IV. Это — та самая фигура в русской истории, писать о которой автор «желал бы иметь и время и способности, потому что, верно с тех пор, как цари на земле царствуют, никто не слыхивал ни о

¹¹⁹ Там же, стр. 13.

¹²⁰ Там же, стр. 34.

¹²¹ Б. И. Морозова. — М. А.

¹²² «Нынешнее состояние России...», стр. 34.

¹²³ Там же, стр. 17.

¹²⁴ Там же.

таким ужасном тиране, ни о таком счастливом государе...»¹²⁵. Ужасный тиран и счастливый государь! Столь пристальный интерес автора к царю Ивану наводит на мысль, что при первых Романовых еще свежи были воспоминания о временах Грозного, о нем много говорили, и разговоры эти шли в совершенно определенном направлении: «Иван Васильевич был любим народом, потому что с ним обходился хорошо, но жестоко поступал со своими боярами»¹²⁶.

В доказательство этого Коллинз приводит немало анекдотов о царе Иване. Вот царю пожаловались, что воевода принял взятку — гуся, начиненного червонцами, и воеводу четвертуют; при каждом ударе топора спрашивают: «Вкусен ли гусь?» Вот еще рассказ: царь осматривает свое государство, дворяне и мужики подносят ему дары. Но больше всего царю Ивану понравилось подношение одного мужика, который подарил царю... пару лаптей и репу. Износил лапти, Грозный приказал всем дворянам покупать лапти у этого мужика по дорогой цене. Мужик разбогател, а его потомки получили дворянское звание. Один из дворян решил тогда подарить царю коня — уж если за лапти царь расплатился так щедро, то за коня и подавно. Но дворянина, конечно же, ждало разочарование — царь преподнес ему ту самую репу, которую получил от лапотника.

Переодевшись, царь Иван пристал к шайке воров и стал подговаривать своих приятелей обокрасть казначея. В ответ один из воров съездил царя по физиономии и сказал ему: «Негодяй, как ты смеешь предлагать нам ограбить нашего государя, который для нас так милостив?! Лучше мы обокрадем какого-нибудь богатого боярина, который сам расхищает казну царскую». Восхищенный царь Иван обменялся с воров шапками. Царь Иван любит не только бедных, но и справедливость. Царь, одетый в рубище, попросился зимой в одной деревне на ночлег. Его приютил лишь бедняк, жена которого, к тому же, в эту ночь рожала. Царь ушел от гостеприимного хозяина еще до света, пожелав ему хороших кумовьев. И он явился к нему кумом сам в окружении множества бояр и, конечно, богато наградил мужика. Все же остальные дворы он приказал сжечь: — «Вы отказали страннику в приюте, за это сами теперь должны искать пристанища, и скоро узнаете, какво спать на снегу зимою»¹²⁷.

Анекдоты эти Коллинз не сам придумал. Они ходили по Москве, а родились они не в боярской среде. Их создала народная масса, и не от хорошей жизни: царствование Алексея Михайловича — время, когда окончательно завершается закрепощение народа, начинается полоса городских восстаний. Настроение кре-

¹²⁵ «Нынешнее состояние России...», стр. 31.

¹²⁶ Там же, стр. 14.

¹²⁷ Там же, стр. 15—16.

стьянства было явно «бунташное». Народ хорошо помнил недавние времена Ивана Болотникова и собирался снова к ним вернуться: через какие-нибудь три года после отъезда Коллинза из Москвы началось разинское восстание, потрясшее всю страну. И было ли неожиданностью, что народ вспомнил, как царь Иван рубил головы ненавистным боярам. Не каждый царь это делал! Известная история с передачей власти Бекбулатовичу могла порождать фантастические мотивы превращения царя в простого смертного, чтобы лучше видеть нужды народа. На этой почве вырастали бесконечные сюжеты, когда победителем выходил народ в посрамление боярам. Это, нужно полагать, было широко распространено и долетало даже до царского дворца. Коллинз это мог слышать и от многочисленной дворцовой прислуги, а то и от самих бояр.

Уловил англичанин Коллинз в этих рассказах и проанглийские симпатии царя Ивана IV, который «очень желал жениться на королеве Елизавете и очень хорошо расположен был к англичанам. Однажды, боясь заговора, он укрепил Вологду, привез туда свои сокровища и, как некоторые думают, хотел в случае крайности бежать в Англию»¹²⁸.

Что знает Коллинз о правительственной деятельности царского дворца? Большое место в его наблюдениях занимают финансы. Разницы между личными средствами царя и государственной казной не существует — доходы царя являются в то же время и доходами государства. Из чего они состояются? Во-первых, царь «в некотором отношении властелин собственности каждого из своих подданных, и сын всегда должен просить о получении отеческого наследия. Царь наследует после всех умерших без духовной, осужденных на смерть и бездетных». Во-вторых, царю идут все подати. В-третьих, доходы от кабаков; некоторые кабатчики платят по 20 тыс. рублей ежегодно. В-четвертых, налог на бани. В-пятых, царь — главный торговец в государстве. Казна совершает крупные торговые операции. В-шестых, он торгует сибирскими соболями; в-седьмых, — астраханской икрой, рыбьим клеем и трупом (монополия царя).

Есть и еще одна статья дохода — в 7 верстах от Москвы царь построил заведения для обработки пеньки и льна, которые «находятся в большом порядке, очень обширные и будут доставлять работу всем бедным в государстве. На это он назначил так-

¹²⁸ Там же, стр. 14—15. И Грозный и Борис Годунов вели проанглийскую внешнюю политику. И тот и другой, чувствовали себя под угрозой боярского заговора; в случае необходимости помышляли бежать в Англию (см.: М. А. Алпатов. Русская историческая мысль в Западной Европе. XII—XVII вв. М., 1973, стр. 297).

же несколько миль порожней земли. Царица будет заведовать женщинами в этом заведении для своей пользы и выгоды»¹²⁹.

Интересовали Коллинза и судебные дела. В России наряду с писаными законами действует и право обычая. Жалобщики пишут свои просьбы на длинных свитках, которые «развертываются, как вафли». Проситель «держит их перед боярином, который (если в хорошем расположении духа) протягивает за ними руку и прочитывает их или отдает своему дьяку, а дьяка — проситель должен одарить, чтобы он напоминал боярину о просьбе». Боярину тоже приходится платить. «Я желал бы, чтобы англичане взяли пример с русских судов, пример в скорости решения, не подражая им в подкупности»¹³⁰.

В делах уголовных тоже есть своя особенность. «Смертью здесь наказывают очень немногих, а большей частью преступников секут кнутом»¹³¹. Царь в любом деле, в том числе и в уголовном, пользуется правом высшей юрисдикции. «В субботу на страстной неделе он посещает некоторые тюрьмы, рассматривает преступления колодников и некоторых освобождает. Недавно был выпущен один англичанин, сидевший в тюрьме за делание фальшивой монеты»¹³².

Дела церковные. Царь — человек набожный; на богослужении стоит иногда по пяти-шести часов подряд, кладет по тысяче земных поклонов, а в большие праздники по полторы тысячи. «Кроме постов, он ничего мясного не ест по понедельникам, средам и пятницам; одним словом, ни один монах не превзойдет его в строгости постничества. Можно считать, что он постится восемь месяцев в году»¹³³. Но с церковью строг; он ограничивает «излишнюю щедрость умирающих, которые отказывают свои имущества духовенству. Никто не может основать монастыря без его позволения. Во время войны он взаимобразно пользуется церковной казной и возвращает занятое *ad Calendas Graecas*¹³⁴, а без таких займов доходы его были бы недостаточны, потому что почти две трети царства принадлежат церкви»¹³⁵. Кроме того, царь «располагает церковными должностями, но предоставил избрание патриарха жребию, потому что имел (как он думает) худой успех в избрании последнего патриарха Никона»¹³⁶.

Народ находится под очень строгим контролем церкви, которая за нарушение религиозных установлений отдает людей под суд, а там на них обрушиваются строгие, почти изуверские наказания. И тем не менее люди относятся к делам религии под-

¹²⁹ «Нынешнее состояние России...», стр. 34.

¹³⁰ Там же, стр. 4.

¹³¹ Там же, стр. 18.

¹³² Там же.

¹³³ Там же, стр. 37.

¹³⁴ «До греческих календ», т. с. без отдачи. — М. А.

¹³⁵ «Нынешнее состояние России...», стр. 37.

¹³⁶ Там же, стр. 37.

час чисто утилитарно. Например, в большом почете иконы «Николая чудотворца». Икона эта очень щедро украшается в расчете на помощь «Микола», но, «претерпев большие потери, они возвращаются домой и обирают Миколу до нага». Иконами пытаются унять пожар. «Один русский, думая остановить огонь таким образом, держал своего Миколу так долго, что сам едва не сгорел, и, видя, что помощи нет, бросил его в огонь»¹³⁷.

Для руководства каждой отраслью управления существуют особые учреждения — приказы, а приказами руководят доверенные люди царя. Прожив не один год во дворце, Коллинз хорошо знал личную жизнь и всю закулисную сторону жизни двора. Из подробностей, которые он приводит, выясняется крупная роль, которую стало играть теперь служилое дворянство, составлявшее высшее чиновничество; явление это стояло в связи с возрастающими задачами управления страной. Назревали крупные реформы во всех сторонах государственной жизни, в том числе и в области управления. Рождение петровских реформ было закономерным явлением.

На первое место в царском окружении, как и следовало ожидать, Коллинз ставит Бориса Ивановича Морозова — воспитателя Алексея Михайловича. К старым связям между царем и Борисом Морозовым прибавлялись новые: «Борис Иванович предложил царю Марию, дочь Ильи Даниловича»¹³⁸, происходящего из неизвестного дворянского рода и возвысившегося смертью своего дяди Грамматина (который был дьяком Посольского приказа и у которого он в молодости был кравчим). Тенерешняя царица часто хаживала в лес по грибы. Она была недурна собою... Ее венчали тайно, боясь колдовства, которое здесь на свадьбах очень обыкновенно»¹³⁹.

Сам Борис Иванович женился на Анне — младшей сестре царицы и стал, таким образом, царским свояком. Но его личная жизнь не удалась, этот брак стал его трагедией. Борис Иванович думал, что он «прочно основал свое счастье. Однако ж Анна была им не совсем довольна, потому что он был старый вдовец, а она здоровая, молодая смуглянка; и вместо детей у них родилась ревность, которая произвела кожаную плеть в палец толщиной. Это в России случается часто между вельможными супругами, когда их любовь безрассудна, а водка слишком шумит в голове. Один англичанин, Уильям Барнсли (родом из Барнсли-Голля, что в Уоркшире) сослан в Сибирь по внушению Бориса, который подозревал его в слишком коротком знакомстве со своим домом. Он жил там больше 20 лет, наконец принял русскую веру и женился на богатой невесте»¹⁴⁰.

¹³⁷ Там же, стр. 9.

¹³⁸ Милославского.

¹³⁹ «Нынешнее состояние России...», стр. 32.

¹⁴⁰ Там же.

Имя Бориса Ивановича Морозова было связано с московским восстанием 1648 г. Об этом не могли не говорить в Москве в последующие годы, когда тут жил Коллинз. И он записывает: «Древнее дворянство с завистью смотрело на высокий сан Бориса, который ежедневно уничтожал его, давая ход своим клеветам. Народ роптал на новые налоги, обвинял Бориса и решительно требовал его у царя, который не зная, что делать, и желая спасти жизнь Бориса, целовал крест и клялся, что Борис уже никогда ко двору не возвратится. Это на время успокоило древнее дворянство»¹⁴¹.

Известно, что Морозов был удален в Кирилло-Белозерский монастырь, и не только под давлением боярских противников Морозова, но и по требованию народа. Об этом ничего не говорит Коллинз, но о причинах возвращения Бориса Ивановича он сообщает любопытные подробности. Поскольку это было связано с нарушением царских обещаний, дело было обставлено соответствующим образом, а именно: «тайными происками заставили народ просить о возвращении Бориса, и без затруднений исполнили заказанную просьбу»¹⁴².

Все это английский автор знает по рассказам. Но при нем самом назревал, а потом и разразился Медный бунт. Что о нем попало в сочинение Коллинза? Мы находим тут его характеристику положения крестьянства в России. Она очень выразительна: «Русские крестьяне находятся в совершенном рабстве, заботятся только о том, что наполняет желудок, а все, что они приобретают сверх ежедневных потребностей, отбирают помещики или их управители»¹⁴³. Из-за войн с Крымом, Польшей и Швецией страна истощена. «Всего здесь стало мало; все шестеро дороже прежнего, а медные деньги потеряли цену»¹⁴⁴. Торговля в глубоком упадке. Причина тому война, повышение пошлин, а к этому прибавилась новая беда. У купцов «силой брали товары за медные деньги, а медные деньги упали сначала от ста до одного, и когда казна снова захотела вывести их, многие разорились, многие повесились, другие пропили свое имущество и померли в пьянстве»¹⁴⁵.

Таково положение в России, именно оно, как известно, привело к Медному бунту в Москве и к восстанию, руководимому Степаном Разиным, во всей стране. Но о самом восстании в Москве, свидетелем которого довелось быть Коллинзу, он ничего не сообщает. Его внимание приковано к дворцу. Преемником Бориса

¹⁴¹ «Нынешнее состояние России...», стр. 32.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же, стр. 5.

¹⁴⁴ Там же, стр. 13.

¹⁴⁵ Там же, стр. 38. Кстати, описывая тяжелое положение в России при Алексее Михайловиче, Коллинз делал исключение для Сибири, именуя ее как «заслуживающую имя лучшего цвета Русской империи» (там же, стр. 14).

Морозова стал тесть царя Илья Данилович Мирославский. Он «красивый мужчина, крепок сложением как Геракл, смел, имеет большие способности и такую огромную память, что помнил имена всех должностных чиновников 80-тысячного войска... Царь больше его боялся, нежели любил, но царица всегда держала его сторону». Он ведал войском и казной, и «дали ему еще 6 или 7 должностей, которые он все исполнял очень деятельно, только не бескорыстно. Царь мало обращал на это внимания». И только в одном царь был непреклонен по отношению к своему тестю: «Царь, видя, что Илья слишком ласков к некоторым из его татарских и польских невольниц, объявил ему, чтобы он, как старший вдовец, либо женился, либо оставил двор»¹⁴⁶.

Теперь произошла новая смена руководителя царской политики: «Илья, разбитый параличом, лишился и телесных и умственных способностей и не узнает никого, кого ему ни назовут. Его потеря была бы чувствительнее, если бы великий государственный человек Нащокин не заменил его во многих должностях». Об А. Л. Ордыне-Нащокине Коллинз говорит с большим пиететом. Для него это — «великий политик, очень важный и мудрый государственный министр и, может быть, не уступит ни одному из министров европейских»¹⁴⁷. Ордын-Нащокин известен как сторонник сближения с Западной Европой. Коллинз подчеркивает его симпатии к Англии: «Он при мне говорил, что для царя выгоднее поддерживать связи с королем английским, нежели со всеми другими христианскими государями. Он единственный покровитель англичан»¹⁴⁸. Но это сближение должно быть в интересах России: «Да что нам за дело до иноземных обычаев: их платье не по нас, а наше не по ним»¹⁴⁹, — говорил Афанасий Лаврентьевич.

Приверженность к Западу сочеталась у него с приверженностью к абсолютистским и крепостническим порядкам. Имея в виду союз Франции и Дании с Голландией против Англии, Ордын-Нащокин сказал: «Удивляюсь, как эти два короля так неблагоразумны и безрассудны, что отстаивают и поддерживают таких мужиков против английского государя! Лучше бы им соединиться с остальными европейскими государями, чтобы разрушить все республики, которые есть не что иное как матери ереси и бунтов»¹⁵⁰.

Коллинз очень обеспокоен, что соперничество между голландцами и англичанами в России складывается в пользу голландцев. На это есть свои причины: «Английское сукно совершенно упало в цене, потому что оно дороже голландского, а голландское сук-

¹⁴⁶ Там же, стр. 32—33.

¹⁴⁷ Там же, стр. 34.

¹⁴⁸ Там же, стр. 33.

¹⁴⁹ Там же, стр. 34.

¹⁵⁰ Там же, стр. 33.

но хотя и непрочно..., но правится русским... Напрасно и мы не возим им такого же. К тому же мы все торгуем одним сукном, а голландцы привозят шелка и всякого рода мелочные товары, расходящиеся больше, нежели сукно, которое теперь выходит из употребления»¹⁵¹. Но это еще не все: «Голландцы, как саранча, напали на Москву и отбивают у англичан хлеб. Они гораздо многочисленнее, богаче англичан и ничего не щадят для достижения своих видов; между тем как англичане, ожидая возвращения своих древних льгот, довольствуются словами иудеев: „Наш отец Авраам, мы англичане: требуем удовлетворения или будем жаловаться!“». И наконец, голландцев в России принимают лучше, чем англичан, «потому что они подносят подарки боярам и таким образом приобретают их покровительство»¹⁵². И уже не приходится говорить о том, что «голландцы стараются также унизить и осмеять англичан — рисуют карикатуры, сочиняют пасквили и тем дают русским невыгодное о нас понятие»¹⁵³. Автор тут умалчивает, что англичане тоже не скупались на подношения людям, от которых зависело благоденствие английских купцов в России.

Для борьбы с соперниками Коллинз советует своим соотечественникам обратиться к некоторым русским сановникам и, прежде всего, к самому влиятельному человеку в Москве — Ордыну-Нащокину: «Очень бы хорошо было, по моему мнению, если бы какой-нибудь умный человек сделал в Москве самое выгодное описание государств, принадлежащих его величеству королю британскому, его могущества, западноиндийских колоний со всеми их доходами и, приложив карту всех этих земель, поднес бы это сочинение Афанасию Нащокину, чтобы опровергнуть клевету голландцев и дать ему истинное понятие о могуществе британского короля»¹⁵⁴.

Таков круг мыслей английского автора Самуила Коллинза — врача царя Алексея Михайловича.

4.

«РЕЛЯЦИЯ» ПОСОЛЬСТВА КАРЛА-ГОВАРДА КАРЛЕЙЛЯ (1663—1664 гг.)

Вспыхнувшая в Англии революция вызвала бурную реакцию правительства царя Алексея Михайловича — английские купцы были не только лишены традиционных привилегий, но и началось выдворение англичан из России. Прибывший в годы Кромвеля в Архангельск целый торговый флот с посланником Вильгельмом Придо получил ультиматум — продать свои товары в

¹⁵¹ «Нынешнее состояние России...», стр. 38—39.

¹⁵² Там же, стр. 39.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же.

Архангельске с уплатой полной пошлины, а остатки увезти обратно. Царь не раз оказывал денежную помощь находившемуся в эмиграции Карлу II, а по его восшествии на престол послал специальное посольство, чтобы поздравить его (в посольство входили: П. С. Прозоровский, А. Л. Ордын-Нащокин и дьяк Алмаз Иванов).

В ответ в 1663 г. из Лондона в Москву выехало английское посольство во главе с одним из видных деятелей реставрации Стюартов Карлом-Говардом Карлейлем. Кроме благодарности за поддержку, оно везло в Москву настойчивую просьбу возобновить торговые привилегии англичан в России. Посольство насчитывало около сотни человек и было богато снабжено; оно должно было создать в Европе впечатление величия английского двора. Кроме России посольство должно было посетить Швецию и Данию.

Результатом посольства Карлейля была «Реляция о трех посольствах» («A Relation of Three Embassies»), изданная в Лондоне в 1669 г. и переведенная вскоре на французский и немецкий языки¹⁵⁵. О «Реляции» имеются сведения и в русской исторической литературе¹⁵⁶. Ее автор — участник посольства швейцарец Гвидо Мъеж. Документ этот имеет особенность, не часто встречающуюся в сочинениях подобного рода, Гвидо Мъеж был известный в свое время писатель, в «Реляции» он не только рассказал всерьез и подробно об этом путешествии, как того требовала его служба, но и внес в свой рассказ элемент добродушного юмора, основанного на контрасте: самомнение английского посольства о своей высокой миссии, перед которой все должно преклониться, наталкивается на суровую действительность, которая и не думает считаться с планами и мнениями англичан.

В Архангельске посольство было встречено со всеми почестями, находившиеся здесь английские и голландские суда даже палили из пушек, но когда посол, сойдя на берег, стал двигаться дальше, русский пристав пристроился к нему с правой стороны, что вызвало протест англичан. Затеялся долгий спор: Карлейль представлял английского короля, пристав выполнял приказание воеводы, ни одна из сторон не уступала; пришлось послать к воеводе, чтобы тот отменил свое приказание, ответа ждали долго. Карлейль утешился тем, что он ждал, надев головной убор, а русский пристав стоял без шапки.

Из Архангельска в Вологду посольство, как обычно, двинулось вверх по Двине и Сухоне на дощанике, который тянуло биче-

¹⁵⁵ Сводную библиографию см.: «Отечественные записки». 1855, ноябрь, т. СIII, стр. 74—77.

¹⁵⁶ «Пышность двора царского в XVII веке». — «Вестник Европы», 1805, ч. XX, стр. 118—133; 223—229; В. Н. Берх. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1834, стр. 162—178; «Отечественные записки», 1855, ноябрь (т. СIII), стр. 47—86.

вой 300 человек. Движение еще более замедлилось, когда реки замерзли и дорогу пришлось прорубать. В Вологду прибыли больше чем через месяц после отплытия из Архангельска. В самой Вологде пришлось просидеть три месяца — сначала ждали новых приставов, потом установления санного пути. Не оставалось ничего другого, как развлекаться музыкой, танцами, охотой и катаньем на коньках, но особенно полюбилась англичапам русская баня, куда они готовы были ходить каждый день.

Наконец, прибыли два пристава. Один из них — Афанасий Иванович Нестеров — посадил посольство на голодный паек, а в дорогу предоставил ему только трое «пристойных» саней — для самого посла, его жены и знатнейших ее дам, а остальным предложил крестьянские дровни. Все возмущение посла оказалось напрасным, Нестеров заявил наотрез, что других саней они не получат; пришлось за свой счет нанимать сани и покупать шубы, ибо наступили жестокие морозы. Но самым возмутительным для англичан была манера Нестерова в приветствиях ставить титул английского короля позади титула русского царя, а имя Карлейля позади своего имени.

В январе 1664 г. на 200 санях посольство тронулось из Вологды через Ярославль, Ростов и Троицкий посад. На дорогу ушло три недели. Люди изнывали «без занятий и общества», они лежали в санях, закутанные в шубы и одеяла, имея при себе бутылку водки, и, чтобы согреться, прихлебывали из нее. Старались побольше спать; чтобы не растерять людей, посол приказал трубачам трубить при въезде в каждую деревню. Ночевать приходилось в курных избах, питаться чем придется, так как посольские повара не умели готовить в русских печках. И только в городах англичане приходили в себя.

Но, оказалось, главные беды были еще впереди. Москва не была готова к приему посольства, поэтому в Троице его задержали на пять суток. От скуки англичане захотели осмотреть монастырь и мощи св. Сергия, но им этого не позволили. Наконец, покинули Троицу и 3 февраля въехали в деревню в 5 верстах от Москвы. На 5 февраля был назначен въезд в Москву. Уже с утра посольство обрядилось в парадное одеяние, с минуты на минуту ждало из Москвы сигнала к выезду. Но прождали дотемна. На вопрос о причине задержки Нестеров отвечал, что, видимо, царь заснул, а разбудить его никто не посмеет. Неудобство состояло не только в том, что ждать приходилось в полном параде, но, главным образом, в том, что поваров с утра отослали в Москву готовить обед к приезду посольства, а посему ждали целый день голодные. Перед наступлением ночи, когда уже перестали ждать, из Москвы вдруг прискакали гонцы с приказом выступать.

Карлейль запротестовал — нигде послов не принимают ночью! Но ничего поделать было нельзя — приходилось ночью показывать пышность английского посольства. Обоз тронулся, трубачи гром-

ко трубили. Но когда уже подъезжали к Москве, Пестеров получил новое распоряжение — отвезти посольство в деревушку влево от дороги, там переночевать, а въезд в столицу откладывается на следующий день. Возмущенный Карлейль приказал трубачам замолкнуть и заявил пристапу, что не въедет в Москву, пока перед ним не извинятся. Таким образом, этот день, «в который мы предполагали выказать наше богатство и пышность, стал для нас днем поста, скуки и огорчений». Из Москвы прибыл дьяк Голосов с извинениями, но посол почел это за новое оскорбление. Тем не менее страсти улеглись и к этому нашлась причина: из Москвы прислали назад посольских поваров, а они привезли разной провизии и накормили изголодавшееся посольство. На другой день посол отправил письменный протест царю, но раньше, чем его гонец добрался до Москвы, появился новый дьяк Дементий Башмаков и от имени царя обещал Карлейлю полное удовлетворение, и посол переменял гнев на милость.

На этот раз состоялся, наконец, въезд посольства в столицу. Но и тут шло не все гладко. Посла в городе встретил боярин Иван Афанасевич Прончищев. Встал вопрос, кому первому выходить из саней? После весьма острого диалога уговорились вылезать одновременно. Но Прончищев перехитрил англичанина — он приказал слугам нести его под мышки, чтобы ноги его не касались земли, в то время, когда Карлейль уже стоял на земле. Церемонии встречи заняли весь день, и посольство въехало в отведенное ему помещение уже при свете факелов. Царь с семьей стоял в скрытом месте, чтобы посмотреть посольство. Этот участок улицы был хорошо освещен восковыми свечами, а процессию нарочно задержали на этом месте на некоторое время, чтобы августейшая семья могла лучше рассмотреть прибывших.

Дом, в котором разместилось посольство, имел железные двери и окна, отчего англичане стали шутить — теперь они убедятся, что живут в железном веке; в доме не было кроватей, англичане должны были спать на полу по многу людей в комнате. Когда дворяне стали протестовать, заявив, что они не могут спать как в госпитале, то дьяк Алмаз Иванов их утешил тем, что если они будут спать скопом, то их не унесут крысы. Но на это можно было бы возразить, что в таком случае каждая крыса должна быть размером с двух бояр.

Когда пришел день аудиенции у царя, английское посольство, во-первых, старалось почаще напоминать русскому двору о казенном революцией их короле Карле I, в частности, они преподнесли царю ружье, принадлежавшее Карлу I, а также пару пистолетов, которые были при его сыне Карле II, когда он въезжал в Лондон после реставрации Стюартов; в своей речи перед царем посол также коснулся казни короля, за что теперь виновники несут кару. И тут англичане нашли полное понимание.

Царь спрашивал о здоровье «безутешной вдовы блаженного мученика Карла I». На одном из обедов царь выпил кубок «в вечную память блаженного мученика Карла I, который после вынесенных в сем свете страданий несомненно наслаждается теперь в другом бесконечною славою».

Кроме того, англичане пытались удивить русских роскошью своих подарков, которые подробно перечисляются в «Реляции». Но уже на первой аудиенции посольство было поражено роскошью царского двора. Восседавшего на троне царя они сравнивают с сияющим солнцем, а сидевших вдоль стен бояр — с его лучами. Среди всего этого англичане почувствовали себя не в собрании людей, а в собрании богов. Царский обед, состоявший по меньшей мере из 500 блюд, продолжался около девяти часов. Правда, на этом пиру богов заморские гости заметили, что у пировавших не было салфеток, скатерть была так утикла, что не доходила до краев стола, а тарелки ни разу не меняли.

Но рядом с этой парадной стороной шли деловые переговоры, составлявшие главную заботу английского посольства. Уже на первой аудиенции Карлейль повел речь о заслугах англичан по открытию беломорского пути из Западной Европы в Россию, о возникшей отсюда взаимовыгодной торговле, откуда следовал вывод — пришло время воскресить английскую торговлю в России, вернуть англичанам их привилегии. Когда об этом встал вопрос на переговорах, русская сторона наотрез отказалась возобновлять привилегии английским купцам и обставила это рядом аргументов. Во-первых, торговые привилегии были отняты у англичан по просьбе самого Карла I. Он прислал Луку Нейтингалья, чтобы сказать, что в Англии революция, что купцы — сторонники революции и что у них пужно отнять торговые привилегии. Поэтому русская сторона сделала это в угоду тем же Стюартам. Во-вторых, английские купцы злоупотребляли предоставленными им привилегиями — продавали товары по более высоким ценам, чем в Англии, торговали контрабандой, продавали не английские, а чужие товары, выдавая их за свои, пускались на всякие уловки, чтобы не платить пошлины. В-третьих, англичане захватили в свои руки всю русскую торговлю, отчего русским купцам грозят убытки и разорение. И, наконец, в-четвертых, купцы, которым были дарованы привилегии, уже перемерли, и вопрос о привилегиях отпал сам собой.

В ответ англичане выдвинули целую батарею контраргументов. Говорили, что Нейтингаль — гнусный обманщик, которого никто не уполномочивал, что цены у англичан были ниже голландских и гамбургских, что торговать чужими товарами англичанам было запрещено, что русская сторона получала выгоды от английской торговли, что привилегии были даны не отдельным купцам, а компании в целом, что революция теперь погашена, а торговля должна служить дружбе между Англией и Россией. Русских эти аргументы не убедили. Тогда Карлейль попросил

приема у царя, где пустил в ход последний аргумент — обещал посредничество Англии в войне между Россией и Польшей, но и это не подействовало.

Возмущенный посол ответил дерзкой речью, а потом, когда дьяк Голосов доставил послу царский подарок — несколько тысяч соборей, — посол отказался его принять. Когда подарки несли обратно, возмущенный Голосов кричал, что в Русском царстве ничего подобного не случалось и что царь этого не потерпит. Свидетели этой сцены не сомневались, что англичане отправятся в Сибирь «для ловли соборей в царскую казну», а чины английского посольства весьма горевали, что из-за строптивости своего начальника они лишаются своей доли в получении соборей. Царь в ответ вернул подарки, полученные от Карлейля. Посольство реставрированных Стюартов, пробыв в России около года, уехало ни с чем.

Где причина провала миссии Карлейля? Дело заключалось не в заносчивости английского посла и даже не в казни Карла I — привилегии у англичан были отняты в России за год до казни короля. Русские феодальные круги и само правительство царя Алексея Михайловича политически сочувствовало Стюартам (вокруг казни Карла I было много шума), но отказ домогательствам посольства Карлейля был решен заранее, его провал был предопределен. Следующая затем миссия Хебдона была также неудачна. Привилегии англичан в России уже никогда больше не были восстановлены.

Действительная причина состояла в том, что теперь англичане были невыгодными торговыми партнерами. Такими партнерами оказались голландцы. Их товары были дешевле, вносили в царскую казну сбор — 15% стоимости продаваемых товаров, не говоря уже о том, что они щедры были на «субсидии» боярам и дьякам, от которых зависели торговые дела. Симпатии к голландцам были тем более понятны, что Стюарт Карл II отказал России в займе. Посольству Карла-Говарда Карлейля оставалось только покинуть пределы России.

5.

«ПУТЕШЕСТВИЕ КУНРААДА ФАН-КЛЕНКА К ЦАРЯМ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ И ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ»

(1677 г.)

Во второй половине XVII в. в борьбе с гегемонией Франции Людовика XIV в Европе складывается многочисленная коалиция — Голландия, Империя, Англия, Испания, Дания, Бранденбург и др. мелкие германские государства. Коалиция эта была крайне непрочно — некоторые ее члены недавно воссали друг с

другом,— но на известное время их объединила общая борьба с Францией. Союзником Франции выступала Швеция. Для коалиции было очень важно лишить шведов возможности посылать свои войска на Запад. Лучший способ для этого — навязать ей войну с Россией, с которой у Швеции шла борьба за Прибалтику. В 1675 г. Голландия, Империя, Бранденбург и Дания пытаются побудить Россию к войне со шведами. Дания делала это через своего резидента в Москве, но Империя, Бранденбург и Голландия снарядили в Москву специальные посольства, и о каждом из этих посольств остались письменные свидетельства.

Но оба сочинения об имперском посольстве¹⁵⁷, как и сочинение Скултетуса о посольстве Бранденбургском¹⁵⁸, уступают по своему значению голландскому «Посольству Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу»¹⁵⁹. Это и является причиной того, чтобы из этого комплекса сочинений о России рассмотреть книгу о путешествии посольства Кунраада фан-Кленка.

Россию и Голландию связывали давнишние интересы. Задолго до времени Алексея Михайловича Голландия пужна была России в борьбе за Прибалтику, оттуда к русским поступали боеприпасы, оттуда же они получали и мастеров. В России назревала необходимость в создании флота — нужна была помощь голландских мореходов (далеко не случайно первый русский корабль «Орел» строился в России голландцами и ушел в плавание с голландским экипажем). Впоследствии симпатии Петра I к Голландии рождались не на пустом месте. В свою очередь Голландия, как и Англия, была заинтересована в волжском пути для торговли с Персией — этот путь был для голландцев значительно дешевле и удобнее, чем путь через Смирну, который надо было защищать силами военного флота. Кроме того, Голландия помышляла о проезде через Сибирь для торговли с Китаем.

Эта заинтересованность сказалась и в деятельности посольства Кунраада Кленка. В Голландии шла борьба двух партий: купеческая олигархия была против войны, которая мешала торговле; оранжисты (приверженцы Оранского дома), опиравшиеся на более широкие слои купечества, в этот момент стояли за военное решение голландских проблем на международной арене. Кун-

¹⁵⁷ «Relatio... per Ad. Lyseck, dictae legationis secretarium». [Salisburgi, 1676]; C. Val. Wickhart. Moscovitische Reissbeschreibung, oder was sich mit der Röm. K. M. Leopoldi I Abgeordneten, zu dem gross czarn in Moscow Alechium Michalovitz in dem 1675 — sten Jahr zugetragen. [Wien, s. a.].

¹⁵⁸ «Beschreibung der zwoten Gesandtschaft, welche Joahim Scultetus, Königl. preussl. und churfürstl. Brandenburgischer geheimer Legations und Hofrath 1675 nach Russland angetreten». — «Magazin für die neue Historie u. Geographie von D. A. F. Büsching», t. IX. Halle, 1775.

¹⁵⁹ «Voyage van den Heere Koenraad van Klenk, Extraordinaris Ambassadeur van haer Ho: aen Zyne, Zaarische Majesteyt van Moscovien». Amsterdam, 1677.

раад Кленк, посланный в Москву правительством Вильгельма III Оранского, не имел поручения вести переговоры о торговле, тем не менее, он по собственной инициативе вел такие переговоры с русским правительством.

Заинтересованность в связях с Россией породила в Голландии довольно многочисленную литературу о России. На русском языке существует обстоятельный обзор ранних голландских сочинений о России, написанный А. М. Ловягиным¹⁶⁰. Литература эта появляется с начала XVII в. Следует указать на некоторые издания, имеющие наибольшее значение для историка. Это, прежде всего, известная работа Исаака Массы, о которой у нас речь уже шла¹⁶¹. Наряду с подобными сочинениями были попытки создать общие обзоры русской истории. Из таких книг выделяется работа Данкарта¹⁶². Данкарт дважды был в России. В первой части книги он дает обзор русской истории от Рюрика до избрания Михаила Федоровича, а «что из этого воспоследует, этому нас скоро научит время — мать правды». Вторая часть книги содержит этнографические сведения о современной автору России. Что касается исторической части, которую автор писал понаслышке, то она содержит много вымысла и искажений, а потому большого интереса не представляет. Часть этнографическая, написанная на основании собственных наблюдений и расспросов, имеет немало важное значение как документ эпохи.

Важные сведения о России содержат донесения голландских резидентов в Москве. Донесения эти появлялись и в русской печати¹⁶³.

И наконец, еще одним значительным голландским произведением о России XVII в. было интересующее нас сочинение о посольстве Кунраада фан-Кленка. Отец Кунраада Юрий Кленк со времен Василия Шуйского вел торговлю в России, имел дворы в Москве, Вологде, Холмогорах и Архангельске, был наделен торговыми льготами. Сам Кунраад Кленк (1628—1691) тоже торговал в России, прозывался Кондратием Юрьевичем Кленком, знал русский язык, потом вернулся в Голландию, стал политическим деятелем, в частности, депутатом Генеральных Штатов, значился шведским дворянином, владельцем Лойргейма и Орсена в Швеции, но торговли не бросал. Все это делает понятным, почему именно он был поставлен главой посольства в Москву.

Но автором сочинения о деятельности посольства Кунраада фан-Кленка был не сам посол, а один из дворян его посольства

¹⁶⁰ См. его введение в кн.: «Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу» (далее — «Посольство...»). СПб., 1900, стр. I—CLXXVI.

¹⁶¹ См. стр. 35—53 данной книги.

¹⁶² *Dankaart. Beschrijvinge van Moscovien ofte Ruslandt, gestelt in twee deelen.* Amsterdam, 1615.

¹⁶³ «Вестник Европы», 1868, №№ 1, 4, 8, а также «Сборник Русского Исторического общества», т. XXIV

Балтазар Койэтт. Что касается самого посла, то известно, что он вел путевые записки, но они не сохранились. Но сохранились его донесения своему правительству. Эти донесения служат дополнением, а то и поправкой к сочинению Койэтта.

Одной из особенностей книги Койэтта была ее обстоятельность. Все здесь разнесено по числам, дням недели, все привязано к определенному хронологическому ориентиру. Для любого факта указано место, где он совершился. Все «ипроисшествия», таким образом, строго размещены во времени и пространстве. Страсть к подробностям порой переходит в навязчивую дотошность, сочинение становится справочником. Если автор говорит о людях, то старается определить, сколько их, какого они чина и звания, а если это люди важные — тем более; если их немного — стремится дознаться их фамилии и имени. Если он говорит о вещах, то указывает сколько и чего было — в штуках, весом или в ином исчислении.

Этим сочинением можно пользоваться для справок по этнографии тогдашней России, по административному, финансовому, военному и судебному устройству русского государства в той мере, понятно, в какой все это было доступно автору, и в чем он смог разобраться. Примером может служить хотя бы следующее. Автор рассказывает о центральном управлении страной; он не преминул привести персональный состав высшей администрации — бояр, стольников, думных дворян, думных дьяков. Правда, для 1675—1676 гг. эти списки явно устарели. Среди бояр, например, значится князь Григорий Черкасский, к этому времени убитый в своей подмосковной деревне, или Иван Семенович Прозоровский, казненный Разиным в Астрахани, и т. д. Но именно в этой скрупулезности и состоит познавательная и историографическая ценность книги.

Сочинение Койэтта дает возможность сделать некоторые выводы о России XVII в. Это относится во многом к положению крестьянства. Сказания иностранцев, ездивших по маршруту Архангельск — Москва, являются источником, по которому можно представить себе положение крестьянства на этих территориях на протяжении XVI—XVII вв. Первыми тут стали ездить англичане, а первым из англичан в середине XVI в. проехал Ченслер. Он писал, что этот край «изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что кажется удивительным. Каждое утро вы можете встретить от семисот до восьмисот саней, едущих туда с хлебом, а некоторые с рыбой. Иные везут хлеб в Москву, другие везут его оттуда, и среди них есть такие, которые живут не меньше, чем за тысячу миль»¹⁶⁴.

¹⁶⁴ См.: М. А. Алпатов. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв., стр. 270.

Но в результате правления Ивана Грозного положение резко ухудшилось. Флетчер, видевший Россию в 1588 г.— через четыре года после смерти Грозного,— склонен был считать, что в России будет восстание¹⁶⁵. На рубеже XVI—XVII вв. действительно вспыхнула Крестьянская война (Иван Болотников) — правда, все проходило иначе, чем предсказывал Флетчер. В XVII в. происходит окончательное складывание крепостничества в России. Посольство Кленка было в России спустя каких-нибудь три года после разинского восстания. Современный наш читатель, естественно, ждет рассказа о разоренном крае и нищем мужике. Но неожиданно Койэтт, следуя все тем же маршрутом Архангельск — Москва, рисует довольно сносное положение крестьянства на Русском Севере.

Говоря о местах, которые они проезжали по Северной Двине, а от Вологды до Москвы на подводах, он то и дело прибегает к словам «прекрасно», «превосходно». Земля была возделана, народу встречалось много. «То мы видели землю под паром, то приятные долины, нивы с колоссящимся хлебом, приятные поля с высокою красивою травой»¹⁶⁶. И так до самой Москвы. «Мы проехали через много прекрасных деревень, а также мимо превосходнейшего города, называющегося Ростовом»¹⁶⁷.

Все это наводит на мысль, что в это время установление крепостничества на Севере еще не было завершено, положение крестьянства северных областей было лучше, чем в областях, более южных, охваченных разинским движением. Поморы, как известно, почти не знали крепостничества. Положение северного крестьянства в конце XVII в. было несомненно лучше, чем при Грозном. Заглядывая вперед, нужно сказать, что скоро оно ухудшится — при Петре I. И это вполне объяснимо — многолетние войны (Ливонская, которую вел Грозный, и Северная, которую вел Петр) ложились прежде всего на плечи крестьянства. Это, в известной мере, заметил и наш голландский автор: «В мирное время в Московии платится мало, в военное время подданные должны платить большие деньги»¹⁶⁸.

В связи с оживленной экономической жизнью на севере стояло развитие городов и складывание класса купечества. Вот посольство Кленка прибыло в Ярославль: «Мы проехали по некоторым улицам и видели прекрасные строения из дерева и камня. Наконец, нас привезли во двор русского купца Дмитрия Ивановича Боровского, который... по милости божьей так нажился от торговли, что считается имеющим капитал в более, чем 100 000 имперских талеров»¹⁶⁹. По Северной Двине обычным предметом тор-

¹⁶⁵ Там же, стр. 313.

¹⁶⁶ «Посольство...», стр. 558—559.

Там же, стр. 370.

¹⁶⁸ Там же, стр. 494.

¹⁶⁹ Там же, стр. 368.

говли была соль. Когда посольство плыло по Двине, оно встречало «разные суда с солью, которая получается из Соль-Вычегодска и из Соловецкого монастыря на Белом море, а иногда привозится с Кильдина или Вардегуза. Каждую лодку тащили вверх 40, 50, 60 и даже 70 человек, вплоть до Вологды, где груз выгружается»¹⁷⁰. Когда посольство прибыло в Тотьму, их приехал встречать «губернатор», рядом с которым в санях сидел «старый русский купец, которого звали Иосифом Андреевичем; он был очень богат и ежегодно получал до 40 000 гульденов дохода: у него было 8 солеварен, с которых он каждый год собирал 8000 рублей»¹⁷¹.

Голландцы не могли не обратить внимания на внешнюю торговлю России. Их наблюдения начинались с самой Голландии. Корабль, на котором ехало посольство, отплыл в Россию с *Московского* рейда на о. Тесселе. В Архангельске многое свидетельствовало о внешних связях России: «Суда, которые должны грузиться хлебом, идут вверх по реке... другие помещаются около Немецкой пристани, где находится и таможня. Здесь имеется несколько различных пристаней, между другими Английская и Клинкова, где также много товаров грузится на суда. Немецкая пристань, однако, самая лучшая»¹⁷². В городе построены гостиные дворы, где купцы разных стран складывают свои товары. Что собой представляли эти дворы, можно видеть из описания одного из них. Вот «прекрасный четырехугольный каменный двор, снабженный вышками, чтобы можно было ставить туда орудия. Это здание очень велико и высотой в три свода, построенные один над другим,— все окна и двери из двойного железа. Этот двор называется Немецким гостинным двором»¹⁷³. В Архангельске появилось иноземное население. «Здесь находятся различные голландские семейства, имеющие тут свое постоянное местопребывание и своего пастора, равно как и небольшую церковь, в которой, когда здесь происходит торговля, собирается много слушателей»¹⁷⁴.

Находясь в пути, посольство постоянно следило за прибытием в Архангельск иностранных судов; они «встретили лодку, которая 10 дней тому назад вышла из Архангельска; она принесла нам известие, что 17 голландских кораблей прибыли в Архангельск»¹⁷⁵. «В среду 29-го, рано утром... карбас, вышедший 4 дня тому назад из Холмогор, принес нам известие, что в Архангельск прибыли 28 кораблей, в том числе 3 английских»¹⁷⁶. В городах голландское посольство посещали иностранные купцы. В Вологде,

¹⁷⁰ «Посольство...», стр. 560.

¹⁷¹ Там же, стр. 352.

¹⁷² Там же, стр. 313.

¹⁷³ Там же, стр. 314.

¹⁷⁴ Там же, стр. 315.

¹⁷⁵ Там же, стр. 563.

¹⁷⁶ Там же, стр. 564.

папример, посол «угощал несколько немецких купцов; они получили хорошее угощение и в веселом расположении уехали». Там уже обосновалась иностранная колония. «В воскресенье 15 декабря... говорилась проповедь. Много немецких купцов с женами и детьми пришли слушать ее»¹⁷⁷. В частности, в Вологде посольство посетило дом вдовы Томаса Хебдона, брат которого Джон Хебдон был английским резидентом в Голландии. С Фомой (Томасом) Хебдоном мы еще встретимся как очевидцем казни Степана Разина¹⁷⁸. В Ярославле тоже обосновалось несколько семейств голландцев¹⁷⁹.

Тем более не мог голландский автор обойти Немецкую слободу в Москве. В ней живут «лишь немцы как голландские, так и лифляндские. Слобода пересекается многими красивыми улицами и приблизительно так же велика, как город Мейден. Здесь имеются четыре церкви — три лютеранские и одна реформатская»¹⁸⁰.

С внешней торговлей был связан вопрос об отношении русской стороны к англичанам и голландцам. Вопрос этот имеет две стороны. Русское правительство стремилось оградить отечественную торговлю от иностранной конкуренции; с этой точки зрения приходилось ограничивать купцов любой страны, в том числе и голландцев. Но если приходилось выбирать между англичанами и голландцами, то предпочтение отдавалось голландцам — их товары были и дешевле и лучше, не говоря уже о том, что англичанам могли припомнить, что они во время кромвелевской революции «Карлуса своего короля убили до смерти».

По дороге в Москву голландцы видели, что им явно отдают предпочтение перед англичанами. Двинский воевода Федор Полиевктович Нарышкин царской грамотой обязан был «изготовить дворы добрые в которых местех пригоже... давать подневного корму и питья: вина фрязские и горячие, и меды и пива добрые, и суды, в скольких мочно подняться до Вологды, потому изготовить добрые...» Словом, чтобы везде было «людно и стройно по посольскому обычаю». Когда посольство Кленка прибыло в Архангельский порт, оно имело все основания быть довольным встречей — русские музыканты «трубили все время в свои трубы, согласуя звуки их с нашими. Их литавры, барабаны и свирели звучали с большой силой, доставляя удовольствие нашему слуху»¹⁸¹.

Даже обычные препирательства между приставом и послом по поводу того, кому первому сходить с лодки или с коня, кому ехать на правой стороне и т. д., предупредительно кончались в пользу гостей. Особенно характерна сцена при высадке на берег.

¹⁷⁷ Там же, стр. 359.

¹⁷⁸ См. стр. 188—190 этой книги.

¹⁷⁹ «Посольство...», стр. 368.

¹⁸⁰ Там же, стр. 524.

¹⁸¹ Там же, стр. 295.

В донесении самого Кленка это выглядит так: голландский посол заявил, что в 1663 г. английский посол Карлейль ехал с приставни по правую руку, пристав — по левую, а посему не к лицу Голландии довольствоваться левой. Пристав послал гонца к воеводе за инструкциями, но в то же время «шеннул мне на ухо, что все это лишь про форма... Посланный, не успев, по-видимому, пройти и половины расстояния до помещения губернатора, вернулся с приказанием, чтобы полковник уступил мне правую руку»¹⁸².

Пристрастие русской стороны заметили и англичане и голландцы. Автор пишет: «Когда мы подошли к Архангельску, нас... приветствовали суда, стоявшие перед городом, всякими знаками почестей. Лишь 7 английских судов, мимо которых мы проехали, не отдали нам привета ни поднятием флагов, ни залпами из орудий, несмотря на то, что наши военные и купеческие суда во время приема их посла графа Карлейля отдали все знаки почести и уважения ему и несколько не сэкономили на порохе»¹⁸³. Воевода устроил голландцам в Архангельске такой прием, что посол в своем донесении имел все основания сказать, что радушие русских стоит вне всякого сравнения с тем, «как был принят 12 лет перед тем английский посол граф Карлейль»¹⁸⁴.

Когда отплывали из Архангельска по Двине, посол счел для себя обязательным поблагодарить воеводу «за хорошее попечение, которое его вельможность выказал, приготовив уже бурлаков и увеличив их число — мы слышали, что английский посол граф Карлейль на том же месте должен был ждать три дня бурлаков, которые потащили бы его лодку, и в конце-концов принужден был на свои деньги нанять людей»¹⁸⁵. Русские чиновные люди старались поддержать у голландцев убеждение, что им оказывают честь большую, чем англичанам. Сам Кленк в донесении писал, что бывший таможенный голова в Архангельске Василий Иванович Грудцын не оставил у него сомнений на этот счет. «Он рассказал мне... что, находясь в Архангельске, читал указ его царского величества губернатору архангельскому; в этом указе сказано, чтобы мне было оказано больше чести, чем английскому послу графу Карлейлю было оказано в 1663 г.». В действительности, эту версию Грудцын создал сам, ибо в указе царя Алексея Михайловича архангельскому воеводе Федору Нарышкину о Карлейле ничего не говорится¹⁸⁶.

В донесениях Кленка, написанных в дороге от Архангельска до Москвы, постоянно звучит мотив о том, что голландцам оказывают больше чести, чем англичанам. В этой мысли голландцев укрепляло и то обстоятельство, что везде их встречали дейст-

¹⁸² «Посольство...», стр. 296.

¹⁸³ Там же, стр. 295—296.

¹⁸⁴ Там же, стр. 309.

¹⁸⁵ Там же, стр. 319.

¹⁸⁶ Там же.

вительно радушно. В частности, в дороге с участием воевод устюжского и сольвычегодского был отпразднован день рождения Вильгельма Оранского. Была устроена внушительная иллюминация — зажгли около сотни смоляных бочек, в воздух поднялось множество ракет, к удивлению окрестного населения. Голландцы были в восторге от приема местных властей на всем пути следования.

И только при съезде в Москву произошла небольшая заминка — Кленк был представителем некоронованной особы. Но и это скоро было улажено. По распоряжению царя Кленка принимали так, как принимали шведского посла два года назад; по дороге от Ходынки до резиденции, предназначенной для голландского посольства, «производился барабанами, литаврами, свирелями и трубами такой шум, что трудно было сдерживать лошадей и многие русские получили повреждения»¹⁸⁷. Все должностные лица должны были первыми вставать перед голландским послом. Вопреки обыкновению, членам посольства еще до аудиенции у царя было разрешено выходить в город и т. д.

Но делая реверансы в сторону голландцев, русское правительство вовсе не собиралось вступать из-за них в войну со шведами. Посольству Кленка было заявлено, что со Швецией у России заключен вечный мир; обо всех недоразумениях речь будет идти на ожидаемой конференции, а там «до чего дойдет, тому окажет время». Кленк тогда стал добиваться, чтобы в Прибалтике Россия произвела бы военную демонстрацию, понудив Швецию воздержаться от переброски войск на Запад. Кленк получил от царя ведомость, согласно которой на шведскую границу будет послано в мае 1676 г. свыше 47 тыс. войска. Но и после этого голландская сторона не верила в столкновение России со Швецией из-за интересов западных государств. И это было близко к действительности — военный демарш русских лишь временно заставил Швецию воздержаться от отправки войск на западный театр войны.

Автор сделал немало отдельных наблюдений над современной ему Россией. Что касается положения крестьянства, то — как уже говорилось — у Балтазара Койэтта мы не находим указаний о тяжелом его положении на Севере. Видимо, в разных частях огромной страны это положение не было одинаковым. Но Койэтт указывает на тяжелое положение дворовых людей помещика в Северном крае. Это — рабы. Они получают самое скудное пропитание, «господа их отпускают им так мало, что они этим жить не могут»¹⁸⁸. В политическом отношении все население является бес-

¹⁸⁷ Там же, стр. CV.

¹⁸⁸ Там же, стр. 527.

правным. Это особенно относится к простому народу. Голландцы наблюдали, как их пристав распоряжался людьми, которые тянули вверх по течению лодки посольства; он занимался рукоприкладством и давал распоряжение о наказании батогами, что тут же исполнялось. Сам «его превосходительство, господин посол» имел повод для оказания благодеяния, о чем говорит хотя бы такой эпизод. Воевода «по просьбе его превосходительства оказал особую милость некоторым гражданам, которые были арестованы за неплатеж податей, и поэтому ежедневно получали много ударов палками по ногам; в знак уважения к его превосходительству, они на три дня были освобождены от ударов»¹⁸⁹.

Но и здесь на Севере чувствовались еще отзвуки разинского восстания. Участником посольства был Стрюйс — очевидец восстания на юге. В текст книги включен его рассказ о восстании. Подъезжая морем к Архангельску, посольство услышало о Соловецком восстании, в котором принимали участие прибывшие с юга разинцы. В Москве члены посольства ездили смотреть на еще не исчезнувшие останки Степана Разина на кольях; они же видели, как вели на казнь Фрола Разина¹⁹⁰. Когда посольство двигалось по Двине, каждый воевода считал своим долгом устроить банкет в честь гостей. За кого при этом пили? Помимо самого царя и членов царского семейства, царского тестя Кирилла Нарышкина, обязательно пили за «великого полководца князя Юрия Алексеевича Долгорукова» — палача разинского восстания. Правительственная пропаганда возвела его в ранг героя, за здоровье которого пили наряду с царской фамилией. Кстати сказать, князь этот был тогда на подъеме — в 1676 г. он стал начальником Стрелецкого приказа. Ирония судьбы состояла в том, что в 1682 г. он был убит именно стрельцами, которые добыли ему славу «великого полководца».

Говоря о государственном управлении, Койэтт, как и некоторые другие иностранные авторы, указывает на взяточничество: «Хотя принятие всяких подарков и приношений, под угрозой наказания кнутом, воспрещено, тем не менее оно повсеместно распространено, особенно у писцов, которые часто за подарки выдают тайны, находящиеся у них под руками. Да они даже ипогда идут к тем, кому это важно, чтобы за известное вознаграждение открыть им все. При этом часто происходят обманы. Боясь наказания, писцы часто пишут совсем не то, что находят в канцелярии»¹⁹¹. Это свидетельство перекликается с известным свидетельством Григория Котошихина.

Автор с интересом присматривался к Москве и к русским людям. Он дает описание Москвы. Это — один из многих рассказов иностранцев о русской столице в XVII в., но рассказ этот

¹⁸⁹ «Посольство...», стр. 354.

¹⁹⁰ Подробнее см. стр. 190—191 этой книги.

¹⁹¹ «Посольство...», стр. 493.

отличается от других своей конкретностью; автор умеет создать у читателя отчетливое, реалистическое представление о предмете. Вот, например, московские улицы. Они «широки и просторны. Осенью во время частых дождей они покрыты вязкою, глубокою грязью, на которую кладут... большие круглые бревна. Лишь Мясницкая улица, по которой часто проезжает царь, устлана еще досками поверх бревен. Но доски эти так грязны, что в дождь нужно надевать высокие сапоги. Части города, одна от другой, могут запираяться, вследствие чего в городе масса ворот. Между ними особенно замечательны Неглинные, крытые листовой позолоченной медью. Через эти ворота въезжают посланники, причем из помещения над воротами наблюдают за въездом царь, царица и несколько бояр из-за окон с густой решеткой»¹⁹².

Автор заметил, что у русских много церквей и много попов, но исполняют церковные установления русские очень формально. Это Койэт иллюстрирует на примере, к которому прибегали и другие иностранные авторы. Священник — уважаемое лицо, но вся его святость связана с шапочкой на его голове. «Священников... часто бьют, так как в пьянстве и в безнравственной жизни они превосходят всех. Поэтому, чтобы пощадить священную шапочку, ее сначала обыкновенно снимают у священника, а затем потихоньку опять кладут на голову, после того, как его хорошенько... отдули»¹⁹³. Всякие религиозные процессии у русских проходят с большой торжественностью. Каждый иностранец, попавший зимой в Москву, всегда стремился посмотреть крещенское водосвятие с участием царя и патриарха; Койэту повезло, и он одну из глав своей книги посвятил описанию кремлевского водосвятия.

Не один раз Койэт вспоминает о популярности хмельного в России. При этом признаком хорошего тона является пить до дна. Особенно это соблюдается, когда пьют за августейших особ. Тут частенько иностранцы не выдерживали: «Один из нашей свиты, когда пили здоровье его царского величества, не в состоянии был осушить своего ковша с медом и хотел потихоньку отставить его. Однако наш пристав, увидя это, не допустил его сделать так и сказал: „Это за здоровье его величества; ковш должен быть осушен: выпивай и хоть умри!“»¹⁹⁴.

Автора интересовали взаимные отношения между русскими и иностранцами. Он увидел, что русские решительно не терпели, когда иностранцы проявляли неуважение к их обычаям. В Архангельске шла религиозная процессия, в которой участвовал новый воевода, знаменитый Иван Андреевич Хованский (Тараруй). «Один из наших конюхов, смотревший на эту процессию, подстрекаемый несколькими пьяными английскими матросами, не захо-

¹⁹² Там же, стр. 525.

¹⁹³ Там же, стр. 333.

¹⁹⁴ Там же, стр. 360.

тел снять своей шляпы перед крестами и иконами, хотя его солдаты и предостерегали». Дело завершилось тем, что по требованию русской стороны послал «в присутствии пристава сильно наказал его и послал... к губернатору, где он коленопреклонениями и просьбами вымолил себе прощение...»¹⁹⁵.

Иностранцы, живущие в России, быстро усваивают обычаи русских. Голландское посольство провело в Москве Пасху 1676 г. и видело, как встречала Пасху Немецкая слобода. «В Москве принято, и у немцев и у русских, эту неделю угощаться, пировать и... напиваться ...это они называют хорошо угоститься»¹⁹⁶. Голландское посольство было приглашено к переводчику Посольского приказа Виниусу (сыну). Он встречал гостей уже совсем по-русски.

Известно, что в деревянной Москве тех столетий случались частые пожары, но по-настоящему их можно себе представить, когда послушаешь современника-очевидца. Случалось, что пожары вспыхивали по 4—5 раз в сутки. О размерах бедствия говорят многие приводимые факты. Вот некоторые из них: «В пятницу 19-го <июня> утром снова возник сильный пожар, продолжавшийся долго и простершийся от Петровских ворот внутрь белой стены до другого вала. Пожар поглотил до 3000 домов и от 300 до 400 человек, которых на следующий день по 8-ми и 10-ти опускали в могилы»¹⁹⁷. Даже с пожаром меньших размеров бороться было трудно. Перед тем был пожар, «унесший до 300-т домов, в том числе двор нашего пристава Юрия Петровича Лутохина, который раньше хвалился, что дом его не может сгореть, так как у него достаточно стрельцов... чтобы защитить его»¹⁹⁸.

Только большие людские массы были в состоянии бороться с огнем. «Когда мы вечером вернулись домой, великий боярин Юрий Алексеевич Долгорукий¹⁹⁹ послал господина Виниуса пригласить его превосходительство к себе; сам он находился в это время во дворе Лариона Ивановича <Иванова>, думного дьяка, полковника и начальника всех московских стрельцов... коего дом один лишь уцелел среди пожара, так как он воспользовался тысячами тремя стрельцов, чтобы оградить его от пожара, причем некоторые из них погибли»²⁰⁰. Пожары добрались и до дома голландского посольства — ему пришлось пережить немало невзгод. Когда посольство выехало из Москвы, то на расстоянии десятков верст его люди все еще видели поднимающийся над городом дым от пожаров.

Воды для борьбы с пожарами было слишком мало в городе; в ходу было единственное средство — разборка домов и перенос

¹⁹⁵ «Посольство...», стр. 566.

¹⁹⁶ Там же, стр. 473.

¹⁹⁷ Там же, стр. 520.

¹⁹⁸ Там же, стр. 508.

¹⁹⁹ Душитель разинского восстания.— М. А. «Посольство...», стр. 503.

их на другое место. В Москве выросла целая отрасль ремесла и торговли — постройка домов на продажу. «Дома эти сооружены из балок, скрепленных друг с другом так, что они легко могут быть доставлены куда будет угодно». У погорельца «если только он не купец, убыток певелик, а хлопот и того меньше. Дело в том, что он покупает за дешевую цену новый дом на рынке, а затем в немного дней дом уже поставлен на место и в нем уже живут люди. Часто бывает даже так, что во время пожара близкие к горящим уже зданиям дома разбираются и переносятся на более безопасные места»²⁰¹.

Пожары были бичом не только Москвы. По дороге между Архангельском и Москвой также можно было столкнуться с этим бедствием. Голландцы прибыли в село Бобровское на Сухоне. «Здесь обыкновенно достают свежих лошадей, но так как это село педель 6 или 7 тому назад наполовину выгорело, обстоятельства сильно изменились. Пока мы сидели в комнате, пришел к нам священник, чтобы собрать немного денег в пользу погорелой деревни и церкви, которая также погибла»²⁰².

Одним из итогов посольства были известия, которые оно привезло в Голландию о Сибири. Со времен Геродотовых о Сибири существовало представление, что это — оконечность мира, за пределами которой может существовать только ужас. Если Гомер рассказал легенду, что крайний Запад это — страна киммерийцев, куда не проникает луч света («киммерийская тьма»), то от Геродота мы знаем легенду о восточном пределе земли. Но в России Сибирь знали гораздо лучше, чем на Западе. Уже «Книга Большому чертежу» содержит сведения о географии Сибири. К середине XVII в. русские землепроходцы достигли Великого океана (походы С. Дежнева, И. Москвитина, В. Пояркова, Е. Хабарова). Ни у кого, как у русских людей, голландцы набрались сведений о Сибири, из которых у Койэтта в значительной мере состоит одиннадцатая глава его книги. Здесь приведены довольно подробные данные о географии и населении Сибири от Урала до Китая.

Свою информацию о зауральских областях голландцы получили, судя по всему, на обратном пути в Архангельск; это позволяет судить о том, что знали о Сибири на этой допетровской торговой и дипломатической дороге. Помимо чисто географических представлений здесь встречается знакомство и с естественными богатствами сибирского континента. «Эта земля — золотое дно его царского величества, как видно из следующего наглядного примера... В Сибири есть река, называемая Леною, которая ежегодно доставляет налогов соболями на 90 000 рублей или дукатов». Знания эти уже не ограничивались тем, что лежа-

²⁰¹ Там же, стр. 523—524.

²⁰² Там же, стр. 350.

ло на поверхности. «Здесь также много гор с железом, а некоторые думают, что тут находятся горы с другими металлами»²⁰³.

Книга Койэтта представляет интерес еще и потому, что голландское посольство оказалось в Москве в момент смерти царя Алексея Михайловича и восшествия на престол Федора Алексеевича. Первые две аудиенции голландцы нанесли Алексею Михайловичу. Описание этих приемов интереса не представляет — о таких приемах нам рассказывали не раз другие авторы. Зато Койэтт дает подробное описание болезни и смерти царя Алексея Михайловича, присяги новому царю Федору Алексеевичу и похорон старого царя. На двух последних аудиенциях их принимал уже Федор Алексеевич, который еще не был коронован, траур еще не окончился. «Это был молодой государь, довольно красивый, но, по болезни, с лица немного желтый и одутловатый. Он сидел на троне отца, покрытом также черным; сам его величество был одет в черную дамастовую одежду, подбитую соболями. На голове его была черная суконная шапка, подбитая соболями, а в руке костыль черпого дерева, на который он часто опирался, так как был очень слаб»²⁰⁴. Нужно заметить, что на 15-летнем Федоре Алексеевиче сказывалась наследственная болезнь Романовых — водянкой страдал и дед его Михаил Федорович и отец Алексей Михайлович.

Воцарение Федора Алексеевича означало победу партии Мирославских. Все ждали поэтому падения Нарышкиных и тех, кто был с ними связан. Это хорошо понимали и в иностранных кругах в Москве. Некоторые иностранные дипломаты на свою беду даже опередили события. Датский резидент Магнус Гэ, например, ожидая падения всесильного Артамона Сергеевича Матвеева, решил выместить на нем свое неудовольствие. Явившись к нему домой, он обругал его последними словами. Но Матвеев продолжал сохранять свое положение при дворе, и Гэ пришлось почувствовать тяжелую руку Артамона Сергеевича. Вест о падении Матвеева долетела до голландского посольства позднее, в августе 1676 г., когда оно уже было в Архангельске, чтобы отправиться на родину.

Когда голландцы двигались из Москвы в Архангельск, они обратили внимание, что на этом пути произошла смена воевод («губернаторов» — по терминологии автора). Со свойственной ему дотошностью Койэтт записал, что в Вологде вместо Федора Александровича Тышкевича уже сидел Иван Демидович Голохвастов. В Устюге вместо Матвея Филимоновича Нарышкина — Алексей Павлович Еропкин, а воеводу в Архангельске Федора Полиевктовича Нарышкина сменил Иван Андреевич Хованский.

Кстати сказать, из всех этих людей Тышкевич был довольно любопытной фигурой. С голландцами он говорил по-латыни и по-

²⁰³ «Посольство...», стр. 339—340.

²⁰⁴ Там же, стр. 484.

итальянски. «Это был очень вежливый и любезный человек, родом поляк, бывший на Украине провинциалом Доминиканского ордена и взятый там в плен во время русско-польской войны. Он пробыл 10 лет в изгнании в Сибири, где его обратили в русскую веру и женили на русской; после этого он, в конце-концов стал назначаться на воеводства... в эти и другие города и провинции»²⁰⁵. Пример не совсем обычного пополнения господствующего класса!

Из событий, о которых мы узнаем не из «Путешествия», а из донесений посла, достойна внимания встреча голландского посольства с послами из Монголии, которые следовали через Россию в Империю. «Один из этих послов сказал, что происходит от крови Александра Македонского, именно от одного из младших сыновей его, чем он не мало хвастался»²⁰⁶. Такая подробность очень важна. Она подтверждает тот факт, что поход Александра Македонского оставил след не только на Западе, но и на Востоке, поскольку и сам поход был попыткой сочетать западные и восточные элементы. Это давало возможность использовать имя Александра Македонского как в западной, так и в восточной традиции. Читая об уверениях монгольского посла о своем столь необычном происхождении, нельзя не вспомнить о новгородцах, которые были убеждены, что получили свою территорию по грамоте Александра Македонского.

Совершая свое путешествие в Россию, голландское посольство чутко ловило долетавшие до него известия о положении дел в войне с Францией. Особое значение для голландцев имела смерть знаменитого французского полководца Тюренна. Он погиб в битве при Нидер-Засбах еще до отъезда голландского посольства в Россию, но весть об этом нагнала посольство уже, когда оно двигалось по Двине. И голландцы отпраздновали это событие, используя все подручные средства. «Как только мы подошли к берегу, некоторые из нас высадились на сушу и развели огонь, на этот раз не только потому, что это входило в наше обыкновение: брошено было в огонь несколько деревьев и заодно зажгли 3 или 4 старых развалившихся строения в знак радости и чтобы отпраздновать победу императорских войск и смерть Тюренна. Хотя мы никогда еще не едали так поздно, мы весело пообедали и пили много славных здравниц»²⁰⁷. Уже на обратном пути они получили сообщение о победе датчан под начальством адмирала Тромпа над шведами. Но ликование было, кажется, уже не столь грандиозным.

Остается сказать об источниках, которыми пользовался Койэтт. Главный источник — собственные наблюдения. Сочинение Койэтта — рассказ очевидца. Но в отдельных случаях этих наблю-

²⁰⁵ Там же, стр. 361.

²⁰⁶ Там же, стр. 364.

²⁰⁷ Там же, стр. 323—324.

дений не хватало, и автор прибегает к заимствованиям. А. М. Ловягин — переводчик и комментатор «Посольства...» произвел лингвистический анализ текста. Выяснилось знакомство Койэтта с работой Данкаарта (на это наводит изложение истории самозванца), но сведения Койэтта более богатые — вероятнее всего они были дополнены расспросами русских людей во время пребывания посольства в Москве. Исторические экскурсы и этнографические подробности взяты у Олеария; при этом выяснилось, что автор пользовался немецким изданием Олеария. Что касается повествования об истории восстания Степана Разина, то источник его обнаруживается совсем легко, это, как уже говорилось — Стрюйс и записки английского моряка. Во время путешествия Койэтт, по всем данным, сам делал заметки. Они и составили основу его сочинения о пребывании в России.

6.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ИНОСТРАНЦЕВ О ВОССТАНИИ СТЕПАНА РАЗИНА

Восстание Разина, прогремевшее по всей Европе, не могло не привлечь внимание иностранцев²⁰⁸. Всякий иноземец, оказавшийся в это время в России, стремился сообщить все, что ему было известно о восстании. На известное время оно оказалось событием № 1 во всем, что касалось России. Объединяющим моментом для всех Записок иностранцев является враждебное отношение к Крестьянскому восстанию. Безымянный английский моряк завершил свои записки даже молитвой за победу царя Алексея Михайловича над всеми его врагами. Авторы различаются между собою лишь масштабами и характером сообщаемых сведений. С этой точки зрения они распадаются на две группы.

К первой принадлежит те, кому довелось быть очевидцем самого восстания, кто оказался в Астрахани или Черном Яру во время событий, там происходивших. Это — Стрюйс и связанные с ним Бутлер и безымянный автор дневника о плавании «Орла» по Волге до Астрахани, когда под городом расположились разинцы после персидского похода. Это — Фабрициус, свидетель событий в Черном Яру и взятия Астрахани Разинным.

Ко второй группе относятся иностранцы, оказавшиеся в Москве и ставшие очевидцами привоза Степана Разина в столицу и его

²⁰⁸ А. Попов. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857, стр. 17—20; В. И. Герценников. Об иностранных, современных событию, источниках для истории Разинского восстания.— «Научки записки науково-дослідчої катедри історії європейської культури. II. Історія і література». Харків. 1927, стр. 171—177; Б. Тихомиров. Источники по истории разинщины.— «Проблемы источниковедения», сб. I. М.—Л., 1933, стр. 64—67; «Записки иностранцев о восстании Степана Разина». Под ред. А. Г. Манькова. Л., 1968; «Иностранные известия о восстании Степана Разина». Материалы по исследованию. Под ред. А. Г. Манькова. М., 1975.

казни. Это — неизвестный английский моряк, первый описавший казнь Разина; это — Томас Хебдон, это — Рейтенфельс и наконец Койэтт, видевший останки Степана Разина через 6 лет после казни и видевший, как вели на казнь брата Степана — Фрола.

Следует обратить внимание на очень важное обстоятельство, относящееся к показаниям этой второй группы авторов. Дело в том, что к месту казни Степана Разина на Красной площади допускались *только иностранцы* — это было сделано из внешнеполитических соображений — поэтому русских свидетельств о самой казни Разина в распоряжении историка нет. Рассказы этой группы иностранных авторов являются поэтому единственными свидетельствами очевидцев этого события; только из них мы узнаем о героическом поведении вождя крестьянского восстания перед лицом смерти. В освещении событий, связанных с последним актом исторической трагедии восстания Степана Разина, Записки иностранцев играют первостепенную роль.

Записки Людвиг Фабрициуса (1671 г.)

Л. Фабрициус (1648—1729) служил наемником в русских войсках, подавлявших восстание Разина. В 1668 г., на год раньше Стрюйса и Бутлера, он попадает в Астрахань. В 1670 г. под Черным Яром, когда отряд воеводы С. И. Львова перешел на сторону восставших, Фабрициус попадает к ним в плен, возвращается в Астрахань; здесь судьба сводит его со Стрюйсом, Бутлером и медиком Термундом; в разное время они бегут в Персию. Но, узнав о подавлении восстания, Фабрициус вновь возвращается в Астрахань в то время, когда там еще был И. Б. Милославский; скоро ему довелось быть свидетелем кровавого режима, установленного там Я. Н. Одоевским. В 1673 г. он попадает в Москву, снова служит в русской армии, а в 1678 г. выезжает в Швецию. В течение двух с лишним лет Фабрициус был свидетелем событий, связанных с разинским восстанием.

Поступив на русскую службу вместе со своим отчимом — полковником Павлом-Рудольфом Беемом, — Фабрициус после окончания войны с Польшей в 1667 г. как адъютант полковника Беема оказался в войске И. С. Прозоровского, отправлявшегося против разинцев. В Саратове отряд перезимовал. Поэтому поначалу автор судит о восстании только по слухам. Он знает, что восставшие состоят из «всякого без разбору набранного лихого люда» и что их бесчинства затронули интересы не только частных лиц, но и всего государства. К фактам, которые дошли до автора понаслышке, принадлежит и знаменитая версия о красавице, которую Разин бросает за борт лодки. Версия Стрюйса у нас еще впереди — там речь будет идти о персидской княжне, которую Разин захватил в плен вместе с братом во время разгрома персидского

флота у Свиного острова, где персидским флотом командовал их отец. Пленного княжича Разин подарил астраханскому воеводе, а его сестру оставил у себя. При этом Стройс говорит, что он видел эту княжну в лодке с Разиным при второй встрече с атаманом.

Версия Фабрициуса совершенно другая. Этому посвящен довольно пространный рассказ. «...Стенька весьма необычным способом принес в жертву красивую и знатную татарскую деву. Год назад он полонил ее и до сего дня делил с ней ложе. И вот перед своим отступлением²⁰⁹ он поднялся рано утром, нарядил бедняжку в ее лучшие платья и сказал, что прошлой ночью ему было грозное явление водяного бога Ивана Гориновича, которому подвластна река Яик; тот укорял его за то, что он, Стенька, уже три года так удачлив, сколько захватил добра и денег с помощью водяного бога Ивана Гориновича, а обещаний своих не сдержал. Ведь когда он впервые пришел на своих челнах на реку Яик, он пообещал богу Гориновичу: «Буду я с твоей помощью удачлив, — то и ты можешь ждать лучшего из того, что я добуду». Тут он схватил несчастную женщину и бросил ее в полном наряде в реку с такими словами: «Прими это, покровитель мой Горинович, у меня нет ничего лучшего, что я мог бы принести тебе в дар или жертву, чем эта красавица». Был у вора сын от этой женщины, его он послал в Астрахань к митрополиту с просьбой воспитать мальчика в христианской вере и послал при этом 1000 рублей»²¹⁰.

Таковы эти две версии. Перед нами, так сказать, татарский и персидский варианты то ли легенды, то ли своеобразной были. Как их следует оценить? Бросается в глаза, что ни в одном русском историческом документе мы не находим ни строчки об этой истории. Осталась лишь русская фольклорная традиция, повествующая и о сыне Степана Разина и о персидской княжне²¹¹.

²⁰⁹ Из Яицкого городка (Гурьев). — М. А.

²¹⁰ «Записки иностранцев о восстании Степана Разина» (далее — «Записки...»), стр. 47.

²¹¹ Популярная песня о Стеньке Разине, вытеснившая собой другие песни и живущая по сей день, рассказывает о персидской княжне. Без персидской княжны старается не обходиться ни одно художественное произведение любого жанра, созданное на сюжет о Разине. О сыне Степана Разина существует свыше 130 песенных вариантов XVII в. В них говорится, что появился детинушка, добрый, разудалый молодец. Где? То в Саратове, то в Царицыне, но чаще всего в Астрахани. При этом Астрахань явно претендует быть единственным местом действия: «Не в Саратове то было; было в Астрахани» — утверждает в некоторых вариантах. В одном из вариантов говорится, что зовут его Василием Степановичем. Откуда он родом? Иногда можно встретить — «Я со матушки со Волги, Стеньки Разина сынок». Но гораздо чаще и на разные лады рассказывается — «Я не Дону казак, и не с Волги бурлак, я со Камы реки, Стеньки Разина сынок!» Никогда не ставится под сомнение его русское происхождение. Появляется он в центрах разинского движения. Что он делает? Он поносит всячески царские власти, губернатор сажает его в тюрьму, но отец со своими

О любовной истории Степана говорят иностранцы — очевидцы восстания. И уж если сравнивать версию Фабрициуса и версию Стрюйса, то оказывается следующее. У них не совпадает *время* действия — у Фабрициуса Степан утопил возлюбленную *до* Персидского похода, у Стрюйса — *после* похода. Не совпадает *место* действия. У Фабрициуса это происходит *на Яике* (Урале), у Стрюйса — *на Волге*. У Фабрициуса возлюбленная Степана — *татарка*, у Стрюйса — *персиянка*.

Какой вариант вероятнее? Вариант Стрюйса выглядит более правдоподобно. Во-первых, он сам видел персидскую княжну в лодке Степана. Доказательства у него нет, но не верить ему у нас тоже нет оснований. Во-вторых, сам эпизод у Стрюйса выглядит более естественно: буйный и перепивший Степан бросает возлюбленную в «набежавшую волну». Тут вполне могла быть уместна и та причина, о которой рассказывает традиция — недовольство подчиненных на то, что атаман их «на бабу променял». У Фабрициуса это изображено в виде языческого жертвоприношения, в форме целого ритуала. Видимо, предпочтения заслуживает версия Стрюйса, но решается ли этим вопрос о достоверности любовной эпопеи Степана Разина? Перед нами случай, когда Ломоносов сказал бы: «Вероятности отрещись не могу, достоверности не вижу».

С момента своего прибытия в Астрахань, а это примерно совпало с возвращением разинцев из персидского похода под Астрахань, показания Фабрициуса становятся свидетельствами очевидца. Известно, что в этот момент устанавливается своего рода перемирие между восставшими и правительством. Где причины этого примирения? Автор дает на это вполне резонный ответ; что касается царского правительства, то его позиция понятна — оно хотело успокоить выходящую из повиновения народную массу; во всей стране создалось напряженное положение и в той же Астрахани «стало беспокойно». Поэтому «вытащили на свет царскую грамоту, писанную еще три года назад, в которой Стеньке были обещаны царская милость и прощение в случае, если он со своим воровским скопцем утихомирится и вернется на Дон»²¹².

У Разина тоже были основания пойти на перемирие. До сих пор «над такой милостью он уже не раз насмеялся, однако теперь он был в безвыходном положении и поэтому охотно принял эту милость». Обе стороны пышно отметили примирение; и те и другие «палили из пушек. Русского дворянина, который привез Стеньке грамоту, он щедро одарил прекрасными золотыми вещами, шубами на собольем меху и разными дорогими персид-

молодцами освобождает сына. Во всех вариантах ясна тенденция — в сыне видеть продолжателя дела отца — но все это не выходит за рамки творческой фантазии («Исторические песни XVII века». М.—Л., 1966, стр. 159—253).

²¹² «Записки...», стр. 48.

скими тканями. Что получил генерал²¹³ — неизвестно, но точно известно, что была привезена куча ценных вещей, в особенности жемчугов, прекрасных конских сбруй, усыпанных жемчугом и бирюзой, а также куча серебра и золота. Дешево достали, дешево и отдали. Затем генерал принял Стеньку в названные сыновья и по русскому обычаю подарил ему образ Девы Марии в прекрасном золотом окладе. В надлежащем месте, однако, к этому отнеслись весьма неодобрительно»²¹⁴.

Разинцы расположились лагерем под Астраханью, образовалась торжище, о котором сообщают все очевидцы и особенно подробно Стрюйс. Если говорить о Фабрициусе, то он прибавляет к общей картине некоторые подробности: «Стенька вместе с нами прибыл в Астрахань, где ему и его воровским людям была дана воля открыто торговать захваченными в Гиляне вещами и людьми, так что персидские купцы выкупили тут всех людей. Одного знатного дворянина вор велел повесить за ребра. Эта торговля людьми продолжалась около шести недель, в течение которых господа правители города неоднократно звали Стеньку к себе в гости, что не проходило без богатых подарков»²¹⁵.

Подробности эти очень важны. Они свидетельствуют о позиции борющихся сторон. Царская администрация всячески искала примирения с Разиным — к этому ее вынуждало общее тревожное положение в стране. Разин же не думал о примирении, — расправа с дворянами продолжалась. Перемирие для него было передышкой в его дальнейшей войне. Это показали дальнейшие события; они начались с той же Астрахани. «В это время у Стеньки была прекрасная возможность ознакомиться с состоянием Астрахани и разведать, что думает простонародье. Он сулил вскоре освободить всех от ярма и рабства боярского, к чему простолюдины охотно прислушивались, заверяя его, что все они не пожалеют сил, чтобы прийти к нему на помощь, только бы он начал»²¹⁶.

А далее шло естественное развитие событий, о чем и рассказывает Фабрициус. Разин двинулся вверх по Волге и ушел на Дон. След Разина для Фабрициуса теряется у Папшина-городка на Дону, о деятельности разинцев в донских краях ему ничего неизвестно, но он не сомневается, что разинское движение развивалось. «Здесь он сразу же начал тайком привлекать к себе простых людей, одаривая их деньгами и обещая им большие богатства, если они будут с ним заодно и помогут ему истребить изменников-бояр». Манера наемников, к которым принадлежали иностранцы, наблюдавшие разинское восстание, во всем видеть деньги и подкуп не смогла закрыть главного — движение было направлено против боярского режима. В этих местах разинцы перезимовали, а затем подступили к Царицыну. О судьбе Цари-

²¹³ С. И. Львов.— М. А.

²¹⁴ «Записки...», стр. 48.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Там же.

цыпа автор сообщил очень кратко: Разин «сразу же потребовал, чтобы ему открыли ворота города. Подлые каналы сразу же согласились»²¹⁷.

Царицын сыграл огромную роль в дальнейших событиях. Фабрициус отдавал себе полный отчет в стратегическом положении этого города: «По всему понизовью и в городах земледелием не занимаются, а получают все потребное зерно из Нижнего Новгорода и Казани, причем все везется оттуда вниз по Волге на больших баржах, которые называются насадами, и таким образом, все, что везут в Астрахань, идет мимо Царицына. Это прекрасно учел Стенька Разин. Он занял все течение Волги, так что ничто не смогло попасть в Астрахань. Тут он захватил несколько сот куцов и их товары..., дукаты, рейхсталеры, много тысяч рублей русскими деньгами и всякие иные товары, поскольку эти люди вели большую торговлю с персами, бухарцами, узбеками и татарами»²¹⁸.

Судя по всему, Фабрициус хорошо понимал и стратегический план царских воевод в войне с восставшими; он сводился к тому, чтобы именно в Царицыне с севера и юга «зажать Стеньку Разина в тиски». Из Москвы туда было послано четыре полка стрельцов, из Астрахани на Царицын двинулся большой отряд воеводы Львова; при всей разноречивости данных о его численности в нем было не менее трех тысяч человек. Какова судьба этого большого наступления на Разина? Стрелецкие полки с севера «приплыли на больших стругах, к воде были непривычны и их разбила наголову. При этом Стенька Разин получил большое количество амуниции, артиллерийских орудий и всего, в чем у него была нужда». Обращает на себя внимание важная подробность этого боя — превосходство казаков в сражении на воде. Это был период, когда все походы донцов совершались на стругах. Привычка донца к коню — явление более позднее, когда турецкий Азов и царская Астрахань загородили донцам выход в Черное и Каспийское моря.

В двигавшемся из Астрахани отряде Львова находился сам автор. Отряд пришел в Черный Яр; несколько дней пытался добыть известия о разинцах, но безуспешно, в то время как разинцы знали все. Перед стрельцами противник появился «прежде, чем мы могли ожидать этого или получить какие-либо сведения о нем». В поле друг перед другом выстроились стрельцы и разинцы. Восставшие были очень плохо вооружены, многие имели только палки. Но стрелецкое командование, видимо, понимало всю *политическую* слабость своего воинства: «генерал князь Семен Иванович Львов обошел строй, призывая всех и каждого помнить о своем долге, хранить верность присяге, данной его царскому величеству, и сражаться с бессовестными бунтовщиками как подобает честным воинам. В ответ все как один закрича-

²¹⁷ Там же. стр. 49.

²¹⁸ Там же.

ли, что, разумеется, они все готовы отдать свою жизнь за его царское величество и будут биться до последней капли крови»²¹⁹. Но бой, к которому воевода так торжественно готовился, не состоялся — войско князя Семена Ивановича перешло на сторону Разина. Стрельцы между собой «стакнулись и решив, что им представляется возможность, о которой они так давно вздыхали, тотчас перешли к врагу с развернутыми знаменами и барабанным боем. Там они стали целоваться и обниматься и договорились стоять друг за друга душой и телом, чтобы, истребив изменников-бояр и сбросив с себя ярмо рабства, стать вольными людьми»²²⁰.

Очевидец Фабрициус оставил нам живое описание того, что происходило в этот момент. Командный состав стрелецкого войска был ошеломлен таким оборотом дела, «генерал глядел на офицеров, офицеры на генерала и никто в растерянности не знал, что нужно предпринять. Один говорил одно, другой — другое, наконец, порешили, что следует сесть с генералом в его струг и таким образом ретироваться в Астрахань. Но воровские стрельцы в Черном Яре, стоявшие на валу и башнях, повернули пушки и открыли огонь по нам. Часть их выскочила из крепости и перерезала нам дорогу к стругам, так что некуда было податься. Между тем... те, что присоединились к казакам, налетели на нас с тыла. Нас было всего человек 80 офицеров, дворян и писарей. И тут бы быть резне, да Стенька Разин сейчас же отдал приказ не убивать больше ни одного офицера, ибо среди нас, верно, есть все же хорошие люди, таких следует пощадить. Напротив тот, кто плохо обращался со своими солдатами, понесет заслуженную кару по приговору атамана и созванного им Круга»²²¹.

Достойны внимания сведения, сообщаемые иностранцем, — попытка Разина внести в движение элементы организации — решать вопросы на казачьем Круге. В данном случае на этом традиционном сходе решались вопросы — о судьбе царских офицеров, дележе военной добычи и о дальнейших военных действиях. На Круге выяснилось, что «среди офицеров нет ни одного, кто заслуживал бы пощады», все офицеры были казнены. Уцелело только двое — сам князь Семен Иванович и наш автор, и оба по причинам, о которых можно только гадать. Если говорить о князе Львове, то источники единодушны в том, что за него на Круге просил сам Разин. Почему? Именно это и остается неясным. Возможно, с Львовым — князем и воеводой — Разин связывал какие-то свои планы, но нельзя не считать это и с тем фактом, что при заключении перемирия под Астраханью Львов был объявлен нареченным отцом Степана и это было скреплено икопой. И для самого Разина и для казаков это имело свое значение. Именно на это и ссылается автор.

²¹⁹ «Записки...», стр. 49—50.

²²⁰ Там же, стр. 50.

²²¹ Там же.

О своем спасении Фабрициус сообщает скупо. Когда он стоял вместе с другими офицерами в Кругу и ждал смерти, к нему подошел его денщик, перешедший на сторону противника, и повел его, полуживого от страха, сквозь скопление разинцев вниз к берегу. Там он обрезал ему длинные волосы, передел его в грязную одежду и спрятал в струге. Что могло быть причиной спасения? Хорошее обращение с подчиненными? Это исключается, потому что сам же автор говорит, что он «не смел показываться на глаза нашим бывшим солдатам». Но увести обреченного с Круга на глазах у разинцев можно было, разумеется, только по распоряжению атамана и самого Круга. Вероятнее всего, Фабрициус своей жизнью был обязан денщику, который аттестовал своего офицера перед атаманом как нужного восставшим военного специалиста. Во всяком случае на берегу денщик «освободил мне руки, разрезал веревки и сказал, чтобы я успокоился, он же за меня заступится и сделает все от него зависящее, чтобы сохранить мне жизнь». Возможно, тут что-то не договаривает сам автор, но могло быть и так, что он просто не знал, почему его освободили. Затем его взял под свое покровительство иностранец, поступивший на службу к разинцам.

Словом, на войсковом Круге решались вопросы жизни и смерти. Вся военная добыча была снесена к войсковому знамени — бундуку и разделена между всеми. То же происходило в каждом городе, взятом разинцами, причем жители города тоже имели право на участие в дележе. Это право носило даже принудительный характер. Военный быт разинцев отражал старинные традиции, сложившиеся на Дону.

После взятия Царицына надо было решать — как быть дальше? Вопрос шел о том — углубиться ли в страну вверх или сначала обезопасить себя от Астрахани. Последнее посчитали более благоразумным и выгодным, поскольку, захватив Астрахань, они обеспечили бы себе тыл и таким образом смогли бы беспрепятственно подниматься вверх по Волге до самой Казани»²²². Такое решение тем более понятно, что из Астрахани на них уже был брошен отряд Львова. И разинцы двинулись на Астрахань. Фабрициус как профессионал-военный понимал, что этот поворот назад был вызван чисто военными соображениями. Что касается социальной стороны дела, то восставшие принимали ее во внимание при любых вариантах своих военных планов. Это тоже хорошо усвоил наш голландец, попавший в стан Разина. Если восставшие двинутся на север, то в Казани «все жители с ними заодно и при их приближении уж расправятся с правителем города и со всеми офицерами»²²³. Того же нужно было ожидать и при походе на Астрахань.

²²² Там же, стр. 51.

²²³ Там же, стр. 51—52.

Фабрициус сообщает любопытные подробности взятия этого города. Разинцы подошли к астраханским садам. «Отсюда изменившие нам стрельцы и солдаты стали кричать, что если даже их братья, отцы или дети вздумают обороняться, они не пощадят своих собственных родителей, жен и детей, а всех порубят в куски, пусть они откроют ворота и выйдут навстречу своему отцу-избавителю Стеньке и с радостью его примут, бояр же и всех больших и малых начальных людей схватят и порубят в куски. Тогда их отец и спаситель Стенька примет их как друзей и братьев»²²⁴. Эти призывы не были безответны: «Пока заготавливали множество осадных лестниц, каждый день приходили перебежчики и заверяли Стеньку, что как только он подойдет под стены крепости, они с радостью примут лестницы; но ему следует остерегаться голландцев-корабельщиков, ибо им поручена охрана одних ворот, и они должны пупкой заштитить две куртины, а они с орудием обращаться умеют»²²⁵. Решимость расправиться с врагами у восставших возросла еще более, когда астраханский воевода Прозоровский велел отрубить головы посланным к нему парламентарам.

Начался штурм города. Очень быстро все было кончено. Город пытались защищать лишь оказавшиеся в Астрахани персидское посольство и персидские купцы, да голландцы — это были Бутлер и оставшиеся с ними люди с «Орла». Но «была измена, куда ни глянь». Не мало легло казаков, но в конце-концов голландцы сдались, а из-за недостатка боеприпасов пришлось сдаться и персам. Разин оставил их в живых. Фабрициус не жалеет красок, живописуя расправу восставших со своими недругами в частности, казнь воеводы Прозоровского и его сына, но он отмечает и факты иного рода. Оказывается, Разин «среди своих казаков... хотел установить полный порядок... Проклятия, грубые ругательства, бранные слова... все это, а также блуд и кражи Стенька старался полностью искоренить. Ибо если кто-либо уворовывал у другого что-либо хоть не дороже булавки, ему завязывали над головой рубаху, насыпали туда песку и так бросали его в воду. Я сам видел, как одного казака повесили за ноги только за то, что он походя ткнул молодой бабе в живот»²²⁶.

Трофейное имущество, как всегда, делилось между всеми поровну. Об этой дележке в Астрахани автор говорит довольно подробно. Имущество это «было разложено по кучам, рассчитанным на 1000, на 100, на 50 и на 10 человек, а затем было приказано под страхом смерти явиться под знамя, чтобы получить свою долю добычи. Даже митрополита и генерала-воеводу обязали получить свою долю от этой добычи. Я тоже был одним из получающих, но что творилось у меня на душе, одному богу известно».

²²⁴ «Записки...», стр. 52.

²²⁵ Там же, стр. 53.

²²⁶ Там же, стр. 53—54.

В июле 1670 г. Разин с главными силами ушел вверх по Волге. В Астрахани разинскую администрацию, как известно, возглавили Василий Ус, а затем Федор Шелудяк — два крупных сподвижника атамана. Это свидетельствует о том значении, какое Разин придавал Астрахани как своей главной базе на юге. Совершенно не случайно упорство, с которым этот город держался потом против царских войск. Фабрициус мало что может сообщить о положении в Астрахани после ухода Разина на север. Но заслуживает внимания его сообщение, которого нет в других источниках: Федор Шелудяк «сразу велел огласить, что купцам-иноземцам даруется право свободной и беспошлинной торговли. Однако у иноземцев не было охоты торговать с ворами и мошенниками»²²⁷. Видимо, разинцы пытались возродить Астрахань как давнишний русский центр международной торговли, но обстановка этому не способствовала.

Известно, что вскоре после ухода Разина из Астрахани там состоялось новое выступление народной массы против феодальной реакции, возглавляемой митрополитом Иосифом. Фабрициус знает об этом лишь только, что «собралась толпа этих воров в несколько сот человек. Они вломилась в дома людей, уцелевших во время первой резни, и порубили и разорили все, что еще оставалось»²²⁸. Причина этой неосведомленности состоит, видимо, в том, что Фабрициус был слишком занят самим собою; вместе с другими иностранцами он собирался бежать из Астрахани.

У нашего автора говорится о нескольких иностранцах, оказавшихся в этот крутой момент в Астрахани. В Царицыне ему встретился «польский дворянин Вонзовский, который год назад был взят казаками в плен и со временем так прельстился разгульной жизнью, что поступил на службу к этим разбойникам. И вот я попросил его по старому знакомству взять меня под защиту... Этот поляк пошел сразу к Стеньке и заявил, что один молодой офицер остался еще в живых после последней резни и что я его сводный брат, поэтому он просит, чтобы меня отдали под его начало, а он командовал сотней этих висельников. Стенька в знак милости тотчас дал ему свою печать, оттиснутую на воске»²²⁹. Пример того, что иностранцы не только принимались Разиным на службу, но и занимали командные должности, были вхожи к самому атаману.

На службе у Разина оказался и сам автор. В своих Записках он изображает себя больным и несчастным. Но дело-то в том, что в Астрахани он встретил и Стрюйса и Бутлера, а оба они оставили свои Записки о событиях в Астрахани. Из их аттестации Фабрициус выступает чрезвычайно оборотистым молодым человеком, который служил у разинцев, чувствовал себя с ними запр-

²²⁷ Там же. стр. 58.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Там же. стр. 52.

сто, сам уже ходил к Разину просить за иностранцев; за такие ходатайства полагалась смерть, но с Фабрициусом ничего худого не случилось. Капитан Бутлер, медик Термунд и Фабрициус — не говоря о Стрюйсе, который бежал раньше, — вместе обсуждали план побега в Персию; Бутлер и Термунд обманным путем выехали под поручительство Фабрициуса, следовательно, он пользовался доверием у Федора Шелудяка, перед которым он ручался. Кстати сказать, бежавшие Бутлер и Термунд должны были в условленном месте дожидаться Фабрициуса, но делать этого не стали, полагая, что уж он-то не пропадет, тем более, что он знал русский язык.

Но когда пришло время бежать самому Фабрициусу, то он уже решил обойти Шелудяка. Он сообщает, что в Астрахани помимо начальствующего в городе был еще и комендант Кремля. Шелудяк «начальствовал в городе; Карне, столетний старик, начальствовал в Кремле». Это — явный иностранец, и чувствовал себя совсем неплохо; уж не говоря о его высоком положении, «такому-то старику наша брэнная жизнь была еще так мила, что он — на 104-ом году жизни — снова жепился. К нему я и заявился с просьбой разрешить мне съездить в Тарки, чтобы закупить немного припасов, поскольку время осеннее и приближается зима. Этот старый висельник отпустил меня охотно... Я получил кончик веревки с двумя навизанными на нее пуговицами и с печатью атамана. Два узелка означали двух человек»²³⁰.

Ни один русский источник, как известно, не говорит об иностранце, начальствующем лице в Астрахани. Но Бутлер знает наряду с русским начальником и некоего начальника, «крещенного в русскую веру». Поэтому может статься, что комендантом астраханского кремля, как уточняет Фабрициус, и был Карне — иностранец. Это еще один человек с Запада, о котором говорит наш автор. Он выступает даже в ранге одного из видных руководителей разинского движения.

Фабрициус бежал из Астрахани вслед за Стрюйсом, Бутлером, Термундом и другими членами экипажа «Орла». С ними он встретился уже за русскими пределами. Но в отличие от своих попутчиков, он вернулся в Астрахань после того, как она была сдана Шелудяком войскам И. Б. Милославского в ноябре 1671 г. При Милославском он мог наблюдать сравнительно спокойный режим. Тот факт, что участники разинского движения, в том числе и сам Ф. И. Шелудяк, не преследовались, заставляет думать, что именно на этом условии и была сдана Астрахань.

Но Фабрициус сразу же почувствовал разницу, когда вместо Милославского был прислан Я. Н. Одоевский — заплечных дел

²³⁰ «Записки...», стр. 60—61.

мастер, возглавлявший до этого, в частности, Приказ сыскных дел. Впечатляющее описание Фабрициуса дает отчетливое представление о том, что творилось в городе после того, как «генерала», связанного обязательствами капитуляции, сменил правитель, присланный «для наведения порядка». Одоевский — «безжалостный человек. Он был сильно ожесточен против бунтовщиков. Так как генерал взял Астрахань по добру, то он обещал прощение всем, кроме главарей. А Одоевский велел взять под арест всех астраханских жителей вместе с генералом и всем его войском. Свиристствовал он до ужаса: многих повелел кого заживо четвертовать, кого заживо сжечь, кому вырезать из глотки язык, кого заживо зарыть в землю. Под конец, когда народу уже осталось мало, он приказал срыть весь город. По его приказу люди стали вновь строить дома за городом. Когда дома уже были наполовину выстроены, он приказал снова разобрать, и людям пришлось снова перевозить срубы в Кремль. При этом им приходилось самим с женами и детьми таскать телеги взад и вперед, ибо лошадей не было... После такого его длительного тиранства не осталось в живых никого, кроме дряхлых старух да малых детей»²³¹.

Почти год наблюдал Фабрициус этот ужас в Астрахани, наконец, в мае 1673 г. оказался в Москве и снова стал служить в русских войсках. Из всего, что он сообщает об этих годах, заслуживает внимания его характеристика режима, установившегося при молодом царе Федоре Алексеевиче. Главой этого режима был глава рода Милославских — Иван Михайлович Милославский. Режим произвола установился и в армии. «Каждый искал помощи у своих добрых покровителей. Однако дядя царя был знатен и могуществен, делал все, как ему вздумается. Он был богат и внушал молодому царю все, что хотел. Лишь тот, у кого была красивая жена или дочь, мог чего-либо добиться»²³².

Даже выдавший виды Фабрициус не выдержал и отправился искать себе удачи в Швецию.

Ганс Стрюйс.
«Путешествие в Московию, Татарию, Ост-Индию»
(1677 г.)

Письмо капитана Давида Бутлера

Голландец Стрюйс пробыл в России менее двух лет (с сентября 1668 по июнь 1670 г.), однако его записки о путешествии в Россию заняли не последнее место среди Сказаний иностранцев о предпетровской Руси. Его книга «*Voyagien door Moscovien, Tartarien, Oost-Indien*» вышла в 1677 г. в Амстердаме и с тех пор многократно переиздавалась на Западе в различных переводах. Причина интереса к его «Путешествиям» в их русской части состояла

²³¹ Там же, стр. 68—69.

²³² Там же, стр. 70.

не столько в общих сведениях о России, где автор не был оригинален, а в том, что в его сочинении содержатся сведения о восстании крестьян под руководством Степана Разина в той мере, в какой это событие было доступно наблюдению автора, как и капитану корабля Давиду Бутлеру, письмо которого служит дополнением к сочинению Стрюйса.

В России сочинение Стрюйса стали переводить одним из первых. Это случилось при Петре I в связи с ростом интереса к Западу и в особенности к Голландии²³³.

Появление Стрюйса в России было своего рода знаменем времени. В предпетровское время сильные позиции на знаменитом торговом пути Архангельск — Астрахань занимали голландцы, потеснившие тут англичан, особенно после Английской революции. В канцлерство А. Л. Ордына-Нащокина русское правительство решило стать хозяином положения на этой торговой дороге. Замысел состоял в том, чтобы вырвать выгоды оживленной торговли на русском маршруте из рук иностранцев с Запада, привлечь в Россию восточных купцов. Но для этого нужно было сделать дорогу безопасной от нападения донских казаков и окрестных племен — и не только на Волге, но и на Каспийском море. Нужен был флот, и по распоряжению царя Алексея Михайловича в селе Дединове на Оке стали строить флотилию. Был построен, однако, только корабль «Орел» и некоторые мелкие суда. Характерно, что овладевать этим водным путем в России думали при помощи тех же голландцев. Экипаж «Орла» составили 20 моряков, нанятых в Голландии. Капитаном был Давид Бутлер, парусным мастером — Ганс Стрюйс.

Поле наблюдения Стрюйса — обычное для иностранцев, проезжавших по тогдашнему маршруту из Западной Европы в Россию, с той лишь разницей, что до Москвы он ехал не из Архангельска, а из Прибалтики через Новгород: в ожидании отправки на «Орел» интересовался Москвой, а затем проехал водным путем до Астрахани и прожил некоторое время в этом городе.

Что же увидел Стрюйс на этом изъезженном иностранцами маршруте? Это был простой человек — положение парусного мастера мало чем отличалось от положения рядового матроса; наш

²³³ Сначала перевод был поручен «иноземцу Венедикту Шиллингу». Но этот перевод с голландского оказался неудачным из-за плохого знания Шиллингом русского языка. Тогда предприняли другой перевод (с французского). Переведен был первый том сочинения Стрюйса (лионское издание имело два тома). Перевод издан в 1719 г. (См. «Древняя Российская Вивлиофика», ч. 3, изд. 2. М., 1788—1791). В послесловии переводчика говорится: «Конец первому тою книги тому и о плавании корабля до Казани. Аще ли же Вашему царскому величеству угодно, чтобы и морю описание иметь, то надлежит сказать тоя книги второй том, здесь ли, или о том отписать в Париж». Следовательно, перевод делался по прямому указанию Петра I. Подробнее о переводе сочинения Стрюйса на русский язык в петровское время см.: П. Юрченко. О путешествии по России голландца Стрюйса.— «Русский архив», 1879, № 7, стр. 265—269.

автор видел только «нижний этаж» русского общества; источники его информации — собственные наблюдения и расспросы. В отличие от дипломатов или купцов, интересовавшихся и международными делами, и торговлей, и русской историей, Стрюйс может рассказать лишь о том, что ему довелось увидеть и услышать, проезжая село, проходя по городской улице или плывя по Волге. Его рассказ, как правило, ограничен диапазоном непосредственного наблюдателя. И лишь изредка он выходит за эти рамки. Из таких сведений представляет интерес его сообщение о том, что русские цари приняли свой царский титул «с тех пор как Иван Васильевич доказал происхождение свое от первых римских императоров». Это свидетельствует, что концепция о происхождении русских царей от Августа получила в России всеобщее распространение.

Далее, на повествовании Стрюйса лежит печать обычной предвзятости, с какой приезжал западный человек в Россию. Все, что не подходило под западный образец, браковалось бесповоротно; что бы ни делал иностранец — хорошо, что бы ни делал русский — плохо, таково обычное решение. Надо также учесть, что Стрюйс был в России в тот момент, когда везде больше всего говорили о разинском восстании; поэтому к порокам москвитянина автор прибавляет и способность «наносить оскорбление, производить бунты». Именно эти черты характера бывали «причиной больших беспорядков, которые повторялись бы, если бы с некоторого времени не обуздывали наглость москвитян денежным штрафом»²³⁴. Чуть ли не единственным достоинством русского является, если верить Стрюйсу, его богатырское здоровье и выносливость: «Столь малая чувствительность его к холоду, жару и другим суровым переменам погоды была бы удивительна, если бы не было известно, что его приучают к ней с колыбели, так, что он мало-помалу закаляется и сложение его становится столь крепким, что он мог бы жить столетие, если бы не губил себя водкой»²³⁵.

Наш автор уверен в непогрешимости своих суждений. Современному читателю без труда видно, как это порой далеко от действительности. Одним из примеров этого может служить его пренебрежительный отзыв об одной из приволжских народностей, именуемых в те времена черемисами луговыми. Эти люди с их земными языческими традициями были ближе к истине, чем их самонадеянный оппонент с его христианскими догмами. К удивлению Стрюйса они не верили в загробный мир и не согласились с ним, когда он стал им доказывать существование чертей: «Когда им говоришь, что существуют бесы, и объясняешь их свойства, то они возражают, говоря, что „это люди, которых они не знают и не желают знать, потому что они так злы; наконец, сами люди до-

²³⁴ «Путешествие по России голландца Стрюйса» (далее — «Путешествие...»). — «Русский архив», 1880, т. 1, стр. 40.

²³⁵ Там же, стр. 50.

статочпо злы и причиняют друг другу довольно зла и без вмешательства дьявола⁴»²³⁶.

Стрюйс не всегда точен в передаче фактов, но его ошибки настолько очевидны, что легко могут быть исправлены русским читателем. Когда он пишет, что «при устье реки Еруслана видел город Камышин», нетрудно понять, что протекающий по другую сторону Волги Еруслан он спутал с рекой Камышинкой. Никто не поверит Стрюйсу, когда он рассуждает о знаменитом мифическом «баранце». О «баранце» писали и другие иностранцы — Барбаро, Герберштейн, Олеарий, Маржерет и др.; никто его не видел, и все говорят со слов других. Стрюйс тоже не видел, но тоже говорит об этом мифическом полурастении-полуживотном. Трудно предположить, что он читал своих предшественников, зато он подробно рассказывает о том, как русские ему говорили об этом существе и даже показывали шкурки, снятые якобы с этого агнца²³⁷. Вероятнее всего предположить, что у всех иностранцев, писавших об этом сюжете, был общий источник — рассказы самих русских людей, любивших прихвастнуть перед чужеземцами диковинками своей страны; в подтверждение своей правоты они показывали и якобы снятые из этого меха шапки, приводили любые фантастические подробности.

Но у нашего автора есть и сильная сторона. Уже по приезде в Новгород, пишет он, «я начал изучать русский язык и занялся им с таким усердием, что, несмотря на краткость времени, знал его так, как должен знать иностранец»²³⁸. Далее, поездка в Россию была третьим путешествием Стрюйса, объездившего почти весь Старый свет. Стрюйс — опытный путешественник, умевший видеть главное. Рассказывая о своем путешествии в хронологической последовательности и называя даты событий, он останавливается только на наиболее значительных, с его точки зрения, явлениях, пропуская по нескольку дней. В этом узнается глаз опытного наблюдателя. Одной из особенностей Стрюйса как автора является использование старого приема — изложение речей. Текстуально эти речи вымышленные, но они вполне соответствуют как моменту и событию, так и лицу, произносившему речь. И, наконец, к сильной стороне относятся уникальные для иностранца сведения о восстании Разина. Все это и сделало сочинение Стрюйса нужным историческим документом среди Сказаний иностранцев о России.

Рассказ о дороге Рига — Новгород — Москва дает отчетливое представление о состоянии этих территорий в конце 60-х годов XVII в. Ливония, тогда принадлежавшая Швеции, жила в ужасаю-

²³⁶ «Путешествие...», стр. 68.

²³⁷ Там же, стр. 65.

²³⁸ Там же, стр. 22.

щей нищете. Одна из причин состояла в том, что эта территория была часто театром военных действий, но главной причиной «крайней нищеты этих несчастных людей — их господа, которые обращаются с ними хуже, нежели турки со своими рабами. Они оправдывают такую жестокость мнением, что с мужиками надо обращаться как с животными; иначе ничего от них не добьешься»²³⁹. Стрюйс — человек из страны, уже проделавшей буржуазную революцию, обратил на это внимание.

Обратил голландец внимание и на то, что совершенно иначе жили села, связанные с торговлей. Он рассказывает о Печорах. Это — «небольшое, но очень удобное село, которое лежит первым при переезде из Ливонии в Московское государство. Население в нем живет в достатке, а хорошая почва дает ему возможность вести торговлю. Лишь только жители узнали о нашем прибытии, как пришли осведомиться, нет ли у нас для продажи жемчугу или бриллиантов... мы увидели такие же лавки и магазины, как в самых больших городах». На вопрос о том, почему их интересуют дорогие вещи, печорцы ответили, что «продают товары во сто раз дороже ко двору царя... что они ездят туда от времени до времени и возвращаются весьма довольные своей поездкой»²⁴⁰.

Далее шли Псков и Новгород — некогда процветавшие боярско-купеческие республики, со времен царя Ивана III начавшие терять свою вольность. Какое впечатление произвели они теперь? «Псков — большой город, имеет больше двух лье²⁴¹ в окружности. Стены его каменные и деревянные с несколькими деревянными башнями без зубцов, платформ, бастионов, редутов и без всяких средств к защите. Издали... в особенности по большому количеству колоколен, он кажется настоящим городом; вблизи же вид его жалок, а все дома не что иное как только деревянные избы, сооруженные наспех и неряшливо»²⁴².

Что касается Новгорода — он продолжает оставаться большим городом. «Его предместья почти так же велики, как и сам город. Но внимание голландца было обращено на другое: «Как стены его ни обрушились, все-таки по их остаткам видно, что он был чрезвычайно крепок и один из самых лучших в царстве». Со времени потери независимости «город лишился своих прав и почти всей своей красоты. Его торговля, которая в то время славилась во всем мире, сильно упала с тех пор. Впрочем, хотя соседние народы производят еще в нем значительную торговлю, но это — только тень прошлого»²⁴³. Несомненно, все это Стрюйс узнал от самих новгородцев. Их рассказы — свидетельство того, что в это время в Новгороде все еще вздыхали об утраченной независимости.

²³⁹ Там же, стр. 19.

²⁴⁰ Там же, стр. 20.

²⁴¹ Около десятка километров. — М. А.

²⁴² «Путешествие...», стр. 21.

²⁴³ Там же, стр. 23.

Любопытно сопоставить это с более ранними известиями о Пскове и Новгороде. В 1412 г. через эти города проезжал фламандский рыцарь Жильер де Ланнуа (1386—1464). В своих «*Vooyages et ambassades...*» (Путешествия и посольства...) он потом писал: «Псков очень хорошо укреплен каменными стенами и башнями, и в нем находится очень большой замок»²⁴⁴. Город «управлялся сам собой, но в зависимости от государя Московского. В то время, когда я был там, их князь был изгнан, и я видел его в Новгороде»²⁴⁵. Башни Новгорода были каменные, стены же из земли и плетня. Но Ланнуа говорит о богатстве и силе Новгорода. Кроме богатых бояр, там есть «такие горожане, которые владеют землей в 200 лье длины, богатые и могущественные удивительно... Все сеньоры Новгорода Великого владеют 40 тысячами конницы и бесчисленной пехотой. Они часто воюют с соседями и особенно с рыцарями Лифляндии и выиграли прежде много больших сражений»²⁴⁶. Именно об этой, былой славе говорили повгородцы в годы Стрьюса, два с половиной века спустя.

Теперь торговля переместилась на Волгу, процветающими стали волжские города. Вот Нижний Новгород: «Его стены каменные, и великий царь заботится о том, чтобы постоянно содержать в нем сильный гарнизон. Посады плотнее населены, нежели Кремль. Татары и русские живут в нем довольно мирно... Нигде жизненные припасы не продаются так дешево, как в Нижнем Новгороде. За два су покупаешь... например, окуней и щук столько, что четыре человека не в состоянии съестъ их. Если кушанья приготавлиются постными, то не по недостатку в масле, так как за 12 франков можно иметь целый бочонок весом в сто голландских фунтов. Полотно здесь так дешево, что можно купить по 2 су за аршин... Так как здесь вьют очень хорошие веревки, то мы получили приказание запастись ими»²⁴⁷. Вот Казань: «Стены посада деревянные, а кремлевские сложены из хорошего камня и достаточно толсты. Кремль всегда был укреплен всеми способами: делает его особенно неприступным река Казанка, обходящая совершенно вокруг него. Что касается посада, то торговля в нем довольно развита»²⁴⁸.

Но особое место на Волге занимала Астрахань — город, расположенный по тогдашним понятиям как раз на границе Европы и Азии: «Стены его построены из хорошего камня; на них стоят постоянно около 500 чугунных орудий, а в городе помещается очень сильный гарнизон, без чего трудно было бы обуздать татар и казаков... Об его торговле можно сказать, что она очень велика: не только бухарцы, черемисы, ногайцы, калмыки и другие..., но

²⁴⁴ Так обычно западные писатели называют Кремль. — М. А.

²⁴⁵ «Университетские известия». Киев, 1873, август, стр. 26. Под изгнанным князем разумеется кн. Константин Дмитриевич.

²⁴⁶ «Путешествие...», стр. 25—26.

²⁴⁷ Там же, стр. 65.

²⁴⁸ Там же, стр. 72.

даже персияне, армяне и индусы способствуют ее процветанию ...Главную отрасль торговли в Астрахани составляет шелк из Персии и других мест»²⁴⁹.

Таким образом, волжские города это — не только торговые центры, но и военные крепости, а это было связано с тревожным положением на волжском пути.

Уже по дороге в Москву Стрюйс обратил внимание, что не везде крестьяне выполняли царские повинности. Были возможны случаи, когда жители были настолько «грубы, что отказывались повиноваться указу царя дать лошадей, как это делалось до сих пор везде. Но так как их принуждали к тому слишком упорно, то они, осыпая оскорблениями, расходились до того, что едва не избили нас»²⁵⁰. Когда корабль «Орел» вышел на Волгу, стало ясно, что в России происходит восстание донских казаков, которое может быть поддержано русскими крестьянами и приволжскими народностями. Оказалось, что плавать по Волге можно «не везде и не во всякое время, так как донские казаки обыкновенно разъезжают по ней в мирное время и грабят попадающиеся им навстречу суда»²⁵¹. Даже по мелким притокам Волги «казаки толпами скрываются в лесах, не давая никому пощады»²⁵².

Все плавание «Орла» прошло под знаком войны с разинским восстанием. В Казани на корабль грузили свинец для Астрахани; на всем волжском маршруте им постоянно что-нибудь напоминало о военных действиях. Ниже Самары они проплыли мимо «Казачьей горы», названной так потому, что на этом месте в сражении москвитяне казаков «изрубили на куски с целью обуздать их нахальство и прекратить опустошения, производимые ими в государстве»²⁵³. В Саратове близость восставших заставляет держать большой гарнизон. «Орел» прибыл в Камышин: «Москвитяне построили его в 1668 году для того, чтобы пресечь путь казакам», которые в этом наиболее узком месте между Доном и Волгой пробираются с Дона на Волгу. Доплыли до Царицына: «Этот город не велик, но хорошо укреплен; обнесен крепкими стенами с башнями и бастионами; в нем сделано все, чтобы мешать нападению татар и казаков»²⁵⁴.

И чем ниже по Волге, тем все яснее становились признаки войны. Царский корабль с голландской командой достиг Черного Яра — «маленького городка... войны составляют половину населе-

²⁴⁹ Там же, стр. 82—83.

²⁵⁰ Там же, стр. 28.

²⁵¹ Там же, стр. 65—66.

²⁵² Там же, стр. 78.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Там же, стр. 81.

ния... Дерзость казаков, грабивших и убивавших всех, кто проплывает здесь, побудила царя построить этот город. Самое смелое нападение было произведено ими на хорошо прикрытый караван москвитян. Заметив его, четыреста казаков, скрывшись в засаде, сидели, пока проходили лодки с конвоем, потом бросились на караван, ограбили и побили большую часть людей»²⁵⁵.

Центральное место в повествовании Стрюйса занимает Астрахань; все события разинского восстания, которые довелось автору наблюдать, так или иначе связаны с этим городом. В «астрahanские» главы голландец включил и свои общие рассуждения о восстании. Кто такие донцы? «Донские казаки живут по Дону или Танаису и находятся под властью московского царя, впрочем не по принуждению, а добровольно: они подчинились его царскому величеству с условием управляться собственными законами, своим пародным вождем, которого сами выбирают. Они пользуются и многими другими правами, которых не имеют сами москвитяне. Между прочим, замечательно то, что холоп знатного москвитянина, укрывшийся между ними, становится настолько свободным, что его господин теряет на него право и не может употребить насилие для поимки. Из этих-то казаков произошел знаменитый Степан Разин, который дерзнул напасть на войско царствующего государя Алексея Михайловича»²⁵⁶.

В чем причина восстания? Версию, сводившую все к мести Степана за брата, которого воевода Юрий Алексеевич Долгорукий приговорил к виселице за самовольный уход казачьего отряда на Дон во время войны с Польшей, Стрюйс склонен считать лишь предлогом. Причина восстания коренилась гораздо глубже. Именно она, решающая причина, гнала обездоленный народ к Степану Разину. «По дорогам только и встречались толпы холопов и крестьян, шедших к нему. Только и речи было, что об истреблении дворян: каждый крестьянин, каждый холоп умерщвлял своего господина и приносил его голову Разину, который хвалил и награждал их с целью поощрять очищение земли от подобных чудовищ (так называл он дворян) и не допускать их самовластия. Таким образом, поместья пустели. Так как благородное происхождение считалось главным преступлением, то дворяне должны были для сохранения жизни спасаться в городах в холопском платье»²⁵⁷.

Стрюйс оставил, хотя и краткое, описание внешности вождя восставших, которого он видел дважды: «Вид его величественный, осанка благородная, а выражение лица гордое; росту высо-

²⁵⁵ «Путешествие...», стр. 81—82.

²⁵⁶ Там же, стр. 88.

²⁵⁷ Там же, стр. 97.

кого, лицо рябоватое. Он обладал способностью внушать страх и вместе любовь. Что бы ни приказал он, исполнялось беспрекословно и безропотно»²⁵⁸.

Что касается фактического хода восстания, то голландский автор стал его свидетелем в тот момент, когда разинцы, разгромив персидский флот у Свиного острова, приплыли в августе 1669 г. в Астрахань. Получив амнистию у царя, они расположились лагерем на виду у города. Стрюйсу бросилась в глаза прежде всего внешняя сторона дела, но за ней нельзя было не заметить сути явлений. Разинцы толпами повалили в город, «одетые все до того роскошно, что одежда самых бедных была спита из золотой парчи или шелка. Большая часть носила даже венки, усыпанные крупным жемчугом и драгоценными камнями»²⁵⁹. Началась торговля. Разинцы за бесенок продавали военную добычу: «За золотую цепь, длиною в сажень, заплатил я им только 40 рублей, что составляет на наши деньги около 70 флоринов. Можно судить поэтому, какую выгоду получили персы и армяне, которые купили почти всю их добычу».

Разина можно было узнать «только по почету, который ему оказывали... Когда к нему обращались, то запрещалось называть иначе, как батько... Это прозвище присвоил он себе с целью запечатлеть в сердцах своих подчиненных более любви и уважения». Он стал предметом всеобщего внимания. «Только и говорили, что о Разине, прославившемся своей смелостью, и смотрели на него как на необыкновенного человека»²⁶⁰.

Первое свидание голландского экипажа «Орла» с Разиным состоялось в шатре в присутствии некоторых разинских сподвижников. Степан оказался радушным хозяином, но неразговорчивым собеседником. Он спросил у голландцев, что они за люди, пригласил их сесть и выпил за их здоровье, наконец, сказал, что будет рад, если они навестят его еще раз. К удивлению гостей, он не стал ими больше интересоваться; они подарили хозяину две бутылки водки и поспешили удалиться. При втором свидании с Разиным голландцы его «застали на реке в лодке, выкрашенной и вызолоченной. Здесь он пил и веселился с некоторыми из старшин. Около него сидела персидская княжна, которую он увез с ее братом во время последних набегов. Брата ее подарил он астраханскому воеводе, а любимую им княжну оставил у себя»²⁶¹.

Сочинение Стрюйса — один из немногих письменных источников о судьбе знаменитой персидской княжны — дочери Менедхана, захваченной с братом в плен у Свиного острова при разгроме персидского флота, которым командовал их отец. Все слу-

²⁵⁸ Там же, стр. 90.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же, стр. 90—91.

²⁶¹ Там же, стр. 91.

чилось во время лодочной прогулки по Волге перепившихся разинцев во главе с атаманом. Стрюйс приводит пространную речь Степана; ее смысл в том, что разгулявшегося Разина зазрела совесть: Волга — его благодетельница, подарившая ему все, чего только может желать человек, а он до сих пор не отблагодарил ее ничем. «Ах, прости, любезная река. Я признаюсь, что обидел тебя, и если этого признания недостаточно для того, чтобы успокоить твой справедливый гнев, я предлагаю тебе от чистого сердца то, что мне дороже всего на свете».

Этой искупительной жертвой перед матерью-Волгой была избрана персидская княжна, и Разин принес эту щедрую жертву, «одетую в золотую парчу и разукрашенную жемчугом и драгоценными камнями». Свидетели этой трагедии были потрясены. Бедная княжна «заслуживала, без сомнения, лучшей участи, и все пожалели о ней. Несмотря на благородное происхождение... она тем не менее была бесконечно снисходительна к нему и никогда не роптала на него за свою неволю. Как бы ни был Разин груб, нужно полагать, только в припадке сумасшествия он мог совершить подобную жестокость; до этого случая он казался более справедливым, нежели бесчеловечным»²⁶².

Обращала на себя внимание социально-политическая сторона восстания. Во время пребывания в Астрахани Разин «жил так, что расположил в свою пользу самых безучастных... Большая часть простого народа и солдат, теснившихся толпами вокруг него, когда он показывался на улицах и нередко бросал горстями червонцы, питала к нему сильную любовь, а многие перешли к нему, поклявшись в верности и в том, что не покинут его никогда»²⁶³.

Из Астрахани Разин в начале сентября 1669 г. «без ведома воеводы» пошел на Дон через Царицын. Астраханский воевода послал к нему капитана Ведероса, который должен был запугать Степана последствиями такого решения. Миссия Ведероса, как известно, окончилась плачевно. Разин обрушил на перепуганного капитана гневную речь: «Ступай, несчастный, я милую тебя из жалости. Возвратись к своему господину и скажи ему, что я не думаю ни о нем, ни о царе... он увидит меня раньше, нежели думает... Я — князь, рожденный свободным и независимым; власть воеводы слабее моей»²⁶⁴. Капитану была дана возможность воз-

²⁶² «Путешествие...», стр. 92. Этому источнику следует С. М. Соловьев — он лишь сильно сокращает текст предполагаемой речи Степана (С. М. Соловьев. История России, т. XII. СПб., 1911, стб. 303). Н. И. Костомаров исходит из народной традиции, считая, что причиной поступка Разина было недовольство казаков атаманом, который их «на бабу променял». В соответствии с этим передана речь Разина («Бунт Степана Разина». — Н. И. Костомаров. История. Монографии и исследования, т. II. СПб., 1903, стр. 264).

²⁶³ «Путешествие...», стр. 93—94.

²⁶⁴ Там же, стр. 94. В другом изложении эта речь приведена у С. М. Соловьева («История России», т. XI, стб. 303).

вернуться к воеводе «с поспешностью, на которую только способен испуганный человек».

Все события на Дону, которые за этим последовали, голландский экипаж «Орла», остававшегося на астраханском рейде, наблюдать не мог. Они снова становятся их свидетелями, когда Разин, после возвращения с Дона, взял Царицын, а затем и Камышин. Флот Разина из 80 судов снова на Волге. Появившийся более сильный царский флот переходит на сторону Разина. Атаман обращается к новым сподвижникам с речью: «Наконец, друзья, вы свободны, а ваш поступок избавляет вас от притеснения господ. Их мучения так жестоки и тяжки, что нужно удивляться, как вы столь долго переносили и тяготились ими»²⁶⁵. Стрюйс ничего не говорит о победе Разина над стрелецким войском на Денежном острове, его внимание приковано к Астрахани. Окрестное крестьянство переходило на сторону Разина, его силы росли, в то время как в Астрахани царило смятение. Воевода видел, что «народ презирал его, что он хвалил только Разина, и что в соседних городах только и говорили, что о бунте и возмущении. Везде войны роптали и говорили открыто, что они покинут службу, потому что печем было им платить; так как деньги, назначенные для них, были употреблены на другое, то несправедливо подвергать по-прежнему опасности свою жизнь, о которой так мало заботились»²⁶⁶. Население Астрахани было готово перейти на сторону восставших.

Воевода Прозоровский выслал в сторону Царицына отряд в 800 человек под командованием дворянина Леонтия Богданова. «Так как верность простых воинов была подозрительна..., то многие дворяне предложили занять их места и были приняты с похвалой»²⁶⁷. Половину отряда составили москвитяне, другую половину — ногайские татары. Мнения татар разделились, татарская часть отряда затеяла резню между собой, Разин одерживал победы, и отряд вынужден был запереться в Черном Яру.

Была, кроме того, создана флотилия из 40 лодок под командованием князя Львова. В чине полковника на лодках были поляк Ружицкий, его помощник шотландец Виндронг, немецкий капитан Павел Рудольф, английский капитан Роберт Гейт и голландец Николай Скак, произведенный из лейтенантов «Орла» в капитаны. Было еще два поручика и несколько прапорщиков — немцев. Воевода «показал, что иностранцы будут вернее жителей, и безопаснее вверить охрану города им, нежели злонамеренному народу, который искал только случая, чтобы заявить преданность врагу государя»²⁶⁸. Но и эти ратные походы, предпринятые астраханским воеводой, потерпели полный провал — Черный Яр взяли разинцы, а флотилия, перебив офицеров, перешла на сторону вос-

²⁶⁵ «Путешествие...», стр. 95—96.

²⁶⁶ Там же, стр. 96.

²⁶⁷ Там же, стр. 99.

²⁶⁸ Там же, стр. 101.

ставших спустя четыре часа после принятия присяги на верность царю.

Положение царских властей в Астрахани стало критическим; «усилилась дерзость народа... злобу на воеводу выражали нагло, его поносили и оскорбляли при всякой встрече. Нашлись даже смельчаки, которые сказали ему, что он довольно хозяйничал и что теперь настала очередь управлять властелину, более сведущему и достойному. Богачи и дворяне не смели показываться в народе и ежеминутно опасались, чтобы народ не перебил их»²⁶⁹. И чем ближе подходили разинцы к Астрахани, «наглость черни усиливалась, что заставляло подозревать тайные сношения одной стороны с другой»²⁷⁰.

В такой обстановке голландский экипаж «Орла» почел за благо бежать из города. Члены экипажа, не дождавшись своего капитана, «смело отчалили от берега» и поплыли в Персию.

Таковы наблюдения Ганса Стрюйса. Но, сохранилось, как уже было сказано вначале, письмо другого участника путешествия на «Орле» — самого капитана корабля Давида Бутлера. Дело в том, что он, вместе с другими иностранцами, был привлечен воеводой Прозоровским к сооружению инженерных укреплений города, и это помешало ему отплыть вместе со своими людьми. Его письмо — фактически сочинение о взятии разинцами Астрахани — дает представление о настроениях и событиях этих дней. Отплытие подчиненного ему корабля для Бутлера было трагедией: «Все, оставшиеся со мной, так испугались, как будто наступил для них смертный час. Я, вероятно, испугался не более их, но подавил свое чувство и утешал их как только мог». По мнению Стрюйса, Астрахань по своим боезапасам могла выдержать осаду стотысячного войска, по никто из иностранцев не сомневался, что народ сдаст город Разину. Дворянин, которого Прозоровский послал в Москву с известием о положении города, сказал Бутлеру, что раз население действует заодно с казаками, то город будет «предан».

Очень озабочен был воевода. Когда Бутлер сообщил ему о трагическом для себя событии — бегстве своего экипажа — воевода не обратил на это ни малейшего внимания, ему было не до этого. Он был поглощен подготовкой Астрахани к обороне. 9 июня 1670 г. он вместе с Бутлером и английским полковником осматривал городские укрепления. Англичанин считал, что следует построить еще внешние укрепления, чтобы остановить первый приступ осады. Бутлер же считал, что дело не в военном, а в политическом решении вопроса. Он сказал воеводе: «Вместо того, чтобы заниматься вещами, ни к чему не ведущими, следовало бы лучше объявить амнистию перешедшим на сторону бунтовщиков, если

²⁶⁹ «Путешествие...».

²⁷⁰ Там же, стр. 102.

они возвратятся к своим занятиям; что между прочим следует склонить недовольных, а с предводителями их быть щедрыми, чтобы заставить их отойти от шайки. Моему совету не последовали»²⁷¹.

Ждали штурма. «Между тем, город охранялся исправно со всех сторон: персияне, черкесы и калмыки ходили беспрестанно дозором при звуках гобоев и литавров, маршируя в такт по укреплениям с необыкновенной радостью, которая была, может быть, и неуместна»²⁷². 19 июня получили известие, что разинцы подходят к городу. На стенах стали готовиться к бою. Начальство заподозрило, что пушки заряжены холостыми, воевода приказал Бутлеру, которого он на другой день произвел в подполковники, проверить, как заряжены пушки. 22 июня на виду у города стали появляться казаки, в этот же день в город прибыл парламентар со священником с требованием сдачи города. «Кроме письма к воеводе было письмо на немецком языке ко мне, в котором советовали мне, чтобы я, если хочу остаться в живых, воспрепятствовал своим людям сражаться, и ни во что бы не вмешивался»²⁷³. Воевода приказал обоим парламентарам отрубить головы. 23 июня 300 казачьих лодок подошли к городу и расположились вдоль виноградника всего в полумиле от городских стен. «В тот же день мы приказали раздать солдатам бочку крепкого вина и табак, подаренный нам одним из верноподданных царя». Это сочеталось со страшной жестокостью — по всякому поводу рубили головы и вешали по приказанию воеводы. Дело шло к штурму.

К сожалению, самого взятия города Бутлер не видел. Но сам лаконизм сообщений и беспомощность одного из руководителей обороны говорит о том, как быстро разинцы овладели Астраханью. В ночь на 24 июня, «обойдя укрепления, я бросился на матрац, чтобы заснуть час или два, но не успел, так как пришли мне доложить, что мятежники шли штурмовать и были у Вознесенских ворот. Между тем, заметив приближавшуюся шайку, я приказал стрелять из нашей пушки; в это время Фома Бейли, английский полковник, вооруженный латами, пришел ко мне с несколькими немецкими офицерами и сказал, что им изменили и что его стрельцы ранили его в ноги и лицо за то, что он убеждал их поступить честно и мужественно отражать смертельного врага»²⁷⁴. Бутлер приказал англичанину и его перепуганным слутникам вернуться к исполнению обязанностей, но, спустя полчаса, «пришли мне сказать, что всех их заковали». Когда это докладывали Бутлеру, «один немецкий капитан, стоявший подле меня, был схвачен, связан и умерщвлен своими слугами»²⁷⁵. Присутствовавший при этом медик в панике хотел броситься со стены.

²⁷¹ Там же, стр. 114.

²⁷² Там же.

²⁷³ Там же, стр. 115.

²⁷⁴ Там же, стр. 115—116.

²⁷⁵ Там же, стр. 116.

Вместо этого Бутлер пригласил медика вместе бежать. Через подземные ходы им с большими приключениями удалось выбраться за город. Из встреч с людьми одна оказалась несчастливой. В рыбацких хижинах далеко за городом они встретили полковника, двух капитанов и 46 стрельцов, которые с юга держали путь по служебным делам в Астрахань, не зная о здешних событиях. Узнав, что город в руках Разина, стрельцы связали полковника (о капитанах автор ничего больше не сообщает) и поволокли его в Астрахань, а заодно прихватили и Бутлера с медиком, предварительно их тоже связав. Эти два иностранца предстали перед Разиным. Медику сразу повезло — Разин его освободил и приказал заняться перевязкой раненых казаков. С Бутлером дело обстояло хуже. Со страху он был еле жив. Разин приказал дать ему водки и спросил: — «Что ты умеешь делать?» Так как Бутлер, по его собственным словам, молчал, то в его судьбе не произошло перемен к лучшему — его держали взаперти. Он был рад и этому, потому что полковника, которого стрельцы привели к Разину, сбросили со стены. Бутлера выручил молодой немец Фабер, перешедший на сторону восставших, — он взял его к себе.

Нашего автора еще раз приводили к атаману, тот пил за его здоровье, но перемен к лучшему в судьбе Бутлера не произошло и на этот раз. Почему его водили к Разину, остается неясным. Наконец, нашего автора выручил благодарный ему медик. Под поручительство Фабера он получил разрешение «совершить путешествие» (более точных указаний в тексте нет). Лакеем к себе он взял Бутлера, которому пришлось обрить бороду и голову. Они бежали. Вслед за ними бежал и их покровитель Фабрициус.

Позади осталась беспокойная Россия.

**«Сообщение касательно подробностей мятежа,
недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным»
(1671 г.)**

Крестьянская война под руководством Степана Разина (1667—1671) пнула немедленный отклик на Западе. Уже в сентябре 1671 г. в Архангельске на корабле «Царица Эсфирь» было написано по-английски сочинение об этом событии в России («A Relation Concerning the Particulars of the Rebellion Lately Reised in Moscow by Stenko Razin»). Автор, до сих пор остающийся неизвестным, не сомневается, что событие, о котором он повествует, широко известно на Западе, он собирается сообщить лишь о его *подробностях*, которые также будут, как он полагает, иметь значение для иностранного читателя. Можно с большой долей вероятия представить себе историю появления этого рассказа о разипском восстании. Автор его — английский моряк, прибывший в Архангельск на корабле, оттуда попал в Москву в момент, когда шла расправа с восставшим и его вождем. Москва была полпа всяких

слухов и споров о восстании; страсти, поднятые событием, потрясшим всю Россию, были в разгаре. Тут были не только рассказы очевидцев, не только уличные пересуды, были известны и официальные документы правительства. Довелось автору и самому немало повидать в Москве из того, что тогда всех волновало.

Сам текст этого сочинения повествует об источниках, которыми автор пользовался. Сам не видевший восстания, он берет события и их интерпретацию из официальных документов и прежде всего из приговора Степану Разину; приговор он знал текстуально и приложил его к своему сочинению. Это оказалось очень важным обстоятельством. Дело в том, что скоро (в 1701 г.) подлинник приговора вместе со многими другими бумагами о восстании Разина сгорел во время очередного московского пожара, и текст приговора пришлось восстанавливать; иностранные публикации играли свою роль, пока, наконец, не была найдена русская копия текста этого документа (опубликована в 1931 г.).

Но сведения, которыми наш автор располагает, заметно богаче тех, которые есть в дошедших до нас документах правительства. Сведения эти он добыл из устных источников — возможно, от самих москвичей, и уж во всяком случае от ипострапцев, находившихся в Москве, а может быть и от иностранных офицеров, участвовавших в подавлении восстания. Часть этих сведений не отличается точностью, но некоторые из них существенно дополняют, а то и исправляют официальные сообщения. Но очень важные явления он видел и сам. Это относится особенно к казни Степана Разина. Случилось так, что о самой казни нам не сообщает ни один русский источник. Наряду с письмом Томаса Хебдона и сочинением Якова Рейтенфельса — о чем речь впереди — повествование первого иностранного автора имеет значение чрезвычайно важного источника.

Обстоятельства создания этого сочинения обусловили и другие его особенности. Поскольку автор видел конец событий и писал, прежде всего, об этом, ему, естественно, захотелось предпослать этому рассказ о самом восстании, без чего финал был бы непонятен. Это значило, что автор создал рассказ о разинском восстании в целом — от его начала и до конца. Сочинение это имеет подзаголовок: «Начало мятежа, разрастание его и конец. Описание того, как был захвачен сей мятежник. Вынесение ему смертного приговора и казнь». Это отличает его от некоторых других иностранных сочинений — кое-кому из западных авторов довелось быть очевидцами самого восстания в то или иное время; такие авторы писали только об отдельных эпизодах восстания (Стройс, Бутлер, Фабрициус и др.).

Далее, сочинение это писалось «на ходу» — во время самой поездки в Москву, по свежим впечатлениям; возможно, оно начало писаться в Москве, а возможно оно было начато и окончено на борту корабля «Царица Эсфирь» во время его стоянки в Архангельске. Во всяком случае, автор поставил «Finis» и изобра-

зл время и место окончания своего произведения, а это значит, что оно было окончено, когда автор еще не покинул пределы России. А все это и было причиной *краткости* этого сочинения. Автор назвал свое сочинение «реляцией», — всего лишь «сообщением» на избранную тему.

Это сочинение вызвало большой интерес на Западе, было издано не только по-английски, но было переведено на французский и голландский языки; оказало заметное влияние на последующие западные сочинения о движении Разина. Даже очевидцы событий заимствовал из «Сообщения» те или иные недостававшие им сведения.

Инициатором и ядром восставших было донское казачество, и именно с этого начинается анонимный автор свой рассказ. В то время было известно лишь два казачьих войска — запорожское и донское. О донцах много говорили и писали в начале XVII в. в связи с движением Ивана Болотникова. Наиболее точные сведения о донцах для того времени находим у Исаака Массы²⁷⁶. При царе Алексее Михайловиче о донцах писал Григорий Котошихин в своем знаменитом сочинении. Восстание Разина вновь заставило заговорить о донцах. В «Сообщении» нашего автора это тоже нашло свое отражение: «Донские казаки... принадлежат царю или императору Московии и России, которому повинуются скорее по доброй воле, нежели по принуждению. Тот царь даровал им многие вольности, живут они по своим законам и сами выбирают себе правителя. Дарованные им льготы столь велики, что ежели какой раб убегает от российского дворянина или другого знатного лица и приходит к казакам, владелец теряет на него свои права»²⁷⁷. Все данные говорят за то, что до восстания Разина правило «с Дона выдачи нет» было в полной неприкосновенности. При режиме, установившемся после восстания, отстаивать его стало гораздо труднее.

Каковы причины восстания? Автор решительно не понимает этого. Все сводится лишь к рассуждению на тему о том, была ли причиной восстания казнь князем Долгоруким старшего брата Разинных? Он говорил, что на эту «причину разжигания им мятежа ссылался Разин под пыткой на дыбе; он, дескать, желал отомстить за смерть брата, казненного, по его разумению, безвинно. Но что сие есть только предлог, явствует из того, что восстал он не только против царя, но и против шаха персидского, а о нем он никак не мог сказать, что терпел от него какие обиды». Причиной восстания был, по разумению нашего моряка, всего навсего... «злонамеренный и бунтарский дух Разина»²⁷⁸.

²⁷⁶ См. стр. 143—144 данной книги.

²⁷⁷ «Записки...», стр. 107.

²⁷⁸ Там же.

Историю восстания автор излагает очень бегло — он знает ее плохо, понаслышке и явно торопится скорее дойти до финала событий, о чем он и больше слышал, а кое-что и сам видел. Интерпретация автором событий, которых он не видел, свидетельствует, что именно так говорили об этих событиях в Москве; у автора встречаются подробности, которых нет в документах правительства.

Почему было заключено перемирие под Астраханью между царскими войсками и Разиным, когда тот возвращался из персидского похода? Вопрос этот интересовал многих, писавших о разинском восстании. На это перемирие шли тогда обе стороны. «Желая положить конец возникшему злу, князь Иван Семенович (Прозоровский), тогдашний воевода или правитель Астрахани, послал против него войско. И Стенька, зная, что он слишком слаб, и предвидя дурной для себя исход, принес повинную, на что воевода отвечал ему, что ежели отстанет от грабежей и разбоя, то надо думать, великий государь окажет ему милость. Стенька пришел вместе с казаками своими в Астрахань, и все они были больные и распухшие, потому что незадолго перед тем, когда осадили их персы на одном из островков Каспийского моря, принуждены были пить соленую воду. И вот, наконец, пришло ему прощение от великого государя, отпустившего все вины его, и Стенька обещал, что отныне он и его казаки будут верно служить государю и не станут более разбойничать на Волге, Каспийском море или в каких других местах»²⁷⁹.

Что касается восставших, то здесь не только указана настоящая причина, вынудившая их к перемирию, но и приведены подробности их бедственного положения, которых нет у других авторов. Но в оценке противной стороны все дело было сведено к великодушию — это был официальный тезис правительства. Дело, как известно, обстояло иначе. Как мы видели, Фабрициус, например, являвшийся очевидцем событий, указывает, что даже в самой Астрахани было неспокойно; весь дальнейший ход событий показал, что Прозоровский шел на перемирие вовсе не из великодушия, а опасаясь нового взрыва восстания.

Далее автор сообщает одну деталь, которую охотно заимствовали у него другие авторы: «Оправившись после болезни, Стенька выказал щедрость жителям Астрахани. Когда ходил он по улицам, то бросал в народ золотые и другие награбленные им монеты и оттого народ встречал его приветственными кликами, что как нельзя лучше соответствовало тогдашней его цели»²⁸⁰. Это интерпретировалось всегда как прямой подкуп народа. В действительности, речь шла о другом и притом гораздо большем. Бросать в толпу деньги, как известно, является старинным русским обычаем, к которому прибегали все богатые люди вплоть до бояр и

²⁷⁹ Там же, стр. 108.

²⁸⁰ Там же.

царя. Нет ничего неправдоподобного и в том, что Разин тоже прибежал к этому приему. Для него это могло быть крупным агитационным актом, знаменующим, что угнетенный человек может вырваться из своей нищеты и приниженной жизни и может стать в один ряд с боярами. Главное дело не в самих деньгах, а в той политической роли, которую они играли, поднимая народ на борьбу с режимом крепостничества. Это было обращением к народу, призывом к борьбе.

Перемирие оказалось временным, разинцы ушли на Дон, о событиях на самом Дону наш моряк не знает ничего. Свою неосведомленность он компенсирует измышлениями, которые берет из приговора Разину. Речь идет о делах религии и церкви. Официальная пропаганда пыталась дискредитировать Разина, приписывая ему безбожие и надругательство над церковными обрядами. Особенно в ходу было утверждение, которое повторил автор: «Вместо обычного свадебного обряда, совершающегося в России священником, заставлял он венчающихся, приплясывая, обойти несколько раз вокруг дерева, после чего считались они обвенчанными на Стенькин лад»²⁸¹. Вряд ли это могло быть в действительности, так как, судя по всему, Разин был несомненно религиозным человеком.

С Дона Разин появляется на Волге, берет Царицын и Черный Яр, затем двигается на Астрахань. Здесь автор, заинтересовавшись Астраханью, решил рассказать о ней зарубежному читателю. Сведения о городе он взял у людей, несомненно бывавших в Астрахани: «Город тот обнесен стеной и имеет в окружности более двух миль. Примыкающая к нему местность большей частью пустынная и от набегов врага ничем не защищена... Вокруг города не произрастают хлебные злаки, и все припасы доставляются туда из других мест. Астрахань превыше всего богата солью и рыбой... А Волга близ города более всех рек богата рыбой... В Астрахани большую торговлю ведут иноземные купцы — персы, индийцы, бухарцы, армяне и прочие. Гарнизон тамошний насчитывает в обычное время 12 тысяч солдат»²⁸².

Говоря о переходе астраханского гарнизона на сторону Разина, автор сообщает некоторые подробности гибели воеводы Прозоровского. Тот был «силой возведен на стоящую в астраханской крепости высокую квадратную башню, которая служит маяком и указывает путь тем, кто плавает в Каспийском море или странствует по обширным и пустынным полям, именуемым степью... Говорят, будто прежде чем сбросить его, Стенька прощентал ему какие-то слова на ухо, в ответ на что князь покачал головой. Итак, будучи, несомненно, прельщаем члзменником передаться на его сторону и отвергнув на то отказом, князь принужден был совершить с вышины свой роковой прыжок»²⁸³.

²⁸¹ «Записки...».

²⁸² Там же, стр. 109.

²⁸³ Там же.

Следует сказать, что сведения о событиях на юге, дойдя до Москвы, во многом утрачивали свою достоверность. Нашего автора, получившего информацию о них в Москве, приходится поправлять данными других иностранцев, которым довелось быть очевидцами этих событий. Так, автор сообщает, что при взятии Черного Яра разинцы убили «правителя города», но Фабрициус, на глазах которого все это происходило, говорит, что воевода С. И. Львов был пощажен по личному заступничеству Разина, а погиб он позже. По словам автора, полковник Томас Бейли был убит в Астрахани разинцами, но участник обороны этого города Бутлер рассказал, что тот был убит своими же подчиненными. Наш моряк утверждает, что подполковник Якоб Виндронг был убит при взятии Астрахани, но тот же Фабрициус видел как Виндронг вместе с другими офицерами погиб в Черном Яру и т. д.

Из Астрахани Разин стал быстро подниматься вверх по Волге — прошел Царицын, Саратов, Самару, но был разбит под Симбирском. Автор хорошо усвоил, что поражение под Симбирском не было концом разинского движения. Наоборот, теперь оно стало распространяться на центральную часть России. То тут, то там вспыхивали восстания, повсеместно шла агитация в пользу Разина. Собирая все доступные ему сведения, автор рисует широкую картину движения, поднятого Разиным: «Повсюду обещал он народу волюность и избавление от ига... бояр и дворян, которые, как говорил он, держат страну под гнетом. В самой Москве люди открыто восхваляли Стеньку, полагая, что ищет он общего блага и свободы для народа. По той причине принужден был великий государь учинить примерную казнь нескольким смутьянам, чтобы утратить остальных. Человек один, уже в летах, будучи спрошен, что надобно делать, ежели Стенька подступит к стенам города Москвы, отвечивал, что надобно выйти ему навстречу с хлебом-солью... Человек тот был схвачен и повешен... Стенька пускался на всякие злодейские уловки, дабы сокрушить Российское государство и прельстить простой народ»²⁸⁴.

Автор подчеркивал мужество восставших. Захваченные в плен разинцы «принимали смерть с мужеством необыкновенным, будучи в твердом убеждении, что умирают они за правое дело». Автор указывал на размах движения: «Земли по Волге и далее вглубь страны вплоть до городов Алатыря и Арзамаса вовлечены были в мятеж. Число мятежников умножилось до двухсот тысяч. Часть черемисов, татар и все русские крестьяне, в тех местах проживающие и московским боярам принадлежащие, возмутились против своих господ и убивали и вешали их, и пожар мятежа охватил столь многие земли, что занялся уже в 12 милях от самой Москвы»²⁸⁵. Сообщил автор и о явлении, обычном для вос-

²⁸⁴ Там же, стр. 110—111.

²⁸⁵ Там же, стр. 111.

ставшего крестьянства в те столетия — объявлялось, что вместе с Разиным на Москву движется старший сын царя Алексей Алексеевич, объявленный умершим, но якобы оставшийся в живых; с ним патриарх Никон, объявленный заточенным в Белозерский монастырь, а на деле де находящийся в стане Разина.

Эти потоки слухов, стекавшиеся в Москву, из которых автор черпал свои сведения, несли информацию, которая при всех своих погрешностях, в целом давала верное представление о событиях в стране. В данном случае заслуживает внимания сообщение о том, что число восставших доходило до двухсот тысяч. Это — единственная цифра о численности разинского движения, сохранившаяся в источниках. Ей можно верить, ее можно оспаривать, но другой у нас нет.

То же можно сказать и о сведениях, сообщаемых автором о подавлении восстания. Автор обронил фразу: «Офицеры немецкие заслуживали одобрение его величества за умелое командование своими людьми». Это наводит на мысль, что иностранные наемники, участвовавшие в подавлении восстания, и были теми людьми, у которых автор добывал свои сведения целиком или частично. Наряду с личными наблюдениями это были наиболее доступные источники информации из первых рук для человека, который едва ли знал русский язык.

Вот справа с восставшими, учиненная войсками Ю. А. Долгорукова близ Арзамаса: «Место сие являло зрелище ужасное и папоминало собой преддверие ада. Вокруг были возведены виселицы и на каждой висело человек 40, а то и 50. В другом месте валялись в крови обезглавленные тела. Тут и там торчали колы с посаженными на них мятежниками, из которых немалое число было живо и на третий день, и еще слышны были их стоны. За три месяца по суду, после распроса свидетелей, палачи предали смерти одиннадцать тысяч человек»²⁸⁶.

Обращает на себя внимание фигура своего рода русской Жанны д'Арк, захваченной в плен в районе сел Мурашкино и Лысково, где сопротивление разинцев было особенно упорным: «Среди прочих пленных была привезена к князю Юрию Долгорукому монахиня в мужском платье, надетом поверх монашеского одеяния. Монахиня та имела под командой своей семь тысяч человек и сражалась храбро, покуда не была взята в плен. Она не дрогнула и ничем не выказала страха, когда услышала приговор: быть сожженной заживо... Прежде, чем ей умереть, она пожелала, чтобы сыскалось поболее людей, которые поступили бы, как им пристало, и бились так же храбро, как она, тогда, наверное, поворотил бы князь Юрий вспять. Перед смертью она перекрестилась на русский лад: сперва лоб, потом грудь, спокойно взошла на костер и была сожжена в пепел»²⁸⁷. И смерть русской героини

²⁸⁶ «Записки...», стр. 112.

²⁸⁷ Там же, стр. 112—113.

была аналогичной смерти Жанны д'Арк. Об этой пленнице сообщал и сам Долгорукий, но сведения о ней нашего автора — более колоритны.

Центральным местом всего сочинения является небольшой абзац, где говорится о цели крестьянской войны под руководством Степана Разина: «Захваченных в плен имели обыкновение, вздернув на дыбу, спрашивать, ради чего замыслили они мятеж. Те отвечали, что намеревались они взять город Москву и истребить всех дворян и прочих господ. Девизом их было слово „нечай“, т. е. нечаянный, сие было намеком на то, что царевич Алексей Алексеевич как бы сошел к ним с неба неожиданно-негаданно»²⁸⁸. Здесь не только сформулирована цель восстания, но это единственная попытка во всей литературе источников объяснить слово «нечай», которое восставшие действительно связывали с царевичем Алексеем Алексеевичем.

Подавление было не менее кровавым во всех местах империи. Итог этому автор подводит совсем кратко: «Итак, при помощи виселиц, костров, плахи, кровавых расправ (сверх казни одиннадцати тысяч, произведенной руками палачей) и того, что в сражениях истребили не менее ста тысяч человек, все пришедшие в колебание и взбунтовавшиеся земли были снова приведены к повиновению»²⁸⁹.

Финал сочинения — судьба Степана Разина. Населению Москвы да, видимо, и всему царскому войску было известно, что Степана предало «домовитое» казачество. Именно поэтому наш автор с полной уверенностью вывел строчки о том, что Разин был «захвачен и отвезен в Москву казачьим предводителем Корнилой Яковлевым и теми донскими казаками, которые хранили верность царю. Корнила Яковлев доводился Стеньке крестным отцом и всегда был почитаем им как родной отец, оттого Стенька и думать не мог, что человек сей замыслит против него худое»²⁹⁰.

Автор — свидетель последних дней разинской эпопеи, оставил нам описание событий, происходивших на улицах Москвы. Из этих событий больше всего известны два: как Степана Разина привезли в Москву и сама казнь.

«В миле от Москвы Стеньку ожидала заготовленная для сего случая телега, дабы привезти его в Москву... В задней части телеги была воздвигнута виселица, с мятежника сорвали бывший на нем до того шелковый кафтан, обрядили в лохмотья, поставили под виселицу, приковав железной цепью за шею к верхней перекладине. Обе руки его были прикованы к столбам виселицы, ноги разведены. Брат его Фролка привязан был железной цепью к телеге и шел сбоку ее»²⁹¹.

²⁸⁸ Там же, стр. 113.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Там же, стр. 114.

После четырех дней страшных пыток повезли Степана на казнь. «Там прочли ему смертный приговор, в котором перечислялись главные его злодеяния. Стенька слушал приговор с видом безучастным и не проронил ни слова, а лишь стоял, потупя глаза в землю. Когда пришло время палачу приступить к делу, Стенька несколько раз перекрестился, обратившись лицом к церкви Пречистой богородицы Казанской... После того поклонился он трижды на три стороны собравшемуся народу, говоря «прости»... И вот зажали его промеж двух бревен и отрубили правую руку по локоть и левую ногу по колено, а затем топором отсекли ему голову. Все было совершено в короткое время с превеликой поспешностью. И Стенька ни единым вздохом не обнаружил слабости духа»²⁹². Так умирал великий борец за дело народа России.

Письмо Томаса Хебдона Ричарду Даниэлю (6 июня 1671 г.)

Тут историческая критика выяснила почти все²⁹³. Кто был автор письма? Наибольшей известностью в России и Англии пользовался Джон Хебдон (Иван Гебдон). В 1660 г. он подвизался русским «комиссариусом и резидентом» в Голландии; в 1662 г. имел отношение к русскому посольству в Англию, когда П. Прозоровский и И. Жемабужский ездили поздравлять с восшествием на престол Карла II (реставрация Стюартов). В 1667 г. был послом Англии и торговым представителем Московской компании английских купцов в Москве. Но в данном случае речь идет о Томасе Хебдоне — брате Джона, видном английском купце, бывавшем в России. Адресат тоже известен: Ричард Даниэль — английский торговый агент в Риге.

Источник этот обнаружен английским ученым С. А. Коноваловым в Государственном архиве Англии и опубликован в «Oxford Slavonic Papers» (Vol. XII, 1965, pp. 97—98). Письмо имеет дату — оно написано в день казни Разина. На письме обозначено место, откуда оно было послано — Новая Слобода. Никто, кажется, не сомневается, что письмо было написано из Ново-Немецкой Слободы, возникшей незадолго перед тем в Москве. Письмо короткое, и написано оно было со специальной целью: «Я лишь хочу известить вас, что в прошлую пятницу²⁹⁴ великий мятежник Разин был доставлен сюда...». И автор добросовестно выполняет свое обещание. Он начинает с рассказа о том, как Степана Разина ввозили в Москву: «Впереди шел конвой из 300 пеших солдат с развевающимися знаменами, зажженными факелами, по опущенным кнпзу дулами мушкетов. Позади Разина тем же порядком шло почти то же число солдат, по знамен было всего

²⁹² «Записки...», стр. 114—115.

²⁹³ Там же, стр. 127—128.

²⁹⁴ 2 июня.— М. А.

шесть. Окружал Разина отряд захвативших его казаков, перед ним верхом ехал со своим знаменем казачий предводитель (по имени Корнила Яковлев), остальные казаки числом 50, а то и 60, были тоже на лошадях. А сам Разин на помосте под виселицей стоял с цепью вокруг шеи, и конец цепи был переброшен через верхнюю перекладину виселицы, у самой петли. От его пояса шла другая цепь, прикованная к обоим столбам виселицы, к тем же столбам были прикованы и руки его. Ноги (в одних только чулках) тоже были закованы. От помоста тянулась еще одна цепь, которая охватывала шею его брата, шедшего в оковах пешком. Помост везли три лошади»²⁹⁵.

Вторая половина письма посвящена последним дням Степана: «Разин был провезен между 9 и 10 часами утра и тотчас же предан пытке: сверх 30 ударов плетью он был пытан огнем, но в чем признался он, пока доподлинно не известно. Ходят разные слухи, однако докучать пересказом их не стану. В тот же день его присудили к казни, которую назначили на следующий день, и для того были сделаны должные приготовления, но после долгого ожидания казнь была перенесена на вторник. Вчера его снова пытали, но недолго, а сегодня привезли на место казни, где ему прочтен был длинный свиток с перечнем всех его преступлений от 1663 года до того дня, когда его захватили, и объявлен смертный приговор. Тут же его подвели к плахе на лошади перед крепостью и там отрубили руки, ноги, потом голову и насадили их на пять кольев, а туловище оставили на земле, псам на съедение — смерть, достойная такого злодея. Его брат стоял тут же до конца казни, потом был уведен на пытку, снова пытан и брошен опять в тюрьму. Каков будет ему приговор, еще неизвестно, хотя для него заготовлено столько же кольев, сколько и для брата. Вот все, что пока знаю, а что за тем последует, увидим в скором времени, и как только представится случай, я извещу вас. На сем кончаю и прощаюсь с вами»²⁹⁶.

Но не обошлось и без разногласий между учеными. С. А. Кюновалов считает, что автор пишет со слов очевидцев, поскольку он ни слова не проронил, что видел все это сам. Редактор советского сборника «Записки иностранцев о восстании Степана Разина» А. Г. Маньков полагает, что Томас Хебдон сам был очевидцем — за это говорят и сообщаемые детали событий, о которых мог знать только очевидец, за это говорит даже то обстоятельство, что Хебдон — иностранец; дело в том, что к месту казни из внешнеполитических соображений допускались только иностранцы. Хебдон отличает слухи от того, что рассказывает сам.

Следует, однако, обратить внимание на одну деталь — если привоз Разина в Москву дан с такими подробностями, которые могли броситься в глаза только очевидцу, то в описании самой

²⁹⁵ «Записки...», стр. 130.

²⁹⁶ Там же, стр. 131.

казни недостает именно деталей, о которых сообщают другие авторы. Я. Рейтенфельс, который сам пишет, что был очевидцем казни, указал, что «площадь, на которой преступник понес свое наказание, была, по приказанию царя, окружена тройным рядом преданнейших солдат, и только иностранцы допускались в середине огороженного места, а на перекрестках по всему городу стояли отряды войск». Ничего этого не заметил Хебдон. От известных уже нам показаний безымянного английского моряка о самой казни веет гораздо большей достоверностью очевидца. У Хебдона казнь дапа более суммарно. Все это наводит на мысль, что если привоз Разина он видел собственными глазами, то относительно казни этого сказать нельзя. Тут диапазон предположений очень велик. Хебдон мог писать о ней со слов других иностранцев-очевидцев. А если он сам был на Красной площади, то или стоял далеко и многого не видел или у купца не хватило духу наблюдать детали этого страшного зрелища. Иначе, это зрелище было бы передано очевидцем более подробно.

Что видел Балтазар Койэтт?

(1677 г.)

Были очевидцы и более поздних событий, связанных с разинским восстанием. Среди них — Балтазар Койэтт, автор сочинения о поездке голландского посольства Кунраада фан-Кленка в Москву в 1675—1676 гг.²⁹⁷ При подъезде морем к Архангельску от русского лодмана голландцы услышали о том, что стрельцы осаждают восставший Соловецкий монастырь. Соловецкое восстание (1668—1676) было явлением очень сложным. Оно началось как восстание раскольников, к которому примыкали и монастырские верхи («соборные старцы»). Но в ходе борьбы все большую роль начинала играть рядовая масса; монастырь становился прибежищем беглых крестьян, боровшихся с установлением в стране крепостничества; восстание проходило одновременно с восстанием Степана Разина, а после подавления разинского восстания на Соловки стали стекаться уцелевшие разинцы. Восстание приобрело антифеодальный, народный характер.

В начале сентября 1675 г., когда голландцы о нем услышали, характер восстания выявился совершенно определенно, но рассказ лодмана касался лишь внешней стороны дела, он сводился к тому, что «некий монастырь, называющийся Соловками, расположенный на скале среди воды, один из знаменитейших и богатейших во всей Московии... осаждался более чем десятью тысячами солдат, которые сильно обстреливают его; но что мошахи, имея более 300 орудий, а припасов, пожалуй, на 30 лет, так храбро защищаются, что его царскому величеству едва ли удастся завладеть монастырем... Позже мы, однако, узнали, что стрельцы... завладели

²⁹⁷ Об этом сочинении см. стр. 141—156 данной книги.

означенным монастырем, так как большая часть монахов разбежалась, а остальные поэтому не могли достаточно защищаться»²⁹⁸.

Рассказ лопмана свидетельствует, что осведомленность его автора была далека от точности, как и последующие сведения о конце восстания, дошедшие до голландцев — восстание, как известно, было разгромлено вследствие предательства одного монаха, открывшего стрельцам тайный ход в монастырь. Но рассказ свидетельствует и о другом — о всеобщей убежденности в том, что взять восставшую крепость штурмом было невозможно. Это сопротивление крепостничеству и деспотизму имело прямое отношение к разинскому восстанию.

Но и в самой Москве голландцы встретились с фактами, напоминавшими о недавней крестьянской войне в России. Посольство было в гостях в одном русском доме. Хозяин решил показать гостям особую достопримечательность города: «После обеда мы выехали в саних, чтобы видеть голову и четвертованные останки трупа Стеньки Разина, который перед тем восстал против царя, а также голову молодого человека, которого Степьяк Разин выдавал за старшего царевича или сына царя: этот последний, по прибытии сюда, также был казнен, а голова его была выставлена напоказ»²⁹⁹. Царские власти не довольствовались кровавым подавлением Крестьянской войны и нарочитой торжественностью казни ее вождя, они еще много лет держали до «полного исчезновения» обрубки казненного Степана Разина как доказательство своей победы и умиротворения мятежного крестьянства. Для властей это имело не только внутреннее, но и международное значение. Можно допустить, что иностранным посольствам такого рода победные «реликвии» демонстрировались совершенно намеренно.

Не исключено, что вовсе не случайно голландцы стали свидетелями еще одного факта; они видели «как вели на смерть брата великого мятежника Стеньки Разина. Он уже 6 лет пробыл в заточении, где его всячески пытали, надеясь, что он еще что-нибудь выскажет. Его повезли через Покровские ворота на земский двор, а отсюда в сопровождении судей и сотни наших стрельцов к месту казни, где казнили и брата его. Здесь прочитали приговор, назначавший ему обезглавление, что голова его будет посажена на шест. Когда голову ему отрубили топором, как здесь принято, и посадили на кол, все разошлись по домам»³⁰⁰. Это был последний акт расправы с руководителями разинского восстания.

²⁹⁸ «Посольство Кунраада фан-Кленка...» СПб., 1900, стр. 289.

²⁹⁹ Там же, стр. 446.

³⁰⁰ Там же, стр. 514.

Свидетельство Якова Рейтенфельса

(1680 г.)

Сохранились показания еще одного очевидца казни Степана Разина. Выходец из Польши Рейтенфельс одно время жил в Италии и для своего вельможного благодетеля написал большое сочинение о России — «Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии». Во второй книге этой работы автор сообщает сведения и о Степане Разине и о разинском восстании.

Эти сведения чрезвычайно ценны. Время «тишайшего» царя Алексея Михайловича представляется иностранному наблюдателю как время не только тяжелых войн, но и острых социальных столкновений. Против царских порядков произошло несколько крупных восстаний: «Наиболее замечательны из них два: одно в городе Конотопе, которое, впрочем, было подавлено, главным образом, немецкими солдатами; другое — необузданное восстание московских жителей, вызванное чрезмерным своеволием бояр и судей Морозова, главным образом, по отношению к людям низшего сословия, но и это восстание было погашено почти в самом начале его. В последнее время, наконец, Степан Разин со своей шайкой доставил Московскому царству немало хлопот»³⁰¹.

Крестьянская война была, таким образом, составной частью «бунташного» времени в России, а что касается «хлопот», которые она доставила царскому правительству, то Рейтенфельс наблюдал те из них, которые можно было видеть в самой Москве. Например, в 1670 г. в окрестностях Москвы «Алексей Михайлович во время бунта Стеньки Разина, в течение восьми дней, производил смотр 60 000 дворян». Здесь все было рассчитано, чтобы произвести впечатление: «Богатое убранство солдат, бывших на этом смотре, хотя и уступало в изяществе убранству, употребляемому в Европе, но зато превосходило его дороговизной тканей и азиатской роскошью. Все зрители с изумлением останавливали взоры на всадниках, из которых исключительно состояло все это войско, не только из-за их блестящего, разнообразного оружия, но и вследствие красивого вида их одежд. За каждым из них вели разукрашенных коней без седоков, а в поводу, в сопровождении многочисленной свиты рабов. У коней не только грива, шея, голова, ноги и копыта блистали серебром, золотом и драгоценными камнями, но и уздечки, попоны, нахвостники и ченраки были до того отягчены драгоценностями, что лошади насилу могли двигаться»³⁰².

Если верить, что на смотре участвовало 60 тыс. дворян, то это, несомненно, был смотр дворянского ополчения. И дело тут было не в одной дворянской амбиции. Смотр проходил в разгар

³⁰¹ «Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии» (далее — «Сказания...»). Падуя, 1680, стр. 72.

³⁰² «Сказания...», стр. 128—129.

разинского восстания, следовательно, речь шла о смотре вооруженных сил дворянского класса России, выступавших на войну с восставшим крестьянством. Речь шла о защите поколебленной власти русского дворянства. Судя по всему, иностранцы специально были приглашены на этот смотр, как их приглашали потом и на казнь Разина; наш автор присутствовал в обоих этих случаях. А значит, русское правительство преследовало и внешнеполитические цели. Восстание, охватившее огромные пространства России и долго продолжавшееся, не прибавляло правительству Алексея Михайловича весу на международной арене. Демонстрация силы господствующего класса должна была показать Западной Европе, что положение правительства в России является прочным, а каждый иностранец, побывавший на этом блистательном смотре, должен был это засвидетельствовать на Западе.

Сведения Рейтенфельса о последних днях Степана Разина наиболее подробные из всех свидетельств очевидцев. «Ужасный образец необыкновенного рода казни мы видели в Москве, примененным к Стеньке, т. е. Степану Разину, взбунтовавшемуся казаку», — начинает автор свой рассказ об этом событии. Значение этого рассказа определяется рядом причин. Прежде всего, автор показал *политическую* сторону финала разинской трагедии: «Этого изменника ввели в город прикованным цепями к виселице, на возвышении, точно в триумфальной колеснице, так, чтобы все его видели. За колесницей следовали беспорядочной толпой солдаты и пленники, улицы все были заполнены невероятным количеством зрителей, которых отовсюду привлекло из домов — одних необыкновенное зрелище или негодование, а многих даже и сожаление... А дабы предупредить волнения, которых царь опасался со стороны уцелевших случайно заговорщиков, площадь, на которой преступник понес свое наказание, была по приказанию царя окружена тройным рядом преданнейших солдат, и только иностранцы допускались в середине огороженного места, а на перекрестках по всему городу стояли отряды войск»³⁰³.

Сообщение это важно во многих отношениях. Оно показывает, что вождь восставшего крестьянства, даже связанный, был страшен феодальной России. Когда Разина ввозили в Москву, его телегу, оборудованную под эшафот («ларь на четырех колесах» — по определениюстряпчего Горяинова), стрельцы сопровождали «беспорядочной толпой»; это значит, что телега была нагладно окружена войсками — власти не были уверены в верноподданном поведении московских низов, ибо даже иностранцу бросилось в глаза, что многие сожалели об участии Степана. В день казни все перекрестки улиц в Москве были заняты войсками, а сама Красная площадь окружена «тройным рядом преданнейших солдат». Такие меры предосторожности говорят, что речь шла не о «случайно уцелевших заговорщиках», а о боязни

³⁰³ Там же, стр. 118—119.

массовых выступлений в столице. Наконец, чрезвычайно характерно свидетельство о том, что к самому месту казни — «в середине огороженного места» — допускались только иностранцы. Явное доказательство того, что правительство Алексея Михайловича чрезвычайно пеклось о широком международном резонансе, который оно старалось придать казни Степана Разина. Именно казнь вождя мятежного народа должна была положить конец всяким слухам о страшном восстании, которые бродили по Западной Европе; дело шло о престиже феодальной России на Западе.

Присутствие на месте казни исключительно иностранцев объясняет нам и то странное на первый взгляд обстоятельство, что о самой казни не сохранилось ни одного *русского* источника. О казни Степана рассказали только *иностранцы*. Вершившие казнь русские заплечных дел мастера наверняка не умели «брести по чернилам» и поэтому ничего не рассказали потомкам об этом событии. Свидетельство стряпчего Акинфия Горяинова относится к кацупу казни. Стряпчий Акинфий видел на Красной площади вырытые ямы и заостренные колья, приготовленные для свершения «правосудия».

Наконец, Рейтенфельс свидетельствует о героизме Степана перед лицом смерти и о недостойном поведении его брата Фрола. В тюрьме Степана «били кнутом, жгли огнем, капали ледяную воду на голову и подвергали еще многим другим, утопченным пыткам. Тело его было уже все изъязвлено, так что удары кнута падали на обнаженные кости, а он все-таки пренебрегал ими, что не только не кричал, но даже не стонал и упрекал брата, разделявшего с ним страдания и менее выносливого, в малодушии и изнеженности». На эшафоте Степан, «выслушав сперва длинный перечень своих преступлений и смертный приговор перекрестился, лег на смертную плаху и последовательно был лишен правой и левой рук и ног, и наконец головы. ...Части трупа были затем выставлены на высоких шестах, а торс валялся на земле»³⁰⁴.

Иначе вел себя брат. Он обнаружил малодушие и на пытках, и взойдя на эшафот; Фрол, «пообещав указать царю клад, зарытый им где-то вместе с братом, Стенькою, и которого де никто не найдет, если он его не укажет, получил взамен смерти пожизненное заключение в темнице»³⁰⁵. Здесь все правильно, кроме одного — казнь Фролу не была заменена пожизненным заключением. Его действительно не казнили вместе со Степаном; причина — его заявление о кладе. Были организованы поиски клада с «воровскими письмами»; эти поиски, проведенные Г. Косаговым и А. Богдановым, оказались безуспешными. Через пять лет Фрол был казнен. Как мы уже знаем, члены голландского посольства в мае 1676 г. видели, как Фрола вели на смерть.

³⁰⁴ «Сказания...», стр. 119.

³⁰⁵ Там же.

ДЖОН МИЛЬТОН. «МОСКОВИЯ» (1682 г.)

Своеобразное место среди сочинений англичан XVII века о России занимает «Brief History of Moscovia» великого английского поэта, публициста и историка Джона Мильтона³⁰⁶. В отличие от главных сочинений этого знаменитого автора («Потерянный рай» и «Возвращенный рай»), получивших мировую славу, «Московия» успехом не пользовалась. В самой Англии она выходила отдельным изданием всего один раз (1682 г.), была включена в Амстердамское собрание сочинений Мильтона (1689 г.), по популярности не обрела. В России «Московия» была переведена только в 1875 г.

Неуспех этого сочинения великого автора имел серьезные причины. Во-первых, сам Милтон не владел русским материалом, он писал по давно опубликованным в Англии сочинениям английских купцов и дипломатов о России и относившимся, главным образом, к эпохе Грозного. Следовательно, Милтон сообщал англичанам известия, которые они давно уже знали. Он, человек XVII века (1608—1674), и писал о том периоде России, который уже стал историей, и в то время, когда англичан интересовала не русская история, а *современная* Россия, очень нужная для английской торговли.

Во-вторых, Милтон слишком вольно обращался с источниками. Стремясь дать обобщенное изображение России, как она представлялась английским очевидцам, он брал материал с пропусками, а то, что входило в его текст, страдало неточностями, события оказывались искаженными, хронология перепутанной, толкование субъективным. Несоответствие повествования действительности, допустимое в произведении художественном, оказалось роковым для произведения исторического, которое должно основываться на документах.

Тем более «Московия» не могла иметь успеха в России. Здесь особое значение имело то обстоятельство, что Милтон не проверял показаний источников; а это вело к тому, что и без того не всегда точные данные английских авторов находили еще более неточное выражение. В 1874 г. появилась статья Г. Полуденского³⁰⁷, где «Московия» была подвергнута критике. На другой год вышел перевод сочинения Мильтона, со вступительной статьей Ю. В. Толстого³⁰⁸, который писал, что произведение

³⁰⁶ Р. М. Самарин. Творчество Джона Мильтона. М., 1964; А. Е. Barker. Milton and the Puritan Dilemma. 1641—1660. Toronto, 1955; Н. F. Fletcher. The Intellectual Development of John Milton, vol. 1. Urbana, 1956; F. E. Hutchinson. Milton and the English Mind. New York, 1962; D. M. Nolle. Milton in the Puritan Revolution. London, 1963.

³⁰⁷ Г. Полуденский. Русская история Мильтона. — «Русский Вестник», 1874, № 2.

³⁰⁸ «Московия» Джона Мильтона. М., 1875.

Мильтона о России, «выбранное из сочинений многих очевидцев», в действительности, выбрано чрезвычайно недобросовестно и было со стороны Мильтона не более как спекуляцией на интересе английских читателей ко всему, что относилось до отдаленной «Московии» и до еще более отдаленного «Катая»³⁰⁹. Заодно автор вступительной статьи критиковал и Полуденского, который показался ему слишком снисходительным к Мильтону.

И тем не менее, нельзя в «Московии» Мильтона видеть одни изъяны. Труд этот представляет интерес, во-первых, с точки зрения дипломатической; Дж. Милтон — секретарь по иностранным делам при Кромвеле, выполнял свой служебный долг. Россия была в числе тех стран, откуда бежавшие из Англии роялисты-эмигранты вели борьбу с английской революцией. Дипломатическое ведомство революционной Англии было обязано располагать нужными сведениями о России. Во-вторых, сочинение Мильтона интересно с точки зрения источниковедческой: один из источников Мильтона — «Краткое рассуждение о происхождении великого князя Московского...», — имеет связь с русским летописанием³¹⁰. И, наконец, в-третьих, произведение Мильтона имеет значение как свидетельство нового этапа исторических представлений англичан того времени³¹¹.

Труд этот является показателем развивавшегося интереса к глобальному изучению истории, характерного для XV—XVI вв. Для англичан это было очень важно — речь шла о прокладывании мировых путей для английской торговли, в данном случае на восток. Старая английская традиция теперь развивалась идеологием Английской революции. «Изучение географии полезно и усладительно» — таковы слова, с которых начинается сочинение Мильтона. Знаменательно само заглавие книги: «Московия или Известия о Московии по открытиям английских путешественников, собранные из письменных свидетельств разных очевидцев; также и другие малоизвестные страны, лежащие на восток от России до самого Катая, недавно в разное время открыты русскими». Это значит, что идея пробиться, в противовес Испании и Португалии, на Восток северным путем продолжала разрабатываться и в XVII веке победившей революцией. При этом делалась попытка обобщить достигнутое, подвести итоги тому, что знали англичане о территориях и народах на этом северном маршруте.

Сама попытка создать такой итоговый труд стала постоянной необходимостью. «Немалого труда стало мне собрать воедино то, что было рассеяно по многим книгам и в разное вре-

³⁰⁹ «Московия» Джона Мильтона, стр. 2.

³¹⁰ См.: Ю. А. Лимонов. Русские источники «Истории Московии» Джона Мильтона. — «Проблемы истории международных отношений». Л., 1972, стр. 243—247.

³¹¹ R. R. Cawley. Milton's Literary Craftsmanship, a Study of a Brief History of Moscovia. New York, 1965.

мя наблюдаемо очевидцами, дабы избегнуть читателям гораздо продолжительнейших разысканий в разных отдельных сочинениях». Предметом изучения являлась Россия, «самая северная из европейских стран, читаемых образованными», автор ставил также себе задачу изучить опыт путешествий на восток, «сделанных туда в последнее время русскими, которые описывают эти страны совсем иначе, чем обыкновенные географы»³¹².

Работа не была закончена. То, что автор успел написать, касается почти исключительно истории России. Мильтон пересказывает оба варианта концепций о происхождении московских царей: и о происхождении от Августа-кесаря, и о передаче византийским императором царских регалий предку московских царей Владимиру Мономаху. Автор излагает историю России от Рюрика до Михаила Федоровича Романова, оперируя тем материалом, который мы встречали в «Сказаниях» английских авторов. Особое место заняли англо-русские отношения.

Следуя установившейся в Англии традиции, прибытие первых английских кораблей к русским берегам Мильтон называет «открытием» нового государства: «Открытие России со стороны Северного океана было впервые сделано из всех известных нам народов англичанами, и могло бы казаться подвигом почти геройским, если бы предприятие это было внушено более высоким побуждением, чем чрезмерная любовь к корысти и торговле»³¹³. Но поскольку «дурные причины часто сопровождают хорошие последствия», то и «открытие» России принесло англичанам огромное благодеяние. Английские купцы, видя, что «испанцы и португальцы увеличили свое богатство открытиями новых торговых путей и неизвестных стран,... решились также испытать новые и неизвестные плаванья»³¹⁴.

Все это показывает, что хотя никакого нового материала Мильтон, по сравнению со своими предшественниками, и не дал, но само появление его работы говорит, что историческая мысль Англии, интересовавшаяся Россией, сделала в XVII в. попытку от работ по отдельным англо-русским проблемам перейти к обобщающему сочинению.

³¹² «Московия» Джона Мильтона, стр. 2.

³¹³ Там же, стр. 29.

³¹⁴ Там же, стр. 29—30.

НАКОПЛЕНИЕ ЗНАНИЙ О ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ГОДЫ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Петровское время было заметным скачком в развитии России как внутри страны, так и в ее внешнем положении¹. Россия сбрасывала с себя средневековое обличье, шла генеральная «модернизация» всех сторон русской действительности. То был период, когда прогрессивные возможности русского абсолютизма еще не

¹ Тема о Петре I продолжает по сию пору привлекать внимание зарубежных исследователей. О внутренней политике Петра I см.: *M. S. Anderson*. Peter the Great, London, 1969; *L. Jay Oliva*. Russia in the Era of Peter the Great. New York, 1969; *Marc Raeff*. Origins of the Russian intelligensia.—The eighteenth-century nobility. New York, 1966; *D. Liversidge*. Peter the Great. The Reformer-tzar. London — New York, 1968; *S. H. Baron*. The fate of the «Gosti» in the reign of Peter the Great.—«Cahiers du monde russe et soviétique». Paris, 1973, vol. 14, vol. 4, p. 488—512; *J. Cracraft*. The Church reform of Peter the Great. Stanford (Cal.), 1971; *I. Grey*. Peter the Great and the tsarevich Alexei.—«History today». London, 1974, vol. 24, N 11, p. 754—764; *H. R. Buck*. Die wirtschaftlichen Voraussetzungen des russischen Machtaufstieges unter Peter I.—«Saeculum». Freiburg — München, 1968. Bd. 19, Hf. 2—3, S. 224—249; *R. Wittram*. Peter I. Czar and Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in Einer Zeit. Göttingen, 1964. Bd. I—490 S, Bd. 646; 5; *H. Kellenbenz*. Marchands en Russie aux XVII—XVIII siècles.—«Cahiers du monde russe et soviétique». Paris, 1970, vol. 11, N 4, p. 576—620; 1971, vol. 12, N 1—2, p. 76—109; *А. Янков*. Петър Първи. София, 1969; *Орделин Захарџа*. Петар Велика. Београд, 1970 (перевод на современный язык) и др.

Большое место принадлежит теме о внешней политике Петра I: *I. Lisk*. The struggle for supremacy in the Baltic, 1600—1725; New York, 1967; *W. Mediger*. Mecklenburg, Russland und England — Hannover 1706—1721. Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges. Hildesheim, 1967. Bd. I—II; *W. Mediger*. Russland die Ostree im 18 Jahrhundert.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Wiesbaden, 1968. März, Bd. 16. Hf. 1, S. 85—103; *K. Zernack*. Von Stolbovo nach Nystad. Russland und die Ostsee in der Politik des 17 und 18 Jahrhunderts. Zu einigen Neuerschienungen der sechziger Jahre.—«Jb. für Geschichte Osteuropas», Wiesbaden, 1972. Bd. 20. Hf. 1, S. 77—100; *Ch. Lemerrier-Quellejay*. La campagne de Pierre le Grand sur le Prut d'après les documents des Archives Ottomanes.—«Cahiers du monde russe et soviétique», 1966. avr.—juin, vol. 7, N 2, p. 221—229; *F. Grönebaum*. Frankreich in Ost- und Nordeuropa. Die französisch-russischen Beziehungen von 1648—1689. Wiesbaden, 1968; *А. В. Флоровский*. От Полтавы до Прута. Из истории русско-австрийских отношений в 1709—1711 гг. Praha, 1971.

были исчерпаны, то был его зенит, выше которого он уже не поднимался. В то же время это был шаг в дальнейшем угнетении народа, его бесправии перед помещиком и перед дворянской властью, все более крепнувшей. Приезжий англичанин, глянувший на тогдашнюю Россию свежим глазом, был убежден, что в России «нет джентльменов, а только капитаны и майоры, асессоры и регистраторы».

Положение России на международной арене было чрезвычайно трудным. На протяжении западной границы лишь на ее центральном участке обстановка постоянной войны с Польшей сменилась более спокойным, хотя и не всегда мирным, состоянием. Что же касалось ее левого фланга, обращенного в сторону Турции, и ее правого фланга, противостоявшего Швеции, то здесь военное напряжение не ослабевало. Война с Турцией была войной за выход к Черному морю, война со Швецией — за выход к морю Балтийскому. Было решено, как известно, начинать с фронта антитурецкого — об этом говорят Азовские походы. Великое посольство 1697—1698 гг. имело целью сколотить антитурецкую коалицию из старых противников Турции — Империи, Венеции и Польши. Но обстановка в Европе складывалась не в пользу этих планов — дело шло к Карловицкому миру 1699 г. между Турцией и ее европейскими противниками, к которому пришлось присоединиться и России.

Несмотря на то, что создание антитурецкой коалиции европейских стран оказалось невозможным, борьба России против Турции пользовалась симпатией на Западе. Взятие Азова, например, вызвало благоприятный для России международный резонанс. Известие об этом событии обошло «печатные куранты» всей Европы², русских дипломатов поздравляли в западных странах с этой победой. Находившийся тогда в Вене русский посланник Кузьма Нефимов получил из Италии даже тетрадь со стихами на взятие Азова. Автор писал, что победа русских «удивлением наполнила всю Европу, а особо целую Италию, призвав всех стихотворцев к сим нынешним радостям». Стихотворец сообщал, что свои стихи он «дерзнул есмь рассылати и во многие школьные училища всея Европии»³.

На пороге XVIII века центр тяжести во внешней политике России перемещается на правый фланг ее западной границы. С этого хронологического рубежа берет начало тяжелая двадцатилетняя полоса Великой Северной войны, проходящая по всему Петровскому времени; задача состояла в том, чтобы довести до конца давнишнюю борьбу России за выход в Балтику, чтобы, наконец, «в Европу прорубить окно, ногою твердой стать при море». Это был самый прямой и самый удобный путь на Запад.

² «Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными» (далее — «Памятники...»), т. VII, СПб., 1871, столб. 1195—1201.

³ «Памятники...», т. VIII. СПб., 1871, столб. 298.

С этой поры Россия начинает выдвигаться в ранг великих держав, определявших положение в Европе и во всем мире. Это было насильственным вторжением. Потребовались штыки Полтавы, чтобы открыть наглухо захлопнутую дверь и сесть за стол избранных. С тех пор у истории уже ни разу не поднималась рука, чтобы вычеркнуть Россию из списка великих держав, но великие державы встретили появление России в ее новой роли с удивлением и враждебностью. До сих пор Россия им рисовалась страной далекой, азиатской, недостаточно сильной, чтобы вмешиваться в дела Запада. Теперь они вынуждены были считаться с Россией, но презирали ее за отсталость.

Когда весть о Полтавской победе долетела до центра тогдашней международной политики — Гааги, там отказались этому верить. Шведский посол Палмквист уверял дипломатов, что слухи о Полтаве это — козни русских с целью принудить изгнанного из Польши Августа II выйти, наконец, из своего саксонского убежища и двинуться на помощь Петру. Далеко не все представители западных держав нашли в себе такта поздравить русского посла А. А. Матвеева с победой, а на банкетах, которые давал Матвеев в связи с Полтавой, вид послов не свидетельствовал об их радости. Сам глава голландского правительства Гензиус в ответ на официальное объявление ему Матвеевым о победе, не постеснялся выразить удивление — не слишком ли быстро была разбита непобедимая шведская армия? Западная Европа радовалась гибели армии Карла XII, но она вовсе не желала усиления России.

Полтава внесла резкие и радикальные перемены в расстановку сил на европейской арене. Договоры, навязанные государствам Европы Карлом XII, перестали что-либо значить, тогда как созданный Петром Северный союз, распавшийся под ударами шведской армии, вновь возродился и стал не последней силой в международной политике. Август II двинулся в Польшу — это означало, что вышедший было из игры союзник России вновь возвращался в строй. Ганновер из союзника Швеции стал союзником России. Эхо Полтавской победы докатилось и до крайнего запада Европы, где была в разгаре война за испанское наследство. Каждая из сторон теперь была вынуждена принимать Россию в расчет в своих дипломатических комбинациях. Швеция переставала быть великой державой. Россия становилась ею⁴.

Новые, более оживленные отношения с Западом были и новым этапом в его изучении. Теперь это изучение было возведено в ранг государственной политики. Со времени Великого посольства

⁴ «Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика и культура)». Сб. статей. М., 1966.

в Западную Европу устремляется целый поток русских людей, по преимуществу молодежи, со специальной целью изучать Запад, вывозить оттуда культуру в Россию. Еще большую роль в ознакомлении с Западной Европой играли русские дипломаты. Их деятельность за рубежом теперь протекала в новых условиях. Задача дипломата уже не ограничивалась обязанностью довести до сведения иностранного двора точку зрения русского правительства и «посмотреть, каких там новостей объявилось». Русские посольства, как и посольства других стран, оседают при иностранных дворах, превращаются в посольства постоянные. Знакомство с чужой страной это уже не знакомство наездом, не собиравшие эпизодических наблюдений и случайно долетевших сведений, а изучение более систематическое и более глубокое.

В связи с этим меняется и дипломатическая отчетность. Статейный список еще некоторое время сохранял свое название, но это было нечто совершенно иное, чем Статейный список, например, середины XVII века, как по содержанию, так и по форме. Задача Великого посольства не идет ни в какое сравнение с масштабами прежних посольств. Это было подчеркнуто в самом заглавии Статейного списка «Книга в десять 7205, 7206 и 7207 [1697, 1698 и 1699] гг., а в ней Статейный список великих и полномочных послов генерал-адмирала Франца Яковлевича Лефорта и генерала и воинского комиссара Федора Алексеевича Головина да думного дьяка Прокофья Возницына, как они посылапы были от великого государя, царя Петра Алексеевича с грамотами для его царского величества государственных дел в окрестные государства — к цесарю Римскому, к английскому королю, к галанскому королю (!), к галанским статам, к курфюрсту Браденбургскому и к князю Курляндскому». Их Статейный список занимает 919 листов⁵. Не случайно он именуется книгой.

Еще более сложной теперь стала деятельность постоянных посольств. Примером тому может служить посольство А. А. Матвеева в Гааге. Его Статейный список в 1699 г., содержащий 229 листов, является отчетом о внутреннем состоянии Франции и имеет разделы: об административном устройстве этой страны, о ее церковном устройстве, об армии, о знатных фамилиях французского дворянства, о воспитании дворянской молодежи, о финансах, о просвещении и о законодательстве⁶. Но Статейные списки теперь были лишь небольшой частью делопроизводства посольства. Об общем его объеме можно судить по сохранившемуся собранию дел посольства Матвеева «Книга записная всяких дел и случайных ведомостей, бывших при посольстве в Голландии в Гравенгаге». Три части⁷ этого собрания содержат свыше 3 тыс. листов. Иными словами, Статейный список как эпизодический отчет уже не вмещал всей деятельности посольства, он уже от-

⁵ Рукописный отдел ГПБ, Эрм. № 487.

⁶ Архив ЛОИИ, ф. 36 (Архив Воронцовых) № 180/814.

⁷ Там же, ч. I—№ 186/552; ч. II, № 187/1075; ч. III, № 188/1003.

жил свой век, и в 1707 г. подача Статейных списков окончательно прекращается. Делопроизводство петровской Коллегии иностранных дел устанавливало регулярную отчетность постоянно действующего посольства за рубежом. Порядки коллегии начинают приближаться к порядкам позднейшего министерства.

Рядом с дипломатическими документами в петровское время особым видом источников выступают записки путешественников. Это были мемуары частных лиц, но лица эти обычно ездили за границу «за повелительным указом» Петра и имели те или иные дипломатические поручения. Мемуары часто поражают наивностью и ничтожностью наблюдений, кое-кто из авторов рассматривал Западную Европу как гигантскую кунсткамеру, наполненную всякими диковинами. Русский анонимный автор 1697 года в своих записках писал: «Видел индейских мышей, желтые и белые, как горностаи. Видел ворона, тремя языками говорит... Видел морского зайца, у которого затылочная кость полторы сажени». «На дворе был, где травили быков собаками, при мне затравили трех, а два устояли». «Видел на полях множество мух, как свечи горят»⁸. Но были люди, оставившие в своих записках ценные наблюдения над западной современностью.

1.

ПЕТРОВСКИЕ ДИПЛОМАТЫ О ЗАПАДЕ.

П. А. ТОЛСТОЙ, Б. П. ШЕРЕМЕТЕВ

Одной из характерных фигур петровской эпохи был Петр Андреевич *Толстой* (1645—1729). Прежде, чем стать послом в Турцию и одним из ближайших помощников Петра, 52-летний стольник Толстой, словно рядовой недоросль, был послан в 1697 г. в Италию учиться морскому делу. Немолодой служака тащил на себе изрядный груз старины, но усердно служил тому новому, что входило тогда в русскую жизнь. Посылке Толстого в Италию способствовало его знание итальянского языка. Это знакомство было, видимо, столь основательно, что позволило ему судить о том, что в Риме на итальянском языке говорят «изрядно, чисто, многих итальянских мест лучше». Его знакомство с Италией, нужно полагать, было причиной того, что именно Толстого Петр посылает впоследствии в Италию разыскать и привезти в Петербург царевича Алексея. За преданность Петру впоследствии верховники — представители боярства — жестоко расправились с Толстым.

Чрезмерная набожность автора «Путешествия» обусловила повышенный его интерес ко всякого рода реликвиям — видел «кость от челюсти св. Пелагеи», «ногу св. Зиновии», «часть малую от

⁸ «Журнал путешествий по Германии, Голландии и Италии». — «Русская старина», 1879, май, стр. 110, 113.

святого крестителя лева носа», видел «ковчег старого завета, в котором у иудей была манна» — вот малая часть длинного перечня святынь, кои он сподобился лицезреть. Кроме того, Толстой в истории был «не изрядно крепок», поэтому его сведения по истории требуют осторожности⁹.

В то же время Толстой — зоркий наблюдатель современной ему Италии и человек, наделенный незаурядным умом; не случайно Петру приписывали фразу, сказанную по адресу Толстого: «Голова, голова! Кабы не так умна ты была, давно б я отрубить тебя велел!»¹⁰ В своем «Путешествии» он дает описание Варшавы и Вены, через которые он проезжал по дороге в Италию, немало потрудился над описанием Венеции, Неаполя, Рима, Флоренции, Болоньи, Падуи, Феррары, портов Далмации, а также Мальты, где описал фортеции, построенные «изрядным крепким мастерством». Его интересовали занятия жителей целых областей, промышленность итальянских городов (в Падуе «делают всякие сукна, а самых добрых сукон там делать не умеют»). Он бывал на ярмарках, интересовался ценами «на харч всякий и хлеб», обратил внимание на роль Мальтийского ордена по охране морских торговых путей итальянских городов¹¹. (Он наблюдал Мальту во время очередной войны между Венецией и Турцией.)

Для наблюдений Толстого характерно стремление не довольствоваться первым впечатлением, а добираться до смысла явлений. По пути в Италию он проезжал через Польшу, и оказался на поле, на котором происходят выборы короля. На этот раз поле было пусто; оно было разделено валом и окружено рвом, потому что участники элекционных сеймов «не могут никакого государственного дела сделать без боя и без драки». Вид поля и выбитые стекла в сенатской избе заставили Толстого задуматься о роковой роли панско-шляхетской анархии в судьбе Польши: «и всегда у них между собою мало бывает согласия, в чем они много государства своего растеряли»¹².

В Венеции было два соседних квартала — «кастеляны» и «николиоты». Несмотря на то, что и те и другие состояли из простого народа, между ними постоянно происходили столкновения. Толстой сразу находит тому объяснение — он считает, что венецианские сенаторы намеренно «кастелянов и николиотов ссорят, чтоб они не были между собою согласны, для того, что боятся от них бунтов»¹³.

⁹ «Путешествие стольника Петра Андреевича Толстого». (Далее — «Путешествие П. А. Толстого»). — «Русский архив», 1888, т. 5—8, стр. 153; «Описание жизни графа П. А. Толстого. Соч. французского консула Виллардо». — «Русский архив», 1896, т. 1, стр. 20—28.

¹⁰ Эта шутка на пиру объясняется тем, что в детство Петра П. А. Толстой был замешан в стрелцком восстании в Москве.

¹¹ «Путешествие П. А. Толстого». — «Русский архив», 1888, т. 5—8, стр. 136.

¹² Там же, т. 2, стр. 192.

¹³ Там же, т. 4, стр. 549.

В Неаполь, принадлежавший тогда Испании, прибыл французский корабль с известием, что в город скоро придут 20 французских галер, а на них «дворяне-французы ездят гулять и смотреть свету». Все это сопровождалось взаимными любезностями — испанские и французские суда отдавали друг другу салют. Из этого Толстой делает вывод, что французы прибыли «не для одного смотрения Неаполя», а «хотят учинить некоторую шкуду»¹⁴. Подтверждение своей догадке он видит в том, что одновременно с французскими судами на неаполитанском рейде появилась испанская эскадра. Толстой проверил свою догадку — он посетил испанского адмирала и от него узнал, что «французские галеры из Неаполя отправятся в Палермо, а испанские суда двинутся вслед за ними»; «пойдут они будто для почтения французского каравана, а паче для опасения, чтоб французы в Цицилии не учинили какой конфузии, т. е. для замешания. А в Палерме всегда стоят гишпанских же шесть галер во всякой готовности... гишпанцы от французов имеют опасения; хотя и мир между собою учинили, а совершенно друг другу верить не хотят»¹⁵.

Борис Петрович *Шереметев* (1652—1719) не был официальным дипломатом, когда в 1697—1699 гг. был послан Петром «для видения окрестных стран и государств, а в них мореходных против неприятелей... военных поведений, которые обретаются во Италии, даже до Рима и до Мальтийского острова, где пребывают славные в воинстве кавалеры». Шереметева знали на Западе как русского командующего в минувшей войне против турок. Император Леопольд снабдил явившегося к нему Шереметева грамотой к папе и Мальтийскому ордену, чтобы русскому путешественнику «везде учинена была подобающая честь». В Риме к нему на поклон являлись «папешские бояре» и «генерал иезуитский», а сам папа принял Шереметева «зело любезно и весело». На Мальте ему также было оказано «великое уконтектование».

Сильной стороной записок Шереметева было описание местностей, по которым он проезжал. При этом на первом плане у автора стоят люди и те условия, в которых они живут. В Альпах на границе Империи и Италии «люди нужны и бедны; к тому же еще... у мужеска же и женска полу на шеях и под горлом и на грудях великие болячки... и самый люд худ»¹⁶. Баден это, прежде всего, курорт, где «текут из гор горячие воды.. и сказывают тамошние жители — гораздо де та вода пользует от всяких болезней — то место самого цесаря»¹⁷. В июне 1699 г. Шереметев, приехавший в Неаполь, стал свидетелем страшного извержения Везувия, продолжавшегося два дня. Описав самое извержение, он

¹⁴ «Путешествие П. А. Толстого». — «Русский архив», т. 5-8, стр. 147.

¹⁵ Там же, стр. 150—151.

¹⁶ «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. X. СПб., 1871, столб. 1624—1625.

¹⁷ Там же, столб. 1620.

рассказывает, что оно значило для местных жителей; «и пожгло и побило и переранило камением множество людей, которые круг той горы жили и всякие пожгло заводы, от чего сбежалось людей с тридцать тысяч в город Неаполь, которых того начальствующий вицирей¹⁸ и кардинал три дня кормили своими scarбамми, давали им на день... московским счетом будет по две гривны, и раненых приказали лечить. И в городе Неаполе в те два дни тако сыпало от той горы пепел, что никак по городу ходить было не возможно... и престрашная была духота, от чего слабые люди начали было болеть»¹⁹. Сицилийский город Мессина «и от французов и от своего гишпанского короля разорен тому лет 15 для того, что они французу поддалися; а потом француз от них отступился, и за ту их измену они разорены от своего короля, и зело тут люди скудны»²⁰.

Записки Шереметева интересны также тем, что рассказывают о тогдашней обстановке на Средиземном море. Обстановка эта была чрезвычайно тревожной — здесь царили турецкие пираты. Мальтийская эскадра, с которой Шереметев ехал на Мальту (и которая, кстати сказать, сделала его своим адмиралом), погналась за одним судном, предполагая, что оно турецкое, но выяснилось, что это судно французское и «везут де французы турецких купцов до Туниса» — дружба Франции и Турции продолжалась. На обратном пути их стали преследовать 4 турецких судна, от которых мальтийцам пришлось уходить; «и на галерах капитан воинских людей к бою во всем построили, и невольников перековали и подняли великие парусы, к тому ж еще греблю бежали скоро...». Завидев Сицилию, турки отстали.

2.

А. А. МАТВЕЕВ

И ЕГО СОЧИНЕНИЯ О ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Андрей Артамонович Матвеев (1666—1728) более полутора десятка лет был русским послом в Западной Европе — в Голландии (1699—1712) и Империи (1712—1715). В 1705—1706 гг. ездил с дипломатической миссией в Париж, а в 1707—1708 гг. — в Лондон. Случилось так, что «обыкновенные статейные списки всей своей бытности в посольстве в Голландии, Франции, Англии и у Цесарского двора» он представил в Коллегию иностранных дел лишь в конце 1722 г. Раньше всего было написано «вне-служебное» сочинение о его дипломатической миссии в Париж, которое создавалось, видимо, во время самого парижского путешествия, а затем дополнялось и обрабатывалось после него. Впер-

¹⁸ Вице-король. — М. А.

¹⁹ Там же, столб. 1686.

²⁰ Там же, столб. 1650—1651.

выс этот труд полностью был издан лишь в 1972 г.²¹ До этого времени он публиковался в небольших отрывках. О нем имеются исследовательские статьи, встречаются отдельные упоминания²².

Труд Матвеева — новое явление в русской дипломатической практике. Прежде всего, стали более богатыми и разнообразными — выражаясь современным языком — источники информации автора дипломатического документа. Для посла допетровской поры этими источниками были личные наблюдения и документальные материалы. Все это было ему доступно в очень ограниченных масштабах, ибо допетровский дипломат совершал всего одно — «разовое» — путешествие на Запад, а само путешествие для него могло быть чисто случайным явлением. Иначе обстояло дело у Матвеева. Он жил на Западе много лет, круг его наблюдений значительно шире; неизбежно расширялся и круг доступных ему документальных источников. Для русского дипломата, знакомого с европейскими языками²³, появился новый источник сведений — западная книга, а значит появилась западная книжная информация. Так обстоит дело у нашего автора с информацией по ее происхождению.

Становятся его сведения богаче и разнообразнее и по *форме*. Допетровский дьяк со всем тщанием повествовал, по каким путям двигалось его посольство, сколько хлопот доставляла «рухлядь», рассказывал о приеме у иностранного государя, где обычно не обходилось без препирательств вокруг титулов «великого государя», сообщал «каких новостей объявилось» и подтверждал это документами, если они были. Это был однообразный рассказ о виденном с документальным обоснованием, если к тому была возможность. Повествование Матвеева уже никак не укладывается в эти узкие рамки. Это — то дневник путешественника, то короткие заметки, то пространное рассуждение о каком-либо предмете, то перечень, иногда очень длинный, который не выходит из рамок справочника, то отчет о выполнении поручения, то обращение к другому лицу (в котором нетрудно угадать Петра I), перед которым автору надлежало отчитываться, то историческая или даже филологическая справка, то апелляция к документу и т. д.

Естественно, что такое многообразие форм уже не вмещалось в старое название. У самого Матвеева не было ясности как назвать свое сочинение²⁴. Сохранившаяся черновая рукопись озаглавлена: «Дневник неофициальной миссии к французскому дво-

²¹ «Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева)». Публикация подготовлена И. С. Шарковой под редакцией А. Д. Люблинской. Л., 1972.

²² Библиографию см.: там же, стр. 7.

²³ Матвеев был из «западнической» семьи известного Артамона Сергеевича Матвеева, знал европейские языки, но говорил из них только по-латыни.

²⁴ Источниковедческий анализ см.: «Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева)», стр. 24—30.

ру». Дошедшие до нас две копии с беловика названы: «Архивный Статейный список Московского посольства, бывшего во Франции...». Старый термин «Статейный список» еще не вышел из употребления, но автора он не удовлетворяет, приходится пользоваться другим термином — «Архив» — в смысле сборника всяческих сведений — и автор ставит его на первое место. В этом сказывается попытка вырваться из прокрустова ложа традиционной формы. У Матвеева в ходу и третий термин — «Книга», а это свидетельствует о том, что поиск новой формы увел автора уже далеко — он пишет большое сочинение на избранную тему, решительно не считаясь с устаревшими канонами.

В действительности речь идет о книге — большом труде о Франции. Как справедливо отмечает А. Люблинская и И. Шаркова во вступительной статье к публикации труда Матвеева, труд этот был первой книгой русского автора о Франции. Сказать попутно, у Матвеева был определенный план этого сочинения. В нередких случаях он не считает пужным говорить о чем-либо, потому что об этом «подлиннее в своем объявлено будет месте». К сожалению, книга осталась незаконченной, и нам трудно судить окончательно, каков был этот план.

Что же увидел петровский дипломат Матвеев на Западе в поездке во Францию? Именно этот вопрос представляет для нас интерес, ибо сама дипломатическая поездка Матвеева была бесполезной. Он ездил в Париж неофициально с целью добиться от Франции посредничества для переговоров со Швецией, второй его целью было заключение торгового договора. Ни то, ни другое не удалось. Поэтому, для нас важно не то, за чем он ездил, а то, что он привез; а привез он рассказ русского наблюдателя о жизни в тогдашней Франции. Фронт его наблюдений довольно широк — от положения народа до высших проявлений культуры. Матвеев — не праздный турист, он смотрит на все глазами государственного человека петровской поры.

Его путь из Гааги в Париж пролегал по значительной территории, к тому же во время войны за испанское наследство. Он видел Запад не с фасада, а со двора. Поэтому повествование Матвеева, независимо от целей автора, содержит некоторые штрихи для характеристики социально-политического положения в Западной Европе в разгар войны за испанское наследство. Вот Нидерланды, известные своим торгово-ремесленным развитием. Недалеко от знаменитого Антверпена «жилье почалось самое плохое, и народ попремногу во всем скудной, которой нарочно по дорогам, видя приезжающих, ждуть и многолюдством бежит с великими доукки прося мпlostыни»²⁵. Города, через ко-

²⁵ Там же, стр. 34.

торые он проезжал, интересовали его в ином аспекте — он оценивал их как крепости, описывал внешний вид, знакомился с политическим устройством города. Вот ратуша г. Гента²⁶. Она состоит из четырех палат: «первая, где собирается начальной магистрат провинции фляндской..., другая полата, где собираются скабины, или разыскных дел судьи, где осуждают виновных (виновные.— М. А.)... Третья камора, где собирается старей магистрат для росправ пужных (нуждающихся.— М. А.) людей... Четвертая полата наверху чрезмерного величества (размера.— М. А.) и украшена живописными персонами великими всех славных побед Карола 5, цесаря римскаго...»²⁷.

Вот Франция к концу царствования Людовика XIV. Как известно, первая половина правления «короля-солнца» была кульминацией французского абсолютизма и порой благополучия во французских финансах. Но за этим фасадом скрывалась нищета народных масс и паразитизм дворянства; окончательно сложился тот «старый порядок», который к концу XVIII столетия привел к Французской революции. Этот контраст между положением народа и положением знати особенно обнажился, начиная со второй половины царствования Людовика XIV. Вот на это противоречие французской действительности и обратил свое внимание Матвеев.

Проезжая по Франции, он наблюдал деревни, «и в них везде костелы каменные старинные, но поселянство в тех селах, от поборов королевских изнуренное, в копечной пребывает скудости, лошади и ослы, и скот гораздо мелок...»²⁸. Зато в Париже он был поражен роскошью, которой не наблюдал ни в одной столице мира. Ни одно государство «не имеет такова многова числа и изрядства в Европе карет и убору богатаго на лошедых... Не только высокие особы, или шляхетство, и купечество богатое употребляет кареты... Уборства велеможность в домех великих и посредственных высокошляхетных особ и у самого парижского купечества... живописным подобием тканых ковров,... великих мер в три аршина зеркал многоцепных, живописных картин дивных художеств, шаф, и шкатул, и часов, и паникадилов из самого точенаго светлаго хрусталия... превосходят все страны европския»²⁹. Поразили его и балы: «Те балы во время короновалу по многим домам в Париже отправляются так у вельмож французских, как и у министров чужестранных, и на один день по 30 и по 40 балов по домам бывает с великими учреждениями и в одеждах злотоглавных уборных и пребогатых розных мод... Во время отправления балов тех иждивения великое бывает в свечах восковых белаго воску, потому что в паникадилах... премного ставят для великих светлостей... При тех балах потчивают розными конфекты, фрукты и винами, обнося

²⁶ Гент тогда принадлежал Испании.

²⁷ «Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева)», стр. 39.

²⁸ Там же, стр. 44.

²⁹ Там же, стр. 195.

всех кругом, где кто сидит, на великих серебряных мисах. Те балы бывают до 5 и до 6 часов пополудни»³⁰.

Такого рода сведения составляют важную, но не главную особенность сочинения Матвеева. Главная заслуга этого петровского дипломата как автора состоит в том, что он дал описание гигантского механизма знаменитого французского абсолютизма на той его стадии, выше которой он уже не поднимался. Дело в том, что за французскими порядками времен Людовика XIV в Европе утвердилась слава наилучшей формы господства дворянства. Наблюдалось это еще в XVII в. — Юрий Крижанич рекомендовал их России как наиболее совершенные³¹. В XVIII в. эта слава в феодальной Европе еще более укрепилась — французский абсолютизм и французское дворянство почитались за образцы, французский язык становился языком дворянства целой Европы.

Французомания коснулась и русского дворянства — почти весь XVIII в. прошел под этим знаком; даже знаменитое французское просветительство дворянство приспособляло для своих целей! Только Великая революция во Франции сломала эту давнишнюю и прочную традицию. Андрей Артамонович Матвеев — автор первой книги о Франции — был основоположником этой традиции русского дворянства. Пробыв в Париже более года и близко наблюдая двор и высший свет при Людовике XIV, он ставил своей целью дать как бы моментальную фотографию всего, что он увидел там за этот год. Он дал это не в абстрактных рассуждениях, а рассказал о живых людях, их делах, о действующих учреждениях и порядках и притом иногда с большой подробностью. В некоторых своих частях его книга напоминает деловой справочник для сведения Петра I и Коллегии иностранных дел.

Матвеев оказался пытливым наблюдателем. Приехав в Париж, он знакомится не только с его улицами и площадями, но и старается постигнуть происхождение его названия. Он считает, что древнее название Лютеция произошло от латинского *lutum* — болото, «попезе грязей от мокрот натурального своего положения много в городе том» и если бы улицы не были вымощены камнем и если бы вода не отводилась по подземным трубам, то «не только б от гнусностей вони, но и из патечения тех грязей никакой бы мог тому городу проезд быть»³². Что же касается современного названия Парижа (*Paris*), то Матвеев ничего не дознался, кроме легенды о том, что такое название произошло от имени троянца Париса.

Как произошло название дворца Тюильри? Место, где стоит дворец, «самое грязное и зело плохое бывало, и делали прежде

³⁰ Там же, стр. 198.

³¹ М. А. Алпатов. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, стр. 416.

³² «Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева)», стр. 49.

на нем черепицу на кровли... оттого то место прозвание доныне себе приняло Тюлери, понеже по-французски тюиль называется черепица»³³. А почему король не живет в этой парижской резиденции, а предпочитает жить в Версале и Фонтенбло? На это есть основательные причины. Во-первых, с этим дворцом связаны неприятные для короля воспоминания о Фронде. Во-вторых, в Париже король постоянно находится под угрозой народных возмущений. А в-третьих, загородные парки лучше для здоровья короля³⁴. В этом сказывалась обычная манера нашего автора основательно знакомиться с каким-либо явлением.

Как всегда, Матвеева интересует прежде всего дворянство. Мы уже видели, что он обратил внимание на роскошь придворной знати. Но еще больше его привлекли порядки и традиции столичного дворянства во Франции, которые были так непохожи на порядки в среде петербургских дворян. В частности, Матвеева удивило, что «жепский пол Франции никакова зазору отнюдь не имеет во всех... поведеньях с мужеским полом», удивило его и воспитание детей; сыновья дворян «имеют воспитание зело изрядное и обученне в розных языках и во всех свободных науках, особливо же математики, географии, геометрии, и арифметики, и воинских обучений, и конской езды, на что имеют учрежденные в Париже великия академии, и потом танцов, и пения, и розных музык». Дочери дворян «изрядством голосов пения, и игрою музык, и открытостью любительных своих и добронравных поступок... превозходят все европейския народы»³⁵. Для петровского деятеля эти завистливые сентенции о науках и политике были чрезвычайно характерны — Россия должна была во всем этом, как и во многом другом, догонять Запад.

Специальную запись Матвеев сделал «об изрядстве купечества» в Париже, ибо «по многим улицам... избранных товаров великое и лавок учреждение, и в уборах тапетов, или ковров, и иных некоторым голанским городам непримешное... Народ, как парижской, так и во всей Франции весьма многоработной и ко внутреннему изследованию всяких художеств попятной, где художества больши прочих всех государств европейских цветут и всех свободных наук ведения основательноно повсегда умножаются...»³⁶. Франция ведет и заморскую торговлю. Русский наблюдатель видел «двор Компании Восточной Индии... которой имянуется Лотель дез Инде»³⁷.

Но центром, вокруг которого строится все повествование Матвеева, является французский двор и вся громоздкая машина абсолютной монархии. В этом центре есть свой центр, это — сам Людовик XIV. Матвеев не раз прибегает к такому авторскому

³³ «Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева)», стр. 65.

³⁴ Там же, стр. 64.

³⁵ Там же, стр. 197.

³⁶ Там же, стр. 50.

³⁷ Там же, стр. 57.

приему как портрет персонажа, с которым ему довелось встречаться. Это же он делает и по отношению к знаменитому французскому королю. Ему удалось передать читателю свое личное впечатление, в результате у него получился не парадный портрет монарха, а портрет живого человека. Читатель узнает, что Людовик XIV «есть великого стана изрядного, дебелости умеренной, глаз острой быстроты, он в словах зело ласкав, учтив и приятен, говорить громко склонности многой, имел тогда 67 лет и 8 месяцев, однако ж гораздо бодрого еще состояния в здравии своем находился. Великое воздержание в ествах и в питье имеет и всегда для осторожностей состояния своего по вся месяца принимает лекарства. Также и для обучения плоти повседневно ездит на свои охоты и забавы в ближние свои села...»³⁸. В другом месте Матвеев сообщает, что хотя король «весьма лишился зубов, но однако ж гораздо от развариваных еств тех при столе том ел довольно, дважды со всякою умеренностью во весь стол пил он»³⁹.

А вот еще одна живая сцена. Король вызвал в качестве переводчика одного из дворцовых духовников, потому что Матвеев вел беседу по-латыни, но тот «господин абе королю учтиво донес себя известна быть языка латинского, но не бегла в разговоре, чему король довольно усмеживался, нашедши при своем великом дворе в своих духовных особах умеренной науки человека»⁴⁰.

Далее идет «Описание генеалогии» царствующей династии Бурбонов, поименно перечисляются все принцы и принцессы по прямой и побочной линии; иногда это дается с большими подробностями, которым посвящены отдельные главы, вплоть до рассказов «О побочной фамилии королевской», «О метресах или любовницах королевских» и т. д. Большой раздел трактует «О первых началах и достоинствах королевства французского». Речь идет о королевском дворе, где столпилась огромная масса чинов и учреждений. Чипы поименованы вместе с их носителями, а учреждение с их обязанностями по управлению. Особое место занимают финансы Франции; Матвеев дал подробную роспись доходов и расходов Франции; при этом от него не ускользнуло, что во Франции «в деньгах есть, а больши в людех скудость, и всемерно двор сей к миру готов» ибо «продолжение войны вычерпали конечно уже деньги здесь»⁴¹. Матвеев составляет целый справочник по административному устройству страны, по устройству армии, судебному ведомству, с поименным обозначением чинов в них и их характеристикой. Практическое значение такой информации для русского двора и Коллегии иностранных дел было огромным; об этом не мог не думать русский дипломат.

³⁸ Там же, стр. 83.

³⁹ Там же, стр. 82.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, стр. 79.

Для сведения петровской России Матвеев рассказывает о культурной жизни Франции, поскольку она была доступна его наблюдению. Он старается не пропустить ничего; об этом свидетельствуют отдельные параграфы его книги: «О всенародных училищах во Франции». Речь идет о Сорбонне, ее отдельных факультетах посвящены — «О науке законов и прав», «О науке врачебной». «Академии французской» посвящен особый параграф. Искусство его интересует самым непосредственным образом: «О Академии королевской живописного художества». Он считал нужным доносить в Россию о живописи, которую ему довелось наблюдать, в том числе и о живописи церковной, где было немало работ мастеров Возрождения. «Письма живописные в церквах и над алтарями, и на потолках самых преславных древнего веку живописцов, особливо ж хвальных веку того Робенса и Ваудейка»⁴². Такого рода дипломатическое донесение в дальнейшем становится своего рода нормой в сообщениях петровских дипломатов о зарубежных странах. Впоследствии Матвеев явился автором истории стрелецкого восстания 1682 г. (свидетелем которого он был в детстве) и последующей истории России до конца XVII века.

3.

Б. И. КУРАКИН

Но самым замечательным из тех «птепцов гезда Петра», которые имели дело с Западной Европой, был Борис Иванович Куракин — крупный дипломат и историк (1677—1727). Его перу принадлежат «Дневник и путевые заметки» (1705—1708), обширные «Протоколы посольств кн. Бориса Ив. Куракина о бытности его при европейских дворах в 1709—1727 гг.» (дипломатические мемуары), «Статьи по разным предметам и заметки кн. Бориса Ивановича Куракина» (1704—1727), богатая переписка за время его многолетней дипломатической деятельности и др. Эти произведения принадлежат к важнейшим источникам дипломатической истории Европы начала XVIII в. К тому же они содержат обильный документальный материал.

Куракин был типичным представителем передовой части того поколения русского дворянства, которое было ровесником Петра, вступало в жизнь вместе с ним и которое было его сторонником. Как и А. А. Матвееву, как и самому Петру I, Куракину во время стрелецкого бунта 1682 г. пришлось быть «в похоронках» — жизни его отца Ивана Григорьевича грозила опасность. Куракин был спальником у Петра, участником его «потех», Азовских и Нарвского походов, командиром Семеновского полка в Полтавском сражении. Правда, Куракину, представителю старинного княжеского рода, была не по душе известная бесцеремонность, с какой Петр накладывал свою тяжелую руку на свое-

⁴² «Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева)», стр. 35.

воле боярства, но это не мешало Борису Куракину быть исправным и талантливым дипломатом петровской формации. Расхождения с Петром по вопросам внешней политики, иногда имевшие место, тоже не мешали этому. С ранних лет Куракин был связан с Западной Европой. В 1697 г. отправился в Италию учиться мореходству, а в 1707 г. был послан в Рим добиваться от папы римского непризнания Станислава Лещинского польским королем.

Папство и петровская Россия в оценке Куракина

Отличительной чертой Куракина как дипломата и автора было умение за внешностью событий, за дипломатической формой видеть суть дела. В своей автобиографии он не прочь прихвастнуть успехами у папы Римского. «Истинно похваляюсь, что нации московской никто чести и славы прежде моего бытия не принес»⁴³, никто «в приемности такого гонору и порядком не был принят». Но в дипломатических записях он оценивает свою миссию к папе совсем иначе. Сам ответ папы русскому посланнику говорил о причинах учтивости Ватикана по отношению к России: «А за показанную любовь и склонение его царского величества к нам и ко престолу римскому, что дал вольное отправление и строение костелов и кляшторов, а особливо отцов капуцинов соизволяет и впуску миссионеров, в том благодарны и бесконечно себя обязана представляю»⁴⁴.

Но расточая комплименты по адресу России за терпимость к католикам, папа оставался ей враждебен. Он отказался признать за Петром титул «величества», считая русского царя рангом ниже «императоров и королей»; что же касается отношения папы к Станиславу Лещинскому, то и на этот счет Куракин не питал никаких иллюзий. Едучи в Италию, он был готов к худшему обороту дела. Свой вывод Куракин основывал не только на высокомерном отношении папского престола к России, но и на положении самой папской курии. Чтобы разобраться в политике папы, Куракин пишет ряд заметок: «Посольство в Рим», «Порядок действий при римском дворе», «Для своего остерегания на память» и, наконец, «Римского двора ныне какое состояние»⁴⁵.

Автор устанавливает общую картину положения папского двора. Фактическим хозяином Италии были войска германской империи, владевшие Миланом, Неаполем и другими провинциями.

⁴³ А. А. Юдицева. Русская дипломатия в период Северной войны (деятельность Б. Куракина). Автореф. канд. дисс. М., 1949; «Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная». — «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 1. СПб., 1890, стр. 255; *Daria Borghese. Un ambasciatore di Pietro il Grande in incognito presso la Santa Sede* (Boris Ivanovič Kurakin). Roma, 1961.

⁴⁴ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 3. СПб., 1892, стр. 180.

⁴⁵ Там же, стр. 179—188.

Цесарь добивался, чтобы итальянским князьям «быть под протекцией цесарскою». Больше того, цесарь требовал, чтобы и сам папа «министров своих переменял... а на те места выбрал тех которых цесарь похочет». Папа был «в великой боязни», опасаясь, что Ватикан будет лишен светской власти, духовенство делало все, чтоб «не потерять здешние владения и не остаться епископам простым в одних церковных делах»⁴⁶.

Все это определяло внешнюю политику Ватикана. Папа «тайно учинили легу с королем французским, с венецианы, с грандукою флоренским против цесаря, чтоб из Италии всех немец выгнать». Кроме того, папа стремится противопоставить Империи Швецию. Со шведами у папы уже началась «тайная коришпонденция, и всемерно ищут всякой погибели на цесаря». Все это приводит Куракина к выводу, что в такой обстановке папа будет поддерживать ставленника Швеции Станислава Лещинского. Что касается формального признания Лещинского, то папа спешить не будет — он будет ждать, когда его признают в самой Польше. Так, анализируя обстановку, Куракин доходит до нужного ему звена — до позиции папы по отношению к Станиславу Лещинскому.

Миссия Куракина в Рим, как он ожидал и сам, окончилась неудачей. Это было время наивысших успехов Карла XII в Северной войне — он был хозяином Польши, Северный союз распался, Россия оставалась один на один со Швецией. Это был момент, когда престиж России расценивался чрезвычайно низко, когда, по выражению Куракина, были «мы все в дураках». На Западе находились деятели, которые в открытую говорили «поносно про всю нашу нацию», а Куракину приходилось хлопотать перед иностранными дворами, чтобы «курантерам и печатникам было заказано печатать бесчестные куранты, также и пашквили, а которые будут то чинить, чтоб были наказаны»⁴⁷.

Но произведение Куракина о международных делах в Европе это — летопись того, как Россия из страны, которую не пускали на порог ареопага, где делали международную политику, стала страной, перешагнувшей этот порог. Первым событием, которое засвидетельствовало этот рост престижа петровской России, был договор о дружбе с Ганновером, который заключил Куракин после Полтавской победы.

Куракин в Ганновере

Ганновер всегда был союзником Швеции. На это имелись серьезные причины. Куракин считал, что, во-первых, Ганновер и Швецию сближал религиозный момент — обе страны были протестантские. Во-вторых, Ганновер имел сильных и не дружествен-

⁴⁶ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 3, стр. 183.

⁴⁷ «Протоколы посольств (дипломатические мемуары) князя Бориса Ивановича Куракина 1708—1712». — «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 3, стр. 255.

ных соседей. «И того для двор ганноверский всегда был обязан с короною шведскою в альянсе для безопасности себе, датского и прусского и других принцев имперских, которые немалую желюзю уже имеют для его богатства и распространения земель». Все это имело те последствия, что ганноверские курфюрсты не только сами были союзниками Швеции, но также «Англию и Голландию в фавор шведский приводили».

После Полтавы создалась возможность оторвать Ганновер от Швеции — это немецкое курфюршество было расположено рядом с Данией и Пруссией; его территория могла бы послужить к расширению плацдарма, на который рассчитывал опереться Петр I против Карла XII, а кроме того, сын тогдашнего ганноверского курфюрста Георг Август должен был после смерти королевы Анны занять английский престол, что потом и случилось. От Ганновера, как и от Англии и Голландии, Россия добивалась блокады шведского корпуса Крассова в Померании. Ганноверцы долго тянули; русским не один раз приходилось жаловаться, что проект договора, предложенный Ганновером, нельзя «совершенно понять, чего они желают, ибо зело темно написано».

Наконец, договор был заключен, у России появилась новая точка опоры среди княжеств германской империи. Куракин очень высоко оценивал значение этого факта, ибо ганноверский двор теперь не только сам не мог «помогти подать Шведу, токмо других к тому мог привести принцев-протестантов, чего для имеют великий кредит (за твердость своих дел и корпуса немалого войск и богатства денег...) в империи и в Англии паче стимуливан (уважаем.— М. А.) и в Голландии у всего альянтского собрания»⁴⁸.

Международный аспект Северной войны и Войны за испанское наследство

С 1710 г. деятельность Куракина была связана с Лондоном и Гаагой. В то время в Европе шло одновременно две войны — война Северная и Война за испанское наследство; Лондон и Гаага были своего рода дипломатическим стыком этих двух войн, здесь эти войны связывались в один международный узел, влияли друг на друга, каждая европейская страна в своей внешней политике должна была учитывать наличие этих двух войн. Делал это и Куракин. Его литературные разыскания является важным источником для воссоздания дипломатической истории Северной войны и Войны за испанское наследство. Наибольший интерес в изложении Куракина представляет дипломатическая история первых лет после Полтавской победы. Эти годы были последними годами Войны за испанское наследство, завершившейся вскоре Утрехтским миром (1714). Будучи русским наблюдателем при

⁴⁸ Там же, стр. 315.

заключении мира в Утрехте, Куракин был свидетелем того, как переплетались в дипломатической сфере заканчивавшаяся Война за испанское наследство с Северной войной, вступающей в свой решающий период. Куракин — автор весьма осведомленный. Он был в самой гуще дипломатической борьбы, он встречался с выдающимися представителями тогдашней Европы — Мальборо, Евгением Савойским, Ракоци и другими, он знал не только официальную, но и закулисную сторону многих событий.

На первом плане для Куракина, естественно, стояла Северная война, критерием для оценки явлений для него были интересы России в этой войне. Куракин появился в Лондоне и Гааге в тот момент, когда отношение к России «этих альянтов» (союзников) в войне за испанское наследство было чрезвычайно сложным. Русский дипломат видел, что после Полтавы международный вес России значительно возрос. В центре тогдашней европейской дипломатии — Гааге он видел со стороны послов многих стран «себе великое почтение, что кои сами мне первые отдали визиты. И также был в конференции с ратпенсионариусом, от него видел приязнь; также и от многих был трактован обедами»⁴⁹. Правда, со стороны «стацких персон» — т. е. представителей Генеральных штатов (парламента Голландии), он был встречен «неприятно», но это не делало дипломатической погоды. Имел он также «доброе обхождение с дацким и польским», иными словами, союзники России — Дания и Польша — выведенные Карлом XII из строя, теперь, после Полтавы, снова стали искать союза с Россией против Швеции. Как известно, это привело к возрождению Северного союза.

В Лондоне после инцидента с Матвеевым (он был там арестован) Куракина приняли довольно холодно. Это усиливалось случаем в Москве, где солдаты, «взяв компании аглинской парусного мастера, привели на двор его посольской и без всякой причины домовных его били и бранили, из которых, двух взяв, со всяким бесчестием отвели в Сибирский приказ»⁵⁰. Тем не менее, обе стороны стремились загладить впечатление от этих инцидентов. Английский посол в Москве Витворт просил Петра I рассматривать случай с Матвеевым как от «бездельных людей учиненный, ее королевскому величеству и народу британскому не причитати».

Почвой, которая сближала Россию с Англией и Голландией, была торговля. Вскоре после Полтавы русские войска выходят к балтийскому побережью; в руках России были теперь не только Нарва, но и Рига и Ревель. Окно в Европу было, наконец, прорублено. Задача пробиться к морю, потребовавшая от России тяжких полуторавековых усилий и большой крови, была решена. Создавалась возможность вместо старинного кружного пути через

⁴⁹ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 3, стр. 301.

⁵⁰ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 2. СПб., 1891, стр. 344—345.

Архангельск проложить новый торговый путь на Запад через Балтику, а главными партнерами на Балтике были Англия и Голландия. Оставалось превратить эту возможность в действительность.

Все, что писал Куракин по этому поводу, говорит о том, что он не только отдавал себе полный отчет в историческом значении этих событий, но он был свидетелем всей сложности и трудности, с какой Россия пробивалась на международной арене в ранг великой державы. И первым шагом на этом пути было установление прямых экономических связей с Западной Европой.

Куракин отдавал себе полный отчет в заинтересованности Англии в этих связях с Россией. В специальной «Заметке об аглинской торговле в Балтийском море», составленной в 1710 г. для себя, он писал: «Коммерция в Балтийском море всегда немалой прибыток королевству аглинскому приносило, а особливо Ливония, то есть порты: Рига, Пернов, Ревель и Нарва; но в нынешнюю Северную войну, от времени до времени умялявшись, и весьма престало. Того ради zelo требует сего государства интерес оную возобновить...»⁵¹. Английский посол Витворт, выпрашивая у Петра I льготы для английских купцов, подчеркивал, что «их предки первый путь чрез Архангельскую пристань великими проторями и ущербом многих людей открыли»⁵².

В действительности же английское правительство не спешило поддерживать своих купцов в торговле с Россией, и Куракин сразу находит объяснение этому — Англия не хочет «раздразнить шведа»⁵³. Воротами для английской торговли на Балтийском море служил Зундский пролив, а двумя сторонами этих ворот являлись Швеция и Дания. С этими странами Англия старалась поддерживать мирные отношения — она не хотела раздражать Швецию, тем более, что шведский флот господствовал на Балтийском море; она хотела помирить с ней Данию, а поэтому старалась оторвать Данию от России и вывести ее из Северной войны. Видел Куракин и другое — ища мира со Швецией и Данией, Англия в то же время в балтийской торговле была соперницей своей союзницы по Войне за испанское наследство — Голландии. Торговая Голландия была заинтересована в том, чтобы вытеснить англичан из Зунда, этот путь для Голландии был особенно важен, так как через Гданьск шло снабжение Голландии хлебом. Куракин считал, что вся политика англичан на Балтике направлена «паче против галанцов, чтоб запереть коммерцию Балтийского моря и не пропустить из Данциха хлеба»⁵⁴.

В отличие от своего правительства, английские купцы всячески добивались возможности начать прерванную Северной войной торговлю с Россией — они обращались к правительству, ходили к

⁵¹ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 3, стр. 211.

⁵² «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 2, стр. 237.

⁵³ Там же, стр. 349.

⁵⁴ Там же, стр. 389.

русскому послу, стараясь преодолеть сопротивление официальных английских учреждений. Не дожидаясь разрешения вопроса о балтийской торговле с Россией, английские купцы продолжали ездить в Россию старым, кружным путем. В мае 1711 г. Куракин записал в своих мемуарах: «Первый флот вешний пошел к городу Архангельскому с тремя военными и торговых с сорок кораблей»⁵⁵. Но главной морской дорогой из Англии в Россию теперь становилось Балтийское море. Компании английских купцов, заинтересованные в русской торговле, всячески доказывали своему правительству, что торговля через Балтику «может отправляться меньшими проторьми, и как удобнее так и безопаснее, нежели к порту Архангельскому, да сверх того, корришпонденция будет регулярнее» и советовали отправлять торговые караваны в Петербург, Нарву, Ревель и Ригу. Они требовали себе всяких льгот и чтобы правительство обеспечило им «безопасный ход от шведов», поскольку на море шла война; грозили начать торговлю без разрешения правительства.

По-другому, рассказывает Куракин, обстояло дело в Голландии; здесь не только купцы, но и правительство готовы были развивать торговлю с Россией. Эта торговля была направлена как против шведов, которые грозили «взять в арест» всякое судно, идущее в Россию, так и против «намерений английских» чинить препятствие голландцам на Балтике. В июле 1712 г. Куракин записал в своем дневнике, что Генеральные Штаты предписали амстердамскому адмиралтейству «отправить эскадру от 7 до 9 кораблей конвоем в Балтийское море с торговым флотом до пристаней царского величества, Риги и Ревеля». В той же резолюции упомянуто, «ежели бы шведы визитовать начали или удерживать, дабы помянутой эскадре оборонительно поступить»⁵⁶. В декабре того же года он снова записывает, что «ныне есть со стороны шведской не малые прешкоды, как уже несколько взятых кораблей подданных господ Статов еще и донныне в Швеции за арестом удержаны», однако, несмотря на это, Генеральные Штаты «на весну со флотом торговым одну шкварду военных кораблей для провожания в Балтийском море велели отправить и тем к безопасности коммерцию подданных своих установить»⁵⁷. К этому нужно прибавить, что выделять военный конвой торговым судам для Голландии было трудным делом — Война за испанское наследство, в которой участвовала тогда Голландия, шла не только на суше, но и на море.

Шведы, однако, уже не были полными хозяевами Балтийского моря — с ними в борьбу вступал русский флот. Куракин не без удовольствия в мае 1711 г. записал в дипломатических мемуарах слова одного видного английского чиновника: «Московские два фрегата уже тому больше месяца взяли два торговые шведские,

⁵⁵ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 4. СПб., 1894, стр. 46.

⁵⁶ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 5. СПб., 1895, стр. 103.

⁵⁷ Там же, стр. 140.

идущие из Померании в Швецию, корабли, на которых были соль и другие товары, которые приважены были в Копенгаген, где посол московский те помянутые и с товарами, в них нагруженными, продал... И при том рассуждал: «Смотри, когда еще московский флот не усилился, но уже какие обиды делает»⁵⁸. Куракин мог считать, что в этом была капля и его труда — его дневник и мемуары пестрят записями о покупке в Западной Европе кораблей, которую он производил по настойчивым требованиям Петра I.

Так, согласно записям Куракина, обстояло дело в торговле. Автор рисует явления во всей их сложности, но через все его оценки проходит одна генеральная идея — выход России к Балтийскому берегу; Россия пробилась к воротам в Западную Европу, ее международный вес возрос. В этой связи Куракин указывал на то обстоятельство, что из Полтавской победы старались извлечь выгоду и западные государства, в частности, Англия. В дополтавский период Северной войны Карл XII, как известно, закрепил свою победу над Данией Травендальским, а над Польшей — Альтранштедтским мирными договорами, гарантом которых была Англия. После Полтавы и Дания и Польша перестали выполнять эти договоры. Шведский посол в Лондоне не устал тревожить парламент запросами — почему «не содержаны мирные договоры Травендальской и Альтранстацкой, в которых Англия гарантирами была», однако Англия, не заинтересованная в усилении Швеции, «делала глухое ухо» — эти договоры перекрнула Полтава.

Но Куракин видел и другое — используя выгоды Полтавы, западные страны вовсе не хотели допускать усиления России и всячески боролись с этим. Куракин постоянно исходил из того, что между Россией и западными державами существует «несогласие и ревность». Что касается Англии, то русский посол никогда не сомневался, что ее королевский двор «утвержден был и донныне есть в интерес шведам», а английский посол в Москве Витворт «внутренним неприязнелем был и есть, который к шведским интересам весьма склонен»⁵⁹. Причина ясна — Англия, как и другие державы, не хочет видеть Петра I «в такой силе, каков есть».

В этом убеждало и поведение западных держав. Одной из международных проблем Северной войны в это время стал шведский корпус генерала Крассова. Первоначально расположенный в Польше, этот корпус после Полтавы, боясь разгрома, укрылся в Померании, принадлежавшей тогда Швеции, и стал готовиться к продолжению войны с русскими. Задача России и ее союзников — вступить в Померию «для разрушения корпа шведского». Но наличие шведских войск в Померании затрагивало интересы западных держав, здесь проблемы Северной войны переплетались

⁵⁸ Там же, стр. 422.

⁵⁹ Там же, стр. 412.

с проблемами Войны за испанское наследство. Померания оказалась своего рода стыком между этими проходившими одновременно войнами и на длительное время стала узлом общеевропейских противоречий. Дело в том, что преследование шведского корпуса русскими войсками в Померании означало «перенесение огня» в Империю, в страну-участницу Войны за испанское наследство.

Куракин внимательно анализирует позицию западных держав в этом вопросе. Франция прямым образом рассчитывает на шведский корпус в Померании, чтобы перенести войну в Германию. Она заинтересована в этом с военной точки зрения; «шведы будут благоприятствовать всем народам Империи, склонным к восстанию», и это может вывести Германию из строя как противника Франции в Войне за испанское наследство. На худой конец Англия и ее союзники будут вынуждены отозвать свои войска из Фландрии и направить их в Германию; это позволит Франции снять часть войск во Фландрии, где ей нечего будет бояться, чтобы направить их в Германию и подать там руку помощи своему союзнику, королю Швеции «и всем тем, которые захотят произвести смуты в Империи».

Такую позицию Франции Куракин считает тем более вероятной, что за это говорит опыт Тридцатилетней войны. Тогда Густав-Адольф, вступив в Германию, «в одно мгновение восстанавливает Францию и избавляет от всех грозивших ей опасностей». И это в то время, когда при Ришелье во Франции происходили «междоусобные войны и раздоры... фипансы и народ были истощены, войско было слабо, испанцы являлись тогда открытыми врагами Франции — одним словом, все способствовало к полнейшему разорению этой страны»⁶⁰. Теперь же, когда Франция находится не в столь тяжелом положении, союз Франции и Швеции на германской почве неизбежно приведет к тому, что «великое преимущество союзных войск разлетится в прах».

Противники Франции — Англия и Голландия — естественно, были заинтересованы в обратном; они пристально следили, чтобы Северная война не перебросилась за Эльбу. Правда, точка зрения тогдашнего командования английской армией, с одной стороны, и английского правительства — с другой, на шведский корпус существенно расходились; герцог Мальборо — командующий войсками союзников — признавался Куракину, что если бы русские разгромили шведский корпус в Померании, он посмотрел бы на это «сквозь руку» (сквозь пальцы. — *М. А.*). Причина состояла в том, что для блокады шведского корпуса нужны были войска, а их Мальборо давать не хотел. Фактически Англия и Голландия видели свою задачу в том, чтобы не пустить русские войска в Померанию, своих войск для блокады шведского корпуса они не давали, к тому же обещанные ими войска по своей малочис-

⁶⁰ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 5, стр. 412.

ленности были не в состоянии блокировать корпус Крассова. Вся англо-голландская дипломатическая акция, по словам Куракина, была затеяна «для тишины в Империи» и «для легости королю шведскому» и носила враждебный России характер.

Но эта враждебность не ограничивалась борьбой вокруг шведского корпуса. Куракин рисует широкую картину отношений России с англо-голландской стороной. Несмотря на то, что Голландия относилась к России гораздо лучше, чем Англия, все же можно говорить об общей враждебной России позиции «алиатов». Еще до Полтавы, когда «швед находился в добром состоянии», Петр I предложил англо-голландской стороне свой союз и десять тысяч «доброй инфантерии» против Франции. Взамен Петр хотел получить посредничество англичан и голландцев в поисках мира со Швецией. Ему было отказано.

Затем последовало выступление Турции против России. Куракин различает две причины этого события. Во-первых, сама Турция была враждебна России. Она боялась, что Россия, союзная с русскими Польша, Империя и Венеция «годны будут народ турецкий из Европы выгнать»⁶¹. Во-вторых, Турцию толкали против России Швеция, Франция, сторонники Лещинского при явном сочувствии Англии (Голландия занимала пассивную позицию). Турция была единственной ударной силой, которая в создавшихся условиях могла быть брошена против России. Пользуясь тем, что Россия увязла в войне с Турцией, Англия и Голландия прилагали усилия «алиатов его царского величества — короля польского и датского оторвать и с шведом примирить»⁶². Положение в возрожденном Северном союзе становилось настолько шатким, что Куракин вынужден был записать в своем дневнике: «Сие мне придает многое подозрение, чтоб нам одним в войне не остаться»⁶³.

Чтобы парировать эту враждебность Англии и Голландии и добиться их посредничества в примирении с Турцией, Петр I выступает перед ними с новым предложением союза и обещает им представить 30 тыс. войск для войны с Францией за испанское наследство. И на этот раз ответа не последовало. Единственно отрадное явление во всей этой картине Куракин видит в том, что неудача Прутского похода все же не поколебала крепнувший авторитет России на Западе. Куракин записывает — когда он приехал в Гаагу, то «все чужестранные министры ту мне честь učinили и мне визиту отдали; особливе ж дук Мальбурок первой... мне визиту отдал»⁶⁴.

Анализ отношений морских держав к России приводит Куракина к окончательному выводу, что здесь Россию ждет лишь «великая жалюзия и неприязнь». Причины этого ясны — Англия и Голландия раздражены усилением Петра I, они «не хотят его ви-

⁶¹ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 3, стр. 212.

⁶² «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 5, стр. 10.

⁶³ Там же, стр. 95.

⁶⁴ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 3, стр. 311.

деть в такой силе, каков есть», в особенности «завидость оные к потенции его и к завоеванным портам в Балтийском море имеют»⁶⁵. Отсюда следовал новый вывод, что политика, проводимая Петром I по отношению к Англии и Голландии, неверна. Петровской политике Куракин противопоставляет собственные соображения, которые он именует «партикулярными», в отличие от проводимой им официальной политики. Он считает, что надо вступить в союз с Францией, а по отношению к Англии и Голландии занять враждебную позицию. Это не должно означать войны с ними, ибо это было бы «предосудительно в коммерции», но их враждебным выпадам противопоставить такие же враждебные акции. Прежде всего, необходимо «диверсию в Империи чинить через два свои имеющие в руках инструменты, то есть короля датского и польского многими образы»; кроме того, надо заставить своих союзников отозвать их войска, предоставленные в свое время Англии; это было бы существенным ударом по военной мощи «алиатов».

Помимо этих внешнеполитических соображений Куракин формулирует и соображение внутреннего, «натурального» порядка. «Потенции морские есть правления вольного, а не самодержавства... Государство Российское — под владением самодержавца, также и Франция, которые ищут не токмо интересов отечества, но еще ищут своей славы»⁶⁶.

Кроме того, попытки Петра I наладить союзные отношения с Англией и Голландией Куракин считал нереальными не только из-за враждебности этих государств. Соблазнить их предоставлением своих войск невозможно из-за конкуренции немецких князей, по-дешевке торгующих своими солдатами. Поэтому, если бы даже англо-голландцы искали себе вспомогательных войск, «только не наших,... принцы имперские для своего интересу не допустят, для того, что отдаваючи свои войска, с того живут»⁶⁷.

Но реальны ли расчеты на союз с Францией, которая всегда была союзником Швеции? Куракин рассчитывает на то, что времена изменились. Если Франция «видела нас времен прошедших за ничто, а шведов — в людех, от которых уже многую пользу прошлой войны видела», то теперь, когда Россия имеет 100 тыс. войска, а «паиславного короля шведского вся армия взята», позиция Франции будет иная. К этому надо прибавить, что Швеция имеет интерес для Франции лишь как союзник против Империи, в особенности потому, что Швеция владеет некоторыми германскими княжествами (Померания, Бремен и Верден). Теперь, когда шведы, по всему видно, будут изгнаны из Империи, Франция, «отставя свой кредит от шведа, будет искать верного и постоянного алианса с государством Российским»⁶⁸.

⁶⁵ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 5, стр. 11.

⁶⁶ Там же, стр. 12.

⁶⁷ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 2, стр. 352.

⁶⁸ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 5, стр. 13.

С вопросом о выборе себе союзников среди западных государств — участников Войны за испанское наследство — у Куракина был связан вопрос об исходе Северной войны, о победе в ней России. Эти две войны Куракин всегда рассматривал в непосредственной связи, как два фактора, взаимно влияющих друг на друга. Прежде всего, Куракин считал, что там, где переплетались вопросы Северной войны и Войны за испанское наследство, Россия не должна делать никаких уступок западным державам. К посредничеству («медиаторству») западных держав между Россией и Швецией он относился крайне скептически. Он считал такое посредничество, как мы это уже видели, мало вероятным из-за враждебности англо-голландской стороны. Если он иногда считал это возможным, то только при одном непременном условии: «Когда будут медиаторами, чтоб обещали гарантировать все конкеты (завоевания.— М. А.), как его царского величества, так и его алпатов»⁶⁹.

Куракин считал очень опасным, если Война за испанское наследство окончится раньше, чем война Северная. В этом случае Англия и Голландия, освободив себе руки, вмешаются в Северную войну как посредники, и уж тогда «шведа, конечно, удовольствуют и завоеванное все возвратят ему от всех сторон»⁷⁰. Тогда станет реальной и угроза того, что Станислава Лещинского посадят на польский престол.

Франция в Войне за испанское наследство является более слабой стороной по сравнению с ее англо-голландскими противниками. Помогать Англии и Голландии значило бы способствовать тому, чтобы Война за испанское наследство окончилась раньше Северной войны, что России невыгодно. Следует поэтому помогать Франции; этим Россия будет способствовать соблюдению «балищии» (равновесия.— М. А.) в Войне за испанское наследство, а в конечном счете способствовать победе Франции, что ей гораздо выгоднее, чем победа англо-голландской стороны, поскольку Франция «в Балтийском море прогрессом его царского величества не есть завидна». И с этой точки зрения Куракин приходил к выводу о союзе с Францией.

Куракин и Утрехтский мир

Однако действительность не оправдала расчетов Куракина — Война за испанское наследство пришла к завершению гораздо раньше, чем Северная война, а сам Куракин в качестве русского наблюдателя оказался участником заключения Утрехтского мира. Уже в январе 1712 г. стали съезжаться делегаты мирного конгресса. Куракин отдавал себе полный отчет в важности приглашения России на подобный конгресс; это был «первый случай

⁶⁹ Там же, стр. 23.

⁷⁰ Там же, стр. 12.

быть министру монархии Российской при генеральном съезде с другими потенциями всей Европы»⁷¹.

Литературное наследство Куракина позволяет с достаточной отчетливостью воссоздать на русском материале борьбу сторон на конгрессе в Утрехте. Куракин не без основания считал, что инициатором переговоров о мире была Англия, а главной причиной этого было острое недовольство народа затянувшейся войной. Это недовольство уже давало о себе знать: «В Англии, чаем, так великим делам быть, чтоб не последовало примеру Кромвеля, понеже есть многие к тому знаки»⁷².

В дальнейшем Куракин не переставал следить за положением в Англии. В конце февраля 1713 г., почти накануне подписания Утрехтского мира, он записал: «Из Англии в письмах объявляют, что никогда так не было вида к революции между тамошним народом, как ныне»; правда, эту революцию он представляет в форме выступления парламента против королевской власти, ибо когда «парламент начнется, то многим пременам, чают, быть, а особливе от бискупов и других духовных начнется»⁷³. В связи с этим начинает терять влияние партия вигов, сторонница войны, начинает расти популярность противницы войны — партии тори. Но сложность состояла в том, что виги были очень сильны. Их сила состояла, прежде всего, в том, что к ним принадлежали люди, связанные с промышленностью и торговлей, люди денежные, предоставлявшие субсидии парламенту, а потому оказывавшие на него большое влияние. Это осложняло положение партии тори, которая своих противников «хотя и превзошла, однакож без всякого утверждения, для того, что партия вики подчас парламенту может быть сильнее дачею много числа денег, а особливе банк в процентах выше поставит, чего николи партия торрисова учинить, за недостатков в ней богатых людей, не может»⁷⁴.

В обстановке недовольства войной резко ухудшилось положение герцога Мальборо-главнокомандующего, ставленника партии вигов. Королева Анна решила заменить его курфюрстом Ганноверским. Это, однако, натолкнулось на противодействие как чинов армии, так и союзников — Голландии и Империи. Знаменитый полководец Империи — Евгений Савойский — заявил весьма резко, что если Мальборо будет смещен, то он, Евгений Савойский, «за других командировать (командовать.— М. А.) не будет». Но Мальборо был все же смещен, английское правительство вынуждено было взять курс на переговоры о мире.

Но здесь Англия столкнулась со своими союзниками — Голландией и Империей. Те заявили, что в крайнем случае они будут воевать и без Англии. В этом их поддерживали английские виги. В своих бумагах Куракин записал о Мальборо: «Разговор

⁷¹ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 5, стр. 26.

⁷² «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 2, стр. 365.

⁷³ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 6. СПб., 1896, стр. 194.

⁷⁴ Там же, стр. 343.

с дуком Мальбургом... он трудится и приговаривает в Голландии, чтобы миру не быть»⁷⁵. Вести войну без Англии Куракин считал делом бесперспективным, ибо Англия, имея «полный мешок в руках своих денег, всеми повелительствует, а когда откажет, то без денег никто войны иметь не может»⁷⁶.

Что касается Франции, то ее экономическое положение в связи с войной было крайне тяжелым; это заставляло Людовика XIV идти на всякие финансовые махинации, о чем не раз писал Куракин⁷⁷. Ко времени Утрехтского конгресса (1712—1713) во Франции боролись две партии — партия принцев крови и военная партия, состоявшая из высших светских и духовных чиновников и военных. Людовик XIV был очень дряхл (он умер в 1715 г. 77 лет). Принцы крови хотели, чтобы смерть короля наступила после заключения мира. Это им было выгодно в том смысле, что наступление мира привело бы к падению влияния военной партии, к ее удалению от двора; тогда бы упрочилось положение ближайшего окружения короля — принцев крови, которые далее рассчитывали править Францией после смерти короля при малолетнем Людовике XV.

Иначе смотрели на дело их противники: «Усмотря, что король в чрезвычайную слабость пришел здоровья своего, рассуждаю своему интересу быть того для, чтоб оногo смерть случилась во время войны — в таком случае все те правители государственные останутся при своих саржах и управителями в малолетстве дофишове и принцев крови к правлению не допустят»⁷⁸. Военная партия уже сошлась на аббате Полиньяке, который, по ее расчетам, должен был в малолетство Людовика XV играть ту же роль, какую играли Ришелье при Людовике XIII и Мазарини в малолетство Людовика XIV.

Положение Франции на международном арене было чрезвычайно трудным — ей приходилось выступать против мощной европейской коалиции, главными участниками которой были такие страны, как Англия, Голландия и Империя. Куракин рассказывает, что Франция пыталась подкрепить свою международную позицию, опираясь на своих старых союзников — Швецию и Турцию. Франция вспомнила, что она «гwarantир» Вестфальского договора, который закреплял за Швецией ряд северных германских княжеств. Она добивалась, чтобы эти княжества были оставлены за Швецией; сейчас, когда княжества эти служили убежищем для остатков армии Карла XII, разгромленной под Полтавой, такая позиция Франции была прямой помощью шведам. Пропшведскую позицию Франция занимала и в польском вопросе, «в чем она, Франция, свой интерес немалый усматривает»⁷⁹.

⁷⁵ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 5, стр. 27.

⁷⁶ Там же, стр. 177.

⁷⁷ См. «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 3, стр. 351—352.

⁷⁸ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 6, стр. 4.

⁷⁹ Там же, стр. 179.

В то же время Франция подстрекала Турцию против России в расчете на то, что, пробившись в Польшу, турецкие войска, «приведя в согласие всю Польшу со шведом и с татарами противу его царского величества, и потом Порты со всею своею потенциею свободные руки будет иметь противу цесаря войну начать»⁸⁰. Таким образом, позиция Франции носила ярко выраженный антирусский характер, но дальний прицел французов состоял в том, чтобы и Швецию и Турцию столкнуть с Империей, в конечном счете опереться на них против сил антифранцузской коалиции в Войне за испанское наследство. Империи уделялось столь большое внимание потому, что новый император Карл, усевшийся на престоле в 1711 г., был претендентом на испанскую корону.

Таково положение Франции к концу войны, согласно Куракину. В отличие от Англии, он ничего не говорит о народных волнениях во Франции, а между тем Франция в конце царствования Людовика XIV была не только истощена экономически, но в стране происходило известное восстание камизаров. Возможно, это молчание объяснялось тем, что резиденция Куракина находилась в Гааге, Франция же была по другую сторону фронта и Куракин не располагал о ней столь подробной информацией, как об англо-голландской стороне. Но вероятнее всего, он не придавал этому восстанию важного значения.

Таким было положение сторон, съехавшихся на мирный конгресс в Утрехте. Несмотря на множество участников конгресса, все дела решались, как пишет Куракин, «пересылкою между Англией и Францией», поэтому главное внимание русского наблюдателя сосредоточилось на поединке этих двух стран. Но чтобы понять ход дела до конца, надо было принимать во внимание также позицию и более мелких участников конгресса. Порой он затрудняется сделать какой-либо вывод на основании только английских и французских данных, ибо «еще трудно отгадать, что бы могло последовать для того, что часто острые перемены в делах с других сторон делаются»⁸¹.

Куракин собрал широкий круг источников по Утрехтскому конгрессу — официальные документы, в частности, переводы речей английской королевы Анны в парламенте, речи послов, беседы между участниками переговоров и т. д. Но главное, он запечатлел ход конгресса в своих мемуарах и письмах, являющихся для нас первоклассными источниками.

Автор внимательно следит за разрешением основного конфликта, являвшегося на конгрессе узлом противоречий — кому же достанется испанское наследство? В этом отношении интересен перевод речи королевы Анны от 17 июня 1712 г., на котором сохранились пометки Куракина. Причина войны в речи сформулирована весьма ясно: «Опасение, дабы Гишпания и Индия (Америк-

⁸⁰ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 6, стр. 137.

⁸¹ Там же, стр. 136.

ка. — М. А.) не были соединены с королевством французским, было причиною главного начатия сей войны, и мешание сему соединению было основанием, которое я положила чрез начатие сего трактата» (речь идет о мирном договоре. — М. А.). На это последовала реплика Куракина: «Рассуждается к великой власти и повелительству»⁸².

В этом состояла суть — решался вопрос о «великой власти и повелительстве» на мировой арене. Официально считалось, что европейские государства не хотели допустить соединение французской и испанской короны и тем самым сохранить, по выражению Куракина, «баладжию» (равновесие. — М. А.). В действительности же речь шла о том, кто захватит Испанию с ее огромными владениями в Европе и ее колониальной империей, расположенной в Старом и Новом свете. Обладание этим «наследством» означало бы мировую гегемонию, в чем не ошибался Куракин, делая свою пометку. Это же подтверждалось в самой речи английской королевы. Тут говорилось, что торговля с Америкой англичанам «есть зело нужна», и королева «склонила Францию к отдаче всего залива и канала Гудсона, к отдаче острова Терра-Нова и Платенции и чтоб учинила ренунциацию на Анаполис и на остаточные места Новой Шкоции и Акадии»⁸³. Другими словами, англичане вытесняли Францию с североамериканского материка.

Но этим дело не ограничивалось; «торговля моря Медитерранского и польза народа британского... будут обнадежены чрез владение Гибралтара и порта Магона со всем островом Минорки, которые мне обещают отдать в мои руки»⁸⁴. К этому Куракин делает замечание: «Сие к падению коммерции голландской в Медитерранском море, что Майорка и Минорка во владельстве Англия будут». В дополнение к этому Куракин 6 января 1713 г. узнал, что Англия тайком от других своих союзников договорилась с Савойей о предоставлении ей Сицилии с тем условием, чтобы порты Мессина и Палермо были предоставлены англичанам. Это еще больше упрочивало положение Англии в этом районе. В придачу к Кадиксу и Магону Англия будет тогда иметь «четыре наилучших порта в Медитерранском море, чрез которое может Англия быть майстером всего того моря и всегда, когда похочет, как Франции, так и Гишпании, свободно войну чинить, и коммерцию в том море обеих тех птенций запереть»⁸⁵. Все это приводило Куракина к выводу, что Англия стремилась обеспечить свои интересы не только за счет Франции, но и за счет своих союзников — в данном случае, за счет Голландии и Империи.

Кроме того, Куракин передает общую атмосферу мирных переговоров, где участники действовали за спиной друг друга, при-

⁸² «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 5, стр. 85.

⁸³ Там же, стр. 86.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 6, стр. 140.

крывая свои неблагоприятные поступки заботами о мире. Об этом говорит и только что приведенный пример с Сицилией; об этом говорит и то, что Франция уговаривается с Пруссией в обмен на княжество Оранское отдать ей Верхний Гельдерн, занятый голландскими войсками. Узнав об этом, «Господа Статы в великий альярм (тревогу.— М. А.) пришли». Таких примеров было много.

Но вот 11 апреля 1713 г. Утрехтский мир был подписан. Куракин нигде не формулирует мысль о том, что этот мир знаменовал конец французской мировой гегемонии и замену ее гегемонией английской — видимо, современникам это было ясно не до конца,—но Куракин отчетливо понимал, что Англия вступила в новую полосу своей истории, в полосу «повелительства». Несмотря на то, что на испанский престол был посажен Бурбон, Англия достигла главного — ее соперник Франция была лишена права на испанское наследство; больше того, она поступилась в пользу Англии частью своих собственных владений, а главное, она уже не повелительствовала ни в Европе, ни в Америке.

Кроме того, сообщая об Утрехтском мире, Куракин нарисовал всю сложность отношений между странами-участницами Утрехтского конгресса. Война, продолжавшаяся больше десяти лет, протекала, как известно, в Нидерландах, Империи, Испании и Италии. Это было отражением чрезвычайно запутанных отношений между западными странами в переходное время, когда формирующиеся в эпоху раннего капитализма нации приходили в противоречие с границами, сложившимися в период феодализма. Куракин следит за складыванием новых «барьеров» между государствами Запада после этой общеевропейской войны.

Эта сложность сказалась и в другом отношении. Несмотря на то, что мир был заключен, война между отдельными ее участниками еще продолжалась. Больше года она шла между Испанией и Голландией. Испания предъявляла голландцам территориальные претензии и мешала голландской торговле, голландское же купечество не жалело денег, «дабы вооружать корабли противу Гишпании и тем ту коммерцию отворить и в прежнее состояние привести»⁸⁶. Не укрылось от Куракина и то обстоятельство, что Испания на этот раз выступала против Голландии «по домогательству двора аглинского, чтоб еще их подданным статским (голландским.— М. А.) в Гишпаниии несколько времени не свободно было торговать, между которым временем они, агличане, в Гишпаниии не мало богатство получают и свой торг на лучшем основании постаноят»⁸⁷.

Еще с большим вниманием следил Куракин за новой вспышкой войны между Империей и Францией. Причинами этого были претензии Франции к Империи; Франция «за барьер Империи реку Рену содержать хочет, дука Баварского королем сардин-

⁸⁶ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 9. СПб., 1899, стр. 135.

⁸⁷ Там же, стр. 220.

ским учинить, его же в прежнее электорское достоинство привести, и за попесенные убытки 12 миллионов талеров претендует; в Италии цесарь неповинен гварнизон свой содержать в Мантуе. И все те претенсии принимаются со стороны цесарской и цесарства за невозможность»⁸⁸. И на этот раз бывшие союзники Англия и Голландия занимали разные позиции. Франция выступила против Империи «по желанию аглинского двора, когда Статы (Голландия.— М. А.) к тому весьма склонности не имеют и паче желают, дабы цесарь в продолжение своей войны честный и прибыточный мир мог противу Франции учинить»⁸⁹. Между Францией и Империей был заключен отдельный — Раштадтский — мир 1714 г. Покинутая своим главным союзником Англией, Империя потерпела поражение. Кстати сказать, Куракин заранее был уверен, что «Франция при начинании сей компании потерянное все отберет, еще к тому что и чужого прихватит для того, что войск будет перед алиатами иметь с 50 тысяч лишку»⁹⁰. Положение не смог изменить и прославленный в те времена имперский полководец Евгений Савойский.

Общая картина на международной арене Запада после заключения Утрехтского мира, по характеристике Куракина, сводилась к тому, что «все между собою в несогласии и друг от друга в подозрении». Война окончилась, но теперь, при новом соотношении сил на Западе, она продолжалась дипломатическими средствами.

Утрехтский мир и судьбы Северной войны

Какое влияние окажет Утрехтский мир на судьбы Северной войны? Это было главной проблемой, над которой размышлял Куракин во время мирного конгресса в Утрехте. Инструкции из Петербурга состояли в том, чтобы использовать благоприятный момент, когда шведская армия после Полтавского разгрома была еще не в состоянии противостоять армии России, добиться посредничества Англии и Голландии между Россией и Швецией и заставить Швецию пойти на мир, который должен был закрепить за Россией ее завоевания в Северной войне. Но наблюдая течение дел в Гааге, где он был русским послом, и в Утрехте, где он состоял в роли наблюдателя, Куракин приходил к выводу, что такая задача была невыполнима.

В этом его убеждала враждебность западных держав к России. Куракин не довольствовался уверениями английского представителя в Утрехте Страффорда, что Англия «к предосуждению его царского величества интересов не чинила и чинить не будет», потому что это диктуется заинтересованностью англичан в торгов-

⁸⁸ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 8. СПб., 1898, стр. 69.

⁸⁹ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 9, стр. 112

⁹⁰ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 6, стр. 158.

ле с русскими; он добился от Страффорда ясных ответов на проблемы Северной войны, и тогда оказалось, что Англия «никогда не похочет видеть в разорении и бессилии корону шведскую», что Англия была за водворение на польский престол Станислава Лещинского, Страффорд считал, что «Ливония от короны шведской на конец сей войны отлучена быть не может», английский представитель надеялся, что Петр I «может быть доволен Петербургом»⁹¹. Иначе говоря, Англия решительно не хотела давать России выхода в Балтийское море. Глава голландского парламента не делал перед Куракиным секрета из того, что Англия «ищет вельма не токмо от него, от шведа, что убавить, но в прежнее состояние его восставить»⁹².

Свою позицию Англия собиралась отстаивать со всей решительностью — готовилась большая эскадра, чтобы принудить Данию к миру со шведами. В Петербурге была заготовлена нота русского правительства к королеве Анне — этот документ Куракин приводит целиком — где в резких выражениях говорилось, что вы, англичане, «в настоящую шведскую войну мешаться не будете... как мы в французской войне к предосуждению вашему и ваших союзников не мешались»⁹³. Куракину пришлось выдержать несколько неприятных объяснений со Страффордом: «И в тех наших разговорах с обеих сторон довольно было угроз»⁹⁴. Дело, однако, окончилось мирно — английская эскадра в море не вышла, нота Петра I отправлена не была. Причину мирного исхода Куракин видит в том, что этот английский демарш не был поддержан Голландией; Англия не решилась впутываться в это дело в одиночку.

Позиция Голландии по отношению к Северной войне была гораздо сложнее. В отличие от Англии, Голландия в большей степени зависела от торговли на Балтийском море и поэтому стремилась поддерживать добрые отношения с Данией и Польшей, а следовательно и с Россией, в противовес Швеции, за спиной которой стояла Англия. Между Голландией и Россией завязались переговоры о торговом договоре, Петр I обещал снизить пошлины на голландский ввоз в Россию, обе стороны решили сообща бороться с любой помехой торговле в Балтийском море, «употребить с обеих сторон все возможные силы, дабы восстановить и содержать помянутую торговлю и навигацию, и оружие не полагать, пока достойная сатисфакция изобиженному учинена будет, и вольность торговли и навигации восстановлена и приведена будет в прежнее состояние»⁹⁵. Это было направлено против Англии и Швеции. Но, с другой стороны, Голландия, как и Англия, боялась усиления России, поэтому всякие предложения России о союзе и даже предложения военной помо-

⁹¹ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 6, стр. 168.

⁹² Там же, стр. 181.

⁹³ Там же, стр. 68.

⁹⁴ Там же, стр. 70.

⁹⁵ Там же, стр. 48—49.

пци не встречали со стороны Голландии положительного отклика. В этом отношении Россия сталкивалась с единым англо-голландским фронтом. Позицию, сходную с голландской, занимала Империя.

Явно прошведскую линию в вопросах Северной войны проводила Франция. Давнишний союзник Швеции, она рассчитывала на нее и в своих планах на Утрехтском конгрессе и готова была помочь шведам в Северной войне. Несмотря на то, что в широком плане, как мы видели выше, Куракин считал возможным союз России с Францией, он считался с фактическим положением дела и был убежден, что Франция «весьма к окончанию Северной войны допускать ныне не будет и короля Августа на троне польскому оставить не похочет, в чем она, Франция, свой интерес немалый усматривает; а паче будет желать, чтобы Северная война продолжалась, отлуча датского короля»⁹⁶. Таким образом, антирусскую позицию занимали обе стороны, участвовавшие в Войне за испанское наследство.

К этому следует прибавить неуверенность русской дипломатии в своих союзниках — Польше и Дании. Несмотря на то, что члены Северного союза не раз выступали совместно, Куракин постоянно жаловался на двусмысленное поведение «алиатов его царского величества».

Такова была обстановка на Утрехтском мирном конгрессе для участников Северной войны; эта обстановка была благоприятна для Швеции и крайне неблагоприятна для России. Шведский представитель Палмквист посредничал между Англией и Францией, и это принималось ими вполне благосклонно, в то время как от России Англия потребовала не вмешиваться в ее отношения с Францией. Размышляя над вопросом, склонны ли Англия и Голландия принять медиаторство России, Куракин еще в 1710 г. записал: «Отставить: не в той мы силе». Такое же положение сохранялось и во времена Утрехтского конгресса — западные державы считались с возрастающей силой России — об этом свидетельствует само участие России в Утрехтском конгрессе, но русского влияния было еще далеко не достаточно, чтобы изменить прошведскую политику западных держав; наоборот — усиление России вызывало противодействие западных держав.

Пользуясь их покровительством, шведские войска могли не только укрываться в Померании; они вторглись в Шлезвиг, Мекленбург и Саксонию. Куракин не без основания считал, что так будет продолжаться и впредь, «ежели счастливое оружие его царского величества неприятельскую армию не разрушит»⁹⁷. Русские войска по пятам преследовали шведов; западные державы делали все, чтобы не допустить разгрома остатков шведской армии. Участники Утрехтского конгресса — особенно Англия —

⁹⁶ Там же, стр. 179.

⁹⁷ Там же, стр. 136.

пытались взять на себя роль посредника между Россией и Швецией и свести дело в пользу шведов.

Учитывая все это, Куракин считал, что при создавшейся ситуации не следует спутывать вопросы Северной войны с вопросами, обсуждаемыми в Утрехте; не навязываться в посредники между англо-голландской стороной и Францией и не допускать их посредничества в делах Северной войны. Перед англичанами Куракин решительно отстаивал «предложение о невмешивании им в наши, а нам в их дела». Уж если начинать переговоры о делах Северной войны, то это должно быть не в Утрехте, а где-нибудь в другом месте.

Но вот Утрехтский мир был подписан — меняло ли это международную обстановку для хода Северной войны? Прежде всего, это зависело от позиции Швеции. Дело в том, что в конце 1713 г. появилась надежда на изменение этой позиции. Куракин, всегда следивший за внутренним положением в той или иной стране, с интересом отнесся к событиям при шведском дворе — пользуясь длительным отсутствием Карла XII, который по-прежнему был в Турции, его сестра Ульрика взяла бразды правления в свои руки. Речь шла о том, кому достанется шведский престол в случае гибели Карла XII — принцессе Ульрике или князю Гольштейнскому? Куракин увидел в этом гораздо больше, чем перемену лиц; за событиями в Стокгольме стояло «две партии, разделяясь, как шляхетство старое, а с другой стороны — новое, имели довольно между собой интриг о сукцессии короны по смерти короля их: одни о принцессе Ульрике, но другие о дукe Гольштейнском. Однакоже граф Горн своею факцией всего старого шляхетства другую партию превзошел, и Сенат принцессу Ульрику владеющую декларовал». В числе первых шагов новой правительницы была забота «о мире, чтобы вступить в негоциацию и о мире трактовать... И по всем тем повинам видится быть в Швеции не без замешания, что есть к великому авантажу интересам его царского величества и его альятов»⁹⁸. Куракин советовал держать сторону старого дворянства — это была милая его сердцу старая знать, а главное, оно стояло за окончание войны — но к практическим шагам перемены при шведском дворе не привели, тем более, что скоро Карл XII вернулся в Швецию, а он, как известно, стоял за безусловное продолжение войны с Россией.

Что касается западных держав, то после Утрехтского мира они по коммерческим соображениям были заинтересованы в окончании Северной войны, и Куракин внимательно изучал эту сторону дела. Северная война чрезвычайно мешала английской, а особенно голландской торговле в Балтийском море — шведы захватили больше сотни голландских торговых кораблей и фактически парализовали голландскую торговлю на Балтике. Голландцы пробовали приспособиться к создавшимся условиям — они вступали в

⁹⁸ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 9, стр. 230—231.

контакт со шведами и брали к себе на борт какого-нибудь шведского морского чина для защиты от шведских морских каперов. Но в таких случаях они попадали под удар русского флота. Куракину доставил много хлопот подобный случай: «Здесь являются многие жалобы от купцов... которые торг имеют в Балтийском море, что корабли их купеческие от каперов российских некоторые побраны, также при Гельсингфорсе 4 фрегата сожжены, и матросы многие побиты, а остальные в арест взяты и в войска его царского величества отвезены»⁹⁹. Русскому казначейству пришлось возмещать голландцам причиненные убытки.

Кроме того, голландцам было трудно привыкнуть к своему русскому торговому партнеру, где все вершилось «по манию царя». Петр I потребовал от русских купцов перенесения центра заграничной торговли из Архангельска в Петербург, чтобы сделать новую столицу торговым окном в Европу. В создавшихся условиях это вызвало резкие возражения со стороны и голландских купцов и голландского правительства; пенсинарий голландской республики говорил о распоряжении Петра I «в немалой злобе». Голландцы указывали на два обстоятельства, мешающих им ездить в Петербург. Во-первых, — каперство шведов, из-за которого «война Северная пачинать в С.-Петербург весьма воспрещает» и голландское купечество в Балтийском море «торговать за таким страхом не может». Во-вторых, — перенос торгового центра в Петербург был для них неожиданным, они не успели завести «своих домов в том новом месте и своих корришпондентов». Кроме того, русские купцы взяли у них кредиты, с обязательством доставить товар в Архангельск, теперь они привезут эти товары в Петербург, куда голландцы приехать не в состоянии, а от этого «российские купцы многие могут банкротами учиниться». Голландцы протестовали также против всякой регламентации торговли и требовали, чтобы все «оставлено было вольно». Иначе говоря, голландцы настаивали на том, чтобы им не связывали руки, требовали себе возможности ездить, куда им будет выгоднее — и в Петербург и в Архангельск.

За всеми этими коммерческими соображениями Куракин видел соображения политические — в отличие от англичан, голландцы считали выход России к берегам Балтики явлением положительным, но они не хотели мириться с «монополией» — и шведской и русской — на балтийские порты, к этому «республика не токмо была противна, но и склонна для того, чтобы видеть торг в Балтийском море в разных руках»¹⁰⁰. Отсюда шли протесты Голландии против политики Петра I.

Куракин был проводником этой политики, но он считал, что она недостаточно гибка для Запада. Нужно учитывать особенности западных порядков, а «к тому есть два канала: один че-

Там же, стр. 35.

«Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 10, СПб., 1900, стр. 191.

рез публику (которое весьма, чаю, при нашем дворе не есть приятно и уничтожено, токмо здесь необходимо между всеми делается, а особливо в таком правлении, где народу свою склонность надо объявлять); другой способ — чрез негоциации» (переговоры) ¹⁰¹. Надо учитывать общественное мнение на Западе, надо учиться на него влиять, иначе невозможно находить контакт с иностранцами, «трудно из голов их те противные мнения выбивать» ¹⁰².

Так обстояло дело в области торговли — несмотря на заинтересованность западных держав в торговых связях с Россией, здесь встречались большие трудности, они мешали в торговых отношениях даже с Голландией. Еще большие трудности ждали Россию в области дипломатической. Бумаги Куракина, относящиеся к периоду после заключения Утрехтского мира, рисуют картину большой дипломатической активности в Западной Европе вокруг проблем Северной войны. Куракин излагает бесконечные проекты мирного договора между Россией и Швецией, предлагаемые западными державами, особенно Англией. В Гааге не раз, по инициативе Англии, собирались дипломатические «конференции» с участием многих европейских стран, для поисков путей к окончанию Северной войны. С этой целью даже был созван Брунцвикский конгресс (1714 г.). Но все усилия западных стран строились на одном и том же намерении — спасти Швецию от окончательного разгрома, не дать России усилиться на Балтийском море. Поэтому задача России состояла в том, чтобы «от всех злых интриг Франции и Англии убежать» ¹⁰³. Карл XII требовал возвращения всех утерянных территорий, Россия не соглашалась их уступать, ибо это означало бы отказаться от выхода к морю. Куракин записал в своих бумагах, что если западные державы «станут принуждать силою, то будет его царское величество противиться. Прежде в пепел сделаются оные места, нежели уступятся целыми противнику» ¹⁰⁴. Это были слова самого Петра I, которыми руководствовался Куракин.

В этом состоянии застал дипломатию Северной войны приход к власти в Англии Ганноверской династии после смерти королевы Анны (1714 г.). Смене английской династии Куракин придавал огромное значение. Он ожидал, что в самой Англии «быть великим замешаниям», он допускал, что может восстать Шотландия, подстрекаемая Францией. Еще больше его интересовал международный резонанс событий при английском дворе: «Смерть королевы аглинской есть премена всем делам в Европе. И того для все трудится над проектами, и на новом основании каждая потенция себя определяет содержать» ¹⁰⁵. Причину для таких пе-

¹⁰¹ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 10, стр. 171.

¹⁰² Там же, стр. 50.

¹⁰³ Там же, стр. 156.

¹⁰⁴ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 8, стр. 35.

¹⁰⁵ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 10, стр. 169.

ремен Куракин видел в смене английских партий у власти. Новый английский король начал свою деятельность с того, что «многих министров пременял: канцлера великого отставил, на его место — лорда Купера; на место лорда Болинброка — в статские секретари лорда Тоузена; дука Мальбурга — в генерал-капитаны от армии, на место дука д'Ормонда, также и другие многие чины даны. И партия вигова в правление того королевства ныне пришла»¹⁰⁶. Отозван из Гааги и всемогущий лорд Страффорд, игравший главную роль при заключении Утрехтского мира и собиравший «конференцию» для окончания Северной войны. Правительство, таким образом, было в руках вигов; «интриги не малые идут между двумя партиями и для избрания парламента», что будет «не без доуки или печали двору», но не подлежит сомнению, что торы потеряли власть.

Оправдались ли прогнозы Куракина относительно последствий политических перемен в Англии? Что касается «внутренних замешаний», то здесь Куракин ошибся. Вскоре он писал: «Возведение курфюрста Ганноверского на королевство английское учинилось незапно и, противу всех чаяния, с таким порядком и согласием народным без всякого замешания, и впредь вида никакого к возмущению или внутренней там войны нет, для того, что незапная смерть королевы, конечно, Франции не дала времени предуготовить ни в Шкоции, ни в других местах. К тому же по старости короля французского видимо, что шьет покоя»¹⁰⁷.

Но на международной арене предсказания Куракина в значительной мере оправдались. Появление у власти партии вигов «вновь связало здешнюю республику в тесную дружбу и согласие с Англией, а также и третий — цесарь; и все те три потенции вскоре учинят алианс... а особливо названные потенции морские будут всеми повелительствовать»¹⁰⁸. Другими словами, виги, пришедшие к власти вместе с Ганноверской династией, возрождали тесные отношения между Англией, Голландией и Империей, существовавшие в ходе Войны за испанское наследство и нарушенные приходом к власти партии торы.

России нужно было делать выводы из этой новой обстановки. Отношение Куракина к новой английской династии было двойственным. С одной стороны, он, будучи в свое время в Ганновере, добился доброго отношения ганноверского двора к России; теперь представитель этого дома оказался на английском престо-

¹⁰⁶ Там же, стр. 209.

¹⁰⁷ Там же, стр. 169—170. Правда, не обошлось без курьезов со стороны якобитов — приверженцев династии Стюартов: «Один англичанин, пришед во двор королевский и став перед окны королевскими, выняв шпагу, говорил, называя курфюрста Ганноверского, вызывая на шпагу и кричал, что он не признает иного за законного короля, как Якоба Третьего. И того же времени взят был за караул... и в распросе при тех же словах своих остался, и отдан к высшему суду» («Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 10, стр. 262).

¹⁰⁸ Там же, стр. 179.

ле; в письмах Куракина проскальзывала надежда, что новый английский король проявит добрую волю к России; Куракин советовал русскому правительству идти на уступки Англии в расчете на улучшение отношений. С другой стороны, Куракин отдавал себе полный отчет в том, что более тесный союз между Англией, Голландией и Империей усилит их нажим на Россию с целью окончания Северной войны при максимальных уступках в пользу Швеции.

Начиналась новая полоса бесконечных проектов, переговоров, попыток западных держав помешать России пробиться к балтийскому берегу. Ничего принципиально нового это не давало. Было ясно, что судьбы Северной войны будут решены не на путях дипломатии, а на полях войны.

Потребовалось еще семь лет, чтобы решить исход Северной войны вооруженным путем. Победа русских войск в северных немецких княжествах (разгром шведских войск фельдмаршала Штейнбока), победа при Гангуте (1714 г.), победа при Гренгаме (1720 г.), неоднократная высадка русских войск в Швецию оказались единственными убедительными аргументами в пользу окончания этой войны, имевшей решающее значение для международной судьбы как России, так и Швеции.

Из написанного Куракиным в эти годы по вопросам международных отношений заслуживает внимания его обобщающая «Записка кн. Б. И. Куракина об отношении держав к России и делах политических» (1718 г.). Это был момент, когда русская дипломатия вырабатывала свою позицию к Аландскому конгрессу. «Записка» Куракина была оценкой автором положения в Европе к концу Северной войны. Куракин считает, что складывавшийся тогда против России союз Англии, Австрии и Франции представляет собою коалицию, раздираемую внутренними противоречиями. В частности, эти государства не смогут вовлечь в свой союз Голландию, ибо она «через многие пробы видела, что от замешания в войне она... себе ничего не получала... и понесенные убытки в коммерции весь ее прибыль оставался в руках Англии». Этот союз, несмотря на антирусскую воинственность Англии, практически был не в состоянии оказать решающего влияния на исход Северной войны. Поэтому создавалась благоприятная обстановка для России, чтобы закончить миром победоносную войну со Швецией.

В этой обстановке Куракин отнесся отрицательно к плану Петра I, сводившемуся к тому, чтобы в союзе с Испанией реставрировать Стюартов в Англии. Испания едва ли даст на это деньги, которые будут истрачены «без всякого принесенного прибытку», а у власти в самой Англии сидели тогда торы, которые были «от многих лет внутренними приятелями Швеции». Ввязы-

ваться в дело Стюартов значило бы встать перед опасностью новой войны, а это — не в интересах России. В другой своей заметке «Записка кн. Б. И. Куракина о войне и мире с Шведией» (1720 г.) автор военными соображениями аргументирует необходимость заключения мира.

Дипломатические мемуары и переписка Б. И. Куракина являются наиболее полным изложением истории международных отношений в Западной Европе в годы Северной войны, как и Войны за испанское наследство с точки зрения русского дипломата-современника, стоявшего на одном уровне с дипломатами передовых западноевропейских стран. Без литературного наследства Б. И. Куракина дипломатическая история этих двух войн была бы неполной. В русской историографии литературное наследство Куракина — новый этап в деле изучения современного ему Запада.

4.

ПЕТРОВСКИЕ «ВЕДОМОСТИ»

«Ведомостям» предшествовали рукописные «Куранты»¹⁰⁹. Само появление «Курантов» говорило об усложнении международных отношений, о необходимости ориентировки в лабиринте событий, совершавшихся на международной арене и во внутренней жизни других стран. «Куранты» были введены А. Л. Ордыным-Нащокиным и предназначались для царя и его окружения; они служили также для информации служилых людей самого Посольского приказа, на которых и лежала обязанность выпускать «Куранты». Составлялись они из донесений посольств, но, главным образом, из переводов сообщений иностранных (чаще всего немецких и голландских) газет. По внешнему виду это были склеенные полосы бумаги длиной в несколько метров.

На Западе печатные газеты стали создаваться в XVI в. Русские рукописные переводы из них sporadически появлялись в том же XVI в., но более регулярным явлением в России они стали в 20-х годах XVII в. Это были первые рукописные «Вести». Во второй половине XVII в. иностранная газета начинает завоевывать в России все большее место. До учреждения почты, своего рода воротами России на Запад были Новгород и

«Вести-Куранты 1600—1639 гг.» Издание подготовили Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов и А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972; *Н. Н. Берков. История русской журналистики XVIII в.* М.—Л., 1952, стр. 24—32; *А. Покровский. К истории газеты в России.*— В кн.: «Ведомости времен Петра Великого», вып. 2. М., 1906, стр. 1—37; *И. Е. Забелин. Куранты или Вестовые письма 1655 и 1665 годов.*— «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1880, кн. 2, стр. 37—46; *С. М. Томский. Первая печатная газета России (1702—1724).* Пермь, 1959; *Г. А. Быкова. Первая русская газета.*— «Книги, исследования, материалы», т. 3. М., 1960, стр. 229—250.

Псков. Через них шли в Россию и газеты. Необходимость в получении зарубежной информации вела к поискам способов получения иностранных газет. Помимо добывания газет у приезжавших в Москву послов, Посольский приказ использовал и собственные возможности. Были специальные люди, добывавшие газеты у приезжих иноземцев (к таким принадлежал одно время, например, Андрей Виниус-старший). За границу посылались специальные «дозорщики» собирать иностранные новости, привозить газеты, а иногда и вести борьбу с враждебной России пропагандой. Были агенты и из иностранцев, доставлявшие в Россию газеты. Некоторые из них имели целую сеть своих гонцов, доставлявших газеты из разных стран (Иван Сведен). Иноземные купцы за предоставленную льготу брали обязательство доставлять в Россию газеты. Иностранный купец Андрей Келлерман состоял при царе Алексее Михайловиче в должности переводчика иностранных газет. С созданием почты (в 1668 г. Рижской, а с 1672 г. — Виленской) — доставка газет в Россию стала регулярным делом. В эти годы в России получали около 200 названий зарубежных газет. Правда, как показала практика, этого оказалось далеко не достаточно. О некоторых событиях в Западной Европе в России подолгу не знали.

Информационный уровень «Курантов» был еще крайне невысок. Здесь можно встретить сообщения, полные провиденциализма, в них очень силен интерес к чудесному, как это было в недавние времена средневековья. И все же, по сравнению со средневековым хронистом, это был несомненный шаг вперед — обычно рационализм брал верх. Рассказав о чем-либо необыкновенном, автор делал оговорку: «Только разумные люди тому веры не имеют». Сообщив, например, о схватке двух «дивных», птиц в воздухе, автор отказывается давать этому факту свое толкование — «а что такая притча окажется, и то даем умным людям рассудить».

«Ведомости», созданные Петром, были, как известно, первой *печатной* газетой в России — они впервые увидели свет в конце 1703 г. и просуществовали четверть века (вместо них в 1727 г. стали выходить «Санкт-Петербургские ведомости» Академии наук). Как средство информации «Ведомости» по сравнению со своим предшественником — «Курантами» — были более значительным явлением. Однако нас не должно вводить в заблуждение слово «газета» — в действительности «Ведомости», как и газеты в других странах, еще не стали газетой-информатором в нашем смысле слова. Этому мешал по-прежнему как ограниченный масштаб предприятия (наибольший тираж отдельных номеров не превышал 4 тыс. экз.), так и огромные запоздания с выходом «Ведомостей» (в типографии скапливалось помногу заготовленных

номеров, ожидавших своей очереди попасть в печатный станок, а интервал между номерами доходил до полугода).

«Ведомости» поэтому представляют для нас интерес не столько как начало периодической печати в России, сколько как явление историографическое, как свидетель степени зрелости общественной и исторической мысли своего времени. Так, собственно, и смотрели на «Ведомости» люди, создававшие их. Один из них — Борис Волков — с полным основанием говорил, что сообщаемые в «Ведомостях» сведения «не почтутся за новости, но за какой-либо меморий ради историков», а ценность своего издания видел именно в том, что «наши авизиопы почитаются за краткую следовательную историю»¹¹⁰.

С самого начала «Ведомости» ставили задачу рассказать о событиях в России, дать торговую информацию и т. д., тем не менее они уделяли внимание и внешнеполитическим известиям. Достаточно сказать, что «Ведомости» возникли в первые годы Северной войны. Их создание было вызвано стремлением идейно обосновать войну как историческую необходимость для России пробиться к морю, открыть себе дорогу в Западную Европу. Материал о войне стал занимать большое место в «Ведомостях», газета должна была рассказывать не только о событиях в России, но и «во иных окрестных странах», и прежде всего странах, связанных с Северной войной.

Сведения о событиях за границей неизбежно должны были занять тут большое место. Этому помогла и сама практика составления «Ведомостей». Зарубежный материал для них доставлялся Посольским приказом (а затем Коллегией иностранных дел) и изредка отдельными лицами, побывавшими за рубежом. Из всех учреждений, обязанных поставлять материал для «Ведомостей», Коллегия иностранных дел оказалась самой аккуратной, а подчас и единственной, выполнявшей эту обязанность. Некоторые из номеров состояли исключительно из иностранного материала, и тогда номер выходил как «Эссенция из французских печатных газетов», «Квинтэссенция из лейденских газетов» и т. д. Газеты, из которых черпался иностранный материал, были чаще всего на немецком или французском языках. Наряду с сообщениями об отдельных событиях помещались также донесения послов, представляющие обзор положения в той или иной стране. Первая печатная газета в России была в значительной мере летописью современных ей зарубежных, по преимуществу западноевропейских, событий.

Несмотря на то, что фактические редакторы «Ведомостей» — Ф. Поликарпов в Москве и М. Аврамов в Петербурге (газета издавалась сначала в Москве, потом в Петербурге, затем снова в Москве) — не принадлежали к безусловным сторонникам Пет-

¹¹⁰ Г. В. Балицкий. Зарождение периодической печати в России. СПб., 1908. стр. 31.

ра, «Ведомости» были типичным явлением петровского времени, играли немалую роль в ознакомлении русского читателя с Западной Европой.

На каком методологическом уровне стояли исторические представления первых русских журналистов, составлявших петровские «Ведомости»? Современному читателю трудно отделаться от досадной мысли — не слишком ли надолго затянулся процесс освобождения человеческого сознания от родимых пятен средневекового мышления? Ведь уже наступал XVIII век — знаменитый век Просвещения! В данном случае речь шла не столько о русских людях, — сколько об общем уровне научного мышления в Европе. Просалось в глаза слабое развитие наук о природе в начале века Просвещения.

Во-первых, здесь можно встретить многочисленные факты, когда человек в недоумении останавливается перед необычными явлениями природы. «За несколько дней во Австрийской земле, — переписывали русские составители «Ведомостей» из австрийской газеты, — кровавый дождь пал, и никаким образом мочно было те капли с камней и с ливня и с платья стерть»¹¹¹. «Из Моравии пишут, что две мили от Улмица (Оломоуца. — М. А.) от многих людей духовного и мирского чину видели, что генваря в 8 день с полунощи на воздухе крест явился; и по обоим странам столпы видны были»¹¹². Из голландских газет «Ведомости» перепечатали сообщение, что в Швейцарии «страшной бои между... черными и пестрыми птицами был... черные на пестрых напали, и пестрые по крепком бою одолели, и черных в Брабанскую землю гнали..., и несколько тысяч мертвых птиц на землю с воздуха упало»¹¹³. Из французских источников в «Ведомости» попадает и рассказ о том, что вокруг Страсбурга «на воздухе великий шум от множества людей и великий звук барабанного боя и трубного гласа слышан был. И о том комендант и ратные тамо обретающиеся люди печалятся»¹¹⁴. Многие подобные сообщения могли быть как-то объяснены, многие из них были небыльницами, но во всех случаях они не зря появлялись на страницах тогдашней печати — для людей они были полны неизъяснимого значения, они все еще считались предзнаменованиями, чаще всего дурными.

В «Ведомостях» помещались именно те «знамения», которые становились средством пропаганды определенных идей. Во время Северной войны и Войны за испанское наследство вспыхнуло в Венгрии национально-освободительное восстание под руководством Ф. Ракоци против австрийского ига. Для Австрии — участницы Войны за испанское наследство — вести войну на два фрон-

¹¹¹ «Ведомости времени Петра Великого» (далее — «Ведомости...»), вып. 1. М., 1903, стр. 259.

¹¹² «Ведомости...», вып. 2. М., 1906, стр. 81.

¹¹³ «Ведомости...», вып. 1, стр. 229.

¹¹⁴ Там же, стр. 119.

та было трудно. Австрийские газеты решили прибегнуть к религиозной пропаганде, которая потом в виде описаний различных «знамений» попала в «Ведомости»: «Видится яко отмщение божие над венгерским государством... за невинно излитую христианскую кровь, понеже октября в 15 день в разных городах великий огненный знак в ночи между 11 и 12 часов великим устрашением видим был»¹¹⁵.

«Ведомости» и сами прибегали к такого рода приемам. Если учесть враждебные отношения России с Турцией, не раз перераставшие в войну, то станет понятна версия, бытовавшая как в самой России, так и среди народов, изнывавших под гнетом турок, появившаяся в № 9 «Ведомостей» за 1711 г. Газета рассказывала, что «турецкое войско в осьмидесяти тысячах от Царяграда в поле выступили, и милосердием божием к нам первое их пред тем войском знамя (на котором написан проклятый их пророк Магмет), вихром изорвало в клочки и древко изломало, от чего то войско признали себе в бесчестие за неправды их... И о такой милости христиане благодарны. Да подаст господь и большее счастье монарху нашему на сопрутийного»¹¹⁶. Свое наивысшее выражение «знаменья» русского сочинения нашло в известии из Москвы, где рассказывалось, что 16 мая 1711 г. в канцелярию Сената явился иноземец Филипп Сенебер и «объявил черный камень, на котором по осмотру было написано по-русски». Надписи на камне завершались словами: «Северный орел распространит крыле свои чрез Босфор (есть узость морская между Азовом и Византией) и море Балтийское»¹¹⁷. Иноземец нашел этот камень на р. Яузе случайно, а «кто тот камень на том месте положил и на том камне писал, того он не ведает». Цель всего этого была совершенно ясна — орел, простирающий свои крылья за Азов и через море Балтийское, был символом России, боровшейся за выход к Черному и Балтийскому морям. Он должен был вдохновить русских современников на эту борьбу.

Мистицизм исчезает, когда человек петровской поры смотрит на общественные явления. Он хоть и не прочь сказать, что все свершилось с помощью божьей, но больше по привычке, это скорее требование хорошего тона, свидетельство политической благонадежности, а не пути познания. В действительности же и западные и русские люди, писавшие о Северной войне и Войне за испанское наследство, о восстании Ракоци и тогдашних международных делах, интересовались соотношением сил борющихся сторон, умели хорошо различать причины и следствия событий, строили прогнозы, доискивались многих объяснений, обходясь без мистики.

¹¹⁵ Там же, стр. 205.

¹¹⁶ «Ведомости...», вып. 2, стр. 96.

¹¹⁷ Там же, стр. 98.

«Ведомости» о Северной войне

Главной темой «Ведомостей» была Северная война. Когда от изучения донесений послов переходишь к знакомству с «Ведомостями», сразу бросается в глаза разница в самом характере этих источников. Из кабинетов посольств и ведомств, из залов международных конгрессов и конференций исследователь переносится на поля сражений, он вместе с современниками следит за ходом баталий, вместе с ними подсчитывает потери, пленных и трофеи, изучает карту военных действий.

Меняется и язык и сам характер изложения. «Ведомости» явно рассчитывают на больший круг читателей, стремятся популярно объяснить язык военных реляций. В реляции «О разорении шведской армии, бывшей под командованием фельдмаршала Штейнбока» от 17 июня 1713 г. петровские журналисты, например, снабдили каждый специальный термин более понятным словом (*диспозиция* — расположение, *консилиум* — совет, *атакировать* — осадить, *негоциация* — договор, *ретировался* — уступил), и это не было исключением. Вместо связанного, подчас изысканного, великосветского языка донесения или письма петровского дипломата в «Ведомостях» царит лаконичный, «рубленный» стиль короткого газетного сообщения; эти вести суетливо толпятся, спешая рассказать все, о чем пишут иностранные газеты.

В этой скороговорке очень часто чувствуется очевидец военной баталии, который передает свое живое впечатление о событии. Это можно ощутить не только в русской реляции. Живой трепет современника доходил до россиянина и через иностранную газету. Из отдельных отрывочных сообщений, взятых из зарубежной прессы, можно составить вполне конкретную, действительную картину того или иного военного события. Примером могут служить сведения о взятии шведами Торуня. Короткие строчки, опубликованные в № 35—38 за 1703 г. и в № 15 за 1704 г., из «свейских таборов при Торуне» рассказывали читателю следующее: «Вчера город Торунь со всем гарнизоном без кровопролития королю свейскому по милости и по немилости сдался. В пребывающей осаде много померло ратных людей; вначале было пять тысяч человек, а ныне токмо тысяща пятьсот остались, и из тех много мрут от цынготные болезни. Наши люди уже все места одержали и везде караулы поставили»¹¹⁸. Сведения из Гданьска прибавляли, что в Торуне имеется еще «осмь сот раненых и больных, а хлебных запасов в городе токмо на пять дней обрета-
дося»¹¹⁹.

Далее на основании сообщений из Варшавы рассказывалось, что Карл XII «в Торуне всю крепость разорить хочет, и нынешние зимы в Мариенбурге зимовать станет»¹²⁰. Польские свиде-

¹¹⁸ «Ведомости...». вып. 1, стр. 92.

¹¹⁹ Там же, стр. 93.

¹²⁰ Там же, стр. 97.

тельства, кроме того, утверждали, что Торунь «весь разорен, и девичий монастырь порохом взорвали. Житель тамошний шведом объявил клад три миллиона»¹²¹. В каком положении оказался город Торунь, давали представления новости из Гданьска и Варшавы: «Генерал Штейнбок жителям торунским положил во время двух недель сто тысяч ефимков платить, а от езуитского кляштора в Торуне в побор велел взять шесть тысяч ефимков. Торговый промысел от нашего города отнят, понеже король свейский сверх тех ста тысяч больше еще хочет собирать». На этом дело не ограничилось: «Говорят, что еще больше сюда будет свейских людей, которые на дворах поставлены будут, и на осмь тысяч человек положено городу Торуню выдать шесть тысяч гульденов и сей город платит по-недельно по четьреста гульден»¹²². Не обошлось и без театрального жеста со стороны Карла XII: «Комеданту Ребелу в Торуне король свейский две тысячи ефимков дал за то, что он так храбро боронился»¹²³. При всей неполноте эти сведения давали конкретные представления о положении в Торуне, чего, как правило, нельзя получить из посольских документов.

В целом «Ведомости» являются ценнейшим источником по истории Северной войны. Это своеобразный свод русских и главным образом западных известий; здесь даны описания отдельных сражений, большим победоносным сражениям посвящены отдельные репортажи. Кроме того, «Ведомости» иногда давали обзоры военных действий за определенный период; примером такого обзора может служить «Подлинное доношение прежде бывшим под неприятелем шведом в Ингерманландии как на море, так и на сухом пути учиненным победам в нынешнем 1705 г. от июня до сентемврия месяца»¹²⁴. Нерегулярный выход «Ведомостей», отрывочность большей части сообщений не снижают источниковедческой значимости петровских «Ведомостей» для историка Северной войны.

Но с историографической точки зрения наиболее ценным является не эта, по сути дела официальная, задача, стоящая перед петровской газетой — освещать ход военных действий. Наиболее ценным для тогдашнего уровня знакомства с международными событиями и историей других стран было освещение «Ведомостями» внутреннего положения в странах — участницах Северной войны. Это был уже шаг вперед, от внешнего проявления мощи государства шло к ее основе, к изучению устойчивости политического строя страны.

Для примера можно взять внутреннее состояние Польши в годы до Полтавского сражения. Это был период, когда Карл XII после победы под Нарвой обрушился на Польшу и она оказалась на время в главном фокусе Северной войны. На террито-

¹²¹ Там же, стр. 99.

¹²² Там же, стр. 148.

¹²³ Там же, стр. 95.

¹²⁴ Там же, стр. 266—270.

рии Польши находились тогда войска четырех «потентатов» — Карла XII, Петра I, Августа II и «новокоронованного» Станислава Лещинского. И сами военные действия и снабжение этих войск, бесконечные поборы для войны, уж не говоря о прямом грабеже, тяжким бременем легли на плечи населения Польши. Королевский двор, который вместе с королем теперь кочевал по всей стране, как сарапча, истребляя на своем пути все продовольственные запасы. Двору сплошь и рядом приходилось следовать по уже разоренной противником местности. «Короля польского дворовые люди от Висницы идут, понеже там хлебных запасов нет»¹²⁵.

К этому прибавлялись рекрутские наборы: «Ныне установлено поселянам по жребию солдатов дать»¹²⁶. За наборами следовали военные повинности всего населения: «Король с четвертого дому крестьянина с топором и лопаткою взять велел для ограждения Кракова... Из Кракова пишут, что король Август зело радеет тамошний замок укрепить и ежедневно больше тысячи поселян работают»¹²⁷. Дело осложнялось тем, что король был не поляк, а саксонец, окруженный саксонскими войсками. Не раз мелькают сообщения о том, что «саксонские комиссары контрибуцию собирают». В действительности, война шла между польским и литовским населением, с одной стороны, и саксонскими войсками — с другой. «Саксонский подполковник Ностиц при Бресте стоял и контрибуции собирал; того ради четырнадцать литовских хоругвей на него напали и четыре мили за ним гнали и у некоторой переправы людей его побили, а иных ранили, да прапорщика с пятнадцатью рядовыми в полон взяли»¹²⁸. От Августа старался не отстать и «новобранный» король Станислав. Например, во Львов он «комиссара своего прислал, просят в контрибуции четырех тысяч гульден, а от города Струя шестнадцать тысяч гульден»¹²⁹. Такое сообщение было одним из многих.

Но наиболее беспощадными были шведы, находившиеся в завоеванной стране. Они опустошали старые польские центры: «Гнездинское архиепископство вконец разорено, и едва можно узнать, где что стояло»¹³⁰. На Варшаву сыпались все новые и новые требования: одно из первых гласило, чтобы варшавяне шведам «четыреста тысяч фунтов хлеба и тысячу бочек пива дали»¹³¹. В дальнейшем эти требования все возрастали: «В Краков шведы пришли, и городу положено кроме провианту и хлебных запасов во время трех дней тридцать тысяч битых ефимков платить»¹³². Разорению подверглись все польские города и провин-

¹²⁵ «Ведомости...», вып. 1, стр. 233.

¹²⁶ Там же, стр. 242.

¹²⁷ Там же, стр. 317, 318.

¹²⁸ Там же, стр. 365.

¹²⁹ Там же, стр. 335.

¹³⁰ Там же, стр. 200.

¹³¹ Там же, стр. 204.

¹³² Там же, стр. 240.

ции, где появлялись шведы. В Гданьске Карл XII «от тамошних бургомистров просил, чтоб ему скарб короля польского выдали или вскоре ему платили двести тысяч ефимков, а если не хотят те деньги платить, хошет король свейский право свое в городе искать»¹³³. Познань дошла до крайнего разорения: «Свейские осадные люди, которые в Познани были, вышли, потому что жители градские не могли их пропитать»¹³⁴. То же происходило и в Литве. В Вильне шведы собирали контрибуцию и «от города вместо денег сукна, шелк и иные товары взяли, и на сто подвод положи, с провожатием трехсот драгунов и обоз свой в Золудек и в Асилицец отослали»¹³⁵.

Глубокий упадок переживало не только сельское хозяйство, но и торговля. В Варшаве «торговые люди, которые в кратком времени денег много иногда шведам, а иногда королевскому войску платили, начинают от таких тягостей в пруссы уходить»¹³⁶. К хозяйственной разрухе прибавились эпидемии, смертность была столь велика, что вся хозяйственная жизнь была парализована. Даже там, где экономическое положение было сносным, торговля не рождалась; «посе же все померли и купцов нет», то продавцы не могли найти сбыта своим товарам. Эпидемии перебрались и на армию. Из-за смертности среди солдат «король польский велел полки пространно расставить, дабы прилепная скорбь их скоро не брала»¹³⁷. Смерть косила и шведов. Из них «многие помирают, и того ради свейских проезжих людей... не хотят пускать»¹³⁸. Король Бранденбурга распорядился поставить на границе с Польшей заставы и виселицы, чтобы «никто из поветренных мест за границу не першел». Особенно тяжелое положение сложилось в украинских и белорусских воеводствах, где шведы вели себя особенно беззастенчиво.

Естественно, что население Польши не могло относиться безучастно к шведской оккупации. В «Ведомостях» нет сообщений о нападении на шведов гражданского населения, но рассказывается о нападении войск. Например, о том, что «подъезд от войск Хоментовского при Ченстохове на... шведов, которые контрибуции собирали, напал. А шведы, увидя, что против поляков стоять не могут, побежали и... отошли к дворянской маетности, где оные белое знамя выставили, будто сдалися. А когда польские начальники к тому месту зачали приближаться, и тогда шведы крепко на них почали стрелять и поляки от великой ярости то место и с шведами сожгли, а которых живых поймали, побили. А всего с свейской стороны потеряли шестьдесят шесть человек»¹³⁹. Такие случаи не могли быть исключением.

¹³³ Там же, стр. 232.

¹³⁴ Там же, стр. 227.

¹³⁵ Там же, стр. 317.

¹³⁶ Там же, стр. 201.

¹³⁷ Там же, стр. 225.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же, стр. 301.

Но шведская оккупация, хозяйственная разруха и огромная смертность еще не составляли полной картины внутреннего состояния Польши. Петровские «Ведомости» рассказывают еще об одном бедствии, составлявшем тогда хроническую национальную беду Польши,— феодальной анархии. Еще Статейные списки XVII в. сообщали о редко прекращавшемся междоусобии среди польской шляхты, составители «Ведомостей» продолжали эту традицию. Приход шведов в Польшу сразу же усилил панско-шляхетскую междоусобицу против законного короля Августа II, союзника России. Карл XII выдвинул свою марионетку Лещинского. Это создало в Польше два враждующих панско-шляхетских лагеря — Варшавскую и Сандомирскую конфедерации.

Польша — уже в который раз — стала ареной ожесточенной гражданской войны. «Кровавый бой был при Сенбурхе между Вишневецкими и Сапеженскими, и Сапеженские их в побег прогнали»¹⁴⁰, — гласит одно из многих сообщений о сражениях между сторонниками Августа II и Станислава. В междоусобную борьбу втягивалось и крестьянство: «В Краковском воеводстве пять тысяч поселян собрались и ружье против Любомирских войск подняли, и несколько рот от них порубили и многие маетности выграбили»¹⁴¹. Лилась кровь, пылали не только деревни, но и панские и шляхетские «маетности», война с чужеземцами переплелась с гражданской войной.

Таков рассказ петровских «Ведомостей» о внутреннем положении в Польше в дополтавские годы Северной войны. Этот рассказ опирается не на русские документы, как это было в освещении хода военных действий, а на материалы западных газет. «Ведомости» представляли собой своеобразный компендиум или, выражаясь языком самих «Ведомостей», экстракт некоторой части западноевропейской прессы в бурные годы начала XVIII в. Вместе с политической Петра I «Ведомости» «прорубали окно в Европу» для русского читателя, раздвигали для него границы наблюдаемого мира, делали первый шаг в изучении Западной Европы.

«Ведомости» и Война за испанское наследство

Войне за испанское наследство «Ведомости» уделяли, естественно, несколько меньше внимания, чем Северной войне, но следили за ней систематически — во всех номерах газеты, где читатель находил материалы из иностранных газет, он, как правило, встречал сообщения о Войне за испанское наследство. Крупные сражения подчас получали подробное описание в «Ведомостях». Например, почти весь № 27 «Ведомостей» за 1704 г. занимает «Подлинное написание о славной победе от соединенных¹⁴² над французы

¹⁴⁰ «Ведомости...», вып. 1, стр. 177.

¹⁴¹ Там же, стр. 207.

¹⁴² Союзные войска Англии, Голландии и Империи в этой войне.— М. А.

и баварцы в 13 день при Гохштедте у Дуная реки помощью бо-
жийей одержанной», представляющее собой донесение прусскому
двору о знаменитой второй битве при Гохштедте.

В сообщениях о военных событиях, как это мы видели при
описаниях Северной войны, часто чувствуется впечатление оче-
видца или, во всяком случае, человека весьма осведомленного:
«Перебегчики из Ландавы возвещают, что соединенное войско
стрельбою великую шкodu городу чинят, и уже две кирки в Лан-
даве наполнены ранеными людьми и ежедень многие помирают.
Прусская батарея французские ворота и подымательный мост и за
ним лежащую контрашарпу вовсе разорила. И то соединенное
войско зачали к тому городу подкоп вести, и чают вскоре к кон-
трашарпу притти»¹⁴³. При чтении подобных сообщений едва ли
можно усомниться в том, что перебегчики действительно наблю-
дали осаду крепости Ландау. Для русского историка Войны за
испанское наследство описание хода военных действий в петров-
ских «Ведомостях» имеет немаловажное значение.

Но еще большую историографическую значимость имеет инте-
рес составителей «Ведомостей» к внутриполитическим проблемам
воюющих стран, как это было и при анализе сообщений о Север-
ной войне. Из множества материалов иностранных газет о войне
составители «Ведомостей» не забывали отбирать те, которые рас-
сказывали, что война это — не только сражения на поле боя, но и
отчаянная война всего народного хозяйства многих стран. «Ведо-
мости» рассказывают, что одна из воюющих сторон — Англия,
Голландия, «Священная Римская Империя», Савойя — в экономи-
ческом отношении была гораздо сильнее своих противников —
Франции, Испании, Баварии. Читатель узнавал, что «в Мадриде
великая денежная скудость есть, как и в Париже»¹⁴⁴. Этим стра-
нам приходится напрягать последние силы в поисках денег.
Испанским властям, например, пришлось «для продолжения вой-
ны все серебряные церковные сосуды взять и из них деньги ко-
вать»¹⁴⁵. Испания пыталась выйти из положения путем усиления
грабежа Америки, но и здесь Испанию ждали неудачи — непри-
ятельский флот захватил испанские «серебряные» суда. Уже в
1703 г. появились сообщения «о взятии и разорении гишпанско-
го серебряного каравана, и сказывают, что в тех кораблях еще
две трети товаров было... да серебра найдено»¹⁴⁶.

Помимо экономических тягот на Западную Европу обруши-
лись эпидемии. Они свирепствовали и во время войны и после
нее. Во Франции моровая язва захватила не только народные
массы, но и высший свет. Один за другим умерли два дофина и
«многие господа больные лежат». «Из Парижа пишут, что от боль-
шей части все знатнейшие фамилии принуждены черное платье

¹⁴³ «Ведомости...», вып. 1, стр. 202.

¹⁴⁴ Там же, стр. 373.

¹⁴⁵ «Ведомости...», вып. 2, стр. 35.

¹⁴⁶ «Ведомости...», вып. 1, стр. 6.

носить для многого знатных людей урону»¹⁴⁷. В Империи «зело много людей помирает, и дохтурами не могут издовольствоваться»¹⁴⁸.

Сама война выглядела вовсе не такой, какой она рисовалась в победных реляциях. Наборы в армию проводились насильственно; только безвыходное положение заставляет людей брать оружие. «Во Франции великою удачею людей наймают и рекрутуют, особливо от скудости хлебных запасов принуждены служить»¹⁴⁹. Такое войско отличалось низкой боеспособностью. В Испании и солдаты и «из разных мест многие люди приклонились к англичанам и галанцам»¹⁵⁰. Особенно сложно обстояло дело в местах с пестрым национальным составом. В Эльзасе были обычным явлением перебежчи из французской армии в немецкую: «...Французы вельми к цесарю перебегают, и нет того дня, что не двенадцать и не пятнадцать французов конных и пеших в цесарское войско со всем оружием приходили»¹⁵¹. В то же время наблюдалось и обратное явление: «Цесарские гусары, которые ко французам в Страсбург перебежали, многожды на добычу выезжали и недавно... на цесарских гусар напали»¹⁵². При занятии имперскими войсками г. Ульма «баварцов большая часть службу цесарскую приняли»¹⁵³. Когда Евгений Савойский взял Турин, к нему примкнули две тысячи перебежчиков¹⁵⁴.

Тревожно было и в тылу воюющих стран: «Во Англии и в Шкотской земле... много неудовольных обретаются... и у короля французского денег и людей просили»¹⁵⁵. Еще хуже дела обстояли в лагере противника. В Испании зрело недовольство и войной и существующим режимом: «Ежедневно многих владению сему сопротивляющихся за орест берут, и все темницы теми наполнены»¹⁵⁶. Но репрессии уже не помогали; в некоторых испанских городах «великое восстание было, и того ради некоторых рейтар от рубежа в Толедо послали и в Саламапке больше солдат посадили, о том двор королевский зело смутен»¹⁵⁷. Во Франции, пользуясь обстановкой войны, подняли головы кальвинисты; «изгнанные веры ради наки множеством собралися и в одной провинции с 60 деревень разорили и пожгли, против их принужден король доброе войско послать, понеже опасно, дабы они с шными такими же людьми не соединились и больше разорение не учинили»¹⁵⁸.

¹⁴⁷ «Ведомости...», вып. 1, стр. 344.

¹⁴⁸ «Ведомости...», вып. 2, стр. 187.

¹⁴⁹ Там же, стр. 35.

¹⁵⁰ «Ведомости...», вып. 1, стр. 284.

¹⁵¹ Там же, стр. 27.

¹⁵² Там же, стр. 28.

¹⁵³ Там же, стр. 196.

¹⁵⁴ Там же, стр. 347.

¹⁵⁵ Там же, стр. 148.

¹⁵⁶ «Ведомости...», вып. 2, стр. 33.

¹⁵⁷ «Ведомости...», вып. 1, стр. 215.

¹⁵⁸ Там же, стр. 39.

Борьба с восставшими оказалась нелегкой, ибо они «дважды королевских людей побили, сего ради король принужден парочитое войско против их послать, дабы они отсюду не соединились»¹⁵⁹. Фактически во Франции вновь началась религиозная война; не обошлось и без иностранного вмешательства: «Король французский повелевает всем своим подданным принимать римскую веру, и которые тому противятся, тех принуждает к великим мучениям, а которые в его земле города и уезды многие держали реформатскую веру и те желают все пожитки и дома оставя, выехать в иную страну, но их не выпускают; сего ради многие против того королевского указа восстали и мучителям противились, и к тем королева английская посылает десять тысяч человек войска на вспоможение с воинскими снарядами и припасами, и если с теми соединятся, то немалое смятение и противность во французской земле воздвигнут»¹⁶⁰.

Поднималось движение крестьян; против него были брошены войска: «Из Липона гонец в Париж пригнал, возвещая, что севенесы (бунтовщики во французской земле) на главу побиты и седьмсот человек на боевом месте убито»¹⁶¹. С восставшими велись переговоры, как с воюющей стороной, устанавливались перемирия, чтобы выждать время. В июне 1704 г. «мирный договор с комизардами (бунтовщиками во французской земле) разрушен и кавалер, который у французов в аманатах был, назад послан»¹⁶².

Вспыхнули крестьянские восстания в Баварии: «Тамошние мужики прежде взяли город Статенберг в Баварской земле и оттоле далее пошли... и приступом взяли замок Эберсвенген и в городе бывших порубили, токмо шесть человек живых оставили»¹⁶³. Борьба с крестьянами приняла характер настоящей войны: «Полковник Бартел их две тысячи пятьсот человек при Бибурге побил. У Инна реки стоят их три тысячи человек и ежедневно умножаются... Бунтующие поселяне в Баварской земле в почти до Рождества Христова (1706 г.) на город Минхен напасть намерелися, и им не удалось, три тысячи человек побито, однако ж не хотят перестать»¹⁶⁴. «Генерал Кирхбаум при Адлерсбахе бунтующих баварских поселян три тысячи человек побил и шесть пушек взял»¹⁶⁵. Бавария воевала на стороне Франции, но другие княжества Империи, находившиеся на стороне Англии и Голландии, кинулись подавлять восставших баварских крестьян; «шесть прусских и три виртембергских полков в Баварскую землю пошли тамошних бунтовщиков к послушанию привести»¹⁶⁶.

¹⁵⁹ Там же, стр. 35.

¹⁶⁰ Там же, стр. 48.

¹⁶¹ Там же, стр. 154.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же, стр. 161.

¹⁶⁴ Там же, стр. 311.

¹⁶⁵ Там же, стр. 313.

¹⁶⁶ Там же, стр. 308.

Вмешательство других княжеств Империи в баварские дела было вызвано тем, что волна крестьянских восстаний захлестнула многие немецкие княжества. Иногда крестьянское движение сливалось с солдатским: «В вышней Австрийской земле шесть тысяч человек ратные люди да десять тысяч мужиков, собрався, окопалися и стоят для оберегательства»¹⁶⁷. Иногда к крестьянским отрядам примыкали дезертиры: «Через Регенсбург пишут, что тамошние поселяне и отбегшие солдаты совокупаются и разбоем землю грабят и много злодейства чинят»¹⁶⁸.

В ряде стран, ведших Войну за испанское наследство, велась другая война — внутренняя, гражданская война, вести о которой через западную прессу пробились и на страницы петровских «Ведомостей». Эти свидетельства современников обнажают, в частности, главную причину поражения в этой войне Франции — страны, являющейся до тех пор гегемоном Европы, обладательницей лучшей армии в мире. У Франции и ее блока оказалась более слабая экономика и более слабый тыл, чем у их противников. Сказалось то обстоятельство, что Англия и Голландия, составлявшие главные силы антифранцузского фронта — страны, где буржуазные революции уже свершились, — оказались и в экономическом и в политическом отношении гораздо сильнее своих противников — феодальных Франции и Испании. Теперь гегемония в Западной Европе и за ее пределами переходила к сильнейшей буржуазной стране — Англии. Этот чрезвычайно важный поворот в жизни Западной Европы был отражен и на страницах русской газеты — петровских «Ведомостей».

«Ведомости»

и венгерская освободительная война 1703—1711 гг.

Освещение событий венгерской освободительной войны 1703—1711 гг. в «Ведомостях» на первый взгляд вызывает некоторое недоумение. Как известно, между правительством Петра I и вождем венгерского восстания Ференцем Ракоци были дружественные отношения. После того как Карл XII принудил Августа II отречься от польского престола, Петр I, в противовес шведскому ставленнику Станиславу Лещинскому, намеревался выдвинуть на польский трон Ференца Ракоци. И только возвращение Августа в Польшу помешало осуществлению замысла Петра. С этого момента отношение Петра I к Ракоци меняется.

«Ведомости» с самого начала именуют куруцев не иначе как «бунтовщики», а освещение хода освободительной войны ведется, как правило, далеко не в дружественном тоне. Объясняется это тем, что составители «Ведомостей» брали сообщения из венской прессы, усваивали и факты и самый тон австрийских реляций.

¹⁶⁷ «Ведомости...», вып. 1, стр. 136.

¹⁶⁸ Там же, стр. 306.

Переписывание австрийских сообщений подчас было настолько буквальным, что «Ведомости» то и дело писали «наши войска», имея в виду австрийцев. Этому тону явного несочувствия не могло не способствовать то обстоятельство, что речь шла о восстании против «законного государя» — австрийского монарха.

Тем не менее, в этих обильных и тенденциозных австрийских сообщениях о восстании куруцев на страницах «Ведомостей» до вольно отчетливо начинает проступать действительный ход венгерской освободительной войны 1703—1711 гг.

В петровских «Ведомостях» отразилась восходящая линия венгерской войны. Из западной печати узнаем, что восстание в Венгрии было полной неожиданностью. Это прослеживается на страницах «Ведомостей». Венгрией интересовались лишь в связи с Войной за испанское наследство. «Из Вены пишут, что в венгерской земле песколько полков венгерских ратных людей собирают и те употребят против баварского курфюрстра»¹⁶⁹, — сообщили «Ведомости» в феврале 1703 г. Полкам «одним в Италию, а другим против баварчиков итти указано, а на то место вновь собранные полки поставлены и к воинскому делу выучены будут»¹⁷⁰. Как потом стало известно, формирование венгерских частей будущими деятелями восстания (Тамаш Эсе и др.) проводилось под видом вербовки в австрийскую армию, действовавшую против французов.

Затем уже в июле «Ведомости» сообщили июньские сведения, что в Вене «крепко радеют поранеe перенять бунтовщиков в венгерской земле, под Монгачом собранных, и за князя Ракоцкого стоят»¹⁷¹. Одна часть австрийских войск «против бунтовщиков послана, а три полка в Седмиградскую землю, чтобы поранеe тех унять, потому что зло поступают». Это было первое известие о восстании. Оно прозвучало и неожиданно и запоздало, так как восставшие уже пытались взять крепость Мукачево.

«Ведомости» на время прекращают освещение венгерских событий и только в октябре русский читатель узнает, что «с венгерским палатином и с иными господами сего королевства часто бывают разговоры, каким способом удержать бунтовщиков, которые всю землю разоряют»¹⁷². В октябре «Ведомости» сообщили первые конкретные сведения о военных действиях: «Бунтовщики город Липпу выграбили и шестьдесят человек убили»¹⁷³. Столь скудные вести о восстании в то время, когда «Ведомости» продолжали перепечатывать сообщения из венских газет о действиях австрийских войск в Войне за испанское наследство, говорят о том, что и в Вене и в Петербурге на первых порах, видимо, не придавали венгерскому восстанию серьезного значения.

¹⁶⁹ Там же, стр. 24.

¹⁷⁰ Там же, стр. 42.

¹⁷¹ Там же, стр. 66.

¹⁷² Там же, стр. 93.

¹⁷³ Там же, стр. 97.

И только размах самого движения заставил взглянуть на дело иначе. На рубеже 1703—1704 г. вся Венгрия, не считая Трансильвании и Задунайской части, была в руках восставших, и с этого времени «Ведомости» запестрели сообщениями о войне в Венгрии. Эти данные неполны, отрывочны, не всегда точны и подчас грешат тенденциозностью, которой их наделяли в Вене. Даже среди постоянных упоминаний о неудачах куруцев мы не находим ничего о первом крупном их поражении. Речь идет о сражении куруцев с дворянским ополчением и войсками, которыми командовал Шандор Карольи, тогда еще находившийся на стороне австрийцев. Это было 7 июня 1703 г. Возможно, что русские журналисты тогда еще не разобрались в позиции Карольи.

Но в этот период войны даже усиленное подчеркивание действительных и мнимых поражений восставших не смогло скрыть того факта, что в целом это были годы побед венгерского восстания. Уже в январе 1704 г. «Ведомости» сообщили несколько преувеличенные для того времени сведения о том, что куруцев «будет сто тысяч человек и думают под Вену... Бунтовщики тяжкие статьи предлагают, а у цесарского двора думают, как бы их унять, дабы тягость их с себя свалить»¹⁷⁴. В начале этого года «цесарский генерал Шлик, который против венгерских бунтовщиков с седью тысящами человек пехоты и с гусары от цесаря комендован был и на него Берецыни (Берчени.— М. А.),— имя начальника — так нечаянно напал, что цесарским солдатам время не было стрелять, из которых побито пятьсот шестьдесят человек, а прочих к Моравскому рубежу загнали, и тот Берецыни ныне у Пресбурга стоит с тридцатью четырьмя тысящами человек конницы и с седью тысящами пехоты и осмь пушек у него»¹⁷⁵. С этих пор сведения о победах куруцев становятся регулярным явлением на страницах «Ведомостей».

Опасность вторжения восставших нависала над австрийской территорией и самой австрийской столицей. Летом 1704 г. во время торжеств в день рождения императора «бунтовщики близ к городу набег учинили под начальником Кароли и многие места сожгли, выграбили, людей много побили и скотину увезли...»¹⁷⁶. В начале 1707 г. «Ведомости» сообщали о том, что «неудовольные крепко появляются и грозят в цесарскую землю впасть»¹⁷⁷. В «Ведомостях» можно было прочесть, что в Вене считают положение чрезвычайно серьезным и стараются найти из него выход: «У цесарского двора о воинском смущении в венграх часто тайным совет держат. И известно, говорят, что вскоре трактаты примут. Такжеде корона английская и Генералы Статы (Голландия.— М. А.) сие дело великое ревностию поспешить радеют»¹⁷⁸.

¹⁷⁴ «Ведомости...», вып. 1, стр. 115.

¹⁷⁵ Там же, стр. 137.

¹⁷⁶ Там же, стр. 167.

¹⁷⁷ Там же, стр. 373.

¹⁷⁸ Там же, стр. 346.

В сообщения о ходе войны часто врываются вести о попытках Англии и Голландии наладить переговоры между воюющими сторонами. Это составляет вторую проблему, которая обращает на себя внимание читателя «Ведомостей». Как известно, венгерская освободительная война была по интересам не только Империи, но и всей коалиции, членом которой Империя состояла в Войне за испанское наследство. Поэтому на ход венгерской войны большое влияние оказывала сложившаяся к тому времени международная обстановка.

Австрии, как уже упоминалось, приходилось вести войну на два фронта: «О нынешнем пребывании в венграх и о продолжении войны против короны французской при здешнем дворе советы и тайные разговоры держаны будут»¹⁷⁹, — сообщали «Ведомости» по этому поводу. Австрия пыталась выйти из войны в Венгрии при помощи союзников: «У двора цесарского крепко радеют и труждаются по заступлению англичан, голанцов и иных потента-тов, чтобы в венгерской земле все усмирить, а чаем скоро миру быть»¹⁸⁰. Цель этого мира — «чтоб соединенные войну против французов могли вестъ»¹⁸¹. Все это приводило к тому, что переговоры не раз начинались, велись много месяцев, но каждый раз кончались бесплодно. Типичным сообщением могут быть следующие строки из «Ведомостей»: «Понеже венгерские бунтовщики от упрямства своего не хотят перестать, то цесарский, английский и галланский послы, которые на разговоре были, приехали (т. е. вернулись. — М. А.), и генерал Гейстер в венгры идет с пятнадцатью тысячами человек против бунтовщиков воевати»¹⁸².

Но если союзники Австрии были заинтересованы в прекращении венгерской войны, то их противники — французы были заинтересованы в обратном. В Вене не без основания «во опасении... живут от бунтовщиков венгерских, но паче еще того опасаются, что французы и баварчики помощь им подадут, и того ради принц Евгений изготовится и им встречу пойдет...»¹⁸³. Между Ракоци и французским двором велись переговоры о помощи восставшим. Из Парижа поступали известия, что еще в 1704 г. «от принца Рагоцкого два гонца сюда прибежали, дабы союз с королем обновити, такожде венгерский шляхтич, от того же принца сюды прислан и у короля в великой чести»¹⁸⁴. От французов Ракоци всегда получал деньги, австрийцам случалось захватить в плен венгров, «меж которыми многие французы обретались». «Ведомости» рассказывали и о том, что «князь Рагоцкий сто пятьдесят человек французских офицеров... ждет»¹⁸⁵. Французская помощь не

¹⁷⁹ Там же, стр. 361.

¹⁸⁰ Там же, стр. 135.

¹⁸¹ Там же, стр. 222.

¹⁸² Там же, стр. 212.

¹⁸³ Там же, стр. 118.

¹⁸⁴ Там же, стр. 215.

¹⁸⁵ Там же, стр. 374.

оказала, конечно, какого-либо заметного влияния на ход венгерской войны.

Третья проблема, которую можно проследить на страницах «Ведомостей», это — социальные противоречия в стане восставших.

Уже в начале восстания венский двор пытался оторвать от повстанцев венгерское дворянство. От императора в Венгрию был послан генерал, «дабы объявить им общее прощение и отдание маестностей (имений.— *М. А.*) их и вольное употребление веры... на пять лет вольность, но они так не принимают, а просят на пятнадцать лет, а цесарское величество отказал»¹⁸⁶. В дальнейшем ходе восстания «несколько нарочитых бунтующих начальников к фельдмаршалку фон Гейстеру писали, если он им пардон и повольность дает — куды они ехать похотят — и свое имение с собою им взять, то они хотят оружие низложить и венгерское государство в прежнем покое установить, а фельдмаршалк им отвечал, что то не в его воли, понеже долго они промешкали, и ныне ему от цесарского величества указ есть, что их огнем и мечем искоренять...»¹⁸⁷.

Как известно, на протяжении всего восстания между крестьянами и помещиками сказывались острые противоречия. Отразились они и в сообщениях «Ведомостей». Примером может послужить рассказ о том, что «Оцкай, венгерский бунтовщик, с двенадцатью тысячами солдат и мужиков пошел некие линии домогаться, но генерал Берецыний (Берчени.— *М. А.*) указ к нему прислал от походу возвратится, сего ради он мужиков отпустил»¹⁸⁸. Это один из фактов, говорящих о том, с каким трудом феодальной знати приходилось удерживать руководство крестьянскими отрядами. Разногласия между крепостными и их хозяевами простирались и на внешние отношения восставшей Венгрии; «шляхта и жители князя Рагоцкого принуждают, чтоб он удержался от французов, которых немало при нем обретаются, и помогать хотят, чтобы миротворение с цесарским двором совершилось»¹⁸⁹. Можно не сомневаться, что речь идет о венгерских феодальных владельцах, всячески искавших примирения с Австрией вопреки желаниям крестьянской массы.

Наконец, на страницах «Ведомостей» нашла отражение и нисходящая линия венгерской освободительной войны, ее финал. С 1707 г., как известно, начинаются тяжелые поражения повстанческих войск, особенно у Тренчина в августе 1708 г. и Ромгана в начале 1710 г. Волна освободительного движения стала спадать. В сообщениях «Ведомостей» нашло отражение то очевидное обстоятельство, что наиболее слабым звеном восставших был венгерский феодальный класс, склонный к компромиссу с австрий-

¹⁸⁶ «Ведомости...», вып. 1, стр. 116.

¹⁸⁷ Там же, стр. 227—228.

¹⁸⁸ Там же, стр. 338.

¹⁸⁹ Там же, стр. 246.

цами: «Его цесарское величество паки в показание милости своя малконтентам венгерским генеральную амнистию предложить велел, и тридцать уже венгерских шляхтичев цесарскому защищению далися»¹⁹⁰. «Начальники неудовольников или малконтентов на большую часть его цесарского величества послушанию здалися...»¹⁹¹, — такие вести становятся обычными на страницах «Ведомостей».

К лету 1711 г. речь пошла о полной капитуляции. «Сдача венгерских крепостей и присяга графа Кароллия, в том числе и 200 венгерских шляхтичев подтверждается», «...венгерские конфедераты, граф Каролли с 10 000 гусарами около Мутина на поле присягу чинили и в знак подданства генералу-фельдмаршалку графу Иоанну Порчию 149 знамен отдали, такожде от Тиса реки многие пришли и присягу чинили, при том для радости стрельба была»¹⁹². В отличие от сложившегося оружие Карольи «Рагоцкий с своими людьми и поляками при Аркецалесе стоит, где думу отиравили, присягая паки с цесарцами биться»¹⁹³. Ракоци не капитулировал перед австрийцами, он «под защищение его царскому величеству дался и команду от него получил над некоторым корпусом»¹⁹⁴. В обычной манере прозвучал в «Ведомостях» и заключительный аккорд венгерской трагедии: «Ныне королевство венгерское, княжество Седмиградское по 9 летнему мятению и неописанному разорению совершенного покоя употребляет, того ради и во всех венгерских городах благодарение богу отправлено»¹⁹⁵.

Петровские «Ведомости» — первая газета для русского читателя — зачастую в искаженном виде, неумело и с чужих слов сохранила ясные следы важнейших событий современности.

5.

ПУБЛИЦИСТИКА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ВОПРОСАМ

Рост удельного веса России на международной арене усилили интерес к международным делам, породив публицистическую литературу на текущие международные темы. Русские авторы давали обзоры положения в Европе, высказывали мнения о наилучших вариантах международной политики России. При этом русское государство рассматривалось как одно из сильнейших в Европе, от которого во многом зависело состояние европейских дел. К таким произведениям принадлежит «Рефлексий о нынеш-

¹⁹⁰ «Ведомости...», вып. 2, стр. 36.

¹⁹¹ Там же, стр. 32.

¹⁹² Там же, стр. 98, 99.

¹⁹³ Там же, стр. 53.

¹⁹⁴ Там же, стр. 98.

¹⁹⁵ Там же, стр. 99.

нех состоянии дел европейских»¹⁹⁶. Помеченная на документе дата 1716 г. едва ли может быть признана точной — в «Рефлексии» говорится о «нынешнем Пасаровицком мире», который относится к 1718 году.

Сочинение это является попыткой как бы подвести итоги международных событий в Западной Европе. К этому времени там заканчивалась Война за испанское наследство (Утрехтский мир 1714 г.) и очередная война Империи и Венеции с Турцией — Пасаровицкий (Пожаревацкий) мир 1718 г. На Западе наступило некоторое затишье, хотя в Восточной Европе еще шла Северная война. Неизвестный нам русский автор пытается дать анализ «мирной» ситуации на Западе.

Исходным моментом в его рассуждениях является Империя. Чтобы понять его оценку, надо иметь в виду, что в результате двух мирных договоров с Турцией Империя захватила обширные территории — по Карловицкому миру она владела центральной Венгрией, почти всей Славонией, Семиградьем и Бачкой; к этому по миру Пасаровицкому прибавились: часть Валахии, часть Сербии, часть северной Боснии. Вот почему мы в «Рефлексии» читаем: «Цесарь ныне обретающийся в расширении великости, яко победитель над турками, по всем видам ясно можно признать, что он промышляет о универсальной монархии»¹⁹⁷. Под универсальной монархией автор разумеет единство Империи, которое, как известно, никогда не отличалось прочностью, но которое теперь оценивается достаточно высоко, ибо «принцы Империи связаны чрез меру с цесарем».

Возникла опасность усиления Империи в Европе. Кто ей может противостоять? Англия? Но в Англии в связи с приходом к власти Ганноверской династии (1714 г.) идет борьба различных партий, и «оттого zelo остерегаться надобно, дабы помянутые партии своими внутренними несогласиями не нанесли оной Англии какого бедствования: чего ради оная, будучи по настоящему в таком состоянии, препятствовать цесарскому намерению не может»¹⁹⁸. Франция? Но она «во младости своего короля»¹⁹⁹ и во замыслениях дука Орлеанского²⁰⁰ во бедствовании обретается, есть принуждена всеми мерами сохранять недвижимую нейтралитет, дабы не дать причину войны, которая не токмо была бы единому королю во младости суцему небезопасна, но еще и zelo вредительна своему регенту»²⁰¹.

Есть Голландия — крупная морская держава, но она силою морскою отпор учинить не может, поскольку владения императора к морю не примыкают, а «не имея довольной силы по от-

¹⁹⁶ ЦГАДА, ф. 375, д. 38.

¹⁹⁷ Там же, л. 1.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Имеется в виду малолетний Людовик XV. — М. А.

²⁰⁰ Являвшегося регентом. — М. А.

²⁰¹ ЦГАДА, ф. 375, д. 38, л. 1.

пору сухопутным войскам, принуждена содержать доброе дружелюбие с цесарем»²⁰².

Венеция — недавний союзник Империи против турок — сильно озлоблена против императора. Во-первых, потому что при заключении Карловицкого мира Империя «не прилагала старания о ее авантажу». Во-вторых, по Пасаровицкому миру Венеция понесла большие потери²⁰³, но с этим была «принуждена согласитца и довольствоватца по нужде по потерянии морей... чтоб опой самой не остатца в войне с турками, с которыми одна противостоятца не может». Однако «со всем таким неудовольствованием по доброй максиме облигована содержать с цесарем дружбу ради турка»²⁰⁴. Против Империи могла бы выступить Испания, которая имеет возможность опереться на Италию, «понеже итальянцы суть оной монархии зело склонны», но рассчитывать на Испанию, ослабленную Войной за испанское наследство, совершенно невозможно.

В этой ситуации цезарь «гордый в полностью своего счастья, похощет распространить свое могутство и, чиня себя страшным во всей Европе, похощет дать уставы всем принцам»²⁰⁵. Это нарушает равновесие в Европе, которое необходимо восстановить. Но каким образом? «Чтоб быть в безопасность от таких злых приключений и чтоб пресеклась дорога такому могутству, но наипаче дабы был баланс европский в своей равномерности» автор предлагает помогать испанскому королю. Свою роль в этом могла бы сыграть и Россия. Связанная войной со шведами, она не может оказать военной помощи, но она может участвовать в создании союзов, направленных против Империи.

Наиболее простой, но весьма надежный путь к созданию союзов это — династические браки. Автор считает, что царь Российский, имея при своем дворе три царевны, располагает большими возможностями в этом отношении. Старшая царевна «не могла б лутше быть возведена, токмо на троне монархии гишпанской; тогда б была обручена с принцем Астурийском — наследником оной короны уже в брачном возрасте, и верно, что такой бы партит был гишпанцам зело приятно»²⁰⁶. Что касается средней царевны, то она «еще во младом возрасте и может быть, что фортуна определила оную к другой монархии, не меньшей». Когда будет заключен мир со шведами, то и Швецию следует привлечь к этому союзу. Это тем более реально, что шведский король — «принципиальный» противник Англии, склонной помогать германской Империи. Для закрепления Швеции в планируемом союзе автор предлагает выдать замуж в шведский двор третью русскую царевну, когда придет к тому время. Таким образом, заключает

²⁰² Там же, л. 2.

²⁰³ Венеция потеряла Морею и острова Архипелага. — М. А.

²⁰⁴ ЦГАДА, ф. 375, д. 38, л. 3.

²⁰⁵ Там же, л. 4.

²⁰⁶ Там же, л. 6.

автор, цесарь, «будучи окружен с обеих сторон союзом, так зело сильно не посмеет возносить голову»²⁰⁷.

Другим примером петровской публицистики по международным проблемам могут служить «Книги политические, которые продаются в Гаге». Речь идет о своеобразной брошюре, изданной в 1723 г. в Москве (в последующем году она была переиздана в Петербурге)²⁰⁸. По форме это — каталог из 24 названий книг, якобы продававшихся в Гааге — тогдашнем дипломатическом центре Европы. В действительности же этот вымышленный каталог представил собой политический памфлет на тогдашнее международное положение в русском ракурсе. На злободневный характер памфлета указывает и его краткость (брошюра имеет всего 8 страниц), карманный формат, лаконичность его языка.

В коротких, подчас ядовитых книжных названиях петровские современники видели события и людей тогдашней Европы, причались смотреть на них глазами русского политика. Одна из «книг» предлагаемого «каталога», например, называлась: «„О обучении царя Российского. Книга Карлуса 12, короля шведского, после смерти его издана и сочинена на имя Англии и Голландии, кормилиц ево“». Всяк понимал, что автор памфлета намекал на значение Северной войны для укрепления международного престижа России, разгромившей грозу тогдашней Европы — Карла XII, и все это произошло в пику Англии и Голландии, которые на деле помогали Карлу XII против России. Справедливости ради, стоит сказать, что в этом отношении позиции Англии и Голландии, как мы видели выше, были далеко не одинаковы. С темой о международном аспекте Северной войны было связано название и другой «книги» — «„Славные действия“ аглинского флота на Балтийском море с подробным описанием портов и берегов оного, сочинена и подписана королю великобританскому чрез адмирала Норриса». Речь шла об эскадре адмирала Норриса, которая под флагом посредничества между Швецией и Россией вела на Балтике враждебные действия против России.

Больше трети всего «каталога» посвящено Франции. Предметом насмешек явились, главным образом, события, связанные с малолетством Людовика XV. Одна из «книг» на эту тему была озаглавлена: «Собрание ученых бесед, мудрых ответов и острых мыслей и забавных слов, которых королева инфанта в путешествии своем произносила. Сочинено и поднесено королю чрез герцогиню Девантадур». Тут речь шла о путешествии четырехлетней испанской принцессы, с которой был обручен несовершеннолетний Людовик XV, к своему жениху. Людовик подарил своей невесте куклу. Нетрудно себе представить, какие «ученые беседы» можно было услышать от четырехлетней королевы.

²⁰⁷ ЦГАДА, ф. 375, д. 38, л. 7.

²⁰⁸ См.: С. А. Рейсер. «Книги политические, которые продаются в Гаге». — Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. М. — Л., 1955, Приложение VII, стр. 541—563.

Другому аспекту темы о молодом короле была посвящена «Книга о справедливых правах дука Дорлеана в продолжении управления своего, основанных на осповательном правиле королевства, что короли французские всегда в малолетствии быть почитаются. Сочинение на имя короля Филиппа». В год выхода памфлета Людовик XV достиг совершеннолетия, но регент Филипп Орлеанский (д'Орлеан) продолжал править Францией. Намекая на это, русский автор называет регента в первом случае дуком д'Орлеаном, а во втором уже королем Филиппом. Слова о том, что короли французские «всегда в малолетстве быть почитаются» напоминали, что Людовик XIV вступал на престол тоже малолетним, и тогда правил тоже регент.

Здесь же встречалось и сходное с этим заглавие: «Искусство продолжения детского возраста или новый способ воспитания отроков, которым не надлежит достигнуть действ. возраста мужеска. Сочинено чрез бывшего бискупа французского, учителя королевского». Дело в том, что один из воспитателей Людовика XV епископ Флери совсем не заботился о его подготовке к государственной деятельности, что и характеризуется автором как «искусство продолжения детского возраста».

В таком же тоне памфлет рассказывает о других событиях во Франции, а также в Англии, Австрии, Италии, бросает несколько едких замечаний по адресу «папезского» престола.

Другой брошюрой на международную тему и снова под видом голландского документа была «Копия с писма от одного приятеля до другого, писанного и в Голлапдин напечатанного» (1720 г.). Происхождение этого сочинения выдает его содержание — оно излагает чисто русскую точку зрения. Речь идет снова о враждебном поведении эскадры адмирала Норриса. Брошюра разъясняет, почему против этой эскадры со стороны России не были приняты ответные меры. Во-первых, потому, что адмирал Норрис не открывал прямых военных действий — судя по всему, он не имел на это указаний. Поэтому эскадра не являлась препятствием для передвижения русского флота в Балтийских водах. Во-вторых, Георг I, заняв враждебную позицию против России, действует не как английский король, а как курфюрст Ганноверский. Было бы несправедливо, если бы от этого страдала Англия. Русский царь поэтому даже не лишил английских купцов их привилегий в России. Дело в том, что курфюрст Ганноверский, став английским королем, на деле оставался пемцем на английском престоле, — с гораздо большим рвением он занимался делами Ганновера, чем делами Англии. В интересах Ганновера он стал искать дружбы Швеции, обещая ей помощь флотом против России, невзирая на то, что враждебность к России ставила под удар торговлю Англии с Россией, в которой была заинтересована значительная часть английских купцов. Это и имела в виду «Копия с писма от одного приятеля до другого...»

Глава четвертая

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ

1.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Петровское время явилось периодом дальнейшего развития русской национальной культуры; за первую четверть XVIII в. в России было издано книг больше, чем за два предыдущих века. Все это создавало благоприятную обстановку для развития исторической науки, а более близкое знакомство с Западной Европой было естественной причиной того, что западноевропейская тема зазвучала в русской историографии гораздо сильнее, чем раньше.

Помимо явлений, о которых речь шла выше и которые относятся к накоплению знаний о Западе, в петровское время получает развитие и сама историческая наука о западноевропейских странах. Значительный шаг вперед делает историческая *теория*. В числе историков, касавшихся вопросов исторической теории, был известный сподвижник Петра Феофан Прокопович. Он не выдвинул какой-либо новой теоретической концепции, но в своем латинском сочинении «*De arte rhetorica*», относящемся еще к киевскому периоду деятельности автора, высказал исторические идеи, характерные для петровского времени. Автор исходил из факта отсталости России, в том числе и в области исторической науки, ибо «столько славных дел нашего отечества забыто совершенно, и что оно совершило до сих пор, едва что передано памяти потомства», в то время как на Западе история разрабатывается гораздо усерднее. Но Феофан решительно предостерегает от подражания Западу, все его рассуждения носят резко полемический характер против современной ему западной историографии.

Дело в том, что прошедший сам школу иезуитов на Западе Феофан в то же время был страстным борцом против католического духовенства и иезуитов, в частности против их влияния в исторической науке, где значительный процент среди историков составляли католические монахи и иезуиты. Они-то и делали погоду в западной историографии, они-то, по словам Феофана, «с величайшим усилием и трудом, потая, зябня, бледнея, без покою,

без скуки и досады лгут дни и ночи»¹. Полемика Феофана против иезуитов была вызвана не только национальными и чисто исповедными соображениями, но и тем, что католичество отстаивало примат духовной власти над светской, в то время как Феофан, в полном соответствии с политикой Петра I, воевал за противоположный принцип. Кроме того, эта полемика в идейном отношении велась с позиций сторонника естественного права.

Именно поэтому огонь своей полемики Феофан сосредоточил, главным образом, против чудес, которыми католики заполнили историю. Феофан стремился дать им реалистическое объяснение или показать их несоответствие историческим условиям, он хочет предостеречь от подобной манеры писать историю: «Что за страсть и охота лгать! Все вышесказанное я решился изложить с тем намерением, чтобы мы могли распознавать побасенки обманщиков и кроме того знали, чего нужно оберегаться нам при написании истории, если мы хотим верно служить истине»². Но этот рационалистический принцип Феофан проводил весьма непоследовательно: выступая против чудес католической церкви, он, разумеется, не собирался ставить под сомнение чудеса, проповедуемые церковью православной, хотя в исторических трудах самого Феофана элемент чудесного совершенно отсутствует.

В противовес иезуитской историографии, наполненной чудесами, Феофан выдвигает иные принципы, которые он выводит из рассуждений античных писателей — Лукиана Самосатского, Иосифа Флавия, Цицерона, Дионисия Галикарнасского, Квинтилиана, а также более поздних писателей, в частности Ж. Бодена. Задача, которую должен ставить перед собой историк, состоит в том, чтобы «из чужих примеров, как из собственных опытов, мы поняли, что нужно делать и чего избегать», ибо история для Феофана это — своего рода руководство к действию для современного человека. Основной чертой исторического повествования должна являться *достоверность*. Причины недостоверности истории могут быть как объективные, так и связанные с личностью историка. Объективной причиной недостоверности является отставание литературы от времени изображаемых событий. Для устранения этого недостатка автор рекомендует обращаться к предметам материальной культуры, которые древнее письменности и являются более надежным источником знания прошлого. Если игнорировать показания материальной культуры, то остается верить «молве».

¹ Н. Петров. О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 г. — «Труды Киевской духовной академии», 1868, март, стр. 506. О взглядах Ф. Прокоповича см. также: А. Б. Просина. Политическое учение Феофана Прокоповича. Идеолога абсолютизма в России первой четверти XVIII века. Автореф. канд. дисс. (юридические науки). М., 1971; Л. А. Петров. Философские взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира. Иркутск, 1957; *он же*. Социологические взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира. Иркутск, 1958; F. Venturi. Feofan Prokopovic. Cagliari, 1953.
Н. Петров. Указ. соч., стр. 515.

передаваемой письменными источниками, а это порождает легенды в изложении прошлого; поляки верят в свое происхождение от Леха, москвитяне — от Мосоха, древние греки, германцы и другие народы тоже верят в свое легендарное происхождение.

Что касается субъективных причин недостоверности, то их гораздо больше; к ним принадлежат неведение, увлечение и легкомыслие. *Неведение*, незнание предмета, лишает историческое повествование всякого смысла, *увлечение* уродует передаваемое событие. Историк должен отрешиться от личных симпатий и антипатий, он не должен руководствоваться ни любовью, ни ненавистью, ни гневом, ни завистью. Отсутствием беспристрастности особенно грешат католики, у которых все сводится к восхвалению папы. *Легкомыслие* историка налицо в том случае, если сообщаемые им сведения противоречат друг другу или когда эти сведения не соответствуют («неприличны») людям и предметам, о которых идет речь. Все эти явления заставляют относиться к достоверности исторического повествования с большой осторожностью. Достоверность налицо лишь в том случае, если большинство авторов сходится на одном и том же. Если же перед нами разногласия в исторических свидетельствах, то лучше считать вопрос нерешенным.

Следующее достоинство изложения истории — его *краткость*. Если историк должен отбирать только истинное, то это еще не значит, что все истинное нужно подряд включать в историю. Мелочи, не имеющие существенного значения, не должны включаться в повествование. И наконец, исторический рассказ должен быть *ясным*. Над историческим произведением автор должен работать с такой же тщательностью, как работают над своими творениями поэт или оратор. Однако в исторический текст нельзя вносить «аффекты», т. е. эмоциональность, которая здесь была бы неуместной, ибо свидетельствовала бы об увлечении автора. Таковы принципы, которые отстаивает Феофан Прокопович в исторической науке. Его «*De arte rhetorica*» в киевской образованности было новым, более прогрессивным явлением по сравнению с методологией ранее вышедших здесь исторических работ — «Хроники» Сафоновича и «Синописа».

Известный деятель времен Петра I Гавриил Бужипский сделал попытку соединить библейскую традицию с концепцией четырех монархий. Он делит библейскую историю на шесть периодов. Два первых из них — Правление патриархов и Героический — предшествуют Вавилонскому царству, следовательно, лежат за пределами теории четырех монархий. Третий период библейской истории — Царский, охватывающий время от Саула до Вавилонского плена и первого разрушения иерусалимского храма, совпадает с расцветом Вавилонской монархии. Четвертый период — Гегемонический — правление «князей и архиереев по пленении вавилонском во время вторые Персидские монархии, даже до Маккавейского господствования». Пятый период — Архиерей-

ский, это — период «Маккавеев, во время третья монархии Греческие, даже до царства Иродова» и, наконец, шестой период — Деспотический «есть под Иродами и римлянами во время начала монархии четвертые Римские, еже окончатся последним разорением Иерусалимским»³. Далее идет новозаветная история, хронологически совпадающая с дальнейшей историей четвертой монархии. Такова параллельная *периодизация* церковной и гражданской истории.

Что касается задач истории, то история гражданская, по Бужинскому, «исследует о народах и иных началах, населеннях и переселеннях, о делах во время брани и мира, о лицах и иных добродетелях и пороках, о монархиях и их состоянии и падении, о царствиях и их начале и о окончании, о обществах и их возрастании и пресечении, купно же о вере и бозех языческих, о временах и властителях во времена оные и о сих подобных»⁴.

Наконец, автор говорит о различных сторонах исторического исследования. С этой точки зрения история имеет следующее «разделение свое четверогубое», что и составляет ее внутреннюю структуру. *Топика* — «егда описует стран и мест положение, морь начала и окончания, где лежит Азия, где Африка, где Европа и новоизобретенная часть мира Америка, какового состояния жители, земли плодоносие, горы и сим подобная». *Хронология* — «егда же исчисляет времена. От создания ли мира или от истшествия народа израильского из Египта, от Олимпиад греческих или от испанских эр и прочее». *Генеалогия* — «егда изъявляет домоцадства, колена и роды и племена отеческая, благородных челоуков фамилии и прочее». *Прагматология*, или десловие, — «егда описует вещи содеянные и действия славных мужей»⁵. Эти определения весьма характерны для тогдашнего состояния исторической науки. Те стороны исторического исследования, которые потом выделились как вспомогательные исторические дисциплины — топика, хронология, генеалогия — здесь занимают первые места. Что же касается основного содержания исторического исследования, названного здесь прагматологией, то оно отнесено на задний план, не говоря уже о том, что оно сведено к описанию «вещей содеянных и действий славных мужей». Выше этого историография петровской поры не поднималась.

Вместе с тем рассуждения Бужинского об истории показывают, с каким трудом современная ему русская прогрессивная историография прокладывала себе дорогу через застарелые традиции предубежденности против Запада, культивируемые православной церковью и реакционным боярством. Бужинский призывал русского читателя отказаться от своего «обыкновения, еже книг иностранных не читати», он звал его преодолеть отчужден-

³ В. Стратеман. Феатрон или позор исторический, изъявляющий повсюдную историю. СПб., 1724. Предисловие Г. Бужинского, стр. 3.

⁴ Там же, стр. 4—5.

⁵ Там же, стр. 4.

ность от античной литературы как языческой, он старается ему доказать, что у самих отцов церкви мы встречаем ссылки на древние языческие авторитеты, что отцы церкви «не токмо в христианских, но и в языческих книг чтения обучатися повелевают». Он согласен, что книги язычников нужно читать критически, но читать их все же необходимо: «Примем словеса добрейшая, боги же смешные и басни чуждые... повержем»⁶.

Но главную свою задачу Бужинский видел в том, чтобы приучить русского читателя к *современной* ему западной литературе. По отношению к папскому престолу непреклонен и сам Бужинский, как был непреклонен и Феофан Прокопович, ибо католические писатели «везде ныне воинствуют, срам и бесчестие его покрывают, пользу же и господство его расширять тщатся». Но писатели протестантские, над переводами которых трудился сам Бужинский, вполне, с его точки зрения, приемлемы, потому что они показывают, «каковы бяху папы, житие и поведение их, и уразумеши, таковы ли они суть, каковы их доброжелатели и воинственники пред неученым миром словами, пред ученым же писаниями прославляют»⁷. Многие протестантские авторы на Западе создали солидные книги по «повсюдной» (всеобщей) истории. В частности, Бужинский убеждал своего русского современника «не отвращать очес своих» от хронологии, принятой на Западе, хотя она для русского грамотея, привыкшего считать «от сотворения мира», была необычной. Во-первых, — говорит Бужинский, — разной в хронологии относится только ко времени до рождения христового, а во-вторых, этот разной «не есть до догмы веры».

Бужинский очень высоко оценивал роль истории в жизни народа, ибо «ничто же бо сицевый пожиток народу творит, яко истории познание»; он подчеркивает роль Петра I, который, подобно Василию Македонянину, Сципиону Африканскому, Александру Македонскому, Лукуллу, Августу и Феодосию, руководствуется уроками истории. Благодаря этому он поднял значение России в истории; «отныне все народы европейские в своих побеждены суть мнениях», еще совсем недавно они «недостойно о государстве Российском и глаголаху и расуждаху», теперь же они «худые мнения на лучшие премениша»⁸.

Рассуждения о значении деятельности Петра I для России и для разработки ее истории встречаются, как правило, во всех исторических книгах времен Петра I. Больше того, характерным для этого времени было появление специальных теорий для обоснования мировой роли России. При Петре I получает распространение своеобразная теория исторического круговорота, основанная па тезисе о том, что главная роль в культурном развитии человечества переходит от народа к народу, пока, наконец, не

⁶ В. Стратегман. Феатрон или позор исторический..., стр. 6.

⁷ Там же.

⁸ С. Пуфендорф. Введение в историю европейскую. СПб., 1718. Предисловие Г. Бужинского, стр. 2.

возвращается к тому народу, с которого развитие начиналось. Теория эта была одним из предшественников философии истории Гегеля, разработанной на ином основании, иными средствами и с иными выводами.

В петровское время на Западе теорию круговорота в применении к России развивал Лейбниц⁹. Он считал, что при Петре I пальма культурного первенства переходит в руки России, нового народа, выходящего на мировую арену и имеющего возможность использовать достижения двух континентов, на которых он расположен — Европы и Азии. Принятый на русскую службу в качестве своего рода консультанта Петра I в деле преобразований и неоднократно с ним встречавшийся (в 1711, 1712 и 1716 гг.), Лейбниц, по всему вероятно, сделал эту удобную для России теорию достоянием русского императора, который, видимо, был непрочь объявить ее государственной доктриной.

По словам ганноверского резидента при русском дворе Вебера, Петр I на борту очередного, спускаемого на воду корабля следующим образом излагал эту теорию перед боярами: «Историки полагают колыбель всех знаний в Греции, откуда (по превратности времен) они были изгнаны, перешли в Италию, а потом распространились было и по всем европейским землям; но невежеством наших предков были приостановлены и не проникли далее Польши... Теперь очередь приходит до нас, если только вы поддержите меня в моих важных предприятиях, будете слушаться без всяких отговорок и привыкнете свободно распознавать и изучать добро и зло.

Указанное выше передвижение наук я приравниваю к обращению крови в человеческом теле, и сдаюсь мне, что со временем они оставят теперешнее свое местопребывание в Англии, Франции и Германии, продолжатся несколько веков у нас, а затем снова возвратятся в истинное свое отечество — в Грецию»¹⁰.

Но теория эта выступала в России не только в той форме, как ее проповедовал Лейбниц. Здесь была сделана попытка соединить теорию исторического круговорота с теорией четырех монархий в ее значительно измененном виде. Свидетелем этого является известная ныне историческая теория Дмитрия Кантемира. В библиотеке Петра I хранится рукопись на русском языке, где эта теория изложена под названием «Монархий физическое рассуждение». Рукопись, видимо, была преподнесена Петру I.

Кантемир формулирует своего рода диалектический закон, лежащий в основе всего сущего, ибо всему подобает «начинаться и престаяти, измениться и преобразиться, родиться и умирати или коим-либо... образом тако конец своего бытия... при-

⁹ Об отношении Лейбница к России см.: В. И. Чучмарев. Г.-В. Лейбниц и русская культура. М., 1968.

¹⁰ «Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях». — «Русский архив», 1872, стр. 1074—1075. Подробнее о Записках Ф.-Х. Вебера см. стр. 373—395 данной книги.

имат, в котором предела от тления единого рождению другого последовати»¹¹. Творцом этого закона автор называет бога, но эта творящая воля воплотилась в некие естественные категории, имеющие самостоятельное значение и доступные изучению человека. Поэтому исходным положением во всех построениях автора является «бог и натура», все происходит не только по воле бога, но и «по чину естественному»; исходя из творческой воли вседержителя, автор пишет «физическое» рассуждение о судьбах крупнейших монархий, его интересует вопрос о непреложных естественных причинах смены монархий, и он уверен, что «сие естественное родов и монархий расположение» ему удалось «физически объяснить». Названный им закон он считает очевидным для каждого, «кто ум имеет», иначе и об «истине писания святого было бы сумление»¹² и «натура все творила бы»¹³. Это был распространенный тогда взгляд почитателя того Просвещения, которое начало распространяться в России в первой половине XVIII в.

Автор стремится показать «монархий естественные пачатия, умножения, преклонения, состарения, также и конца образ», причем это происходит в определенной последовательности, все монархии с неизбежностью должны «некое и непрерывное проходить коло (круг.— М. А)... прешедшего, настоящего и будущего». И когда он подходит с этим критерием к теории четырех монархий, как она сложилась на Западе, то она его не удовлетворяет и он вносит в нее существенные поправки. Ссылаясь на «физических философов», которых он не называет, автор говорит, что они «всего света монархии не по числу самодержавно владычествующих, но по четырем мира завесем исчисляют, сиречь, восточную, полуденную, западную и северную»¹⁴.

Иными словами, вместо принципа, исходящего из числа «мировых» монархий — Ассиро-Вавилонской, Персидской, Греко-Македонской и Римской, — он вводит принцип, основанный на числе *стран света*: это и означает, с его точки зрения, воздвигнуть историю на естественном основании. Ссылаясь на «князя философов» Аристотеля (видимо, его автор имеет в виду, говоря о «физических философах»), автор заявляет, что *восточная* монархия должна была выступить первой потому, что на это «сама натура показывает». *Всякое движение начинается с востока*; по воле творца и по «чину естественному» всем «во вселенной существам влеченным быти пужно» от востока в иные части света, поэтому и первая монархия должна была «коловратить от востока к иным мира частям»¹⁵. К первой, восточной монархии относятся, соглас-

¹¹ Рукопись хранится в Библиотеке АН СССР (Архив БАН СССР, оп. 150, 22 об.).

¹² Там же, лист 20 об.

¹³ Там же, л. 22.

¹⁴ Там же, л. 23.

¹⁵ Там же.

по мнению автора, «инды, ассирияне, мидяне, парфяне. И сих и иных знатнейшие персы, которые титул монархии содержали даже до Александра Великого». Как видим, вместо двух монархий старой схемы — ассиро-вавилонской и персидской — автор конструирует одну персидскую, что же касается вавилонян, то они даже не упоминаются. За восточной или персидской монархией, «по жребиям своим исполнение прияше», проделали свой круг последующие монархии — *полуденная* или греко-македонская, вместо третьего заняла второе, а *западная* или римская вместо четвертого третье место.

Это сведение известных четырех монархий к трем являлось главной целью автора — освободившееся место четвертой монархии после восточной, полуденной и западной должна занять *Северная* или *Российская монархия*. «Ей же по чину от самой природы ни како же нарушимого (своего бо устава не весь поменять натура) и вечно (соизволяюще божественной воли) законно хранимому... простиратися и распространитися подобаше»¹⁶. Эта Северная, Российская монархия «предвещает» превзойти своим могуществом и культурой все предшествующие монархии, и это начинает осуществляться. «Уже времена близ суть (сиречь по усмотрению коловратного естественного движения и изменения образа). Мати наук приидет и большие дела ясно покажутся неже в тех трех прешедших монархиях...»¹⁷. Расцвет Северной монархии будет событием большого исторического значения. «Милость и истина встретятся, правда и мир облобызуются, истина от земли воссияет, правда с небес приникнет и будет едино стадо и один пастырь», — так заканчивает Дмитрий Кантемир свой дифирамб в честь Северной монархии. Его произведение свидетельствует, что во времена Петра I в Петербурге не только усваивали западные концепции, но и подвергали их существенной переработке¹⁸.

2.

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА — ГЛАВНАЯ ТЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Соратники Петра I смотрели на историческую науку как на неотъемлемую часть петровских преобразований, и даже связывали эти преобразования с знакомством Петра I с западноевропейской историей. «Царь Петр Алексеевич, познав из истории со-

¹⁶ Там же, л. 24.

¹⁷ Там же, л. 27.

¹⁸ О Дмитрие Кантемире см.: В. Н. Ермурацкий. Дмитрий Кантемир — мыслитель и государственный деятель. Кишинев, 1973; В. П. Коробан. Гуманизмулуй Д. Кантемир. Кишинев, 1973; P. Panaitescu. Dimitrie Cantemir. Viata si opera. Bucuresti, 1958; S. Callimachi. Démètre Cantemir. Bucuresti, 1966; «Ein bedeutender Gelehrter an der Schwelle zur Frühaufklärung: Dimitrie Cantemir (1673—1723)». Berlin, 1974.

седних чужестранных государств, что поведение тогда бывшее державы и империи его величества, которое видел при своем возвышении на тот всероссийский престол, было несходно; тако ж, что и народы его не были толь обходительными, рачительными во всем и мудрыми, сколь бы им быти желал. И вымышлял всячески, как бы им в равноправое с другими государствами совершенно произвести»¹⁹, — писал А. А. Матвеев.

В проектах реформ, предлагаемых Петру I его сторонниками, можно было встретить и историческую науку как область, на которую должна быть распространена преобразовательная деятельность. В своих «Пропозициях» Петру I Федор Салтыков предлагал создать в каждой губернии по одному или по два высших учебных заведения — «академии», в которых «велеть из разных языков и разных наук сделать библиотеки, как в Англии — в Оксфорде и Кембридже». Помимо древних языков, учить в академиях немецкому, французскому и английскому языкам «для обхождения и разговоров с разными народы». При академиях завести типографии.

Но особое значение автор «Пропозиций» придавал изучению наук, среди которых он выделял историю: «Надобно сделать историю Российского государства и о всех в нем заключающихся градах и велеть ее перевести на немецкий и на французский язык и велеть ее напечатать и отослать в немецкие государства и прочие европейские для известия, чтоб они знали об оном подробно и на оборону, что старые и иностранные соседственные историки писали оное с поносом о нем»²⁰. С другой стороны, русские должны лучше знать историю чужих государств, для чего необходимо переводить иностранные книги по истории на русский язык: «Велеть сперва перевести истории универсальные и партикулярные и велеть их напечатать и приказать, чтоб все вместо часовников и псалтырей учились словесному по ним: сие будет вспоможение на известие о всех государствах и их отправлениях»²¹.

Таким же образом смотрел на историю и сам Петр I. Он ставил своей задачей написать историю своего царствования с такой же настойчивостью, с какой он строил корабли и создавал армию. Исторические книги писались по прямому указанию Петра I, который зачастую сам садился за стол автора и редактора, точно так же как он становился за верстак плотника или за наковальню кузнеца. Была приведена в действие государственная машина, созданная Петром I, чтобы собрать источники для труда по истории России. Остается пожалеть, что работа по соби-

¹⁹ «Записки русских людей. События времен Петра Великого», СПб., 1841, стр. 59.

²⁰ «Памятники древней письменности. XXXIII. Приложение 5. Пропозиции Федора Салтыкова. Рукопись из собрания П. Н. Тиханова». СПб., б/д, стр. 24.

²¹ Там же.

ранию исторических документов прекратилась со смертью Петра I. На долгое время поиски исторических источников стали частным делом самих историков. Вспомним хотя бы трудности по розыску материалов, которые испытал потом Татищев.

Характерная особенность историографии времен Петра I состоит в том, что взоры историков обращены, прежде всего, в современность, исторические труды создаются обычно с целью прославить новый, петровский этап русской истории, протекавший на глазах самих авторов. При этом огромное место в этом увлечении современностью занимали отношения с Западом. Из девяти пропозиций, выдвинутых Федором Салтыковым в «Изъявлениях» относительно «правил сочинения истории властной вашего царского величества», шесть посвящены внешнеполитическим проблемам — «в которых годах и числах вашего царствования войны отправлялись... в которых годах, месяцах и числах у вас учинены союзы с которыми государями в которых годах был вашего величества выезд куда в прочие государства, в Голландию, в Англию, к цесарю, в Берлин»²². Современникам Россия уже представлялась государством, связанным оживленными отношениями с Западной Европой.

Северная война была главной войной, которую вел Петр I — «этот действительно великий человек»²³; она была и главной, международной темой его времени, она имела и главный труд, излагавший ее историю. Это был «Журнал или Поденная записка (История Свейской войны)». Его авторами были А. В. Макаров, П. П. Шафиров, Феофан Прокопович и др., организатором и редактором — Петр I. Это был наиболее фундаментальный исторический труд петровского времени, опиравшийся на широкую документальную базу. Помимо обычных источников («Ведомости», военные журналы, реляции, дипломатический материал «Книги Марсовой» — первого сборника документов по истории Северной войны), здесь были использованы документы, собранные в административном порядке по стране, исторические сведения, собранные Приказами, а также труды Шафирова, Феофана Прокоповича, Гюйссена, Галларта и др. Вследствие этого «Поденная записка», по сравнению с другими историческими трудами, отличалась более богатым фактическим материалом. Однако главное внимание в этом труде было уделено ходу военных действий, был создан, хотя и незаконченный, военно-исторический труд, который на долгое время стал как бы флагманом русской науки в изучении истории Северной войны. Проблема отношений России и Запада в более широком смысле здесь занимает второстепенное место и не представляет для нашей цели большого интереса.

Но дело не ограничивалось «Журналом»; Петр всячески содействовал, а то и лично заказывал сочинения по истории своего

²² Н. Павлов-Сильванский. Проект реформ в записках современников Петра Великого. СПб., № 97, II. Проекты, стр. 14—15.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 20.

времени частным лицам. Дошедшие до нас архивные свидетельства повествуют о том, что таких сочинений при Петре I было немало; исторические взгляды XVII в. еще сильно давали о себе знать в петровское время. Видимо, по этой причине сочинения эти были Петром I забракованы и не были «преданы тиснению», а оказались погребенными в архивах. Возможно, что до нас дошла лишь некоторая их часть. К такого же рода сочинениям принадлежит, в частности, «Краткий летописец от 1605 по 1703 год»²⁴ и «История» Ф. Поликарпова.

Авторы таких сочинений, однако, не имели доступа к документам, собираемым при дворе, и интересовались древним периодом русской истории больше, чем хотелось Петру, их интерес к западным событиям был небольшим. Они довольствуются беглым перечислением событий, в которые они порой включают и всякие знамения и чудеса. Все это пришло из летописной традиции. Эта традиция господствует и в хронологии, свой рассказ о каком-либо событии автор начинает обычно с указания — «того же года», «того же сентября» и т. д. На всем лежит печать архаичности, на все авторы смотрят по старинке, и это делает понятным суровый приговор этим сочинениям, вынесенный Петром I, не терпевшим старины ни в каком «ремесле и художестве».

3.

«РАССУЖДЕНИЕ» П. П. ШАФИРОВА

Сочинением, написанным по петровским канонам, было «Рассуждение» одного из сподвижников Петра — Петра Павловича Шафирова (1669—1739). Нас, естественно, интересует международный аспект рассуждений автора. Поводом к появлению такого сочинения послужила шведская пропаганда в Европе, возглавлявшая на Россию вину за возникновение Северной войны, за ее затяжной и кровопролитный характер; поэтому книга имела целью опровержение «неправедных клевет и шведских внушений». Это делает понятным те задачи, которые автор формулировал в заглавии книги, являвшемся по традициям того времени своеобразной аннотацией предлагаемого труда. Эти задачи состояли, во-первых, в том, чтобы показать, какие основания царь Петр I «начатию войны против короля Карла XII шведского 1700 году имел», во-вторых, выяснить, кто из этих государей «во время сей пребывающей войны более умеренности и склонности к примирению показал», в-третьих, «кто в продолжении оной столь великим разлитием крови христианской и разорением многих зёмель виновен» и, в-четвертых, «с которой воюющей стороны та война

²⁴ ЦГАДА, ф. 375, д. 91. Название условное, так как рукопись не имеет ни начала, ни конца.

по правилам христианских и политических народов более ведена».

Автор довольно четко перечислил источники, которыми он пользовался; свои сведения он брал «из древних и новых актов и трактатов, також и из записок о воинских операциях...», он пользовался также «оригинальными древними меж коронами Российского и Шведского постановленными трактатами, грамотами и канцелярийскими протоколами, також многое и беспристрастными гисториями со стороны российской доказано и любопытным представлено быть». Иными словами, его источниками были журналы военных операций, ведшиеся во время войны, всякого рода дипломатические материалы, тщательно собираемые в петровское время и опубликованные впоследствии М. М. Щербатовым, а также некоторые из существовавших тогда «гисторий», среди которых первое место занимает «Введение в историю европейскую» С. Пуфендорфа (1632—1694). К этому следует прибавить еще один вид источников, о чем Шафиров умолчал, это его личные наблюдения. Автор был одним из ближайших сподвижников Петра I на дипломатическом поприще; человек, знавший многие европейские языки и знакомый со сложным переплетом международных отношений своего времени; свидетель Северной войны, он, несомненно, располагал большим запасом сведений, являвшимся наряду с письменными документами, немаловажным источником в его работе над «Рассуждением». Там, где ему не хватает личных наблюдений и письменных источников, его рассказ становится менее категорическим, ибо «за давностью времени и не имея подлинной о всем записки, не могу прямым порядком оных всех описать», — признается автор.

Свое сочинение Шафиров писал по заданию Петра I, который был не только редактором книги, но и автором некоторых мест и заключения в ней. «Рассуждение» вышло в 1717 г. и было переведено на немецкий язык для распространения в Западной Европе.

Труд Шафирова показывает, — современники петровского времени отчетливо представляли, что на их глазах совершается крупный перелом в истории России, идет борьба за место русского государства в европейских делах. Автор подчеркивает, что Петр «сочинил из России метаморфозис», и это не только обычная лесть перед «ныне счастливо государствующим», но и глубокое убеждение, ибо еще совсем недавно «о российском народе и государстве тако в других европейских государствах рассуждали и писали, как о... народах, которые с Европою, кроме некоторого купечества, никакого сообщения не имеют, так и об оном не токмо пи в каких европейских делах до войны и миру принадлежащих никакой рефлексии и рассуждения не имели, но оной и в числе европейских народов мало причитали. Таке ныне никакое дело ниже во отдаленных краях европейских не чинится, к которому б или о его царского величества приязвыи и союзе

не старались или осторожности и опасности в противности от оного себе не имели»²⁵.

Но не только в политике, но и в культуре Россия начинает сокращать расстояние, отделяющее ее от передовых европейских стран; «прежде сего кроме российского языка книг чтения и письма никто из российского народа не умел, и более того в зазоре, нежели за искусство почитали, но ныне видим и самого его величество немецким языком глаголящего и несколько тысячей подданных его российского народа мужеска и женска полу искусных разных европейских языков якоже латинского, греческого, французского, немецкого, итальянского и галанского и такого притом обхождения, что непостыдно могут равняться со всеми другими европейскими народами, как в том, так и в других многих поведениях. И вместо того, что кроме церковных книг, почитай, никаких других в России не печатывано, ныне многие не токмо на чужестранных языках, но и на словенско-российском напечатаны и еще печати предаются исторические, политические, воинские, гражданские, архитектурные, артиллерийские, о фортификации, о корабельном строении и других хитростях»²⁶.

Что касается «художеств и рукоделий... о которых многих имени прежде сего в России мало слыхано», то теперь «елико... из российского народа в опыт обучено и ныне обучается». Кроме того, «о учреждении порядочного купечества в чужестранные край труд прилагается и есть надежда... и то вскоре в доброе состояние приведено будет»²⁷. Другими словами, Шафиров, как и все сторонники Петра I, исходил из того, что допетровская Россия была погружена «в небытие».

Запад для Шафирова был единственным и решающим эталоном для определения успехов России — эта идея теперь стала официальной государственной идеей. Но дорогу России преградила Швеция. От Столбовского мира, навязанного России Швецией, «Российскому государству и народу невероятный убыток не токмо в купечестве, но наипаче в пресечении коммуникаций со всеми европейскими государствами учинился. Чего иная корона, всегда Российскому государству враждебная, паче всего искала, дабы всегда оной в неведении в воинских и политических делах содержать и ни до какого искусства чрез обхождение с европейскими народами не допустить»²⁸:

Это и явилось главной причиной войны со Швецией. Шафиров показывает, что как в самом возникновении войны, так и в ее

²⁵ *M. Orbec. Le baron Pierre Pavlovitch Schafirov (1669—1739), vice-chancelier de Pierre le Grand. Paris, 1962; P. P. Shafirov. A discourse concerning the just causes of the war between Sweden and Russia. 1700—1721. London, 1973 (с предисловием У. Э. Батлера): П. П. Шафиров. Рассуждение... СПб., 1717, стр. 2.*

²⁶ *П. П. Шафиров. Рассуждение..., стр. 5.*

²⁷ Там же, стр. 6.

²⁸ Там же, стр. 20.

длительности и кровопролитном характере виновен Карл XII и шведское правительство, враждебно и высокомерно относившиеся к России. Значение «Рассуждения» Шафирово состоит в том, что его труд явился выражением патристического подъема в России, это был взволнованный и гневный обвинительный акт против высокомерия Западной Европы по отношению к России, против попыток Запада увековечить отсталость России. На неоднократные попытки Петра I заключить мир не только сам Карл XII, но и его министры отвечали, что их король помышляет взять Москву и «государство всероссийское разделить на малые княжества и воеводства и обяжет трактатом все регулярные войска, по европейскому обычаю учрежденные, перевести... и экзерциции, одежды и прочее, от его царского величества по обычаю европейскому для прославления своего народа введенное, отставить, и в старые их обыкности купно с одеждою и бородами паки приведет»²⁹.

Шафиров передавал негодование своих русских современников, до которых долетали слухи о завоевательных планах Карла XII относительно России. Карл XII уже начал раздавать Россию в управление своим генералам. Один из них, получивший патент на губернаторство Московское, хвалился, что опи «русскую каналию могут не только ружием, но и плетью из всего света, а не только из земли их выгнать»³⁰. После захвата Польши самонадеянный Карл XII двинулся на Россию, имея целью захватить Москву; он надеялся и в России «такие же партии (единомышленников.—М. А.) получить и пропитание найти как в Польше. Но видя, что не токмо к тому надежды не было, но и все пропитание у него от войск его царского величества отнято и отчасти потравлено, отчасти же пожжено и везде земля ему <шаг за шагом> от войск российских сильными сопротивлениями и реконтрами диспутована, принужден отложить намерение свое тою ближайшею дорогою... до Москвы идти»³¹. Карл XII вынужден был повернуть на Украину, где он и был разбит в Полтавской битве. Так закончился уже не первый поход интервентов на Россию.

Таково решение Шафировым вопроса «Россия и Запад». При этом автор чрезвычайно искусно ведет своего читателя через сложный лабиринт изменчивых дипломатических комбинаций и еще более изменчивый ход военных действий. В своем повествовании он отбрасывает все, что он считает лишним, загромождающим читателя дорогу; такой материал он объявляет известным читателю, хотя это не всегда соответствовало действительности. С такой настойчивостью в достижении логической стройности рассказа за счет исключения из него уводящих в сторону моментов читатель встречается постоянно. Упомянув об интригах

²⁹ Там же, стр. 39—40.

³⁰ Там же, стр. 40.

³¹ Там же, стр. 41.

французского посла при польском дворе, автор пишет, что поскольку все это к его «намерению не принадлежит, и уже и без того известно есть, мы молчанию предаем»³². Таким же образом он поступает и говоря о событиях в Польше после вторжения туда Карла XII. «И что потом воспоследствовало и какие разные на обе стороны прилучаи счастливые и несчастливые происходили, о том мы здесь, понеже и намерению нашему не служит, не хотим много распространять, но оставляем то другим истории описателям»³³. Он отказался от описания Полтавской битвы, очевидцем которой он сам был, поскольку о ней действительно было известно читателю. «О том пространно не объявляем, ибо о той баталии выданные реляции довольно то объясняют»³⁴.

4.

ЛЕТОПИСЕЦ 1710 ГОДА

Рядом с панегирическими трудами о петровской современности существовало и враждебное Петру I сочинительство, ютившееся по боярским усадьбам и оставшееся рукописным. Примером тому может служить «Летописец 1710 г.», опубликованный П. Пекарским³⁵. Рукопись эта была пасквилем на петровскую современность. Ее автор, видимо, знал латынь и был человеком, сведущим в западной истории.

Первый год XVIII столетия, как известно, был первым годом нового календаря в России, но для автора «Летописца 1710 г.» это было одним из первых «преступлений» Петра I. Введение «римского календаря» в России в глазах автора было победой «католического нечестия» над русским православием и, что самое возмутительное, победой, одержанной под водительством самого русского царя. Ярость летописца усугубляется бессилием. Изобразив все грехопадения католиков, он вынужден лишь признать совершившийся факт: «Се убо пресекается и календарь российский премеяется и лет венец прелагается, яко же в иных окрестных землях языческих пишут лета не от сотворения мира, но от рожества божия слова генваря с первого числа, а не с сентября месяца»³⁶. Другим бедствием для России был указ «еже носить всем российским христианам венгерские кафтаны... а российские одежды христианские оставлены и весьма не носить». В числе несчастий России было и распоряжение «во вся дни богоспасаемые среды и пятки и масло и мясо ясти беспорочно со немцы вкупе». Ничего другого автор сказать не имеет.

³² П. П. Шафиров. Рассуждение..., стр. 36.

³³ Там же, стр. 38.

³⁴ Там же, стр. 44.

³⁵ «Летопись занятий Археографической Комиссии. 1865—1866». вып. 4. СПб., 1868, стр. 131—157.

³⁶ Там же, стр. 134.

ЗАПАДНАЯ ТЕМА В ИСТОРИЧЕСКИХ ТРУДАХ

Б. И. Куракин как историк

Б. И. Куракин был не только дипломатом, мемуаристом, автором большого эпистолярного наследства, но и историком. И не его вина, что занятость службой, международные дела его неспокойного времени не оставили ему возможности осуществить его обширные планы по созданию трудов по истории.

Исторические познания Куракина были непосредственно связаны с его дипломатической деятельностью. Ему как дипломату надо было нередко знать историю того или иного города или страны. Приходилось составлять для себя своего рода историческую справку. Готовясь, например, к миру со шведами, Куракин собирает сведения по истории Прибалтики («Собранное все к ведению для вступления в негоциацию мирную»). Примером могут служить сведения по истории Лифляндии, Эстляндии, Ижорской земли, а также городов — Риги, Ревеля, Дерпта и Нарвы³⁷.

Но этими чисто служебными причинами далеко не исчерпывался интерес Куракина к истории. Об этом говорит его литературное наследство. Широко образованный человек своего времени, проведший много лет в Западной Европе, Куракин знал не только Россию и ее историю, он хорошо знал и современней ему Запад и его историю. Поэтому для Куракина характерен более широкий взгляд на историю, чего у многих его русских современников, бравшихся за перо историка, нет. Оставшиеся от Куракина бумаги — это не только текущая «корреспонденция» государственного деятеля и дипломата. Рядом с его дипломатическими мемуарами, рядом с его обильной и ценной для историка перепиской, мы встречаем его наброски «для мемории» по отдельным вопросам его современности и истории. Это — широкие планы человека, мечтавшего создать целую серию исторических трудов, охватывающих многие стороны многоликого исторического процесса.

Об этом говорят его «мемории» по интересовавшим его историческим проблемам: «О торговых статьях» (1705 г.), «О политике государств» (1706 г.), «Какие надобно книги написать о своем государстве для памяти себе впредь» (1707 г.), «Описание всех состояний республики, их интересов и в церемониях, и знаемость от всего вкратце, для ведания» (1707 г.), «Заметки об английской торговле в Балтийском море» (1710 г.), «Рассуждения мипистра полномочного его царского величества кн. Б. И. Куракина... о состоянии дел в Европе» (1711 г.). С этой проблемой перекликается другая, аналогичная ей: «На-

³⁷ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 5. СПб., 1896, стр. 140—144.

добно для мемории написать книгу „Политика государства к содержанию (в отношении.— М. А.) монархии Московской“, далее идут «Заметки о посацких людях и ремесленных» (1722—1724 гг.), «Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим написанная» и др. Все это представляет собою то небольшие наброски по той или иной проблеме, которые, видимо, использовались Куракиным в дипломатической практике, то запись «для мемории на предбудущее», чтобы не забыть написать ту или иную книгу, то размышления над той или иной исторической проблемой. Бросается в глаза, что все эти проблемы представляли единый комплекс и были неотделимы друг от друга — дипломатическая и государственная практика ставила Куракина перед необходимостью обращаться к истории, а тут перед ним в свою очередь вставали проблемы чисто исторического плана, над которыми не мало размышлял «полномочный министр его величества».

Анализ этого материала показывает далее, что и в делах исторических для Куракина как представителя России русская история стояла на первом плане. Если по западной истории у Куракина дело не пошло дальше коротких заметок и рассуждений, то его попытки написать труды по истории России зашли гораздо дальше — такие труды он начал создавать. К ним относится «Русско-шведская война» — труд, написанный в 1706—1710 гг. и доведенный до момента перелома в войне после Полтавы, и «Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних ему людях», которую Куракин написал в Гааге и Париже в 1723—1727 гг. Это был обстоятельный труд по общей истории современной Куракину России; от него остался большой отрывок и полное оглавление труда. Западноевропейские материалы в этих книгах занимают небольшое место и не вносят ничего нового по сравнению с тем, что мы знаем от Куракина-дипломата.

Что же в таком случае остается из куракинского литературного наследства на долю историка русской исторической мысли, обращенной к Западу? Весьма много. В числе деятелей петровского времени, формулировавших свои теоретические взгляды на историю, Куракина нужно поставить на первое место. Если на исторических взглядах Феофана Прокоповича, Гавриила Бужинского или автора «Монархии фисического рассуждения» лежит печать религиозных воззрений и некоторой средневековой архаичности, то взгляды на историю у Куракина — это взгляды светского человека нового времени, смотревшего на события как на непрерывную цепь реальных причин и следствий и не нуждавшегося в объяснении исторических явлений при помощи божественного вмешательства. В этом отношении Куракин стоит гораздо выше и ученых иностранцев, писавших о петровской России, например, того же Генриха Гюйсена. Правда, Куракин постоянно не прочь напомнить читателю о своем княжеском титуле, он воинствующий дворянин, он собирался написать книгу в

защиту дворянства³⁸, но это — передовой дворянин своего времени, а его взгляды на историю — это взгляды передового русского дворянства петровской формации.

Из того, что писал Куракин об истории, легко выделяются крупные проблемы, по которым он высказал свою точку зрения. Как уже было сказано, исторические проблемы для Куракина возникали из практики. Поэтому он и к самым историческим проблемам подходил не по-кабинетному, а с точки зрения того, какие выводы из исследования исторической проблемы могут последовать для современности. Это особенно бросается в глаза, когда Куракин начинает рассуждать о наиболее близкой ему области — об истории дипломатии. Задумав написать книгу «Политика государств к содержанию монархии Московской», он тут же записывает, что его книга должна ответить на чисто практический вопрос — какую линию внешней политики должна проводить Россия? Другими словами, «с которыми потентаты должно лианс держать и против кого: первое, ежели против турков — повинно лианс держать с поляки, с цесарем, с венециана... ежели с поляки — повинно лианс держать с шведы, с цесарем, с прусским, с волохи, с татары, с саксонцы; ежели с шведом — повинно лианс держать с дацким, с поляки, с прусским»³⁹. Интерес Куракина к истории международных отношений в то же время не ограничивался современными или близкими к современности явлениями. Он мечтал проникнуть в очень отдаленную историю международных отношений и дипломатии. Он записывал «для мемурии» — «учинить книгу печатную *во вся годы*, что в том году было дел, каких и с кем какие письма были — с принцами европейскими»⁴⁰.

Куракин, далее, видел связь между отдельными сторонами исторического процесса и в то же время различал специфику каждой из этих сторон. Например, стремление Англии к миру в последний период Войны за испанское наследство он ставил в прямую связь с внутренним брожением в Англии, где возможно «великим делам быть, чтоб не последствовало примеру Кромвеля, понеже ести многие к тому знаки». На этой волне к власти пришли тори, которые вынуждены были клонить дело к миру. Позицию Франции по вопросу о войне и мире он связывал с победой той или иной придворной партии в Париже и т. д. Но вместе с тем он четко разграничивает предмет своих дипломатических мемуаров от предмета исторических исследований. Например, в своих мемуарах он совсем не касается хода самой войны, и тем более не вдается в анализ внутренних событий в европейских странах, полагая, что о войне, как и событиях внутреннего порядка, «может быть обстоятельно объяснено в военных журналах или в гистории». Его же обязанность как автора ме-

³⁸ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 4, СПб., 1895, стр. 116.

³⁹ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 5, стр. 168.

⁴⁰ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 3, СПб., 1894, стр. 190.

муаров коснуться того, что «принадлежит до дел политических»⁴¹, под которыми он разумел международные отношения и дипломатию. Когда Куракин превращался из мемуариста в историка, резко менялся предмет его интересов, он покидал специфическую почву дипломатии и становился историческим летописцем.

Ярко выражен интерес Куракина к *экономическим* вопросам. Нетрудно видеть, что этот интерес вызван самой жизнью — петровской идеей воевать с отсталостью России, заставить ее догнать Запад. И Куракин начинает внимательно изучать опыт экономического развития Запада. Именно с этой целью он пишет свои этюды: «О торговых статьях», «Описание всех состояний республики венецкой...», «Заметки об английской торговле на Балтийском море». Как бы завершением этих размышлений являются его «Заметки о посацких людях и ремесленных». Носителями экономического прогресса были города. В Амстердаме «купечество великое, которое в Европе больше всех считается и народ все живет торговлей и вельми богатый... в день приходит в ратушу денег по 50 тысяч ефимков, и так было бы в год 18 миллионов и 250 тысяч»⁴². В Лейпциге «великая марканция бывает в год... три ярмонки, на которых купечество славное живет со всей части Европы... Из Франции... из Голландии, из Италии... а ярмонки бывают по две недели... И па той ярмонке бывают великие вексели во всю Европу и в Индию, кому нужда брать куды денег, и другая ярмонка ей подобная во всей Германии — Франкфурт»⁴³.

Это не была запись случайно увиденного. Куракин пытался осмыслить роль экономического развития в исторической судьбе различных стран, обнаружить определенную историческую закономерность, очень важную для человека, считавшего, что развитие ремесла и торговли вырвет Россию из отсталости. «В нынешний наш век из европейских... народ или область видим в славе и в силе и в почитании — то есть Англия и Голландия: одна — корона, другая — республика, токмо всем европейским князьям повелевают. Но сия слава, честь и сила народам пришла от богатства, а богатство от ремесленных и купечества. Когда Англия не имела ремесленных так много, николи в таком богатстве не была. Что же о Голландии, то педавню всяк может сведом быть, взяв историю седми провинций от отпадения от королевства гишпанского, то увидит, в каком убожестве оные провинции были. Но ныне видим в кратком времени, в какое богатство, силу пришла сего дня, что ремесленных умножилось, и оттого умножился торг»⁴⁴.

⁴¹ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 6, СПб., 1897, стр. 67.

⁴² «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 1, СПб., 1891, стр. 131.

⁴³ Там же, стр. 125.

⁴⁴ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 3, стр. 237.

Но экономическое развитие не идет прямолинейно. Пример тому — Венеция. В свое время она «была в торгах, искусства в ремеслах славная». Причиной этого было развитие ремесла. «К тому же все шпедии в Европу проходили чрез Венецию из Азии, чрез море Медитеранское». Но в связи с открытием Америки и перемещением торговых путей со Средиземного моря в Атлантический океан благополучие венецианцев «все в нарушение пришло». И «ныне опого торга в Венеции весьма нет». Куракин настолько ценит людей «весьма торговых и ремесленных», что предлагает не брать их в солдаты, а брать с них деньги, а «па те деньги панимать панскусных людей». Он подчеркивает: «Я воистину причитаю к великому интересу государственному для ведения новых ремесел в государство... также и в купечестве».

Ход мысли Куракина предельно ясен — честь и сила народа от богатства, а богатство — от ремесленников и купечества. Но он указывает и на ту опасность, которая грозит дворянству от засилья купечества. В той же «Заметке о республике венецкой» Куракин говорит, что республика эта «начала упадать как в богатстве, так и в потенции». Причину политического упадка Венеции он видит в преобладании купечества над дворянством. В былые времена республикой правила «старая нобилита, ...которые имели поживление своих земель, а не с коммерцией... А ныне много в консилии нобилев наделано из купцов за деньги... и уже больше новой нобилиты, нежели старой». Дворянство, по убеждению Куракина, выше всего ставило интересы государственные, купечество — коммерческие. Поэтому, если в прошлых войнах Венеция одерживала победы, то теперь Венеция ведет войны перешительно, ибо в республике стоит у власти купечество, которое опасается, что в связи с войной «все их торги преткнутся».

В социальной сфере купеческий нобилитет устанавливает порядок неизмеримо хуже дворянских. Несмотря на то, что крестьянство свободно, оно, по мнению Куракина, «живет из под неволи»⁴⁵. Венецианское купечество грабит прилегающую к ней территорию, а потому опасается реbellии» (бунтов.— М. А.)⁴⁶.

Из этого опыта Западной Европы Куракин делает выводы для России. В записке «Какие надобно книги написать о своем государстве» Куракин отметил, что одной из проблем его будущих сочинений будут проблемы экономического развития России: «Что товары имеют во всем государстве, которыми промышляют, и с кем торгуют, и в какой цене от большой, и малой, и средней имеют, и что чужих товаров имеем и от которых наций — и ежели без которых чужестранных товаров можем пробавиться... та есть политика для прибытка государственного»⁴⁷.

⁴⁵ Там же, стр. 195.

⁴⁶ Там же, стр. 200.

⁴⁷ Там же, стр. 190.

Говоря о России в этом плане, Куракин не вспоминает об опасности преобладания купечества над дворянством — видимо, для России такая опасность была исключена. Он намечает целую программу экономических преобразований России под эгидой дворянской власти. В основе экономических идей Куракина лежит меркантильный принцип, рассматривающий деньги как главное богатство народа: «И наипаче всего должно смотреть, чтоб в государство наше умножать входу серебряными ефимками и другими вещами, а противно тому должно смотреть и с самым твердым усмотрением, чтоб из государства нашего ефимков червонных не выпускать, и в пограничных местах наивысшим того должно с прилежанием смотреть — который есть обычай во всех государствах... чтоб из своего государства ефимков и червонных не выпускать»⁴⁸. Покидающий Россию иностранец «должен взять те деньги на вексель». Для подтверждения своего тезиса Куракин указывает на опыт Франции и Италии. Иначе поступает Испания и поэтому «их серебром и золотом все богатятца». Проводить меркантилистскую политику особенно важно для России, поскольку у нее «серебра и золота своего нет, только что привозное, из чего и деньги свои делаем»⁴⁹.

Опыт Западной Европы должен быть использован и в самой организации русской торговли. Купцы должны быть объединены по «кумпаниям». Они должны иметь за границей, и прежде всего в Амстердаме, Лондоне и Гамбурге, своих «торговых кориспондентов». Все торговое дело должно вестись по правилам науки, ибо «знание — великий способ в купечестве». В частности, торговля немислима без создания банков: «И те деньги будут обращаться в торгах, а лежать не будут, из чего лучшее богатство государству». Русская торговля должна вестись в международной валюте — ефимках.

Интересовался Куракин опытом *политического устройства* западных стран. Наиболее внимательно он присматривался к английскому парламенту. С явным сочувствием к знаменитому английскому учреждению, Куракин дал подробное его описание: «В Англии все отправляется с парламенту Первый парламент называется „Гогор-гоус“, в котором дуки, князи, бискупы и графы или всех больших фамилий люди; в том парламенте больше не бывает в 80 персонах или в 100 персонах, которые в консилиии своем отправляют дела государственные и военные. Другой парламент называется „Лаг-гоус“, в котором бывають депутаты от провинций, из городов и от слобод, по нашему посацкие люди, в котором консилиий советуют о торгах и о сборах денег или об иных каких подарях и об иных внутренних делах своего государства или земских делах в котором парламенте бывает 400 персон и до 500 человек. Только ж такой порядок, что будет

⁴⁸ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 3, стр. 158.

⁴⁹ Там же.

сделано в одном парламенте и повинно те приговоры объявить другому парламенту а ежели в другом парламенте на те приговоры не позволят, то не может состояться. Особливо все так говорят, что другой парламент „Лаг-гоус“ сильнее первого парламента „Гогор-гоус“⁵⁰.

После же того, как «все установят парламентами должно то предложить перед короля, только ему во свидетельство, а не для того, чтобы королю переделать приговор парламентов, и не может того сделать»⁵¹.

Причина столь пристального внимания Куракина к английскому парламенту ясна. Высшее английское учреждение было органом аристократическим и в то же время приспособленным к торговому развитию страны. Король был окружен «консильями», которые и ограничивали произвол главы государства. Решения парламента доводятся до короля лишь «во свидетельство». Это очень важная деталь в рассуждении нашего автора. Князю Б. И. Куракину — гордому представителю старой боярской амбиции, — было не по нутру всевластие Петра I, его идеалом была монархия английского типа, где монарх не имел бы права «переделывать приговор парламентов».

Западноевропейская история в сочинениях Феофана Прокоповича⁵²

Феофан Прокопович в истории русской исторической мысли занял своеобразное место. По словам Татищева, близко стоявшего к Феофану, этот монах был «в науке философии новой и богословии толико учен, что на Руси прежде равного ему не было». К этому нужно прибавить его, исключительное для того времени, знание западноевропейской истории. Идейным моментом, определявшим его историческое воззрение, была теория естественного права. Зародившись еще в античное время, эта теория, как известно, выступала в разное время в разных ипостасях и служила разным целям — была идейной защитой то рабовладельческого строя, то феодализма, то была приспособлена буржуазными идеологами для обоснования капитализма. Феофан усвоил теорию естественного права в той ее форме, в какой ее проповедовали западные просветители XVII в. Типичными фигурами этой идейной полосы были Гуго Гроций (Голландия), Томас Гоббс (Англия) и Самуэль Пуфендорф (Германия). При всех между ними различиях, для них было характерно сочетание разнородных идейных явлений XVII века — своего рода переходного века от феодализма к капитализму — идей передовых с идеями

⁵⁰ «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. 1, стр. 146.

⁵¹ Там же, стр. 145—146.

⁵² H. I. Härtel, Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovic, Würzburg, 1970.

феодалными, в частности, с идеями абсолютизма и идеями религиозными, что придавало их теориям изрядный дворянский налет. Эти передовые идеи с большим грузом дворянской идеологии как нельзя больше подходили для петровской России. Не случайно поэтому Феофан Прокопович был почитателем Гроция, Гоббса и Пуфендорфа, не случайно он был в дружбе и переписывался с протестантским богословом И. Ф. Буддеем, тоже почитателем Гроция и Пуфендорфа.

Все это объясняет нам всю сложность и разительную противоречивость идей Феофана Прокоповича. Церковник эпохи раннего Просвещения, он соединял в себе самые разнородные и несовместимые черты, олицетворяя собой противоречивость самого петровского времени, когда черты старого и нового, отсталого и передового причудливо переплетались. Феофан противоречив во всем. Не отрицая объективный характер материального мира, он в то же время отстаивал идею творца-вседержителя, божий промысел и бессмертие души. Ревнитель просветительства, пропагандист теории Коперника и в то же время служитель бога, начетчик в священном писании и страстный проповедник. Сторонник «общественного договора», он увенчивал общественный строй тронном самодержавного царя — просвещенного повелителя просвещенных помещиков и бесправного народа. Страстный противник инквизиции, защитник еретика Дмитрия Тверитинова, отрицавшего многие догмы церкви, сторонник подчинения церкви государству и один из крупнейших «князей церкви» в России. Сторонник светского образования, знаток западной культуры, он был среди русского духовенства своего рода белой вороной и скорее напоминал блестящих французских аббатов, завсегда в политических и литературных салонах в Париже, чем русского епископа. Эта двойная ипостась была характерна не только для Феофана, но у него она достигала наибольшего контраста. Рационализм не был преобладающей чертой в идеологии Феофана, как это иногда утверждалось⁵³, этой чертой был эклектизм, порожденный самой эпохой.

К исторической науке Феофан имел довольно близкое касательство.

Мы уже познакомились с его взглядами на историческую теорию. Он, видимо, имел прямое отношение и к «Истории императора Петра Великого», изданной позже М. М. Щербатовым (1773 г.). Но не здесь Феофан блистает своим знанием истории Западной Европы. Гораздо больше возможностей ему предоставляли его публицистические произведения, такие, как «Духовный регламент» (1720 г.), «Розыск исторический» (1721 г.), «Правда воли монаршей» (1722 г.) и его многочисленные «слова и речи» — проповеди, представляющие яркие произведения талантливого

⁵³ См.: Г. Гурвич. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев, 1915.

публициста. В них Феофан часто в своих доказательствах прибегает к западной истории. В этом было одно из преимуществ образованного Феофана перед его противниками, которых он, не без основания, обзывал «неуками».

Кстати сказать, и здесь у Феофана не обошлось без противоречий. В своей «De arte rhetorica» он обрушивался на манеру западных авторов по всякому поводу прибегать к античным сюжетам; он осуждал польских историков, у которых «в какой-либо легкой или неважной истории собираются, однако, не знаю, для чего, и Аннибалы, и Александры, и Пирры, и спартанцы, кроме того — все боги и богини». И вместе с тем, Феофан сам широко использует этот прием. Обращение к античной, средневековой и современной истории Западной Европы стало неотъемлемой, существенной частью его авторской работы. Особенность исторических взглядов этого церковника и просветителя состоит в том, что античная история у него служила прямым продолжением истории библейской. Поэтому в его рассуждениях бог и разум стоят рядом, как Авраам и Иосиф стоят рядом с Александром Македонским, Юлием Цезарем или Августом, а свидетельства отцов церкви рядом со свидетельствами античных писателей-язычников.

Одной из генеральных идей Феофана была идея абсолютной монархии; идея эта, по его убеждению, вытекала из опыта истории. Об историческом опыте он говорит как о некоем «политическом таинстве», от которого «явственно научиться можем, коль полезное есть правительство самодержжское наследуемое». И, наоборот, «коликим бедствием отверста стоит демократия и аристократия, подобие и монархия не наследуемая, но по избранию от дому до дому преходящая»⁵⁴. Для доказательства этого он обращается к опыту мировой истории. Все рассуждения Феофана говорят, во-первых, о его риторическом искусстве, при помощи которого он заставляет опыт мировой истории свидетельствовать в пользу наследственной монархии, а, во-вторых, об исторической эрудиции этого образованного оратора, который строит свой вывод на основе примеров едва не всех народов и веков.

Что касается древней истории, то Ассирия была «монархия в единой фамилии наследуемая. Тожде вид имейху последовавшие ему Медское и Персидское скипетра. Не инакое устрои бог с Израилем. Не иным образом управляху себе... под фараонами и под Птолемеями египтяни. Тожде видети было у македоннов, епиротов, иллириков, в Понте и Асии, в Парфии и на островах моря Средиземного и Егенского, тожде в древней Африке, тожде (да многая прочая мнем) у наших предков — скифских и сарматских народов»⁵⁵. Если не считать распространяемого тогда мнения, что скифы и сарматы — прямые предки славян,

⁵⁴ Феофан Прокопович. Сочинения. М.— Л., 1961, стр. 41.

⁵⁵ Там же, стр. 39.

остальные утверждения Феофана не грешат против исторической действительности.

Обращаясь к современности, он повсюду находит все то же «политическое таинство» — господство наследственной монархии. «Начни от Европы, предстанут Испания, Галлия, Англия, Германия, Дания, Швеция и прочая. Все вид монаршеский, все скипетра наследуемое имуще. Пойти в Африку — такового чина: Фец, Тунис, Алгер, Трипол, Барка и великая Ефиопия — народ абиссинский и прочие на полудни государства. Пойти во Азию — такова Туркия, Персида, Индия, Хина с Китаем (!) и Япония, все подобное слышим и в Америке, новом имянуемом свете»⁵⁶.

Все, что не подходит под мерку абсолютной монархии, рассматривается Феофаном как нарушение его «политического таинства», как отрицательный опыт мировой истории. Наиболее ярким воплощением отрицательного опыта является Польша: «Вемы, яко крепкое было оное государство в строю монаршем; не вельми ж еще давно золотые оные узы на себе растерзало, и не мое есть рассуждати, не от начала ли широты нынешней начало оскудевати и утесняемо быти»⁵⁷. Такую же картину представляет республика Венеция: «Тело оное не великое, в едином граде заключенное, вкупе Сенат, вкупе народ, вкупе дух, вкупе уды избрание избирателей и не единократное. А во всем и воли людские, и жребий метания с крайним опасством мешаются яковая боязнь в государствах наследуемых не бывает»⁵⁸. И таких примеров Феофан насчитывает не мало. «Подобному подлежит рассуждению и речь посполитая Генуанская и конфедерация бельгийских ординов. Шванцарская аристократия требует французской протекции, города свободные... обаче и тамо свобода оная уздою императорскою водима есть».

Своего рода универсальным примером благотельных последствий единодержавия и гибельности многовластия является Римское государство. После изгнания древних царей в Риме наступает период республики, когда не было стабильного правительства — «по королях консули, по консулах децемвири, по децемвирах трибуни, по трибунах паки консули, а в крайних нуждах избираемы бывали диктаторы, власть всемогущая и лютая и паче монаршества страшнейша». К чему это привело? По свидетельству римского историка Флора, в период республики «были мятежи лютые от Гракхов, от Мариа, от Силли, от Катилины, от Антония. Домашнею (гражданскою.— М. А.) Иулия и Помпея войною приходило до крайней пагубы, даже паки в вид монаршеский претворися»⁵⁹. И только с установления монархии в Риме наступает покой.

⁵⁶ Феофан Прокопович. Сочинения. М.— Л., 1961, стр. 39—40.

⁵⁷ Там же, стр. 40.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

Но если, согласно Феофану, абсолютизм родился из опыта мировой истории, то и повиновение ему также является одним из законов, порожденных историей. Каким бы ни был повелитель, люди должны ему повиноваться. Пусть были дурными правителями Саул у евреев, Кир персидский, Навуходоносор вавилонский, Нерон римский, все равно закон повелевает быть их послушными подданными. «И коль было крепкое сие учение у христиан многие веки и на разных местах засвидетельствовали: повиновались христиане властям в Персиде и Парфии: повиновались во Африке под вандалами, повиновались во Италии под лангобардами; что ж речем о христианах по всем пространнейшем тогда государстве римском?». При всех преследованиях христиан в Риме, «хотя б о малом некоем христианском бунте слух прошел когда отнюдь его нет»⁶⁰.

Суверенитет абсолютной власти монарха Феофан основывает на тезисе о том, что это суверенитет народный, но народ свои верховные права «весьма отложил и отдал государю своему», который и является теперь единственным носителем власти. Всякое ущемление прав монарха ведет к ущербу для интересов государства, примером чего является Польша. Больше того, покушение на права самодержца есть преступление. Именно поэтому «пребеззаконные дело было неких изменников от парламента великобританского над королем своим Каралем первым 1649 года сделанное, от всех проклинаемое, и от самих англичан установленным на то повсегодно слезным праздником, весьма хулимое, нам же и воспоминания недостойное»⁶¹.

Абсолютный характер монаршей власти должен осуществляться в любой форме и, прежде всего, в праве своей властью назначать себе наследника или лишать его этого права. Петр I, как известно, лишил царевича Алексея права наследования, и Феофан выступил с историческим обоснованием правоты Петра I, написав свой знаменитый труд «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей» (1722 г.). Помимо русской истории, Феофан выступил крупным эрудитом в области западной истории, из которой он выхватывает нужные ему факты, опираясь при этом на свидетельства очень многих документов и авторов.

Феофан, прежде всего, старается опереться на юридический материал. Его труд — своего рода компендиум древнего законодательства об отцовской власти. Автор оперирует законодательством Солона, но больше всего он говорит о кодексе, новеллах и пандектах Юстиниана. Особый интерес Феофана к юстиниановской кодификации вполне понятен — здесь собрано все римское законодательство, которое, как известно, утверждало огромную

⁶⁰ Феофан Прокопович. Слова и речи, ч. 1. СПб., 1760, стр. 255.

⁶¹ Феофан Прокопович. Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. М., 1726, лист. 23.

власть отца над детьми. Только из повелл Юстиниана Феофан извлекает 14 случаев, когда отец может лишить сына наследства.

Любой отец, в том числе и царь, может вместе с этим усыновить любого «честного и великие надежды на себе являющего юношу» и сделать его своим последником. В этом случае Феофан обращается к другому источнику — от законодательства он переходит к трудам «от многих авторов», ибо «образы усыновления многие обретаются во историях». Имея в виду Светония, Феофан напоминает, что Юлий Цезарь усыновил Августа, а Август Тиберия; «Иустин царь не отрицал на желание Кавада, царя перского принять себе в сыны племянника его Хозроя под неким договором, якоже пишет Прокопий Кессарийский; и Иустиниан усыновил Аталарика, якоже пишет Кассиодор»⁶².

В истории считались нормальными случаи любого произвола родителей над детьми: «Гуго Гротий, славный законодатель в премудром своем рассуждении о правде мира и войны, в книге второй под числом пятым с древних авторов показывает, что у многих народов, а именно — у фаваидов, фипикиан, фригов, готов, мексиканов, персов и у самых древних римлян власть была родителям, нужды ради, продавать дети своя. А собственно у римлян власть родители имели и смертью казнить сынов своих за вину, яко той же Гротий показывает на том же месте»⁶³. Согласно Титу Ливию, «первый консул римский Брут казнил сынов своих смертью за измену. И Манлий диктатор римский сына смерти предал за преслушание указа его»⁶⁴.

Вершиной эрудиции Феофана являются те страницы этого труда, где он излагает «экземпли или примеры», расположенные «по чину времен» и свидетельствующие о том, как в различных случаях цари и именитые в истории люди решали дело о своих наследниках. Если до этого Феофан классифицировал исторические случаи по определенным признакам (лишение наследства, усыновление, продажа и казнь детей), то теперь он вводит как бы отдел «Variā», где собраны самые разнообразные случаи; он рассказывает, как решался вопрос о престолонаследии Киром, Дарием, Ксерксом-персидскими, Птолемеем египетским, Филиппом Македонским, Августом, Тиберием и многими римскими и византийскими императорами. Он обращается к средним векам и говорит, как обстояло дело с наследниками у Карла Великого, Конрада I, Оттона I, Конрада III, императора Фридриха II и многих других правителей эпохи средних веков. Он приводит многие случаи — как решали проблему отцов и сыновей известные исторические деятели или «мудрецы» — Фемистокл, Манлий Торкват,

⁶² Феофан Прокопович. Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. М., 1726, лист 5 об.

⁶³ Там же, лист 6 об.

⁶⁴ Там же.

Метелл, Аристипп философ, Зенон и другие. Чтобы быть точным, Феофан для каждого приводимого факта указывает источник («Из Гроциуса „О правде мира и войны“, книга 2, глава 6, число 18», «Плутарх в жизни Артаксеркса при конце», «В экземплярах Валерия Максима, книга 2, глава 8, и в сокращении Тита Ливия, книга 84», «Диоген Лаэртий, в житии его», «Светоний в жизни Августа, глава 65», «Из хронологии Кассиодора», «Бароний на лето 840» и др.)⁶⁵.

Так же решался вопрос о престолонаследии и в России. Даже если бы у русских царей было иначе, все равно решал бы опыт всемирной истории, ибо так «бывало у персидов, у египтян, у греков, у римлян, у парфян, у испанов, германов и прочих»⁶⁶.

Идею абсолютной монархии Феофану особенно ожесточенно пришлось защищать после смерти Петра I. В своем «Слове» о восшествии на престол Анны Ивановны Феофан ополчился против верховников, покушавшихся на эту идею. Он не делал секрета из того, что ставит своей задачей «показать доводно и ясно, как многополезно есть Российскому государству владычество самодержавное, признанное от философов еллинских монархия и монархия, а прочие правления формы то есть многоличное вельможей правительство, нарицаемое аристократия или всенародное, зовомое демократия и другие из них составы творимые, были бы у нас не без бедствия»⁶⁷.

Исторические примеры, которыми далее оперирует Феофан, он использует как против аристократии, так и против демократии, которой он решительно не приемлет, но практически его стрелы метят в «многоличное вельможей правительство», являвшееся его противником. Ссылаясь на исторический опыт, он хочет доказать, что аристократия всегда была вредна и недолговечна: «Уставили было римляне децемвиров себе... да скоро искусом узнали, как оное владычество вредно и того ради скоро же оное и отставили. А то дивное, что у афинян тридцать было старейшин, да и те сложилися на крайнее изнурение народа и насилиу их афиняне истребили»⁶⁸.

В своих проповедях после смерти Петра I он не раз возвращается к этому вопросу. Среди сюжетов, связанных с борьбой за охрану единодержавия, у Феофана огромное место заняла проблема возмездия узурпаторам царской власти. Он мог иметь в виду возможные попытки захвата власти кем-либо из верховников, но вероятнее всего, его мишенью были временщики, которые в эти годы фактически обладали русским престолом. Для обоснования своего тезиса Феофан мобилизовал всю свою историческую эрудицию, в том числе и по всеобщей истории: «Много

⁶⁵ Там же, лист 33—39.

⁶⁶ Там же, лист 42 об.

⁶⁷ *Феофан Прокопович. Слова и речи*, ч. 3. СПб., 1765, стр. 193.

⁶⁸ Там же, стр. 196.

подобных примеров в еллинских, римских и иных историях, да один из римских воспомянем весьма дивный. По смерти Нерона принял власть императорскую Гальба, по Гальбе Оттон, по Оттоне Вителлий, да так их несчастливое было на высоту оное восшествие, что в одном году все три, один по другом убиены, не только царства, но и живота лишились. К сим же приличны и сильные мятежники, каковые у римлян были Катилина и Марко Антоний, тогда погибшие, когда казалось им, что в руках своих все уже содержат»⁶⁹.

Такая же судьба ожидает и тех, кто «по смерти монарших детей или самих монархов, под именем тех, будто бы сами оные, выставляют себя — каковые явились и в Риме под именем Друза и во Фландрии под именем Балдвина». И таких примеров очень много — «сделалось так с тираном Максимом, который Гратяна убил, и с Прокопием, который на Валентиниана и Валента напал, и с Фокою, который умучил Маврикия, и с Леонтием, который Иустиниана Второго изгнал, и у нас в древние времена со Святополком, а в недавня с Годуновым и Атрепьевым»⁷⁰.

Так Феофан Прокопович ставил западноевропейскую историю на службу своей идее абсолютной монархии. Эта идея была основополагающей как во всей исторической концепции Феофана, так и во всей его деятельности. Идея абсолютизма определяла, в частности, такой важный в то время вопрос, как вопрос об отношении светской и духовной власти. Это был знаменитый во всей истории средних веков и в последующее время спор, часто принимавший самые ожесточенные формы. Феофан, как известно, был ярким сторонником верховенства императорского самодержавия над русской церковью. Помимо известного «Духовного регламента», он посвятил этому специальный «Розыск исторический», написанный, по его собственным словам, в связи со спорами вокруг отношений светской и духовной власти. Его задача состояла в том, чтобы показать, что еще в древнем Риме, как в языческое время, так и в христианское, императоры были «понтифксами или архiereями многобожного закона» и что с точки зрения церковных канонов цари вполне могут «нарещаться епископи и архiereи».

Следуя своему обыкновению, Феофан пускает в ход тяжелую артиллерию своей эрудиции — античную историю. Он исследует историю римского понтификата, ссылаясь на Цицерона, Плиния-младшего, Тацита, Тита Ливия, Светония, Овидия, Вергилия, Зосима, Евсевия Кессарийского, а также на сочинения некоторых позднейших авторов. Он громоздит один аргумент на другой, чтобы доказать, и не без основания, что понтификс был в единственном числе, был он пожизненным и никому не подсуден, он наблюдал за всеми делами — не являются ли они противными бла-

⁶⁹ Феофан Прокопович. Слова и речи, ч. 3. СПб., 1765, стр. 182—183.

⁷⁰ Там же, стр. 183.

гочестию?»; это был не только титул, но и реальная власть — то, что правитель не мог делать как император, он осуществлял как понтифекс.

Христианские императоры не отказались от титула понтифекса, несмотря на его языческое происхождение. Не имея этого титула, никакой христианский император «не возмог бы ничего на пользу христианства сделать; сенаторы могли бы намерениям его спорить, могли бы смущаемый народ непрестанно шумети»⁷¹. В последующее время любой христианский правитель имел функции и епископа как лица должностного, и архиерея как лица священнодействующего, хотя он и не совершал богослужения. Таким образом, право светского правителя на духовную власть получила историческое обоснование. И наоборот — право духовного лица на светскую власть противоречит истории. В этой связи попытки папы добиться власти над королями западноевропейских стран Феофан считает прямой узурпацией.

Такое решение проблемы абсолютизма определяло для Феофана и трактовку остальных вопросов его современности. Бросается в глаза, что в решении даже незначительных современных вопросов Феофан глубоко историчен. Какой бы из этих вопросов он ни поднимал — а он самый страстный политический боец, — сейчас же на помощь Феофану спешили тени античных героев, шла череда исторических событий, оживал гул давно отгремевших битв. Он, как никто из его русских современников, умел опереться на знание истории в аргументации своих идей.

Человеком, которого Феофан постоянно сравнивал с античными героями, был, прежде всего, сам Петр I. Встречая его в 1706 г. в Киеве, он говорил: «Что о солнце Анаксагор философ, то я глаголю о царском зрении»⁷². «Сея славы толь в мире мало обретается, яко и все древние историки не много нам таковых образцов оставиша ... За сие возносит Курций Александра; удивляется вельми и Плиний Траяну»⁷³. Петр I — победитель Карла XII — становится в глазах Феофана в один ряд с титанами, созданными древней литературой, — это «Самсон, иже льва растерзал... Ираклий (Геракл.—М. А.), иже многие неукротимые звери и змия седмиглавого умертви»⁷⁴. В 1717 г., встречая Петра I, вернувшегося из-за границы, он вновь пускает в ход привычные образы древности: «Время свое бяше тогда в силе, мужестве, храбрости прославится Ираклию, Ахиллесу, Ромулу, Сикинию Дентату и прочим бывшим великие храбрости мужем, ныне же царю нашему сия слава есть! Время свое имяше Рим нарицати кесаря Августа и поздравляти его яко отец есть отечества, ныне же в России царю нашему сия слава есть». И наконец, в 1725 г., под свежим впечатлением от смерти Петра I, Феофан говорит о

⁷¹ Феофан Прокопович. Розыск исторический. СПб., 1721, стр. 14.

⁷² Феофан Прокопович. Слова и речи, ч. 1, стр. 3.

⁷³ Феофан Прокопович. Сочинения. М.—Л., 1961, стр. 24.

⁷⁴ Феофан Прокопович. Слова и речи, ч. 1, стр. 187—188.

международных откликах на это событие. Он ссылается на «свидетельства в печатных в Липске латинских ведомостях»⁷⁵, где известны о кончине Петра нашего, нарицают его бессмертия достойнейшим. Вышла же недавно книжица о житии его образом разговора. И тамо в начале показывает автор, что Петр превзошел Ксеркса, Александра Великого, Иулиа Кесаря». Далее он приводит факт, взятый из «Ecclesia Romana» Буддея (с этим автором Феофан переписывался): «И никто от политических французских писателей Петра российского не мало выше кладет от своего государя славного оного Великого Лудовика»⁷⁶.

Что бы ни совершал Петр, у Феофана всегда найдется сравнение его деяний с подвигами героев античной древности и все это будет выражено по высоким правилам риторики в высоком классическом стиле. Путешествие Петра I за границу Феофан уподобляет путешествиям Одиссея и указывает основания для такого сравнения: «Не все бо славный оный стихотворец еллинский Омир (Гомер.— М. А.) в начале книг своих, „Одиссея“ нарицаемых, хотя кратко похвалити Улисса, вождя греческого... нарицает его мужа, многих людей обычаи и грады выдавшего... Отсюда умножается главная оная мудрость, еже от твари познавати творца». Мир это — раскрытая книга, которую надо прочесть, а лучше ее прочтет тот, кто не ограничивает мир лишь видимым горизонтом, а стремится выйти за его пределы все дальше и дальше»⁷⁷.

Даже то обстоятельство, что Петр I «древоделию учиться потщался», вызывает восторг Феофана. И для этой ипостаси русского самодержца он находит историческое сравнение: «Образ в свете еще неслыханный! А где уже онии римский Квинтии и Фабрикии, которым удивляются историки, что бывше на время диктаторы, не возгнушались паки трудиться в земледелии? Помрачил главу их Петр, который купно и скипетр, и меч, и древодельные орудия носит, не урод телом, но дивен делом, многоручный нарецися достоин»⁷⁸.

И тем более поднимается на щит главное событие времен Петра I — победа в Северной войне. Война эта была трудная, так как шведский народ «предварил нас, как во всех прочих учениях, так и в воинском искусстве... Довольно в том Швеция, которая не вчера уже твердит философию политическую и в школах, и в Сенате, и в учении, и в практике»⁷⁹. По сравнению с ней «нага воистину и безоружна была Россия!» Татары, угнетавшие некогда Русь, не идут ни в какое сравнение со шведами. «Приходит тут на мысль, что пишет Тит Ливий. Когда Александр Македонский воевал персов... дядя его, другой Александр,

⁷⁵ Речь идет о выходявших в Лейпциге «Ведомостях».

⁷⁶ Феофан Прокопович. Сочинения, стр. 142.

⁷⁷ Там же, стр. 64.

⁷⁸ Там же, стр. 106.

⁷⁹ Там же, стр. 114.

эпиротский король, воевал с римлянами; тот с крайним своим бедством узнал силу римскую, побежден весьма и сам смертельно ранен, умирая сказал: «Племянник мой... с женскими силами воюет». Так опорочил асийские силы против римских. Не тожде ли и мы скажем, примеряя татарские к шведским силам?»⁸⁰.

Северную войну Феофан сравнивает со Второй Пунической войной. Тут он находит много общего. Во-первых, Вторая Пуническая война может быть уподоблена Северной по своей жесточности — она была «лютейшей» из всех войн Рима. Во-вторых, Ганнибал «сильнейший быше супостат и исперва велик и страшен показался» — не то ли представлял собою Карл XII? В-третьих, война Северная напоминает Вторую Пуническую как по своей продолжительности и тяготам, которые она принесла, так и по обширности охваченной ею территории. Охватив большие пространства, война пришла на территорию самой Италии, как война Северная вторглась на территорию России. В-четвертых, — «в самой Италии многие изменники являхуся, преходящие от римлян до Аннибала», не то ли сотворил Маэпа? И наконец, эти войны сходны между собою и по своим последствиям. После победы над Ганнибалом «всему миру от сего часа страшна сотворися держава Римская»; подобно этому, Полтава вознесет Россию. Заключение к этим сравнениям являются слова Феофана, пораженного подобным сходством: «Помышляюще, чудихомся такому случившемуся великому подобию»⁸¹.

Так говорил Феофан под свежим впечатлением от Полтавской битвы. В 1717 г. он вновь посвятил Полтаве особую проповедь. На этот раз его сравнения обращены не в древнюю историю, а в современность. Причиной Северной войны, по словам Феофана, послужила враждебность Запада к возраставшей мощи России, ибо соседи наши мнили себя «сильнии и умнии, народ наш яко немощный и грубый презирали». Началось это еще с тех пор, как России пришлось вести войну за Ливонию: «Да то может быть догад мой? Ни! От их же самих имеем известие». И Феофан, как всегда, доказывает свою мысль аргументами от истории: «Густав Великий, король свейский, с великим пререканием писал к Елизавете, королеве аглинской за то, что она несколько пушек послала в дар царю Иоанну Васильевичу, уличая оная неопасность (неосторожность. — М. А.), яко показующие нам силу оружную; той же зановеди своим под смертью, дабы кто воинского учения и оружного художества не преносил в Россию. В лето 1563 был сейм в Любеке ...где уставлено також, дабы от них не дерзал кто преходити к нам с искусством воинским и дела корабельного. Граф Гербешштейн, бывый посол в России от Максимилиана кесаря, увещевает Германию, дабы опасна была от России и не показывала бы нам способов военных. Самуил

⁸⁰ Там же, стр. 116.

⁸¹ Там же, стр. 29.

Пуфендорф судит королевство шведское беспечное быти от Руси за крепостями Нарвою, Ноттенбургом, Выборгом и иными: не чаял, знать, что будет! Тот же дацкого короля с Россией союз суетный и безнадежный нарицает, яко с народом дальним и флота не имеющим: не надеялся, что имело быти!»⁸².

Полтава — мать всем другим победам русских в Северной войне. В частности, она определила и победы России на море. Удивления достойно — русский флот вышел победителем над грозными шведскими кораблями. «Что бо сему обрящем подобное? Есть повесть еллинская, что Геркулес в челюсти кита великого вскочил с мечем и три дня утробу его разоряя, умертвил его»⁸³. Выход к побережью Балтики сделает Россию морской державой. До этого для нас создавалось невыносимое положение: «Стоим над водою и смотрим, как гости к нам приходят и уходят, а сами того не умеем. Слово в слово так, как в стихотворных фабулах некий Танталь стоит в воде да жаждет. И потому наше море не наше»⁸⁴. Сравнение России с Танталом является одной из удач в творчестве Феофана.

Речистый проповедник остается верен своим ораторским приемам всегда — он ищет античных аналогий даже для измены Мазепы. В своем «Слове» о Полтавской победе, произнесенном в 1709 г., Феофан вспоминает то место из «Энеиды», где рассказывается о том, как во время Троянской войны «неции от троянов, побывше шедшихся с собою некие воеи греческие, броня их и щиты на себя возложиша» и в греческих доспехах убили многих греков. Не так ли изменнически поступил Мазепа, с той однако разницей, что переодетые троянцы «доброю хитростью подвизахуся за отечество», а Мазепа «диавольским наущением на пагубу своего же отечества мечтахуся клятвопреступным изменницы»⁸⁵.

В «Слове» о Полтавской виктории в 1717 г. Феофан также говорит об измене Мазепы, но на этот раз речь идет не о самом изменнике, а о Карле XII, принявшем измену. «Великодушные государи», как говорит исторический опыт, считали за позор принимать помощь из рук предателя. «Слышал еси в историях, как Фабриций, вождь римский, поступил на войне с Пирром, царем Египотским? Когда прибег к нему изменник от Пирра, обещааясь, что может погубити государя своего, Фабриций его отослал к Пирру, за студ себе имея так побеждать неприятеля. Слышал ли еси о Александре Великом, как отвергнул посольство Бесса и Набарзана—Дариевых изменников,— которые ему Дария предати обещали? Самих же, потом убивших государя своего, смерти предаде»⁸⁶.

⁸² Феофан Прокопович. Сочинения, стр. 52.

⁸³ Там же, стр. 110.

⁸⁴ Там же, стр. 107.

⁸⁵ Там же, стр. 27.

⁸⁶ Там же, стр. 57—58.

Потоки Феофанова красноречия проливались не только на Петра I, но и на его окружение. Лестным историческим сравнением сподобился и Меншиков. Желая сказать, что светлейший — второе лицо в государстве после Петра I, Феофан без зазрения совести так льстил Меншикову: «Повествует славный великого Александра историк; яко егда победы Александр царя персидского Дария, меж многим пленом приведена бе и мати Дариева; та, ставши перед Александром, егда при нем стояше и искренний друг его Ефестион, и не ведущи кто из двоих тех Александр, Ефестиону поклонился; егда же от близстоящих позна свое заблуждение, и за невежество прощения просяще, отвеща Александр — не погрешила еси, рече, о мати, ибо и в сем Александр есть»⁸⁷.

После смерти Петра I красноречие Прокоповича полилось на Екатерину I. Ему ничего не стоило вспомнить все случаи в мировой истории, когда на троне сидели женщины. И, конечно, ни одна из них не имела на престол столько прав и не располагала такими добродетелями, как Екатерина! «Посмотрим на восток, и увидим тамо победоносную Семирамиду Вавилонскую и у самих иудеев в чину судейском Девору и в порфире монаршеской Александру Маккавейскую, и оную преславную царицу Пальмирскую Зиновию, которая на Ассию и Египет власть свою оружием распространила. Но и в самой Римской империи Ирину первее с сыном, потом же и единолично царствовавшую»⁸⁸.

Обращал Феофан взор на страны южные и перед ним представляли «оная царица Савская, мудрости Соломоновой удивившаяся, и она Кандакия Эфиопская во апостольских деяниях понимаемая, и две египетские Клеопатры, и аравийская Муавия, которая и самим силам римским тяжела была и страшна». Смотрел Феофан на запад, и являлись перед ним «древняя оная Дидона Карфагенская во Африке, и две во Ишпании — дивная от рода словенского Милосвята и новейшая Кастильская Елисавет»⁸⁹, которая наследнее себе Кастильское государство с Арагонию — государством Фердинанда, мужа своего сокупила, чего ради и обое короли Ишпанские парицалися»⁹⁰.

Автор оборачивался на север и здесь «в народах сильных и мужественных» не мало видел царствовавших женщин — «в венгерском королевстве Марию, в польском Венду, в дацком Маргариту, в Англии Марию и Елисавет победами славную и Анну, врученным миротворением почтенную. В Швеции, прежде владевшую Христину, а ныне Елеонору...» Феофан подчеркивает, что роли женщин в управлении государствами не замечают только те люди, которые «в историях не обучаются», и пусть им, кроме того, будет известно, что «по свидетельству многих исто-

⁸⁷ Там же, стр. 71.

⁸⁸ *Феофан Прокопович. Слова и речи*, ч. 2. СПб., 1763, стр. 189—190.

⁸⁹ Здесь ошибка — речь идет об Изабелле Кастильской (1450—1504). — М. А.

⁹⁰ *Феофан Прокопович. Слова и речи*, ч. 2, стр. 190.

риографов, в Эфиопском государстве, также и в странах Аравийских, обычно жены больше, нежели мужья царствовали»⁹¹.

Таков Феофан; ловкий и беспощадный царедворец, продержавшийся на первых ролях в государстве при многих правителях, церковный деятель и слуга абсолютизма, он в то же время поражает своей эрудицией не только в русской, но и в западноевропейской истории. Это было передовое явление в тогдашней России.

«Ядро Российской истории» и события на Западе

Определенный интерес к западноевропейской истории наблюдается и в известном труде А. И. Манкиева «Ядро Российской истории». Автор принадлежал к посольской службе; в начале Северной войны он вместе с русским резидентом А. Я. Хилковым был задержан в Швеции и прожил там 18 лет, там он и написал свой труд⁹². Он сторонник западного происхождения русских царей, вывода их от «семени Прусса, двоюродного брата кесаря Августа». Как дипломат он обращает внимание на связь русской истории с западноевропейской, говорит об открытии «четвертой части мира Америки», обращает внимание на падение Константинополя. Выделение двух этих событий отражало тенденцию в тогдашней историографии считать эти события рубежами, с которых начинается новый этап мировой истории.

Алексей Ильич Манкиев (? — 1723) ставил перед собой задачу, аналогичную той, которая стояла перед Шафировым, — в противовес шведской пропаганде оправдать позицию России в Северной войне. Но в отличие от Шафирова, он не ограничивал свою задачу историей самой войны, а решил написать всю историю России. Это определило хронологические рамки его труда — в то время, когда его предшественники уделяли главное внимание древнейшему периоду русской истории, он доводил изложение до современности. Не имея под руками многих источников, Манкиев, по необходимости, должен был писать краткую историю России, которая и была названа им «Ядром российской истории». Особенность труда Манкиева состояла также в том, что его автор, будучи как дипломат знаком с международными отношениями, дал не только внутреннюю, но и внешнюю историю России.

Об Английской буржуазной революции Манкиев, естественно, не располагал какими-либо серьезными документами, но он впервые сформулировал в специальном историческом труде точку зре-

⁹¹ Феофан Прокопович. Слова и речи, ч. 2, стр. 190—191.

⁹² Труд Манкиева был впервые опубликован только в 1770 г. Г.-Ф. Миллером. Авторство Манкиева было установлено позже. Первым, кто оценил этот труд, был С. М. Соловьев (см. С. М. Соловьев. Писатели русской истории XVIII века. — «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. 2, ч. 1. М., 1855. Отделение третье, стр. 3—15).

ния дворянских кругов России на Английскую революцию. Манкиев писал: «Во время владения царя Алексея Михайловича великое и странное заворошение сделалось в Англии. Один генерал тамошний, прозванием Кромвель, с друзьями своими и собеседники ставший против своего короля встав и великие вины на него сложив, пред всем парламентом клеветал и винил, злоухищренным своим происканием до того привел, что королю тому Каролусу Стурарту всенародне по осуждению парламента голова топором отсечена. Кромвель сие сделав, в нарочитой великовидности в Англии был, и пока он между первейшими вельможами правительствовал, все везде щастливо и хорошо англичанам удавалось».

Автор настойчиво подчеркивал враждебность остальной Европы к Английской революции, но особо выделял враждебность России: «Тогда послыаны были от парламента аглинского к прочих могуществ дворам послы с объявлением того дела, что королю за достойные вины голова отсечена, которые везде приняты были; но как английские послы на кораблях к Архангельскому городу приплыли, чтоб им с тем же к царю Алексею Михайловичу к Москве ехать, государь то сведав, нарочно туда с Москвы пославши отказать им велел и сказать: когда де вы своему королю по изменнически дерзнули голову отсечь, чего инде нигде на свете не слыхано, я с вами никакого сообщения иметь не хочу. И там послы те со страхом в Лондон возвратились».

Манкиев рассказывал своему русскому современнику о враждебности русского царя к революции, о его помощи изгнанным Стюартам: «Того казненного короля сыну, который тогда из Англии выслан в Капенгагене дацкой земли стольном городе пребывал, послал государь с послами от себя несколько тысяч золотых и сверх того обещался ему войсками и деньгами против вероломных помогать. Сие царя Алексея Михайловича праведное великодушие всем могуществам в Европе к великому удивлению было. С того случая от англичан, которым в Руси за то, что они при царе Иване Васильевиче в году от Рождества Христова 1553 пристан Архангельского города нашли, безпошлинно торговать позволено было, та вольность отнята и чтоб пошлину государю с торговли своей впредь равна как другие иноземцы — голландцы, гамбурчане и прочие платили, объявлено и приказано»⁹³. Нетрудно видеть, что концепция Манкиева Английской революции во всех отношениях была шагом назад по сравнению с ее описанием Герасимом Дохтуровым, знавшим об этой революции из первых рук.

Но для Манкиева, как и для Шафировва, Западная Европа была тем аршином, которым он мерил успехи России, а сравнением для Петра I у Манкиева служат только великие деятели и персонажи мировой истории, ибо Петр I — «Навуходоносоров вавилонских, Киров перских, Александров Великих македонских,

⁹³ А. И. Манкиев. Ядро Российской истории. М., 1791, стр. 406.

Улисов греческих и славных их дел превосходит»⁹⁴. Именно поэтому, заключает Манкиев, «историю о сем государе подробно исследовать и по достоинству описать надлежало».

«Журнал государя Петра I с 1695 по 1710 г.» Генриха Гюйссена

Среди авторов исторических трудов, посвященных проблеме «Россия и Запад», были и приглашенные на русскую службу иностранцы. К ним принадлежат Г. Гюйссен — автор книги «Журнал государя Петра I с 1695 по 1710 г.» и участник сражений под Нарвой и Полтавой, Л. Н. Галларт — автор «Исторического описания Северной войны с 1699 по 1721 г.» (довел изложение до смерти Карла XII в 1718 г.). Были и некоторые другие авторы, о которых будет сказано дальше. Наиболее популярной оказалась книга Гюйссена. Появление немецкого барона, доктора прав Генриха Гюйссена в России было характерно для петровского времени.

Повышение удельного веса России в международных делах вызвало немало враждебных выпадов в зарубежной печати. Эта пропаганда велась, главным образом, шведским правительством и высланными из России немцами, в частности бывшим воспитателем царевича Алексея Петровича Нейгебауэром. Для отпора этим выпадам и был приглашен Гюйссен. Он развил активную деятельность в этом направлении — выступал с реабилитацией России в немецких журналах, писал брошюры, в частности, выступил против памфлета Нейгебауэра, принимал участие в дипломатической деятельности Петра I и в составлении дипломатических документов⁹⁵. Одним из его произведений и явился «Журнал государя Петра I с 1695 по 1710 г.»

Автор был плохо знаком с русскими источниками, поэтому в его труде внутренняя история России освещена чрезвычайно слабо; но автор был знаком с положением в Европе и с иностранной литературой и это определило характер его труда — «Журнал» явился внешнеполитической историей России от начала Северной войны до 1710 г. включительно, а также историей международных отношений в Европе в эти годы. Труд Генриха Гюйссена по своей главной теме напоминает труд Шафировова, но оп шире его по охвату событий и дает более обстоятельное освещение западноевропейских явлений времен Северной войны. Это особенно ясно можно видеть на освещении центрального события этой войны — Полтавской битвы. Если для Шафировова Полтавская баталия была важна лишь как победа России в войне, то Гюйссен

⁹⁴ А. И. Манкиев. Ядро Российской истории. М., 1791, стр. 431.

⁹⁵ О деятельности Г. Гюйссена на Западе в пользу России см.: П. П. Пекарский. Наука и просвещение при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 74—107.

попымал свою задачу гораздо шире — он старался отразить в своем труде международный резонанс Полтавы и дать всемирно-историческое значение победы России.

Что касается международных откликов на Полтавскую битву, то они были ошеломляющими. «Ведомость о сей баталии... наполнила мысли большей части Европы... только о некоторых местах о той победе несколько времени сомневались и не хотели верить того, что на Украине учинилось»⁹⁶. Европа вздохнула свободнее. Мало кто жалел о Карле XII, потому что тот «в счастье своем, когда он всю Европу страшил, озлобил... послов и министров иностранных и никакого в дело не ставил ни большого, ни малого; к тому же принуждал соседних государей по его воле ступать»⁹⁷. Шведское правительство и сторонники шведского ставленника в Польше Станислава Лещинского пытались этому впечатлению противопоставить свою пропаганду, они распространяли в Европе слухи «противные тому, приписуя себе с обстоятельствами вымышленными все те авантажи, которые русские получили над упрямыми и гордыми своими неприятелями»⁹⁸.

Но правда о Полтавской битве скоро распространилась в Западной Европе и она «причинила знатную перемену» в международных отношениях. Швеции перестали бояться, наметился союз трех королей против Швеции — датского, польского и прусского, — никто не хотел нового усиления Швеции; когда в разгар военных действий в Прибалтике (1710 г.) стали говорить о намерении шведов из Померании через немецкие земли напасть на Саксонию, то это вызвало отпор европейских государств. «Римское царство, Аглинское королевство и Голландские Статы зело за несправедно почитали оборужение шведское в Померании видящем сем делом всю Европу в новую войну упасти, и для того они всякие нужные упредки учинили»⁹⁹.

Тем более Европе было ясно, что Полтавская победа создала перелом в ходе самой войны — «Станиславское величество» было «в страшных трепетах и опечалениях, не зная куда голову преклонить», изгнанный Карлом XII польский король Август «вдруг на польских границах явился с четырнадцатью тысяч саксонцы», Петр I готовился вступить в Польшу и Прибалтику, а датский король решил «в Скании десант учинить»¹⁰⁰.

Таково непосредственное влияние Полтавской битвы на современников и современность. Но мысль автора идет дальше, он считает, что значение Полтавской битвы выходит далеко за рамки современности. Он сравнивает поражение Карла XII с пораже-

⁹⁶ Ф. Туманский. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, ч. 8. СПб., 1788, стр. 139.

⁹⁷ Там же, стр. 188.

⁹⁸ Там же, стр. 139.

⁹⁹ Там же, стр. 298.

¹⁰⁰ Там же, стр. 140—141.

нием Карла Бургундского, около десяти лет не знавшего поражений и творившего всякие «лютости против права и обыкновения воинского», но затем разбитого швейцарцами и немцами в 1477 г.; автор, однако, видит различие между этими двумя поражениями в том, что Карл Бургундский потерял тогда меньше людей и, кроме того, «от побитого его войска несколько домою возвратилось, а от Полтавы ни одного человека, разве после из турецкой земли»¹⁰¹. Но это сравнение еще не показывает всего значения Полтавской битвы как всемирно-исторического явления, и сравнения автора идут дальше: «Ирои древнего и нового века с трудностию могут похвалиться, чтоб они неприятеля так побили, да не едина б душа не могла во свояси уйти для извещения своим о прошедшем примере. Правда, что инде на месте побитых бывало больше, но трудно найти в истории, чтоб целая армия исчезла как прах, его же возметает ветер от лица боювого поля... Посему город Полтава (который так мало знаком был, что многие землеписцы и карты никогда о нем не упоминали) стал ныне так знатен, что он и в предках не будет забыт, как в древней истории... Арбет, под которым Александр Великий разбил персидского короля Дариуса; Кане... в Неапольском королевстве, где Ганнибал побил римлян; а... в наши дни как Гохштет в Германии... и Малплакет в Нидерландах и прочая»¹⁰².

Давая этот международный, а иногда и общеисторический аспект описываемым событиям, Генрих Гюйссен постоянно обращается не только к текстам международных договоров, но и к зарубежной литературе, то призывая ее себе в свидетели, то полемизируя с ней. Швеция вела против России усиленные интриги, в частности, натравливала на нее крымского хана. Говоря об этом, Гюйссен приводит доказательства — «зри книгу Шведской истории, лист 58, Шведское зеркало, лист 25, Локцениуса, История шведская, VIII, лист 597; IX, лист 799, XXI, 71»¹⁰³. В частности, Швеция старалась расстроить европейскую торговлю России — «Сице пишет Локцениус во истории шведской, лист 337»¹⁰⁴. Об этом же пишет и Пуфендорф, утверждающий, что шведский посол интриговал перед Кромвелем. «чтоб торговствование голландцев и англичан с Архангельского города прочь, и в Нарву, Ревель и прочие шведские пристани перевлечилося. И сим

¹⁰¹ Ф. Туманский. Собрание разных записок и сочинений..., ч. 8. СПб., 1788, стр. 122.

¹⁰² Там же, стр. 121—123. Гохштетт — город в Баварии, где в 1704 г., во время Войны за испанское наследство Евгений Савойский и Мальборо одержали победу над французскими и баварскими войсками. Мальплаке — фландрская деревня; в 1709 г. во время Войны за испанское наследство здесь произошло большое сражение между войсками Евгения Савойского и Мальборо с одной стороны и французскими войсками маршала Виллара — с другой стороны.

¹⁰³ Ф. Туманский. Собрание разных записок и сочинений..., ч. 3. СПб., 1788, стр. 147.

¹⁰⁴ Там же, стр. 148.

образом вся русская торговля к шведам пришла, а доходы и прибыли русских отняты были»¹⁰⁵.

Ведя дипломатическую борьбу против России, Швеция в то же время не выполняла условий договора с Россией, в частности игнорировала Столбовский трактат в той его части, которая была невыгодна Швеции. В этом он видит причину того, что «Локцениус в Шведскую историю Столбовского мира не вписал, хотя он в кн. 8, лист 533... в том завещался и, кроме того, он всякие мирные трактаты с римским государством, с дацким и польским королевством учиненные, в конце своей книги переписал»¹⁰⁶. В противовес этому, автор приводит пункты Столбовского договора и доказательства нарушения их шведами, а Локцениусу противопоставляет Пуфендорфа. Помимо всего этого, шведы пускали в ход любую ложь, рассчитывая на безнаказанность — «они видели, что в старое время русские мало читали иностранных книг... Зри Пуфендорфа в упомянутой книге I, § 53; II, № 77; V, § 16»¹⁰⁷. Беззастенчивость шведских пропагандистов доходила до того, что Гюйссен не считает возможным предавать гласности их высказывания: «Покрываются здесь молчанием... поношение и брани, которые шведы печатали в реляциях своих, в газетах шведских и немецких»¹⁰⁸. Шведы жестоко обращались с пленными и завоеванным населением, и Гюйссен прибавляет: «О жестоком насилии и утеснении побежденного пишет шведский автор Михаил Гилленстейн, диспут 18, лист 527». Кроме историков, Гюйссен ссылался и на юристов. В доказательство своего мнения, что Петр I имел все основания преследовать Карла XII и на турецкой территории, он говорит, что подобную точку зрения отстаивают многие писатели Европы, в том числе Гуго Гроций и Пуфендорф¹⁰⁹.

В изложении материала Гюйссен придерживался довольно разнообразных авторских приемов. Помимо документальных, историографических и фактических доказательств, он использует и такой прием воздействия на читателя, как сравнение исторических явлений. Рассказывая о празднествах в Москве по случаю Полтавской победы, автор, для придания исторической значимости этим празднествам, сравнивает их с аналогичными празднествами в Риме, где «претор по получении ведомости о какой-либо славной победе повелевал все городские капища отворены держать... о чем Тит Ливий — римский историк и иные пишут, так и в Москве... по повелению старшего архиерея тотчас бога вседержителя во всех церквах благодарили (которые долго отворены были)»¹¹⁰. Иногда он отступает от хронологического принципа изложения,

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же, стр. 138.

¹⁰⁷ Там же, стр. 154.

¹⁰⁸ Там же, стр. 229.

¹⁰⁹ Там же, стр. 136.

¹¹⁰ Там же, стр. 125—126.

группируя факты тематически. Так, рассказывая об известном инциденте с русским послом в Лондоне Матвеевым, который был арестован на улице британской столицы, автор говорит, что хотя этот факт имел место в 1708 г., но о нем рассказывается заодно с событиями 1710 г.; автор «с замыслу не упоминал» о нем, «дабы читатель мог видеть вдруг начало, следование... и конец того же самого дела»¹¹¹.

Генрих Гюйссен как историк выступает во всеоружии приемов дворянской историографии начала XVIII в., но на его произведении все же лежит, хотя и в слабой степени, печать прошлого. При всем разнообразии приемов, его историческое повествование в целом идет в летописной хронологической манере по годам, месяцам и дням. Правда, хронологическая сетка дается далеко не в ее чистом виде. Начиная какой-либо год, Гюйссен обычно дает к нему краткое введение, в котором перечисляет проблемы, излагаемые дальше, а после этого говорит: «Теперь вступаем в подробности нынешнего году, сказуя о всем помесечно»¹¹². Этот средневековый налет чувствуется и на самой методологии автора. Говоря о свидании датского, польского и прусского королей, Гюйссен не удержался от аргумента, свойственного средневековым хронистам: «Астрономы или звездочеты... в Берлине сказывали, что они на небесной тверде присмотрели, что три великие планеты Солнце, Сатурн и Венера были вместе в прямой линии в самое время оногo свидания»¹¹³. Но это лишь «остаточные явления» средневековых приемов; обычно Гюйссен старается их избегать. Например, автор упоминает о всяких астрологических, политических и всяких иных прогнозах, которые делались тогда в Европе в связи с началом нового, XVIII века. Поговаривали, что в новом веке «будет больше революций, бунтов и других чрезвычайных изшествий, нежели прежде», но автор отбрасывает все эти предсказания и констатирует только действительные факты, а они состояли в том, что XVIII век начался в Европе двумя крупными войнами — Войной за испанское наследство и Северной войной.

Гораздо ниже по методологическому уровню стоит «История Петра I» Галларта¹¹⁴. Сочинение это касается почти исключительно Северной войны и представляет собою простой перечень военных действий. Но в отдельных местах автор пускается в рассуждения, и тогда обнажается его далеко не передовая для XVIII в. методология. Так, например, говоря о причинах поражения шведов, он пишет: «При сем случае ежели кто разумный человек... спросит, где викториозной шведской армии слава и храбрость осталась, однако же при сем надлежит рассуждать,

¹¹¹ Ф. Туманский. Собрание разных записок и сочинений..., ч. 8, стр. 206.

¹¹² Там же, стр. 8.

¹¹³ Там же, стр. 189.

¹¹⁴ Рукописный отдел ГПБ, Эрмитаж, 314, лл. 161. Начала не имеет. Изложение доведено до 1718 г.

что как всемогущий бог соблаговолит, так во всем мире и по своей воле. И кому изволит счастье и несчастье разделяет и определяет и тако всяк человек о себе да рассуждает. И о всем ниспадении, понеже о всех наших действиях пред престолом судии Иисуса Христа ответ дать имеет, ибо за всякую неправду... и всяки беззакония хотя одних... вечно мучими, а за добрые дела блаженствовать будем»¹¹⁵.

Выше этого уровня Галларт не поднимается.

Петр I стремился расширить круг авторов сочинений по истории Северной войны. Об этом говорит, в частности, «Дело о поручении переводчику Шиллингу сочинить историю с начала войны с шведами по сие число», относящееся к сентябрю 1711 г. По указу Петра I, присланному из похода, «велено ему истории о поведении всяя нынешние войны... между российскими пешими и свейскими войски с начала той войны до нынешнего времени сочинить»¹¹⁶. Дипломатическому ведомству и Печатному двору предписывалось обеспечить автора источниками и опубликовать труд. По всем данным, автор с задачей не справился.

Несколько в ином роде, но на том же уровне выступает и «Краткий перечень истории о словено-российском народе от самых отдаленнейших времен по 306 год после рожества Христова, сочиненный бывшим при Коллегии иностранных дел переводчиком аббатом Крусали»¹¹⁷. Снова, как и во времена опы, речь шла о «прародителе Иафета», из вотчины которого вышли славяне, с той лишь разницей, что аббат размышлял не только «о роде словенском», но и «о земле Скандинавии в севере, где во первых оной род поселился и оттуды куды потом вышел и о других генералнах собствах».

Представления аббата о древности самые фантастические. Достаточно посмотреть, над чем автор размышляет и к каким выводам он приходит: «Амазоны суть славянки... Моско первый их король...» Ставился вопрос — где сначала госуларствовал и где потом утвердился славен Рус с прочими братьями, как пришли в Российские пределы и где установились?¹¹⁸. Затем шли такие события: — «Тамира — королева Российская — победила Кира царя персидского за то, что он убил Спаргактка, ее сына»¹¹⁹. «Напоследок Россияне чинили вспоможение Митрида-ту, королю Понтийскому против римлян»¹²⁰, «Цесарь Максимин родом славянин. Мать его россиянка именем Абаба»¹²¹. «Клавдий цесарь родом славянин»¹²². Заканчивается повествование о

¹¹⁵ Там же, лл. 85 об.— 86.

¹¹⁶ «Летопись занятий Археографической комиссии 1865—1866», вып. 4. СПб., 1868, стр. 131—157.

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. 375, д. 45.

¹¹⁸ Там же, л. 1.

¹¹⁹ Там же, л. 3.

¹²⁰ Там же, л. 5.

¹²¹ Там же, л. 5—6.

¹²² Там же, л. 6.

древности 305 годом нашей эры: «В Пруссии государствовал Прутен король — по смерти его Витевит его брат от которого сына Недрона происходит род августейшего нашего императора Петра Великого»¹²³. Все завершается царствованием Петра I от взятия Азова до начала Великого посольства.

6.

«СКИФСКАЯ ИСТОРИЯ» А. И. ЛЫЗЛОВА¹²⁴

Скифия, территория северного Причерноморья, для Лызлова — колыбель, откуда вышли татары и турки, историю которых он избрал темой своего труда. Участник Азовских походов Петра I, Лызлов столкнулся с практической стороной турецкой проблемы, а это привело его к пониманию проблемы как общеевропейского явления, каким оно и было в действительности. Борьба с Турцией затрагивала тогда ряд европейских государств, и Россия того времени стремилась создать общий фронт этих государств против турок. Турецкая проблема в ее *европейском* аспекте и сделала Лызлова представителем всеобщей истории в русской исторической литературе.

«Скифская история» замечательна прежде всего объемом привлеченных источников и чрезвычайно плодотворными попытками их интерпретации¹²⁵. Сам Лызлов придавал огромное значение вопросу об источниках. На титульном листе своего сочинения он писал: «Книги историй, от них же сия история сочинися и написася: Степенная, Хронограф, Синописис, Летописец, История, Жития святых, Бароний, Плиний, Курций Квинт, Длугош, Меховский, Кромер, Стрыйковский, Бельский, Гвевнин, Ботер». Н. И. Новиков, издавая «Скифскую историю», считал нужным указать на ее богатую источниковедческую базу: «Из разных иностранных историков, наче же из российских верных историй и повестей от Андрея Лызлова прилежными труды сложена и написана лета 1692».

Иностранцы источники для Лызлова не есть что-то случайное или постороннее, это составная часть его труда, «их же азде на свидетельство и подтверждение летописцам российским привести потшуся»¹²⁶. Лызлов не всегда точен в их передаче,

¹²³ ЦГАДА, ф. 375, д. 45, л. 6.

¹²⁴ Труд А. И. Лызлова с его источниковедческой и востоковедческой стороны исследовала Е. В. Чистякова (*Е. В. Чистякова. Русский историк А. И. Лызлов и его книга «Скифская история».* — «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 1, стр. 117—127; *она же.* «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв. — «ТОДРЛ», т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 348—357; *она же.* «Скифская история» А. И. Лызлова и вопросы востоковедения. — «Очерки по истории русского востоковедения», сб. VI. М., 1963, стр. 3—88).

¹²⁵ *Е. В. Чистякова.* «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв., стр. 119.

¹²⁶ *А. И. Лызлов.* Скифская история, ч. I. М., 1787, стр. 81.

но главное состоит в том, что он хорошо знает иностранные источники. Иногда он просто ссылается на свой источник (в отличие от летописца, он считает нужным это делать), иногда ставит рядом два свидетельства, не отдавая ни одному из них предпочтения: «Сиде Стрыйковский. Бельский же полагает...». Но обычно его взгляд на источник критический: «но несть тако...», «зде может быть читателю усумнение...», «зде сумнительно...» и т. д.

«Скифская история» представляет интерес и по своей концепции. Излагая события в их причинной связи, он иногда как бы устает это делать, он будто пугается своей дерзости критически рассматривать то, что предопределено богом: «Но что глаголю сие, зане тщетно есть человеческая помощь, изволившу тако богу»¹²⁷. Над его сознанием еще тяготеет груз старых представлений летописца, он еще вносит в свое повествование элемент сверхъестественного — чуда и знамения, роковые предостережения и вещи сны. Но не это определяет содержание его труда. Содержанием является реалистическое изложение исторических явлений, где четко соблюдена последовательность событий, где так же четко различаются причины и следствия, где все подчинено единой концепции. В основе его концепции лежит исторически глубоко верная мысль, что главной причиной того, что Турция сумела захватить весь юго-восточный угол Западной Европы, были противоречия и борьба между европейскими государствами. Эта проводимая настойчиво и последовательно мысль делает «Скифскую историю» стройным и законченным произведением, притом основанным на прочной базе источников.

Лызлов считал свой труд лишь началом изучения интересовавшей его проблемы. Он написал свою «Скифскую историю» «на сведение люботрудному желательному читателю, дабы той желанием множайшим возбужден будучи, множает потщался написать и историю распространити». Автор сравнивает свой труд с лестницей, по которой идущий вслед за ним историк поднимется гораздо выше его, ибо «по соделанной лестнице на высоту восшедши, множае мощно в далечайшие места зрети, и о оных ведение сотворити»¹²⁸.

Наступление татар и арабов на Западную Европу

Свои сведения о древней Скифии Лызлов черпает из античных источников, о которых он знал скорее всего из польских хроник. Сведения античных писателей о Скифии, как известно, были легендарными, на рассказе Лызлова об этой неведомой «стране» чувствуется сильный отпечаток троянского эпоса и мифа

¹²⁷ Там же, ч. II. М., 1787, стр. 152.

¹²⁸ Там же, ч. III. М., 1787, стр. 54.

об амазонках. Но на страницы «Скифской истории» пришли и очертания исторической действительности, смутно пробивавшиеся сквозь туман легенды. Древние народы, пишет Лызлов, «ничто же особое, кроме жен и детей и оружия имяху... Денег никаких, ниже золото и серебро знали, менами токмо потребы свои исполняли... Не бяше ничто же у них добрейшего паче славы, и их грубому прирождению много даде им природа. Первое за едино удивление Иустин об них пишет, яко они будучи грубыми, без наук, не знали злостей»¹²⁹. Совсем не походили они на развращенные культурой христианские народы: «Аще бы христианский какой народ имел в себе такую мерность, яко они, неточию земля, но и небо любило бы их».

Затем народы Скифии, которые автор объединяет термином «татары», двинулись на завоевания. Для автора не существует вопроса, откуда пришли татары, для него не подлежит сомнению, что татары издревле населяли причерноморские степи, откуда и двинулись на европейские народы. Их нашествие — беда не только России, но и всех европейских народов, ибо татары «быша страшни всем странам восточным не меньше же и полуночным с погублением неисчетных народов, яко трепета от них вся Европа». Глава католического мира папа Иннокентий IV «ужаснися тоя лютыя бури, яже висела над христианы (ибо яко саранча разбегошася даже до Дуная) от собору Лугдунского после мниха Анселина Доминикана с иными мнихи францишканами и великому хану татарскому в лето 1246... наказуюци его, дабы... оставил христиан в покое пребывати»¹³⁰. Этот факт, взятый из польских хроник, не говорит об одной важной стороне дела — Иннокентий IV, оберегая католические страны от татарского нашествия, старался направить его на Русь, а используя тяжелое положение Руси, подчинить ее при помощи унии.

В батыево нашествие татарские полчища вышли за пределы западной границы Руси. Соседние с Русью народы поднялись на борьбу с завоевателями. «Князь Гендрик, маркграф Моравский, совокупи окрестных князей с вопшты от немец и от прусс и от Польши», двинулся на татар, но был разбит. Затем татары «всюду без отпору пленяюще, чрез Шленск придоша в Мораву и опустошающе земля до венгров проидоша»¹³¹. Нашествие татар коснулось и стран европейского запада. Территорией, где это произошло, был Крым, там сходились этнические границы Востока и Запада. В древних городах Крыма «жили немцы¹³², генуенсы и греков немало, и до ныне яко тамо, так и во иных местех, много родов знатных иже идут от немец и от французов, живших тамо». Между татарскими селами «обретаются отчасти и христианская селения, иже живут, начало имущи от генуенсов

¹²⁹ А. И. Лызлов. Скифская история, ч. I, стр. 8.

¹³⁰ Там же, стр. 17—18.

¹³¹ Там же, стр. 41.

¹³² Вероятно, имеются в виду крымские готы.— М. А.

по римску, инии же и греческого православия»¹³³. Татары заняли Крым, но ушли из Западной Европы.

С этого момента татары перестали быть угрозой для Запада. Но еще продолжалась борьба за изгнание арабов из Европы. Лызлов подчеркивает огромную роль, которую сыграл ислам в арабских завоеваниях. Уже наследники Мухаммеда «повоевала всю Аравию, Сирию, Египет, Испанию и распространиша государство свое от реки Ефрата до моря Атлантицкого и от реки Черныя до гор Пиринейских... К тому обладали было Сицилию и опустошили Италию и через триста лет непрестанно приумножаху себе государства, свогда обладали восточныя и западныя государства, и быша много лет под державою срацынской»¹³⁴.

Борьба Западной Европы с турками

После арабов на Западную Европу стала надвигаться турецкая опасность. Значительная часть «Скифской истории» посвящена туркам. Лызлов приходит к выводу, что турецкий народ, как и татары, «ни откуда инуду пашедши повествуется, токмо от оных же народов скифских, о них же в истории сей писася»¹³⁵. Причиной, двинувшей турок на завоевания, автор считает тот же ислам, ибо турки «егда прияша прелесть Магометова, даже донныне, уже чрез тысящу лет и вящци непрестанное пленение и пустошение творят государствам христианским»¹³⁶. Лызлов путал хронологию, не всегда точен в передаче фактов, но он верно излагает общий ход событий — продвигаясь, турки теснят Византию, берут Иерусалим, а это вызвало антитурецкое движение в Западной Европе.

Представления Лызлова о Западной Европе к моменту ее столкновения с турками были несколько своеобразны. Византию он считал олицетворением Римской империи, центром европейского мира и очень сетовал, что это греческое царство «быше тогда расторжено на многие части, ибо Франция, Испания, Германия еще в царство Фоки мучителя отторжесе греческие власти, Рим со всею Италиею в царство Константина и Ирины также отпади области греческих мопархов и вси особными учинишися царствы... прочие же многие области и страны имяху своих властителей, яко болгарское, сербское и венгерское царство... но и в том малом обладании своем греческие цари междоусобные брапи строяху, един единого от престола изгоняючи и к конечной погибели скипетр греческого царства наклоняючи»¹³⁷. Так представлялись Лызлову падение Римской империи и переход к средним векам в Западной Европе.

¹³³ А. И. Лызлов. Указ. соч., ч. II, стр. 5.

¹³⁴ Там же, стр. 91.

¹³⁵ Там же, стр. 105.

¹³⁶ Там же, стр. 111.

¹³⁷ Там же, стр. 121—122.

Ответом западных держав на турецкое наступление были Крестовые походы; «западные монархове и папа римский... совокупивши многая воинства, подвигошася на освобождение святыя земли и града Иерусалима и пришедше в кораблях морем, обладаша сущие в Сирии на мори многие пристанищные грады... Иерусалим град от содержания турков и огарян свободили и во многих местех над турками пресветлые победы одержали»¹³⁸. Но победы эти оказались непрочными, ибо сами освободители, «будущи тамо желанием приобретения богатств возбуждающиеся, ничтоже благо творяху, точию свары и междоусобства вознешаху, подающи... турком и срацннном причины немалые ко противлению себе»¹³⁹.

Сведения о государствах крестоносцев на востоке у Лызлова крайне сбивчивы. Эти сведения говорят лишь о том, что борьба между крестоносцами и мусульманами продолжалась. В конце концов над Иерусалимом нависла угроза со стороны султана Саладина. Обстоятельства падения города даны автором весьма неточно. Саладин является сюда по приглашению, он должен помирить местных правителей: «И тако той султан совершенно умири оных враждующих начальников Гвидона и Раймунда... сам облада градом Иерусалимом и всеми оными грады, их же во святой земле по кровавым и многотрудных одолениях в содержании своем христиане имели, и все воинство христианское до конца из святая земли изгнаны быша»¹⁴⁰.

Теперь до конца своей «Скифской истории» Лызлов целиком поглощен проблемой борьбы между турками и Европой. Следующий этап усиления турок связан с именем основателя династии турецких султанов — Османа. В своих источниках Лызлов уловил чрезвычайно важную причину успеха завоеваний турок. Как известно, ранние завоевания турок-османов были направлены в сторону византийской Малой Азии. О положении в этой части Византии Лызлов пишет: «Властели же и сиклит греческого царства уклонишася к хищению и неправдам и к несытному желанию сребролюбия, подручные народы грабяще и разоряюще, яко едва возможно что тяжчае народом нареци — турецкое ли пленение или своих насилие и грабление; к воинской же крепости и ко осмотрению целости государственной ни малого прилежания имяху»¹⁴¹. С другой стороны, Византия была сильно ослаблена четвертым Крестовым походом, ознаменовавшимся ограблением Константинополя и созданием Латинской империи, которая оставила в Византии также недобрую память. Тогдашний византийский император Андроник II Палеолог, «приемше разоренное от латинников греческое царство, бяху в великом оскудении сокровищ, такожде и воинскою крепостию немощни суще,

¹³⁸ А. И. Лызлов. Указ. соч., ч. II, стр. 114.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же, стр. 119.

¹⁴¹ Там же, стр. 122.

пимало можаху противитися оной навалности и возразити турком таковое их дерзновенное наступление»¹⁴². Это наступление не могло не быть успешным.

При следующем султани Орхане (1326—1359) турки подошли к Дарданеллам, а султан Мурад I (1359—1389) обрушил свои завоевания на самую Европу. При этом автор подчеркивает, что успехам Мурада содействовали сами же европейцы. Во-первых, речь идет об очередной междоусобице в Византии; Иоанн Кантакузин, борясь с Иоанном V Палеологом, послал к султану Орхану «просяще помощи противо ему, зовущи его в Европу». Во-вторых, генуэзцы на своих кораблях перевозили турок на европейский берег: «О, злоба сребролюбия, яко сии малому приобретению обрадовался, зелье зло от них и сами пострадаша»¹⁴³. Пользуясь всем этим, турки вскоре «множайшую часть Фракии под власть свою покори... такожде и Болгарии множайшую часть с Андрианополем и Сербские страны не остави в покое, идяше тамо с воинством». Последним актом трагедии Европы при Мураде I была битва на Косовом поле в 1389 г. (Лызлов ошибочно дает 1372 г.), где сербы «едва ли не вси избieni была и трущим на месте там падоша, пачеже егда сам благочестивый мужественный деспот Лазарь убиен бысть». Пал и сам Мурад I.

Его преемник Баязид I (1389—1402), овладев значительной частью Балкан, подступил к Константинополю. Это создает новый узел международных противоречий. Император Мануил, «видев такое бедствие, понудися сам итти из Константинополя во Италию в Рим к папе и во Францию просящи помощи ко избавлению Константинополя; но ничтоже от них обряще помощи»¹⁴⁴. Он обратился за помощью и к России, откуда ему «послаша многу казну в Константинополь с монахом Иродионом Ослябятем». Положение Константинополя было критическим; некоторые его жители, «не стерпевше таковые бедственные нужды, нощию из града избегаху и в полки турецкие прихождашу». Удержаться второму Риму помогло два обстоятельства. Во-первых, «краль венгерский Жигмунт (иже бысть потом цесарь Римский)... собрав многое воинство венгров и прочих народов, изыде на султана Баязита... под градом Никоподем бысть между ними презельная брань»¹⁴⁵; крестоносное войско европейцев было разбито, но это отвлекло турок от Константинополя. Во-вторых, во владения самих турок вторглись полчища Тимура. В «пределах Галатийских и Вифинийских» (битва была при Анкаре) Тимур в 1402 г. (Лызлов ошибочно указывает 1398 г.) разбивает турок и «самого Баозита жива емлет».

Междоусобный период, наступивший после пленения и смерти Баязида, освещен у Лызлова достаточно верно, хотя и отрывоч-

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же, стр. 126.

¹⁴⁴ Там же, стр. 132.

¹⁴⁵ Там же, стр. 132—133.

по, но царит полная путаница в именах. Разнобой внесеп разно- речивостью источников. Достаточно сказать, что один из претен- дентов на турецкий престол Сулейман выступает под двумя именами — Калапин, как именуется он у Мартина Бельского, и Мусольман, как назван он в Хронографе. Этот междуусобный период и время воцарившегося затем Мехмеда I Лызлов считает наиболее благоприятным моментом для отпора туркам со стороны Европы: «Тогда воистину могли исчезнуть весь народ отоманский, аще бы тогда погубили детей Баозитовых... изгубили тогда ко- рень оных врагов своих, то бы воистину могли все страны хри- стианские в целости быти»¹⁴⁶. Но момент был упущен, на ту- рецком престоле появился Мурад II (1421—1451).

Этот султан поставил на край гибели Константинополь и возоб- новил натиск на Европу. Победы Яна Гуниади, заставившие Мурада II пойти на мировую, были сорваны римским папой, толкнувшим европейские государства на разрыв мира с турками. Что касается другого героя антитурецкой эпопеи — Скандербега, то о нем Лызлов предпочел не распространяться: «О чем аз умолчах zde описати краткости сея истории снисходящи, убо о таком знаменитом победотворце лучше совершенно молчати, нежели мало писати»¹⁴⁷. Победы Гуниади и Скандербега не остано- вили турок.

Положение Константинополя становилось безнадежным. Им- ператор Мануил II, «паки послаша послов своих ко всем окрест- ным христианским монархам прося помощи и пищи на пропита- ние во время глада тамо тогда будущего, но обаче мало что обре- тоща помощи»¹⁴⁸. Иоанн VIII «пойде к римскому папе Евге- нию, сущу ему тогда на соборе Флоренском, хотя соединить церковь и обрести помощь на турки; но ничто же благо содела тамо, кроме великие вражды и соблазна верным с римляны»¹⁴⁹. Как известно, Флорентийская уния была актом отчаяния со сто- роны гибнущего Константинополя, папство же, преследовавшее цель подчинения восточной церкви, было неспособно организовать Крестовый поход против турок, в этом походе приняли участие только венгры и поляки. Лызлов указывает на предательскую роль венецианцев, которые перевозили турок в Европу «на своих кораблях, катаргах и калерах, вземлюще у турков за провоз по червоному золоту от всякого воина»¹⁵⁰.

Время Мехмеда II (1451—1481) стоит в центре всей турец- кой части «Скифской истории», поскольку на него приходится со- бытие, поразившее весь тогдашний мир, — падение Константино- поля. В своих источниках Лызлов находил об этом богатый ма- териал. Такими источниками для него были польские хроники,

¹⁴⁶ А. И. Лызлов. Указ. соч., ч. II, стр. 139.

¹⁴⁷ Там же, стр. 149—150.

¹⁴⁸ Там же, стр. 138.

¹⁴⁹ Там же, стр. 141.

¹⁵⁰ Там же, стр. 147.

которые, как и вся западная историография, опирались на труды византийских историков — современников падения Константинополя: «Византийская история» Дуки, «Большая хроника» Г. Сфрандзи, участника обороны города, «История» Лаоника Халкокондила и «Деяния Мехмеда II» Кривоула. Из русских историков Лызлов пользовался Степенной книгой, но и Степенная книга и сам Лызлов опирались на «Повесть о падении Константинополя» Нестора Искандера, хотя Лызлов, ссылаясь на Степенную книгу, не дает ссылки на труд Искандера¹⁵¹. Русские источники, точнее говоря, «Повесть» Искандера, оказали сильное влияние на рассказ Лызлова об осаде и падении Константинополя. В отличие от западных «морских» версий, где решающую роль в падении города сыграло проникновение турок в залив Золотой рог, рассказ Лызлова — это «сухопутный» вариант повествования о падении Константинополя, так как русский свидетель этого события Нестор Искандер находился на сухопутном участке городской стены. Лызлов целиком следовал этому варианту, хотя и сохранял к своим русским источникам критическую настороженность. Так, именуя командира генуэзского отряда защитников города Джустиниани — Зустунеем, он пишет: «аще имя его в российских историях невежеством или неискусными писцами изменся»¹⁵².

Причины падения Константинополя (1453 г.) для Лызлова ясны. Во-первых, «междоусобные христианские развраты и построения, яко мощно речи о властелях христианских... и такому православному на востоце греческому царству попустиша пасти»¹⁵³. Но дело не только в разладах между европейскими государствами, а и в их корыстной политике по отношению к Византии. Император просил помощи у Запада, «латини же нимало сему вняша... паче же неции и желаху того, ибо италиане и французы отдавна уже не единова покушахуся обладати Константинополем. И того ради не даша помощи, глаголюще в себе — егда турки Константинополь возьмут, тогда уже мы у турков возьмем»¹⁵⁴. Во-вторых, «в царех греческих и князех и сигклитах наипаче тогда умножися велие настроение и междоусобства». Взяв Константинополь, захватив окончательно балканскую Грецию и Сербию, покорив Боснию и Албанию, подчинив Крым, Молдавию, Валахию, Мехмед II вышел на рубежи, которые поставили его лицом к лицу с Россией, Польшей, Венгрией и итальянскими государствами.

¹⁵¹ Об историографии этого вопроса см.: *Н. А. Смирнов*. Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя. — «Византийский временник», т. VII. М., 1953, стр. 50—71; *Е. В. Чистякова*. «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв., стр. 348—357.

¹⁵² *А. И. Лызлов*. Указ. соч., ч. II, стр. 160.

¹⁵³ Там же, стр. 152.

¹⁵⁴ Там же, стр. 153—154.

При Баязиде II (1481—1512) дальнейший нажим турок на Западную Европу шел главным образом в сторону венецианских колоний; турки венецианцам «многие пакости творили» как в Ионическом и Эгейском морях, так и в самой Италии, и даже «до самых Венеции подъезжали и пределы оныя до конца опустошили и пленником... многих поплениша»¹⁵⁵. Нависла угроза над украинскими землями; турки вторглись в «страну русскую на Подолие... идеже вся селения около Днепра и Галича презельно повоеваша», но дальше турки пока не пошли. Затронули турки и религиозные интересы Запада; они католиков-богомольцев, «идущих в Рим со обещаниями молитвенными, многих плениша и в вечную неволю отведоша»¹⁵⁶. Это, однако, не помешало добрым отношениям между турками и папским престолом; побежденный Баязидом его мятежный брат, бежавший к папе, «отравою уморен бысть». Как известно, папа был подкуплен Баязидом.

Время Сулеймана Великолепного (1520—1566) — расцвет турецкого могущества. Взяв Белград, этот «кровопийственный мучитель» стал верховным повелителем Балкан и грозой Европы. Лызлов рисует трагическую судьбу Венгрии, зажатой между Турцией и Австрией, Людовик Венгерский стал готовить войско, «помощи же ради посла к папе и цесарю также и ко кралю французскому, но султан добре разуменяши... о их неготовности, спешно со многим воинством идяше...»¹⁵⁷. Автор настойчиво подчеркивает роковую роль разобщенности европейских государств. Людовик «помощию иных государей оставленный и подданных непослушанием... печаловашеся и скорбяше; егда же таковая нестроения бываху в венграх, султан дерзновеннее идяше, пленящи землю венгерскую...»¹⁵⁸.

Попытка императора Фердинанда сплотить немецких князей против турок и привлечь к этому римского папу кончилась крахом, ибо «кralи и властели христианские изволяхи между собою жестокие брани простирати, нежели противно поганых общим и сильным супостатам своим»¹⁵⁹. Но Лызлов не обнаружил в своих источниках еще одного явления, которое дополнило бы нарисованную им картину разобщенности в Европе. Речь идет о позиции Франции и Англии, которые были в дружественных отношениях с турками. Все это оставляло венгров один на один с турками. Борьба была упорная — «турки множеством перемагаху, а венгры мужеством превышаху», но турки неизменно продвигались по венгерской земле. Единственным союзником венгров в этой жестокой борьбе были неурядицы между самими турками. Сулейман уже в первые свои походы в Венгрию «конечно бы... обладал всем государством, аще бы господь не благоволил еще

¹⁵⁵ А. И. Лызлов. Указ. соч., ч. II, стр. 216.

¹⁵⁶ Там же, стр. 217.

¹⁵⁷ А. И. Лызлов. Указ. соч., ч. III, стр. 3.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же, стр. 22.

дати... свободы венграм, ибо тогда приидоша к султану вестницы неции, возвещаючи о смятении и нестроении сущих в Анатолии, их же ради возвратися в страны своя»¹⁶⁰.

Венгрия не только не могла опереться на помощь европейских государств, но сама, в годы короля Иоанна, подверглась нападению Австрии; тот же «краль римский и чешский Фердинанд, хотящи обладати кралством венгерским, подвиже войну на краля Иоанна и присла воинством нань и побежден быть Иоанн от воинства Фердинандова». После смерти Иоанна дело завершается фактически разделом Венгрии. Султан «множайшую часть венгерского кралства облада совершенно, оставльшую же часть кралева венгерская с сыном своим предаде вечно кралю Фердинанду»¹⁶¹.

При Селиме II (1566—1574) турки уже помышляют о захвате у России Астраханского и Казанского ханств, они продолжают наступать на венецианские владения; Селим II «посла многое воинство на остров Кипрский и во многих битвах с венецианы облада оным островом и государством зело богатым и многолюдным», а затем отправил «много свое воинство во Африку добывати градов Туниса и Голетты»¹⁶², яже быша в державе краля гиспанского». Африканское северное побережье, как известно, переходит под власть турок.

Лызлов следит за победами турок и во времена Мурада III (1574—1595), но он замечает, что высшая точка турецкого могущества уже позади. Был момент, когда турки, потерпев поражение от войск императора Рудольфа и венгров, стали отступать: «И таковое тогда злополучие попусти бог на турков, яко единым годом пятьдесят знаменитых градов без кровопролития христиане у них взяше и обладаша с ними вельми пространную страну, от чего страх велик на поганых бысть»¹⁶³. Причина неудач турок состояла в том, что бич Европы — отсутствие единства — начинает давать свои плоды и у турок. При Мураде III «в Константинополе на дворе султанском велий бунт воста от янычаров, в нем же паша един и седьм агов убито, а сын султанский смертно ранен»¹⁶⁴. Создавалась благоприятная обстановка для борьбы с турками, и «аще бы в то время окрестные христианские государи в соединении были и во едино совокупилися, то бы конечно Белград и Будин и прочие крепкие города могли у турков взяти; но ... они не прилежали о том»¹⁶⁵.

И, наконец, при Мехмеде III (1595—1603) стало окончательно ясно, что время, когда Европа дрожала перед турками, прошло. В Константинополе янычары «бунт великий воздвигоша». Вос-

¹⁶⁰ Там же, стр. 7—8.

¹⁶¹ Там же, стр. 26.

¹⁶² Голетта — порт вблизи Туниса.— М. А.

¹⁶³ А. И. Лызлов. Указ. соч., ч. III, стр. 44.

¹⁶⁴ Там же, стр. 52.

¹⁶⁵ Там же, стр. 44—45.

пользовавшись этим, «молдаване и седмиграждане воздвигошася на турков и четыре града у них взяша и потом далече в землю греческую вшедши, пленяху турков... и бяху турки всюду частыми победами от христиан одолеваемы... такожде турки и от венгров на многих местех побеждаемы бываху»¹⁶⁶. Это стало отражаться на политике Турции по отношению к Европе: «Таковыми убо победами Махомет султан от христианских воинств всюду побеждаем будучи, оставльши обыкновенную свою гордыню, мира отовсюду требоваши»¹⁶⁷.

Доведя историю турецких завоеваний в Европе до рубежа XVI—XVII вв., когда обозначился перелом от расцвета к упадку турецкого могущества, Лызлов заканчивает свое повествование о нашествии турок на Европу.

Главный вывод, который он готовил на протяжении всей «Скифской истории», состоял в том, что турецкие завоевания стали возможными «за причинами, данными от несогласий государей христианских, которые причины умели они (турки) ко прибытку своему употреблять»¹⁶⁸. Но были и чисто военные причины: постоянная готовность к войне, «прыдкость дивная в наступлении», стремление вести войну с одним противником, не вести слишком длительные войны, не расходовать людские и материальные ресурсы на «войны малопотребные», личное участие султанов в войнах и т. д.

Создалась огромная турецкая империя, которая для христиан «превосходит египетскую неволю, вавилонское изгнание, ассирийское пленение и иерусалимское разорение». Автор верит, что приближается время, когда турецкое владычество «упасти имат», и он молит бога, чтобы это произошло в его дни.

И по объему использованных источников, и по разработке широких общеевропейских проблем «Скифская история» А. И. Лызлова явилась как бы вступлением к новому, более высокому этапу русской историографии. Современники Лызлова уже были свидетелями исторической науки петровского времени.

7.

ПЕРЕВОДНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Восемнадцатый век был крупным шагом в прогрессе человечества. Были одержаны крупные успехи в познании природы. «Венцом науки восемнадцатого века был материализм — первая система натурфилософии и результат... процесса завершения естественных наук»¹⁶⁹. В общественном развитии XVIII век это — время, когда созревает и совершается Французская бур-

¹⁶⁶ Л. И. Лызлов. Указ. соч., ч. III, стр. 53.

¹⁶⁷ Там же, стр. 54.

¹⁶⁸ Там же, стр. 58.

¹⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 599

жуазная революция, уже третья из ранних классических буржуазных революций после Нидерландской XVI и Английской XVII в. Отношения между государствами стали более развитыми и оживленными. Взгляд на историю в XVIII веке это — взгляд на взаимосвязанный процесс всемирной истории. В исторической науке на Западе, как подчеркивал Энгельс, «мы впервые встречаем в это время многотомные компиляции по всемирной истории, еще без критики и совершенно без философии, но все же это — всеобщая история вместо прежних исторических фрагментов, ограниченных местом и временем»¹⁷⁰.

Бросалась в глаза и другая особенность науки этого времени. «Восемнадцатый век был возрождением античного духа в противовес христианскому; материализм и республика — философия и политика древнего мира — вновь возродились, и французы, представители античного принципа *внутри* христианства, завладели на некоторое время исторической инициативой»¹⁷¹. Наконец, XVIII век в Европе вошел в историю как век Просвещения. Уходящее своими истоками еще в XVII век, Просвещение обошло много европейских стран, принимая то или иное содержание, играя ту или иную идейную и политическую роль, в зависимости от общественных условий в этих странах. В странах отставших оно было идейным оружием дворянства, в странах, уже проделавших буржуазные революции, оно, чаще всего, служило делу компромисса между буржуазией и дворянством, во Франции же Просвещение явилось идеологической подготовкой знаменитой Французской революции.

В России XVIII в. также оставил свой яркий след. Для Дмитрия Ростовского это был «окаянный» век. Радищев же, оценивая его, восклицал: «Мощно, велико то было столетие», потому что оно несло «истину, вольность и свет». В петровское время печать века Просвещения на России еще не обозначалась, но Россия по своему заявила о своем участии в общеевропейском движении. Первая четверть века была тем периодом, когда борьба старого и нового, ясно сказавшаяся еще в XVII столетии, приобрела острейший характер, а западные влияния, поддержанные силой государственной власти, стали прямым и важным участником в этой борьбе. Это был вихрь самых разнообразных и противоречивых явлений. Своеобразным фокусом, отразившим всю сложность и многообразие культурных влияний, может служить библиотека самого Петра I. Здесь стояли рядом книга о пришествии Антихриста и книга о естественном праве; книга о чудесах пресвятыя богородицы и сочинения античных языческих авторов; «Триодь постная» и книга о шлюзах; исторические книги времен Грозного и современная западная литература точно так же, как встречались на улице люди, одетые в френчи рядом с людьми в немецких кафтанах.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же, стр. 599—600.

Переводы литературы о современности

Литература о западной современности занимала в переводах большое место. Речь шла почти исключительно о международных отношениях. Из зарубежных стран русскую сторону, по понятным причинам, больше всего интересовала Швеция. В библиотеке Петра I была книга «Нстоящее состояние Швеции вкратце, переведена с английского языка на французской, а печатана в Амстердаме в 1720 году». Здесь она была уже в русском переводе. Для дипломатических нужд существовала книга «О комплементах, како пишут potentаты к potentатом»¹⁷². К такого же рода изданиям принадлежала книга Георга Ламайерна «Европских держав и князенецств историев... в породных колённых статьях воздержаны и на свет выданны». Под этим непонятным нынешнему читателю названием крылось не что иное, как перечень европейских царствующих особ с их биографиями. «Состояние французское, и даже видимы все князи, дуки и ровные королю» — сводка сведений о высшей гражданской и военной знати Франции. «Изъяснение новое о превоте и градонаместничестве по обычаю парижскому», Клода де Ферьера — сведения о деятелях Парижа. Помимо манифестов и грамот западных государей, иногда переводилась и публиковалась дипломатическая переписка. Пример тому — «Мемориал, каков по указу его царского величества подан аглинскому двору 1719 году, и против того даного от оного двора... ответы, и учиненные на оны от страны его царского величества сего 1720 насупротивный ответ». То была дипломатическая переписка в связи с враждебным поведением английского флота в Балтийском море. Встречаются рассказы о военных событиях на Западе вроде «Подлинного описания славной победы от соединенных против французоз и товарищей августа в 13 день 1704 года при Гохстете у Дуная реки», где дан рассказ очевидца битвы при Гохштедте, крупного события Войны за испанское наследство.

Но наибольший интерес представляют переводы публицистических сочинений на текущие международные темы. Таким, например, было английское сочинение «О рассуждении о оказательстве к миру, чтоб оставить Гибралтар соединен со владениями Велико-Британии»¹⁷³.

Переводу было предпослано разъяснение Петра о причинах перевода «Рассуждения» — оно содержало критику английского правительства, которое поступает «противно пользы своего отечества, угождая дому Ганноверскому для своих партикулярных прибитков». Используя помощь России для территориальных захватов в Империи, Георг I стал другом Швеции, рассчитывая получить от нее санкцию на эти захваты. Это ставило Англию

¹⁷² Рукописный отдел БАН, 874. 25.

¹⁷³ Там же, 1087.37.

во враждебные отношения с Россией — английский флот вел себя крайне вызывающе против русских в Балтийском море.

Такая политика вызвала протест в Англии. Автор русского предисловия к «Рассуждению» писал, что «не токмо в парламенте генерально все те, которые от министерства не зависят и не закуплены, как виги, так и торрисы, явно публично те поступки осуждали, но и во многих в печать выданных письмах и книгах всему народу объявили, коль несправедливо министерство во всем том поступает». Одним из таких выступлений в печати и явилось «Рассуждение». Его автор называет авантюрой позицию Англии по отношению к России и видит для этого две причины. Во-первых, является безумством «вступить в тяжелую войну против державы, вооруженной сегом и льдом во время двух третей года; обороненная же непобедимыми крепостями и бесчисленными войсками и которая держава не может быть атакована иначе, как от войск, которые имеют итти из дальних мест, не имея магазинов, ни фуража, ни денег». Во-вторых, Англии ссориться с Россией не стоит еще и потому, что голландцы «овладеют всем российским коммерцием, которым они владели прежде Великой революции, ежели мы так глупы будем и свою охотую оное купечество пренебрежем».

С другой стороны, Георг I всячески заискивал перед германским императором, чтобы закрепить захваченные территории за Ганновером. Он бросил английский флот на помощь императору против Испании, невзирая на то, что из-за этого он «прибыльного своего купечества [торговли] с Гишпанией лишился». Он втянул в эту войну Францию, обещая, что если Франция уступит Империи Сицилию, то он вернет Испании Гибралтар. Все это было выгодно Ганноверу и невыгодно Англии. Потери Гибралтара английские политики допустить не могли, что и явилось причиной к появлению этого памфлета.

Своего рода обобщением современного опыта Западной Европы по отношению к петровской России был «Перевод с рассуждения [мнимо] беспристрастного, писанного англичанином NN о опасности для всей Европы не брезгующей пресечь успехи завоеваний Российского государя Петра I с кратким описанием всех его подвигов и политических дел»¹⁷⁴. Это сочинение важно тем, что русский читатель узнавал из него, какой резонанс в Западной Европе имела деятельность Петра, какую оценку и какое отношение встречала теперь Россия на Западе.

Прежде всего, высокую оценку получает сам Петр I. Это — «принц права натурально отважного, он же ума великого и весьма политичного». Он имеет неугасимое стремление «ко прибавлению его мощи, превеликое желание ко распространению его земли и амбицию неумеренную». Все, что ни задумает царь, «все как бы парочно учреждено ко достижению к его намерению па-

¹⁷⁴ ПГАДА. ф. 375, л. 36. Это был перевод с французского издания «La cuse du Nort ou reflexions impartiales» (Paris, 1717).

ходится»¹⁷⁵, ибо сила Петра, как у библейского Самсона, находится не в руках, а в голове.

Какова история усиления петровской России? Огромные размеры страны и абсолютная власть Петра не решали дела, потому что русские земли были «нелюдны, неплодовиты по препорции их». Мало того, «В те поры же не было у него регулярного войска и никаких солдат ученых... и государство его никакой помощи важно не имело и голых денег мало в нем было»¹⁷⁶. К этому надо прибавить, что Россия не имела незамерзающих портов. Петр I приложил огромную энергию, чтобы вырвать Россию из этого состояния. Он едет в Англию. «Русский народ, хотя он велик, в те поры мало там почтен был, так что на него, и не смотрели и ему смеялися»; Петр I «почал с нашим народом полутче обознаться, и тогда он все наши заводы высмотрел», научился строить корабли, он «противу самого лутчего мастера мог топором владеть, и своим умом натурально математическим в малое время дошел до градуса наилутчева плотника». Он потребовал того же и от своего народа — «многие сотни подданных его... в наших, во французских и голанских флотах служили». Петр «всегда много число из своих подданных в наших заводах сдерживает... также и в голанских и во всех, где то можно обучится мореплаванию и коммерции»¹⁷⁷.

Но всего этого было бы мало, если бы русский царь не смог бы пробиться к морю. Зная, что шведский король «портами добровольно поступится не похочет, он намерился такие из рук его силою выдрать». Этому способствовали просчеты Карла XII. Во время борьбы за Нарву Карл XII совершил ошибку, увязнув в Саксонии; за это время Петр I успел «положить основание своему любимому городу Петербурху, в оном сделать порт, построить заводы и поставить великие магазины». Наконец, Полтавская виктория «пресекла фортуну шведов, и от которого времени русские начали превосходить»¹⁷⁸. Цель Петра I достигнута — он «не похотел видеть себя отлучена от портов морских, завоевание которых его к зачатую войны привело и которые ему весьма нужны для дальнего произвождения своих великих намерений»¹⁷⁹.

Теперь Россия превратилась в огромную силу. Европа застигнута врасплох, она удивлена. Мощь России «в малое время до удивительной степени превзошла, в которой она ныне есть», она стала опасна не только «для покоя своих соседей, но и всей Европе генерально»¹⁸⁰. Автор сравнивает современное ему положение в Европе с античным временем, когда Рим и Греция боролись за руководство тогдашним миром. Нечто подобное тому,

¹⁷⁵ ЦГАДА, ф. 375, д. 36, л. 1.

¹⁷⁶ Там же, л. 2.

¹⁷⁷ Там же, л. 3—5.

¹⁷⁸ Там же, лл. 5—7.

¹⁷⁹ Там же, л. 12.

¹⁸⁰ Там же, л. 14.

что происходило тогда в языческом мире, происходит теперь, по мнению автора, и в мире христианском — Запад и Россия борются за установление «монархии универсальной». Если победителем выйдет Россия, то Западу грозят огромные бедствия. Автор убежден, что главным бедствием будет потрясение протестантской веры. Швеция — протестантская страна — уже попала под удар России.

Под углом зрения защиты протестантизма автор намечает меры, за которые Запад должен немедленно ухватиться, чтобы остановить Россию. Самая насущная задача — «надобно без отложности исходатайствовать мир королю шведскому и привести, чтобы ему предлагали пункты авантажные и сходные с деликатством его права и с содер­жанием интереса протестантского»¹⁸¹. Заботясь об интересе протестантском, автор особенно настаивает, что король шведский должен «совсем по старому в Империи на ногах поставлен быть как во всех делах, так и в политике», иначе говоря, ему должны быть возвращены те немецкие территории, которыми он владел до войны с Россией. Причины такой настойчивости в том, что шведский король в Империи является опорой протестантизма. Уйди он оттуда, возникнет опасность победы католических князей в Германии. На помощь шведам должны выступить протестантские страны. Англия обязана «перейти во-время море для вспоможения нашим братьям протестантам»¹⁸². Выступить должна и Голландия, надо не забывать, что русское «основание на море Балтийском несносно и что не надлежит Швецию покинуть». Выступать именно сейчас надо потому, что Петр «наипрощее нынешнего будет со временем, когда он чрез завоевание и разорение Швеции в наше соседство ближе приближаться станет»¹⁸³.

Автор ополчается против своих земляков-англичан за то, что они из соображений партийной борьбы имеют разные точки зрения на усиление России. Он призывает их забыть домашние споры, позаботиться об английской коммерции и встать на защиту Швеции и протестантской веры.

Таковы генеральные идеи английского автора, оценивавшего с точки зрения Запада усиление России и его последствия для Западной Европы.

Следует также указать на переводы памфлетов, касавшихся как современных международных отношений, так и их истории. «Гистория короля шведского Каролуса второго на десять... Купно с любохотным свиданием и разговором между им и зятем его Голстейн-Готорпским, который в Польше... застрелен был в 1702 году»; «Разговоры в царстве мертвых... Между генералом-лейтенантом Яганом Рейнголт фон Паткулем... и между бароном Георгом Гендриком фон Церцом, презрядным и умным министром»...

¹⁸¹ Там же, л. 16.

¹⁸² Там же, л. 18.

¹⁸³ Там же, л. 19.

«О разговорах в царствии мертвых между Густавом Адольфом, королем шведским, и Каролом первым, королем аглинским, в котором, как история и политика сих обоих государей, так и особенных счастлих и несчастных прилучан и что к тому принадлежит...». Переводы такого рода книг также служили, видимо, политическим целям.

Интерес к событиям мировой истории

Совершенно отчетливо среди переводной исторической литературы выделяются книги, посвященные крупным событиям в мировой истории. Появление целой группы таких книг было далеко не случайным. По всему вероятию, это произошло под влиянием Полтавской победы. «Полтавская виктория» не только в глазах потомков, но и в глазах русских ее современников была событием мирового масштаба. Оно как бы подвело итог всей прошлой истории России и открыло русским дорогу на мировую арену, возвело русское государство в ранг мировой державы. Родилась политическая необходимость поставить Полтавскую баталию в ряд мировых событий. Отражением этого и был этот интерес к событиям такого рода. На эту мысль наводит и то обстоятельство, что начали выходить в свет эти книги с 1709 г. — года Полтавы.

К этой литературе принадлежит, прежде всего, популярная тогда во всей Европе книга Гвидо де Колумна — «История». В ней же пишет «о разорении града Трой...» Была «напечатана же славенски повелением царского величества, в типографии Московской, лето господня 1709 г.». Книга была написана еще в XIII в. В России она была переведена еще в XV в. Теперь о ней вновь вспомнили. Троянский эпос как бы открывал череду мировых событий. В XVIII в. книга переиздавалась в России несколько раз. Но, как часто тогда бывало, и самого автора и переводчика как благочестивых христиан смущало то обстоятельство, что в гомеровском эпосе действуют языческие боги, «помогающие грекам, воюющим троян и с ними бывшие на брани, яко живые человеки и иная многая тамо басни сложиша». Поэтому из сюжета о Троянской войне были вычеркнуты все эпизоды с богами. Все же остальное объявлено «истинной и правой историей», написанной авторами, кои были «истинни свидетели ополчениям троянским, зане они сами бяху на бранех, списатели и самовидцы, бывшему в сложении дел своих»¹⁸⁴.

За ней последовала «Книга Квинта Курция о делах, содеянных Александра, великого царя Македонского». Вышла в том же 1709 г. (2-е издание — в 1712 г.). При Петре I была издана

¹⁸⁴ «Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра, великого царя Македонского». СПб., 1712, стр. 1. Перелелки троянского сюжета предпринимались в России вплоть до XX в. (См.: О. В. Георгозов. Троянская история в переработках усть-цилемских квижников.— «Рукописное наследие древней Руси. По материалам Пушкинского дома». Л., 1972, стр. 228—241).

трижды. Несомненно, что книга привлекла внимание Петра I лестным для него сюжетом. Как мы уже видели, Александр Македонский был одним из мировых исторических персонажей, с которыми русские авторы сравнивали Петра I. Книга Квинта Курция поэтому, несмотря на свой древний сюжет, была настольной книгой у всего петровского окружения, у людей, сочувствующих его реформам.

К сонму знаменитых деятелей мировой истории, с которыми сравнивали Петра I, принадлежал и Юлий Цезарь. Ему было посвящено переведенное Борисом Волковым «Краткое описание о войнах из книг Цезаревых» (1711 г.). Это был перевод книги французского полководца Анри де Роана, посвященной разбору знаменитых «Комментариев о Галльской войне» Цезаря.

И наконец, к этой же серии относилась «История. О разорении последнем святого града Иерусалима от римского цезаря Тита, сына Веспасианова. Вторая о взятии славного столичного града греческого Константинополя (иже и Царьград) от турецкого султана Мехамета Второго» (1713 г.). Это — компиляция из различных источников, перечисленных составителем и посвященных этим двум событиям. Оба эти сюжета объединены в одной книге. В недавнем прошлом падение Константинополя имело большое значение для России в связи с проблемой византийского наследства. Теперь же этот сюжет потерял для русского читателя свое исключительное значение; он выступает лишь в ряду других мировых событий. Западный составитель поставил его на второй план по сравнению с падением Иерусалима, и это принято русским переводчиком как должное. Тем более, что «Иудейская война» Иосифа Флавия, которая явилась источником для описания падения Иерусалима, была давно известна русскому читателю.

О государственном значении, которое придавалось литературе о крупнейших битвах в мировой истории, говорит тот факт, что книги эти старались рекламировать. Приложение к № 12 «Ведомостей» за 1710 г. содержит, например, реестр о вышедших книгах. Здесь наряду с сочинениями по геометрии, фортификации, артиллерии и пр., значатся — «История Квинта Курция об Александре Македонском» и «История о взятии града Трои». Рядом с ними значится «Триумфальных ворот описание».

Политический смысл, который крылся за распространением этой литературы в тогдашней России, видимо, был ясен для антипетровского лагеря. При Петре I была в обращении рукопись «Троянской истории» Гвидо де Колумна, снабженная предисловием в форме акrostиха, которого нет в печатных изданиях. Автор предисловия некий Федор Злобин (не исключено, что фамилия эта была выдумана) был обратного мнения о пользе «Троянской истории» для правительства Петра I — шла Северная война, а падение Трои должно было напоминать ему о тщете побед. Стихотворение не свидетельствовало о поэтическом таланте автора, но оно достаточно ясно выражало его мысль.

И сего ради всем прочим подобает сему внимати
На дерзость свою к тому дерзая не уповати.
Сию бо историю прочитающие крепце да внемлют
И свои лютые тщеты опасне себе да изъемлют¹⁸⁵.

В России, как и на Западе, явственно проявлялось увлечение античностью. Античность была тем уголком мировой истории, где наиболее уютно чувствовал себя Феофан Прокопович и люди, подобные ему. Следует заметить, что античные мотивы получили распространение и в литературе, связанной с политической практикой. Примером тому может служить «Ляврея или вснец бессмертные славы...» (1714) г.) — славословие Меншикову, Царский любимец сравнивается со своим тезкой Александром Македонским, его вепчают римские воины. При помощи гравюры подчеркивается близость светлейшего к престолу. В облаках над портретами Меншикова и Петра I восседают Александр Невский (тезка Меншикова) и апостол Петр (тезка царя).

Античные сюжеты были характерным явлением и в переводной литературе. Помимо книг о крупнейших битвах в мировой истории, где, как мы только что видели, античные темы были ярко выражены, были и другие переводы книг, посвященных античности. Это — «Похождение Телемака, сына Улисса» — перевод книги Ф. Фенелона (1724 г.) — сюжет, связанный с Троянской войной; «Житие Флавия Веспасиана... императора Римского» (1726 г.); «Апоффегмата...» (1716) — сборник афоризмов и анекдотов о ста с лишним известных деятелях древности; но наиболее любопытным из них был перевод книги «Аполлодора, грамматика Афинской Библиотеки или о богах» (1725 г.). Это была попытка примирить античную традицию с догмами православной церкви. Книга была посвящена генеалогии божественных обитателей древнегреческого Олимпа. Феофан Прокопович — автор предисловия — выступает здесь с одним из обычных своих тезисов: ссылаясь на отцов церкви, он доказывает, что они «не токмо от чтения книг еллинских не удалялись, но и учеников своих ко чтению оных поощряли».

Но этого издателям показалось мало. Рядом с Аполлодором в том же переплете находится другая книга, сюжетно связанная с сочинением Аполлодора; это — «Следование о родословии первых богов языческих, како оные из истинной истории связанного писания языка выплели развращением» С. Бохарда. Задача Бохарда сводилась к тому, чтобы доказать, что христианская догматика якобы древнее мифов об Олимпе, а поэтому в греческой мифологии «явные связанных историй наших следы обретаются». Издание завершается специальным обращением к «благоразумному читателю», написанным, видимо, тоже Феофаном — он ищет новые следы библии в мифах о богах-олимпийцах.

¹⁸⁵ «Библиограф», 1887, № 8-9, стр. 95.

Сочинения по истории Западной Европы

Чрезвычайно сложным был интерес к западной истории. Среди переводной литературы на эту тему можно выделить группу рукописей и книг, представляющих интерес с точки зрения знакомства с историческим опытом Западной Европы. Сюда можно отнести «Выписку, каким образом в чужестранных разных государствах поступают с служителями и с крепостными людьми»¹⁸⁶, «Гистория о древнем мореплавании и купечестве... написано чрез господина Густа, епископа Аврайшского, переведена с французского на русский, которую Хрущев из Галандии превез»¹⁸⁷, «Княжеских сил хитрость или неисчерпаемый златый кладезь, чрез который государь сильным себя учинит и подданных своих обогатить может. Перевод с вейсенфельдского изд. 1703 г.»¹⁸⁸ На рукописи имеется помета Петра «Сию книгу напечатать немедленно». Была ли она напечатана — неизвестно. К этому же роду литературы относятся «Аргументы из священных соборов, декретов и дипломов Константина Великого и иных императоров даже до Феодосия...»¹⁸⁹. Сочинение это возникло как попытка исторически аргументировать верховенство власти Петра над церковью. Это была та же проблема, которую Хрущев решал Феофан Прокопович в своем «Розыске историческом». Наконец, следует назвать сочинения, представлявшие своего рода политические завещания двух крупнейших деятелей Франции XVII в. Ришелье и Мазарини. — «Краткая книжица политических или гражданских обходительных поступков по правилам Мазариновым» (1709 г.) — и «Тестамент политичный или духовная светская кардинала дука де Ришелью» (1725 г.).

Что интересовало Петра I и его сподвижников в такой литературе? В области социально-экономической это можно видеть на примере «Выписки, каким образом в чужестранных разных государствах поступают с служителями и с крепостными людьми» (1697 г.), которая открывает наш перечень. Деятель петровской поры узнавал, что в Германии крестьяне «невольные, вечно господам своим порабощенные, и невольно им никуды без воли господ своих отходить, и хотя сбежат, пойдет в солдаты или в какое королевство или иного господина службу то по желанию [прежнего] господина отданы будут ему бес прекословия по правам». Крестьянина господин «от земли может в дом свой взять. Однако, он ему и детям его тогда порабощен, пока... господин по воле своей им даст отпускную»¹⁹⁰.

В других странах дело обстоит несколько иначе — «в датской земле, во всей Франции, сказывают, невольных никаких нет,

¹⁸⁶ ЦГАДА, ф. 375, д. 26.

¹⁸⁷ Рукописный отдел БАН, 1066.16.

¹⁸⁸ Там же, 1—Б—87.

¹⁸⁹ Там же, 34.3.17, Р. 1082.

¹⁹⁰ Там же, л. 1—2.

а служат все за заплату в урочные лета». И с крестьян господам брать в слуги не волно... а господа их токмо берут с них уреченный оброк»¹⁹¹. В Англии и в Италии «также сказывают, и в Гишпании живут люди на урочные лета наемные, а как срок доходит, то должен слуга, естли впрעדь у господина наивоматься не похочет... то сказать господину своему, что он более у него служить не будет». Если же работник снова остается у господина, то «сверх договору ни в какую работу дворовую их господа нудить не могут»¹⁹². «Такое поведение и волность людем и крестьянем и в Голандии, с таким еще различием, что их пленные неволники, хотя и не христианской веры могут когда хотят свободно от господина своего к иному господину [уйти]. В пруссах и во всем округе цесарском...» (На этом рукопись обрывается).

Из каких книг эта неоконченная выписка сделана, установить не удастся. Не исключено, что перед нами не выписка из иностранной книги или книг, а сведения, собранные русским дипломатом за границей, на что указывает его оговорка «сказывают»; в таком случае, это — оригинальное произведение и слово «выписка» здесь употреблено в смысле «запись», «изложение» и т. д. Но поскольку это слово могло быть употреблено и в его прямом смысле, то безопаснее этот документ считать переводным произведением. Что касается содержания, то, очевидно, дело идет об изучении западного опыта, с целью более рационального использования крестьян и дворовых в России.

Из произведений, касавшихся политической сферы, обращает на себя внимание перевод книги «Княжеских сил хитрость или неисчерпаемый златый кладезь, чрез который государь сильным себя учинит и подданных своих обогатить может... От Генриха фон Бодена, королевского прусского советника в герцогстве Мекленбургском и профессора юриста в Гале. Напечатано в Вейсенфельде, 1703». Именно эта книга, как мы видели, обратила внимание Петра. Автор книги подчеркивает, что «Франция, Англия и Голландия не так чрез военную силу, но чрез особливую княжеских сил хитрость и искусство тако высокой власти достигли», что эти страны могут служить примером для других. На их опыте автор «некоторую науку учредил», которую он берется изложить. Он сводит свою науку к некоторым главным положениям.

Во-первых, «наипотребнейшая из наук всего коммерция есть, дабы промыслы тако учредить, чтоб из общего блага сокровища государя обогащено и оной государь сильным был»¹⁹³. Во-вторых, владения государя должны иметь морские порты, ибо если государь «многие воды имеет, то оно многое получить может»¹⁹⁴. В-третьих, сила государя в богатстве его подданных, потому что «благоведение государя и благоведение подданных его так тесно

¹⁹¹ Рукописный отдел БАН, 34.3.17, р. 1082, л. 2.

¹⁹² Там же, лл. 2—3.

¹⁹³ Там же, лл. 2—3.

¹⁹⁴ Там же, л. 3.

связаны, что единое без другого не может в приращение прит-ти ... без чего он никогда твердой и постоянной силы не достиг-нет»¹⁹⁵.

Этой книге, хранившейся в библиотеке Петра и содержавшей в себе «науку» о процветании государя, как бы противостояла книга, хранившаяся в библиотеке царевича Алексея Петровича и называвшаяся «Описание вин или притчей, коими винами к погибели или разорению всякое царство приходит или коими делами в целости и в покой содержится и строится»¹⁹⁶. Это была широко известная русским грамотеям XVII в. тогда же переведенная на русский язык книга «О причинах гибели царств»¹⁹⁷.

В ней устанавливалось два рода причин гибели государств — причины человеческие и причины, явившиеся судом божием. Ксенофонт показывал на примере Персии, что виной несчастий государства могут явиться властители «егда за их злобою, и хотением, и гордостью и неправдою всякое царство пременяется и погибает». Отсюда следовал вывод, что «хотя и не делается ничто же на свете без воли и суда божия, но совершение того божия суда исполняется за грехи и злобы человеческие, иже делают люди, разлучаясь с богом и гнев его страшный на себя привлекают, который ничем иным, точню покаянием умиряется». Но несчастья могут обрушиться на государство за грехи не только подданных, но «также и за грехи начальников и тому во святом писании многоразлично образцов обретаются»¹⁹⁸. На примерах из библейской и античной истории показывается, как за грехи правителей страдали подданные. Вслед за этим «список преступлений» худых правителей шел «список благодетелей» правителей добрых. Однако именно негативная сторона этого старинного сочинения приобрела теперь новое звучание у боярской оппозиции Петру I, группировавшейся вокруг царевича Алексея.

Следующую группу среди переводных книг по истории Запа-да составляют книги, посвященные *повсюдной*, т. е. всеобщей исто-рии. Здесь на первый план выступают сочинения Самуила Пу-фендорфа, одного из создателей теории естественного права в ее дворянском истолковании. По распоряжению Петра I на русский язык были переведены две его книги — знаменитое «Введение в историю европейскую» (вышла в Петербурге в 1718 г.) и «О долж-ности человека и гражданина по закону естественному» (вышла уже после смерти Петра, 1726 г.). Вторая из этих книг специ-ально посвящена проблеме естественного права. Теория естест-венного права Пуфендорфа — крайне правого толка. Из «чина ест-ественного» Пуфендорф делал, казалось бы, совершенно неожид-анные выводы.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Рукопис. отдел БАН, 1—В—3.

¹⁹⁷ М. А. Салмина. «О причинах гибели царств», сочинение начала XVII ве-ка.— ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 332—352.

¹⁹⁸ Рукописный отдел БАН, 1—В—3, л. 1—1 об.

Первой должностью (обязанностью) человека в силу «естественного закона» оказывалась его обязанность по отношению к богу, ибо «чин естественный», как и сам человек, сотворен богом. Что же касается обязанностей человека по отношению к другим людям, то в этом случае «естественный чин» обладает большими неудобствами. По мнению автора, «в чине естественном всяк токмо собственными силами защищается, а в гражданстве общими». Чтобы выйти из естественного состояния, в котором человек оказывался беспомощным, люди вступили в общественный договор, чтобы создать гражданское общество. В интересах целого им пришлось поступиться частью своих прав, и все это происходило опять-таки по «естественному чину». Совершенно естественно по-является рабство, источником которого была война или «самоизвольная» отдача себя в рабство, когда люди были к тому «скудостию принуждены или собственной своей склонности соизволением». Естественным путем возникает и всякое иное *социальное* неравенство.

То же происходит и в *политической* области. Поскольку человек «по приклонности природной желает дабы никому же подчинен не был и дабы вся по воле своей действовал», это приходило в противоречие с гражданским обществом; в интересах общества пришлось «страх наказания и власть оное сотворити»¹⁹⁹. В политическом отношении гражданское общество выступает в нескольких формах, из которых «знаменитейшая есть монархия, понеже вящие выгоды имеет паче других видов»²⁰⁰. Самая невыгодная форма, согласно Пуфендорфу — демократия, потому что при ней «недостойные и мятежные человецы мятежно и безвременно мнения своя защищати обыкли... Аще недостойные и смрадныя человецы, ко управлению дел определяемы бывають»²⁰¹.

В то же время книги Пуфендорфа для России были вестниками западной культуры, на уровень которой должны подняться русские люди. Переводчик Пуфендорфа Гавриил Бужинский в предисловии к переводу «О должности человека и гражданина» подчеркивал именно эту мысль, поскольку Россия «к такому ныне приведена состоянию, что преславным в Европе государствам от древле процветающим, не токмо равна, но и всем удивительна пребывает»²⁰². Необходимость перевода этой книги на русский язык Бужинский мотивирует тем, что она является краткой сводкой трактуемого ею сюжета; «яко житие наше краткое, а художество учения долгое и толикие книги законов наполнены, что исчислити невозможно... откуда быть, что и самых сокращений (компендий) едва чрез век всякому прочеть возможно»²⁰³.

¹⁹⁹ «О должности человека и гражданина...» СПб., 1726, стр. 414.

²⁰⁰ Там же, стр. 422—423.

²⁰¹ Там же, стр. 426.

²⁰² Там же, стр. 4.

²⁰³ Там же, стр. 7.

Что касается самого содержания, то епископ Гавриил Бужинский видит главное достоинство книги в том, что она посвящена такой кардинальной проблеме, как «естественный закон», ибо закон этот «в умах человеческих самим естеством всеянный... А гражданские законы токмо ко просвещению и изъяснению оных естественных законов надлежат»²⁰⁴.

Не случайно Бужинский перевел и «Введение в историю европейскую» Пуфендорфа. Она импонировала ему по многим причинам. Во-первых, потому, что автор «кроме фабул, басней и забобонов», показал, как каждый народ «после темного варварства и непросвещенного невежества... светом учения просветился»²⁰⁵. Во-вторых, книга эта «кратко, разумно и чиновне расположительно, путь показуя кратчайший в долгое и непроходимое книг исторических путешествиие», представляет собою не какое-то необозримое сочинение, а изложенное всего лишь в одной книге «введение в историю европейскую»²⁰⁶. Наконец, «Введение» является книгой *исторической*, которая теперь особенно нужна русскому читателю. Ведь в России теперь изучается не только русская история, но и «исторические иноязычные книги на славенском языке в Россию происходят».

И Бужинский указывает на причину растущего в России интереса к западноевропейской книге. Дело в том, что повысилась международная роль русского государства: «Отныне Дания, Голландия, общество градов Гансеатских (Ганзейских) и сама от древле преславная Галлия, такожде Саксония и едва не все имперіум германского циркулы, еже недостойно о государстве Российском и глаголаху и рассуждаху, худые мнения на лучшая премениша; не вспоминаю о шведах, иже презираемое мящи российское состояние, инако искусством самим познали быти на полях Полтавских»²⁰⁷. Поэтому пришла пора, когда русские люди обязаны ориентироваться в истории западноевропейских государств, и «Введение» Пуфендорфа будет им хорошим подспорьем. Теперь «российские народы... сами книгу сию чтуще, всех европейских дел увидят правление»²⁰⁸.

К «Введению в историю европейскую» Пуфендорфа примыкала серия книг, написанных с церковных позиций, но родственных «Введению» по охвату материала. Это были образцы тех больших компиляций по всеобщей истории, которые в это время стали получать широкое распространение на Западе; это была та дошедшая до России всеобщая история вместо прежних исторических фрагментов, ограниченных местом и временем.

Первое место среди такой литературы занимали «Деяния церковная и гражданская» Цезаря Барония — запоздалый пугник,

²⁰⁴ Там же, стр. 14.

²⁰⁵ С. Пуфендорф. Введение в историю европейскую. СПб., 1718, стр. 4.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же, стр. 2.

²⁰⁸ Там же, стр. 4.

пришедший в Россию через Польшу. Бароний был деятель католической церкви второй половины XVI в. Его главным трудом были 12-томные «*Annales ecclesiastici...*». Желая сделать столь громоздкий труд более доступным, польский иезуит Скарга сократил книгу. С этим сокращением и имел дело русский переводчик.

Перевод был сделан еще в конце XVII в. Но как часто бывало при переводе западных книг, большим неудобством явились католические «умствования» автора. Русский перевод был изрядно очищен от них, но книгу печатать не стали. Возможно она и осталась бы в рукописи, но на Барония стали ссылаться раскольники в борьбе с официальной русской церковью. Чтобы выбить у них этот козырь, — а Баронию могли приписывать и то, чего он не говорил, — в 1719 г. было решено его сокращенные «Анналы» опубликовать. Это и были «Деяния церковная и гражданская». На книгу Барония смотрели как на сводку *гражданской* истории. «Желающий без путешествия, сидя дома, ознакомиться с миром, должен читать историю», — писалось в предисловии к русскому изданию в увещание русского читателя.

К этому же жанру относилась и книга В. Стратемана «Феатрон или позор (обзор) исторический изъясняющий повсюдную историю» (1724 г.). Ее перевел энтузиаст «компендиев» по всеобщей истории Гавриил Бужинский, адресовавший эту книгу «доброхотному истории любителю». Он чувствовал себя в гораздо лучшем положении, чем переводчик Барония. Если католик Бароний «езде папе воинствует, срам и бесчестие его покрывает», то Стратеман — протестант, а посему «в словах умеренный». Из его труда читатель увидит, «каковы бяху папы, житие и поведение их, и уразумеши, таковы ли они суть, каковы их доброжелатели и воинственники пред неученым миром словами, пред ученым же писаниями прославляют»²⁰⁹. Но главное достоинство книги Стратемана в том, что она рассказывает о «повсюдной» истории, знает которую теперь обязаны русские люди.

К «повсюдному» жанру принадлежало еще несколько книг, переведенных в это время на русский язык. Одним из таких изданий был «Феатр или Зерцало монархов» (1710 г.), смотревший на мировую историю как на сокровищницу политического опыта, «Полидора Виргиния Урбинского осмь книг о изобретателях вещей» (1720 г.). Оригинал этой книги появился на свет еще в 1499 г. Опираясь на философов и историков, автор пытался рассказать о происхождении наук, о формировании общества, изложить религию различных народов. Такой социологический

²⁰⁹ В. Стратеман. Феатрон или позор исторический... Предисловие Бужинского, стр. 6. Это, кстати, говорит о том, что к протестантам деятели русской культуры, в том числе и из церковников, относились более терпимо, чем к папистам. Это относится и к Бужинскому, и особенно к Феофану Прокоповичу, которого противники обвиняли в «неправославии», имея в виду его симпатии к протестантизму.

подход оказался весьма популярным. Книгу стали переводить на иностранные языки. В России ею потом заинтересовался Н. И. Новиков, издавший ее в новом переводе в 1782 г. К этому нужно отнести и «Увещения и приклады (примеры) о различных вещах от различных историков» (1721 г.). Это был перевод Politicon'a Юстуса Лепсиуса; книга представляла сборник рассказов из сочинений различных, главным образом, античных авторов на темы о гражданской добродетели. Переводчик «не порабощен был помянутого автора штилю», и поэтому обращался с текстом весьма вольно. Он считал себя вправе «ту ж самую вещь пространнейшими словами писати»; некоторые сюжеты «сократити и объяснить» или «от числа прикладов отлучити и на место их другие нужнейшие в приличной материи от Тита Ливия прилучити». Да и оставшиеся рассказы были «не слово в слово переведены».

И, наконец, последняя группа в переводной литературе по истории Запада это — сочинения, посвященные древнему миру и средним векам. Здесь явно чувствуется тесная связь петровского времени с XVII веком, когда интерес к Западу уже заметно сказывался в историографии. От последней четверти XVII в. из литературы, обращенной на Запад, в библиотеке Петра находился большой рукописный сборник (427 листов). Он содержал: Сказание об Александре Македонском, Сказание о великих князьях Владимирских и о поставлении русских князей; чин поставления на великое княжение; выписка из бесед великого князя Василия Ивановича со старцем Вассианом Симонова монастыря... Хождение Трифона Коробейникова; Сказание о походе аргонавтов и Троянской войне²¹⁰. Сборник не был напечатан, но он сохранял свое значение как своего рода энциклопедия русской историографии в недавнее время. Видимо, не случайно в библиотеке Петра I хранился «Сборник исторический, лицевой», составляющий II том хронографической части Московской исторической энциклопедии времен Грозного (1476 листов)²¹¹. О практическом значении таких энциклопедий говорит и тот факт, что здесь мы находим «Чин поставления на великое княжение», по которому совершалось венчание русских царей на царево.

О римских императорах рассказ «Перевод с сокращенной Римской истории о бывших в Риме кесарях»²¹², представляющий перечень лиц и их деяний. Несколько необычное явление представляет «Описание торжествам, бывшим в обыкновении у римлян, сочиненное приехавшим в Россию иностранцем для вступления в службу», относящееся к концу XVII в. Судя по терминологии, автор был поляк. Ссылаясь на многих античных авторов, он рассказывает о римских триумфах, о их обрядности, об их истории, о торжественных иллюминациях в честь победителей. По-

²¹⁰ Рукописный отдел БАН, 17.8.2. Р. 478. Общего названия сборник не имеет.

²¹¹ Там же, 1—Б—76.

²¹² ЦГАДА, ф. 375, д. 85. У рукописи отсутствует начало и конец.

следнему обстоятельству автор уделяет столь пристальное внимание, что несколько позже рукописи дали новое название «Об устройстве радостных или потешных огней». Речь идет также о других — общественных и семейных — обрядах времен Римской империи и о влиянии их на складывание обрядов в средние века.

Бросается в глаза специфическая особенность переводов по античной истории. Если по истории древней Греции почти единственными темами, интересовавшими русских переводчиков, была Троянская война и Александр Македонский, то по римской истории такой единственной темой была Римская империя, точнее, деятельность римских императоров. В этом же плане русские переводчики подходят и к средним векам. Об этом говорит «Летописец римских цезарей и пап и патриархов вселенских», относящийся к концу XVII в., или «Описание в лицах и папах римских»²¹³. Возможно, что эти сочинения были справочниками для дипломатической службы.

Однако при Петре I был сделан перевод ценного средневекового сочинения. Речь идет о переводе Гавриилом Бужинским одного из известных трудов Эразма Роттердамского «Разговоры дружеские. Дезидерия Ерасма» (1716 г.). Книга попала в Россию из чисто деловых соображений. Это произведение обращалось в Голландии в виде переработки Августина Бекера и служило учебником для учеников гаагских гимназий. Петр, которому эта книга попала в Голландии, послал ее в Петербург, распорядившись перевести ее на русский язык с тем, однако, чтобы голландский текст остался текстом параллельным. Сделано это было с учебными целями, «дабы младенцы, хотящие галанскому языку приобщиться, удобнее и скорее от разговоров с други своими... намерение свое постигнуть возмогли». Книга гуманиста могла бы прийтись по душе Бужинскому, но Эразм был католиком и посему его беседы дружеские, по словам переводчика, «многие в себе содержат противные разуму церкви православной, восточной, речи». Поскольку это было распоряжение самого царя, все эти «супротивства» пришлось перевести, прикрыв их благовидными целями, дабы «юноши от младых ногтей познавали противников неправое разумение и приуготовлялись ко ответом»²¹⁴.

Таковы основные очертания русской историографии первой четверти XVIII в. Это был крупный шаг в историческом развитии России, в истории ее культуры, в истории исторических знаний.

²¹³ Рукописный отдел БАН, 1198.

²¹⁴ «Разговоры дружеские, Дезидерия Ерасма». СПб., 1716, стр. 2.

Глава пятая

НОВЫЙ ЭТАП В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О РОССИИ

В *допетровское* время в истории западной исторической литературы о России можно различать два этапа. До XVI в. это были попутные, отрывочные сведения, сообщаемые людьми, не бывавшими в стране. Исключением из этого был А. Контарини, приезжавший в Москву при Иване III. Новый этап начинается в XVI в., когда западные авторы пишут о России по личным наблюдениям, а в отдельных случаях по русским источникам. Они дают уже не отрывочные сведения, а связный рассказ об увиденном, подчас с обобщениями и историческими экскурсами. Это стояло в связи с созданием русского централизованного государства и повышением его роли на международной арене. В первой половине XVI в. наибольшая роль принадлежала итальянским авторам (Альберто Кампензе, Павел Иовий). В этот период Россия приобрела для итальянцев особый интерес; в связи с тем, что турки отрезали Италию от Востока, она искала туда обходных путей через Россию.

В середине века выступил крупнейший из иностранных авторов, писавших в этом столетии о России — Сигизмунд Герберштейн, создавший широкое полотно о современной ему России и ее истории. Тогдашняя Империя имела свои основания интересоваться Россией. Вместе с папством и итальянскими республиками она пыталась создать антитурецкий фронт из европейских государств, куда должна была войти и Россия. Во второй половине XVI в. на первый план выступили англичане: Ричард Ченслер, Антоний Дженкинсон, Томас Рандольф, Джером Боус, Джером Горсей, Джилз Флетчер. Оттесненные от недавно открытой Америки испанцами и португальцами, англичане пытались пробиться на Восток вдоль северного побережья России и оказались лицом к лицу с русскими.

В первой половине XVII в. доминирующей темой сказаний иностранцев о России становится иностранная военная интервенция и Крестьянская война. Все другие вопросы современности,

а также история отодвинулись на задний план. Здесь трудно выделить авторов какой-либо определенной страны; дело определялось причинами, обусловившими появление данного автора в России. Это были, прежде всего, военные, оказавшиеся на русской земле (Конрад Буссов, Жак Маржерет, Петр Петрей). О Крестьянской войне в России мы имеем обстоятельный рассказ и штатского человека — Исаака Массы. Для периода после интервенции и Крестьянской войны наиболее крупным свидетельством является сочинение Адама Олеария. Сказания иностранцев о предпетровской России (вторая половина XVII в.), таких авторов, как Августин Мейерберг, Джон Мильтон и др., не выходят за пределы традиций этого этапа.

Можно выделить некоторые особенности в истории западноевропейской исторической литературы допетровского времени. Русская тема как широкая, привычная тема о большой, малоизученной стране только входила в международный кругозор западных людей. Именно поэтому западные авторы так много пишут о *географии* России, о ее климате, о ее реках и городах, о растительном и животном мире. Их внимание привлечено, прежде всего, к коренным, европейским территориям, к их коренному населению. Авторы пишут о русском народе, его обычаях и нравах, сравнивают русских с народами Запада (как правило, не в пользу русских). Другими словами, география России и сам русский человек были центральными темами сказаний иностранцев о тогдашней России.

За пределы этого ареала авторы сказаний выходят в двух случаях.

Во-первых, их внимание привлечено к волжскому пути, по которому они рассчитывали вести торговлю с Востоком, поэтому они рассказывают о южных степях и Крыме, откуда то и дело приходили армии татарских ханов, чтобы жечь и грабить Россию. Адам Олеарий рассказал о народах, которых он встретил на пути от Астрахани до Персии. Вторым отклонением был крайний север России. Англичане еще долго не оставляли мысль пробиться на Восток вдоль северного побережья Азии, поэтому в их поле зрения попадали народы, жившие на тех территориях, куда англичанам удавалось доезжать.

Наивысшим достижением сказаний иностранцев в этом периоде было освещение той остроты социальных противоречий в России XVI в., которая в начале XVII в. вызвала взрыв Крестьянской войны. Английских авторов, например, очень интересовало время Ивана Грозного, когда английская торговля получала все новые и новые привилегии; для самой Англии это было время огораживаний, время сгона крестьян с земли, время кровавого законодательства Тюдоров против бедных. По дорогам Англии бродили толпы нищих. Наблюдавшие все это у себя на родине, английские купцы и дипломаты обращали внимание на социальные контрасты и в России. Они видели тяжелое положение рус-

ского крестьянства и считали вполне вероятным широкое восстание народа. Флетчер предсказывал такое восстание. Правда, описывать его в начале XVII в. пришлось уже не английским авторам.

При Петре I в иностранных сообщениях о России наступают заметные перемены. Иностранные авторы перестали смотреть на Россию глазами туриста — не география и не этнография России их интересуют, Россия быстро стала подниматься как великая держава, стала возрастать ее роль в Европе и это стало в первую очередь интересовать иностранных дипломатов и купцов. Естественно, что причиной этого считали преобразования Петра I; преобразования эти привлекли внимание иностранных авторов раньше всего. Книга, занимающая первое место среди сочинений иностранцев, так и называется «Das verändertes Russland». И это надолго стало первым сюжетом в сочинениях иностранцев о России.

Не меньшее впечатление на иностранных наблюдателей произвела победа России в Северной войне, которая закрепляла новое место России на международной арене, выводила ее к морю. Иностранные наблюдатели поэтому много пишут о Северной войне, о русской армии и флоте как новых факторах в международной политике России. Это было следующей ходячей темой у западных авторов.

Третья распространенная тема вытекала из этого. Поскольку в состав России входили новые народы, то рядом с русским народом у иностранных авторов выступают другие народы, и не только народы Прибалтики, о которых они больше всего пишут, но и народы, населяющие восток страны. Теперь речь шла о географии и этнографии не столько русского народа, сколько других народов России.

И, наконец, иностранцев-купцов и дипломатов интересовал вопрос: насколько это усиление России будет прочным? В стране шла напряженная социальная и политическая борьба. Иностранцы пишут об ожидаемом развале России, они ищут симптомы этого развала и видят его, прежде всего, в мятежах стрельцов, а также в крестьянском движении, наивысшим выражением которого явилось Булавинское восстание. Это было развитие давнишнего интереса к социальным конфликтам в России. Можно было ожидать повторения крестьянской войны, какая была в начале XVII столетия, в новой, чрезвычайно напряженной ситуации в стране. Кроме того, живой интерес вызывали дворцовые неурядицы, в особенности дело царевича Алексея. Исключением из этого была Англия. В этой стране долгое время находились под впечатлением книги Джона Перри, где на примере Петра рассказывалось о прочности и авторитете царской власти в России. В последующие десятилетия в Англии Россию не любили, боялись ее и сравнительно мало знали о ней.

В годы Петра I выступила целая плеяда западных авторов, писавших о России. Наиболее известными являются: Патрик Гордон (Шотландия), Джон Перри (Англия), Филипп-Иоганн Страленберг (Швеция), Юст Юль (Дания) и группа немецких писателей: Иоганн-Георг Корб, Иоганн-Готтильф Фокеродт, Фридрих-Вильгельм Беркгольд, Отто-Антон Плейер, Фридрих-Христиан Вебер. Размеры книги заставляют делать выбор из них. Можно остановиться на более коротком их списке: Гордон, Корб, Юль, Перри, Вебер. Их сочинение позволяют охватить главные явления русской истории в петровское время.

1.

«ДНЕВНИК» ПАТРИКА ГОРДОНА (1661—1699 гг.)

Семнадцатый век для Англии был весьма беспокойным веком. Революция и гражданская война (1640—1660), реставрация Стюартов (1660—1688) и «Славная революция» (1688—1689) — составляют тот полувековой период, когда формировался общественный строй современной Англии. Династия Стюартов, дважды испытав горечь падения, была заменена Ганноверской династией. Континентальная Европа приняла две волны эмиграции из Англии: после революции и гражданской войны и после «Славной революции». То были эмигранты-роялисты, сторонники Стюартов. Среди них было немало шотландцев — родиной Стюартов была Шотландия.

Патрик Гордон (1635—1699)¹ принадлежал к шотландской семье роялистов, выброшенной на континент первой волной эмигрантов. В Шотландии у него было поместье, но там он почти не бывал, став типичным военным наемником, служившим кому угодно. Между Швецией, Польшей и Россией шла борьба за Прибалтику, сюда направился с Запада большой поток наемников — в связи с окончанием Тридцатилетней войны среди них началась «безработица». Гордон трижды служил у шведов, дважды у поляков; был и небольшой период, когда войны не было (для наемника мир — прямой убыток) и Гордон жил грабежом. Что делать дальше? Гордон колебался ехать ли в Австрию или в Россию, но решил ехать в Россию (1661 г.).

Наш автор — фигура сложная. Человек Запада, он всю жизнь следил за положением в Западной Европе, особенно в Англии;

¹ См. *M. S. Anderson*, *Britain's Discovery of Russia 1553—1815*. London — New York, 1958, p. 72—79; *И. Г. Тихвин*, *Дневник Патрика Гордона — «Советские архивы»*, 1969, № 2, стр. 110—112; *Patrick Gordon*, *Passages from the diary of general Patrick Gordon of Auchlenchries in the years 1635—1699*. London, 1968; *S. Konovalov*, *Sixteen further letters of general Patrick Gordon*. — *Oxford Slavonic papers*, vol. 13. Oxford, 1967, p. 72—95; *А. Брикнер*, *Патрик Гордон и его «Дневник»*. СПб., 1878.

к Карлу II он ездил с дипломатическим поручением царя Алексея Михайловича. Имел много знакомых среди англичан, живших или бывавших в России (Коллинз, Карлейль, Хебдон), знал немецких дипломатов, связанных с Россией, например Плейера; его хорошо знал Корб, писавший о нем в «Дневнике». С некоторыми Гордон вел оживленную переписку. Играл большую роль в Немецкой слободе. Всю жизнь оставался непоколебимым сторонником Стюартов и ненавидел Вильгельма Оранского; всю жизнь был воинствующим католиком. Сына своего Теодора отправлял учиться в иезуитскую коллегию в Браунсберг. Словом, Гордон всю жизнь был связан с Западом.

С другой стороны, его судьба оказалась прочно связанной и с Россией. Чуть ли не каждый год собирался он уехать из России, порой даже «впадая в меланхолию», но до конца дней (38 лет из 64) оставался в этой стране. Он принимал деятельное участие в строительстве русской армии «иноземного строя», служил добросовестно, воевал, не щадя жизни, сыграл немалую роль в победе Петра I над Милославскими, стал одним из ближайших помощников Петра I. Его сыновья, получив образование на Западе, стали служить в русской армии. От них он требовал знания как латыни, так и русского языка. Когда Гордон умер, царь Петр I похоронил его пышно, с воинскими почестями. Эта двойная ипостась в большой мере помогает понимать «Дневник» генерала Патрика Гордона.

Писать Гордон начал очень рано и всю жизнь не уставал этим заниматься. Нужно иметь в виду одну из особенностей нашего автора. Он обладал солидными знаниями в военном и инженерном деле, но не обладал высокой общей культурой; этот недостаток он старался восполнить исключительным трудолюбием — не жалел денег на книги. И много писал. Это были, во-первых, письма, — бывали дни, когда он отправлял их более двух десятков. Благодаря такой переписке — а она простиралась не столько на Россию, сколько на Западную Европу — Гордон знал, что происходило в мире. Это был, во-вторых, его «Дневник».

Что думал о своем «Дневнике» сам автор? Гордон решил «оставаться в пределах дневника, не подвергая какому-либо суждению события, не восхваляя и не порицая событий моей жизни... О государственных делах я упоминаю лишь настолько, насколько дошло до моего сведения; о слухах я говорил как о слухах, о фактах, как о фактах. Некоторые военные события... стоят в связи с моей жизнью; эти рассказы не полны, так как для того не доставало архивного материала; зато я большей частью был свидетелем-очевидцем тех событий, о которых писал. Одним словом, я не могу представить лучшего и более основательного повода к составлению этого труда как именно мое собственное удовольствие»².

² А. Брикнер. Патрик Гордон и его «Дневник», стр. 149—150.

И действительно, во многих отношениях произведение Гордона является *дневником*. Это ежедневные, разрозненные записки отдельных событий. Это обстоятельство наложило сильный отпечаток на характер записок. Это — не только дневник, но и записная книжка и книга приходов и расходов ее владельца. Это определило и самый характер изложения во многих местах. Создается впечатление, что автор — сухой формалист, которого интересует, что называется, год, месяц и число факта или события, но вовсе не их содержание. Вот, скажем, автор записал, что он встречался с людьми; он укажет *с кем и когда*, а вот *о чем* шла речь — ни слова. Читатель далее узнает, что Гордон получил письмо; читатель найдет в тексте указания от *кого* письмо, какого *числа* получено и даже будет знать, что Гордон на это письмо «ответил в тот же вечер», но о чем шла речь в этой переписке, для него так и останется тайной. Одним из бесчисленных примеров может служить такая лаконичная запись в «Дневнике»: «12-го Гордона посетил фельдмаршал Вюрц и целые 2 часа проговорил с ним о старых и новых событиях»³. Вот все, что сообщает автор.

Где причина этого беспощадного канцелярского формализма? Дело тут, видимо, не обошлось без того, что Гордон как профессионал-военный хорошо усвоил язык рапорта. Но главное было в другом. Сам-то Гордон знал, о чем он говорил с фельдмаршалом Вюрцем, и не считал нужным давать пояснения самому себе. Обязательный рассказ о событии имел бы смысл, если бы автор писал это для других, но такая цель, по крайней мере в подобных случаях, отсутствовала. Остается пожалеть, сколько таких «нераскрытых формул» унес с собой в могилу Гордон. Не исключено, что среди этих наблюдений очевидца погибли и очень важные для истории сведения.

Но при всех столь огромных потерях «Дневник» Патрика Гордона остается ценным историческим источником и свидетельством состояния исторической мысли в России. Делая заметки *для себя*, превращая порой свой дневник в записную книжку или приходо-расходную запись, Гордон во многих случаях должен был говорить и о событиях, пусть даже коротко и сухо. Перед другими авторами-иностранцами у Гордона было неоспоримое преимущество. Если другие авторы с Запада знакомились с Россией считанные годы, а то и месяцы, то Гордон прожил в России 38 лет. Если другие иностранцы были посторонними наблюдателями, то Гордон был не только непосредственным участником событий, но и крупным военачальником. По знакомству с русскими событиями рядом с Гордоном из иностранцев можно поставить разве только Франца Лефорта, его друга.

³ «Дневник генерала Патрика Гордона», ч. 2. М., 1892, стр. 91. Речь идет о встрече с немецким фельдмаршалом Вюрцем 12 марта 1667 г. во время поездки Гордона в Англию.

Кроме того, по своему характеру произведение Гордона не всегда является дневником. Разрозненные записи на самые разные темы порой сменяются длинными тематическими вставками вроде: «События у казаков на Украине с 1660 до 1663 г.», «Осада крепости Чигирина турками» и др. Иногда записи вносились в дневник задним числом, иногда обобщались события многих дней. Такие «вставные номера» дают более многостороннее освещение событий и оживляют отрывочное, лаконичное изложение Гордона.

Даже за вычетом потерь, о которых уже шла речь, даже за вычетом утерянных частей Дневника, о чем речь еще впереди, из записок Гордона встает достаточно четкая картина того, что ему довелось наблюдать. Потери не перечеркивают ценности гордоновского произведения.

После смерти автора «Дневник» остался в рукописи. Первыми, кто заинтересовался «Дневником», были иностранцы на русской службе. Уже в 1724 г. Остерман заказал перевод рукописи («Дневник» писался по-английски) на русский язык, но дело не пошло, были переведены лишь страницы, относящиеся к 1684—1685 гг. Несколько позже (1737 г.) встречается новый след гордоновского «Дневника»; во II томе сборника «Sammlung russischer Geschichte», издаваемом Миллером (СПб., 1737), вышла статья Байера «История Азова». Рассказывая о голицынских походах в Крым 1687 и 1689 гг. и об азовских походах Петра I, Байер опубликовал страницы «Дневника», относящиеся к этим событиям.

Во второй половине XVIII в. рукопись оказалась разрозненной; отдельные ее части находились как в частных руках, так и в Архиве Министерства иностранных дел. Известную роль в судьбе «Дневника» сыграл академик Миллер, опубликовавший статью о Гордоне и статью о возникновении Преображенского и Семеновского полков в «S.-Petersburger Journal» (1778, апрель). В работе над обеими статьями Миллер пользовался «Дневником».

В конце XVIII в. имя Гордона начинает мелькать довольно часто в русской печати. В «Собрании сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы» (ч. V. СПб., 1790), появились статьи «Описание жизни бывшего российского генерала Гордона» и «Известия об осаде Азова в 1695 г.», где очень широко использован «Дневник». «Новые Ежемесячные сочинения» (1788—1789) опубликовали большие выдержки о Чигиринских походах. «Российский Магазин» Ф. В. Туманского (1793, июнь и декабрь) опубликовал фрагмент «Дневника», относящийся к 1684—1685 гг. И. И. Голиков в известном «Историческом изображении жизни и всех дел...» (М., 1800) дал биографии Лефорта и Гордона.

В XIX в. о Гордоне в русской исторической литературе стали забывать. Даже в знаменитом «Ubersicht der Reisenden in Rus-

sland» (СПб., 1864) Ф. П. Аделунга о нем дана весьма краткая справка. Гордоном заинтересовался М. Ф. Поссельт (1805—1875) — преподаватель философии в Дерпте, затем работавший в Публичной библиотеке в Петербурге. Вместе с управляющим Главным Архивом Министерства иностранных дел М. А. Оболенским он предпринял трехтомный немецкий перевод «Дневника» «Tagebuch des Generals Patrick Gordon» (М., 1849—1852). Перевод был сделан петербургским академиком И. Штриттером. С. М. Соловьев в «Истории России» (т. XIV), Е. Е. Замысловский в «Царствовании Федора Алексеевича» (СПб., 1871) говорят о Гордоне похода. Гораздо больше внимания Гордону уделяет Н. Г. Устрялов в I томе «Истории царствования Петра Великого» (СПб., 1858).

Был осуществлен перевод на русский язык большого раздела «Дневника» (1661—1684 гг.) из той части, которая относится к России, хотя перевод был сделан не с английского оригинала, а с немецкого перевода (М., 1892). Несколько раньше появилось первое специальное исследование на русском языке А. Брикнера «Патрик Гордон и его дневник» (СПб., 1878) — книга с известным «западническим» налетом, но она поддела итоги всей предшествующей работе в русской историографии над «Дневником» Гордона.

В советское время историки интересовались Гордоном лишь в связи с общими проблемами петровского времени. Наиболее крупное явление в этом плане — четырехтомная работа М. М. Богословского («Петр I. Материалы для биографии». М., 1940—1948).

За рубежом интерес к Дневнику Гордона также не иссяк. Как на пример того можно сослаться на английские издания («Passages from the Diary of General Patrick Gordon of Auchlenchries in the Years 1635—1699». London, 1968; S. Konovalov. Sixteen Furtherletters of General Patric Gordon.— «Oxford Slavonic papers», vol. 13. Oxford, 1967, p. 72—95 и др.).

Дневник Гордона дошел до нас не целиком: сам Гордон по временам переставал вести дневник; некоторые части были утеряны. Наиболее большие пропуски: с 25 мая 1667 г. по 8 января 1677 г., когда Гордон был на Украине, и с 16 августа 1678 по 10 января 1684, когда автор был в самом Киеве. Встречаются пробелы по более коротким периодам; из них особенно важен период с 24 сентября по 23 ноября 1689 г., где речь, видимо, шла об отношении Гордона к Петру I после петровского переворота.

В целом Гордон ведет изложение «прагматически», перед читателем проходят события с их причинами и следствиями; как правило, он обходится без вмешательства потусторонних сил. Но над его пониманием исторического процесса все еще тяготеек представления, которые в эпоху Петра I уже не являлись пере-

довыми. Так, его интересует появление кометы, для него очень важно, как она расположилась — вверх или вниз хвостом; это напоминает манеру летописцев.

По своему философскому отношению к действительности он не поднимается выше той массы людей, которыми он командовал. Так, во время Чигиринских боев он записывает следующий факт (В «Дневнике» о себе он говорит в третьем лице): «К утру Гордону приснилось, что в воскресенье турки возьмут его в плен; те, которым он рассказал свой сон, объясняли его так, что в этот день гарнизон получит помощь»⁴.

Это же можно встретить и при объяснении более значительных событий. В одном из сражений за Чигирин турки стали одолевать русский гарнизон. Казалось, что турки были близки к победе: «Но провидение помогло там, где нельзя было ожидать человеческой помощи». Турки подожгли город, но разбушевавшийся огонь не позволил им войти в город: «Вот каким путем провидение спасло русских»⁵. Наконец, подобный прием Гордон применяет и при больших обобщениях. Вот он решает вопрос о том, почему Польское королевство стало разваливаться. Мы уже видели, например, как решал этот вопрос П. А. Толстой⁶. Причиной развала Польши Толстой считал нескончаемую междуусобицу между группами магнатов.

Гордон не довольствуется таким объяснением. Междуусобица должна иметь свою причину. В чем она? «Несомненно, что в жизни государства, как и в жизни отдельных личностей, бывают решительные моменты». Вследствие «этих несчастных распрей и конфедераций Польша... впала в бедствия, которые, — как говорит Гордон, — если позволено будет заглянуть в тайны всемогущего, следует приписать, прежде всего, неблагодарности поляков к великой и особенной милости божией, даровавшей им огромные победы и преимущества перед их врагами, а затем их крайней гордости и другим порокам»⁷. А все дело, по Гордону, оказывается в том, что поляки глумились над знаменами, отбитыми у противника, а на знаменах были изображения Христа и девы Марии. Здесь-то и таится наиболее глубокая причина развала Польши, по убеждению автора. Этот несколько неожиданный провиденциализм был связан с религиозными воззрениями Гордона — правоверного католика.

Что знает Гордон о Западной Европе, находясь в России? Он вел обширную переписку с людьми, разбросанными по всей Западной Европе и поэтому был информированным человеком в

⁴ «Дневник генерала Патрика Гордона», стр. 160.

⁵ Там же, стр. 180.

⁶ См. стр. 203 данной книги.

⁷ «Дневник генерала Патрика Гордона», стр. 15.

западных делах. Но Запад для Гордона это, прежде всего, Англия и Шотландия, события в которых заставили его скитаться по чужим краям. Он имел основание быть довольным положением дел в Англии. Гордон прибыл в Россию спустя год после реставрации Стюартов в Англии. Можно было ожидать, что в отношениях между Англией и Россией наступит улучшение — правительство Алексея Михайловича поддерживало Карла II, когда тот был в изгнании. Но и после реставрации Стюартов эти отношения продолжали пребывать «на холостом ходу». Карл II по отношению к России проводил традиционную английскую политику — требовал восстановления привилегий английским купцам, отмененных после казни Карла I, ничего не давая взамен. В 1662 г. он отказал русским послам в займе.

Русская сторона платила тем же. Гордон был послан царем Алексеем Михайловичем в Англию (1666—1667 гг.), чтобы убедительно объяснить «любительному брату» Карлу II, что торговые льготы английским купцам в России будут возвращены лишь в том случае, если богу угодно будет создать для этого благоприятные возможности. А такие возможности настанут лишь тогда, если будут устранены два препятствия. Во-первых, «как у нас, великого государя ...с польским королем и с крымским ханом война успокоитца». А во-вторых, когда в Англии прекратится чума. А посему «подданным вашим в нынешнее лето у Архангельского города на ярманке для опасения морового поветрея не быти»⁸.

Русских послов плохо принимали в Англии, английских — в России. По словам нашего автора, Москва решила послать «иностранца, а именно Гордона, так как у него, как у английского подданного, могли быть друзья при английском дворе. Уклонения Гордона не помогли, так как все было уже заранее решено царем и его советниками»⁹.

Поездка Гордона в Англию в значительной мере типична для поездок иностранцев за рубеж с дипломатическими поручениями русского правительства. Его снабдили «наказной памятью», проезжей грамотой, всякими другими грамотами и листами, снабдили деньгами на «корм» и самим «кормом». Сколько давать? В Посольском приказе глянули в прошлогоднюю ведомость. Тогда в ту же Англию ехал князь Петр Прозоровский «с товарищи». Ему выписали «100 рублей серебряных подмоги, да кормовых месячных 100 рублей серебряных да 455 рублей медных... да ему ж с Дворца запасов: по 3 ведра мёду смородинного, ведро мёду малинового, 2 ведра мёду вешнего, пол-3 ведра мёду боярского, абартного тож, 7 пуд мёду сырцу, 10 ведр вина дворянского»¹⁰.

Но то было княжеское содержание. Дьяки решили, что «рей-

⁸ «Дневник генерала Патрика Гордона», стр. 201—202.

⁹ Там же, стр. 65.

¹⁰ Там же, стр. 213—214.

тарскому полковнику Петрасиусу Гордону»¹¹ будет вполне достаточно, если ему дать «за корм медные денги сто рублёв, и тот ему корм на 4 месяца июля с 1-го числа, а всего 300 руб.; а дворцовых запасов для скорые посылки дать мёд сырец и вино, с денги из Большого Приходу»¹².

И содержание сего царского посла было не очень щедрое и пробыл в Англии Гордон больше положенного; словом, и денег и «корму» Гордону не хватило. По приезде в Москву он подал челобитную с просьбой погасить его убытки. Челобитную писал не сам Гордон, а какой-нибудь дьяк или подьячий Посольского приказа за соответствующую мзду. Суть дела в этой слезнице была изложена в следующих словах: «А твоего великого государя жалованья... мне, холопу твоему, не дано, хотя мне проезд был чрез многие розные государства и земли страшно и убыточно, всё на своих проторех и в Агленской земли тое время за отпуском жил, и всё на своих же проторех... Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея великия, и малыя, и белыя России самодержец! Пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне свое, великого государя жалованье за убытки и за протори... выдать; а что мне, холопу твоему, учинилось убытка и проторей... Царь, государь, смилуйся, пожалуй!»¹³ Ему заплатили только половину «проторей и убытков» и не деньгами, а «собольми с великим накладом».

Через 15 лет последовала новая челобитная. К тому времени царь Алексей Михайлович успел умереть, а полковник Гордон стал генерал-майором. В челобитной прозвучал новый мотив: «И в Англинской земли... я, холоп твой от проезду и тамочного житья многими долгами одолжал, а заплатить мне... нечем... А которые, государь деньги я... в Аглинской земли и по дороге занимал и те, государь, деньги и по се число не заплачены, а заплатить нечем.. Пожалуй меня, холопа своего, за многие мои службишки, вели, государь, мне выдать мои протори и убытки другую половину против моей братии, чтобы мне... против их оскорбления не быть и чем бы те долги оплатить, з женишкою и с детишками в конец не погинь»¹⁴.

В «Дневнике» автор не дает объяснений — почему последовала такая задержка? Возможно, что такое объяснение было в утерянной части дневника; в Москву Гордон вернулся 6 июня 1667 г.; до 25 июня идут записи, когда он еще не был принят царем, а записи от 25 июня 1667 г. до 8 сентября 1677 г. были утеряны. Возможно также, что царь остался недоволен поездкой Гордона, о чем уже были предположения в литературе¹⁵.

¹¹ В русских документах Патрик Гордон именуется то Петрасиус, то Патрикей, то Петр Иванович, то просто Петрушка, когда речь идет о документах, адресованных царю.

¹² «Дневник генерала Патрика Гордова», стр. 214.

¹³ Там же, стр. 214—215.

¹⁴ Там же, стр. 222—223.

¹⁵ А. Брикнер. Патрик Гордон и его «Дневник», стр. 28—29.

Что же рассказал Гордон о своей поездке в Англию? Как полагалось, он представил в Посольский приказ Статейный список по этому предмету, но этот ведомственный отчет ничего нового по сравнению с «Дневником» не сообщает, поэтому «Дневник» и в данном случае является основным источником. Обращает на себя внимание, что морские путешествия во второй половине XVII в. были сопряжены с большим риском, поскольку Англия воевала с Нидерландами и Францией. Прежде чем переплыть Ламанш, Гордон вынужден был долго сидеть на берегу европейского континента, в поисках надежной переправы, опасаясь, «чтобы с ним не случилось того же, что и с бранденбургским посланником, недавно захваченным крейсером».

Наконец удалось нанять яхту, капитан которой обязался не разбойничать в море и отправиться в Дувр. Правда, путешествие не обошлось без приключений. Когда яхта проходила мимо одного корабля, экипаж яхты, состоявший из 30 человек, взял в руки ружья и зарядил пушки. Гордон увещевал капитана не совершать насилия на нейтральном месте, но пьяные матросы и пьяный капитан ничего не хотели слушать. Боя все-таки удалось избежать. Дело свелось к пустяку. Яхте вслед кричали: «Плывите, плывите, на море все равно ждут французы». Гордон благополучно прибыл в Дувр.

О своем пребывании в Лондоне Гордон рассказал в «Дневнике» весьма подробно — все расписано по дням. Положение русского посла в Лондоне было сложным. Дело в том, что с голландцами, с которыми англичане воевали, русские торговали и не хотели портить отношений. «Следуя своей инструкции, Гордон не сообщал о своем приезде послам других государств и не делал им визитов; ему было велено не обращать на себя внимания, так как с русской стороны не желали оскорблять голландцев...»¹⁶

Карл II проявил к русскому послу обычную учтивость, но из своих целей секрета не делал. Во-первых, через Гордона передал просьбу русскому и польскому монархам, чтобы те отпустили со службы английских роялистов. Самого Гордона он с полным основанием рассматривал как одного из тех, кто должен был служить Англии, «если бы не произошло последнее возмущение наших подданных. Когда мы увидели себя вынужденными удалиться из наследственного нашего государства, то наши слуги должны были поступить на службу к другим государям». Все они находятся ныне в «печальном положении» и должны вернуться на королевскую службу в Англию. Другими словами, вернувшись к власти, Стюарты стягивали в Англию своих приверженцев.

Во-вторых, приезд Гордона был использован для нового нажима на Россию. Грамоту Карла II царю Алексею Михайловичу Гордон приводит целиком, хотя за буквальную передачу и не ручается. Карл II повторил традиционное требование восстано-

¹⁶ А. Брикнер. Патрик Гордон и его «Дневник», стр. 78.

вить льготы английским купцам в России, стал уверять, что никакой чумы в Англии нет. Английский король благодарил русскую сторону за решение не продавать Нидерландам корабельный лес и смолу, но, кажется, не очень этому поверил, потому что снова потребовал продажи кораблестроительных материалов англичанам и просил не продавать их голландцам.

Проводил Лондон русского посла не очень учтиво. В грамоте Карла II царю Алексею Михайловичу Гордон обнаружил обычную «несправчатость». Вместо *Serenissimo* (светлейшему) стояло *Shu strissimo* (знаменитейшему), что считалось недостаточным для чести русского царя; Гордону пришлось хлопотать, чтобы в грамоту вставили нужное слово. Гордону обещали королевский корабль, но распоряжение короля осталось невыполненным. Гордон написал гневное письмо по принадлежности, где напомнил, что распоряжения русского царя выполняются, что в России всякое дипломатическое лицо иностранного государства «всегда сопровождаетя от границ и до них и снабжается всеми удобствами, которые может только доставить страна»¹⁷. Русский же посол должен выезжать из Англии как частное лицо. Гордон не без основания пишет, что ему угрожает «опасность быть ограбленным и лишиться письма его величества и бумаг, касающихся блага английской нации». Провожали Гордона сэр Джон Хебдон, связанный с Россией и постоянно помогавший ему в Лондоне, провожали и английские купцы, торговавшие с Россией. «Они весело поужинали все вместе». Это были представители кругов, заинтересованных в развитии связей с Россией.

Однако не столько сама Англия, сколько Шотландия — его родина — тянула Гордона на Британские острова. В Шотландию Гордон ездил дважды — в 1669—1670 гг. и в 1686 г. О первой поездке сохранилось лишь упоминание, зато о поездке 1686 г. остались очень подробные, изо дня в день записи в «Дневнике». Шотландские путешествия, естественно, во многом носили частный характер. Так было и на этот раз. Гордон посетил сына Джемса, учившегося в иезуитской коллегии близ Кенигсберга, а в самой Шотландии приводил в порядок дела своего имения, встречался со знакомыми, с которыми вел переписку. Но Гордон был не из тех, кто мог довольствоваться частными делами. Его всю жизнь волновало состояние политических дел в Британии и прежде всего положение дела Стюартов.

В отсутствие Гордона ситуация в Англии не раз менялась, а непрерывными участниками событий оказывались Стюарты, свергнутые Английской революцией. В 1660 г. произошла реставрация Стюартов. Гордон был современником Карла II и Якова II. «Славная революция» 1688 г. свергла Якова II, но и с приходом к власти Вильгельма III Оранского «присутствие» Стюартов на английском престоле не прекратилось. Только со смертью Анны —

¹⁷ Там же, стр. 88.

дочери Якова II (1714 г.) на английском престоле утверждается Ганноверская династия. Иначе говоря, у Гордона до самой его смерти (1699 г.) не исчезала надежда на утверждение шотландской династии Стюартов на английском престоле.

Гордон чем мог помогал делу роялистов и католиков в Англии. Когда он служил у шведов и паходился со своей частью в Польше, люди, подобные ему, готовили убийство проезжавшего через Польшу в Россию кромвельского дипломата Ричарда Брэдшоу (он был родственником Джона Брэдшоу — председателя трибунала, приговорившего Карла I к казни). Покушение не состоялось. О своем участии автор не говорит, но оно не исключено.

Реставрацию Стюартов Гордон считал окончательным возвращением этой династии к власти. День рождения короля Гордон праздновал каждый год вместе с другими своими единомышленниками в России. С таким же почтением он встретил восшествие на престол Якова II, с тревогой следил за восстанием против Якова II незаконного сына Карла II Монмута и графа Аргайля. Когда Гордон отправился в Шотландию (1686 г.), он три недели провел в Лондоне. Главная цель посещения Лондона — встреча с Яковом II.

С королем он встречался неоднократно, бывал с ним и на богослужении и на представлении «Гамлета». Беседы, которые он вел с королем, как нельзя лучше характеризуют положение самого Гордона. Яков II рассматривал нашего автора как специалиста по русским делам; он расспрашивал его о государственном устройстве России, о тогдашних царях Иване и Петре, о русской армии, речь не могла не идти о внешней политике и т. д. Успев пробыть уже четверть века в России, Гордон, несомненно, знал страну в достаточной мере. Больше того, он был ее представителем. На этот раз, по поручению В. В. Голицына, занимал нужных России специалистов. В самой России он постоянно информировал Голицына об английских и шотландских делах. В то же время на Британском острове он — свой человек; его приветствует шотландское дворянство, Яков II настаивает на том, чтобы Гордон возвращался в Англию — «Я напишу о вас царю письмо», — говорит он ему на прощанье.

Живя затем в России, Гордон, как только мог, отстаивал честь Якова II; даже в одиночестве он праздновал день рождения короля, защищал его в беседах с В. В. Голицыным, крайне болезненно пережил неудачи Якова II, говорившие о шатком положении его на престоле. Волнения эти тем более понятны, что сам Гордон из бесед с королем вынес впечатление, что тот был чрезвычайно слабой фигурой, а окружение короля не внушало Гордону доверия. «Славная революция» 1688 г. была крайне «прискорбным» известием для Гордона. Фактически она навсегда лишила Стюартов власти в Англии.

Но Гордон оставался верен самому себе. Он продолжал праздновать день рождения Якова II, при всяком удобном случае пил

за его здоровье; только его именовал королем. Он был убежден, что Вильгельм III Оранский долго не сможет держать Англию в «постыдном рабстве», он ждал его скорого свержения; следил за английской публицистикой, выяснял численность сторонников свергнутой династии. Рассчитывая, что Яков II вернется на английский престол при помощи Людовика XIV, писал Якову II, чтобы тот обращался за помощью к России, готов был сам по зову свергнутого короля отправиться в любой пункт для службы Сьюартам. Закончил он свою жизнь фанатическим якобитом, которых было тогда много по другим странам Европы.

Но главное свое внимание в «Дневнике» автор отдал все же России. Сгруппировать разбросанные замечания Гордона по отдельным темам не так просто, но это стоит сделать хотя бы по наиболее важным сюжетам. К таким относятся вопросы, связанные с русской армией, в которой служил наш автор; его сведения о гражданском служилом сословии в России; о его участии в подавлении «Медного бунта»; и о самом Петре I, к которому в последние годы своей жизни Гордон стоял довольно близко.

Что касается сообщений Гордона об армии, то они дают много деталей о военных действиях в Прибалтике, где шла война между Швецией, Польшей и Россией, и о сражениях с турками за Чигирин. Но, пожалуй, еще большее значение имеют его записи о внутреннем положении в армии. Записи эти дают отчетливое представление о том, как сказывалось тяжелое положение крестьянства на армии. Завершение крепостничества в тот период, как известно, ознаменовалось разинским восстанием. Записи Гордона, относящиеся к 60-м годам XVII в., свидетельствуют о массовом дезертирстве солдат накануне восстания. Характерным примером могут служить записи Гордона со 2 по 7 мая 1664 г. Это — время, когда его полк «иноземного строя» выступал из Москвы на фронт в сторону Смоленска. 2 мая «полк в совершенном порядке прошел в Покровском через царский двор, причем царь со всем придворным штатом смотрел из окна. В этот день полк состоял всего из 780 человек, так как многие, получив приказ выступать, бежали»¹⁸ 5 мая. «Производя смотр, Гордон не досчитал от 60 до 80 солдат, которые бежали. Он велел собрать с их квартир их оружие в одно место и приказал... передать его с другими оставшимися вещами в Приказ»¹⁹ 7 мая. Так как «ночью бежало несколько солдат, то большая часть офицеров должна была идти в арьергарде и по сторонам полка; но несмотря на это и в этот день многие бежали»²⁰.

¹⁸ «Дневник генерала Патрика Гордона», стр. 46—47.

¹⁹ Там же, стр. 47.

²⁰ Там же.

На фронте «русские дезертировали целыми сотнями». Их ловили и снова возвращали в части. У Гордона встречается такая запись: «Гордон получил приказ принять... 700 человек и поместить их в свой полк. Это были дезертиры из разных полков, пойманые в различных местностях. Приняв их, Гордон... разместил их по квартирам; в хорошую погоду учение их происходило по два раза в день»²¹.

Кроме того, Гордон хорошо знал отношения в армии. Между стрельцами и солдатами полков «иноземного строя» случались грандиозные побоища из-за того, что стрельцам обычно приходилось нести полицейскую службу. Автор подробно описал один из случаев. Солдаты распивали водку, дьяк со стрельцами пытался остановить пьянство — отобрал у них водку и арестовал несколько солдат. Но солдат собралось так много, что они «отняли у стрельцов не только товарищей, но и водку, и гнали стрельцов до городских ворот. Здесь стрельцы получили подкрепление, и солдаты должны были отступить. Между тем обе стороны усилились. Стрельцов было около 700, а солдат около 800 человек. Так как улицы были узки, а солдаты полны решимости и отчаяния, то они и выгнали стрельцов за ворота Белой стены... Как раз в это время из Кремля шло с гауптвахты 600 стрельцов; они отрезали путь тем солдатам, которые оказались уже внутри стены, и 22 из них взяли в плен; последние были на другой день по произведении дознания биты кнутом и сосланы в Сибирь»²².

Происходили столкновения между русскими и иностранными офицерами. Такое столкновение, например, было между русским капитаном и самим Гордоном: «Капитан начал было шуметь, но Гордон схватил его за голову, повалил на пол и так отколотил его короткой дубовой палкой, что тот едва мог встать; в то же время Гордон обещал ему еще в 10 раз больше... и выбросил его затем за дверь»²³.

Случалось, что русские солдаты старались обмануть офицеров-иностранцев, пользуясь их плохим знанием русского языка. К Гордону явился русский лейтенант с рапортом от трех солдат — в драке со стрельцами они якобы были сильно избиты и просили разрешения не являться в строй по болезни. Гордон дал на это санкцию. Но потом выяснилось, что лейтенант «или неверно прочел прошение или незаметно подsunул другое для подписи, так как прошение, подписанное Гордоном, заключало в себе просьбу этих трех солдат отпустить их на родину на 6 недель»²⁴.

Не новостью были ссоры между самими офицерами-иностранцами. Гордон заподозрил полковника Трауернихта в нечестном поведении по отношению к нему. Другой офицер пытался поми-

²¹ «Дневник генерала Патрика Гордона», стр. 9.

²² Там же, стр. 11.

²³ Там же, стр. 11—12.

²⁴ Там же, стр. 12—13.

рить Гордона и Трауернихта. «Сильно раздраженный, Гордон отвечал, что скорее купит за 3 пфенига веревку, чтобы повесить Трауернихта и всех, кто стоит на его стороне...»²⁵. Посредником в примирении враждующих офицеров случалось быть и самому Гордону. Иногда это удавалось. Автор сообщает, в частности, об одном таком случае, когда дело кончилось письменным соглашением; «в противном же случае обязывались заплатить штраф в 200 рублей в пользу церкви». Разумеется, не все решалось ссорами и рукоприкладством, но такой способ решения возникавших недоразумений был в обиходе.

Гордон был невысокого мнения о многих иностранных офицерах: «Значительная часть их были дурные, низкие люди. Многие из них, никогда не служив офицерами, в России поступали на службу в офицерских чинах»²⁶. Таких увольняли с русской службы. Когда Гордон выезжал из Москвы, направляясь в Англию, он увидел в Черкизове, видимо, обычное зрелище: «Здесь на поле стояло около ста уволенных офицеров, из которых некоторые намеревались ехать вместе с Гордоном; но последний, будучи извещен об их злом умысле, сказал, что это ему неудобно и поспешил удалиться от них»²⁷. Когда он проехал Клин, узнал, что уволенные расположились на ночлег совсем рядом, за рекой. «Не желая иметь их своими спутниками, он выехал очень рано, переехал реку и незаметно проехал мимо них прежде, чем кто-либо из них успел пошевелиться...»²⁸

О значении служилого чиновничьего сословия в России во второй половине XVII в. Гордон говорит неоднократно. Обычно это упоминание об отдельных случаях могущества дьяков и подьячих, но есть показания, выходящие за рамки отдельных случаев. Когда Гордон впервые приехал в Россию, ему полагалось вознаграждение. Дьяк, желая получить от Гордона взятку, стал оттягивать срок выдачи этого вознаграждения. Неопытный Гордон пожаловался боярину. Тот вторично приказал дьяку выдать полагаемое. «Но все это только еще более рассердило дьяка... Гордон еще два раза ходил жаловаться боярину, дерзко сказав последний раз, что он уж и не знает, у кого власть сильнее — у боярина или у дьяка, так как последний не исполняет приказаний первого»²⁹. Правда, на этот раз рассвирепевший боярин стал таскать дьяка за бороду, но толку все равно не прибавилось. «Едва боярин уехал, дьяк пришел к Гордону и начал бранить его».

Гордон очень скоро обрел опыт в этих делах. Уже на другой год он «устроил празднество для дьяков Иноземного приказа и соответственно их чину всех их одарил соболями; одни из них получили по паре соболей, другие только по одному. Этим он

²⁵ Там же, стр. 97.

²⁶ Там же, стр. 28.

²⁷ Там же, стр. 67.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 8.

приобрел себе у них общее расположение и уважение; с этих пор они всегда с готовностью исполняли все, что Гордону пужно было в приказе»³⁰.

О Московском восстании посадских людей в 1662 г. («Медный бунт») Гордон составил совершенно отчетливое представление. «Причинами постоянного падения ценности медной монеты были тайный ввоз морем большого количества меди и чеканка медной монеты частными лицами в Москве и других городах. Хотя фальшивых монетчиков часто хватали и наказывали... но все это мало помогало; были открыты даже некоторые вельможи, участвовавшие в изготовлении фальшивой монеты»³¹. Это било не только по населению, но и по наемникам. Офицеры «не имели возможности жить на одно жалованье... Позже офицерское жалованье было, наконец, увеличено на его четвертую часть, но и это не много помогло».

Рассказ Гордона об общем ходе восстания не прибавляет ничего нового к данным, известным по другим источникам. Заслуживают внимания его собственные наблюдения. Когда восстание началось, Гордон обучал своих солдат у Новоспасского монастыря. Подъехавший к нему полковник Кравфуирд сообщил о событиях в городе. Узнав, что царь находится в Коломенском, Гордон советовал идти полком на защиту царя, по Кравфуирд не послушал этого совета, привел полк к Таганским воротам, и в ожидании приказа стал выяснять обстановку, посылая для этого в город офицеров.

Гордон взвешивал про себя, как поведет себя полк, если ему придется вступать в дело? Выводы оказались неутешительными — большинство полка составляли солдаты, «на которых нельзя было вполне положиться. Впрочем, все они, за немногими исключениями, остались по своим ротам; офицеры тщательно следили за ними; Гордон велел раздать пороху и свинцу на 3 выстрела каждому, так как больше у него не было»³².

За указаниями в Коломенское был послан сам Гордон. Но «мятежники так тщательно преградили всякий доступ ко дворцу, что Гордон не мог туда пройти и с трудом избежал их рук». На обратном пути он встретил на лугу полковника Аггея Шепелева с его полком. Полк был «очень немногочисленным, так как многие из солдат присоединились к мятежникам... Несколько далее Гордон встретил Артамона Сергеевича Матвеева, а еще далее Семена Федоровича Полтева, обоих с довольно слабыми полками. Оба сказали, что им приказано идти в Коломенское»³³. Судя по всему, состав полков уменьшился из-за того, что часть солдат ушла к восставшим.

³⁰ «Дневник генерала Патрика Гордона», стр. 19.

³¹ Там же, стр. 20.

³² Там же, стр. 24.

³³ Там же.

Русские полки не внушали доверия. Юрий Иванович Ромодановский — доверенный и любимец царя — был послан в Немецкую слободу, чтобы поднять по тревоге иностранцев на выручку царя. Жителям Немецкой слободы раздали оружие. «Затем иностранцы частью верхом, частью пешком отправились все вместе в Коломенское»³⁴. Но подавили восстание все же войска. Офицерский состав получил награды. Картина подавления восстания дана Гордоном в самой общей форме. У Котошихина она нарисована более ярко, а главное, с полным сочувствием к народу³⁵. Но из рассказа Гордона явствует, что в крутой момент царь пытается опереться на иностранные силы против собственного народа.

Центральное место в записях Гордона последнего десятилетия его жизни занимает Петр I. Гордону хорошо был известен антагонизм между Милославскими и Нарышкиными и их сторонниками. Назревал конфликт. Вопрос о наградах участников второго Крымского похода В. В. Голицына занимает в этом конфликте не последнее место. Петр решительно возражал против наград за неудачный поход; это был всего лишь предлог для борьбы с Милославскими. В 1689 г. в день Петра и Павла уже не отмечались именины Петра, что свидетельствовало об остроте назревшего столкновения.

Во время переворота 1689 г. Гордон долго колебался, боясь прогадать. Его позиция имела свое значение для всех иностранцев в Москве, поскольку Гордон был очень влиятельным лицом в Немецкой слободе. Наконец, он, а вслед за ним и Немецкая слобода отправилась «в Троицу» к Петру. Сам Гордон придает переходу иностранцев решающее значение в победе Петра над Софьей. Но следует учесть, что переход этот произошел, когда другого выхода для иностранцев не оставалось — в Троице уже были патриарх, высший командный состав армии, многие вельможи, а стрельцы разыскивали в Москве «злодеев государевых». Оставаться на стороне Милославских означало явно прогадать.

С этого момента и до самой смерти у Гордона начинается наиболее счастливый период его жизни. Гордон был первый из иностранцев, с которыми у Петра установилась прочная дружба (Вторым был Франц Лефорт). Это была «деловая», «государственная» дружба между 17-летним Петром и 54-летним ветераном. Гордон оказался очень нужным человеком в преобразовательной деятельности царя — он играл роль консультанта по военным и инженерным делам, был участником совещаний у Петра по многим вопросам, они вместе решали задачи по оснащению русской армии повой техникой, вместе испытывали военную технику, проводили военные маневры. Кроме того, Гордон благодаря своей обширной переписке был весьма информированный человек в делах Западной Европы. Дружбу эту не смогла оборвать враж-

³⁴ Там же.

³⁵ См.: М. А. Аллатов. Русская историческая мысль и Западная Европа. М., 1973, стр. 329.

дебность к Гордону ни патриарха Иоакима, ни матери Петра Наталии Кирилловны.

На любимца царя посыпались милости. Он получил чин контр-адмирала, несмотря на то, что на море он всегда страдал морской болезнью, а когда однажды выступил в море, то чуть не разбился вместе с кораблем о прибрежные скалы. Петр одаривал Гордона деревнями с сотнями душ. Гордон и Лефорт даже столкнулись из-за деревень. То и дело Гордону выдавалось жалованье сверх оклада. Петр стал завсегдатаем Немецкой слободы, Гордон запросто бывал у царя. Царь всегда навещал больного Гордона (болезни его обычно приключались после ночных попок у Петра).

Зато и Гордон верно служил Петру I. Он сыграл большую роль в овладении Азовом; Гордону было поручено укрепить Азов, когда Петр отправился в первое заграничное путешествие. Но на этот раз главная помощь Гордона Петру оказалась совсем в другом — в подавлении стрелецкого восстания 1698 г. Дневник Гордона рисует следующую общую картину политического положения в Москве того времени. Слухи о заговорах противников Петра поползли сразу же после петровского переворота 1689 г. Тревожным предзнаменованием перед самым отъездом Петра за границу был заговор Цыклера, Соковнина, Пушкина. Было ясно, что центром оппозиции были Милославские. Но анти-петровцы должны были располагать военной силой.

Такой силой должны были стать стрельцы. Дело в том, что строительство армии нового образца было прямым отрицанием стрелецкого войска — уже устаревшей формы вооруженных сил. Стрельцы оказывались в более худшем положении, чем раньше, среди них зрели антипетровские настроения, а этим пользовались Милославские. Петр старался держать стрельцов подальше от Москвы. После Азовского похода стрелецкие полки «таскались» по другим местам, обычно поближе к западной границе. Стрельцы начинали бежать в Москву. В начале июня 1698 г. в Москве стало известно о выступлении 4 стрелецких полков, стоявших в Торонце. В середине июня против них выступило петровское войско под командованием Шеина и Гордона.

Из иностранных авторов наиболее подробно о подавлении стрелецкого восстания 1698 г. написал Корб³⁶. Он был очевидцем событий в самой Москве, но о разгроме стрельцов под Воскресенским монастырем он, скорее всего, слышал от Гордона — уж очень точно совпадает рассказ Корба с тем, что написал об этом Гордон, руководивший этим разгромом на поле боя. Видимо, это — достоверный рассказ об этом сражении. Правда, тут все приписано Гордону и почти ничего не говорится о генералиссимусе Шеине. Но это тоже может соответствовать действительности, если учесть, что Шеин выехал из Москвы на 3 дня позже Гордона и поэтому он мог попасть только к «шапочному разбору».

³⁶ См. стр. 352—355 данной книги.

Потом прискакал из-за границы Петр, началась расправа над стрельцами, о чем впечатляюще рассказал Иоганн-Георг Корб.

Таковы главные черты того времени, встающие из разрозненных записей Дневника Патрика Гордома.

2.

ИОГАНН-ГЕОРГ КОРБ. «ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ В МОСКОВИЮ» (1700 г.)

Иоганн-Георг Корб — секретарь посольства императора Леопольда I, отправленного в Москву после того, как между Империей, Россией, Польшей и Венецией в 1697 г. был заключен союз для борьбы с Турцией; это была попытка создать общеевропейский фронт против завоевательных планов Турции в Европе. Корб пробыл в России с 3 апреля 1698 г. по 28 июля 1699 г. Его «Дневник» вышел в 1700 или 1701 г. Главная его часть — собственно дневник во время пребывания в России; затем в дневниковой форме, но как отдельная часть дано «Возвращение цесарского посольства из Московии в Вену» и наконец идет свободное от дневникового изложения «Сжатое описание опасного мятежа стрельцов в Московии».

Этот рассказ о расправе над стрелецким восстанием 1698 г. вызвал протест петровского правительства перед венским двором, и книга Корба была запрещена. Но разошедшиеся экземпляры стали известны и на Западе и в России. В первые же годы после смерти Петра в России был составлен памфлет «Разговор между трех приятелей, сошедшихся в одном городе, а именно: Менарда, Таландра и Варемунда»³⁷, являвшийся полемикой против книги Корба. И тем не менее, русские переводы сочинения Корба начались вслед за выходом книги³⁸. Наиболее точный и полный перевод принадлежит А. И. Малеину.

Сам автор ставил себе ограниченные задачи. Он писал свой труд «отчасти для того, чтобы удовлетворить любопытству ученых, отчасти, чтобы дать собирающимся когда-нибудь в Московию понятие об этом народе».

Иоганн-Георг Корб подходит к событиям с рационалистических позиций. Причина и следствие в его изложении выступают совершенно отчетливо, все его повествование не нуждается в каких-либо сверхъестественных объяснениях. Однако на его сочинении лежит своего рода печать уходящего средневекового мышления. В отдельных, редких случаях, но все же встречаются рас-

³⁷ «Русский Вестник», 1841, т. 4, стр. 303—360.

³⁸ Историографический очерк сочинения Корба до начала XX в. см.: «Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) и примечания А. И. Малеина» (далее — «Дневник»). СПб., 1906, стр. III—XII; I. G. Korb. Tagebuch der Reise nach Russland. Graz, 1968.

суждения вроде следующего: речь идет об одном миссионере, который выезжал из Москвы и прощался с царским посланцем Гваринтом, при котором Корб состоял секретарем. Уезжавший был невесел. «Его душевную тоску могло усилить то обстоятельство, что уже тогда, на основании нескольких предзнаменований, он предсказывал близость своей кончины и скорбел о том, что смерть не позволит ему вторично свидеться с г. посланцем и прочими товарищами по путешествию. И он не был суетным предсказателем...»³⁹.

Корб не ставил себе задачи пропикнуть в русскую историю. Его единственная попытка в этом плане была слишком короткой и слишком неудачной⁴⁰. Все его внимание сосредоточено на непосредственных наблюдениях современной ему России. Можно выделить несколько проблем тогдашней русской современности, по которым у Корба можно найти заслуживающий внимания материал.

Корб был в России, когда закончилась война с Турцией и назревала война со Швецией, страна жила под знаком войны. «До сих пор нет никаких помышлений о мире, и все распоряжения направлены к войне, хотя подданные, угнетенные постоянными налогами, в тайном негодовании смотрят на невыгоды войны и стонут ежедневно, вздыхая о спокойствии пламенно желаемого мира»⁴¹. Во всей стране «замечался сильный недостаток в хлебе, и жатва на месте продавалась втрое и вчетверо дороже против обыкновенной цены, а в более отдаленных поселениях по направлению к Азову даже всемеро»⁴². А впереди, как известно, еще была Великая Северная война. Все это показывает, насколько трудна была для русского народа борьба за выход к морю — обстоятельство, о котором не всегда говорят русские источники, и постоянно твердят современники-иностранцы, бывавшие в эти годы в России.

Корб свидетельствует также, что *служилая* знать к концу XVII в. выросла в большую государственную силу, державшую тягаться с родовитым боярством. Автор знает думных дьяков Прокопия Богдановича Возницына, Емельяна Игнатьевича Украинцева, Андрея Андреевича Виниуса, которые играли крупную роль в государственных делах и выполняли важнейшие дипломатические поручения. Между ними, с одной стороны, и боярами, — с другой, шла борьба за влияние в государстве. Автор приводит выразительную сцену, свидетельствующую об этом. В Москве находился иностранный архиепископ; он посетил дом Емельяна Украинцева в качестве гостя, но хозяин принял его чрезвычайно холодно. «Так поступал Украинцев, вероятно, из зависти к сопер-

³⁹ «Дневник», стр. 60.

⁴⁰ Там же, стр. 198.

⁴¹ Там же, стр. 115.

⁴² Там же, стр. 129.

нику своему Голицыну⁴³; дьяку было очень досадно, что господин архиепископ передал раньше всего свой паспорт и грамоту князю Голицыну и миновал пренебрежительно Посольскую канцелярию, в которую, прежде всего, с должным уважением обращаются все, проезжающие владения Московии и прибывающие из чужих краев, в особенности же люди сановные... Князь же Голицын, наместник Казани и Астрахани, не признавал никакой зависимости от Посольской Канцелярии. Таким образом, в данном случае, что впрочем бывает и зачастую, было обижено ни в чем не повинное лицо, явившееся жертвой тщеславия двух соперников»⁴⁴.

Свидетельства Корба показывают далее, что в конце XVII в. западное влияние в значительной мере коснулось русской знати. Это относилось не только к профессиональным дипломатам, но и к более широкому кругу, в том числе к целым фамилиям бояр. Вот Голицыны — их молодежь занимается изучением латинского языка; в имении Голицыных автор видел церковь, которая имеет «вид короны и украшена снаружи многими каменными изваяниями, какие выделывают итальянские художники»⁴⁵. Вот Шереметевы. Они выделялись своей культурой. Борис Петрович Шереметев «много путешествовал, был поэтому образованнее других, одевался по-немецки и носил на груди мальтийский крест»⁴⁶. Он никогда не расставался со знаком мальтийских рыцарей; когда на похоронах Лефорта он был в этом одеянии, это дало повод русским «с насмешкой злоречиво спрашивать друг друга, не посол ли это Мальтийского Ордена?»⁴⁷

С другой стороны, появились обрусевшие иностранцы, принявшие православие и носившие русскую одежду. Некоторые из них занимали высокое положение. Свидетельством тому был тот же «главный начальник царской почты и думный Сибирской Канцелярии Андрей Андреевич Виниус, русский, но немецкого происхождения»⁴⁸. У жителей Немецкой слободы появлялись русские обычаи. Корб заметил, что «у немцев, живущих в Московии, завелся удивительный обычай справлять похороны пиршеством как свадьбу»; речь идет о поминках⁴⁹.

Сочинение Корба характерно еще в одном отношении. Известно, что до Полтавской победы иностранные авторы, как правило, не видели в России ничего путного, обычно выступали в роли ее хулителей. После Полтавы на Западе сначала с трудом поверили русской победе, затем пытались найти ей объяснение, и уж тогда в суждениях западных наблюдателей хватало и восхищения военной мощью России, храбростью ее солдат, и враждебных выпадов против России, с которой теперь приходилось считаться. Корб

⁴³ Там же, стр. 70.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, стр. 71.

⁴⁶ Там же, стр. 136.

⁴⁷ Там же, стр. 137.

⁴⁸ Там же, стр. 146.

⁴⁹ Там же, стр. 68.

принадлежит к «до-полтавским» зарубежным авторам. В его представлении в России все худо, ничто не заслуживает внимания, и даже знаменитое петровское войско вызывает у Корба лишь презрение. «Царь смотрел на воинские упражнения своих полков; как только он убедился, насколько далеки эти полчища от настоящих воинов, он показывал им различные жесты и движения на самом себе, уча наклоением собственного тела, какую телесную выправку должны стараться иметь эти беспорядочные массы»⁵⁰. Вся петровская армия для него это — «сброд людишек из самой презренной деревенщины»⁵¹. Петр I имеет «страшный только по имени флот, сооружение которого стоило больших издержек»⁵².

Предметом уважения для Корба являлся сам Петр I. Когда книга Корба была запрещена в Империи, то возражением против этого обычно служил тезис о том, что автор настроен благожелательно к Петру. Одобрение Корба вызывала, прежде всего, деятельность Петра, направленная на усвоение западного опыта. Уважение к Петру подчас перерастает в прямое любование им не только как государственным деятелем, но и в любых частных случаях. Корб записывает любой факт, характеризующий яркий характер Петра I. «Царь обедал у князя Голицына; вдруг поднялась суматоха, и сообщают, что начался пожар... Взволнованный этим царь немедленно выскочил из-за стола и опрометью побежал туда... При тушении пламени он не только распоряжался, но и действовал собственноручно: можно было видеть как он работал на развалинах рухнувшего дома»⁵³.

Но свою известность сочинение Корба получило, прежде всего, потому, что в нем с непосредственным впечатлением очевидца дано описание последнего стрелецкого восстания 1698 г., нарисована потрясающая картина расправы над побежденными стрельцами. Автор — сторонник абсолютизма, почитатель Петра, не понял ни причин восстания, ни его характера, его заслуга состоит в другом: он записал факты, которые знал (многое из этого он видел сам), а факты эти, независимо от желания Корба, сложились в общую картину, отражающую подлинную действительность.

Прежде всего, встает вопрос: как отразились в сочинении Корба глубинные причины восстания, его социальный характер? Сам автор склонен в стрелецком восстании видеть параллель феодальным неурядицам в Польше и дальше такого повода, как невыплата жалованья, не пошел. Однако факты, которые он приводит, говорят о том, что в этих событиях нашли выражение собственные социальные чаяния угнетенного народа.

За какую-нибудь неделю до начала восстания Корб записал в своем «Дневнике»: «Приговорены к смертной казни шесть московских слуг из одного дома за то, что, умыслив вероломно на жизнь

⁵⁰ «Дневник», стр. 80.

⁵¹ Там же, стр. 209.

⁵² Там же, стр. 216.

⁵³ Там же, стр. 109.

своего господина, они совершили задуманное убийство; им отрубили головы на плахе»⁵⁴. Восстание стрельцов, как известно, началось вне пределов Москвы и в отсутствие Петра, который был в первом заграничном путешествии. Воеводу А. С. Шеина и бояр поторопиться с подавлением восстания заставила весьма важная причина: «... близость опасности и боязнь, что мятежные полки стрельцов проникнут в Москву, не допускали промедления. Не безосновательно было также опасение, что чернь присоединится к мятежникам, посему сочли за более благоразумное идти им навстречу, а не ожидать их губительного нападения»⁵⁵.

Корб рассказывает, что на допросе одного стрельца Петр I спросил, что сделали бы восставшие в случае своей победы? И допрашиваемый не задумываясь ответил: «К чему ты об этом спрашиваешь? Сам можешь гораздо лучше сообразить это. Если бы счастье нас не покинуло, и мы овладели бы Москвою, то, откинув подобные допросы, как излишние, расправились бы с боярами так, что всем было бы любо»⁵⁶. Факты, приводимые Корбом, доказывают, что это восстание не было изолированным явлением и было в тот момент наивысшим выражением социальной борьбы русского крестьянства против феодальных порядков в стране.

Но чаяния народных масс не выступали в чистом виде. Их пытались использовать в своих целях антипетровские силы — бердышами и мушкетерами стрельцов реакционное боярство намеревалось совершить дворцовый переворот и ликвидировать преобразование Петра. Об этом свидетельствуют показания стрельцов воеводе Шеину⁵⁷, об этом свидетельствует и приговор пад стрельцами, приводимый Корбом. Восставшие хотели «стать на поле, называемом Девичьим (перед монастырем) для подачи просьбы царевне Софье Алексеевне и призвать ее, чтобы она по-прежнему стала править, а караульных солдат, которые у одного монастыря стоят, хотели было перебить, перебив же их, идти в Москву и разбросать в Москве во все черного люда предместья списки мятежной своей составленной просьбы и черный народ уверять, якобы великий государь за морем скончал жизнь; с тем же черным народом хотели было устроить бунт, бояр перебить, Немецкую же слободу разорить, иноземцев всех умертвить и великого государя в Москву не допустить»⁵⁸. Таков характер, таковы цели восставших, как это реконструируется по данным Корба.

Почему стрельцы оказались разбитыми? Для Корба существуют только военные причины, но его суждения заслуживают внимания. На первое место он ставит раздоры среди восставших; «это задержало их поход, и мятежные стрельцы только на третий день встретились с верным войском под монастырем, посвя-

⁵⁴ Там же, стр. 59.

⁵⁵ Там же, стр. 178—179.

⁵⁶ Там же, стр. 92.

⁵⁷ Там же, стр. 183.

⁵⁸ Там же, стр. 191.

щенным... Воскресению и называемом другими Иерусалим»⁵⁹. Это дало возможность их противникам выиграть время и помешало стрельцам занять такую крепость, как Воскресенский монастырь. «Если бы мятежники хоть часом ранее завяли монастырь, то под оградой его укреплений они, вероятно, долго понапрасну изнурили бы усилия верного воинства и увенчали бы свой преступный замысел злополучной для верноподданных победой»⁶⁰. Словом, потеря времени привела к тому, что стрелецкие полки остались в открытом поле перед более многочисленным и лучше вооруженным противником.

Далее, стрельцы еще более ухудшили свое положение тем, что вступили в длительные и бесполезные переговоры вместо того, чтобы действовать; «...пожелай они осуществить это, царское войско с трудом помешало бы им, так как оно было утомлено дневным переходом и не успело достаточно набраться крепости»⁶¹. Немаловажной причиной было превосходство царских войск как в числе, так и в вооружении; дело завершилось отсутствием должной дисциплины среди стрельцов. Едва начался бой, как стрельцы начали отступать и стали сдаваться в плен. «Тысячи людей дали связать себя, а если бы они пожелали испробовать свою силу, то вне сомнения оказались бы победителями связавших их»⁶².

Что представляла собой расправа над стрельцами? Корб был свидетелем той потрясающей жестокости, с которой это совершалось. На многих страницах его книги, подчас с большими подробностями, рассказывается, что в течение многих дней шла массовая людская бойня, после чего начались столь же массовые «похороны», наводившие на людей ужас. «Тела лежали во множестве на повозках, в беспорядке и без разбору; многие были полуобнажены; везли их к могильным ямам, как заколотый скот па рынок»⁶³. Но для автора гораздо большее значение имела другая сторона дела. В России, по его убеждению, сложилась такая ситуация, что другого выхода не было. «Дело обстояло так, что о благе всей Московии приходилось заботиться мерами жестокости, а не благочестия. Впрочем, эта суровая расправа неудачно называется тиранией, так как иногда и для строгости существует справедливое основание, в особенности, если болезнь или неизлечимое гниение до такой степени усилилось в членах государственного организма, что для общего оздоровления не остается ничего другого, кроме железа и огня, которыми больные члены отделяются от тела»⁶⁴.

Вместе с тем Корб записал немало фактов мужества русского человека, идущего на смерть. Сколько этого мужества надо было

⁵⁹ «Дневник», стр. 179.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, стр. 182.

⁶³ Там же, стр. 132.

⁶⁴ Там же, стр. 90.

иметь, чтобы на вопрос царя о том, что бы вы делали, если бы победили, ответить — «расправились бы с боярами так, что всем было бы любо» — случай, о котором уже говорилось. Корб рассказывает, как осужденные, выстроенные в огромную очередь, подходили по одному и клали голову на плаху, «не выражая на лице никакой скорби или ужаса перед грозившей им смертью... Одного вплоть до самой плахи провожала жена и дети с громкими, ужасными воплями. Готовясь лечь на плаху, он вместо последнего прощания отдал жене и малым деткам, горько плакавшим, свои рукавицы и платок, который у него оставался»⁶⁵.

После одной такой расправы Петр I обедал у Гордона. «Царь отнюдь не имел веселого настроения, а наоборот, горько жаловался на упорство и упрямство виновных. Он с негодованием рассказывал генералу Гордону и присутствовавшим московским вельможам как одип из осужденных проявил такую закоренелость, что готовясь лечь на плаху, дерзнул обратиться к царю, вероятно, стоявшему очень близко, с такими словами: „Посторонись, государь! Это я должен здесь лечь“». Из 150 казненных в этот раз только трое признали себя виновными и «просили о помиловании присутствовавшего при казни его царское величество... они были поэтому освобождены от смертной казни и получили прощение своей вины»⁶⁶.

Корб отдавал себе отчет в том, какое значение придавал царь подавлению стрелецкого восстания, ибо в деле удержания власти «борьба с согражданами является более важной, чем с врагом»⁶⁷. В расчеты правительства явно входило массовыми казнями запугать народ. «В общественных местах прибиты были объявления, призывавшие простонародье посмотреть в Преображенском какому наказанию подвергнуты будут стрельцы за свою измену»⁶⁸. Но народ не был запуган. «С тех пор как его царское величество уехал в Воронеж, начались тайные собрания неких беспокойных людей, заставляющие лиц благонамеренных опасаться, как бы не возродилась гораздо более упорная и жестокая междоусобная война»⁶⁹. Факты, приводимые Корбом и относящиеся не только к Москве, подтверждают это.

В итоге Корб, независимо от своей позиции ярого служителя и почитателя абсолютной монархии, дал довольно обстоятельное описание стрелецкого восстания 1698 г., поскольку оно было доступно его наблюдению. Факты, им приводимые, рисуют это восстание как чрезвычайно сложное и противоречивое явление. Сочинение Корба — важнейший иностранный источник по истории последнего крупного восстания стрельцов в России.

⁶⁵ Там же, стр. 124.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, стр. 143.

⁶⁸ Там же, стр. 122.

⁶⁹ Там же, стр. 103.

ЮСТ ЮЛЬ. «ДНЕВНИК»
(1712 г.)

Свое место в иностранной литературе о Петре I занял и дневник датского посланника Юста Юля (1664—1715). Вести записи о русских делах наш автор был обязан инструкцией короля; это указывает на повышение интереса западных держав к петровской России. Приходится поэтому учитывать, что каждая строчка Юста Юля пишется во славу «всемиловитвейшего государя и короля» Фредерика IV (1699—1730). Дневник охватывает период с апреля 1709 г. по март 1712 г. Писан он не самим Юлем, а под его диктовку личным секретарем Расмусом Эребо; рукой самого автора внесены лишь поправки и дополнения.

В автобиографии Расмуса Эребо есть также места, относящиеся к его поездкам в Россию. Они опубликованы в приложениях к Запискам Юста Юля «Выдержки из автобиографии Расмуса Эребо, касающиеся трех путешествий его в Россию». Они служат дополнением к Запискам его патрона.

Дневниковый характер положил свою печать на все сочинение Юля. Автор ведет свои записи почти изо дня в день, группируя их по месяцам, это дает конкретное представление о конкретных фактах; это — фактологический рассказ, автор которого не ставил себе задачи давать обобщенное представление о своих сюжетах. Кроме того, у него можно встретить неточности в передаче фактов; так, он передает не всегда верные сведения о происхождении Екатерины I, которые он получил от жителей Нарвы⁷⁰, нельзя согласиться с его лингвистическими рассуждениями о словах: царь, король и император⁷¹, венгерский язык он считает славянским⁷² и т. д. Однако в целом личные наблюдения Юля с их фактической стороны сомнений не вызывают. Заслуживает также внимания обстоятельство не менее важное — несмотря на то, что автор не сводил свои наблюдения в какую-либо концепцию, из его рассказа отчетливо выступают как особенности взглядов западных наблюдателей начала XVIII в., так и черты самой петровской России. Его дневник дает возможность представить себе, насколько в петровские времена стали иными и западные авторы и сама Россия, о которой они писали.

Прежде всего, бросается в глаза, что Юст Юль — правоверный протестант и борец за интересы своей церкви — оказывается

⁷⁰ «Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711 гг.)». Извлек из Копенгагенского Государственного Архива и перевел с датского Ю. Н. Щербачев. М., 1899, стр. 124—125.

⁷¹ Там же, стр. 156—158.

⁷² Там же, стр. 157.

убежденным рационалистом, когда дело идет о православии или католицизме. В этом состояла примета «века Просвещения» даже на ранних его порах. Юль уличил в суеверности даже священника-протестанта. Тот рассказал ему «о многих невероятных и невозможных случаях колдовства и наваждений». Юль не только не поверил этому, но и на деле доказал, что вся чертовщина, которая, по словам священника, водилась в доме одного крестьянина, была делом жуликов, преследовавших свои цели⁷³.

Тем более Юль отнесся скептически к рассказам киевских монахов о святых угодниках лаврских пещер. В ответ на уверения в их чудесной нетленности он записал: «Мне показывали их руки и ноги; они почернели, ссохлись и, вследствие сухости <воздуха в пещерах>, завялились, в виду чего <людей этих> и стали признавать и почитать за святых»⁷⁴. Обратил он внимание и на то, что гробы святых обтянуты позолоченной кожей голландского производства, отсюда он сделал вывод, что по крайней мере гробы «поставлены сюда недавно»⁷⁵. У пещер стояла баня; просидев там два дня, сумасшедшие выздоравливают, как его уверяли. Он задал скептический вопрос — помогает ли такое лечение? На это последовал неубедительный ответ, что кому бог захочет, тому поможет⁷⁶. Зато Юль по достоинству оценил крепостные сооружения лавры. Крепость эта, «заложённая еще в старину для <защиты> монастыря и вышеупомянутых воображаемых святых, так сильна, что <сидя> в ней, можно бы отбить <приступ> целой армии»⁷⁷.

Для нашей цели особенно важно подчеркнуть, что религиозность нашего автора не привела его к провиденциалистскому взгляду на исторические события, как это можно было наблюдать еще в XVII в. Все, о чем рассказывает Юль, имеет сугубо рационалистическое объяснение; более того, автор ведет полемику против всякого рода «колдовства и наваждений».

У Юля, как и у многих иностранных наблюдателей, не раз звучит стереотипный мотив о русских как народе «грубом и неотесанном». Но, справедливости ради, следует заметить, что иностранцы, приезжавшие в Россию, даже дипломаты, вежливостью тоже не отличались, и притом считали это за доблесть. Об этом рассказывает и сам Юль, но особенно охотно и подробно о своих подвигах повествует его секретарь Расмус Эребо. Достаточно указать на один из таких примеров. Деятельность посольства Юля началась еще по дороге из Дании в Петербург. Когда посольство ехало по русской территории, оно считало обычным делом «силою отбирать попадавшихся пам лошадей <и> даже вы-

⁷³ Там же, стр. 391—393.

⁷⁴ Там же, стр. 344.

⁷⁵ Там же, стр. 345.

⁷⁶ Там же, стр. 346.

⁷⁷ Там же, стр. 347.

прягать их из <тех> возов, на которых крестьяне везли податной хлеб в С.-Петербург».

В одной деревне (Лядово) Эребо и камердинеру Томсену встретился ехавший в сани священник. «<Сначала> я <добром> попросил его продать или дать мне в наем его лошадь, но он отказался от того и другого; когда же увидал, что я намерен отобрать лошадь силою и что ее по моему приказанию выпрягают из саней, то стал понапрасну тратить много слов; заметив, однако, что ему собираются дать здорового тумака, убежал с проклятиями, бранью и угрозами». В деревне ударили в набат и к месту происшествия сбежалась толпа крестьян, которую возглавил священник; «призвав на помощь <всю>нашу храбрость, мы пошли им навстречу вдвоем, обнажив охотничьи ножи, и как священник шел впереди, то Томсен взяв у меня... сосновую дубину, ударил его ею по голове, и он сразу упал. Крестьяне, увидев это, были испуганы нашей смелостью — <ибо> поднять руку на священника считается по их вере одним из самых больших и тяжелых грехов — и на наше счастье пустились бежать. Томсен же без милосердия продолжал осыпать священника с головы до пят ударами, пока, наконец, я из сострадания не отнял у него дубины силой, <после чего> священник, не будучи в состоянии держаться на ногах, уполз <от нас> на четвереньках, да еще благодарил <нас за то>, что отпустили его живого»⁷⁸. Видимо, на этом тракте обе стороны привыкли к подобного рода «дипломатической вежливости». Впоследствии «мы узнали, что несколько лет тому назад в <этой самой> деревне был убит один прусский посланник со всею свитой и челядью...». Следует поэтому говорить об отсутствии «взаимной вежливости» у обеих сторон. Так было не только в деревнях, но и в городах, в том числе в Москве.

Но, естественно, не это определяет значение записок Юста Юля, как и Расмуса Эребо. Их значение определяется прежде всего тем, что они позволяют представить себе со всей конкретностью отношение Западной Европы к петровской России в год Полтавской битвы и непосредственно после нее. Дания, как известно, была союзником России в Северной войне, но к моменту выезда Юля в Петербург она была выведена Швецией из войны. Задача Юля сводилась, во-первых, к тому, чтобы не дать России и Швеции помириться, ибо тогда Дания теряет надежду на возвращение отторгнутых Карлом XII территорий, а во-вторых, при поддержке России — эконолической и военной — Дания рассчитывала оправиться после поражения. Юль настойчиво преследовал эти цели в течение всего пребывания в России.

При этом Дания смотрела на помощь со стороны России как на вполне реальное дело, ибо считала Россию, особенно после Полтавы, сильным государством, способным оказать эту помощь.

⁷⁸ «Записки Юста Юля...», стр. 451—452.

Доказательством могущества России служило то обстоятельство, что после Полтавы последовал удачный 1710 год, когда Петр «стал господином всей Лифляндии, Эстляндии, Карелии и Кексгольма. <Ему> ничего больше не оставалось завоевывать»⁷⁹. В этом же году состоялся знаменитый триумф Полтавской победы на улицах Москвы, явившийся своего рода символом растущей силы России. Расмус Эребо записал в своей автобиографии: «Шествие длилось с утра до вечера. Оно несомненно было величайшим и великолепнейшим в Европе со времён древних римлян»⁸⁰.

Представления западных людей о том, что теперь Россия стала значительно сильнее, чем раньше, заметны уже с первых дней их соприкосновения с русскими. Прибывший в Нарву Петр (Нарва была первым портом в расположении русских войск, где высадились датские дипломаты) вызвал явный восторг Расмуса Эребо; он именуется царя — «его царское величество великий и <достойный> вечной славы государь, царь Петр Алексеевич, которого я тут в первый раз имел честь и счастье увидеть»⁸¹.

Этот датский священник принялся изучать русский язык; помимо евангелия на славянском языке, пишет он, — «я с прилежанием выписал все primitiva из русского печатного лексикона; они до сих пор у меня сохраняются. Начал я также дополнять и поправлять Ludolphi Grammaticam Russicam; труд этот... хранится в числе моих рукописей. Наконец, я припаялся... за перевод большой Славянской грамматики на латинский... но <служебные> мои занятия помешали мне окончить эту работу»⁸². Видя его прилежание, Юль взял в состав посольства человека, знавшего русский язык, в качестве преподавателя этого языка. «Как... ни медленно <шло учение>, все же по прошествии шести недель я <уже> мог кое как объясняться по домашнему обиходу и за столом»⁸³. Кроме того, Эребо ежедневно читал описание русского и персидского <путешествия> Адама Олеария, а также русскую историю Петра Петрея»⁸⁴. Иначе говоря, западный дипломат считает пужным изучать русскую историю и русский язык; при этом в его распоряжении оказываются изданные на Западе для этой цели книги. Все это впоследствии пригодилось Расмусу Эребо как для службы в России, так и для кулачных драк с русскими. Таков западный человек петровского времени.

Что касается самого Юста Юля, то он был занят, прежде всего, оценкой военных сил России. Уже из Нарвы он писал в Данию, что русская армия, расквартированная в Нарве и ее

⁷⁹ Там же, стр. 249.

⁸⁰ Там же, стр. 446—447.

⁸¹ Там же, стр. 445.

⁸² Там же, стр. 453.

⁸³ Там же, стр. 444.

⁸⁴ Там же.

окрестностях (Нарва была взята русскими войсками в июле 1704 г.), может противостоять армии любого западного государства, что слава шведов в Европе сильно преувеличена и что, если бы датский король имел более точное представление о русской армии, он вел бы более благожелательную политику по отношению к России. В частности, Нарва находилась под защитой 350 орудий⁸⁵. Юль не раз говорит о высокой боеспособности русских войск в труднейших условиях, даже в лютый мороз. Говоря об одном переходе русских полков, Юль записал: «Всякая другая европейская армия наверное погибла бы при подобном <переходе>. Но где предводителем является <само> счастье, <там> все удаётся. И то сказать, русские так выносливы, что с ними можно совершать то, что для <солдат> всех прочих <наций> казалось бы невыполнимым»⁸⁶.

Такое же положение и на флоте. Юль насчитывал на Балтийском море 270 русских судов. Все порядки на море были заведены как у заправской морской державы, на английский манер. В боевом отношении флот действовал надёжно; Юль был свидетелем взятия Выборга; помимо того, что русским всегда везет — в этом Юль был твердо убежден — они умеют воевать и быстро осваивают любое дело. Как профессиональный моряк Юль не раз пускался в детальный анализ любого действия русских на море. «Быстрота, с какою русские выучиваются и навывают всякому <делу>, не поддается описанию»⁸⁷. В то время, когда русская армия крепла, боевой дух армии шведов заметно упал. Возвращаясь из только что взятого Выборга в Петербург, Юль обратил внимание на факт, который раньше был бы невозможен. «Тотчас по выезде из города я <нагнал> 400 шведских солдат, поступивших на царскую службу <и> уходящих в Петербург»⁸⁸. Видимо, это были наемники, перешедшие со шведской на русскую службу. Факт красноречивый. Такой переход был тем более возможен, если учесть, что речь идет об удачном для русской стороны 1710 году. «В <Петербургской> крепости видел 59 знамен и штандартов, взятых <у шведов> в Выборге. <Они были> водружены в два ряда возле собора»⁸⁹.

Но Юль видел и оборотную сторону — какой ценой доставались эти победы России. Силы народа были перенапряжены, «страна разорена войной. Вместо зерна народ размалывает в муку <особого рода> болотные корешья и из этой <муки> печет <себе> хлеб. Самый распространенный товар — люди, ибо от голода жители охотно продают и самих себя и своих детей»⁹⁰. Даже в Петербурге «все было дорого, а съестных припасов <порою> и

⁸⁵ «Записки Юста Юля...», стр. 68—69 прим.

⁸⁶ Там же, стр. 176.

⁸⁷ Там же, стр. 222.

⁸⁸ Там же, стр. 220.

⁸⁹ Там же, стр. 221.

⁹⁰ Там же, стр. 195—196.

вовсе нельзя было достать... Большого труда и издержек стоило мне доставать необходимое на каждый день продовольствие»⁹¹. У Юля встречаются и такие записи о его поездке из Москвы в Петербург. «Тут находилась стража, отряженная из Петербурга для наблюдения и поимки дезертиров и <тех> крестьян с упряжными лошадьми, которые бежали <с работ>»⁹².

Юль обратил внимание на то, что война не оборвала внешних торговых связей России с Западной Европой, они шли по старому морскому пути — через Архангельск. Он подсчитал, что ежегодно туда приходило более двухсот кораблей из Западной Европы. В России действовало три корпорации купцов — голландских, английских и гамбургских. Это были представители тех стран, которые вели торговлю с Россией и в предшествующие столетия; шла эта торговля через тот же Архангельск.

Датский автор рассказал о некоторых переменах в дипломатической практике. При Петре совершался переход от эпизодических посольств к постоянным представительствам. Старое посольское подворье в Москве стало пустеть, посольства отдельных стран стали обзаводиться отдельными дворами, иногда за чертой Москвы. Столицей становился Петербург, туда перебирались и иностранные посольства. Полного перехода посольского дела на современный лад еще не наступило. При русском дворе были представители лишь некоторых государств, послы надолго отлучались из России, посольства размещались на частных квартирах, при переездах царя в Москву или даже на театр военных действий вслед за царем обычно перемещались и посольства со всем их штатом.

Все иностранные авторы по-прежнему смотрели на Россию как на страну экзотическую и с любопытством наблюдали за обычаями русских. Наблюдал и Юль. Самыми надежными средствами от всех болезней у русских почитается баня, водка и чеснок. Русские много пьют хмельного, удивительно то, что это продлевается за здоровье, во имя продления жизни. Удивлял иностранцев и обычай русских называть друг друга не по должности, а по имени и отчеству.

Но в центре наблюдений Юля стоит сам Петр I. Датский посланник находится в числе тех иностранцев-современников и очевидцев, которые нарисовали живой портрет Петра I, деятеля, за которым следила вся Европа. Его рассказ напоминает читателю о трудных годах детства Петра, когда шла кровавая битва за престол. Последствием этих событий лично для Петра была тяжелая болезнь, мучившая его всю жизнь. Юль был свидетелем приступа этой болезни, случившегося во время триумфа в Москве по случаю Полтавской виктории: «вдруг мимо нас во весь опор проскакал царь. Лицо его было чрезвычайно бледно, искажено и

⁹¹ Там же, стр. 204.

⁹² Там же, стр. 174.

уродливо. Он делал различные страшные гримасы и движения головою, ртом, руками, плечами, кистями рук и ступнями», царь подскочил к солдату, несшему шведское знамя, и «стал безжалостно рубить его обнаженным мечом <и> осыпать ударами, быть может за то, что тот шел не так, как хотел <царь>. Затем царь остановил свою лошадь, по все <продолжал делать> описанные страшные гримасы, вертел головой, кривил рот, заводил глаза, подергивал руками и плечами и дрыгал взад и вперед погами. Все окружавшие его в ту минуту важнейшие сановники были испуганы этим, и никто не смел к нему подойти, так как <все> видели, что царь сердит и чем-то раздосадован»⁹³.

Естественно, это производит чрезвычайно тягостное впечатление, но подобного рода эпизоды растворяются у Юля в общей массе материала, характеризующего сильные стороны Петра. Юль признает исключительный ум Петра. Это было проще всего понять, но датчанин гораздо труднее осваивался с необычной манерой Петра держаться. Вот его впечатление от первой встречи с 37-летним царем в Нарве у коменданта города. После коротких дипломатических церемоний царь уселся за стол, пригласил сесть рядом с ним Юля и «начал разговаривать со мною без толмача, так как <сам> говорил по-голландски настолько отчетливо, что я без труда мог его понимать; <со своей стороны> и он понимал, что я ему отвечаю. Царь немедля вступил со мною в такой дружеский разговор, что, казалось, он был моим ровнею и знал меня много лет... При нем не было ни канцлера, ни вице-канцлера, ни <какого-либо> тайного советника, <была> только свита из 8-ми или 10-ти человек. <Он> равным образом не вез с собою никаких путевых принадлежностей — <на чем> есть, <в чем> пить и <на чем> спать. Было при нем несколько бояр и князей, которых он держит в качестве шутов... <Царь> очень высок ростом, носит собственные короткие коричневые, выщипанные волосы и довольно большие усы, прост в одеянии и наружных приемах, но весьма проникателен <и> умен... Царь имел при себе меч, снятый в Полтавской битве с генерал-фельдмаршала Рейншильда... Вечер прошел в сильной выпивке, причем велись такие разговоры о всяких других вещах, подлежащих скорее <сообщению> в секретном рапорте, чем <занесению> в постоянные записки»⁹⁴.

И чем больше Юль узнавал русского царя, тем все больше раскрывалось перед ним разительное противоречие — абсолютный властитель и в то же время человек, который не гнушается стать за самую черную работу. Все начиналось для Юля с аудиенций у Петра, столь необычных для придворного этикета. Наш автор знал лишь отдельные случаи, когда Петр давал официальный прием какому-либо послу. Так, например, было, когда английский посол Витворт от имени английской королевы приносил извинение

⁹³ «Записки Юста Юля...», стр. 122.

⁹⁴ Там же, стр. 91—92.

ли оскорбление в Лондоне русского посла Матвеева. Юль пришел к выводу, что добиваться у Петра официального приема — дело безнадежное, лучше искать частного приема.

Он описал типичный свой прием у царя. Происходило это в Преображенской слободе в Москве; «царь стоял полуодетый, в ночном колпаке... Вообще, в числе его придворных пет ни маршала, ни церемониймейстера, ни камер-юнкеров, и аудиенция моя скорее походила на «простое» посещение... царь сразу, безо всякого «обмена» предварительных комплиментов, начал говорить о важных предметах и с участием вице-канцлера стал обсуждать государственные дела. При этом не соблюдая никакого порядка, мы то прохаживались взад и вперед по комнате, то стояли «на месте», то садились»⁹⁵.

Но и частная аудиенция была не простым делом. Порой трудно было дознаться, где находится царь, тем более трудно было добиваться свидания с царем. Эти свидания Юль пытался получить через какого-либо денщика или слугу, но «если только дорожит он жизнью, то не осмелится сделать это в дни, когда знает, что царь хочет быть один»⁹⁶. А главное, в делах, невыгодных для России, Петр всегда умел уходить от ответа. Типичным примером может служить случай, подробно описанный Юлем. От своего короля датский посланник получил предписание добиваться от России помощи войском и деньгами; царь назначил ему свидание на адмиралтейской верфи, и Юль отправился туда, рассчитывая, что беседа произойдет с глазу на глаз.

Но все пошло иначе. Юль дожидался Петра на берегу, когда тот в окружении свиты подходил на шлюпке. Царь «тотчас же начал говорить со мной о государственных делах и говорил весьма громко, так что все «присутствующие» могли слышать, о чем идет речь; когда же я «стал» ходатайствовать, чтоб «царь» выслушал меня наедине... он только попросил меня сказать «ему» прямо, «в чем состоит» мое поручение. Я «было стал» отвечать шопотом; но царь, чтоб прервать эту беседу, возражал мне громко и продолжал быстро идти вперед. Этим «он» достиг «чего желал», ибо о порученном мне деле нельзя было говорить открыто «при всех». Тем и окончилась эта испрошенная мною и дарованная «мне» частная аудиенция, от которой царь таким образом отделался, чтобы не слышать того, чего он «слышать» не хотел»⁹⁷.

Тогда Юль решил для своих свиданий ловить царя на всяких семейных обрядах у частных лиц, где появлялся царь. «На крестинах, родинах, свадьбах, похоронах и т. п. царь охотно бывает у своих офицеров, каков бы незначительное «положение ни занимал тот», кто его зовет, и это чрезвычайно удобно для иностранных посланников, «ибо» им никогда не выдается более удобного

⁹⁵ Там же, стр. 147—148.

⁹⁶ Там же, стр. 177.

⁹⁷ Там же, стр. 232—233.

случая говорить с царем, как на подобных пирах у офицеров и купцов, где они порою решают дела так же успешно, как на особо «назначенной» тайной конференции»⁹⁸. А еще лучше — решил Юль — говорить о делах за попойками у царя, а затевались они по любому поводу. Правда, тут оказалось крупное препятствие: Юль бы невысокого мнения о своем здоровье, которое не могло выдержать царских пиров. Но другого выхода не было: жить в России и «избегать собраний», где таким образом пьют, то нельзя привести к окончанию ни одного важного дела... все серьезнейшие вопросы решаются за попойками»⁹⁹.

Но и этот путь к царю не дал результатов. Во-первых, Юль убедился, что попойки имеют для царя свой резон. Датский посланник редко видел пьяным самого царя, что же касается других гостей, то их «заставляют напиваться до того, что они ничего не видят и не слышат, и тут царь принимается с ними болтать, стараясь выведать, что у каждого «на уме». Ссоры и брань между пьяными тоже по сердцу царю, так как из «этих» взаимных укуров ему «открываются» их воровство, мошенничество и хитрости, и он пользуется случаем, чтобы наказывать виновных»¹⁰⁰. Во-вторых, для иностранных представителей подвыпивший царь поворачивался чаще всего невыгодной для них стороной. Юль «убедился, что с ним весьма опасно бывать вместе и беседовать, когда он выпивши, ибо в таких случаях, если у него есть что на сердце, он высказывается весь с великой горечью»¹⁰¹.

Примеры тому Юлю пришлось наблюдать. Польскому посланнику Фитцуму Петр на обеде у самого Юля в резкой форме выразил свое раздражение мирным договором между Саксонией и Швецией. Саксонцы, сказал Петр, «в виду «общности» религии в Саксонии (и Швеции), слишком постарались угодить шведам»¹⁰². Не менее резкий разговор произошел на одном вечере с шведским фельдмаршалом Рейншильдом. Это был старший в чине среди тех пленных шведских генералов, за которых, как за учителей, поднимал бокал Петр I на Полтавском поле. Теперь царь словно между прочим — «как бы в полудремоте» — спросил фельдмаршала, почему шведы спустя три дня после битвы под Фрауштадтом убили 600 русских пленных? Рейншильд ответил, что после сражения он был послан королем в другое место и узнал об этом избиении только после возвращения; к самому же этому массовому убийству он относится отрицательно. Почему же тогда фельдмаршал не наказал виновных или, по крайней мере, не выразил своего отрицательного отношения? «Так как Рейн-

⁹⁸ ; «Записки Юста Юля...», стр. 177.

⁹⁹ Там же, стр. 187.

¹⁰⁰ Там же, стр. 249.

¹⁰¹ Там же, стр. 185—186.

¹⁰² Там же, стр. 186. Тогдашним польским королем был Фридрих-Август — курфюрст Саксонский. Речь идет об Альтранштедском мире между Саксонией и Швецией (1706 г.), направленном против России.

нельзя ничего не сумел ответить, то царь отошел от него прочь, как человек, который остается при своем мнении — оставил его одного посреди комнаты и потом не сказал ему более ни слова. Крайне этим озадаченный Рейншильд не знал, что ему делать — ждать или уходить, наконец, счел за лучшее удалиться»¹⁰³.

Таким образом, Петр I для дипломатов был «трудным», совершенно непостижимым царем. Неограниченный деспот, па казнях сам рубивший головы своим противникам, в то же время был удивительно простым и сердечным человеком. Если было неприличным, что генерал-адмирала Апраксина называли Федором Матвеевичем, то еще более было удивительным, что самого царя называли Петром Алексеевичем. С гораздо большей амбицией вел себя, например, Меншиков, даже по отношению к самому царю, Юль описывает сцену, свидетелем которой ему довелось быть. Князь Александр Данилович возвратился из Москвы в Петербург. В числе многочисленных встречавших был и сам царь, который «выехал к нему за три версты от города, несмотря на то, что недавно хворал и теперь еще не совсем оправился. Замечательно, что князь даже не слез с лошади, чтобы выказать своему государю почтение и встретить его, а продолжал сидеть верхом до тех пор, пока царь <первый> к нему не подошел и не поцеловал его»¹⁰⁴.

Особенности поведения Петра заметнее всего были на флоте. Он занимал должность корабельного мастера, исправлял ее со всем тщанием, бывал в гостях у корабельных плотников. По службе на флоте он занимал командную должность шаутбенахта; на судне его надо было именовать только по-флотски. Ежедневно царь являлся за распоряжениями к флотскому начальству. Потом Петр подал рапорт о предоставлении ему должности командира бригантин и малых судов. Но поскольку вице-адмирал Крейц не имел права утверждать в такой должности, он испрашивал разрешения у генерал-адмирала Апраксина; «дворянин Михайлов» покорно ждал решения вопроса о своем повышении.

Этим царь показывал пример, как нужно относиться к службе; «в делах служебных <его величество> выказывает <старшим> такое же послушание и покорность как самый младший из его служащих»¹⁰⁵. Кроме того, он использовал это и в более широком плане. Генерал Левенгаупт жаловался царю, что затягивается его обмен на русского генерала, находившегося в шведском плену. Царь ответил, что «будучи всего лишь шаутбенахтом, он в этом не властен, <что вопрос> касается генерал-адмирала, <что> к последнему генерал Левенгаупт не обращался, а потому сам виноват, если не получил свободы». К этому Юль прибавляет: «Я испытываю слишком глубокое уважение к <подобному> отве-

¹⁰³ Там же, стр. 164.

¹⁰⁴ Там же, стр. 204.

¹⁰⁵ Там же, стр. 193.

ту сего славного и благоразумного государя, чтобы сметь высказать мое о нем суждение и мнение»¹⁰⁶.

Царь старался не подчеркивать разницы между собой и простыми людьми. В гости он ходил, как уже говорилось, ко всякому человеку, а иногда являлся и без приглашения. Если царь был в гостях у богатого, то нельзя было «забывать его людей: <их должно> хорошенько накормить и напоить, потому что <царь>, когда уходит, сам спрашивает их, давали ли им чего-нибудь. Если они изрядно пьяны, то все в порядке. <Царь> любит также, чтоб при подобных случаях делали его слугам подарки»¹⁰⁷. Юль был в русской церкви и видел, что «царь стоял среди многочисленных певчих и пел с ними, точно сам был одним из церковнослужителей»¹⁰⁸. Юль нередко видел, как царь «первый являлся на пожар... Он сам <принимает участие> во всех действиях, прилагая руку <ко всему>, и так как относительно всего обладает необыкновенным пониманием, то видит сразу, как надо взяться за дело, отдает сообразные приказания, сам <лезет> на самые опасные места, на <крыши> домов, побуждает как знатных, так и простолюдинов тушить огонь, и сам не отступит, пока <пожар> не будет прекращен»¹⁰⁹.

Однажды Юль попал к царю на «частную» аудиенцию, которая его особенно удивила; царь оказался «неодетым, в кожаном, как у ремесленника <фартуке>, сидящим за токарным станком... В <этом> мастерстве он не уступит искуснейшему токарю и даже достиг того, что умеет вытачивать портреты и фигуры». Царь отрывался от работы, разговаривал с датским посланником и с другими, рассказывал по комнате, подшучивал над окружающими. «Когда <же> царь снова садился за станок, то принимался работать с таким усердием и вниманием, что не слышал, что ему говорят, и не отвечал, а с большим упорством продолжал свое дело, точно работал за деньги и этим трудом снискивал себе пропитание». Кругом стояли люди и следили за работой токаря; всякий «остаётся у него сколько хочет, и уходит, когда кому вздумается, не прощаясь»¹¹⁰.

Необычным представлялось Юлю и отношение Петра к церкви. Царь мог быть богомольным человеком, накануне штурма Выборга был объявлен строгий пост, «никто ничего не ел, в церквях и дома день и ночь непрерывно молились» о ниспослании победы. Но в то же время Петр не соблюдал постов, проявлял порой ироническое отношение к церкви и духовенству, в частности, именуя Никиту Зотова «всепутейшим патриархом». Налагал руку на доходы монастырей, забирая крепостных в казну, «руководствуясь мнением, что крупные доходы более пригодны для

¹⁰⁶ «Записки Юста Юля...», стр. 244.

¹⁰⁷ Там же, стр. 180.

¹⁰⁸ Там же, стр. 191.

¹⁰⁹ Там же, стр. 229.

¹¹⁰ Там же, стр. 269—270.

него <самого> — на ведение войны, чем для этих дармоседов»¹¹¹. Из колоколов лил пушки. Кстати, из разговоров с русскими офицерами Юль узнал, что пушки, отлитые из колоколов, оказались непрочными по той причине, что этот металл имел примесь олова. Юль приводит пример скептического отношения Петра к «церковному чуду», от которого выиграла бы церковь. Ему доложили, что в одном месте «заплакала» икона богородицы и сказала, что в ее честь должна быть построена церковь. Петр сам отправился к месту «чуда» и не дал делу хода¹¹².

Петр не почитал церковную догматику, что Юль показывает на примере венчания Анны Ивановны с курляндским герцогом Фридрихом-Вильгельмом. Жених согласился венчаться по православному обряду, но поставил условием, что обращение священника к жениху во время этого обряда будет на латинском языке. Петр обратился сначала к Стефану Яворскому, а затем к субректору Славяно-греко-латинской академии Стефану Прибыловичу совершить такой обряд. Но каноны православия запрещали венчать православных с лицами других исповеданий, и они отказались. Им пришлось бы худо, но первый сослался на немощность, а у другого, на его счастье, во рту выскочил чирей. Тогда Петр поручил это своему духовнику Феодосию Яновскому. Но выяснилось, что латыни он никогда не учил, и знает всего лишь несколько слов. Этого предостаточно — решил царь. И выход был пайден. Секретарь Юля Расмус Эребо написал нужный латинский текст, и Яновский по шпаргалке прочитал его во время венчания. Само венчание при этом было, по приказанию Петра, сильно сокращено, чтобы не досаждал герцогу.

Записки Юля напоминают современному читателю о существовавшей в последующее время в русской историографии важной проблеме, выдвигаемой особенно славянофилами. Она состояла в том, что Петр якобы слепо подражал Западу, шел на поводу у западных людей, враждебных всему русскому. У западного его современника Юста Юля такого впечатления вовсе не было. Наоборот, он подчеркивает, что иностранный элемент в России руководился Петром и исполнял его волю. В частности, он обратил внимание, что в зонах, объявленных пограничными, власть находилась только у русских военачальников¹¹³. Стояло только священнику лютеранской церкви в Немецкой слободе высказаться в проповеди недружелюбно о русских делах, как и он, и попечитель церкви оказались за пределами Москвы, а в роли блюстителя церкви стал подвизаться Шафиров.

Наконец, показания Юста Юля коснулись еще одного вопроса петровского времени — Прутского похода; этому посвящены последние страницы его дневника. Внимание Петра было поглощено войной со шведами, ему очень нехотели были какие-либо

¹¹¹ Там же, стр. 298.

¹¹² Там же, стр. 278.

¹¹³ Там же, стр. 103.

осложнения с Турцией. В феврале 1710 г. царь, который находился в этот момент в Москве, был очень обрадован тем, что Карловицкий мир был продолжен еще на 20 лет. «В жестах, минах и словах царя выражалась сердечная (его) радость и удовольствие по поводу (этого события). По всему городу во всех церквях тотчас затрезвонили в колокола, с вала (раздалась) пальба из орудий, и во всех церквях стали петь *Te deum laudamus*, т. е. „тебе бога хвалим“» ¹¹⁴.

Но война с турками и крымскими татарами, как известно, разразилась, Петр отбыл на Прут, а датское посольство отправилось вслед за ним. Но оно успело добраться только до Каменец-Подольска, с турками был заключен мир. О ходе военных действий и об условиях мира Юль знал из дневника участника похода ген. Галларта и из рассказов самого Петра. Юль подчеркивает две стороны этой своеобразной войны. Кто бы мог предположить — удивляется Юль — что такой талантливый и опытный полководец, как Петр, отправится в поход, не зная численности противника, которого оказалось вчетверо больше. Кто бы мог предположить, что русская армия окажется в разоренной стране и в крайне невыгодной ситуации во всех отношениях. Но с другой стороны, кто бы мог предположить, что турки, имея возможность одержать полную победу, согласятся на мир. Юль считает, что русским неслыханно повезло. Если бы начались военные действия в широких масштабах, то в русской армии начался бы голод. Даже если бы русские стали побеждать, то война эта оказалась бы затяжной, а это отразилось бы на войне со шведами. Словом, война эта была русским не нужна, надо было выходить из войны с турками, и Петр это сделал, к крайнему неудовольствию Карла XII ¹¹⁵.

Кроме того, Юль и Эребо оставили свидетельство очевидцев о положении на той территории, которую проезжали. На этом пространстве Украины бродили многочисленные отряды татар, польские отряды сторонников Станислава Лещипского, которыми руководили шведские офицеры; вместе с ними были отряды мазепинцев во главе с известным Орликом. Они нападали на села и даже города. Населенные пункты стояли разоренные, пострадавшие от пожаров, покинутые жителями. Все было выжжено зпем; в довершение всех бедствий налетела саранча; «на протяжении 18 миль нам не попало в поле ни одной соломишки: не только весь хлеб на корню, но и (самая) листва, нередко и кора деревьев были съедены этими насекомыми, так что нам, путешественникам, приходилось плохо» ¹¹⁶. Когда саранча взлетала, «воздух наполнялся ею как хлопьями снега в самую сильную метель. Когда саранча садилась, то совершенно покрывала собою почву» ¹¹⁷.

¹¹⁴ «Записки Юста Юля...», стр. 459.

¹¹⁵ Там же, стр. 371—372.

¹¹⁶ Там же, стр. 459.

¹¹⁷ Там же, стр. 460.

Таков был тыл русской армии, выступившей на Прут. Помимо того, что в этом тылу бродил многочисленный неприятель, на разоренной войной и опустошенной саранчой территории петровская армия попала в бедственное положение. Когда Юль и его посольство догнали армию на Днестре, то оказалось, что там царил голод. «Солдаты почернели от жажды и голоду... Почерневшие и умирающие от голода люди лежали во множестве по дороге, и никто не мог помочь ближнему или спасти его, так как у всех было поровну, т. е. ни у кого ничего не было»¹¹⁸.

Дневник датчанина Юста Юля лишней раз показывает, что Северная война была невероятно трудным временем в истории русского и украинского народов.

4.

ДЖОН ПЕРРИ. «ПОВЕСТВОВАНИЕ О РОССИИ, В ОСОБЕННОСТИ КАСАТЕЛЬНО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ДЕЛ НЫНЕШНЕГО ЦАРЯ» (1716 г.)

Петр I, будучи в 1698 г. в Лондоне, пригласил на русскую службу известного тогда корабельного мастера Джона Перри. До 1715 г. Перри пробыл в России, затем возвратился на родину и в 1716 г. издал свое «Повествование о России, в особенности касательно замечательных дел нынешнего царя»¹¹⁹. Это — совсем небольшое сочинение, представляющее собой, к тому же, своего рода «слезницу» по поводу неуплаты автору русской стороной условленного жалованья.

Однако сам этот многолетний конфликт из-за денег является характерным для петровской поры. Предшественник Джона Перри по выполняемой работе немец Брекель, по словам самого Перри, скопив денег на русской службе, бежал за границу, бросив порученную ему работу. Опасаясь того же и со стороны англичанина, петровские администраторы недоплачивали ему жалованья, пытаясь привязать этим его к работе. Это свидетельствует, что некоторые из иностранцев, ехавшие в Россию за «длинным» рублем, не выполняли своих обязательств перед русской стороной; к ним приходилось применять принудительные меры. Трудно сказать, насколько основательно были применены к Перри эти принудительные меры; сам Перри отрицает всякий смысл этой меры, уверяя, что он стремился к тому, чтобы «достаточно

¹¹⁸ Там же, стр. 460—461.

¹¹⁹ «Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1871, кн. I (генварь — март), IV. Материалы иностранные, стр. I—VIII; 1—38; *J. Perry. The State of Russia under the Present Tzar (Russia through European Eyes)*. London, 1967.

выказать мои способности и усердие для исполнения работ, чтобы рассеять всякое подозрение на счет возможности моего бегства из России, где я находился на службе, занимаясь видным и важным делом»¹²⁰. Больше того, он был намерен, «если бы только деньги мои были выплачены, остаться в этой стране, вступивши в брак с уважаемой особой, и тогда бы надолго продолжалась моя служба царю»¹²¹. Это также вполне возможно, поскольку подавляющее большинство иностранцев выполняло свои обязательства, поэтому милости и щедроты царя «распространяются на великое множество людей, которые из чужих стран, поступают к нему на службу...»¹²².

Но конфликт с иностранцем возник не только из опасения его побега за границу. Причина лежала гораздо глубже, она состояла в противодействии именитого боярства преобразованиям Петра; неприязнь к новшествам Петра сказывалась и в неприязни к иностранцам. Судьба Джона Перри в данном случае зависела от двух высокопоставленных лиц: князя Бориса Алексеевича Голицына и князя Федора Матвеевича Апраксина. Оба князя служили Петру, но оба не нравились то, что они делали по его распоряжению.

Это сказывалось, в частности, и на их отношении к Джону Перри. Если, говоря о Петре, Перри мог написать, что он «имел честь в небольшом избранном обществе обедать с его величеством», то о пазванных князьях он писал совсем другое. С ним и с другими иностранцами «обращались самым грубым образом, угрожая нам каторгой и виселицей, а виновником всего это был лорд Голицын»¹²³. По всему видно, предшественник Перри немец Брекель бежал восвояси не от хорошей жизни. Немец плохо выполнил порученную работу и скрылся за кордон, опасаясь того же Голицына. Оттуда он написал письмо Петру с жалобой на Голицына, потому что тот «отказывал ему во всем необходимом для производства работ, особенно напирал на дурное обращение с ним князь, который... его самого не взлюбил: так он однажды ударил Брекеля тростью и страдал, что велит его повесить»¹²⁴. Таким же образом вел себя по отношению к Перри и князь Апраксин, не терпевший иностранцев, потому что не терпел петровых дел.

Аристократия не всегда скрывала свое отрицательное отношение к преобразованиям Петра. О проекте Волго-Донского канала, который пытался осуществить Петр, тот же Голицын говорил, что если «бог, создавая реки, дал им известное течение, то со стороны человека было бы неразумным высокомерием стараться направить их в другую сторону»¹²⁵.

¹²⁰ «Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1871, кн. I, стр. 21.

¹²¹ Там же, стр. 35—36.

¹²² Там же, стр. 26.

¹²³ Там же, стр. 22.

¹²⁴ Там же, стр. 4.

¹²⁵ Там же, стр. 5.

В сочинении Джона Перри присутствуют две связанные между собой темы. Одна из них составляет специальность самого Перри — строительство водных путей в России, роль этих путей в политике Петра. Другая — общий ход Северной войны в годы пребывания Перри в России. На первом месте стоит первая тема. Джон Перри был человек дела — специалист как в постройке кораблей, так и в строительстве каналов и доков. Перри приехал в Россию для сооружения Волго-Донского канала. Строительство Волго-Дона уже шло — задача состояла в том, чтобы соединить Иловлю, впадающую в Дон, с Камышинкой, впадающей в Волгу. Джону Перри предстояло завершить сооружение канала после Брекеля. Но обоих строителей постигла неудача.

Причина состояла как в несовершенстве инженерной мысли самих строителей (построенные Брекелем шлюзы сорвало паводком), так и в низком уровне техники и в невозможности обеспечить строительство рабочей силой. Все строилось на ручном труде, Джон Перри требовал 30 000 землекопов, но не получил и половины этого числа. Это тем более понятно, что дело шло в годы изнурительной Северной войны. В конце 1701 г. работы были прекращены. В последующие годы Джон Перри работал на Воронежской верфи и по строительству Ладожского канала. Заслуживает внимания то обстоятельство, что Перри постоянно упоминает, что рядом с инженерами-иностранцами работали русские инженеры. Так было на сооружении каналов, так было и на сооружении фортов вокруг Москвы. Когда Карл XII разгромил Фридриха-Августа и возникла опасность, что шведская армия из Саксонии двинется на Москву, было решено возвести вокруг Москвы крепостные сооружения; во главе этого строительства наряду с иностранцем был поставлен русский инженер Корчмин.

Сочинение Перри дает материал для суждения о концепции, сложившейся у этого зарубежного наблюдателя относительно деятельности Петра. Перри пришлось работать в трех географических точках России: Волго-Дон, Воронеж, Ладога. Он приходил к мысли, что строительство в этих пунктах связано между собой единой мыслью, а это приводило его к следующим выводам: главная цель Петра — пробиться в Балтийское море, но его интересуют и южные моря; это неизбежно потому, что Карл XII делает все, чтобы заставить Россию воевать на два фронта, он пытается двинуть против России ее южных соседей и, прежде всего, Турцию и Крым. Петр поэтому стремится связать свою столицу и север России через Ладогу не только с Волгой, ведущей в Персию, но и через Волгу с Доном, ведущим в сторону Турции. Речь идет о том, чтобы проложить дорогу в Черное и Каспийское море. Географические условия делают этот проект вполне осуществимым. Все это и заставляло Джона Перри считать, что в России он занимается «видным и важным делом». Это отразилось и в заглавии его сочинения; оно написано «касательно замечательных дел нынешнего царя».

Здесь коренится причина того, что Перри занимается не только своим прямым делом, не только хлопочет о своем жаловании, но он внимательно следит за ходом Северной войны. Его первая тема дополняется темой второй. Перри ставит вопрос — в чем причина поражения Карла XII в России? В его объяснениях нет ничего нового или оригинального, но они важны как мнение современника — иностранца, усвоившего сложившееся в России объяснение неудач знаменитого шведского короля. Он называет две причины. Первая состояла в том, что Карл, проявляя нетерпение и излишнюю поспешность, не дождался войск, шедших из Риги под командованием Левенгаупта на соединение с его войсками, шедшими из Саксонии. Это дало возможность Петру бить их по частям. Войска Левенгаупта были разбиты при Лесной, Карл остался без помощи. Надежда на помощь Мазепы также не осуществилась, авантюра гетмана провалилась — и в этом состояла вторая причина, приведшая Карла к поражению. Результатом всего этого явилась Полтавская виктория Петра. В этих объяснениях отсутствуют такие слагаемые, как созданные Петром русская армия и флот, боевой дух петровского войска и полководческое искусство самого Петра.

За Полтавой Джон Перри признает решающее значение. Победа создала перелом в войне. Петру теперь «оставалось только направить свои завоевания в самое сердце Швеции и основать морскую силу на Балтике»¹²⁶. Победа решила и проблему внутривполитическую. Перри считает, что силы и терпение народа были настолько перенапряжены, что если бы Петр потерпел поражение под Полтавой, в стране произошло бы восстание, ибо русские люди были «везде подготовлены к возмущению и во многих местах уже брались за оружие в надежде получить облегчение в притеснениях, которые терпели под царским правлением»¹²⁷.

Тяжел был и военный гнет, ибо «во время этих долголетних войн над ними тяготели непомерные налоги и требовалось большое количество людей в армию и для исполнения разных предприятый царя; по всем границам воздвигались и вооружались укрепления, в которые не только солдаты, но и дворяне с крестьянами обязаны были по царскому повелению переселяться на жительство; строился флот и предпринимались работы по заведению судоходства по рекам; все это русские считали не нужным, так как ни они, ни отцы их, не имели об этом понятия и без того прожили»¹²⁸. Другими словами, Перри, как и другим современникам Петра, бросалось в глаза разительное противоречие петровских десятилетий — прогрессивные преобразования, решение крупнейшей внешнеполитической задачи России — выход к морю — имели свою оборотную сторону: усиление и без того тя-

¹²⁶ «Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1871, кн. I, стр. 19.

¹²⁷ Там же, стр. 18—19.

¹²⁸ Там же, стр. 19.

желего экономического и социально-политического гнета; в стране назревало восстание широкого масштаба, на юге поднялось казачество и крестьянство — Булавинское восстание.

Но Перри не переставал следить за положением на южных границах России, он рассказал о Прутском походе Петра. Иностраный наблюдатель не сомневался, что турки и крымские татары начали войну с Россией не без ведома шведов, но считает, что шведам эта война не помогла; «хотя общая молва и утверждала, что турки начали войну по наущению шведов, но в пользу их не было включено ни одной статьи в условия договора»¹²⁹. Несмотря на неудачу Прутского похода для русских, «шведский король жаловался на визиря... что он мог бы заключить мир на гораздо более выгодных условиях и самого царя со всей армией взять в плен; в этом поддерживал его и хан татарский. Визирь, подписавший условия мира, был лишен должности и приговорен к изгнанию»¹³⁰. Прутский поход не остановил борьбу Петра за победу над шведами. Это была главная задача Северной войны, и сам Джон Перри, строя каналы, корабли и пристани, помогал в ее решении.

Книга капитана Перри была замечена на Западе. Через год после ее появления она вышла по-французски¹³¹. Она стала источником для других авторов. Когда во время второго путешествия по Европе Петр I был в Париже, редактор журнала «*Mercure de France*» Бюше выступил с книгой «*Abrege de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz avec une relation de l'etat présent de la Moscovie...*» (1717, 210 стр.). Помимо славословия Петра, описания его деятельности, пребывания его во Франции, Бюше стремился дать французскому читателю возможно больше сведений о самой России. На деле получилось бессистемное нагромождение всяких известий. Главным источником для Бюше и послужила книга Перри.

5.

ФРИДРИХ-ХРИСТИАН ВЕБЕР. «ПРЕОБРАЖЕННАЯ РОССИЯ» (1721 г.)

Ф.-Х. Вебер¹³² был ганноверским резидентом при дворе Петра. В России он пробыл с февраля 1714 г. до осени 1719 г. с перерывом в 1718 году. В своем сочинении он избегает говорить об

¹²⁹ Там же, стр. 33.

¹³⁰ Там же, стр. 34.

¹³¹ *I. Perry. Etat présent de la Grande Russie.* Paris, 1717. В этом же году под таким же заглавием книга вышла в Гааге и Брюсселе.

¹³² *А. Брикнер.* Фридрих-Христиан Вебер.— «Журнал Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), 1881, январь, стр. 45—78; февраль,

отношении к нему русского царя, но оно едва ли было дружественным. Лично Вебер сочувственно, подчас даже восторженно, смотрел на деятельность Петра; более сложным было его положение как дипломата. Ганновер считался союзником России в Северной войне — союз этот заключил Б. И. Куракин¹³³, но усиление России означало рост ее влияния на дела германских государств, что не входило в их планы. Больше того. В 1714 г., когда Вебер прибыл в Петербург, курфюрст ганноверский Георг стал английским королем. Формально Вебер не значился английским резидентом, но его не могла не связывать позиция Англии, враждебно относившейся к выходу России на Балтику.

Автором сочинения о России Вебер стал вследствие двух обстоятельств. Во-первых, ганноверские власти требовали от него регулярных *Reisebeschreibung* — подробного описания географии России, состояния ее дел, в особенности хода Северной войны, описания России как военной державы, как торгового конкурента, и т. д. Во-вторых, Россия интересовала его самого; о России говорили на Западе как о стране, где происходят крупные перемены, о ее победах в войне, о необычном царе Петре. Все это побуждало братья за перо человека, которому довелось наблюдать самому и Россию и Петра. И Вебер стал собирать материал для будущего сочинения — специально ездил осматривать Москву, не раз бывал в Прибалтике, записывал рассказы путешественников по России или проезжавших через Россию; сведения эти, собранные другими лицами, он помещал в своем сочинении, указывая имя автора. Здесь можно указать на путешествие шведа на русской службе Лоренца Ланга в Китай (1715), на сведения, взятые у шведского офицера Иоганна-Бернгарда Миллера, жившего в Сибири и написавшего сочинение о хантах, тогда именовавшихся остяками (1716). Уже вернувшись из России, познакомился с книгой Корнелия де Брюина о путешествии по России, откуда взял не только сведения о самой России, но и о Персии и Монголии. Собрал также документальный материал по следственному делу царевича Алексея Петровича. Таковы главные источники сочинения Вебера. Особое место среди них принадлежит личным наблюдениям. Собирать материал Веберу помогало знание русского языка. У себя на родине он преподавал его немецкому дипломатическому персоналу.

В 1720 г. Вебер вернулся в Ганновер и сел за обработку накопленных сведений. Утверждение переводчика I тома веберовского сочинения Павла Барсова о том, что Вебер якобы после смерти Петра I еще раз приезжал в Россию и прожил здесь еще около пяти лет¹³⁴, не панло себе подтверждения. Предположение

стр. 179—221; «Сборник Русского Исторического общества» (далее — «Сборник РИО»), тт. 3, 5, 6, 20, 22, 37.

¹³³ См. стр. 214—215 этой книги.

¹³⁴ «Русский архив» за 1872 г., стр. 1058.

Р. И. Минцлова о том, что Вебер пробыл при Петре I шесть лет ¹³⁵, также не подтвердилось. Итак, в 1720 г. Вебер начал работу над I томом «Преображенной России». Поскольку материал был уже собран, I том вышел в следующем году. Второй том вышел в 1739 г., третий — в 1740. По традиции того времени труд Вебера имеет очень длинное название, — особое для каждого тома — но поскольку заглавие первого тома начинается со слов «Das veränderte Russland», заглавие второго «Des veränderten Russlands zweiter Theil», а третьего «Des veränderten Russlands dritter Theil», то весь труд Вебера принято называть «Das veränderte Russland» — «Преображенная — или Преобразованная — Россия».

Помимо этого Вебер — автор многочисленных посольских донесений своему правительству. Как в трех томах своего труда, так и в донесениях, главное внимание автор уделил вопросам *внутреннего* состояния России. Отличие донесений от «Преображенной России» все же состоит в том, что в них вопросам *внешнеполитическим* отведено несколько большее место. Донесения эти увидели свет гораздо позже. Их публикация принадлежит проф. Иепского, затем Марбургского университета Эрнесту-Адольфу Герману (1812—1884), автору многотомного труда «Geschichte des Russischen Staates» ¹³⁶. В 1872 г. Герман стал издавать донесения западных дипломатов о России, начиная с петровского времени «Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands». Второй том серии (Leipzig, 1880) носил заглавие «Peter der Grosse und der Zarevitch Alexei, vornehmlich nach und aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedrich-Christian Webers». Материалы для публикации Герман взял из ганноверского, гессенского и марбургского архивов. Помимо материалов о столкновении Петра с сыном Алексеем, том содержит сведения по широкому кругу вопросов.

Наиболее ценным является I том веберовского труда, написанный главным образом по личным наблюдениям. Он четыре раза выходил в самой Германии (с 1721 по 1744 г.), неоднократно переводился на французский и английский языки; в 1872 г. вышел по-русски. В русском переводе отсутствует предисловие Вебера к I тому, очень важное в историографическом плане, поскольку именно в предисловии сформулирована главная задача автора. Она состоит в том, чтобы показать разительные перемены в России. За два десятка лет во внутреннем своем развитии Россия

¹³⁵ Р. И. Минцлов. Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872, стр. 111.

¹³⁶ Этот труд, охватывающий период с 1505 по 1792 г., представляет собой тт. 3—6 обширной серии «Geschichte der europäischen Staates» Геерена и Укерта.

сделала огромный шаг вперед — начала строить промышленность, перестроила государственное управление, подчинила церковь государству, стала строить школы, заново создала армию и флот. Выросла новая столица России, ставшая как бы символом наступивших перемен, в той же мере как появление Кроншлота¹³⁷ знаменует выход России на море.

На международной арене Россия стала сильным государством. За время пребывания Вебера в России (1714—1719) была одержана победа при Гангуте и фактически выиграна труднейшая Северная война. Все это носит не временный характер, а означает коренной поворот в истории России. А над всем этим высится фигура Петра, которого автор знал в повседневных трудах. Словом, задача, поставленная Вебером, вполне объясняет заглавие его труда «Преображенная Россия».

В этом находит свое объяснение и то обстоятельство, что главное свое внимание автор сосредоточил, прежде всего, на внутренних событиях в России. Именно в них ганноверский резидент видел решающую причину восхождения России на международной арене.

В первом издании том назван дневником. Печать дневниковых записей действительно лежит на сочинении нашего автора. Изложение материала отрывочно, нет отбора фактов, не чувствуется организующего влияния плана. Каждая тема, иногда очень мелкая, имеет свое цифровое обозначение. Нетрудно видеть, что книга Вебера выростала из разрозненных записей, которые автор вел в России. Совершенно не случайно том не имеет оглавления — писать его не имело бы смысла. Но в то же время книга Вебера — не дневник, не запись отдельных фактов, это — попытка сгруппировать эти факты по определенным проблемам. Под одним и тем же номером то и дело излагаются события, случившиеся в разное время. Вебер в какой-то мере пытался преодолеть разрозненность своих эмпирических записей, но вырваться из этих рамок до конца не смог. В эти узкие рамки и оказались втиснутыми мысли Вебера о России. Изложение этих мыслей и составило дело всей жизни его как автора.

Среди его размышлений особое место заняла проблема нового этапа русской истории. Проблема эта интересовала Вебера, прежде всего, как современника. Если петровское время — особый, еще невиданный доселе по своей значимости этап русской истории, то осознали ли это современники Петра в России и на Западе? В этой связи Вебера интересовало, собирают ли в России исторические документы? Он фиксирует доставшие до него случаи. Брат вице-канцлера Шафирова нашел в московском архиве письмо императора Максимилиана I к Василию III, где русский великий князь именуется императором. «Письмо это его

¹³⁷ Так назывался форт, из которого вырос Кронштадт.

царское величество велел показывать в подлиннике всем, и я снял с него... копию»¹³⁸.

Он считает, что русская история могла бы «значительно пополниться и уясниться если б явились на свет и обнародованы были во всеобщее сведение те рукописи и письменные памятники, которые хранятся в разных местах у некоторых русских фамилий; ибо многие знатные дома или роды... в течение нескольких столетий вели последовательно, передавая от отцов детям, записки о разных происшествиях при прежних царях, в которых семейства их или родственники их принимали какое-либо участие, и такие записки оставили и потомкам своим»¹³⁹. Вебер отдавал себе отчет в том, что многие из знатных фамилий настроены были враждебно к Петру; русская история становилась предметом борьбы между Петром и его противниками.

Нельзя писать историю России только на основании иностранных источников. Вот сочинение Гюйссена. И сам Гюйссен — «неоспоримо ученый муж» и сочинение его «достойно прочтения», но беда в том, что Гюйссен «не имел под руками никаких сведений из русских канцелярий и других правительственных мест, кроме тех, которые помещались в разных газетах... и в подобных общедоступных изданиях»; в результате в его сочинении «многое следовало бы исправить и изменить, и желательно, чтобы автор, прежде издания своего труда, познакомился с более верными источниками и таким образом составил бы более правдивое и совершеннейшее описание деяний царя»¹⁴⁰.

В отличие от сочинения Гюйссена, русские работы пишутся не только на русском языке, но и по русским источникам. Поэтому они гораздо достовернее. «В русской печати вышло небольшое, листов в 40 сочинение, написанное самым бойким пером русской канцелярии и содержащее в себе точные сведения о важнейших событиях настоящей Северной войны; главною же задачей этого сочинения было доказать, что завоевания, совершенные в этой войне русскими вне Финляндии, его царское величество имеет полное право считать возвращением только прежде отторгнутых от России владений». Речь идет о книге П. П. Шафирова «Рассуждение...» (1717)¹⁴¹.

Как и во всяком ином деле, главная роль тут принадлежит самому царю. Петр — главный историограф современной ему России. Вебер передает знаменитый эпизод, вошедший в историю исторической науки, когда Петр на борту пового корабля произносит речь перед сторонниками старины — боярами. Речь эта в передаче Вебера важна в двух аспектах. Во-первых, царь высту-

¹³⁸ «Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях». — «Русский архив» за 1872 г., стр. 1654.

¹³⁹ Там же, стр. 1448—1449.

¹⁴⁰ Там же, стр. 1449.

¹⁴¹ Там же, стр. 1653. Подробнее об этой книге см. стр. 270—274 настоящей книги.

пает как практический создатель нового этапа русской истории. «Кому из вас, братья мои, хоть бы во сне спилось лет 30-ть тому назад... что мы с вами здесь, у Остзейского моря, будем плотничать, и в одежде немцев, в завоеванной у них же нашими трудями и мужеством стране, воздвигнем город, в котором вы живете; что мы доживем до того, что увидим таких храбрых и победоносных солдат и матросов русской крови, таких сынов, побывавших в чужих странах и возвратившихся домой столь смышленными; что увидим у нас такое множество иноземных художников и ремесленников; доживем до того, что меня и вас станут уважать чужестранные государи?»¹⁴²

Во-вторых, Петр выступает во всеоружии исторической теории, объявляет себя приверженцем теории исторического круговорота. Согласно этой концепции, в древности наиболее важную роль играла Греция, затем эта роль перешла к Риму, затем к Западной Европе в целом, а ныне очередь пришла за Россией¹⁴³. И это обязательно придет, если вы, бояре, «поддержите меня в моих важных предприятиях, будете слушаться без всяких отговорок».

На бояр речь царя впечатления не произвела. Выразив согласие с доводами царя, они «снова обеими руками ухватились... за стаканы с водкой и предоставили таким образом царю рассудить в глубине его собственных помышлений, насколько успел он... и насколько мог надеяться достигнуть конечной цели своих великих предприятий»¹⁴⁴.

Если обобщить размышления Вебера о России при Петре, перед читателем встает по-своему стройная концепция. В ней недостает некоторых частей, она не полна, потому что автор строил ее из того материала, который ему удалось собрать, но тем не менее в этой концепции присутствует главное, что характеризует петровскую эпоху в России. Основные положения веберовского взгляда на Россию сводятся к следующему. В стране господствует крепостное право, «все крестьяне — рабы, и работают на господ своих»¹⁴⁵. Это тормозит экономическое развитие России; «всякое прилежание, всякое стремление к приобретению подавлены у крестьян... крестьяне эти, из недоверия к помещику своему, если и приобретают кое-что тайком, то зарывают в навоз и ничему не дают ходу». Обогащающиеся за счет крестьян помещики также не находят применения своим деньгам. Они «запирают свое золото в ларцы, где оно и ржавеет, или же (как разумно делают теперь некоторые из них) посылают свое золото в банки — в Лондон, Венецию или Амстердам». Итог оказывается весьма плачев-

¹⁴² «Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях», стр. 1074.

¹⁴³ Подробнее об этом см. стр. 265 настоящей книги.

¹⁴⁴ «Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях», стр. 1075.

¹⁴⁵ Там же, стр. 1351.

ным — «так как деньги дворян и крестьян скрыты, то они и не могут быть в обращении и не приносят стране никакой пользы»¹⁴⁶.

Естественным выходом из положения могла бы оказаться отмена крепостного права. Но царь пошел совсем по другому пути — он заставил своих подданных выполнять программу, предначертанную царем, а средством к тому служила сила царского повеления. Помимо людей, в распоряжении царя были огромные естественные богатства обширной страны. Не довольствуясь обжитой частью России, Петр послал в Сибирь «горного офицера» — иностранца на русской службе Блюгера узнать «нельзя ли еще открыть где-нибудь новые рудники». Пробыв в Сибири полтора года, Блюгер вместе с губернатором Сибири Гагариным¹⁴⁷ доложил царю, что там он «везде находил хорошие места, в которых можно было бы открыть медные и даже серебряные рудники»¹⁴⁸. Помимо этого, Сибирь — целая страна, где можно добывать много золота. Кроме сего, «Сибирь — страна благословенная, изобилующая скотом, хлебом и всякого рода растительностью»¹⁴⁹.

Но это были пока проекты, в повседневной же действительности решались задачи не столь грандиозные, но подчиненные единой и огромной цели — преобразованию России. Во все концы страны ехали люди с поручениями Петра, чтобы разведать полезные ископаемые, исследовать русла рек, решить, что можно сделать для успешного развития торговли и т. д. Француз Пуссе в Астрахани производит опыты с французскими сортами винограда, чтобы вывести сорта в русских условиях. Он же работает над проектом развития шелководства; он убежден, что пройдет немного лет и «Россия не только не будет нуждаться в персидском шелке, но в состоянии будет продавать оный и другим народам...»¹⁵⁰. Из Шлезвига прибыли «20 овцеводов и посланцы в Казань, чтобы ознакомить русских со стрижкой тамошних овец и с обработкой шерсти, и чтобы шерсть эту употребить и обрацать в надлежащие изделия, с целью избежать необходимости за чистые деньги выписывать сукно на одежду армии из Англии, как это делалось до сих пор»¹⁵¹.

Но главной заботой Петра I была промышленность. Во многих местах от Урала до Петербурга строились заводы и фабрики. За опытом и за людьми посланцы Петра ехали в Западную Европу. Вот один из примеров: «Генерал-майор Геннинг отправился в Германию, Францию и Италию, чтобы везде на издержки царя приобретать рисунки всякого рода полезных и любопытных машин и заказать там постройку моделей с этих рисунков. Это

¹⁴⁶ Там же, стр. 1111.

¹⁴⁷ Речь идет о Матвее Петровиче Гагарине, впоследствии (1721 г.) казненном за злоупотребление властью.

¹⁴⁸ «Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях», стр. 1069.

¹⁴⁹ Там же, стр. 1070.

¹⁵⁰ Там же, стр. 1391.

¹⁵¹ Там же, стр. 1415.

двухгодичное путешествие Геннинга имело... главной целью точнее обозреть и изучить иноземное горнозаводское дело и пригласить на царскую службу возможно большее количество сведущего в том народа»¹⁵².

Своему представителю во Франции царь предписал, чтобы он «приискал там как можно больше всякого рода искусных ремесленников и договорил их приехать в Россию на выгодных для них условиях»¹⁵³. Все приходится строить заново, даже столицу, которая вырастала на диком месте. «Так как у царя нет недостатка ни в хороших мастерах-строителях, ни в рабочих людях всякого рода, ни во всех потребных для возведения разных зданий материалах, то нет сомнения, что все эти начатые работы в этой местности, равно как и все остальные предприятия в Петербурге, приведутся в исполнение в течение немногих даже лет, и таким образом из прежней пустынной Ингерманландии возникнет восьмое чудо света»¹⁵⁴.

Не могли остаться в стороне от преобразований вооруженные силы русского государства. Вебер больше всего говорит о флоте, он то и дело возвращается к этому вопросу — от силы флота зависело положение России как торгового конкурента западных стран, не говоря уже о военной стороне дела. «В этом месяце были готовы уже на стойках шестьдесят полугалер, которые позднее, вместе с другими, употреблены были в финских сихерах с такою пользою, что панесли чувствительный урои шведам»¹⁵⁵, — записывает Вебер вскоре по приезде в Россию, и в дальнейшем уже никогда не терял этого сюжета из виду. «В Ригу прибыли три военных корабля, закупленные в Англии, и в Петербурге спущен был со стоек еще один корабль, причем царь был в самом веселом расположении духа, и говорил много разумных вещей по случаю счастливого хода его кораблестроения»¹⁵⁶, — записывает он почти вслед.

Его поражал размах дела. «Двадцатого числа, в превосходном порядке и с беспрестанной пальбой из пушек, отплыли 200 полугалер из Петербурга и на следующий день прибыли в Кроншлот»¹⁵⁷. Петр «особенно занят был спуском в море 22 линейных кораблей»¹⁵⁸. В настоящее время, подсчитывает Вебер, «флот разросся до 40 военных кораблей и 300 галер»¹⁵⁹.

Но помимо размаха Вебера интересовали и другие данные о русском флоте. Сооружение Ладожского канала играло немалую роль в строительстве кораблей; теперь «подрядчики доставляют из Казани в Петербург все количество корабельного дубового ле-

¹⁵² «Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях», стр. 1660.

¹⁵³ Там же, стр. 1105.

¹⁵⁴ Там же, стр. 1703.

¹⁵⁵ Там же, стр. 1067.

¹⁵⁶ Там же, стр. 1063.

¹⁵⁷ Там же, стр. 1081.

¹⁵⁸ Там же, стр. 1452.

¹⁵⁹ Там же, стр. 1614.

са, потребное для постройки одного шестидесяти или семидесяти-пушечного военного корабля, за 12 или 14 тысяч рублей; а так как все остальные... материалы без исключения царь получает и приказывает обделывать в своих землях, то нетрудно исчислить, что флот стоит ему гораздо дешевле, чем другим морским державам»¹⁶⁰.

Вебер обратил внимание на очень важное обстоятельство. «Богатейший военный корабль с 90 пушками, построенный самим его величеством и одними русскими мастерами без помощи иноземцев, спущен впервые на воду, и все дивились отличной работе этого корабля. Корабль пошел в воде так хорошо и благополучно, что его величество сам махал шляпой и восклицал обычное «Ура» вместе с возгласами более чем 20 тысяч человек, бывших на берегу, и затем дозволил взойти на борт корабля всем желающим, сколько могло их поместиться на нем»¹⁶¹. Эта сцена выглядит у Вебера как символ независимости России от Запада в важном и искусном деле кораблестроения.

Флот стал не только военной силой, но и средством петровской дипломатии. От Вебера не ускользнуло, что «на три... эскадры посажены были два полка лейб-гвардии для высадки их в Финляндии, чтобы придать большую силу и вес словам русского уполномоченного на Аланде, где в это время происходил конгресс о мире»¹⁶².

В Петербурге создана Морская Академия; «в целой обширной России не было ни одной знатной фамилии, которая бы не была обязана выслать в эту академию сына или другого родственника от 10 до 18-летнего возраста... в этой академии собраны таким образом представители всего русского дворянства. Теперь уже четыре года как весьма сведущие профессора и учителя обучают этих юношей всем знаниям, относящимся до мореплавания, равно языкам, фехтованию и другим телесным упражнениям, и содержат их в строгом повиновении»¹⁶³.

Вебер заинтересовался и социальный аспект петровского времени. Автор не сомневался, что русский царь должен опираться на дворянство и духовенство, но при Петре эти отношения стали более сложными. Что касается дворянства, то перемены наступили уже при царе Федоре Алексеевиче; уже этот предшественник Петра отменил местничество, объявив боярам, что «отныне все вольности и прерогативы должны будут основываться исключительно на заслугах, а не на породе. Этому закону ныне царствующий импе-

¹⁶⁰ Там же, стр. 1691.

¹⁶¹ Там же, стр. 1613.

¹⁶² Там же, стр. 1614.

¹⁶³ Там же, стр. 1414—1415.

ратор дал полную силу»¹⁶⁴. Власть царя Петра над дворянством еще более усилилась; всю светскую знать «из целой России царь призвал в Петербург и постоянно имеет ее на виду, перед своими глазами; поэтому невероятно, чтобы этот монарх, пока он жив, мог чего либо опасаться»¹⁶⁵.

Вместо непокорного боярства, сидевшего по своим вотчинам, теперь царь имеет дело с придворным дворянством. Петровский двор начинает походить на современные ему западноевропейские дворы. Достаточно взглянуть на Петергоф, чтобы понять, что воздвигается новый Версаль¹⁶⁶, а попавший в придворное общество иностранец «до тех пор, по крайней мере, пока не вступит в разговор, решительно может подумать, что он не в России, а в Лондоне или в Париже»¹⁶⁷.

Более круто Петр поступал с церковью. Он предписал архиереям «не строить лишних церквей, не потворствовать юродивым, явлению ложных мощей и мпимо-чудотворных икоп и не вступаться в мирские дела»¹⁶⁸. Дело в том, что церковные традиции мешают государственной деятельности царя. Восточные патриархи через русскую церковь пытались вмешиваться в светские дела России; им из России шли крупные суммы денег. Царь стремился отучить русских от постов, ибо строгое их соблюдение «низвело в могилу несчетное множество солдат, матросов и рабочих людей».

Под влиянием царя люди стали меньше ходить на поклонение мощам, Петр преследовал появление «чудотворных» икон. Священника, который завел у себя такую икону, он приказал привести во дворец, «взять у него из дому чудотворную его икону, поставить перед священником, чтобы в присутствии его величества икона та совершила приписываемые ей чудеса. Но священник тотчас же повалился в ноги, сознался в своем обмане, вследствие чего и был посажен в крепость, где его подвергли жестокому телесному наказанию и затем лишили сана»¹⁶⁹.

Где причина столь неприязненного отношения Петра к русской церкви? Преобразовательная деятельность царя натолкнулась на сильное противодействие в самой России. «Невозможно описать смущение мыслящих по старине русских, для которых Петербург, корабли, вода, иноземные обычаи и язык кажутся ужасом, а так как в теперешних смутных обстоятельствах много виноваты русские священники, то легко отыскать причину, почему царь подрезал им крылья и определил им ограниченное содержание, приказав заниматься только церковью и священнослужением»¹⁷⁰. К недовольному духовенству и монахам прибавилась недо-

¹⁶⁴ «Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях», стр. 1448.

¹⁶⁵ Там же, стр. 1447.

¹⁶⁶ Там же, стр. 1104.

¹⁶⁷ Там же, стр. 1086.

¹⁶⁸ Там же, стр. 1408, примечание.

¹⁶⁹ Там же, стр. 1618.

¹⁷⁰ Там же, стр. 1436.

вольная часть дворянства и даже некоторые из ближайшего окружения Петра.

Больше того, сопротивление вошло в семью самого царя. В этой связи Вебер и рассматривает дело царевича Алексея. В Петербурге давно ходили слухи о назревавшем конфликте между царем и наследником престола. Еще когда Алексей лечился в Карлсбаде, а царь отдал ему предписание вернуться в Петербург, «царевич обнаружил мало охоты исполнить его; ходили слухи, будто он был недоволен тем, что до сих пор числился только сержантом»¹⁷¹. Размолвки отца с сыном завершились известной трагедией. Вебер описывает два параллельных судебных процесса — один в Москве: дело бывшей царицы Евдокии и генерала Глебова; другой в Петербурге: дело царевича Алексея. Вывод из этой трагедии он формулировал словами самого царя: «Если огонь попадает на солому и другие легко сгораемые вещества, то распространяется все далее вокруг себя; если же попадает на железо или камень, то гаснет сам»¹⁷².

Казалось бы, проще должны были строиться отношения царя с русским купечеством. Петр всемерно развивал торговлю и пахотил поддержку со стороны купцов. Но и в отношениях с купечеством не обошлось без осложнений. Предметом разногласий оказался чрезвычайно важный вопрос: Петербург или Архангельск должен быть средоточием внешней торговли России? Петр стоял за Петербург. Южный порт Астрахань не давал выхода на мировой рынок, не был связан с Черным, а следовательно, и со Средиземным морем; пачатое в 1707 г. строительство Волго-Донского канала подвигалось плохо. Главные расчеты царя строились на Петербурге. Новую столицу в принудительном порядке заселяли из России — не только рабочей силой, но дворянами и купцами. Когда Вебер приехал в Петербург, он нашел «кучу сдвинутых друг к другу селений, похожих на селения американских колоний», когда же он покидал Петербург, в нем насчитывалось до 40 тысяч домов. Через Петербург и должна была идти торговля с Западной Европой. Меньшиков уже называл Петербург второй Венецией. Архангельск должен был потерять свое былое значение.

Против этого купцы выдвинули свои «представления». Они доказывали, что «самая большая часть товаров, идущих за границу, собирается в местах близ Вологды, откуда с великим удобством по тамошним рекам отправляется в Архангельск. В Петербург же отправлять товары дальним сухим путем стоит гораздо дороже»¹⁷³. Кроме того, климат в Петербурге таков, что некоторые товары будут там портиться. А главное, шла Северная война и проезд по Балтике был опасен. Больше того, купцы хотели сделать Архангельск центром торговли не только с Западом, но и с

¹⁷¹ Там же, стр. 1105.

¹⁷² Там же, стр. 1447.

¹⁷³ Там же, стр. 1334.

Востоком. Был выдвинут грандиозный проект соединить реки огромной страны так, чтобы из Архангельска можно было проходить водным путем в Великий океан, а «следовательно, легко и кратчайшей дорогой сослаться с Японией и Ост-Индией, от чего государство русское получило бы великую пользу»¹⁷⁴.

Но помимо отношений петровского государства с богатыми, влиятельными сословиями, Вебера интересовали отношения с трудовым народом. Наш автор указывает на многие обстоятельства, ставившие крестьянство и всяких рабочих людей в неизмеримо тяжелое положение. Он не раз указывал на крепостное право — уже оно одно низводило простого человека до положения нищего и было причиной появления пустующих земель, в обработке которых мужик не был заинтересован. Но бесправие перед помещиком дополнялось бесправием перед государством; к государственным податям прибавлялся произвол и лихоимство чиновников. Даже «в самые тяжелые годы ни один двор не обязан был платить царских податей более 6 или 7 рублей», но «крестьянин выпущдаем был платить 13 и часто даже 15 рублей в год. Поэтому один русский, сведущий в подобного рода делах, сказал однажды: из собранных податных 100 рублей наверное каких-нибудь 30 рублей поступают в казну его величества, остальные чиновники делят между собою за труды свои»¹⁷⁵.

Вебер — современник, а возможно, и очевидец — дает такую характеристику чиновникам, даже самым низшим. «На этих людей посмотреть иначе и нельзя, как на хищных птиц, которые думают, что со вступлением в должность им в то же время предоставлено право высасывать крестьян до костей и на их разорении устраивать свое счастье. Поэтому-то какой-нибудь писец, хотя у него при определении на место всего имущества едва хватало на прикрытие нагого тела, в четыре или пять лет так разживается, что там, где бегут крестьяне, он скорехонько выстраивает себе каменные палаты, которых, разумеется, он не мог возвести из своего жалованья...»¹⁷⁶.

Но и на этом страдания простого народа не кончаются. Одна из важнейших причин народных бедствий «заключается в том, что страна обессилена убылью народа от теперешней войны; остальное население вследствие тирании чиновников и дворян не имеет ни охоты, ни расположения прилагать к чему-либо руки и помышляет только о своем ежедневном скудном пропитании»¹⁷⁷. К этому еще прибавляются мобилизации на государственные работы, где тяжелые условия порождают высокую смертность. Одно строительство Петербурга стоило крестьянству великого множества жизней. Крестьяне «бросают свои избы и дворы и убегают в леса, умножая собою толпы раскольников...». Их преследуют, но

¹⁷⁴ «Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях», стр. 1411.

¹⁷⁵ Там же, стр. 1136.

¹⁷⁶ Там же, стр. 1135—1136.

¹⁷⁷ Там же, стр. 1110.

они фанатически борются; однажды «настигли триста человек этих раскольников и загнали их... в одну церковь, чтобы забрать их, но они не дались в руки, а зажгли церковь и сами все побросались в пламя»¹⁷⁸.

Особую категорию простых людей в России представляет казачество — запорожское и донское. За службу по охране границ они освобождены от податей. Но казачество в то же время представляет для царя большую опасность. Вебер пытается показать это на примере восстания донских казаков под руководством Кондрата Булавина (1707—1708). Но автор прибыл в Россию спустя шесть лет после восстания, сведения его об этом восстании крайне бедны и отрывочны, он даже не называет руководителя восстания. Вебер лишь говорит о начале восстания и его конце. Спасаясь от набора в армию, «30 тысяч молодых крестьян бежали в землю донских казаков и пристали там к разбойничьим шайкам»¹⁷⁹. Отказ вернуть беглецов и послужил причиной военных действий против донцов.

Восстание было подавлено. Последствий этого подавления Вебер не называет, его интересует лишь одно: «Из этого народа царь извлекает известную теперь пользу, но считает преждевременным обучать их воинскому делу по немецкому образцу; в случае же надобности в наезднических отрядах, он призывает их и наделяет оружием...»¹⁸⁰.

Таков социальный разрез наблюдений Вебера. Но его внимание направлено, прежде всего, на преобразовательную деятельность Петра во всех областях жизни. Большое место заняла область культуры. Больше всего ганноверский наблюдатель пишет о том, что постоянно видел в самом Петербурге. Несмотря на тяжелую войну, царь делал все, чтобы поднять свой двор и столицу до западноевропейского уровня, вплоть до создания оперы. Он «принял также все меры к тому, чтобы сделать свою столицу приятной и для ученого мира... Если будет продолжаться постоянно приращение и теперь уже драгоценной библиотеки, то в немногие лет она станет наряду с важнейшими европейскими... по достоинству находящихся в ней книг. Превосходные картины, которыми обладает царь, нельзя купить ни за какие деньги. Вещи, перешедшие к нему от предков его и полученные им из всех азиатских областей, тщательно хранимые в Петербурге, составляют превосходнейший кабинет редкостей... Химические и другие редкости из царства растительного и минерального... сфера, представляющая систему Коперника, математические инструменты и

¹⁷⁸ Там же, стр. 1148.

¹⁷⁹ Там же, стр. 1154.

¹⁸⁰ Там же.

множество других вещей, состоявших прежде под наблюдением умершего царского лейб-медика Арескина, по справедливости заставляют удивляться, каким образом такое громадное, драгоценное собрание могло быть составлено здесь в столь короткое время»¹⁸¹.

Но бурно развивавшаяся культура имела в Петербурге особую сторону, о которой Вебер писал в ином тоне. Речь шла о петровских ассамблеях и о пирах петербургских вельмож. Только что приехав в Петербург, Вебер был приглашен на пир к адмиралу Апраксину. Сначала офицер, дежуривший при входе в залу, по ошибке спустил его с лестницы и ганноверскому послу пришлось, по его же словам, проделать «неприятный воздушный прыжок». Но немец оказался настойчивым, и на пир все-таки попал. Однако вспомнить потом, что происходило на пиру, он оказался решительно не в состоянии, ибо «дюжина бокалов венгерского и две кварты водки, которые я должен был выпить в два приема из рук... вице-царя Ромодановского, отняли у меня всякое чувство и разум; впрочем утешение оставалось мне в том, что почти все другие гости уже спали на полу, и пикто поэтому не мог заметить оплошности другого»¹⁸². В такое положение Вебер попадал всякий раз как только оказывался на любом пиршестве у царя или его вельмож.

При петровском дворе стали появляться образованные деятели, пример тому Дмитрий Кантемир. Это — «человек ученый, знающий многие языки, состоит членом Берлинского общества знаний. Его Турецкая история, ожидающая издателя, на греческом и латинском языках... заключает в себе много государственных тайн Оттоманской Порты»¹⁸³. Веберу довелось быть с Дм. Кантемиром на празднике в честь победы Голицына над шведами. Судя по всему они разговаривали друг с другом. На Вебера новый знакомый произвел впечатление человека «чрезвычайно приятного обращения. Так как в последнюю турецкую войну он принял сторону русских и впоследствии бежал из отечества, то царь подарил ему на Украине обширные поместья... В то время у него скончалась супруга, с которой он прижил двух князей и двух княжен; старший из князей произнес царю на греческом языке приветственную с пожеланиями счастья речь...»¹⁸⁴. Вебер рассказывает также о родственниках Дм. Кантемира¹⁸⁵, приводит текст одного из его писем¹⁸⁶.

Вебер обратил внимание на то, как обстояло дело с культурой на противоположном полюсе русского общества. В каждом селе есть церковь, но русские люди не отличаются набож-

¹⁸¹ «Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях», стр. 1419—1420.

¹⁸² Там же, стр. 1063.

¹⁸³ Там же, стр. 1646.

¹⁸⁴ Там же, стр. 1066.

¹⁸⁵ Там же, стр. 1156—1157.

¹⁸⁶ Там же, стр. 1408.

постью — «русский скорее обойдется без церкви, чем без бани»¹⁸⁷. Но «школ нигде по деревням нет... хотя ныне правящий царь, желая изгнать древнюю слепоту и невежество, имеет намерение поставить учителей для обучения детей чтению и письму по всем селениям своего государства, как это заведено уже в городах»¹⁸⁸. Как в городах, так и в деревнях царь насаждает культуру довольно прямолинейно. Например, крестьян от их длиннополых кафтанов царь решил отучить «довольно действительным средством». У городских застав «понаставили солдат, которые каждого крестьянина, прибывшего в город в длинном кафтане, ставили на колени и тут же обрезажали ножницами кафтан до колен, да кроме того взыскивали с него денежную пеню»¹⁸⁹.

А что случилось со старой столицей? Вебер предпринял в Москву специальное путешествие. Между Петербургом и Москвой располагалось 24 яма, на каждом было не менее двух десятков лошадей. «Такое удобство и дешевизна очень облегчают двору и купцам путешествия между Петербургом, Москвой и Архангельском, которые иначе совершались бы с великими трудностями»¹⁹⁰. От Петербурга до Москвы дорога заняла более трех суток; это была зимняя дорога, когда замерзли реки и болота. На обратном пути Веберу не повезло — он ехал три недели; застала весна, «мы должны были переправляться через двадцать или более рек, на которых не было ни мостов, ни паромов... Это было наитруднейшее из путешествий, какие когда-либо совершал я».

Вебер дал описание Москвы, в котором сумел передать впечатление очевидца. Это уже чувствуется в передаче внешнего вида старой столицы. В городе насчитывалось до 3 тыс. каменных зданий, но они разбросаны по всей Москве, а между ними располагаются тысячи деревянных домов, мало чем отличающихся от деревенских изб. От частых пожаров деревянные дома выгорают на больших пространствах, а поэтому между каменными зданиями образовались огромные пустыри, которые застраиваются очень медленно, так как строить деревянные дома запрещено указом, а каменные обходятся очень дорого. Дома, как и прежде, стоят в глубине двора и отделяются друг от друга каменной стеной на случай пожара. У каждого боярского двора стояла стража, которая деревянным молотком по большой доске отбивала часы. Улицы шли беспорядочно, только некоторые их участки были замощены.

Все это еще было от старой Москвы. Но появилась и новизна. Тут была аптека — «если не лучшая из всех в Европе, то могущая стать наряду с важнейшими из них. Аптека эта снабжает лекарствами армию и все большие города России ...ежегодно

¹⁸⁷ Там же, стр. 1127.

¹⁸⁸ Там же, стр. 1352—1353.

¹⁸⁹ Там же, стр. 1351.

¹⁹⁰ Там же, стр. 1347.

снабжается новыми запасами на двадцать и более тысяч рублей. Здание аптеки одно из лучших в городе, и все служащие в ней из немцев»¹⁹¹. В Москве появился большой зоопарк; в городе установлен большой глобус, закупленный в Голландии, и т. д.

В старой Москве функционировало три гимназии, где преподавателями царь поставил «многих русских ученых монахов, которые обучались в Польше, Украине и Пруссии». В первой из них насчитывалось до 400 учеников, а преподавались гуманитарные науки, в частности латинский язык. При посещении Вебером этой гимназии один из учеников «какой-то князь сказал искусную... речь на латинском языке, которая состояла из комплиментов. Во второй гимназии, насчитывавшей 700 учеников, проходили математические науки. «Преподавали в ней русские, но самый главный из них — англичанин, в совершенстве владеющий русским языком». Гимназия эта — поставщик слушателей в Петербургскую морскую академию. В третьей гимназии юноши обучаются наукам, «исключительно относящимся до мореплавания». В отличие от прошлых лет, Вебер по протекции высокопоставленных лиц посещал женские монастыри и был учтиво принят там.

Но Москва должна явно поступаться в пользу Петербурга. Московскую знать Петр принудительно переселяет в Петербург, царские покои в московском дворце опустели, трон вынесли из аудиенц-зала, поскольку царь не любит придворных церемоний. Служилый народ тянулся в новую столицу. Даже птиц, обильно водившихся в Подмосковье, царь приказал переселить в окрестности Петербурга. Если в Петербурге все было очень дорого, то в Москве была дешевизна; боярские поместья тоже упали в цене.

Москва стала оплотом старины. В Москве не носят париков, а бороду «очень чествуют, и после жизни считают ее дороже всего». Московская молодежь не хочет ехать в Петербург — из празднишатающихся тут молодых людей «можно было бы набрать еще препорядочную армию». Хотя в Москве и носят немецкое платье, но «на многих сейчас можно заметить, что они не привыкли к нему с детства».

Особенно упорно старина держится в Москве среди женщин. Женщины тут «содержатся очень уединенно и выходят только в церковь и к самым близким родственникам. Я видел много женщин поразительной красоты, но они не совсем еще отвыкли от своих старых манер, потому что в отсутствие двора за этим нет строгого наблюдения. Знатные одеваются по-немецки, но поверх надевают свои старые одежды, и в остальном держатся еще старых порядков, например, в приветствиях они по-прежнему низко кланяются головой до самой земли»¹⁹². За границу женщины у

¹⁹¹ «Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях», стр. 1375.

¹⁹² Там же, стр. 1381.

русских не принято посылать. Даже те, кто побывал за границей с мужьями, возвратясь в Москву, «бросают здесь заимствованные ими в чужих странах обычаи, не желая, чтобы старики смеялись над ними»¹⁹³. Даже в Петербурге женщины не всегда усваивают иноземные обычаи и это одному галантному немецкому кавалеру «пришлось дознаться собственным опытом, когда будучи в Кроншлоте, он пожелал было поцеловать у одной девицы руку и награжден был за это полновесной оплеухой»¹⁹⁴.

Происходило все это во время Северной войны. Война не является темой Вебера. На протяжении всей книги он вспоминает лишь о некоторых событиях, связанных с войной. Ему довелось быть свидетелем триумфального возвращения царя после победы при Гангуте — Вебер дал подробное описание триумфальной церемонии, в которой принимали участие флот, в том числе и захваченные шведские суда со шведскими же экипажами, во главе с копр-адмиралом Ершильдом; в шествии принимали участие войска, в том числе и пленные шведы. После шествия был пир, на нем Петр и Ершильд обменялись комплиментами. Петр обещал пленному копр-адмиралу свою милость, Ершильд сказал, что русские дрались как львы. Вебер сообщает также о переговорах со шведами, прерванных смертью Карла XII, говорит о подготовке к высадке русских в Скандинавии.

Но автора интересует прежде всего внутривполитический аспект Северной войны. Он обратил внимание на то, что в России большая часть полей остается необработанной; главная причина, как уже говорилось, состоит в том, что «страна обессилена убылью народа от теперешней войны»¹⁹⁵. Его интересовала проблема населения завоеванных Петром территорий. Дело в том, что население городов этих территорий Петр не раз переселял в глубь России. Некоторые в связи с этим попадали в очень тяжелое положение, некоторым потом разрешено было вернуться; «большая же часть... добровольно остались в местах, куда были высланы, потому что там они могли добыть лучшие средства существования, и не захотели покидать свои вновь приобретенные дома и земли»¹⁹⁶.

Больше всего Вебера занимала проблема пленных шведов в России. Проблема эта возникла после Полтавы, когда были захвачены в плен многие тысячи шведских солдат. Последующие победы увеличивали число военнопленных. Война затягивалась, большинству из них пришлось ждать мира больше десятка лет. Как складывалась судьба этих людей? Положение рядовых было

¹⁹³ Там же, стр. 1382.

¹⁹⁴ Там же, стр. 1383.

¹⁹⁵ Там же, стр. 1110.

¹⁹⁶ Там же, стр. 1108.

трудное; их использовали на работах, требовавших массового труда; «многие взяты на службу в черные полки в Казани и других городах; другие распределены по деревням, некоторые работают при крепостях»¹⁹⁷. В Сибири находилось 9 тысяч шведов, из 2 тысяч офицеров там жила половина. Сибирский губернатор Гагарин за трехлетнее свое пребывание на этой должности, относившийся к пленным хорошо, выдал им 15 тысяч рублей. Рядовые дважды получали из Швеции по три талера. Всего этого было недостаточно, чтобы жить сносно.

В гораздо лучшем положении были офицеры. Только десятая часть из них могла жить на свои средства, остальные должны были учиться «искусствам и ремеслам», чтобы жить. «Я видел в Москве работы этих людей — живописцев, золотых и серебряных дел мастеров, кузнецов, делателей карт, точильщиков, столяров, сапожников и портных, и лучшие московские мастера находили эти работы безукоризненными». Некоторые «выделывают лучшие золотые и серебряные парчи, другие становятся музыкантами, содержателями гостиниц, торговыми людьми, которым дозволяется разъезжать внутри страны... третьи, наконец, поступают в помощники к русским хозяевам»¹⁹⁸.

Вторгаются они и в область культуры. Некоторые из них «завели порядочные школы в несколько классов, в которых и обучают не только детей шведских пленных (некоторые шведы взяты были с их женами, другие же поженились на русских женщинах), но и русских, вверяемых им детей латинскому, французскому и другим языкам, а также морали, математике и всякого рода телесным упражнениям. Школы эти приобрели уже такую известность между русскими, что сии последние присылают в них для обучения сыновей своих из Москвы, Вологды и других местностей и городов». Один из офицеров «завел в Тобольске кукольную комедию, на которую стекается множество горожан... Словом, кто промышляет хоть каким-нибудь ремеслом, тот может доставить себе достаточное содержание»¹⁹⁹.

Кое-кто занялся изучением России. «Один шведский полковник... Шепстром, человек с хорошими средствами, с ученостью и умом, провел время плена своего в Сибири в интересных наблюдениях и изучении страны и ее обитателей»²⁰⁰. Другой, обитавший среди хантов, «живет там очень хорошо. Он приобрел такую любовь туземцев, что они снабжают его всем, что только ему нужно и во всех делах земли своей спрашивают его совета». Офицер этот говорил, что «он охотно закончил бы там и жизнь свою, если бы только семейству его дозволено было приехать к нему»²⁰¹. Вебер считает, что тем пленным, кто попал в Си-

¹⁹⁷ «Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях», стр. 1677.

¹⁹⁸ Там же, стр. 1398—1399.

¹⁹⁹ Там же, стр. 1399—1400.

²⁰⁰ Там же, стр. 1400.

²⁰¹ Там же, стр. 1071.

бирь, по-настоящему повезло — «они попали в такую дешевую местность, что за 12, за 20 рублей в год они имеют весьма порядочное продовольствие»²⁰². Вебер называет еще одну категорию пленных шведов, которые «приняли русскую веру, вступили в русскую службу и поженились на русских, чем и доставили себе безбедное существование»²⁰³.

В Москве есть и такие пленные, которые «занимаются исполнением разных поручений, справок, и люди эти все надежного поведения». Особую категорию военнопленных составляют шведы, живущие в Петербурге. Обычно, это — приглашенные работать в коллегиях, наряду с другими иностранцами. У них потребовали ответа — остаются ли они пожизненно на русской службе? Некоторые ответили на этот вопрос отрицательно, по большинство, «будучи шведскими вассалами и пленными, согласились на предложенные им условия, так как по предстоящему заключению мира, одни из них могли подвергнуться строгой ответственности по возвращении в отечество, а другие не предвидели в нем для себя никакого лучшего положения»²⁰⁴.

С Северной войной был связан вопрос об отношениях России с Западной Европой, которого Вебер бегло касается. Петр стремился к расширению связей с иностранными государствами — его Коллегия иностранных дел вела свое делопроизводство на 16 языках. «Нет в целом свете (дипломатической) канцелярии на стольких языках как в русской!» — восклицает Вебер. Русских начинают уважать за границей. Немцы, например, пришли к выводу, что «русский, вообще, почтенный и добропорядочный человек»²⁰⁵. Вебер ставит вопрос — почему Петр так ценит иностранцев? Ответ гласил, что такая политика вытекала из положения самого Петра. Вынужденный вести тяжелую борьбу с «партией Софии», постоянно наталкиваясь на сопротивление приверженцев старины, он невольно должен был опираться на иностранцев, «ставить русской злобе пемецкий противвес». Другими словами, Вебер объясняет все это личными соображениями Петра.

Но в то же время автор признает, что дружба с Западом насаждалась лишь в той мере, в какой это не противоречило интересам русской стороны. Доказательство тому известное дело имперского резидента Плейера, донесения которого сделали широко известным на Западе дело царевича Алексея и Кикина в невыгодном для Петра освещении. Петр потребовал не только отозвания Плейера, но и решил выслать иезуитов из России, ибо

²⁰² Там же, стр. 1400.

²⁰³ Там же, стр. 1399.

²⁰⁴ Там же, стр. 1658.

²⁰⁵ Там же, стр. 1077.

«всему свету хорошо известны вредные проделки иезуитов, а равно и то, как любят они вмешиваться в дела политические»²⁰⁶. Вебер убежден, что на капитуляцию перед Западом Петр не пойдет, о чем говорит его позиция о соединении церквей. В 1717 г. из Сорбонны царю был представлен очередной проект унии. Петр решительно отверг этот проект, а причины к тому были чисто политические. Вебер не говорит об угрозе независимости России, он видит лишь одну сторону дела — Петр подчинил себе русскую церковь и не в его интересах было встречаться с сопротивлением не только русского духовенства, но и римского папы²⁰⁷.

И над всем, что делалось в России, царит фигура царя Петра. Вебер не жалуется ни русский народ, ни сотрудников царя, но самого Петра он превозносит как только может. Ганповерский резидент доказывает, что «никто, хорошо знающий этого монарха, не станет оспаривать, что он первейший и разумнейший министр, искуснейший генерал, офицер и солдат своего царства, ученейший из всех русских богословов и философов, хороший историк и механик, искусный кораблестроитель и еще лучший мореход»²⁰⁸.

Но Петр не только первый ум в государстве, он наделен также высокими моральными качествами и неиссякаемым трудолюбием. Никогда «не было слышно, чтобы он пользовался хоть малостью для потреб двора своего или для своего удовольствия из тех денег, которые собираются со страны, за исключением своего генеральского и вице-адмиральского жалованья, которое, как по праву заслуженное им, позволяет он себе получать из воинской кассы»²⁰⁹. Уже этим он резко отличается от своего ближайшего окружения — казнокрадов и взяточников — не говоря уже о всей армии алчных чиновников.

Он прост в одежде. Даже на самых торжественных собраниях царь всегда «являлся в своем обыкновенном кафтане, и никто не запомнит, чтобы видел его когда-либо в древней, великокняжеской одежде или в чрезмерно богатом убранстве, к которому он чувствует природное отвращение...»²¹⁰. В отличие от царицы, которая очень любит роскошь, царь, «напротив того, любит всегда простую одежду и очень небольшую свиту». Как на один из примеров этого Вебер ссылается на поведение Петра в Москве во время следствия по делу генерала Глебова и бывшей царицы Евдокии; царь «не имеет у саней своих более двух или трех слуг, с которыми и разъезжает везде по городу и днем и

²⁰⁶ «Записки Вебера о Петре Великом...», стр. 1659.

²⁰⁷ Там же, стр. 1673.

²⁰⁸ Там же, стр. 1078.

²⁰⁹ Там же, стр. 1124.

²¹⁰ Там же, стр. 1444.

ночью; а при производстве следствия сам трудится более всех, хотя заведывающие оным возложено на тайного советника Толстого и на сенатора Мусина-Пушкина».

О втором и третьем томах «Преображенной России»

Первый том — главное сочинение Фридриха-Христиана Вебера, созданное по личным наблюдениям. Мировая историческая наука знает Вебера главным образом по первому тому его «Das veränderte Russland». Что касается второго и третьего томов, то они не переиздавались даже в их немецком оригинале и не переводились на другие языки. Причина состояла в том, что сам Вебер в России больше не был, теперь писал по чужим материалам и по рассказам очевидцев. Его повествование о России перестало быть свидетельством из первых рук. Интерес к этим сочинениям Вебера тем более падал, что начиная с Петра, книг о России на Западе стало выходить все больше и больше. Ограничимся поэтому лишь главными сведениями о содержании второго и третьего тома веберовского сочинения.

Второй том охватывает период 1721—1725 гг. В это время ни Ганновер, ни даже Англия не имели своих представителей в Петербурге. Когда Вебер покинул Петербург, Северная война близилась к концу при явном перевесе России. Во втором томе автор начинает с заключения Ништадского мира, рассказывает о торжествах в Петербурге по этому поводу. Из внешних событий Вебер рассказывает о войне с Персией. Но больше всего говорится о делах Петра в самой России. Это — деятельность петровского правительства, придворная жизнь, путешествия царя и царицы, следственные дела, о которых было много шума на Западе. Вебер приводит немало анекдотов о Петре, которые ходили тогда и в России, но еще больше на Западе. Завершается том повествованием Вебера о коронации Екатерины и смерти Петра. Не один раз Вебер вспоминает о своем пребывании в России. Это, видимо, не случайно — теперь ему очень не доставало материала, собранного им самим.

Третий том начинается со вступления Екатерины I на престол; автор дал довольно подробную биографию новой императрицы России. Большое место занимает рассказ об учреждении Академии наук, задуманной еще Петром. Много говорится о роли Шафирова, а также Меншикова, при этом дана пространная биография светлейшего. С меньшим знанием дела изложен послепетровский период — царствование Петра II, падение Меншикова, приход к власти новых лиц, особо рассказывается о роли Долгоруких, о болезни и смерти Петра II, а также о положении, которое сложилось в связи с этим. Немало говорится о войне с Персией, в книге дана статистика о состоянии русского флота. В томе приводится довольно часто анекдотический материал.

В конце тома — рассказ о приходе к власти Анны Ивановны и о засилии верховников.

Уже во втором томе появился новый компонент — документальные приложения. В третьем томе, где эти приложения содержат особенно много дополнительного материала, даю: мнение Феофана Прокоповича об обучении Петра II закопу божию; подробная программа преподавания наук Петру II Остермана; рассказ о путешествии Петра I в Западную Европу в 1697—1698 гг., речь Ф. Прокоповича при въезде в Москву Анны Ивановны и т. д. Для знакомства западноевропейского читателя с русской историей публикация русских документов имела особое значение.

Дипломатические донесения Ф.-Х. Вебера

Несколько неожиданно Вебер даже в своей дипломатической корреспонденции главное внимание уделяет внутреннему положению в России. Даже о Северной войне говорится мало (Донесения 11, 49, 59, 108). Эти многочисленные донесения Вебера, накопившиеся за четыре года, можно сгруппировать по темам.

Особое значение для ганноверского резидента имело отношение к Англии. Как уже говорилось, ганноверский курфюрст Георг в этот период стал английским королем. Петр же был сторонником отстраненных от власти Стюартов и вел переговоры с их сторонниками. В качестве уполномоченного Петра чаще всего Вебером упоминается царский врач Арескин. Делалось это с чрезвычайной осторожностью, но стало известно на Западе и вызвало враждебность Георга (Донесение 148). Вебер внимательно следил за сепаратными переговорами Петра со шведами о мире (Донесение 158, 166—171). Англия стремилась сохранить Швецию как военный противовес против России.

Большое место в веберовских донесениях занял трагический конфликт царя с сыном Алексеем. По сравнению с русскими источниками о самом конфликте донесения не дают ничего нового. Их значение в другом — они рассказывают, что ждал дипломатический корпус в Петербурге от этого конфликта? Это дает представление о позиции западных держав. В «Преображенной России» Вебер считал народное восстание в России невозможным — восстание Булавина он рассматривал как местное явление. В донесениях он говорит о возможности переворота другого характера — о победе партии царевича Алексея. Он полагает, что большинство в стране — духовенство, дворянство и народ — против Петра I (Донесение 123). Все должно завершиться всеобщей катастрофой (Донесение 119).

Отношение западноевропейских государств к ожидавшемуся перевороту было непростым. Никто из западных дипломатов в Петербурге не сомневался, что в случае победы партии Алексея дело бы ознаменовалось резней иностранцев (Донесение 121). Вебер рисовал полную картину после переворота в России: царем

станет Алексей, со Швецией будет заключен мир, шведам возвращены все потерянные ими области, Петербург сожгут, столицей снова станет Москва; должности губернаторов и комендантов отменят, большая часть войска будет распущена, все иностранцы перебиты, шесть теперешних фаворитов Петра посадят на кол, словом, воцарятся порядки на древний московский лад (Донесение 139). И в то же время западноевропейские государства были заинтересованы в свержении Петра. Из донесений Вебера явствует, что Швеция делала прямую ставку на свержение Петра (Донесение 95—96), датский резидент имел указание поддерживать Алексея (Донесение 112).

Из-за подобной позиции Запада Петр оказался в прямом конфликте с дипломатическим корпусом. Имперский посланник Плейер, сообщивший своему правительству о столкновении Петра с сыном, был выслан из России (Донесение 147, 346). Секретарь Плейера Фирст, сообщивший в Вену о болезни царевича Петра Петровича (Донесение 164), был вместе с сыном посажен в тюрьму и просидел там полгода; курьер из Вены исчез вместе с бумагами (Донесение 151). Гнев Петра был обрушен также на голландского резидента де-Би, польско-саксонского Лосса, голиштинского — Бассевича и др.

Одной из причин, делавших антипетровский переворот возможным, служили для Вебера частые выступления против петровских порядков, о чем он ничего не писал в «Преображенной России». Каждый день можно было услышать о нападениях на сторонников петровского режима (Донесение 13). В Москве такие случаи насчитывались тысячами (Донесение 28). Жители одной деревни напали на Меньшикова (Донесение 30). Сам Петр старался ходить только днем, потому что было известно о готовящихся на него нападениях (Донесение 48). Были сведения, что их организовал Кикин. Все это вызывало свирепые репрессии — были казни за намерение напасть на царя (Донесение 109—110). Ромодановский обрушивал массовые казни на Москву (Донесение 35) и т. д.

Как и в «Преображенной России», немало уделено внимания личности самого Петра; нового материала тут почти не встречается, но некоторые явления тут даются более пространно. Вебер сообщал своему правительству, что Петр серьезно болен (Донесение 170), гораздо больше, чем в главном сочинении говорится о том, как много делалось, чтобы поднять значение Петербурга, в противовес Москве и Архангельску (Донесения 12, 18, 22, 47, 49, 63 и др.). Более подробно рассказывается как Петр расправлялся со своими приближенными за казнокрадство — Меньшиков, Головкин, Апраксин, Гагарин (Донесения 40, 46, 52). Такие дела расследовал сам Петр (Донесения 101, 104, 107—108, 112, 116). Все побаивались расправы (Донесения 95, 98, 107).

Дипломатические донесения служат дополнением к главному труду Вебера «Преображенная Россия».

РОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ

1.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПОСЛЕПЕТРОВСКИЙ ПЕРИОД

Между эпохой петровских преобразований и «просвещенным абсолютизмом» времен Екатерины II пролегает полоса дворцовых переворотов, поздний рецидив феодальных смут, длительный и шумный антракт в истории русского абсолютизма. Боярство и широкие слои дворянства — «шляхетство» боролись между собой за государственную власть. Это было проявлением общих закономерностей эпохи формирования абсолютизма, имевших свое сходство и различие с подобными процессами на Западе.

Складывание абсолютизма, как известно, характеризуется борьбой двух тенденций в феодальном классе. Централизующим силам монархии, которая выступает как представитель феодального класса в целом, противостоят центробежные силы магнатов с их частными интересами. Борьба эта иногда выходила далеко за рамки феодальных верхов и втягивала в свой водоворот широкие слои дворянства (шляхта, рыцарство), буржуазию, ремесленников и крестьянство. От исхода этой борьбы зависела судьба складывавшегося централизованного государства. Западная Европа знает несколько вариантов формирования единого национального (или многонационального) государства во главе с абсолютным монархом.

Классическим примером, когда побеждает центральная власть и создается единое государство, являются Англия и Франция. Процесс этот шел там далеко не равномерно, знал свои подъемы и срывы, централизация власти порой сменялась феодальной анархией, но в целом эти страны — образец поступательного усиления абсолютизма. Как правило, города и рыцарство были на стороне центральной власти против произвола местных сеньоров. По иному сложилась судьба абсолютизма в Германии и Италии. Там абсолютизм стал складываться в рамках княжеств, что привело к тому, что в общенациональных масштабах эти страны представляли собой слабо спаянный организм. Германский император был лишь номинальным главой Германии. В Италии не было

даже номинального главы, на ее территории расположился ряд самостоятельных мелких княжеств во главе с городами. Был и третий вариант: в классическом виде мы встречаем его в Восточной Европе, а именно в Польше. Здесь ни города, ни шляхта не стали опорой королевской власти; вместе с папами они стали участниками бесконечного феодального беспорядка. В Польше феодальная анархия была наиболее глубокой.

Различные пути формирования абсолютизма в различных странах имели и различные *внешнеполитические* последствия. Там, где соотношение классовых сил приводило к более или менее прямолинейному складыванию единого государства с сильной центральной властью, государство оказывалось способным отстаивать свою национальную независимость, несмотря на отдельные неудачи. Периоды национальных невзгод сравнительно быстро преодолевались (неудачи Франции в Столетней войне). Государства со слабой центральной властью, как правило, оказывались менее способными противостоять внешнему напору. Типичным явлением для раздробленной Германии была Тридцатилетняя война, когда развитие страны было отброшено далеко назад, а хозяевами в стране оказались соседи, особенно Швеция и Франция. И только в эпоху капитализма произошло национальное объединение Германии. Национальная разобщенность Италии была, как известно, причиной больших национальных бед, которые завершились австрийским игом, свергнуть которое оказалась способной только объединенная Италия. Еще трудней сложилась национальная судьба Польши. Феодальная анархия довела шляхетскую республику до национальной катастрофы. Еще сподвижник Петра I П. А. Толстой писал, что из-за междоусобий паны и шляхта «много государства своего растеряли». Дело окончилось тем, что некогда большое и сильное государство надолго исчезло с карты Европы.

Период борьбы верховников и шляхетства в России был тем периодом, когда чаша весов исторической судьбы русского централизованного государства заколебалась. Терпевшее по необходимости тяжелую руку преобразователя, русское боярство, облеченное теперь в немецкие камзолы, спешило вернуть свои вольности, как только эта рука ослабела. Победа боярской реакции грозила возвращением России вспять, разрушением только что с таким трудом возведенного здания русского абсолютизма. Верховники «вместо одного толпу государей сочинили» (Щербатов). Однако в России абсолютизм в конечном счете устоял; верховникам противостояло шляхетство, которое трудно было убедить, что прозвол боярской олигархии лучше самодержавной власти единого царя, перед которым и спесивый боярин должен был склонять голову. Сопротивление верховникам диктовалось и интересами дальнейшего экономического развития России, которому был дан сильный толчок в годы Петра I. Поэтому купечество также оказало сопротивление боярской олигархии. Позиция А. П. Волын-

ского и его «конфидентов» показала, что между годами Петра I и годами Екатерины II не было полного разрыва.

При всей сутолоке дворцовых переворотов, при всей неустойчивости власти самодержцев этой поры, развитие политической власти в России, в конечном счете, шло к самодержавию. Годы владычества верховников оказались лишь временной заминкой в ранней истории русского самодержавия. Не только символическое, но и глубоко политическое значение имела неудача верховников перенести столицу обратно в Москву; это было выражением того факта, что возврат к временам боярства в России оказался невозможным. Не было полного разрыва и в идейном отношении. Связующим звеном здесь была знаменитая «ученая дружина» еще здравствовавших почитателей Петра I — Феофана Прокоповича, Антиоха Кантемира и Геродота русской истории — Василия Никитича Татищева. По словам Щербатова, это были люди, связанные «дружбою, разумом и своими видами».

Борьба верховников и шляхетства имела и свой внешнеполитический аспект. Окончась эта борьба победой верховников, России, судя по опыту других стран, могли бы грозить национальные беды. Этого, как известно, не произошло, но без иностранного засилья и в России дело не обошлось. Далеко не случайно бироновщина пришлась именно на этот период. Иностранцы в армии уже не были новостью в русских придворных кругах, в армии, в русской администрации, но то были иностранцы на русской службе. Для многих из них Россия становилась их новой родиной, но для значительной их части она оставалась чужой, варварской страной, язык которой они не считали нужным изучать. Столкновения между иностранцами и русскими могли происходить всегда и, нужно полагать, они происходили, но государственная власть в этих случаях едва ли была на стороне иностранцев. Даже при Петре I немцы, пытавшиеся вести себя заносчиво, получали решительный отпор. Сам Петр I, усиленно приглашавший в Россию иноземцев, был весьма крут с теми из них, кто презирал Россию. Воспитателю царевича Алексея Петровича быстро был вручен указ, как только немец повел себя непристойно — «иноземцу Нейтебауэру за многие его неистовства... и ближних людей, которые живут при царевиче, бранил и называл варварами, от службы отказать, и ехать ему без отпуска, куда хочет»¹.

Теперь эта неприязнь вошла в новый этап, она приобрела новое качество. Теперь такие временщики, как Бирон, Миних, Остерман и др., стали фактическими правителями России, а анти-немецкая борьба патриотически настроенной части дворянства, вроде кружка Волянского, рассматривалась как государственное

¹ П. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 65.

преступление, наказуемое смертной казнью. О положении в России в связи с немецким засильем довольно обстоятельно рассказали современники, в том числе и сами иностранцы. Наиболее характерным свидетельством подобного рода являются донесения и письма французского посла в России того времени Шетарди, изданные Пекарским². Антинемецкий крен политики французского дипломата заставлял его ближе присматриваться к этой стороне русской действительности.

Так как Анна Ивовна, самодержавная правительница России в десятилетие 1730—1740 гг. «провела свою молодость в Курляндии и Ливонии, то пристрастилась к иностранцам, что ее уже несколько удаляет от обычаев ее народа»,— начинает Шетарди свое суждение по этому вопросу. Взгляд французоз на положение в России был выражен в своеобразной формуле в одном из писем кардиналу Флери в мае 1738 г. Русский народ «допускает управлять собою первому встречному. Немцы (если можно так назвать сборище датчан, пруссаков, вестфальцев, голштинцев, ливонцев и курляндцев) были этими первыми встречными; они и воспользовались руками и ногами этого народа и управляют его движением»³.

Опытный глаз Шетарди заметил, что от господства чужеземцев больше всего страдал простой народ, поскольку это господство еще больше усиливало тяжесть крепостничества. «Большая часть полей остается необработанными по 5 и 6 лет. Жители пограничных областей спасаются к соседям; в особенности Украина ныне почти совершенно пуста»⁴. Народ больше всех ненавидел иностранное иго; это сказывалось и в самой столице — «раболепие знатных и дворянства пред чужеземным игом и недоверие, господствующее между ними из зависти, дают здесь солдатам превосходство для верного совершения переворота»⁵. Французский посол — активный участник заговора Елизаветы, больше всего возлагал надежду на народ, ибо «несомненно было, что народ и солдаты служили основанием партий; и... только после того, как они начнут дело... лица из высших чинов и офицеры, приверженные к принцессе, в состоянии высказать свое чувство»⁶.

Что касалось знати, то открыто выступали против немецкого преобладания в стране только отдельные фамилии, к которым принадлежали Долгорукие. Был момент, когда на них обрушились репрессии Бирона. «Продолжаются самые строгие розыскания участников Долгоруких,— писал по этому поводу Шетарди.— Чем больше вникают в дело, тем более открывается виновных.

² «Маркиз де ла Шетарди в России 1740—1742 годов». СПб., 1862.

³ Там же, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 53.

⁵ Там же, стр. 419.

⁶ Там же, стр. 421.

Уже казнены смертью во внутренности московского замка более 86 заговорщиков и более 200 лиц недавно арестованы по тому же делу. Трудно предвидеть, какой будет исход сильного брожения, которое царствует теперь в России»⁷.

Переворот Елизаветы рассматривался как долгожданный акт, который «возвратил Россию самой себе»; русские «знатные и простые смотрят на восшествие на престол Елизаветы, как на копец тиранического царствования пемцев»⁸. Сторонники пемецкого правления были в панике, причем наибольшую опасность они ожидали со стороны того же простого народа. Секретарь саксонского посольства Пецольт записал: «Все дело было начато чернью и недостаточно целой тетради для описания наглости ее, и потому мы, бедные иностранцы, трепещем и дрожим здесь, особенно когда известно, что за враги нам были Долгорукие и прочие возвращенные»⁹.

Но России грозили новые беды. После прихода к власти Елизаветы Швеция сочла подходящим моментом, чтобы при содействии Франции вернуть территории, потерянные в Северной войне — вплоть до захвата Петербурга и вытеснения России с Балтийского моря. Франция, в свою очередь, рассчитывала подчинить себе Россию. Принц Конти, носившейся с мыслью жениться на Елизавете, писал: «Огромная выгода, которую извлечет король из тесного союза с Россией, особенно, когда он будет упрочен возведением на престол Московии французского принца, так ясна, что мне кажется бесполезным распространяться о том. Распорядители юга и в скором времени Германии, мы... будем таковыми и на севере»¹⁰. И только в годы Екатерины II Россия постепенно начинает возвращать себе самостоятельную роль на международной арене. Эти внутренние события и перемены во внешнем положении России имели отражение и в русской исторической науке.

2.

В. Н. ТАТИЩЕВ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ

Василий Никитич Татищев (1686—1750) был не только современником, по порой и участником событий, связанных с борьбой дворянских группировок во второй четверти XVIII в. В своей «Истории Российской» он обрушивал на верховников аргументы от истории, доказывая, что их притязания противоречат историческому опыту. Как и другие представители «ученой дружины», Татищев — рационалист и просветитель, и все это сочетается у

⁷ «Маркиз де ла Шетарди в России 1740—1742 годов», стр. 53.

⁸ Там же, стр. 411.

⁹ Там же, стр. 413.

¹⁰ Там же, стр. 497.

него с защитой крепостного права, нерушимости политических прав дворянства, незыблемости русского абсолютизма. Он — прощепенный барин и царский слуга¹¹.

Правда, с дворянско-просветительским взглядом на историю Феофан Прокопович выступил раньше Татищева, при этом он, несомненно, превосходил Татищева эрудицией в области западно-европейской истории. Тем не менее, Татищев — новое и выдающееся явление в истории русской исторической науки. Создание труда по истории России стало делом жизни Татищева. Это был первый в России исторический труд в рамках дворянской идеологии, основанный не только на единой концепции, но и на широкой базе источников. В те времена попытка создать исторический труд такого масштаба и на таком документальном основании была постоянным подвигом.

Какие задачи ставил перед историей Татищев? История является существенной частью общественной жизни, ибо «никакой человек, ни один стан, промысл, наука, ниже кое либо правительство, меньше человек единственный без знания оной совершен, мудр и полезен быть не может»¹². Объясняется это тем, что история не есть только взгляд в прошлое, она выступает как двуликий Янус, который о «прошедшем обстоятельно знал и о будущем из примеров мудро рассуждал»; история дает опыт для определения будущего. На первое место по важности Татищев ставил изучение собственной страны, но в то же время не человеку, но и каждому правительству необходимо располагать знаниями «не только о своем, но и о других государствах, в каком прежде состоянии было, от чего в какую премуену пришло и в каком состоянии находится, с кем когда какое прение или войну о чем имело, какие договоры о чем поставлено и утверждено»¹³. Это необходимо как потому, что без знания зарубежной истории «своя не будет ясна и достаточна», так и потому, что это в гораздо большей степени вооружает людей для предугадывания будущего.

Но мало осознать необходимость истории, нужно уметь решать задачи, встающие перед самим историком. Одни говорят, что историку достаточно знать факты и уметь их изложить, другие утверждают, что историю можно понять, лишь овладев высота-

¹¹ Л. А. Петров. Философские взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира. Иркутск, 1957; он же. Социологические взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира. Иркутск, 1958; Г. М. Дейч. В. Н. Татищев — историк и государственный деятель (1686—1750). Свердловск, 1962; «Материалы к биографии В. Н. Татищева. Доклады на секциях Ученого совета». Свердловск, 1964; «Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Vasilij N. Tatischev (1686—1750)». Berlin, 1963; S. Blanc. Tatischev et la pratique du mercantilisme.— «Cahiers du monde russe et soviétique». Paris, 1969, vol. 10, N 3—4, p. 353—370; В. А. Кучкин. К спорам о В. Н. Татищеве.— «Проблемы истории общественного движения и историографии». М., 1971, стр. 246—262.

¹² В. Н. Татищев. История Российская. Т. М. — Л., 1962, стр. 89.

¹³ Там же.

ми философии. Татищев считает, что первое мнение «скудно», второе — «избыточественно». Исследователь, владеющий только фактами, подобен человеку, располагающему материалом для постройки дома, но не самим домом. Чтобы построить самый дом, нужно владеть «попятием» — иметь определенный плап постройки, другими словами, историк должен владеть *теорией*. Однако эта теория — философское осмысление исторического процесса — должна опираться па факты, и притом проверенные и отобранные, чтобы не принять басни за истину. Иначе историка ждут неизбежные неудачи; даже «преславные философы, начав историю, погрешили». Татищев имел в виду зарубежных историков и, прежде всего, Пуфендорфа. Соединение исторической теории с фактами действительности и есть рождение *исторической науки*. В России эта заслуга принадлежит Татищеву.

В своей работе историк России должен опираться не только на отечественные источники и литературу, но и на иностранные материалы по своему предмету, ибо, например, западные историки «всех древних авторов переведши, презрядными комментариями и примечаниями изъяснили и довольные росписи сочинили». Сам Татищев был образцом выполнения этого требования. В работе над «Историей Российской» он опирался на огромный, собранный им самим, фонд литературы и источников на иностранных языках. «Книги немецкого и польского, яко способных мне языков, от древних писателей переведенные, собрал, а неколико с латинского, французского и татарского языков прилежал переводить, и тако собрал число книг более 1000»¹⁴. Остается пожалеть, что эта великолепная, с таким трудом собранная историческая библиотека Татищева сгорела после смерти ее хозяина.

Это была рабочая библиотека исследователя. Книги на немецком и польском языках Татищев читал в подлиннике, для перевода книг с других языков он искал переводчиков, посылал сделанную ими работу для проверки в Академию наук. О работе над иноязычными материалами рассказал сам автор. Нил Попов в приложениях к своей книге «В. Н. Татищев и его время» приводит донесение Татищева в Коллегию иностранных дел, где говорится, что автор «Истории Российской» свой труд «колико возможно с европскими, а паче с польскими и немецкими гисториками согласовал и несколько с латинского велел перевести, както: Кромерова о Польше, Гельмольдиева и Арнольдова о славянах, Плиниева География, Кирхеровы примечания о татарской хронологии, да с татарского две гистории переведены и в Академию посланы; да Академию просил, чтоб персидию гистории находящейся тамо манускрипт велели перевести моими деньгами, а ныне еще переводятся Страбонова География с латинского и Абулгаси хала — с татарского; токмо оных еще не довольно, а мнится мне чтоб и калмыцких гисторей ко изъяснению употребить»¹⁵. При-

¹⁴ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 90.

¹⁵ Н. А. Попов. В. Н. Татищев и его время. М., 1861, стр. 657—658.

чиной обращения Татищева к помощи Коллегии иностранных дел были все те же поиски иноязычных источников¹⁶.

Татищев относился весьма критически к иностранным авторам и документам. Даже к античным трудам он не подходил с открытыми глазами, и тем более это относилось к современной ему западной литературе. Его угол зрения совершенно определенный — он ищет сведений о славянах, он настойчиво хочет проникнуть в те далекие времена, чтобы увидеть истоки русской истории, пытается из иностранных источников «нечто к сочиняемой истории почерпнуть». Но то, что находил он там, обычно были «клеветы бесстыдные и поношения неправедные». Не всегда это было сознательным искажением славяно-русской истории, это происходило и от «незнания сущего состояния». Все это приводило к тому, что «История Российская», особенно ее I том, наполнен полемикой с западной историографией. В противовес западным авторам Татищев излагал свой взгляд на изучаемую проблему, в противовес западным словарям составлял свои словари. Татищев — автор неоконченного и оставшегося в рукописи, но весьма солидного «Лексикона исторического и географического».

Концепция мировой истории Татищева

Причина, которая понуждала Татищева с такими усилиями и удивительной настойчивостью изучать чужестранный исторический материал, вытекала из самого подхода Татищева к истории России — он мыслил ее только на фоне и в связи со всемирной историей. Иностранная литература помогала ему решать главные проблемы, которые он перед собой ставил. Такой проблемой для него была, прежде всего, концепция *мировой истории*, та историческая теория, без которой он не представлял себе историка. Эту концепцию он формулировал отчасти в «Разговоре двух друзей о пользе наук и училищ», но с наибольшей полнотой в 45 главе «Истории Российской».

Татищев исходит из теории естественного права в той ее форме, которая, с легкой руки Пуфендорфа, была распространена тогда в дворянских кругах России; ее исповедывал Феофан Прокопович, Татищев лишь снабдил ее своей исторической аргументацией. Основа общественного строя — естественный закон, заложенный в самой природе человека. Этот закон является общим для всех народов, но в то же время каждому народу присущ свой «самозвольный» закон. В одиночку человек «недостаточен», поэтому он вынужден вступать в «сообщество». Первое такое общество — *семья*. Уже в этом естественном объединении зарождается принцип господства и подчинения. Поскольку «никакое сообщество, малое или великое, без начальства и власти быть не

¹⁶ Перечень иностранных источников, которыми обладал Татищев, см.: «Материалы для истории Академии наук», т. III, СПб., 1886, стр. 14—15.

может», то муж как существо наиболее одаренное от природы становится главой семьи.

Размножение семей ведет к образованию второго сообщества — *рода*. Рамки этой общественной формы создают возможность появления бедности и богатства. Это также естественный процесс. Люди старые, обладавшие опытом, но утерьявшие физические силы, и люди молодые, обладавшие этими силами, но не имевшие опыта, вступают между собой в договор, согласно которому «старейший имеет власть оному повелевать, его всем потребным довольствовать и на все полезное наставлять, а младший обязался все повеления оного верно и прилежно исполнять; следовательно, один в пользе другого взаимно прилежать učinились должны... Принявший во услужение господин, а наддавшися слугители или холопи именовались»¹⁷. Холоп — состояние договорное, раб — «есть невольник вечный и наследственный». Этот пункт своей концепции Татищев старается особенно тщательно аргументировать, ибо в этом он видел теоретическое обоснование своих крепостнических взглядов. В свидетели себе он призывает апостолов, а также Гуго Гроция, Пуфендорфа и популярного тогда в Петербурге в связи с его участием в создании Академии наук Христиана Вольфа. Это указывает на источники концепции мировой истории Татищева.

Люди селились *городами*. Первой причиной к тому была общая безопасность, ибо с размножением людей «зависть, ненависть и злость в сердцах нечестивых возросли, оные немощных и неосторожных грабить и убивать начали». Второй причиной была хозяйственная необходимость; «для того разных промыслов и ремесл люди совокуплялись, дабы всяк свободно потребное себе в близости достать и своим промыслом других довольствовать»¹⁸.

Вместе с тем развивалась *государственная власть*. Из отцовской власти в семье она разрастается до масштабов власти в целом государстве, ибо «никакое сообщество без начальства, а начальство без преимущества и власти быть не может, потому и в гражданстве явилась нужда для распорядка правления и повеления иметь начальство»¹⁹. Что касается форм правления, то у Татищева они фигурируют в том виде, как они были классифицированы Аристотелем и Полибием и были широко распространены в современной ему западной литературе. Наиболее «порядочные» из этих форм — *монархия, аристократия и демократия*. Но они могут вырождаться: монархия — в тиранию, аристократия — в олигархию, демократия — в охлократию (господство «черни»). Известной гарантией от такого вырождения являются смешанные формы: сочетание монархии с аристократией, монархии с демократией, аристократии с демократией или всех трех форм сразу.

¹⁷ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 360.

¹⁸ Там же, стр. 361.

¹⁹ Там же.

Какая из этих форм будет лучшей, это надо решать, исходя из обстоятельств. В «единственных градах и малых областях полиция или демократия удобно пользует и способность сохраниться может. В величайших, по от нападения не весьма опасных, яко окружены морем или непроходимыми горами, особливо где народ науками довольно просвещен, аристократия довольно способной быть может, как нам Англия и Швеция видимые примеры представляют. Великие же области, открытые границы, а наипаче, где народ учением и разумом не просвещен, а более за страх, нежели от собственного благонравия в должности содержится, тамо оба первые не годятся, но нужно быть монархии»²⁰.

Такова социологическая концепция мировой истории Татищева. Опираясь на Гуго Гроция, С. Пуффендорфа и Х. Вольфа, он заявлял о своем несогласии с другими западными авторами и, прежде всего с Макиавелли, Гоббсом и Локком, считая, что их взгляды «более вредительные, нежели полезные», порождают у людей «странные, с мудростию и пользой государства несогласные рассуждения». Он не мотивирует своего несогласия с ними, но о причинах этого можно судить с большей долей вероятности. Идеи «Государя» Макиавелли с культом единодержавной диктатуры и неразборчивостью в средствах для ее установления в Италии не укладывались в схему Татищева, по канонам которой для Италии как страны, защищенной морем и горами, в качестве лучшей формы правления полагалась аристократия. То же самое можно отнести и к Гоббсу. Татищев прямо упоминает Англию как идеальную страну аристократии. «Левиафан» же Гоббса ратовал за окровавленную монархическую диктатуру. Идеи Джона Локка тем более противоречили концепции Татищева. Книга «The Treaties of Government», которую Татищев называет «Правлением гражданским», исходит из такого понимания естественного права, в силу которого подданные могут расторгнуть общественный договор в случае нарушения его государем. Не могли быть приемлемы для Татищева и идея конституционной монархии и принцип разделения властей, которым в концепции Локка принадлежит большое место.

Что же касалось России, то для нее, по социологии Татищева, была уготовлена монархия и только она. Это не было для него только теорией. В 1730 г. он подал Совету верховников специальную докладную записку, где доказывал закономерность сильной монархической власти в России. Помимо своих социологических положений, он старался опереться на исторический опыт древности. Ассирия, Египет, Персия, государство Александра Македонского и Рим, по мнению Татищева, были прочны до тех пор, пока сильна была власть монарха; «когда же подданные дерзнули для собственного любоимения или властолюбия власть монархов

²⁰ Там же, стр. 362 (Курсив наш.— М. А.).

уметь, тогда вскоре государства с крайнею бедою прежде подвластным бывшим в рабство подвергнулись, о чем Иоанн Грозный речью князем, под власть монархии покоренным, произрядно изъяснил»²¹.

Следует иметь в виду, что концепция мировой истории, как она сложилась в XVIII в. и которую в России первыми формулировали Феофан Прокопович и особенно В. Н. Татищев, оказала влияние на всю последующую русскую дворянско-буржуазную историографию. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции и в науке и в преподавании утверждалось, что первоначальной ячейкой человеческого общества была семья; их объединение дало род; объединение родов создало государство; социальное пераевенство возникло в силу разделения обязанности между старейшинами и остальной частью рода и т. д. Все это выступало в различных вариантах, а суть оставалась все той же. Большую роль в долговечности этой теории сыграла видимость наукообразности, в этой логической конструкции отсутствовал бог, хотя сама конструкция копировала библейскую схему о первозданной семье и была построена на идеалистическом основании.

У Татищева эта связь самая откровенная — создателем всей излагаемой им закономерности выступает бог, вся схема Татищева носит печать провиденциализма, цитаты из священного писания выступают в роли доказательства наравне с аргументами из книг историков, а все это являлось основой, на которой воздвигалась насквозь идеалистическая концепция. В частности, это сказалось на периодизации мировой истории, которая создавалась на базе этой концепции и которой следовал Татищев. Решающим критерием при установлении этой периодизации служило идейное развитие общества, история его культуры. Первым этапом в истории человечества считался *дописьменный* период, второй начинался с изобретением *письма*, третий — от появления *христианства*, четвертый — от *книгопечатания*. Все зависело от просвещения, а просвещение — от государства. В этой связи проблема государства и формы правления заняли у Татищева огромное место.

Такова концепция мировой истории Татищева, которую он строил, опираясь на иностранных авторов, что неизбежно заставляло обращаться к западноевропейской истории. Без этого Татищев не мог выполнить свое собственное требование к историку — обладать исторической *теорией*, без которой история не может быть наукой. Но этим дело не ограничивалось. Другой, не менее важной причиной, делавшей неизбежным обращение Татищева к западноевропейской истории, была *практическая необходимость*. Достаточно присмотреться к тому, как работал Татищев над «Историей Российской». Было намечено два раздела. В первом предполагалось дать русскую историю «до Рюрика», во втором —

²¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 362.

«от начала русских государей до нашествия татар». Эти части были неодинаково обеспечены источниками — если вторая часть могла опираться на русские летописи, то для первой части они давали слишком недостаточный материал, между тем, как Татищев, ставивший целью проникнуть к истокам русской истории, нуждался в этом материале. Оставалось искать его в зарубежных и, прежде всего, в западноевропейских источниках.

Речь шла о древнейшем периоде русской истории, поэтому понятен тот огромный интерес, который проявил Татищев к античным авторам. Одно из коренных положений Татищева о том, что без всемирной истории «своя не будет ясна и достаточна», не было для него пустым звуком, оно родилось из практики и его авторской работы. Античные исторические труды были именно тем фондом источников, который должен был пополнить источниковедческую базу для древнейшего периода русской истории, сделать свою историю понятной. Обращение к античным историческим трудам было связано с необходимостью знакомиться с современной западной литературой, ибо западные историки «всех древних авторов переведши, презрядными комментариями и примечания изъяснили и довольные росписи учипили».

Это был гигантский труд, который оказал влияние на весь ход работы Татищева над «Историей Российской». Государственная служба, как известно, забирала у автора очень много времени, была связана с переездами, долгим пребыванием вдали от научных центров. Переводы античных авторов — Татищев не знал древнегреческого и латинского языков — тоже стояли большого времени и труда, уж не говоря о самой работе над этими источниками. Многолетняя трудоемкая работа Татищева над дорюриковской частью его сочинения грозила затянуться до бесконечности. Это заставило автора отложить работу над этой частью и взяться за вторую, более обеспеченную русскими источниками. Вторая часть была закончена раньше первой, и только после этого Татищев вернулся к первой, наиболее трудной для него.

Татищев и античные писатели

Первой проблемой, которая требовала обращения к античным писателям, была проблема о времени появления славянской письменности. В концепции Татищева этот вопрос занимал важное место — это решение должно было определить рубеж между двумя периодами общеславянской истории — периодом дописьменным и периодом, бравшим начало от появления письма. Татищев выступил против неверного тезиса немецкого историка Готлиба Самуила Трейера²² и известного петербургского академika Гот-

²² В данном случае речь идет о его книге «*Einleitung zur moscovitischen Historie von der Zeit an da Moscov aus vielen kleinen Staaten zu einem grossen Reiche gediehen, bis auf den Stolbovischen Frieden mit Schweden anno 1617*». Leipzig, 1720. Книга имела в библиотеке Татищева.

либа-Зигфрида Байера²³ о том, что русские до Владимира не имели письменности. Он ставит своей задачей доказать, что «славяне задолго до Христа и славяно-руссы собственно до Владимира письмо имели», и в доказательство этого обращается к свидетельству античных писателей. Татищев, прежде всего, пытается проследить за географией расселения славян. Свидетельством ему в этом служат данные «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского о том, что первоначально славяне якобы жили в Сирии и Финикии, затем переселились в Колхиду и Пафлагонию, откуда во времена Троянской войны под именем гетов и галлов перешли на северный берег Средиземного моря и основали Венецию. Этого же мнения придерживались Стрыйковский, Бельский²⁴ и др.

К этому Татищев причисляет и известия Геродота о скифах; отсюда он делает вывод, что поскольку «не иные народы, токмо славяне и сарматы в сих странах обитали, которых греки скифами именовалп... следственно, оные наши и других многих из сих стран произшедших народов *предки были*»²⁵. Тезис о скифах как предках славян позволил Татищеву все сведения о скифах, которые встречаются у Плутарха, Страбона, Диогена Лаэртца и Плиния, рассматривать как сведения из истории древних славян. К этому он с такой же легкостью присоединяет и данные Константина Порфирородного и Гельмольда, писавших о более поздних славянах.

Все эти сведения для Татищева были очень важны — в них он хотел найти основания, чтобы сказать — если древние славяне соприкасались с народами, имевшими письменность, в том числе и с древними греками, то «несумненно письмо от них... имели». Такой вывод, в свою очередь, был исходным моментом для другого, очень важного для Татищева вывода, который, собственно, и составлял цель всей этой сложной манипуляции с античными источниками. «Посему, если письмо имели, то несумненно и о имени истории верить можем»²⁶. Еще в античное время славяне имели и письменность по историю — вот что хотел доказать Татищев.

Но тут вставало серьезное препятствие — этот вывод не подтверждался русскими источниками. Татищев пытается обойти это

²³ Татищев пользовался данными Байера при определении этнографической карты Восточной Европы в древности, но вместе с тем и вел с ним полемику по широкому кругу вопросов древней русской истории. Взгляды Байера были изложены в его статьях, выходявших в «Commentarii Петербургской Академии наук.— «De origine et prisicis sedibus Scytharum» (t. I); «De Scythie situ qualis fuit sub aetate Herodoti» (там же); «De Venedia et Eridano fluvio» (t. VII); «Origine russicae» (t. VIII) и др. Возражения Татищева см. в главах 16, 17, 24 и 32 «Истории Российской».

²⁴ «Хронику» Матвея Стрыйковского Татищев оценивал очень высоко и пытался организовать ее перевод на русский язык. «Хроника» Мартина Бельского также была в библиотеке Татищева.

В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 94.
Там же, стр. 96.

присутствие — он заявляет, что летописец Нестор был далеко не первым историком славяно-русов, что «прежде Нестора и задолго писатели были». Предшественником Нестора мог быть Иоаким Новгородский — автор Иоакимовой летописи. Больше того, судя по сказаниям, славяно-русы более древние «истории письменные имели, да оные давно уже утрачены и до нас не дошли, а к тому изустные предания служить могли, как Иоаким и о песнях народных воспоминает»²⁷. Вывод, к которому приходил Татищев, гласил: «И тако достоверно видим, что прежде Иоакима и Нестора историописатели были и книги оставлены, да оные погибли или исчесть, где хранятся, да нам неизвестны... Распропасть же историям нашим в так великих разорениях весьма случаев много было»²⁸. Он воспоминает народы древности, которые растеряли массу своих исторических свидетельств; даже римляне, которые «книги высоко почитали и хранили, но из них також много погибло».

Многое из того, что с легкой руки Диодора Татищев вычитал у античных авторов относительно славян, было опровергнуто последующей наукой. Не подтвердились его предположения и об Иоакимовой летописи. Но повернется ли язык, чтобы осудить за это Татищева; он был первым русским ученым, кто в исследовательском плане пытался выйти за пределы русских источников и рассматривал древнейший период русской истории в связи с историей тогдашних народов. Весьма ценной была и его мысль обратиться к народному творчеству — устным преданиям и песням.

Сам Татищев не смотрел на свои выводы, как на доказанную истину; он подчеркивал, что «сие токмо по мнению моему»²⁹. Относясь критически к своим заключениям, он, несмотря на ошибки, старался сохранять критическое отношение и к античным источникам. Надо сказать, что Татищев хорошо знал произведения античных писателей. Так, он подробно пересказывает и так же подробно «изъясняет» (комментирует) интересующие его сведения из геродотовой «Истории», хотя и не уверен в своей правоте. «Сие все, что в Геродоте наших стран и народов касающееся паходится и что мне достойным ко внесению показалось здесь выбрал и оное следуюсчим, но более по догадке нежели доводно изъясняю, что любопытному и более в древности сведующему лучше изъяснить не мешает»³⁰.

Изучая седьмую книгу страбоновой «Географии», Татищев приходит к выводу, что тот о скифах и сарматах знает очень мало, «занае в сии страны, для дикости народов, езить и положения осмотреть, ниже подлинно наведаться удобности не было, а принуждены неправедно сказываюсчим верить. Как он с герма-

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стр. 97.

²⁹ Там же, стр. 93.

³⁰ Там же, стр. 141.

нех гораздо ближайших и чрез войны с римляны неколико более сведомых говорит, что об них только до Ельбы неколико известны, а за Ельбу уже никто не бывал, хотя известно, что Август оною до Ельбы и дале морем описать посылал... И для того не дивно, когда у сих так мудрых людей неясности и невероятности баснословные находятя. Однако ж можно сказать, что у него гораздо меньше басен, нежели у последовавших»³¹.

Еще более критического отношения требует Плиний Старший, потому что у него «по тогдашнему худому и недостаточному о весчах мира знанию басен много находится, мпожество различных чудовпсч вымышленных, и нигде столько оных, как в пределах наших, яко весьма тогда им мало знаемых... Но затем много у него полезного и ко известию нуждного находим, для которого сии его книги неоднократно от разных ученых людей переведены, примечаниями изъяснены и на разных местах печатаны»³².

Клавдия Птоломея Татищев считает первым «в порядочных географях», он «первую систему мира положил, которая хотя пыне коперниковскою отвергнута. Второе, порядочное с наблюдениями остропомическими градусов широты и долготы земли сочинил; хотя многое с настоящим и лучше известным весьма несходственно, да сие не в погрешности его наблюдений... но погрешность сказывателей о расстояниях, и, не имея лучшего способа, принужден был им верить»³³.

Это критическое отношение к источникам приводило к тому, что Татищев порой отвергал выгодные для него, но необоснованные выводы. Перед ним, например, было распространенное известие о том, что деятель IV в. н. э. Героним «якобы буквы славяном вновь сочинил и библию на словенский язык перевел, о чем богемский Гагек, далматский Мауроурбин, польские Кромер, Стрыйковский, Бельский и Гвагвин написали. И хотя сие их сказание я положил, токмо нахожу в том сумнительство, что о том древние писатели не воспоминают; и библию хотя он перевел, по на греческий с еврейского... И хотя библия потом оными геронимовыми или глаголическими буквами... в Венеции и Моравии печатана, токмо она с его переводом не согласна, а паче мню, Лютерова перевода»³⁴. Мартин Бельский, говоря об одном из создателей славянской азбуки Кирилле, считал его Кириллом Иерусалимским, выступавшим против Юлиана Отступника. Татищев с полным основанием возражает против этого, утверждая, что речь идет о Кирилле Солунском.

Несколько особняком стоит изучение Татищевым труда Константина Порфирородного. Если Геродота, Страбона, Плиния и Птоломея Татищев изучал непосредственно в переводах, которые для него делались, то византийца Константина Порфирородного он

³¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 150.

³² Там же, стр. 162.

³³ Там же, стр. 175—176.

³⁴ Там же, стр. 94.

брал в изложении Байера (статья Байера «Geographia Russiae, ...ex Constantino Porphyrogeneta» в IX т. «Комментариев» Академии наук, СПб, 1744). Несмотря на некоторые критические замечания хронологического порядка, Татищев считал труд византийца одним из важнейших исторических источников. Однако к изложению Байера он отнесся весьма критически.

Его претензии к Байеру шли по двум направлениям. Во-первых, «сей в древностях так прилежный муж довольно уверяет, что много читал и твердую память имел, но как я прежде на его сочинение из Порфириогенита напомнил, что ему русского языка, следственно русской истории не доставало... паче же немалые погрешности, что нечто ненадлежащее внес и неисправно толковал»³⁵. Во-вторых, Байер делает крупные ошибки. На этот раз речь пошла о Степенной книге, где Байер «со избытком к умножению прусских, а уничижению русских древних владений пристрастным себя показал, что я, видя многое из его сказания извергнуул, дабы толкованиями не распространять»³⁶. Здесь ясно звучит отголосок современности Татищева, борьба русской и немецкой партий тех лет.

Эхо этой полемики улавливается и на трактовке Татищевым такого важного для него вопроса, как происхождение Руси. Татищев всячески стремится оборвать связь Руси с немцами и германцами вообще. Он решительно отвергает версию о происхождении русских князей от Августа, поскольку «ни в каких старых хрониках сего, чтобы род Рюриков от прусов и от цесарей римских пошел, нет»³⁷. Эта версия вела Рюрика на Русь через «пруссы», проблема же «русских и прусских» была для Татищева животрепещущей проблемой современности. Татищев с той же решительностью отвергает и шведское происхождение Рюрика (он выводит его из Финляндии).

Таковы главные проблемы, связанные со всеобщей историей, над которыми работала мысль Татищева. Первый крупный историк России Татищев был знатоком античной историографии. Если Феофан Прокопович ставил свои знания античной истории на службу политической публицистике, то Татищев изучал античную историографию в связи с проблемами исторической науки своего времени. Poleмика Татищева с Байером была предвестником грозы, разразившейся вскоре вокруг варяжского вопроса.

³⁵ Там же, стр. 225.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, стр. 291.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Зарубежная литература по проблемам, затронутым в настоящем исследовании, слишком обширна, чтобы можно было пытаться ее обозреть. Это относится, прежде всего, к центральному сюжету нашей книги — Петру I. О нем на Западе стали писать еще при его жизни. Во время заграничных путешествий Петра I за ним тянулся своеобразный «шлейф». По пути его следования люди, которым довелось видеть царя, о котором говорил весь мир, а тем более узнать что-либо о нем или говорить с ним, старались все записать для сведения потомков. Тем более он привлекал внимание западных книжников. С тех пор о Петре I не перестают писать и у нас и на Западе.

Не обошлось и без попыток подсчитать, сколько же написано в Западной Европе о знаменитом русском царе? В 70-х годах XIX в. Р. И. Минцлов создал большой библиографический труд на эту тему¹. Через десять лет последовало дополнение². Эту традицию в наше время продолжил работник той же Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина А. Л. Гольдберг³. Оказалось, что каталог только дореволюционной литературы о Петре I, находящейся лишь в Ленинградской Публичной библиотеке, насчитывает свыше 1300 названий. Никто, разумеется, не поручится за полноту этих сведений. Такова картина до 1917 г. Общих подсчетов иностранной литературы о Петре I за последнее время у нас, насколько мне известно, не велось; одно ясно, что с тех пор пошло уже второе полувековье, и количество книг о Петре I значительно выросло. Эта фигура до сих

¹ Р. Минцлов. Петр Великий в иностранной литературе. Подробный каталог иностранных сочинений о России (Rossica), находящихся в Публичной библиотеке в С.-Петербурге». СПб., 1872.

² R. Minzloff. Supplement le Pierre le Grand dans la litterature etrangere. St. Petersbourg, 1882. p. 698—721; См. также — Р. Минцлов. Библиографические отрывки. — «Отечественные записки», 1856, № 2, стр. 345—394.

³ См.: «Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина», вып. 2 (образование Российской империи (1682—1725)). Л., 1966.

пор привлекает внимание не только у нас, но и за рубежом^{3а}.

Словом, обозреть западную литературу о Петре I — задача невыполнимая, да и вряд ли в этом есть смысл. Это — специальная, самостоятельная задача, выходящая за рамки нашего исследования. Как и в нашей первой книге⁴, мы хотим завершить исследование по недостатку места кратким обзором некоторых зарубежных работ по интересующему нас вопросу. Наибольший интерес для нас будут представлять американские и отчасти английские исследования.

До второй мировой войны история России мало привлекала внимание американских исследователей; да и сейчас, как указывает автор предисловия к американскому изданию Олеария С. Х. Барон⁵, основное внимание историков США уделяется *современным проблемам Советского Союза*, а русская история до XX в. изучается довольно слабо (в американских учебниках до сих пор русская история допетровского времени дается мелким шрифтом). Однако в послевоенный период наблюдается несомненный интерес и к этой проблематике. Особое внимание при этом уделяется петровскому времени как периоду, когда Россия вступила в непосредственный контакт с Западом, причем вопрос об этом контакте и проникновении в Россию западного влияния занимается в этих работах, как правило, наибольшее место. Изучение указанных вопросов требует внимания и к предшествующему периоду; работы, касающиеся петровского времени, как правило, начинаются с описания русского общества XVII в. Показателен тот факт, что из «Курса русской истории» В. О. Ключевского в послевоенные годы в США переиздавались именно разделы, касающиеся XVII—XVIII вв.⁶

Такое внимание к русской истории этого времени связано с рядом факторов, не последним из которых является фактор *политический*. Многие буржуазные историки стремятся при исследовании русской истории проводить прямые параллели с современностью, выводить из особенностей России XVII—XVIII вв. путем неоправданных аналогий те или иные явления советского общества. Многие авторы, игнорируя всемирно-историческое

^{3а} См., напр.: *P. Hoffman*. Deutsche Publicationen aus der ersten Hälfte des 18 Jahrhunderts zur Geschichte des vorpetrinischen Russlands.— «Wiss. Zeitschrift der Humboldt-Univ. zu Berlin», Geschicht. und sprachwiss. Reihe, 1968, Jg. 17, Hf. 2, S. 263—268; *P. Hoffman*. Die Zeit Peters I in der Darstellung der sowjetischen Historiographie.— In: «Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas». Bd. 162, Berlin, 1972, S. 187—211; *E. Kasinac*. Eighteenth-century Russian publications in the New York Public library. A preliminary Catalogue. Part II. The westernization of Russian.— «Bull. Am. of the New York Public library», 1971, vol. 75, N 9, p. 474—481.

⁴ *М. А. Алпаров*. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, стр. 422—443.

⁵ «The Travels of Olearius in Seventeenth-Century Russia». Stanford, 1967, p. VIII.

⁶ *V. O. Kluchevsky*. A Course in Russian History. The Seventeenth Century. Chicago, 1967; *V. O. Kluchevsky*. Peter the Great. New York, 1961.

значение Великой Октябрьской социалистической революции, пытаются доказать, что отличия советского общества от западного связаны не столько с революционными изменениями, происшедшими в нашей стране после 1917 г., сколько с особенностями русского общества петровского или даже еще более раннего времени; именно этим зачастую (даже в сравнительно объективных исследованиях) мотивируется важность изучения русской истории⁷. Делать вид, будто в нашей стране и не было социалистической революции — такой прием очень распространен среди авторов-антикоммунистов; он позволяет любые закономерности, присущие России царской, переносить на Россию советскую, что открывает простор для любых субъективистских построений.

Примером работы, тенденциозно искажающей историю России и проводящей произвольные параллели с современностью, может служить вышедшая в разгар «холодной войны» книга С. Р. Томпкинса⁸. Основная идея этой книги — противопоставление «демократического» Запада «деспотической» России. Известно, что в царской России деспотизма было предостаточно. Но Томпкинс решительно не довольствуется этим подлинным, историческим деспотизмом в России. Автор настолько одержим идеей вневременного «русского деспотизма», что русская история порой принимает у него совершенно изуродованный, фантастический вид.

Известно, скажем, что XVII век в России был «бунташным» веком, когда разразились две большие Крестьянские войны — под руководством Ивана Болотникова и Степана Разина, когда в стране произошли крупные городские восстания, уже не говоря о восстаниях стрельцов⁹. Закрыв глаза на все это, Томпкинс категорически настаивает, что в России вплоть до XVIII в. не было классовых конфликтов, поскольку все находилось под железной пятой государства¹⁰. С концепцией Томпкинса этот тезис согласуется вполне, но как быть с русской историей?

Общезвестно также, что время Петра I — это крупный взлет России; большую роль в этом сыграл западный исторический опыт. Это было признано в русской историографии уже в XVIII—XIX вв. Спор шел только о том, — хорошо это было или плохо? Карамзин и славянофилы считали, что это было очень плохо. В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, Н. А. Полевой, Т. Н. Грановский, М. М. Ковалевский и др. были убеждены,

⁷ «The Travels of Olearius in Seventeenth-Century Russia», p. VIII; *B. H. Sumner. Peter the Great and the Emergence of Russia. London, 1950, p. V.*

⁸ *S. R. Tompkins. The Russian Mind. New York, 1953.*

⁹ О классовой борьбе в России XVII в. существует многочисленная и хорошо известная литература. Несколько меньше известна литература о восстаниях в городах (*В. И. Буганов. Московское восстание 1662 г. М., 1964; он же. Московские восстания конца XVII в. М., 1969; Е. В. Чистякова. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975).*

¹⁰ *S. R. Tompkins. Op. cit., p. 25.*

что это — хорошо. А вот такого, о чем пишет Томпкинс, еще не утверждал никто. Он полагает, что западный исторический опыт России впрям не пошел. Все, что брала Россия у Запада, вызывало, правда, некоторые модификации в русском обществе, но все передовое, западное в России приписало совсем иные плоды, подчас обратные. На русской почве, оказывается, ничто не могло расти¹¹.

В заключении книги автор откровенно признается, что многие черты русского общества ему крайне несимпатичны. Если быть откровенным, то антипатия Томпкинса начинается, конечно, не с России. «...надцатых веков», а с России сегодняшней, советской. А произошло это потому, что к нашей стране трудно относиться безразлично, ее обычно или любят или ненавидят. Томпкинс из тех, кто ненавидит... А это приводит его к конфликту и с русской историей. Он рисует в данном случае петровское время не таким, каким оно было, а таким, каким хочет его видеть сам Томпкинс.

О своей позиции лучше всего сказал сам автор.

По его мнению, суть западного общества заключается в том, что основные моральные ценности связаны с бизнесом, с предпринимательской деятельностью¹²; русской же общественной мысли свойственно отрицание такого рода моральных ценностей. В качестве примера Томпкинс приводит А. И. Герцена, которого он одобряет за критику русских порядков, но подвергает очень резкой критике за его неприятие капиталистического Запада¹³. Передовые русские мыслители различных эпох, по мнению Томпкинса, шли по неправильному пути, отрицательно относясь к мещанству¹⁴. Трагедию России Томпкинс видит в том, что в ней не сложился сильный средний класс, т. е. буржуазия¹⁵. Яснее не скажешь¹⁶.

Однако далеко не все буржуазные американские историки подходят к материалу своего исследования столь предвзято. Многие из них стремятся к более объективной точке зрения. Четко

¹¹ Ibid., p. 230.

¹² Ibid., p. 234.

¹³ Ibid., p. 241—243.

¹⁴ Ibid., p. 243—248.

¹⁵ Ibid., p. 249.

¹⁶ Подобный подход,— рассматривать историю сквозь призму современности,— далеко не нов. Любопытный пример представляет собой написанная еще в начале века (1905 г.) книга американского историка Р. Н. Бейна о первых царях из династии Романовых, где говорится о том, что Россия всем обязана своим царям и, хотя Романовы и делали ошибки, ни одна династия в Европе не выполняла свой долг столь успешно (см.: *R. H. Bain. The First Romanovs, 1613—1725. New York, 1905, p. VII*). Эта книга без всяких комментариев была переиздана в 1967 г.

такое стремление отразил американский историк Л. Дж. Олива в предисловии к своей книге о Петре I¹⁷. Он пишет, что подход, исследующий историческое явление с точки зрения его перспектив и связи с современностью, хотя в принципе и возможен, но опасен, так как часто ведет к модернизации. Олива указывает, что образ Петра I особенно часто страдал от историков, в частности, от американских, модернизировавших его деятельность. Модернизаторы механически сопоставляют деятельность Петра то с процессами, проходящими в современных развивающихся странах, то с процессами, проходящими в СССР (последняя точка зрения, как указывает Олива, свойственна прежде всего деятелям «холодной войны»). Модернизаторские исследования петровского времени Олива сравнивает с гоночными автомобилями на улицах Петербурга XVIII в. Сам он ставит своей целью исследование деятельности Петра I лишь в связи с историческим процессом времени самого Петра¹⁸.

В то же время американские исследователи, в том числе и те, работы которых не имеют прямой антисоветской направленности, зачастую находятся в плену немарксистских, как правило, идеалистических концепций, под углом зрения которых они рассматривают историю России, в частности, вопрос о связях России и Запада. Одной из таких концепций является взгляд на Россию и Запад как на два района различных культур, развивавшихся до XVIII в. совершенно независимо друг от друга, по особым законам, и пришедших в соприкосновение только в царствование Петра I. Такой подход нашел отражение, в частности, в появившихся за последние годы книгах М. Раева¹⁹ и П. Б. Путнама²⁰.

Работа Раева, охватывающая период 1682—1825 гг., представляет собой серьезное научное исследование, охватывающее различные стороны русского общества этого времени. Автор использует обширную литературу вопроса, в том числе работы советских ученых, к которым в большинстве случаев отнесется объективно. Многие разделы исследования выполнены весьма тщательно и содержат выводы, со многими из которых можно согласиться. К ним относятся, например, разделы об экономической жизни²¹, об административных реформах Петра²².

Однако со многими положениями Раева согласиться никак нельзя. Все многообразие интересов России в петровское время он сводит к заимствованию западных образцов²³, в связи с этим

¹⁷ R. V. Oliva. Russia in the Era of Peter the Great. London, 1969.

¹⁸ Ibid., p. 4—6.

¹⁹ M. Raeff. Imperial Russia 1682—1825. The Coming of Age of Modern Russia.— «Borzoj History of Russia», vol. 4. New York, 1971.

²⁰ P. B. Putnam. Peter. The Revolutionary Tsar. New York, 1973.

²¹ Ibid., p. 89—101.

²² Ibid., p. 69—75.

²³ Ibid., p. 131.

никак не учитывается связь развития России при Петре I с ее развитием в предшествующий период. По мнению Раева, в петровское время создавался решительный разрыв с прошлым и формировался принципиально новый тип человека²⁴. Впрочем, в другом месте Раев пишет, что внедрение западных образцов было связано с некоторыми сторонами самой русской жизни²⁵. Все изменения в петровское время автор мотивирует личными желаниями и стремлениями Петра I, во многих случаях получается, что события большого исторического значения вызываются случайными причинами. Например, Раев утверждает, что переговоры России с Польшей, во время которых Петра I уговорили сместить антитурецкую ориентацию на антишведскую, изменили курс всего правления и судьбу всей России на многие поколения²⁶. Основным содержанием развития России в XVIII в. Раеву представляется приспособление к русским условиям западных образцов и постепенная бюрократизация государственной власти²⁷. Таким образом, концепция Раева оказывается сугубо идеалистической.

Еще более ярко подобная концепция отражена в имеющей во многом популярный характер книге П. Б. Путнама с обращаемым на себя внимание подзаголовком «революционный царь»²⁸. По мнению автора этой книги, Россия в XIII—XVII вв. представляла собой изолированную от Европы, спрятанную глубоко в лесах отсталую страну, которая сравнивается с ребенком, растущим без человеческого общества; культура России была уникальной²⁹. Отдельные контакты с Западом в XVII в. были незначительными. Положение резко изменилось благодаря деятельности Петра I, который рассматривается как «колосс, повернувший ход истории России»³⁰, как революционер, хотевший изменить мир и сопоставляемый Путнамом с К. Марксом и В. И. Лениным³¹; в другом месте книги Петр I сравнивается с Прометеем³². Главной целью деятельности этого царя считается стремление к тому, чтобы русские люди вели себя, как европейцы³³. В плане такого рода концепции рассматривается деятельность Петра I, которая, так же, как и у Раева, считается главной причиной всех изменений в русском обществе. В то же время

²⁴ Ibid., p. 5.

²⁵ Ibid., p. 131.

²⁶ Ibid., p. 4—5.

²⁷ Автор предисловия к книге М. Чернявский указывает на спорность такой точки зрения, говоря о правомерности рассмотрения России XVIII в. в первую очередь как дворянского государства.

²⁸ Автор книги известен также своим исследованием о свидетельствах англичан о России (P. B. Putnam. *Seven Britons in Imperial Russia. 1698—1812*. Princeton, 1952).

²⁹ P. B. Putnam. *Peter. The Revolutionary Tsar*, p. 4.

³⁰ Ibid., p. 121.

³¹ Ibidem.

³² Ibid., p. 241.

³³ Ibid., p. 135.

в работе подчеркиваются и отрицательные стороны деятельности Петра I, при этом в некоторых случаях проводятся прямые аналогии с советским обществом³⁴.

Наряду с указанными выше направлениями в американской историографии можно отметить и другое, связанное с более трезвым подходом к русской истории, в частности и к вопросу о связях России и Запада.

К этому направлению можно отнести уже упоминавшееся нами исследование Л. Дж. Оливы. В своей работе он старается изучить различные аспекты русской истории в петровскую эпоху в тесной связи с предшествующими этапами русской истории и с историей европейских государств, современных петровской России. Автор спорит с точками зрения, по которым Россия до XVIII в. развивалась по отличным от Запада законам, преувеличенным он считает и взгляд многих историков на отсталость России того времени. Олива подчеркивает, что русский абсолютизм качественно не отличается от западноевропейского³⁵, что перед русским государством в XVII в. стояли в основном те же проблемы, что и перед современными ему государствами Запада³⁶, что в России XVII в. был достаточно высокий процент грамотных³⁷ и что даже ненависть к иностранцам не была специфически русской чертой, о чем часто говорили западные авторы, а была в той или иной степени свойственна всей Европе того времени³⁸. Указывается на существовавшие уже в XVII в. связи России с Западом³⁹. Из этого делается вывод о том, что Россия XVII в. отличалась от Запада не больше, чем некоторые государства Европы того времени друг от друга⁴⁰.

В связи с этим Олива подчеркивает, что Петр I был не «царем-революционером», а «царем-реформатором», основывавшимся на традициях предшествующего развития России⁴¹, отличавшимся от своих предшественников лишь тем, что проводил в жизнь эти традиции более последовательно. Указывается, что Петр I руководствовался не идеями Запада, а реальными интересами России, которые были связаны с продвижением не только на запад, но и на восток и юг⁴². С этими интересами были связаны и реформы Петра I. Подробно разбирается вопрос об административных реформах петровского времени, где выделяются как реформы, основанные на западных образцах (коллегии), так и те из них,

³⁴ P. B. Putnam. Peter. The Revolutionary Tsar, p. 217—218.

³⁵ I. Oliva. Russia in the Era of Peter the Great, p. 11, 28.

³⁶ Ibid., p. 8, 11.

³⁷ Ibid., p. 27.

³⁸ Ibid., p. 21.

³⁹ Ibid., p. 22, 28.

⁴⁰ Ibid., p. 29.

⁴¹ Ibid., p. 7.

⁴² Ibid., p. 74.

которые не имели прямых параллелей на Западе (образование Сената)⁴³.

Отмечая ряд существенных отличий России петровского времени от Запада, основным из которых было крепостное право⁴⁴, автор в первую очередь обращает внимание на сходство России с другими европейскими государствами того времени, на однотипные проблемы, стоявшие перед ними, такие, как вопрос о безопасных границах⁴⁵, необходимость административных реформ⁴⁶, вопрос о создании светской культуры⁴⁷ и др. Подчеркивается, что в решении этих проблем Россия не отставала от большинства европейских государств. Олива не соглашается и с точкой зрения об экономической отсталости петровской России, прежде всего в плане развития промышленности⁴⁸.

В отличие от всех упомянутых выше авторов, рассматривающих лишь одну сторону связей России и Запада — влияние Запада на Россию, Олива рассматривает и вопрос о влиянии России на страны Западной Европы и значении для них русского опыта. Указывается, например, что в области создания торгово-промышленных компаний Россия была впереди, и ряд стран Запада последовал ее примеру⁴⁹. Главным же в значении русского опыта для Запада было то, что Россия давала образец успешного решения задач, стоявших перед абсолютистскими государствами всей Европы, в частности задачи уничтожения зависимости государства от феодальной знати, в этом, как пишет Олива, Петр I был не только учеником Европы, но и одним из создателей современного общества⁵⁰.

Стремлением рассмотреть Россию петровского времени в широкой перспективе развития европейского общества и отказаться от предвзятого противопоставления России и Запада исследование Оливы выгодно отличается от многих других работ американских авторов. В то же время в его концепции много и такого, с чем невозможно согласиться ученому-марксисту. Хотя он и не выводит, как некоторые другие авторы, развитие русского общества из личной деятельности царя, движущей силой общественного развития, по мнению Оливы, является государство, выступающее как надклассовая сила и определяющее все процессы, существующие в обществе, включая и экономические. Отсюда развитие крепостного права, например, объясняется тем, что государство не имело средств содержать своих чиновников, поэтому оно поощряло самокупаемость чиновников за счет их крепост-

⁴³ Ibid., p. 84—86.

⁴⁴ Ibid., p. 113.

⁴⁵ Ibid., p. 74.

⁴⁶ Ibid., p. 78—79.

⁴⁷ Ibid., p. 133—134.

⁴⁸ Ibid., p. 115—122.

⁴⁹ Ibid., p. 120.

⁵⁰ Ibid., p. 76.

ных⁵¹. Вряд ли можно согласиться и с некоторыми частными высказываниями Оливы, например, со взглядом на общину как на институт, насаждавший якобы сверху и враждебный крестьянству⁵².

Выходит в США и заслуживающая внимания литература историкографического характера. К ней принадлежит книга Х. Роггера⁵³. Посвящено это исследование становлению национального самосознания в России XVIII в. В своей главной части книга рассказывает о более позднем периоде, но для нас представляет интерес раздел, посвященный формированию русской исторической науки в первой половине XVIII в.⁵⁴

Петровское время определяется Роггером как период, когда целью исторических знаний было стремление обосновать политику России и заставить население понимать петровские преобразования. Отмечается, что сам Петр I относился к истории с большим интересом и заботился о ее изучении; основные исторические сочинения того времени создавались по прямому заданию Петра I. Роггер также указывает на то, что Петр I понимал значение исторических источников, в частности летописей, и заботился об их сборе. Однако, говорит Роггер, большинство исторических начинаний Петра I не было осуществлено; попытки писать историю (Поликарпов) не были удачными, а систематический сбор источников начал производиться лишь Г. Ф. Миллером. Наибольшее значение из сочинений того времени имела, по Роггеру, работа А. И. Манкиева, наиболее полная по охвату материала в своей области вплоть до 70-х годов XVIII в. Отмечается роль Феофана Прокоповича, автора первого в России литературного произведения на историческую тему.

В целом исторические сочинения петровского времени оцениваются Роггером невысоко; по его мнению, история того времени была любительством, связанным с выполнением неотложных задач правительства. Профессиональную историю России он возводит к немецким ученым, хотя и признает, что В. Н. Татищев подошел к ней близко, не став профессиональным историком из-за обязанностей по государственной службе. Татищев, по мнению Роггера, начал заниматься историей из практических соображений: он был возмущен пренебрежительным отношением иностранцев к России и хотел представить Европе русскую историю в выгодном свете; важное значение имело и резко отрицательное отношение Татищева к бироновщине. В другом месте книги Роггер отмечает, что идеи Татищева оказали большое влияние на А. Волинского и других противников Бирона⁵⁵. Автор указывает

⁵¹ I. Oliva, *Russia in the Era of Peter the Great*, p. 105—107.

⁵² *Ibid.*, p. 110.

⁵³ H. Rogger, *National Conscionsness in Eighteen Century Russia*, Cambridge, 1969.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 186—202.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 27.

на рационалистические идеи Татищева, на его стремление к объективности, которое, однако, не всегда реализовывалось. Автор говорит о добросовестности Татищева в воспроизведении источников, которая, по мнению Роггера, оттолкнула от него читателя XVIII в., подходившего к историческим сочинениям с литературной, а не научной точки зрения.

Роггер называет проблемы, впервые четко выделенные Татищевым и занимавшие впоследствии многие поколения русских историков: проблема происхождения русского народа, проблема основания русского государства, вопрос о степени просвещенности древних славян, вопрос о том, является ли для России наилучшей традиционная форма правления. Убежденный норманист, Роггер считает, что Татищев был сторонником норманнской теории, однако еще не придавал этому вопросу того значения, которое он приобрел у следующего поколения историков.

В целом Татищев характеризуется как один из первых представителей русского национального самосознания, патриот, свободный от узкого национализма и ксенофобии, характерных для его предшественников (что проявилось и в том, что он отказался возводить русский народ к Ною). Роггер соглашается с С. М. Соловьевым, что Татищев еще не обладал законченным философским мировоззрением, но считает оценку Соловьева слишком резкой, поскольку деятельность Татищева была важным шагом в сторону создания исторической науки.

Книга Роггера — в целом серьезный научный труд — типичный пример как достижений современной американской буржуазной науки, так и ее крупных научных потерь. Это можно видеть на трактовке двух наиболее крупных из затронутых Роггером проблем — рождение исторической науки в России и варяжский вопрос.

Решая проблему формирования русской исторической науки, Роггер безусловно прав, говоря, что в петровское время исторической науки в России еще не было. Но выдвинутый им критерий в решении этого вопроса сугубо неверен. Дело вовсе не в том, кто перед нами. Профессионал или любитель? Профессионал тоже может создать донаучный, а то и антинаучный труд. Не решает дела и выдвинутый Роггером тезис, что историография при Петре I была призвана помогать в решении политических задач современности. Американский антисоветчик-советолог, скажем, поглощен борьбой с коммунизмом и коммунистами, его современниками, но Роггер не собирается отлучать этого «профессионала» от науки.

Наш взгляд на перерастание исторических знаний в историческую науку изложен во введении к настоящей книге, вряд ли есть смысл его повторять. Решающим признаком исторической науки является наличие исторической теории, достигшей определенного идеологического уровня и ставшей основой для группировки исторических фактов и событий. В петровское время этот

уровень еще не был достигнут, создателем русской исторической науки был В. Н. Татищев — человек петровской эпохи, но создавший свою «Историю Российскую» несколько позже.

Роггер добросовестно изложил научные заслуги Татищева, оказавшие влияние на всю последующую историографию в России, Роггер явно не собирается игнорировать русские корни русской исторической науки. Ему оставалось только сделать вывод о рождении исторической науки в России. Но именно этого-то Роггер и не сделал. Он только подвел Татищева к порогу исторической науки, но не позволил ему переступить этот порог. Почему? Потому что уже не одно столетие порог этот занимают петербургские академики-немцы: Байер, Миллер и Шлёцер, возведенные в ранг создателей русской исторической науки. Так было в дореволюционной русской историографии, это же остается неизменным и для подавляющего большинства современных западных историков.

А между тем, дело обстоит гораздо сложнее. Петербургская Академия наук была не единственным местом, где создавалась русская историческая наука. Крупнейшие русские историки В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, Н. М. Карамзин работали *вне Академии*. Академиком был М. В. Ломоносов, которому историки-иностранцы создали там невыносимую обстановку. Ирония состояла в том, что в то время как русская историческая наука создавалась вне Академии, в самой Академии был создан «варяжский вопрос» — бесплодная дискуссия, анти-русская по происхождению и направленности, которая потом столетиями лихорадила русскую науку.

Но о «варяжском вопросе» потом. Сыграли ли петербургские академики-немцы, которых Роггер считает творцами нашей науки, свою роль в русской историографии? У нас нет оснований считать их творцами нашей истории как науки, но в ней они сыграли свою роль и притом большую. Во-первых, никто другой, а именно они покончили со многими легендарными концепциями происхождения русского государства, вроде «Москва — третий Рим», «Сказание о Вавилоне-граде», «Повесть о новгородском белом клубуке», «Сказание о князьях Владимирских». Наши книжники больше об этих концепциях не вспоминали. Во-вторых, они сыграли крупную роль в создании русского источниковедения. Те массы источников, которые привез Миллер из Сибири, та огромная работа, которую проделал над летописью Шлёцер, создавая своего «Нестора», вошли золотым фондом в русское источниковедение.

А теперь о «варяжском вопросе». Роггер — традиционный норманист, а между тем, он самостоятельно подошел к правильному решению этого простого, но удивительно запутанного вопроса. Он отчетливо видит конфликт русских людей с иностранным засильем в России; в политической области это засилье нашло воплощение в бирюзовщине, а в области идеологической — в господстве

иностранцев в Академии наук. Именно из этого столкновения вышел варяжский вопрос. Он был делом политики, но никак не науки.

Что касается до науки, тут дело довольно просто. Не надо сваливать в одну кучу два вопроса: о создании киевского государства, и — о династии. Это два совершенно разных вопроса — и по масштабам и по их историческому значению. Киевское государство, как и всякое государство, создавалось долгими столетиями, оно никак не могло быть создано лихим набегом варяжской дружины. Но варягам, вершившим свой разбой и на пути «из варяг в греки» и в самой Западной Европе, удалось посадить сначала в Новгороде, а затем в Киеве свою варяжскую династию, очень скоро ославянившуюся. Варяги «растворились» среди славян. Так было в Нормандии, где сейчас живут французы, так было в Королевстве обеих Сицилий, где сейчас живут итальянцы, и даже более «солидный» захват Англии норманном Вильгельмом Завоевателем не заставил англичан перестать быть англичанами. Норманны были слишком немногочисленны, а уровень их общественного развития был слишком невысок, чтобы они смогли оставить заметный след в формировании государственного строя Европы и в этногенезе европейских народов. С точки зрения науки никакой проблемы варягов, из-за которой следовало бы ломать копыта столетиями, не существует.

Проблема варягов — проблема международно-политическая. В самом деле, долгими столетиями легенда о «призвании» варягов переписывалась из одного летописного свода в другой, долгими столетиями русскую сторону вполне устраивало норманнское происхождение Рюрика. И вдруг М. В. Ломоносов горячо протестовал против норманнского паспорта знаменитого русского князя. Что произошло? Дело, оказывается, не в норманнском происхождении Рюрика (в средние века, как известно, иностранное происхождение считалось более почетным, чем местное), а в том, что это норманнское происхождение, столетиями служившее славе России, теперь было призвано свидетельствовать против России, а сам Рюрик из символа единства русской земли превращался в чужеземного завоевателя, становился антирусской фигурой.

Кто заставил старинную легенду о варягах зазвучать теперь по-другому? Это сделали петербургские академики-немцы. Все началось с Байера. Его заботила вовсе не борьба за истину; во всей варяжской легенде его заинтересовало только одно, а именно: Рюрик, которого летопись аттестует как основателя русского государства, был *чужеземец*, следовательно, русское государство создали предки шведов, тех самых шведов, победой над которыми так гордятся теперь русские. И характерно — петербургские академики-немцы решительно покончили со всеми русскими теориями легендарного происхождения России, а вот легенду о призвании варягов не только не отвергли, но подняли ее на щит.

В сложившейся тогда обстановке в России это новое «открытие» Рюрика оказалось чрезвычайно важным обстоятельством. После победоносной Северной войны, поставившей Россию в ряд сильнейших государств Европы, страна переживала большой национальный подъем. Этот подъем натолкнулся на бирюзовщину, объявившую русский патриотизм государственным преступлением (казнь Вольтынского и его друзей). После свержения бирюзовщины политической за стенами Академии наук еще долго держалась бирюзовщина идеологическая. «Находка» Байера была очередным ее выпадом против русской стороны. Антирусские настроения были широко распространены на Западе — там ничего не имели против того, что Россия сокрушила Карла XII, но вовсе не были в восторге от усиления России. Одним из исторических аргументов против русских и явилась легенда о призвании варягов. Рюрик оказался в роли своего рода Карла XII древности. Родился знаменитый варяжский вопрос, но, повторяем, родился он не в сфере науки, а в сфере политики XVIII в.

С тех пор опыт почти двух с половиной веков показал всю бесплодность спора норманистов и антинорманистов. Их спор оказался бесплоден по той простой причине, что каждая из сторон подходила к делу с заранее готовым ответом. Опыт показал, что средствами норманизма или антинорманизма вопрос этот не может быть решен. В советской исторической науке⁵⁶ выдвинуто иное, на наш взгляд единственно правильное решение, сформулированное нами выше. Эта точка зрения нашла поддержку в нашей науке⁵⁷. Поэтому нельзя согласиться с Роггером, который объявляет себя норманистом, а заодно записывает в норманисты и Типтцева.

Ряд работ по интересующей нас тематике появился в послевоенное время и в Англии. Среди них выделяются исследования Б. Х. Самнера и М. С. Андерсона.

Б. Х. Самнер, ныне покойный, известен как автор подробного исследования, посвященного анализу русско-турецких отношений в петровское время⁵⁸, а также как автор биографии Петра I, вышедшей в составе многотомной серии биографий великих исторических деятелей. Эта биография написана в объективном духе. Подчеркивается, что Петр I был деятелем, введшим Россию в западный мир; в то же время он двигался в направлении, в котором Россия шла еще в XVII в., когда необходимость контак-

⁵⁶ М. А. Алпатов. Русская историческая мысль в Западной Европе. XII—XVIII вв., стр. 30—53.

⁵⁷ См. рецензии на эту книгу: А. И. Данилов и Б. Г. Могильницкий. — «Новая и новейшая история», 1974, № 3, стр. 191—193; А. Л. Гольдберг. — «Вопросы истории», 1975, № 1, стр. 157—160.

⁵⁸ B. H. Sumner. Peter the Great and the Ottoman Empire. — Oxford, 1949.

тов с Западом уже была очевидной для высших слоев России. В частности, реформы 1698—1700 гг. были, по мнению Самнера, драматическим нарастанием того, что медленно появлялось в течение предшествующих тридцати лет⁵⁹. Главной задачей Северной войны признается необходимость создания и обучения новой армии⁶⁰. В книге подробно описываются события царствования Петра I, преимущественное внимание уделяется вопросам внешней политики. Петр I рассматривается Самнером как крупнейший наряду с Людовиком XIV, Фридрихом II и Екатериной II представитель эпохи просвещенного деспотизма в Европе⁶¹.

Также в спокойных, объективных тонах выдержана и краткая биография Петра I, написанная Андерсоном⁶². В этой работе делается попытка охарактеризовать основные стороны деятельности Петра I. Указывается, что главное значение деятельности этого царя — в ускорении процесса, уже шедшего в XVII в., а не в революционных изменениях, переменах; лишь две реформы Петра I, по мнению Андерсона, не имели precedентов: создание морского флота и лишение церкви автономии⁶³. В отношении церковных реформ Андерсон явно не прав; здесь скорее можно согласиться с Л. Оливой, отмечая, что подчинение церкви государству шло и в XVII в.⁶⁴ Андерсон указывает на существование связей с Западом и в XVII в. и роль в этом таких предшественников Петра I, как В. В. Голицын⁶⁵; такие акты, как присоединение Украины к России, имели важное значение для европейской политики⁶⁶.

В то же время Россия до Петра I не была постоянным участником европейской политики⁶⁷, это положение изменилось после Полтавы, когда страны Европы вынуждены были считаться с Россией. Реакция на успехи России первоначально была резко отрицательной (приводится оценка Лейбницем Петра I как «северного турка»⁶⁸), однако постепенно деятельность царя стала восхвалять его современников в Европе; приводится отзыв английской газеты «Plain Dealer» за 29 мая 1724 г., где Петр I сравнивается с Александром Македонским и именуется «величайшим монархом нашего века, чьи деяния оставят за ним яркую славу и удивление сквозь глубь веков»⁶⁹. Андерсон пишет, что ни один из европейских правителей, кроме Наполеона I, не впечатлял современников и историков своей оригинальностью и личным харак-

⁵⁹ B. H. Sumner. Peter the Great and the Emergence of Russia, p. 3.

⁶⁰ Ibid., p. 54.

⁶¹ Ibid., p. 3.

⁶² M. S. Anderson. Peter the Great. London, 1969.

⁶³ Ibid., p. 27—28.

⁶⁴ Ibid., p. 141.

⁶⁵ Ibid., p. 8.

⁶⁶ Ibid., p. 28.

⁶⁷ Ibid., p. 9.

⁶⁸ Ibid., p. 14.

⁶⁹ Ibid., p. 3.

тером своих успехов, как Петр I⁷⁰. Споря с распространенной на Западе точкой зрения, Андерсон справедливо указывает на то, что политика Петра I была основана на русских нуждах и традициях; ни создание современной армии, ни борьба за выход к морю, ни экономическая политика Петра I не были продуктом западного влияния, которое проявлялось главным образом во внешнем характере административных реформ⁷¹.

Андерсону также принадлежит фундаментальное исследование по русско-английским культурным связям в период от первых контактов в XVI в. до 1815 г. Эта работа содержит богатый фактический материал и, как и биография Петра I, написана достаточно объективно. Для нас представляют интерес вторая глава, посвященная XVII в., и третья глава, посвященная петровскому времени⁷².

Как отмечает Андерсон, русско-английские связи в XVII в. были невелики и даже уменьшились по сравнению со второй половиной XVI в. Если в конце XVI в. деятельность английской Московской компании в России была довольно интенсивной и такое положение сохранялось примерно до 20-х годов XVII в., то затем конкуренция голландцев почти вытеснила английских купцов из России, а Английская революция окончательно нарушила русско-английские связи, которые так и не стали систематическими вплоть до начала XVIII в. Если в начале XVII в. в Англии появлялись планы установления протектората над Россией, то затем Россия перестала играть существенную роль в английской политике.

Все это сказалось и на культурных контактах. Даже передовые люди в России XVII в. не интересовались культурой Англии (показательно, что в библиотеке Артамона Матвеева среди многих иностранных книг не было ни одной английской). Так же мало знали и о России в Англии. Английские источники о России XVII в. значительно уступают источникам XVI в., из них большой интерес представляет лишь Коллинз. Англичане знали о России главным образом из географических компендиумов и космографий, где давались очень поверхностные сведения о России, почти не менявшиеся в течение века, что создавало у читателя впечатление о том, что Россия не развивается. В Англии плохо знали географию России, а язык и историю еще меньше. Информация о русских делах была крайне слабой; например, Вильгельм III известил в официальном письме о своем восшествии на престол не Петра I, а его номинального соправителя Ивана; о таких важных событиях русской жизни, как церковные реформы Никона и раскол, англичане так и не узнали вообще.

⁷⁰ *M. S. Anderson. Peter the Great, p. 3.*

⁷¹ *Ibid., p. 29.*

⁷² *M. S. Anderson. Britain Discovery of Russia, 1553—1815. London — New York, 1958, p. 33—48, 49—79.*

Общая оценка русских в Англии XVII в. была неблагоприятной. Положение существенно не изменил и приезд Петра I в Англию в 1698 г., хотя и вызвал оживление интереса к России, которое проявилось в появлении нескольких книг об этой стране, сохранивших традиционную точку зрения. С началом Северной войны английская государственная политика стала постоянно учитывать Россию, однако эти изменения не сразу отразились на общественном мнении. И только Полтава заставила англичан задуматься о месте России в европейской политической системе, причем изменение баланса сил было невыгодно для Англии. Поэтому усиление России было в Англии встречено враждебно, тем более, что к политическому фактору присоединился религиозный: поражение протестантской Швеции создавало угрозу для протестантизма в других странах. После Полтавы Д. Дефо выражал удивление, что опытная шведская армия была разбита неорганизованной толпой, а орган тори «Examiner» в 1713 г. боялся прихода в Европу племен «более ужасных», чем готы и вандалы. На оценку событий Северной войны влияла и политическая борьба: тори, ориентировавшиеся на Швецию и одобрявшие политику Карла XII, относились к России резко отрицательно; виги, не любившие Карла XII, писали о России сдержаннее. В целом и в этот период в Англии еще не осознали значения России.

Новый этап в русско-английских отношениях начался, по мнению Андерсона, после Утрехтского мира и решения в Англии вопроса о престолонаследии, когда Англия могла более активно участвовать в Северной войне. Вступление на престол Георга I, уже бывшего членом антишведской коалиции, привело (впрочем, ненадолго) к улучшению отношений с Россией. Но уже с 1716 г. позиция Англии стала открыто антирусской, а события в Мекленбурге в 1716—1717 гг. показали новую роль России в Европе. В это время впервые в Англии возникают острые антирусские чувства, поддержанные правительством. Эти чувства нашли отражение в антирусских памфлетах, в которых проявился новый взгляд на Россию как на постоянно растущую силу, на которую постоянно должен обращать внимание Запад; царь в это время воспринимается как талантливый и предприимчивый монарх, стремящийся расширить свои владения.

К тому времени уже нет и следа индифферентности к России, господствовавшей в XVII в. Серьезное внимание обращалось на создание русского флота и на выход России к морю. По-прежнему большую роль играл религиозный момент; многие англичане боялись, что победы России могут привести к утверждению католицизма и православия в Европе. Еще одним фактором была поддержка Петром I якобитов, сильно преувеличенная английским общественным мнением. Такой взгляд на Россию как на источник постоянной опасности (говорили даже о возможности создания пятой мировой монархии) пережил самого Петра I и изменился лишь в связи с отходом преемников Петра I от его по-

литики. В то же время наряду с враждебностью к России в Англии проявлялась и другая тенденция: успехи Петра I, прежде всего его военные победы, вызывали восхищение его личностью и его деятельностью. Престиж Петра I рос вместе с падением престижа Карла XII. Наряду с военными победами учитывались использование Петром I западного опыта, его внимание к иностранным специалистам, ограничение влияния церкви, учреждение Академии наук. В Англии Россия стала рассматриваться как страна прогресса и подъема цивилизации, причем все успехи в этой области связывались исключительно с личностью царя.

Большую роль в создании представлений о Петре I сыграла книга Дж. Перри, материал которой послужил основой для многих последующих авторов. Постепенно сложилась легенда о Петре I, продолжавшая существовать и длительное время после его смерти. Петра постепенно начали рассматривать как эталон просвещенного монарха. Однако высокая оценка личности Петра I, которому отдавали должное даже авторы антирусских памфлетов, не изменила общего отрицательного отношения к русским в целом. Информация о России к концу царствования Петра I стала более разнообразной, однако об этой стране в Англии знали меньше, чем о других странах Европы. О внутренних процессах русской жизни знали и того меньше; почти ничего не было известно, например, о церковном расколе, о народных движениях, например, о восстании Булавина.

В целом книга Андерсона — ценный источник по истории русско-английских отношений в изучаемое время.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаба (миф.) 301
- Абул-гази-Багадур (в тексте Абуга-си-хан; 1605—1665), в 1644—1663 гг. хивинский хан 402
- Август Гай Октавий (63 до н. э.—14 н. э.), рим. имп. 4, 5, 59, 169, 197, 264, 283, 286, 287, 289, 294, 410, 411
- Август II Сильный (1670—1733), в 1697—1706 и с 1709 г.—польск. король, одновременно (с 1694 г.) курфюрст саксонский (Фридрих-Август I) 200, 231, 244, 246, 250, 297, 364, 371
- Августин Аврелий (Августин Блаженный; 354—430), еп. Гиппона (Сев. Африка), один из первых христианских теологов 102
- Авраам (библ.) 136, 283
- Авраамий (до пострижения Аверкий Иванович Палицын; г. рожд. неизв.—ум. 1626), церковный деятель, писатель, келарь Троице-Сергиевой Лавры 41
- Аврамов Михаил Петрович, директор первой типографии в Петербурге, основанной Петром I 239
- Аделунг Федор Павлович (Фридрих; 1768—1843), историк, лингвист, библиограф 336
- Александр I (г. рожд. неизв.—ум. ок. 330 до н. э.), брат Олимпии, матери Александра Македонского, с 342 г. царь Эпира 290
- Александр Македонский (356—323 до н. э.), полководец и гос. деятель древнего мира, македонский царь 101, 155, 264, 265, 267, 283, 289, 290, 292 293, 295, 298, 318—320, 327, 328, 405, 425
- Александра Маккавейская (Саломея), в 79—70 гг. до н. э. царица Иудеи 293
- Алексеев Михаил Павлович, сов. литературовед, академик 36, 119
- Алексей Алексеевич (1654—1670), сын царя Алексея Михайловича 186, 187
- Алексей Михайлович (1629—1676), с 1645 г. царь 5, 11, 53, 106, 107, 111, 119, 122, 127—130, 133—137, 139—143, 148, 154, 156, 168, 174, 182, 186, 192—194, 238, 294, 295, 333, 338—341
- Алексей Петрович (1690—1718), царевич, сын Петра I 198, 202, 285, 296, 323, 331, 374, 375, 383, 391, 394, 395, 398
- Алмазов Ерофей Иванович (прозв. Алмаз), думный дьяк, принимал активное участие в государственных делах 2-й пол. XVII в. 116, 137, 139

* Список сокращений: ам.—американский, англ.—английский, арх.—архиепископ, библ.—библейский, болг.—болгарский, вел. кн.—великий князь, венг.—венгерский, виз.—византийский, голл.—голландский, гос-во—государство, гос.—государственный, гр.—граф, дат.—датский, еп.—епископ, имп.—император, императрица, исп.—испанский, ит.—итальянский, кн.—князь, княгиня, миф.—мифический, нем.—немецкий, пол.—политический, польск.—польский, проф.—профессор, рим.—римский, сов.—советский, тур.—турецкий, укр.—украинский, ун-т—университет, фр.—французский, шв.—шведский, шотл.—шотландский, югосл.—югославский. *Указатель составлен Ю. Н. Емельяновым.*

- Алпатов Михаил Антонович, сов. историк 11, 17, 131, 144, 209, 347, 413, 424
- Амурат *см.* Мурад I
- Анаксагор из Клазомен (ок. 500—428 до н. э.), древнегреческий философ 289
- Анастасия Романовна (ок. 1535—1560), первая жена Ивана IV, дочь Романа Юрьевича Захарьина-Юрьева 121
- Андерсон (Anderson) Мэтью Смит, англ. историк 198, 332, 424—423
- Андреас Натан, аугсбургский купец, спутник Паэрле 82, 87
- Андроник II (ум. 1328), с 1282 г. виз. имп. 306
- Анна Иоанновна (1693 — 1740), с 1730 г. имп. 287, 367, 394, 399
- Анна Стюарт (1665—1714), дочь Якова II, с 1702 г. англ. королева 215, 224, 226, 230, 234, 293, 341
- Автоний Марк (ок. 83—30 до н. э.), политический деятель и полководец Римской империи 284, 288
- Апеллодор (ок. 100—18 до н. э.), пергамский ритор, учитель Октавиана 320
- Апраксин Федор Матвеевич (1671—1728), гр., генерал-адмирал флота, с 1726 г. член Верховного тайного совета 365, 370, 386, 395
- Аргайль Арчибалд (1629—1685), шотл. политический деятель, казнен за организацию заговора против Якова II 342
- Арескин Роберт (ум. 1718), лейб-медик, президент Аптекарской канцелярии 385, 394
- Ариас Монтанус (Венито; в тексте Арнольд; 1527—1598), исп. богослов, историк-ориенталист 402
- Аристипп из Кирены (ок. 435 до н. э.—г. смерти неизв.), древнегреческий философ 286
- Аристотель (384—322 до н. э.), древнегреческий философ 404
- Арнольд *см.* Ариас Монтанус
- Арсений Грек, церковный деятель 2-й пол. XVII в. 116
- Артасеркс I, в 465—424 гг. до н. э. древнеперсидский царь из династии Ахеменидов 486
- Асцелин Ансельм, доминиканский монах, в 1246 г. возглавил посольство Ватикана в Золотую Орду 304
- Аталарик (516—534), с. 526 г. король остготов 286
- Ахилл (миф.) 289
- Байер Готлиб Зигфрид (1694—1738), нем. историк и филолог 6, 335, 408, 411, 422—424
- Бакер Августин, голл. переводчик сочинений Эразма Роттердамского 328
- Балдуин I (1171—ок. 1206), гр. Фландрский, основатель Латинской империи и первый ее император в 1204—1206 гг. 288
- Балицкий Григорий Васильевич, историк 239
- Баллау Иоганн, доктор медицины, участник посольства Олеария, позже лейб-медик в Москве 100
- Барбаро Иосафат (1431—1494), венецианский посол в Персию 170
- Барнсли Уильям, англичанин, живший в России 133
- Барон (Baron) Самуэль, ам. историк 198, 413
- Бароний Цезарь (1538—1607), рим. кардинал, историк церкви 117, 287, 302, 325, 326
- Барсов Павел Петрович (в 20-х годах XIX в.—1881), инспектор Московского университета, переводчик 98, 374
- Бартел, полковник 249
- Басманов Иван Федорович (уб. 1603), боярин 43
- Басманов Петр Федорович (уб. 1606), воевода и военачальник, в 1605 г. перешел на сторону Лжедмитрия I 18, 20, 21, 43, 45, 79
- Бассевич Геннинг Фридрих (1680—1749), гр., голштинский резидент в Петербурге 396
- Батлер (Butler) Уильям Е., ам. историк 272
- Баторий Стефан (1533—1586), трансильванский кн., с 1576 г. польск. король 92.
- Башмаков Дементий Минич (ум. 1705), думный дьяк, с 1676 г. судья Разрядного приказа, затем печатник приказа Тайных дел 139
- Баязед (Баязид) I Молниеносный (1354 или 1360—1403), с 1389 г. тур. султан из династии Османов 307, 308
- Баязед II (1447—1512), с 1481 г. тур. султан 310
- Беем Павел Рудольф, капитан артиллерии иноземных войск на русской службе, отчим Л. Фабрициуса 157
- Бейн (Bain) Роберт Нисбе (1854—1909), ам. историк 415
- Бекбулатович *см.* Симеон Бекбулатович

- Белый Томас (Бейли Фома, ум. 1670), англ. полковник на русской службе 179, 185
- Бельский Богдан Яковлевич (ум. 1611), опричник, фаворит Ивана IV, в 1598 г. выступил претендентом на престол, сторонник Лжедмитрия I, за что был сослан воеводою в Казань, где и был, по-видимому, убит 17—19, 74, 77, 79
- Бельский Мартин (ок. 1495—1575), польск. историк, сатирик, автор «Хроники всего мира» (1551 г.) 302, 303, 308, 408, 410
- Бер Мартин, протестантский пастор в Немецкой слободе, зять К. Бусова 13, 14, 16
- Беркгольц Фридрих Вильгельм (1699—1765), камергер при голштинском герцоге Карле-Петре-Ульрихе (Петре III), автор «Дневника» 332
- Берков Павел Наумович, сов. литературовед 237
- Бертольд (уб. 1186), аббат Ордена цистерцианцев из Бремена, еп. в Лифляндии 112
- Берх Василий Николаевич (1780—1834), полковник морской службы, историк и географ 137
- Берценьи (Берцений) Миклош (1665—1725), генерал в армии Ф. Ракоци 252, 254
- Бесс (ум. 329 до н. э.), бактрийский сатрап, провозгласивший себя в 330 г. царем после смерти Дария 292
- де-Би, ван дер Би Яков, в 1711 г. голл. резидент в Петербурге 395
- Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772), герцог, фаворит имп. Анны Иоанновны 398, 399, 420
- Блюгер, выходец из Польши, послан Петром I в Сибирь для определения рудных богатств 379
- Богданов Андрей, дьяк Разрядного приказа, в 1671 г. был послан на помощь Астрахани, в 1672 г. олонецкий воевода, в 1676 г. служил в Приказе каменных дел 194
- Богданов Леонтий, дворянин 177
- Богислав Правый (или Боислав; ум. 1187), соправитель земель в Восточной Померании 61
- Богословский Михаил Михайлович (1867—1929), историк, академик, проф. Московского ун-та 336
- Боден Жан (1530—1596), фр. философ, публицист 261
- Боден фон Генрих, королевский прусский советник, проф. Галльского ун-та 322
- Бодянский Осип Максимович (1806—1877), славист, с 1842 г. проф. Московского ун-та, секретарь Московского общества истории и древностей российских 121
- Болдаков Иннокентий Михайлович (1846—1918), историк, переводчик 71
- Болеслав Кудрявый, в 1146—1173 гг. польск. король 61
- Болингброк Генри Сент-Джон (1678—1751), англ. государственный деятель, возглавлял ряд министерств 235
- Болотников Иван Исаевич (уб. 1608), руководитель крестьянского восстания 1606—1607 гг. 12, 13, 15, 21—24, 38, 49, 50, 67, 68, 88, 89, 106, 131, 145, 188, 414
- Болтин Иван Никитич (1735—1792), историк, гос. деятель 422
- Боровский Дмитрий Иванович, ярославский купец 145
- Ботеро Джовани (ок. 1533—1617), ит. географ 302
- Боус Джером, в 1583 г. англ. посланник в Москву 329
- Бохарт Самуил (1599—1667), богослов, философ и историк 320
- Брауншвейгский герцог см. Фридрих-Ульрих
- Брекель, нем. инженер, полковник русской службы, в 1598 г. уехал из России 369—371
- Бриквер Александр Густавович (1834—1896), проф. русской истории Новороссийского и Дерптского ун-тов 332, 334, 336, 339, 373
- Бруин де Корнилий (1652 — г. смерти неизв.), голл. художник, автор записок о Русском гос-ве 374
- Брут Луций Юний, в 509 г. до н. э. первый рим. консул 286
- Брадшоу Джон (1602—1659), англ. политический деятель, в 1649 г. председатель суда над Карлом I, затем председатель Государственного совета республики 342
- Брадшоу Ричард, брат Д. Брадшоу, англ. дипломат, в 1657—1659 гг. возглавлял посольство в Россию 342
- Буганов Виктор Иванович, сов. историк 414
- Буддеус Иоганн Франц (1667—1729), нем. философ и богослов 282, 290

- Бужинский Гавриил (ум. 1731), церковный деятель, писатель и переводчик, сторонник Петра I 3, 6, 262—264, 276, 324—326, 328
- Булавин Кондратий Афанасьевич (ок. 1660—1708), руководитель крестьянского восстания 1707—1708 гг. 331, 373, 385, 394, 428
- Бурбон *см.* Филипп V
- Бурбоны, королевская династия во Франции в 1589—1792, 1814—1830 гг. 211
- Буссов Конрад, сын автора хроники 23
- Буссов Конрад (ум. 1617), уроженец Люнебургского княжества, в 1569—1612 гг. находился за пределами Германии, автор сочинения о Московском гос-ве 8, 12—29, 41, 42, 44, 47, 48, 50, 55, 56, 64, 66, 67, 330
- Бутлер Давид, нанят в Голландии на должность «капитана и кормщика-генерала», капитан корабля «Орел» 156, 157, 164—168, 178—181, 185
- Бутурлин Василий Иванович, боярин, в 1608 г. начальствовал над Сторожевым полком, в 1611 г. вел переговоры с Деллагарди, последнее известие о нем относится к 1613 г. 70
- Бучинский Станислав, поляк, секретарь при Лжедмитрии I 34, 47, 82, 84, 85
- Бучинский Ян, поляк, секретарь при Лжедмитрии I, последнее упоминание относится к 1609 г. 34, 47, 82, 84, 85
- Быкова Татьяна Александровна, сов. библиограф 237, 258
- Бюше, фр. писатель, редактор журнала «Mercure de France» 373
- Валент Флавий (329—378), с 364 г. соправитель Восточной Римской империи, правил совместно с Грацианом 288
- Валентиниан II (уб. 392), до 383 г. соправитель Римской империи совместно с Грацианом, в 387 г. был изгнан из Италии узурпатором Максимом, в 388 г. возвращен Феодосием I 288
- Валерий Максим (г. рожд. и см. неизв.), рим. историк I в. н. э. 287
- Ванда (миф.) 293
- Ван Дейк Антониус (1599—1641), фламандский художник 212
- де Вантадур Шарлотта-Элеонора (1651—1744), герцогиня, воспитательница малолетнего Людовика XV 258, 259
- Василий Великий (329—378), арх. Кесарии Кападокийской 100
- Василий I Македонянин (813—886), с 867 г. виз. имп. 264
- Василий II (957—1025), с 967 г. виз. имп. (совместно с братом Константином), их сестра Анна была женой киевского князя Владимира Игоревича 117
- Василий III Иванович (1479—1533), с 1505 г. вел. кн. московский 56, 105, 121, 327, 329, 376
- Василий Иванович Шуйский Шуйский В. И.
- Вассан Патрикеев Косой (до пострижения Василий Иванович Патрикеев; г. рожд. неизв.—ум. до 1545), церковный и политический деятель, публицист, после смерти Нила Сорского глава нестяжателей 327
- Вебер Фридрих Христиан, в 1714—1719 гг. ганноверский резидент в России, автор сочинения «Преобразованная Россия» (1721—1740 гг.) 8, 265, 332, 373—395
- Ведерос *см.* Видерос И.
- Вельяминовы, боярский род 41
- Вергилий Публий Марон (70—19 до н. э.), рим. поэт 288
- Веретенников Василий [Иванович (1880—1942), проф. истории Харьковского и Саратовского ун-тов 156
- Веспасиан Тит Флавий (9—79), с 69 г. рим. имп. 319, 320
- Видерос (в тексте Ведерос) Иоганн (Яган), капитан-иноземец на русской службе 176
- Вико Джамбатиста (1688—1744), ит. философ, социолог и юрист 6
- Виллар де Клод-Луи-Гектор (1653—1734), герцог, фр. маршал, дипломат 298
- Виллардо (Villardeau), фр. консул 203
- Вильгельм I Завоеватель (1027/1028—1087), с 1035 г. герцог нормандский, с 1066 г. англ. король 423
- Вильгельм III Оранский (1650—1702), в 1674—1702 гг. штатгальтер Нидерландов, с 1689 г. англ. король 143, 149, 333, 341, 343, 426
- Виндронг Якоб, шотл. наемник на русской службе 177, 185

- Виниус Андрей Андреевич (1641—1717), сподвижник Петра I 152, 350, 351
- Виниус Андрей Денисович (ум. ок. 1652), голл. мастер, в 1632 г. основал первый в России железодельный завод, в 1646 г. перешел в русское подданство 238
- Виргиний Андрей, дворянин из Померании, участник посольства Олеария 100
- Витворг Чарльз (1675—1725), бар., англ. государственный деятель и дипломат 216, 217, 219, 363
- Витевит 301
- Вителлий (15—69), в 69 г. рим. имп. 287
- Вихман (Wichmann) Бурхардт Генрих (1786—1822), историк, директор народных училищ Курляндии, собиратель и издатель материалов по истории России 118, 122
- Вишневецкие 50, 246
- Вишневецкий Адам (ум. 1627), польск. государственный деятель, сторонник православия, принял Г. Отрепьева 46
- Владимир (Владимир-Василий) Всеволодович Мономах (1053—1125), с 1113 г. вел. кн. киевский 61, 197
- Владимир Святославич (г. рожд. неизв.—ум. 1015), с 980 г. вел. кн. киевский 408
- Владислав IV Сигизмунд (1595—1648), с 1632 г. польск. король, претендовал на русский престол 27, 52
- Власьев Афанасий Иванович (г. рожд. и смерти неизв.), дипломат, с 1601 г. дьяк Посольского приказа, после 1610—1611 гг. сведений не писется 86, 95
- Возницын Проконий Богданович (г. рожд. и смерти неизв.), дипломат последней трети XVII в., третий посол «великого посольства» Петра I 201, 350
- Волков Борис (ум. 1716 или 1720 г.), переводчик Коллегии иностранных дел 239, 319
- Вольнский Артемий Петрович (1689—1740), гос. деятель и дипломат, кабинет-министр при Анне Иоанновне 397, 398, 420, 424
- Вольф Христиан (1679—1754), нем. физик и философ, почетный член Петербургской Академии наук 404, 405
- Вонзовский, польск. офицер, в 1669 г. попал в плен к казакам, затем перешел к С. Разину 165
- Вюрц Поль (ум. 1676), бар., фельд-маршал 334
- Гагарин Матвей Петрович (ум. 1721), кн., сибирский губернатор, казнен за злоупотребление властью 379, 390, 395
- Гагек 410
- Гаклюйт (Hakluyt) Ричард (1552—1610), англ. географ, в 1578—1600 гг. издал собрание путешествий англичан 74
- Гакон Рыжий см. Оттон I Рыжий
- Галл Аноним (Мартин Галл), польск. хронист X—XI вв. 120
- Галлардт Людвиг Николай (ум. 1728), бар., саксонский посланник в России, перешел на русскую службу 269, 296, 300, 368
- Гальба Сервий Сульпиций (ок. 3 до н. э.—69 н. э.), рим. имп. 287
- Ганнибал (ок. 247—183 до н. э.), карфагенский полководец 283, 291, 298
- Ганноверская династия, в 1714—1901 гг. англ. королевская династия, являвшаяся одновременно до 1815 г. курфюрстами и до 1837 г. королями г-ва Ганновер 235, 314, 332, 342
- Гартман Грамани, лейб-медик посольства Олеария 102
- Гваньини (в тексте иногда Гвагини) Александр (1538—1614), ит., служил в польской армии, автор сочинения о Московском гос-ве 55, 92, 103, 105, 108, 117, 120, 302, 410
- Гвариент фон Христофор Игнатий, в 1698—1699 гг. возглавлял имперское посольство к Петру I 350
- Гвидо де Колумн, ит. поэт и историк XIII в., автор «Истории Троянской войны» (1287 г.), впервые опубликованной в 1476 г. 318, 319
- Гвидо де Лузиньян (1140—1194), фр. рыцарь, участник крестовых походов, в 1186—1187 гг. король иерусалимский, в 1192—1194 гг. король кипрский 306
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), 265
- Геерен Арнольд Герман Лудвиг (1760—1842), нем. историк, проф. Геттингенского ун-та 375
- Гейденштейн Рейнгольд (1556—1620), польск. историк, секретарь

- Стефана Батория и Сигизмунда III 92
- Гейстер (Хейстер) фон, австр. генерал 253, 254
- Гейт Роберт, англ. капитан на русской службе 177
- Гельмольд (Хельмольд; ок. 1125—после 1177), нем. священник и миссионер, автор т. н. «Славянской хроники» 102, 402
- Гендрик, маркграф моравский в 1-й пол. XIII в. 304
- Гензиус, глава правительства Голландии 200
- Геннин (де Геннин) Георг Вильгельм (Вильгельм Иванович) (1676—1750), корреспондент Академии наук, администратор горного дела 379, 380
- Генриетта-Мария (1609—1664), дочь фр. короля Генриха IV и Марии Медичи, с 1625 г. жена англ. короля Карла I 139
- Генрих III (1551—1588), герцог анжуйский, польск. король, с 1575 г. фр. король 91
- Генрих IV (1553—1610), с 1594 г. фр. король 28—30, 91
- Генрих VII (1457—1509), с 1485 г. англ. король 10
- Георг I (1660—1727), с 1714 г. англ. король, одновременно (с 1698 г.) курфюрст ганноверский 215, 224, 235, 259, 314, 315, 374, 394, 427
- Георгий Сфрандзи (1401—после 1478), виз. писатель и политический деятель 309
- Геракл (Геркулес) (миф.) 135, 289, 292
- Герберштейн Сигизмунд (Зигмунд; 1486—1566), бар., нем. дипломат и путешественник 30, 54, 56, 92, 103, 105, 108, 120, 122, 170, 291, 329
- Геркман Элиас, голл., автор сочинения о России 36
- Герман (Негтман) Эрнест Адольф (1812—1884), проф. истории Иенского и Марбургского ун-тов 13, 375
- Геродот (ок. 484—425 до н. э.), древнегреческий историк 100, 153, 398, 408—410
- Героним 410
- Герцен Александр Иванович (1812—1870) 415
- Гестецион (в тексте Ефестιον; ум. 323 до н. э.), сподвижник Александра Македонского 293
- Гилленштейн Михаил, шв. историк 299
- Глебов Степан Борисович (уб. 1718), стольник, был в связи с Евдокией Лопухиной 383, 392
- Глобс Томас (1588—1679), англ. философ-материалист 281, 282, 405
- Годунов Борис Федорович (1551—1605), с 1598 г. царь 12—14, 16—22, 24, 28, 33, 35, 37, 40—45, 60—67, 70—72, 74—80, 84, 86, 91—95, 118, 121, 131, 288
- Годунов Степан Степанович (ум. 1614), боярин 43
- Годунов Федор Борисович (1589—1605), в апреле—июне 1605 г. царь 18, 24, 42, 45, 46, 60, 66, 67, 71, 74—78, 80
- Годунова Ксения Борисовна (ум. 1622), дочь Бориса Годунова 16, 18, 41, 42, 78
- Годунова Мария Григорьевна (уб. 1605), жена Бориса Годунова, дочь Малюты Скуратова, первое упоминание относится к 1571 г. 18, 24, 46, 60, 67, 74, 80
- Годуновы, боярский род 18, 41, 65—67, 78, 80, 81
- Голиков Иван Иванович (1735—1801), историк 335
- Голицын Борис Алексеевич (1654—1714), боярин, наместник казанский и астраханский 351, 352, 370
- Голицын Василий Васильевич (ум. 1619), военачальник, противник Шуйского, член посольства к Сигизмунду III, умер в польском плену 79
- Голицын Василий Васильевич (1643—1714), кн., гос. деятель, возглавлял ряд приказов, организатор двух неудачных походов (1687 и 1689 гг.) в Крым 335, 342, 347, 425
- Голицын Михаил Михайлович (1675—1730), кн., генерал-фельдмаршал, в 1708 г. одержал победу над шведами при Добром, отличился при Лесной 386
- Голицыны 351
- Головин Федор Алексеевич (1650—1706), гр., гос. деятель, дипломат 201
- Головкин Гавриил Иванович (1660—1734), гр., канцлер и сенатор, сподвижник Петра I 395
- Голосов Лукьян Тимофеевич, с 1670 г. дьяк Аптекарского приказа, в 70—80-х гг. дьяк Посольского приказа 139, 141

- Голохвостов Иван Демидович, вологодский воевода, с 1690 г. окольный 154
- Гольдберг Александр Львович, сов. историк 412, 424
- Гольштейнский кн. см. Фридрих IV
- Гомер, легендарный эпический поэт Древней Греции 153, 290
- Гордон Джеймс (1664—1746), шотл. прелат, сын П. Гордона 333, 341
- Гордон Патрик (1635—1699), шотл. генерал, с 1661 г. на русской службе, генерал и контр-адмирал 8, 332—349, 355
- Гордон Теодор (Федор), сын П. Гордона, в 1692 г. послан для обучения в Пруссию, в 1697 г. прапорщик Бутырского полка 333
- Горн Арвид Бернгард (1664—1742), гр., шв. политический деятель, президент королевского совета 232
- Горсей Джером (г. рожд. неизв. — ум. не ранее 1626), англ. дворянин, с 1573 г. бывал в России в качестве агента английской «Московской компании», автор сочинения о России 40, 41, 71, 329
- Горяинов Акинфий, стряпчий, свидетель подготовки казни С. Разина 193, 194
- Гракх Гай (153—121 до н. э.), политический деятель Древнего Рима 284
- Гракх Тиберий (162—132/133 до н. э.), политический деятель Древнего Рима 284
- Граман Г. см. Гартман Г.
- Грамагин Иван Тарасович (ум. 1638), думный дьяк Посольского приказа, дипломат 133
- Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855), ученый и общественный деятель, с 1839 г. проф. всеобщей истории Московского ун-та 414
- Грациан (Гратиан) Флавий (359—383), с 375 г. имп. Западной Римской империи, соправитель Валента, затем Феодосия 388
- Гревенбрук Герард (Gravenbruchius G.), автор сочинения о Московском гос-ве начала XVII в. 92
- Гроций Гуго де Гроот (1583—1645), голл. историк, юрист и дипломат 281, 282, 286, 299, 404, 405
- Грудцын Василий Иванович, архангельский таможенный голова 148
- Гуниади (Хуньяди) Янош (ок. 1400—1456), венг. политический деятель и полководец, с 1444 г. правитель Венгрии 308
- Гурвич Георгий Семенович (1886—?), историк-правовед 282
- Гуревич Мирон Моисеевич, сов. библиограф 258
- Густа, еп. 321
- Густав (1568—1607), сын шв. короля Эрика XIV, жених Ксении Годуновой 16, 41, 63
- Густав I Ваза (1496—1560), с 1523 г. шв. король 291
- Густав II Адольф (1594—1632), с 1611 г. шв. король 5, 220, 318
- Гэ Магнус (или Монс), датский дипломат, в 70-х гг. XVII в. посланник в Москве 154
- Гюйссен Генрих (ум. 1740), бар., дипломат, воспитатель царевича Алексея Петровича 7, 269, 276, 296—300, 377
- Давид (библ.) 63
- Данилов Александр Иванович, сов. историк 424
- Даниэль Ричард, англ. торговый представитель и резидент в Риге, последнее упоминание относится к 1686 г. 188
- Данкардт, голл. автор сочинения о Московском гос-ве первой четверти XVII в. 143, 156
- Дарий I Гистасп, в 522—486 гг. до н. э. древнеперсидский царь из династии Ахеменидов 286
- Дарий III Кодоман, в 336—330 до н. э. древнеперсидский царь 292, 293, 298
- Девора (библ.) 293
- Дежнев Семен Иванович (нач. XVII в.—1672/1673), казачий атаман, землепроходец 153
- Дейч Генрих Маркович, сов. историк 401
- Делагарди Якоб Понтус (1583—1652), шв. генерал, участник польско-шведской интервенции против Московского гос-ва начала XVII в. 26, 68—70
- Делен (Дельден) фон Иоганн Беккер, датчанин, переводчик Посольского приказа 116
- Демянов Владимир Георгиевич, сов. филолог 237
- Дефо Даниель (1660/1661—1731), англ. писатель 427
- Дженкинсон Антони (ум. 1610 или 1611), англ. купец и дипломат, в 1557—1572 гг. четыре раза посетил Россию 329

- Джовио Паоло (1483—1552), ит. историк-гуманист, под именем Павел Иовий Новокомский известен в России как автор сочинения о посольстве вел. кн. Василия III к папе Клименту VII 103, 117, 329
- Джустиниани, командир генуэзского отряда, защищавшего в 1453 г. Константинополь 309
- Дидона (миф.) 293
- Диоген Лаэртский, древнегреческий историк III в. н. э. 287, 408
- Диодор Сицилийский (ок. 80—29 до н. э.), древнегреческий историк 408, 409
- Дионисий Галикарнасский, древнегреческий историк и ритор I в. до н. э.—I в. н. э. 261
- Длугош Ян (1415—1480), польск. историк и дипломат, с 1436 г. краковский каноник, в 1480 г. львовский арх. 120, 302
- Дмитрий Иванович (1582—1591), царевич, сын Ивана IV 16, 19—22, 24, 35, 38, 41, 62, 63, 65—67, 69, 74, 78, 84, 85, 93, 95
- Дмитрий Ростовский (до пострижения — Даниил Саввич Туптало; 1651—1709), церковный деятель и писатель, создатель свода житий святых — «Четьи-Миней» 313
- Долгоруков Юрий Алексеевич (уб. 1682), кн., боярин, в 1670 г. разбил под Симбирском С. Разина, затем начальник Стрелецкого приказа 150, 152, 174, 182, 186, 187
- Долгоруковы (Долгорукие) 393, 399, 400
- Долинин Николай Петрович (1906—1968), сов. историк 13
- Дорн (Дорно) Адам (ум. 1654), австр. дипломат 116
- Дохтуров Герасим Семенович, думный разрядный дьяк 295
- Друз Юлий Цезарь (8—33), сын Германика, умер в заточении при Тиберии 288
- Дука (ок. 1400—1470), греческий историк 309
- Евгений IV (1383—1447), с 1431 г. рим. папа 308
- Евгений Савойский (1663—1736), австр. полководец и государственный деятель 216, 224, 229, 248, 253, 298
- Евдокия с.м. Лопухина Е. Ф.
- Евсевий Кесарийский (ок. 260—ок. 340), церковный писатель 288
- Екатерина I (1684—1727), с 1725 г. имп. 293, 356, 393
- Екатерина II (1729—1796), с 1762 г. имп. 396, 398, 400, 425
- Елизавета (1533—1603), младшая дочь Генриха VIII и Анны Болейн, с 1558 г. англ. королева 71, 131, 291, 293
- Елизавета Петровна (1709—1761), с 1741 г. имп. 399, 400
- Ерещильд с.м. Эреншилд Н.
- Ермуратский Василий Никитич, сов. историк 267
- Еропкин Алексей Павлович, устюжский воевода 154
- Ефестион с.м. Гефестион
- Жанна д'Арк (ок. 1412—1431), французская патриотка периода Столетней войны Англии и Франции 186
- Желябужский Иван Афанасьевич (1638—1709), думный дворянин, дипломат 188
- Жигмунт с.м. Сигизмунд I
- Жолковский Станислав (1547—1620), польск. полководец, участник интервенции начала XVII в. 41, 47
- Забелин Иван Егорович (1820—1908), историк и археолог 237
- Замысловский Егор Егорович (1841—1895), историк 336
- Заруцкий Иван Мартынович (уб. 1614), руководитель казачьего отряда при I ополчении, авантюрист 51
- Захарьин-Юрьев (Романов) Никита Романович (ум. 1585), боярин, дед царя Михаила Федоровича, в 1584—1585 гг. участвовал в управлении гос-вом 40
- Зебржидовский Николай (1553—1620), сандомирский воевода, руководитель бунта (рокоша) 1606 г. против Сигизмунда III 87
- Зеновия Септимия, в 267—273 гг. царица пальмирская, умерла в римском плену 293
- Зенон (490—430 до н. э.), древнегреческий философ 286
- Злобин Федор, автор предисловия к книге Гвидо де Колумна 319
- Зосима, виз. историк сер. V в. н. э. 288
- Зотов Никита Моисеевич (ок. 1644—1718), учитель Петра I 366
- Иафет (библ.) 301
- Иван III Васильевич (1440—1505), с 1462 г. вел. кн. московский 55, 56, 61, 121, 171

- Иван IV Васильевич (1530—1584), с 1533 г. вел. кн. московский, с 1547 г. первый русский царь 5, 11, 12, 14, 17, 19, 20, 29, 33, 37, 39, 40, 42, 52, 54—62, 65, 67, 69, 75, 78, 85, 95, 98, 103, 117, 121, 129—131, 145, 169, 195, 291, 295, 313, 327, 330, 406
- Иван V Алексеевич (1666—1696), с 1682 г. «первый» царь, совместно с Петром I 342, 426
- Иван Иванович (1554—1581), старший сын Ивана IV 39, 40, 58
- Иванов Ларин Иванович (уб. 1682), думный дьяк, был близок к А. С. Матвееву 152
- Игнатий (ум. ок. 1640), арх. на Кипре, при Борисе Годунове еп. рязанский, в 1605—1606 и 1611 гг. патриарх, затем бежал в Польшу, где и принял унию 46, 86
- Игорь (уб. 945), вел. кн. киевский 57, 120
- Изабелла Кастильская (1451—1504), с 1474 г. королева Кастилии 293
- Иннокентий IV (Синибальдо Фиески; ок. 1195—1254), с 1243 г. рим. папа 304
- Иоаким (ум. 1030), с 993 г. святитель новгородский 409
- Иоаким (1620—1690), с 1674 г. патриарх московский 347, 348
- Иоанн I (1487—1540), с 1526 г. венг. король 311
- Иоанн V Палеолог (1331—1391), с 1341 г. виз. имп., в 1376—1379 гг. престол узурпировал его сын Андроник IV, в 1390 г. сын последнего Иоанн VII 307
- Иоанн VI Кантакузин (ум. 1383), виз. политический деятель и писатель, в 1341—1354 гг. имп. 307
- Иоанн VIII Палеолог (1391—1448), с 1421 г. соправитель Мануила II, с 1425 г. имп. 308
- Иов (ум. 1607), в 1589—1605 гг. первый русский патриарх, лишен сана Лжедмитрием I 42, 46
- Иовия Павел *см.* Джовио П.
- Иоганн (Иоанн; ум. 1602), брат датского короля Христиана IV, жених Ксении Годуновой 16, 18, 41, 78
- Ион Август, художник 102
- Иосиф (библ.) 283
- Иосиф (уб. 1671), митрополит астраханский и терский 165
- Иосиф Андреевич, русский купец 146
- Иосиф Флавий (Иосиф бен Матафие; ок. 37—ок. 95), древнееврейский историк 261, 319
- Ирина (ум. 803), в 780—802 гг. виз. имп. совместно со своим сыном Константином VI, которого в 797 г. ослепила 293, 305
- Ирина Федоровна (в монашестве Александра; ум. 1603), сестра Бориса Годунова, жена царя Федора Ивановича 41, 63
- Иродион Ослябча *см.* Ослябья Родион
- Искандер *см.* Нестор-Искандер
- Иустин (ок. 100—ок. 165), философ, деятель церкви 286, 304
- Кавад I (г. рожд. неизв.—ум. 531), царь гос-ва Сасанидов в 488—496 и 499—531 гг. 286
- Кадлубек Винцентий (ок. 1160—1223) польск. хронист 120
- Казимир I (ум. 1182), князь в Восточной Померании, правивший совместно со своим братом Богиславом 61
- Кальвуччи Горацио Гульельмо (Вильгельмо), второй посол миссии Леопольда I 1661—1662 гг. о заключении мира между Россией и Польшей 118, 119
- Кампензе Альберто (г. рожд. и см. неизв.), автор сочинения о Русском гос-ве, написанного им в 1523—1524 гг. по рассказам отца и брата 329
- Кандакия или Кандака, эфиопская царица, в 24—21 гг. до н. э. возглавила борьбу против Рима 293
- Кантемир Антиох (1708—1744), поэт, общественный деятель 398
- Кантемир Дмитрий Константинович (1673—1723), молдавский ученый и политический деятель 4, 6, 261, 265—267, 386, 401
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), историк, поэт и общественный деятель 13, 414, 422
- Карл Великий (ок. 742—814), с 768 г. франкский король, с 800 г. имп. 286
- Карл I (1600—1649), с 1625 г. англ. король 10, 53, 139—141, 147, 285, 295, 318, 338, 342
- Карл II (1630—1685), с 1660 г. англ. король 128, 137, 139, 141, 188, 295, 333, 338, 340—342
- Карл V (1500—1558), с 1516 г. король Испании и Неаполя, с 1519 г. имп. Священной Римской империи 208

- Карл VI (Иосиф Франц Габсбург; 1685—1740), с 1711 г. имп. Священной Римской империи 226
- Карл IX (1550—1611), с 1599 г. шв. король 24, 68—70
- Карл XII (1682—1718), с 1697 г. шв. король 200, 214—216, 219, 225, 232, 234, 242—246, 250, 258, 270, 273, 274, 289, 291, 292, 296, 297, 299, 316, 317, 358, 368, 371, 372, 389, 424, 427, 428
- Карл Смелый (1433—1477), герцог бургундский 297, 298
- Карл-Филипп (1601—1622), сын шв. короля Карла IX, претендовал на русский престол 70
- Карлейль Чарльз Говарт (1629—1684), гр., англ. политический деятель, в 1663—1664 гг. возглавлял посольство в Москву 136—141, 148, 333
- Карне (1566 — ?), иностранец, комедант астраханского Кремля при С. Разине 166
- Карольи Шандор (1668—1743), один из руководителей повстанцев в армии Ф. Ракоци 252, 255
- Кассиодор (ок. 490 — ок. 575), политический деятель и писатель королевства остготов, автор «Истории готов» 286, 287
- Катилина Луций Сергий (108—62 до н. э.), политический деятель Древнего Рима 284, 288
- Квинтий 290
- Квинтилиан Марк Фабий (ок. 35—95), теоретик ораторского искусства в Древнем Риме 261
- Келлерман *см.* Кельдерман Томас Андрей
- Кельдерман (в тексте Келлерман) Томас Андрей, иностранный купец, в 60—80-х годах выполнял ряд дипломатических поручений русского правительства 238
- Кий, по «Повести временных лет» один из основателей Киева совместно с братьями Щеском и Хоривом, князь славянского племени полян 120
- Кикин Александр Васильевич (ум. 1718), камергер, сподвижник Петра I, затем сблизился с царевичем Алексеем 391, 395
- Кир, древнеперсидский царь ок. 558—529 до н. э., основатель династии Ахеменидов 285, 286, 295, 301
- Киреевский Петр Васильевич (1808—1856), писатель, переводчик 128
- Кирилл (315—386), с 351 г. еп. перусалимский 410
- Кирилл (монашеское имя Константина; 827—869), славянский просветитель и проповедник 410
- Кирхбаум, генерал 249
- Кирхер Атаназиус (1602—1680), нем. лингвист, историк 402
- Клавдий (10 до н. э.—54 н. э.), с 41 г. рим. имп. 301
- Клауссен Корнилий Клютинг, голл. шкипер, участник второй экспедиции Олеария 100
- Кленк фан Кунраад Юриаанзон (1628—1691), голл. дипломат, в 1675—1676 гг. возглавлял миссию в Москву 141 149, 190
- Кленк Юрий, голл. купец 143
- Клеопатра I (ок. 215—176 до н. э.), с 180 г. царица Египта из династии Птолемеев, правила за своего несовершеннолетнего сына Птолемея VI 293
- Клеопатра VII (69—30 до н. э.), с 51 г. соправительница, а затем и египетская царица 293
- Ключевский Василий Осипович (1841—1911), историк, с 1879 г. доцент и с 1882 г. проф. Московского ун-та, преподавал также в Александровском военном училище, Московской духовной академии и на высших женских курсах 8, 413
- Ковалевский Максим Максимович (1851—1916), юрист, историк и социолог 414
- Козимо III (Косьма) Медичи (1642—1723), с 1670 г. великий герцог тосканский 192
- Койэтт (Койет) Балтазар, автор сочинения о поездке К. фан Кленка в Москву в 1675—1676 гг. 144, 145, 149—157, 190
- Коллиз Самюэл (ум. до 1671), англ., в 1659—1666 гг. врач царя Алексея Михайловича, автор записок о Московском государстве 11, 126—136, 333, 426
- Колумб Христофор (1451—1506), мореплаватель 10
- Коновалов (Kоновалов S.) Сергей, совр. англ. историк 9, 188, 189, 332, 336
- Конрад I (ум. 918), с 911 г. герм. король 286
- Конрад III (ок. 1093—1152), с 1138 г. герм. король, основатель династии Гогенштауфенов 61, 286
- Константин VI (ум. 797), с 780 г.

- виз. имп., ослеплен своей матерью Ириной, по поздним свидетельствам прожил еще несколько лет 293, 305
- Константин Багрянородный, Порфи́ро-родный (905—959), с 913 г. виз. имп. из македонской династии, автор ряда сочинений по истории Византии 408, 410, 411
- Константин Великий (274/280—337), с 306 г. рим. имп. 321
- Константин IX (959—1028), в 975—1025 гг., виз. имп., совместно с братом Василием II, с 1025 г.—единолично 117
- Константин Дмитриевич (1389—1434), мл. сын Дмитрия Донского, в 1406—1414 гг. наместник вел. кн. в Новгороде и Пскове 172
- Контарини Амброджио (ум. 1499), венецианский дипломат, способствовал установлению сношений Русского гос-ва с Венецианской республикой 56, 329
- Ковти см. Франциск-Людовик Ла Рош-сюр-Йон
- Коперник Николай (1473—1543), польск. астроном 282, 385
- Корб Иоганн Георг, в 1668—1669 гг. секретарь посольства Леопольда I в Москву, автор изданного дневника, который был уничтожен по настоянию русского правительства, умер в звании канцлера 8, 332, 333, 348—356
- Кордт Вениамин Александрович (1860—?), историк 35
- Коробан Василий Павлович, сов. филолог 267
- Коробейников Трифон (ум. после 1594), московский купец, позже дьяк, участник ряда дипломатических миссий 327
- Корчин Василий Дмитриевич (ум. 1734), генерал-майор, инженер-фортификатор 374
- Косагов Григорий Иванович, стольник, полковник «копейного и рейтарского строя» 194
- Костомаров Николай Иванович (1817—1885), историк, проф. Киевского и Пестербургского ун-тов 176
- Котков Сергей Иванович, сов. литературовед 237
- Котошихин Григорий Карпович (ок. 1630—1667), подьячий Посольского приказа, автор сочинения «О России в царствование Алексея Михайловича» 150, 182, 347
- Котсен Матвей, командир англ. отряда из охраны Лжедмитрия I 96
- Кравфуирд Даниил (ум. 1692), иноземный полковник на русской службе 346
- Крашч Альберт (1448—1517), нем. хронист 103
- Красов Эрнст (ок. 1660—1714), шв. генерал 215, 219, 221
- Крейц см. Крюйс К.
- Крижанич Юрий (1617—1683), хорват, католический миссионер, автор сочинения о Московском гос-ве 209
- Критовул Михаил, греческий историк XV в., в 1456—1466 гг. наместник о-ва Имброс 309
- Кромвель Оливер (1599—1658), лорд, деятель англ. буржуазной революции 72, 136, 196, 224, 277, 295, 298
- Кроммер Мартин (1512—1589), польский историк и церковный деятель, еп. варийский 103, 117, 302, 402
- Крусали, фр. аббат, переводчик при Коллегии иностранных дел 301
- Крюйс (в тексте Крейц) Корнелий (1657—1727), адмирал, в 1697 г. приглашен на службу в Россию 365
- Ксенофонт (ок. 430—355/354 до н. э.), древнегреческий историк 323
- Ксеркс I, в 486—465 до н. э., персидский царь из династии Ахеменидов 286, 290
- Купер Спенсер (1669—1727), англ. гос. деятель 235
- Куракин Борис Иванович (1677—1727), кн., гос. деятель, дипломат и историк 3, 7, 212—237, 275—281, 374
- Куракин Иван Григорьевич (ум. 1683), кн., боярин, отец Б. И. Куракина 212
- Куракин Федор Алексеевич (1842—?), кн., член саратовской ученой архивной комиссии, издатель семейного архива 213—218, 221, 222, 224, 225, 227—229, 232—235, 275, 277, 278, 281
- Курций Руф Квинти, рим. историк I в. н. э. 289, 302, 318, 319
- Кучкин Владимир Андреевич, сов. историк 401
- Лазарь, Лазар Хребелянович (ок. 1329—1389), кн., пытавшийся объединить сербские земли 307
- Ламайерн Георг 314
- Ланг Иван Лоренц (Лаврентий; ум. после 1738), шв. офицер, в 1719—

- 1722 гг. русский резидент в Китае, автор записок 374
- Ланноа Гильбер (Ланнуа де Жильберт, 1386—1462), рыцарь из Фландрии, путешествовал по Восточной Европе, автор записок 172
- Ланта Альберт, командир шотландского отряда из охраны Лжедмитрия I 96]
- Левенгаупт Адам Людвиг (1659—1719), гр., шв. генерал 365, 372
- Левиафан (библ.) 73
- Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716), нем. математик, философ-идеалист 3, 265, 425
- Ленин Владимир Ильич (1870—1924) 417
- Леонтий (уб. 705), соперник Юстиниана II, полководец, в 695—698 гг. владел престолом 288
- Леопольд I (1640—1705), с 1657 г. имп. Священной Римской империи из династии Габсбургов 118, 119, 142, 204, 349
- Лепсиус Юстус (в тексте Липсий Юст; 1547—1606), голл. филолог, занимался критикой текстов античных авторов 327
- Лесли Александр, шотл. наемник на русской службе 107
- Лефорт Франц Яковлевич (1656—1699), швейцарец, русский военный деятель, адмирал 201, 335, 347, 348, 351
- Лех (миф.) 262
- Лещинский Станислав (1677—1766), в 1704—1709 и 1733—1735 гг. польск. король 213, 214, 221, 223, 230, 244, 246, 250, 297, 368
- Лжедмитрий I (в тексте Самозванец; г. рожд. неизв.—уб. 1606) 12 — 14, 17—24, 28—30, 33, 34, 38, 39, 43—50, 54, 60, 64—66, 69, 71, 73—75, 78—81, 83—88, 90—97, 111, 121, 156, 288
- Лжедмитрий II (г. рожд. неизв.—уб. 1610) 22—25, 28, 49, 50, 54, 61, 69, 88
- Лжедмитрий III (г. рожд. неизв.—уб. 1613) 54, 69
- Лже-Шуйский (наст. имя — Тимофей Анкудинов, уб. 1653), самозванец, выдававший себя за сына В. И. Шуйского 104, 106, 118
- Ливий Тит (59 до н. э.—17 н. э.), рим. историк 286—288, 290, 299, 327
- Лимонов Юрий Александрович, сов. историк 11, 54, 196
- Лисек (в тексте Lyseck Ad.) Адольф, секретарь имперского посольства 1675 г. в Москве, документы этого посольства были им изданы в 1676 г. 142
- Лисовский Александр Иосиф (ум. 1616), польск. шляхтич, был изгнан из Польши за выступления против Сигизмунда III, вместе с Салегою осаждал Троицкий монастырь 26
- Лович Андрей, иезуит при Лжедмитрии I 93
- Ловягин Александр Михайлович (1870—1925), историк и переводчик 98, 143, 156
- Лойко Генрих, в 1601—1603 гг. возглавлял посольство Рудольфа II к Борису Годунову 64
- Локк Джон (1632—1704), англ. философ 405
- Локций (Локцениус) Иоанн (1598—1677), шв. историк, юрист 298, 299
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) 159, 414, 422, 423
- Лопухина Евдокия Федоровна (1669—1731), первая жена Петра I, мать царевича Алексея 383, 392
- Лосс, польско-саксонский резидент при Петре I 395
- Лукиан Самосатский (ок. 120 — после 180), древнегреческий писатель-сатирик, сириец, родом из г. Самосаты 261
- Лукулл Люций Люциний (ок. 117—56 до н. э.), рим. политический деятель и полководец 264
- Лутхин Юрий Петрович, московский пристав 152
- Лызлов Андрей Иванович (ум. после 1696), историк и переводчик 7, 302—314
- Львов Семен Иванович (уб. 1670), в 1667—1670 гг. товарищ астраханского воеводы 157, 159—163, 177, 185
- Люблинская Александра Дмитриевна, сов. историк 206, 207
- Людовик II (1505—1526), с 1516 г. венг. король 310
- Людовик XIII (1601—1643), с 1610 г. фр. король 225
- Людовик XIV (1638—1715), с 1643 г. фр. король 141, 208—211, 225, 226, 259, 290, 343, 425
- Людовик XV (1710—1774) с 1715 г. фр. король 225, 256, 258, 259
- Ляпунов Прокопий Петрович (уб. 1611), рязанский дворянин, участник и организатор I ополчения 118

- Маврикий (ок. 539—602), с 582 г. виз. имп. 288
- Магнус Йоханн (1488—1544), шв. историк, хронист 103
- Мазарини Джулио (1602—1661), с 1641 г. кардинал, с 1643 г. первый министр Франции 225, 321
- Мазепа Иван Степанович (1644—1709) с 1687 г. укр. гетман 291, 292, 372
- Макаров Алексей Васильевич (1674/1675—1750), кабинет-секретарь Петра I 269
- Макиавелли Никколо ди Бернардо (1469—1527), ит. философ и историк 405
- Максим (уб. 388), узурпатор императорской власти в Западной Римской империи 288
- Максимилиан I (1459—1519), с 1493 г. имп. Священной Римской империи 291, 376
- Максимиан Гай Юлий Вер (уб. 238), легат Верхней Германии, с 235 г. имп. 301
- Малеин Александр Иустинович (1869—1938), филолог, историк и педагог 349
- Мальборо Джон Черчилль (1650—1722), герцог, англ. полководец и политический деятель, в 1702—1711 гг. командующий войсками в войне за испанское наследство 216, 220, 221, 224, 225, 235, 298
- Манкиев Алексей Ильич (г. рожд. неизв. — ум. 1723), историк и дипломат 7, 294, 295, 420
- Манлий *см.* Торкват Луций Манлий
- Манлих Матвей Бернгард, аугсбургский купец, спутник Паэрле 82, 87
- Мануил II (ум. 1425), с 1391 г. виз. имп. 307, 308
- Маньков Аркадий Георгиевич, сов. историк 156, 189
- Маргарита Датская (1353—1412), с 1387 г. королева Дании, Норвегии и с 1389 г. — Швеции 293
- Маржерет Жак (Яков), командир французского отряда, с 1600 г. на службе у Бориса Годунова, в 1612 г. пытался вновь поступить на русскую службу, автор сочинения о Московском гос-ве 8, 12, 14, 17, 28—35, 41, 42, 44, 47, 48, 56, 64, 91, 96, 170, 330
- Марий Гай (156—86 до н. э.), рим. полководец и политический деятель 284
- Мария (ум. 1395), дочь венг. короля Людовика I, с 1370 г. королева 293
- Мария Ильинична Милославская *см.* Милославская М. И.
- Мария Тюдор (1515—1558), с 1553 г. англ. королева 293
- Маркс Карл (1818—1883) 269, 312, 417
- Марселис Петр, купец, управляющий тульским заводом, выполнял дипломатические поручения в Вене 108
- Мартин Галл *см.* Галл Аноним
- Марфа *см.* Нагая М. Ф.
- Масальский-Рубец Василий Михайлович, боярин, служил обоим самозванцам, второй посол миссии к Сигизмунду III об избрании Владислава на московский престол 45, 65
- Масса Исаак (1587—1635), голл. купец, в 1614—1634 гг. резидент в России 8, 16, 17, 19, 35—53, 56, 64—67, 143, 182, 330
- Матвеев Андрей Артамонович (1666—1728), боярин, дипломат 3, 7, 200, 201, 205—212, 216, 268, 299, 363
- Матвеев Артамон Сергеевич (1625—1682), дипломат, в 1671—1676 гг. руководитель Посольского приказа 154, 206, 346, 426
- Мауроурбин 410
- Мейерберг (Мейер фон Мейерберг) Августин (1622—1688), австр. дипломат, автор записок о Московском гос-ве 8, 102, 118—127, 330
- Мела Помпоний (г. рожд. и см. неизв.), рим. географ 1-й пол. I в. н. э. 100
- Менед-хан, командующий персидским флотом, разбитый С. Разинным в июне 1669 г. 175
- Менений (или Мenezий) Франциск, хронист 103
- Меншиков Александр Данилович (1673—1729), кн., сподвижник Петра I, генералиссимус 292, 293, 320, 365, 383, 393, 395
- Мерик Джон, с 1592 г. член англ. фактории в Москве, свидетель последних лет царствования Федора Ивановича, Бориса Годунова и Лжедмитрия I 9, 76, 81, 82
- Метелл (Македонский) Квинт Цецилий, консул 143 г., цензор 131 г. до н. э. 286
- Мехмед I (1374—1431), с 1413 г. тур. султан 308

- Мехмед II (1429—1481), с 1451 г. тур. султан 308, 309, 311
- Мехмед III (1568—1603), с 1595 г. тур. султан 311, 312
- Меховский Матвей (1457—1523), польск. историк, географ, врач, с 1485 г. проф. Краковского ун-та 55, 104, 302
- Микляев Петр, новгородский купец, в 1653 г. возглавлял дипломатические миссии в Голштинию, Любек и Швецию 117
- Микулин Григорий Иванович, дьяк Посольского приказа, в 1600 г. возглавлял посольство в Англию 76
- Миллер Герард Фридрих (1705—1783), историк и археолог 294, 335, 420, 422
- Миллер Иоганн Бернгард, шв. офицер 374
- Милосвята (миф.) 293
- Милославская Мария Ильинична (1625—1669), первая жена царя Алексея Михайловича 129, 133, 135
- Милославские 5, 123, 154, 333, 347, 348
- Милославский Иван Богданович, в 1671 г. воевода в Симбирске, затем в Астрахани 157, 166
- Милославский Иван Михайлович (1629—1685), боярин, играл видную роль при царе Федоре Алексеевиче и царевне Софье 167
- Милославский Илья Данилович (ум. 1668), боярин, отец М. И. Милославской 129, 133, 135
- Мильтон Джон (1608—1674), англ. поэт и публицист, участник англ. буржуазной революции XVII в. 9, 11, 92, 195—197, 330
- Миних Бурхардт Кристоф (1683—1767), гр., генерал-фельдмаршал 398
- Мицлов Рудольф Иванович (1811—1883), библиограф 375, 412
- Митридат Эвпатор, в 111—63 до н. э. понтийский царь 301
- Михаил Федорович Ромазов (1596—1645), с 1613 г. первый царь из династии Романовых 5, 52, 54, 69, 70, 98, 143, 154, 197
- Мниех Фридрих, поэт, историк, участник посольства Олерия 100
- Мнишек Марина (ум. 1614), дочь сандомирского воеводы, жена Лжедмитрия I 19, 41, 47, 60, 86, 93, 95—97
- Мнишек Юрий (ум. 1613), сандомирский воевода, львовский староста, отец Марины Мнишек 46, 50, 65, 84—86, 93, 95
- Могильницкий Борис Георгиевич, сов. историк 424
- Монмут Джеймс (1649—1685), побочный сын Карла II, претендовал на престол, казнен за организацию заговора против Якова II 342
- Мориц, принц Оранский (1567—1625), сын Вильгельма Оранского, штатгальтер Нидерландов 36
- Морозов Александр Антонович, сов. историк и переводчик 36
- Морозов Борис Иванович (1590—1661), боярин, гос. и военный деятель, с 1645 г. фактически возглавлял московскую администрацию 107, 129, 133—135, 192
- Морозов Иван Васильевич, в 40-х годах XVII в. казанский воевода 110
- Морозова Анна Ильинична (урожд. Милославская), жена Б. И. Морозова, сестра М. И. Милославской 133
- Москвитин И. 153
- Моско (миф.) 301
- Мосох (миф.) 262
- Мстиславский Федор Иванович (ум. 1622), боярин, командовал русскими войсками при Борисе Годунове, в 1610 г. был во главе семибоярщины 44
- Муавия (Моавия) (миф.) 293
- Мурад I (Амурат, 1319—1389), с 1359 г. тур. султан 307
- Мурад II (1401—1451), с 1421 г. тур. султан 308
- Мурад III (1546—1595), с 1574 г. тур. султан 311
- Мусия-Пушкин Иван Алексеевич (ум. после 1728), гр., сенатор 393
- Мухаммед (Магомет, ок. 570—632), основатель ислама 241, 305
- Мъез Гью (Гвидо, 1644 — ок. 1718), англ. писатель, участник посольства 1663—1664 гг. в Москву 137
- Набарзан, персидский сатрап 292
- Навуходоносор II, в 604—562/561 гг. до н. э., вавилонский царь 285, 295
- Нагая Мария Федоровна (в пострижении Марфа; ум. 1610), с 1580 г. жена Ивана IV, мать царевича Дмитрия 19, 34, 46, 74, 85, 95
- Нагие, дворянский и боярский род Тверского княжества, а затем Москвы, угас в конце XVII в. 78

- Наполеон I Бонапарт (1769—1821) 425
- Нарышкин Кирилл Полуэктович (ум. 1691), воевода, отец Н. К. Нарышкиной, матери Петра I 150
- Нарышкин Матвей Филимонович (ум. 1692), боярин, в 1674—1676 гг. устюжский воевода 154
- Нарышкин Федор Полуэктович (в конце 20-х годов XVII в.—1676), думный дворянин, с 1673 г. воевода в Холмогорах, дядя П. К. Нарышкиной 147, 148, 154
- Нарышкина Наталья Кирилловна (1651—1694), вторая жена царя Алексея Михайловича, мать Петра I 348
- Нарышкины 154, 347
- Недрон 302
- Нейгебауэр Мартин (г. рожд. и см. неизв.), в 1701—1704 гг. воспитатель царевича Алексея Петровича 296, 398
- Нейтингаль Лука, в 1647—1648 гг. был послан в Россию для закупки хлеба, представлялся послом, за что получил выговор от царя 140
- Нерон Клавдий Цезарь (37—68), с 54 г. рим. имп. 285, 287
- Нестеров Афанасий Иванович, с 1634 г. стряпчий Посольского приказа, в 1670—1673 гг. воевода в Архангельске 138—140
- Нестор, древнерусский летописец XI — нач. XII в. 409
- Нестор-Искандер (Александр, г. рожд. и см. неизв.), русский писатель, очевидец падения в 1453 г. Константинополя, автор «Повести о Царьграде» 309
- Нефимов Козьма Никитич, дьяк Посольского приказа, в 1695—1697 гг. возглавлял посольство в Священную Римскую империю 198
- Никита Романович см. Захарьин-Юрьев Н. Р.
- Никон (Никита Минич Минов; 1605—1681), в 1652—1667 гг. московский патриарх 128, 132, 186, 426
- Новиков Николай Иванович (1744—1818), русский просветитель, писатель, журналист и издатель 302, 327
- Ной (библ.) 421
- Норрис Джон (ок. 1660—1749), англ. адмирал 258, 259
- Ностиц, подполковник саксонской армии 244
- (1805—1873), кн., историк-архивист, с 1840 г. директор Московского архива Министерства иностранных дел 336
- Овидий (Публий Овидий Назон; 43 до н. э.—17 н. э.), рим. поэт 288
- Одеборн Павел, автор сочинения «Жизнь Великого князя Московского Ивана Васильевича» 55, 57
- Одиссей (миф.) 290
- Одоевский Яков Никитич (ум. 1697), кн., астраханский воевода, управлял рядом приказов 157, 166, 167
- Олеарий, Эльшлегер Адам (ок. 1599—1671), нем. ученый и путешественник, автор описания путешествия в Персию и Россию 8, 30, 98—118, 120, 156, 170, 330, 359, 413
- Олег (ум. 912 или 922), киевский князь 120
- Олива (Oliva) Лоренс, ам. историк 198, 416, 418—420, 425
- Ольга (в крещении Елена, г. рожд. неизв.—ум. 969), киевская княгиня 57
- Опкай, руководитель одного из отрядов в армии Ракоци 254
- Оранский дом 142
- Орделин Захарија, югосл. историк 198
- Ордын-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (ок. 1605—1680), гос. и военный деятель, дипломат 127, 135—137, 168, 237
- Орлеанский дук см. Филипп II Орлеанский
- Орлик Филипп (1672—1742), укр. казачий старшина, сторонник Мазепы 368
- д'Ормонд Джеймс Бетлер (1665—1745), англ. политический деятель, с 1703 г. вице-король Ирландии, в 1711—1715 гг. командующий всеми сухопутными силами Англии 235
- Орхан (Урхан; 1279—1359), с 1326 г. второй тур. султан 307
- Ослябя Родион (в монашестве Роман; ум. 1389), боярин, инок Троице-Сергиевой Лавры 307
- Осман I (1258—1324 или 1326), с 1299/1300 г. тур. султан, основатель династии 306
- Османы, в 1299—1924 гг. династия турецких султанов 306
- Остерман Андрей Иванович (Генрих Иоганн Фридрих, 1686—1747), гр., канцлер 335, 394, 398

- Отрепьев Григорий *см.* Лжедмитрий I
- Оттон Марк Сальвиус (32—69), в 69 г. рим. имп. 287
- Оттон I Рыжий (912—973), с 935 г. герм. король, с 962 г. имп. Священной Римской империи 61, 286
- Оттон III (980—1002), с 983 г. имп. Священной Римской империи 117
- Павел (библ.) 347
- Павлов-Сильванский Николай Павлович (1869—1908), историк, проф. Петербургского ун-та 269
- Палмквист Йохан (ум. 1716), шв. дипломат, надворный канцлер, с 1702 г. посол в Гааге 200, 231
- Парис (миф.) 209
- Патерсон Петр Упсальский, шв. хронист XVII в., издавший в 1606 г. сочинение о Лжедмитрии I 91
- Паткуль Иоганн Рейнгольд (1660—1707), лифляндский политический деятель, служил в Саксонии и России, сторонник антишведской коалиции 317
- Патриарх, грек *см.* Игнатий
- Пац Михаил Казимир (ум. 1682), польск. полководец, противник короля Яна Собеского 127
- Пашков Истома (Филипп Иванович, г. рожд. и см. неизв.), сотник и казачий атаман, руководитель веневских дворян в движении Болотникова, в конце 1606 г. перешел на сторону Шуйского 23, 49, 67, 88, 89
- Паэрле Ганс Георг, купец из Аугсбурга, в 1606 г. посетил Россию, автор записок о Московском гос-ве 19, 41, 82—90
- Пекарский Петр Петрович (1828—1872), академик-историк, литературовед 274, 296, 398, 399
- Пельмгольд, автор сочинения о славах 408
- Периетет Дионисий 100
- Перри Джон, англ. капитан, в 1698—1715 гг. находился на русской службе, в 1716 г. издал книгу в Лондоне о пребывании в России 331, 332, 369—373, 428
- Петр (библ.) 320, 347
- Петр I (1672—1725), с 1682 г. царь, с 1721 г. имп. 3, 5—8, 53, 143, 145, 168, 198—203, 206, 209, 212, 213, 215—217, 219, 221, 222, 230, 233, 234, 236—238, 244, 246, 250, 260—262, 264—274, 276, 281, 282, 285, 287, 289—293, 295—297, 299—303, 313—323, 327, 328, 331—337, 342, 343, 347—349, 352, 353, 356, 359, 361—389, 391—395, 397, 398, 412—421, 424—428
- Петр II Алексеевич (1715—1730), внук Петра I, сын царевича Алексея, с 1727 г. имп. 393, 394
- Петр Петрович (1715—1719), сын Петра I и Екатерины I 395
- Петр Федорович (уб. 1607), «царевич», руководитель одного из повстанческих отрядов в 1606—1607 гг. 22, 23, 34, 48, 89
- Петрой де Ерлезунда Петр (Perг Persson; 1570—1622), шв. дипломат и историк, в 1602—1606 и 1608—1611 гг. жил в России, имел отношение к заключению в 1617 г. Столбовского мира 8, 13, 14, 40, 41, 54—70, 103, 118, 330, 359
- Петров Лев Александрович, сов. философ 261, 401
- Петров Николай Иванович (1840—1921), архивист, проф. Киевской духовной академии 261
- Петцольд, секретарь саксонского правительства в России в 40-х годах XVIII в. 400
- Пирлинг (Pierling) Павел (1840—1922), историк, иезуит, родился в России, жил и писал во Франции 39
- Пирр (319—272 до н. э.), полководец, в 307—302 и 296—272 гг. царь Эпира 283, 292
- Плейер Отто Антон, в 1717—1718 гг. имперский резидент в России 332, 333, 391, 395
- Плещев Леонтий Степанович (уб. 1648), судья Земского приказа, убит во время т. н. «соляного бунта» 104, 107
- Плещев Наум Михайлович, в 1605 г. перешел на службу к Лжедмитрию I, в 1613—1615 гг. второй воевода в Тобольске 45
- Плиний Младший (Гай Плиний Цецилий Секунд, ок. 62—ок. 114 н. э.), древнеримский гос. деятель и писатель 100, 288, 289, 302, 402, 408, 410
- Плиний Старший Гай Секунд (23—79 н. э.), древнеримский ученый и писатель 410
- Плутарх (ок. 46—126 н. э.), древнегреческий писатель 286, 408
- Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—ок. 1642), кн., один из

- организаторов народного ополчения 12, 28
- Покровский Алексей Алексеевич (1875 — ?), историк 237
- Полевой Николай Алексеевич (1796—1846), писатель, журналист, историк 414
- Полибий (ок. 201—ок. 120 до н. э.), древнегреческий историк 404
- Полидор Виргилий (1470—1550), ит. гуманист, родом из Урбино 326
- Поликарпов-Орлов Федор Поликарпович (г. рожд. неизв.—ум. 1731), писатель и общественный деятель, составитель греко-славяно-латинского букваря, принимал участие в редактировании «Ведомостей» 239, 270, 420
- Полиньяк де Мельхиор (1661—1742), фр. кардинал, дипломат 225
- Полтев Семен Федорович, думный дворянин при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче 346
- Полуденский Михаил Петрович (1829—1868), историк 195, 196
- Помпей Гней (106—48 до н. э.), рим. полководец и политический деятель 284
- Понтано или Понтано (Яков Шпанмюллер, 1542—1626), нем. писатель, иезуит 99
- Попов Александр Николаевич (1820—1877), историк 156
- Попов Нил Александрович (1833—1891), историк 402
- Порчий Иоанн, австр. генерал 255
- Поссевино Антонио (1533—1613), иезуит, папский легат, в 1581—1582 гг. вел переговоры с Иваном IV о заключении мира с Польшей и церковной унии 103, 329
- Поссельт Мориц Федорович (1805—1875), историк, проф. Дерптского ун-та 336
- Поярков Василий Данилович (ум. не ранее 1668), землепроходец 153
- Прибылович Стефан, суб-ректор патриаршей школы в Москве, с 1711 г. соборный иеромонах Александро-Невского монастыря, писатель 367
- Придо (Prideaux) Вильгельм, в XVII в. англ. посланник в России 136
- Прозоровский Борис Иванович (уб. 1670), старший сын И. С. Прозоровского 164
- Прозоровский Иван Семенович (уб. 1670), кн., боярин и воевода, с 1667 г. астраханский наместник 144, 157, 164, 177, 178, 183, 184
- Прозоровский Петр Семенович (Большой), кн., боярин, в 1662 г. возглавлял посольство в Англию, затем терский воевода 137, 188, 338
- Прокопий 288
- Прокопий Кесарийский (род. в конце V в.—ум. ок. 562), виз. историк 286
- Прокопович Феофан (1681—1736), русский церковный и общественный деятель, ученый и поэт 3, 7, 260—262, 264, 269, 276, 281—294, 320, 321, 326, 394, 395, 398, 401, 403, 406, 411, 420
- Прометей (миф.) 103, 417
- Прочичев Иван Афанасьевич (ум. 1687), боярин, дипломат 139
- Просина А. Б., сов. юрист. 261
- Прус, легендарное лицо 4, 5, 59
- Прутен 301
- Птолеми, или Лагиды, эллинистическая династия, правившая в Египте в 305—30 до н. э. 283
- Птолемей Клавдий (ум. ок. 168), древнегреческий астроном, географ 410
- Птолемей I Сотер, с 323 до н. э. правитель Египта, в 305—283 — царь 286
- Пуссе, фр. винодел, в 1706 г. находился на русской службе 379
- Путнам (Putnam) Джордж, ам. историк 416, 417
- Пуфендорф Самуэль (1632—1694), нем. юрист и историк 264, 271, 281, 282, 291, 298, 299, 323—325, 402—405
- Пушкин Гаврила Григорьевич, дворянин, окольничий при Лжедмитрии I 45
- Пушкин Федор Матвеевич (уб. 1697), стольник, участник заговора Цыклера и Соковина против Петра I 348
- Радищев Александр Николаевич (1749—1802), революционер, писатель и публицист 313
- Раеф (Raeff) Марк, ам. историк 198, 416, 417
- Разин Василий Степанович, сын (?) С. Т. Разина 158, 159
- Разин Степан Тимофеевич (уб. 1671), руководитель Крестьянской войны 1670—1671 гг. 8, 106, 134, 144,

- 147, 150, 156—165, 168—170, 174—194, 414
- Разин Фрол Тимофеевич (ум. в ссылке или казнен в 1676 г.), брат С. Т. Разина, руководитель одного из отрядов восставших 150, 157, 187, 194
- Раймунд V (1148—1194), гр. тулузский 306
- Ракоци Ференц (1676—1735), руководитель венгерского национально-освободительного движения 216, 240, 241, 250, 251, 253—255
- Рандольф Томас (1523—1590), англ. политический деятель, в 1568—1569 гг. посол в России, в 1573 и 1576 гг. — во Франции 329
- Ребелу, комендант, г. Торунь 243
- Рейншильд Карл Густав (1651—1722), гр., шв. фельдмаршал 362, 364, 365
- Рейсер Соломон Абрамович, сов. историк 258
- Рейтенфельс Яков, поляк, служил при дворе тосканского герцога, в 1670—1672 гг. жил в России, автор сочинения о Московском гос-ве, опубликованного в 1680 г. в Падуе 157, 181, 189, 192—194
- Ришелье Арман Жан дю Плеси (1585—1642), герцог, фр. гос. деятель, кардинал 220, 225, 321
- Роан де Аври (1579—1638), герцог, фр. политический деятель 319
- Роггер (Rogger) Ханс, ам. историк 420—422, 424
- Рогнеда (ум. 1000), дочь полоцкого князя Рогволода, первая жена киевского князя Владимира Святославича 57
- Розен фон Вальтер, руководитель одного из отрядов иностранных наемников в армии Бориса Годунова 17
- Романов Никита Иванович (ум. 1654), боярин, двоюродный дядя царя Алексея Михайловича, политический и военный деятель 117
- Романов Федор Никитич *см.* Филарет
- Романовы, в 1613—1917 гг. династия русских царей и императоров 5, 17, 24, 41, 119, 121, 122, 130, 154, 415
- Ромодановский Федор Юрьевич (ум. 1717), князь-кесарь, гос. деятель 386, 395
- Ромодановский Юрий Иванович (ум. 1683), кн., боярин, первое упоминание относится к 1648 г., в 1673—1676 гг. казанский воевода 347
- Ромул (миф.) 289
- Ртищевы 123
- Рубенс (в тексте Робенс) Петер Пауль (1577—1640), фламандский художник 212
- Рудаков А. А., сов. историк 16
- Рудольф Павел, нем. капитан на русской службе 177
- Рудольф II (1552—1612), с 1576 г. имп. Священной Римской империи 16, 64, 311
- Ружинский Иван, поляк, полуполковник солдатского строя в Астрахани 177
- Рус (миф.) 294, 301
- Рюрик (ум. 879), полулегендарный предводитель варяжской дружины 4—6, 54, 59, 70, 120, 143, 197, 406, 411, 423, 424
- Рюриковичи (Рюрики), династия русских князей и царей 4, 5, 37, 121, 122, 411
- Сабуровы, боярский род, сородичи Годуновых 41
- Савская царица (библ.) 293
- Салах-ад-дин (Саладин) Юсуф ибн Айюб (1138—1193), с 1171 г. египетский султан, основатель династии Айюбидов 306
- Салмина Марина Алексеевна, сов. литературовед 323
- Салтыков Михаил Глебович (ум. ок. 1618), боярин, служил обоим самозванцам, в 1611 г. был отправлен во главе посольства в Польшу, где и умер 13, 45
- Салтыков Федор Степанович (ум. 1715), дипломат, в 1711 г. командирован в Англию для закупки кораблей 268, 269
- Самарин Роман Михайлович, сов. литературовед 195
- Самнер (Sumner) Бенедикт Хампрей (1893—1951), англ. историк 414, 424, 425
- Самозванец *см.* Лжедмитрий I
- Самсон (библ.) 289, 316
- Сандомирский воевода *см.* Мнишек Ю.
- Сапега Ян Петр (1569—1611), польско-литовский магнат, один из активных участников польской интервенции в России в начале XVII в. 20, 25, 50, 61
- Сапеги 246
- Сапеженские *см.* Сапеги
- Саул (библ.) 262, 285

- Сафонович Феодосий, во второй пол. XVII в. игумен Михайловского монастыря, хронист, автор «Скифской истории» 262
- Сведен Иван, иностранец, выполнял ряд дипломатических поручений Москвы в 1666 г. в Пруссии и в 1659—1660 гг. — в Голландии 238
- Светоний Транквилл Гай (ок. 70 — после 122), рим. историк и писатель 286—288
- Святополк Окаянный (ок. 980—1019), с 989 г. — кн. турский, с 1015 г. — вел. кн. киевский 288
- Селим II Мест («Пьяница»; 1524—1574), с 1566 г. тур. султан 311
- Семирамида (миф.) 293
- Сенебер Филипп 241
- Сераковский Николай, польск. иезуит при Лжедмитрии I 93
- Сефи, в 1628—1641 гг. персидский шах 98
- Сигизмунд I (в тексте Жигмунт; 1361—1437), с 1411 г. имп. Священной Римской империи, с 1387 г. король Венгрии, в 1419—1421 и 1436—1437 гг. король Чехии 307
- Сигизмунд III Ваза (1566—1632), с 1587 г. польск. король и в 1592—1604 гг. (фактически до 1599 г.), шв. король 13, 25—28, 82, 85, 86, 90, 92, 95, 96
- Сикиний Дентат 289
- Симеон Бекбулатович (до крещения — Саин-Булат; ум. 1616), хан касимовский, в 1575—1576 гг. «вел. кн. всея Руси», затем «вел. кн. тверской», в 1606 г. постригся под именем Стефана 131
- Синеус (ум. 864), брат Рюрика, с 862 г. поселившийся на Белоозере 54, 120
- Скак Николай, голландец на русской службе 177
- Скалигер Жозеф (Иозефус Юстус; 1540—1609), фр. гуманист, филолог и историк 101
- Скандерберг Георг Кастриоти (ок. 1405—1468), албанский политический деятель, руководитель освободительной борьбы против турецкого владычества 308
- Скарга-Павенский Петр (1536—1612), польск. политический деятель, иезуит, ректор академии в Вильне, надворный проповедник Сигизмунда III 326
- Скопин-Шуйский Михаил Васильевич (1587—1610), кн., племянник царя В. И. Шуйского, один из руководителей борьбы против польской интервенции начала XVII в. 26, 50, 68
- Скультетус Иоахим (1595—1645), участник браденбургского посольства в Москву в XVII в. 142
- Смирнов Иван Иванович (1909—1965), сов. историк 13, 14, 21
- Смирнов Николай Александрович, сов. историк 309
- Смит Томас (ок. 1558—1625), англ. купец, член и председатель (до 1600 г.) Ост-Индской компании, автор записок о путешествии в Москву в 1604—1606 гг. 9, 70—82
- Соконин Алексей Прокофьевич (уб. 1697), окольный, казнен за участие в заговоре против Петра I 348
- Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк, с 1847 г. проф. Московского ун-та, академик 176, 294, 336, 421
- Соломон (библ.) 293
- Солон (ок. 638—ок. 559 до н. э.), политический деятель и реформатор древних Афин 285
- Софья Алексеевна (1657—1704), дочь царя Алексея Михайловича, в 1682—1689 гг. правительница Русского гос-ва при царевичах Иване и Петре 347, 353, 391
- Спаракт 301
- Страбон (ок. 63 до н. э. — ок. 20 н. э.), древнегреческий историк и географ 100, 402, 408, 410
- Страленберг Филипп Иоганн (1676—1747), шв. подполковник, в 1709—1722 гг. был в плену в России, автор исторического и географического описания восточной Европы и Азии 332
- Стратеман Вильгельм, нем. историк 1-й пол. XVII в. 263, 326
- Страффорд см. Уинтворт Т.
- Стрейс (Стрюйс) Ян (ум. 1694), первое упоминание относится к 1647 г., посещал Россию в 1668 и 1675 гг., в 1676 г. издал описания своих путешествий 8, 150, 156—160, 165—178, 181
- Стрешневы 123
- Стрыйковский Мацей (Матвей; ок. 1547—1582), польск. историк, поэт 120, 302, 303, 408, 410
- Стюарты, королевская династия, правившая в Шотландии (с 1371 г.) и в Англии (в 1603—1649, 1660—1668 и 1702—1714 гг.) 137, 139—

- 141, 188, 235—237, 295, 332, 333, 338, 340—343, 394
- Сулейман (уб. 1410), сын Баязета I, в 1402 г. провозгласил себя султаном, был свергнут и убит братом Музой 308
- Сулейман I Кануни («Великолепный»; 1495—1566), с 1520 г. тур. султан 310
- Сулла Луций Корнелий (138—78 до н. э.), полководец и гос. деятель Древнего Рима 284
- Сумкина Антонова Ивановна, сов. филолог 237
- Сутунов Богдан, дьяк при Лжедмитрии I 45
- Сфрандзи см. Георгий Сфрандзи
- Сципион Публий Корнелий Африканский Старший (ок. 232—183 до н. э.), рим. полководец и политический деятель 264
- Тамира 301
- Тантал (миф.) 292
- Тарабасова Нина Ивановна, сов. историк 237
- Татищев Василий Никитич (1686—1750), историк и гос. деятель 3, 7, 261, 269, 281, 398, 400—410, 414, 420—422, 424
- Татищев Михаил Игнатьевич (ум. 1609), думный дворянин, убит в Новгороде по подозрению в измене Василию Шуйскому 34, 86, 87
- Тацит Публий Корнелий (ок. 55 — ок. 120), древнеримский историк, оратор и политический деятель 288
- Тверегин Дмитрий Евдокимович, московский еретик, в 1714 г. отдан под гражданский суд, в 1723 г. освобожден 282
- Творогов Олег Викторович, сов. историк 318
- Телемах (миф.) 320
- Телепнев Василий Григорьевич, с 1611 г. думный дьяк Посольского приказа, затем Поместного приказа 86
- Телетин, предводитель одного из отрядов Болотникова, изменившего ему 5—7 июня 1607 г. 23
- Телятевский Андрей Андреевич (ум. 1612), кн., в 1606 г. перешел на сторону Лжедмитрия I 49
- Термунд ван Ян, медик 157, 166
- Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (между 150 и 160—222), христианский писатель 102
- Тиберий Клавдий Нерон (42 до н. э.—37 н. э.), с 14 г. рим. имп., первый из династии Юлиев — Клавдиев 286
- Тимофеев Иван (г. рожд. и см. неизв.) дьяк, историк и писатель 1-й пол. XVII в., после 1629 г. его имя в документах не встречается 44
- Тимур (Тамерлан; 1336—1405), полководец, с 1370 г. эмир 307
- Тит Флавий Веспасиан (39—81), с 79 г. рим. имп. 319
- Тиханов П. Н. 268
- Тихомиров Борис Николаевич (1897 — ?), сов. историк 156
- Тишин Иван Григорьевич, сов. историк 332
- Толстой Петр Андреевич (1645—1729), гр., гос. деятель, дипломат 202—204, 337, 393, 397
- Толстой Юрий Васильевич (1824—1878), историк, с 1866 г. обер-прокурор св. Синода 9, 195
- Томпкинс (Tompkins) Стюарт-Рамзей, ам. историк 414, 415
- Томсен, камердинер Ю. Юля 358
- Томсинский Соломон Маркович, сов. историк 237
- Торкват Луций Манлий, рим. консул 65 г. до н. э. 286
- Тоуншенд в тексте Тоузен; 1676—1738) Чарльз, англ. политический деятель, в 1715—1717 гг. первый министр 235
- Траурнихт Афанасий, полковник, в 1665 г. был послан в Англию 344, 345
- Траханиотов Петр Тихонович (уб. 1648), окольный, начальник Пушкарского приказа, убит во время т. н. «соляного бунта» 107
- Траян Марк Ульпий (53—117), с 98 г. рим. имп. 289
- Трейер Готтлиб-Самуил (1683—1743), нем. историк 407
- Троекуров Иван Федорович (ум. 1621), боярин 76
- Тромп см. Трумп К.
- Трувор (сер. IX в.), брат Рюрика, правивший в Изборске 54, 120
- Трумп в тексте Тромп; 1629—1691) Корнелиус, голл. адмирал 155
- де Ту Жак Огюст (1553—1617), фр. историк 8, 91—97
- де Ту Христофор (1508—1582), председатель парижского парламента 91
- Туманский Федор Васильевич (ум. 1805), писатель, историк, переводчик 297—299, 335

- Тышкевич Федор Александрович, вологодский воевода 154, 155
- Тышкевичи 50
- Тюдоры, в 1485—1603 гг. династия англ. королей 330
- Тюрени Анри де ла Тур д'Овернь (1611—1675), фр. маршал 155
- Уай (Wye), англ. штурман и капитан посольства Т. Смита 72
- Уилкинс Джордж (Wilkins Georges), англ. писатель, поэт 1-й пол. XVII в. 72, 76
- Уинтворт Томас, лорд Страффорд (1672—1739), англ. дипломат и политический деятель 229, 230, 235
- Укерт Фридрих-Август (1780—1851), нем. историк и географ, с 1828 г. совместно с Геерном предпринял издание «Geschichte der Europäischen Staaten» 375
- Украинцев Емельян Игнатьевич (1641—1708), думный дьяк, дипломат, в 1689—1699 гг. фактически возглавлял Посольский приказ 350
- Улисс (миф.) 290, 296, 320
- Ульярика-Элеонора (1688—1741), в 1718—1720 и 1731—1738 гг. шв. королева 232, 293
- Ус Василий Родионович (уб. 1671), донской казак, в 1666 г. возглавил движение казачьей гольтыбы, затем примкнул к С. Разину 165
- Устрялов Николай Герасимович (1805—1870), историк, академик, проф. Петербургского ун-та 13, 29, 31, 67, 83, 91, 336
- Уабер, нем. наемник, перешедший на сторону С. Разина в 1670 г. 180
- Уабриций Кай Люциниус, рим. политический деятель, первое упоминание относится к 284 г. до н. э., в 280 — участвовал в битве при Гераклее и вел переговоры с Пирром, в 278 г. — консул, в 275 — цензор 290, 292
- Уабрициус Людвиг (1648—1729), наемный офицер русской армии, автор записок о С. Разине 8, 156—167, 181, 183, 185
- Федор Алексеевич (1661—1682), с 1676 г. царь 141—143, 154, 167, 336, 381
- Федор Иванович (1557—1598), с 1584 г. царь 5, 34, 37, 41, 43, 48, 63, 89, 93, 118, 121
- Фелькен (Фальк) Ганс, литейщик из Нюрнберга, работавший в Москве 109
- Фемистокл (ок. 525 — ок. 460 до н. э.), гос. деятель и полководец Древних Афин 286
- Фенелон Франсуа де Салиньяк де ла Мот (1651—1715), фр. церковный деятель и писатель 320
- Феодосий (Федор Михайлович Яновский; 1673—1726), в 1721 — 1725 гг. архиепископ новгородский и вице-президент св. Синода, лишен сана и умер в заточении 367
- Феодосий I Великий (ок. 346—395), с 379 г. рим. папа 264
- Феодосий II (ок. 401—450), с 408 г. имп. Восточной Римской империи, до 428 г. правил под опекой своей сестры Пульхерии 321
- Фердинанд I (1503—1564), с 1556 г. имп. Священной Римской империи, с 1526 г. одновременно король Чехии и Венгрии 310, 311
- Фердинанд II Арагонский (1452—1516), исп. король, муж Изабеллы Кастильской 293
- Ферьер Клод де (1639—1715), фр. юрист, преподаватель и комментатор парижского права 314
- Фидлер Каспар, львонец из Кенигсберга, лейб-медик Бориса Годунова 91
- Фидлер Константин, автор «Похвального слова» Борису Годунову 91, 92
- Филарет (до пострижения Романов Федор Никитич; род. в 50-х годах XVI в. — умер 1633), боярин, в 1601 г. сослан и пострижен за оппозицию Борису Годунову, в 1608—1610 и с 1619 г. патриарх 24, 121
- Филипп II Македонский (ок. 382—336 до н. э.), в 359—336 гг. до н. э. царь Древней Македонии, отец Александра Македонского 286
- Филипп II Орлеанский (1674—1723), герцог, с 1715 г. регент Франции при малолетнем Людовике XV 256, 259
- Филипп V (1683—1746), с 1700 г. первый исп. король из династии Бурбонов, внук Людовика XIV 228
- Фирст Отто, секретарь имперского резидента Плейера, выслан из России в 1718 г. 395
- Фитцтум фон Экштедт Фридрих (1675—1720), в 1710—1711 гг.

- польск. посланник в России, затем министр 364
- Флерн Андре Эжюль де (1653—1743), в 1715—1723 гг. воспитатель Людовика XV, с 1726 г. кардинал и фактически первый министр 259, 399
- Флетчер Джилл (1548—1611), англ. путешественник и дипломат, автор сочинения о России 17, 56, 71, 74, 99, 145, 329, 331
- Флор Луций (или Юлий) Анней, древнеримский историк II в. н. э. 284
- Флоровский Антон Васильевич (1884—1968), историк 198
- Фока («Мучитель», г. рожд. неизв.—ум. 610), с 602 г. виз. имп. 288, 305
- Фокеродт Иоганн Готгильф, секретарь прусского посольства в России, автор записки о положении России в начале XVIII в. 332
- Франциск-Людовик Ла Рош-сюр-Йон, принц де Конти (1664—1709), в 1697 г. кандидат на польский престол 400
- Фридрих I Барбаросса (ок. 1125—1190), с 1152 г. имп. Священной Римской империи из династии Гогенштауфенов 61
- Фридрих II Великий (1712—1786), с 1740 г. прусский король 425
- Фридрих II Гогенштауфен (1194—1250), с 1212 г. имп. Священной Римской империи и одновременно сицилийский король 286
- Фридрих III (1597—1659), с 1616 г. герцог Шлезвиг-Голштейн-Готторпский 98
- Фридрих IV (1671—1730), с 1699 г. дат. король 356
- Фридрих IV (ум. 1702), с 1694 г. герцог Голштейн-Готторпский, муж Гедвиги-Софии, сестры Карла XII 232, 317
- Фридрих-Август, курфюрст саксонский см. Август II
- Фридрих-Вильгельм (1692—1711), с 1698 г. герцог курляндский, муж Анны Иоановны 367
- Фридрих-Ульрих (ум. 1634), с 1613 г. герцог брауншвейгский 14
- Хабаров Ерофей Павлович (ок. 1610 — после 1667), землепроходец 153
- Халкокондил Лаоник (Николай; ок. 1450—г. см. неизв.), виз. политический деятель, историк 309
- Хеддон Джон, англ. резидент в Голландии, в 1667—1677 гг. — в России 127, 141, 147, 188, 333, 341
- Хеддон Томас (Фома), брат Д. Хеддона 147, 157, 181, 188—190
- Хилков Андрей Яковлевич (1676—1718), кн., дипломат, в 1700 г. был послан резидентом в Швецию, но в начале войны взят в плен, где и умер 294
- Хитрово 123
- Хованский Иван Андреевич («Тараруй»; ум. 1682), кн., боярин, первое упоминание относится к 1636 г. руководитель Стрелецкого приказа 152, 154
- Хозрой (Хосров) I (531—579), племянник Кавада, был им усыновлен, затем персидский царь 286
- Хоментовский Станислав, мазовецкий воевода 245
- Хорив, брат Кня, один из основателей Киева, князь славянского племени полян 120
- Христина-Августа (1626—1689), шв. королева 293
- Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.), рим. политический деятель 283, 286, 290, 319
- Цейллер Мартин (1589—1661), нем. географ 103
- Церц фон Георг Гендрик 317
- Цицерон Марк Тулий (106—43 до н. э.), оратор, адвокат, писатель, политический деятель Древнего Рима 261, 288
- Цыклер Иван Елисеевич (ум. 1697), думный дворянин, полковник стрелецкого Стремянного полка, казнен за организацию заговора 348
- Ченслер Ричард (г. рожд. неизв.—ум. 1556), англ. мореплаватель, с 1553 г. неоднократно бывал в России 56, 144, 329
- Черкасский Григорий Сенчулеевич (ум. 1673), кн., боярин 144
- Чернявский Майкл (Михаил Осипович), ам. историк 417
- Чистякова Елена Владимировна, сов. историк 302, 309, 414
- Чучмарев Владимир Иванович, сов. историк 265
- Шаркова Ирина Сергеевна, сов. историк 206, 207
- Шаум Матвей, нем. наемник, до 1613 г. служил в шведских войсках, в 1614 г. выпустил книгу о

- событиях польско-шведской интервенции в России 330
- Шафиров Петр Павлович (1669—1739), дипломат, сподвижник Петра I 7, 269—274, 294—296, 367, 376, 377, 393
- Шаховской Григорий Петрович, за службу Лжедмитрию I был сослан воеводою в Путивль, участник второго ополчения 22, 23
- Шейн Алексей Семенович (1662—1700), боярин, руководил разгромом выступления стрельцов в 1698 г. 348, 353
- Шейн Михаил Борисович (ум. 1634), боярин, воевода 79
- Шелудяк Федор Иванович (уб. 1672), один из руководителей повстанцев в армии С. Разина в Астрахани 165, 166
- Шемякин Алексей Николаевич (1817—1887), историк, переводчик 56, 67
- Шенстром, шв. полковник, находившийся в русском плену 390
- Шепелев Аггей, полковник стрелцкого войска 346
- Шереметев Борис Петрович (1652—1719), гр., генерал-фельдмаршал 202, 204, 205, 351
- Шереметевы 351
- Шетарди Жак Иоахим Тротти, маркиз де ла (1705—1758), фр. дипломат, посол в России, финансировал дворцовый переворот 1741 г. 399
- Шиллинг Венидикт, пленный шв. поручик, с 1702 г. переводчик Посольского приказа, последнее упоминание относится к 1720 г. 168, 301
- Шлецер Август Людвиг (1735—1809), нем. историк, в 1761—1767 гг. работал в России, с 1769 г. проф. истории, статистики и политики Геттингенского ун-та 422
- Шлик (Schlik), австр. генерал 252
- Шмидт Иоахим (уб. 1609), нем. купец, в 1609 г. поставлен поляками ярославским воеводою 26
- Шомер Петр Андрей, шв. математик, участник посольства Олеария 100
- Штейнбок (или Стейнбок) Магнус (1665—1717), шв. фельдмаршал 236, 242, 243
- Штриттер Иоганн Готгильф (1740—1801), нем. историк, служил в России в петербургском и московском архивах Коллегии иностранных дел 336
- Шуйский Василий Иванович (1552—1612), в 1606—1610 гг. царь 12, 13, 15, 19, 22—24, 26, 34, 35, 38, 46, 48—50, 66—68, 70, 82, 84, 85, 87—90, 95, 96, 143
- Шуйский Дмитрий Иванович (ум. 1613), кн., брат царя, воевода 84, 90
- Щек, брат Кня, князь славянского племени полян 120
- Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790), кн., историк, экономист и публицист 271, 282, 397, 398, 422
- Щербачев Юрий Николаевич (1851—?), историк 356
- Элеонора см. Ульрика-Элеонора
- Энгельс Фридрих (1820—1895) 269, 312, 313
- Эразм Роттердамский (лит. псевд. Герхарда Герхардса; 1465 или 1466—1536), гуманист эпохи Возрождения 328
- Эребо Расмус (1685—1744), секретарь датского посланника Юста Юля 356, 358, 359, 367, 368
- Эреншильд (в тексте Ереншильд; 1674—1728), шв. адмирал, в 1714—1721 гг. находился в русском плену, где в 1716 г. получил звание вице-адмирала 389
- Эсе Тамаш (1666—1708), дворянин, руководитель повстанцев в армии Ракоци 251
- Юдинцева А. А., сов. историк 213
- Юлиан Отступник, Флавий Клавдий Юлиан (331—363), с 361 г. рим. имп. 410
- Юль Юст (1664—1715), дат. дипломат, в 1709—1711 гг. посланник в России 332, 356—369
- Юрченко Петр Осипович, историк и переводчик 168
- Юстиниан I (483—565), с 527 г. виз. имп. 285, 286
- Юстиниан II Ринотмет (ок. 670—711), в 685—695 и с 705 г. виз. имп. 288
- Яворский Стефан (до пострижения Семен; 1658—1722), церковный деятель, не выступая открыто против Петра I, он тяготел к его противникам, с 1721 г. президент св. Синода 367
- Яков I (1566—1625), с 1603 г. англ. король из династии Стюартов,

- с 1567 г. король Шотландии Яков IV 9, 70, 71
Яков II (1633—1701), в 1685—1688 гг. англ. король 341—343
Яков III (1688—1766), сын Якова II, претендовал на англ. престол 235
Яковлев Корнила (Корней), атаман Войска Донского 187, 188
Янков Александр, болг. историк 198
Янус (миф.) 401
- Barker Arthur Edward, ам. историк 195
Blanc S., фр. историк 401
Borghese Daria, ит. историк 213
Buck Hans—Robert, нем. историк (ФРГ) 198
- Callimachi Scarlat, рум. историк 267
Cawley Robert Ralston, ам. историк 196
Cracraft James, англ. историк 198
- Fletcher Harris Francis, ам. историк 195
- Grey Ian, англ. историк 198
Grönebaum F., нем. историк (ФРГ) 198
- Härtel H.-J., нем. историк (ФРГ) 281
Herrmann E. *см.* Герман Э. -А.
Hutchinson Francis Ernest, ам. историк 195
Hoffman P., нем. историк (ГДР) 413
- Kasinec E., ам. историк 413
Kellenbenz Hermann, нем. историк (ФРГ) 198
Kinser S., англ. историк 91
- Lemercier-Quelquejau Chantal, фр. историк 198
Lisk Jill, ам. историк 198
Liversidge Douglas, ам. историк 198
Lyseck Ad. *см.* Лисек Адольф
- Mediger Walther, нем. историк (ФРГ) 198
Mende Ursula, нем. историк (ФРГ) 13
- Nolfe D.-M., англ. историк 195
- Orbec Marcel, фр. историк 272
- Panaitescu Petre, рум. историк 267
- Sofi *см.* Сефи
- Venturi Franco, ит. историк 261
- Wickhart C.-Val. 142
Wichmann B.-H. *см.* Вихман Б.-Г.
Wittram Reinhard, нем. историк (ФРГ) 198
- Zernack Klauss, нем. историк (ФРГ) 198

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая	
СКАЗАНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О РОССИИ В ПЕРИОД КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НАЧАЛА XVII в.	9
1. Конрад Буссов. «Московская хроника» (1612 г.)	13
Историческая концепция Конрада Буссова	14
Трагедия Бориса Годунова	16
Обреченность Лжедмитрия I	18
Иван Болотников	21
Интервенты на русской земле	24
2. Жак Маржерет. «Состояние Российской державы в начале XVII в.» (1607 г.)	28
3. Исаак Масса. «Краткое известие о Московии в начале XVII в.» (1610—1611 гг.)	35
Мировоззрение купца начала XVII в.	36
Почему и как началась «самая удивительная гражданская война»?	39
Перевороты. Кровавая свадьба	44
Трагедия народа	48
Россия, Англия и Голландия	51
4. Петр Петрей. «Московская хроника» (1615 г.)	54
Русская история и ее источники по Петрею	54
Взгляды Петрея на Крестьянскую войну и военную интервенцию в России	62
5. «Сэра Томаса Смита путешествие» (1605 г.)	70
6. Ганс-Георг Паэрле. «Описание путешествия из Кракова в Москву» (1610 г.)	82
7. Жак-Огюст де Ту. Повествование о Лжедмитрии I	91

Глава вторая

СКАЗАНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О РОССИИ XVII в.	98
1. Адам Олеарий. «Описание нового пути на Восток» (1646 г.)	98
Олеарий — ученый	99
Предвзятость и действительность	104
Ремесло и торговля в России	108
Административное устройство	110
Россия на международной арене	112
Россия и Запад	116
Олеарий и русская история	117
2. Августин Мейерберг. «Путешествие в Московию» (1664 г.)	118
3. Самуил Коллинз. «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне» (1667 г.)	127
4. «Реляция» посольства Карла-Говарда Карлейля (1663—1664 гг.)	136
5. «Путешествия Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу» (1677 г.)	141
6. Свидетельства иностранцев о восстании Степана Разина	156
Записки Людвиг Фабрициуса (1671 г.)	157
Ганс Стрыйс. «Путешествие в Московию, Татарию, Ост-Индию» (1677 г.). Письмо капитана Давида Бутлера	167
«Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным» (1671 г.)	180
«Письмо Томаса Хебдона Ричарду Даниэлю (6 июня 1671 г.)	188
Что видел Балтазар Койэтт? (1677 г.)	190
Свидетельство Якова Рейтенфельса (1680 г.)	192
7. Джон Мильтон. «Московия» (1682 г.)	195

Глава третья

НАКОПЛЕНИЕ ЗНАНИЙ О ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ГОДЫ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	198
1. Петровские дипломаты о Западе. П. А. Толстой, Б. П. Шереметев	202
2. А. А. Матвеев и его сочинения о западноевропейских государствах	205
3. Б. И. Куракин	212
Папство и петровская Россия в оценке Куракина	213
Куракин в Ганновере	214
Международный аспект Северной войны и Войны за испанское наследство	215
Куракин и Утрехтский мир	223
Утрехтский мир и судьбы Северной войны	229
4. Петровские «Ведомости»	237
«Ведомости» о Северной войне	242
«Ведомости» и Война за испанское наследство	246
«Ведомости» и венгерская освободительная война 1703—1711 гг.	250
5. Публицистика по международным вопросам	255

Глава четвертая	
ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ	260
1. Историческая теория	260
2. Северная война — главная тема современности	267
3. «Рассуждение» П. П. Шафирова	270
4. Летописец 1710 года	274
5. Западная тема в исторических трудах	275
Б. И. Куракин как историк	275
Западноевропейская история в сочинениях Феофана Прокоповича	281
«Ядро Российской истории» и события на Западе	294
«Журнал государя Петра I с 1695 по 1710 г.» Генриха Гюйсена	296
6. «Скифская история» А. И. Лызлова	302
Наступление татар и арабов на Западную Европу	303
Борьба Западной Европы с турками	305
7. Переводная историческая литература	312
Переводы литературы о современности	314
Интерес к событиям мировой истории	318
Сочинения по истории Западной Европы	321
 Глава пятая	
НОВЫЙ ЭТАП В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О РОССИИ	329
1. Дневник Патрика Гордона (1661—1699 гг.)	332
2. Иоганн-Георг Корб. «Дневник путешествия в Московию» (1700 г.)	349
3. Юст Юль. «Дневник» (1712 г.)	356
4. Джон Перри. «Повествование о России, в особенности касательно замечательных дел нынешнего царя» (1716 г.)	369
5. Фридрих-Христиан Вебер. «Преображенная Россия» (1721 г.)	373
О втором и третьем томах «Преображенной России»	393
Дипломатические донесения Ф.-Х. Вебера	394
 Глава шестая	
РОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ	396
1. Особенности политического и национального развития России в послепетровский период	396
2. В. Н. Татищев и западноевропейская история	400
Концепция мировой истории Татищева	403
Татищев и античные писатели	407
 ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	412
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	429

*Михаил Антонович
Алпатов*

РУССКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА
XVII — первая четверть XVIII века

*Утверждено к печати
Институтом истории АН СССР*

*Редактор издательства М. М. Медведев
Художник В. К. Бисенгалиев
Технический редактор Р. М. Денисова
Корректоры Ф. А. Дебабов, И. С. Шабалин*

*Сдано в набор 25/VII 1975 г.
Подписано к печати 19/XII 1975 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 1.
Усл. печ. л. 28,5. Уч.-изд. л. 32,8.
Тираж 6300 экз. Т-18387. Тип. зак. 2716.
Цена 2 р. 30 к.*

*Издательство «Наука». 103717 ГСП,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10*

2 р. 80 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛЕНИНГРАД»

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МУЗЕЯ
И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА